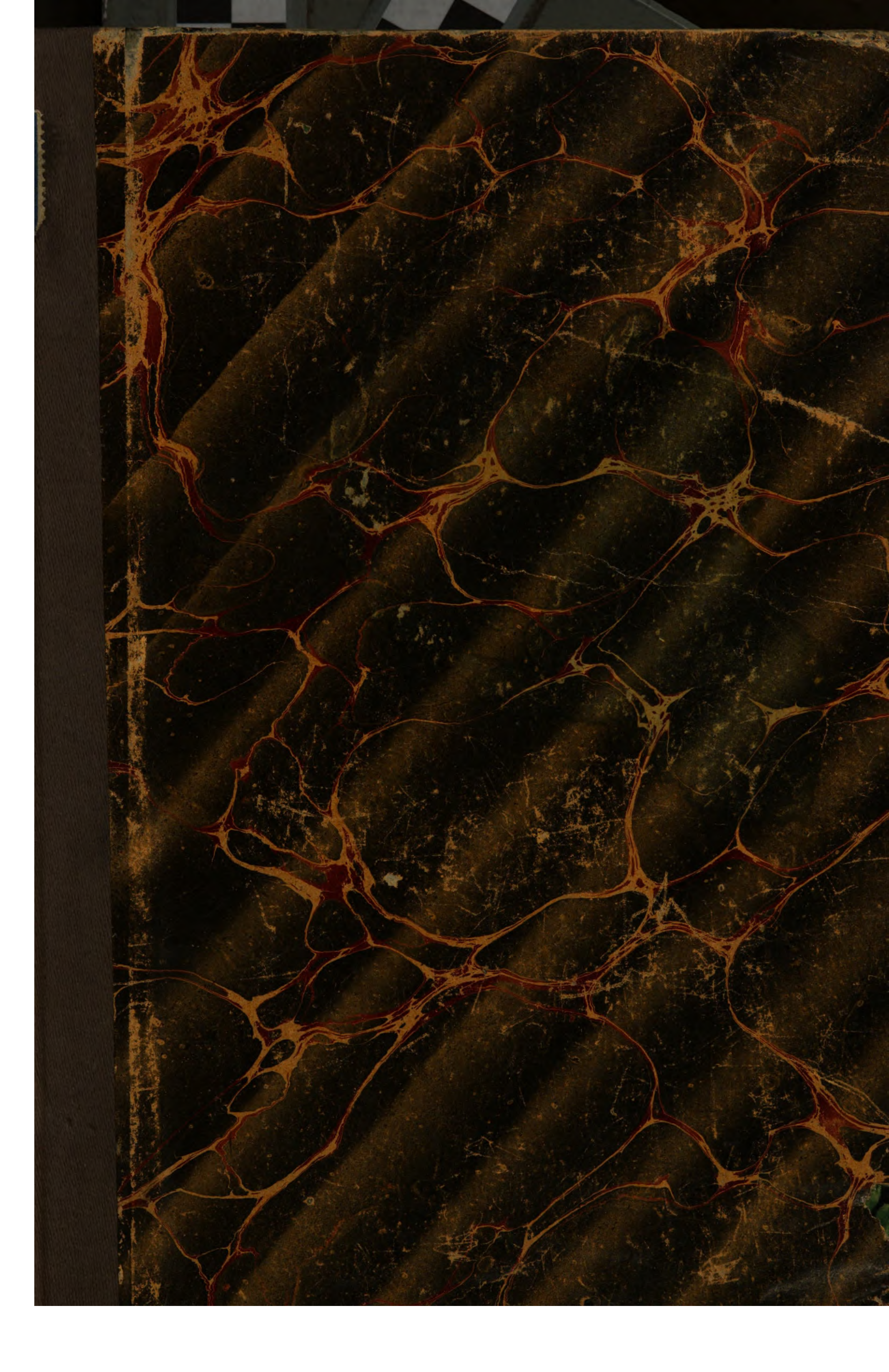
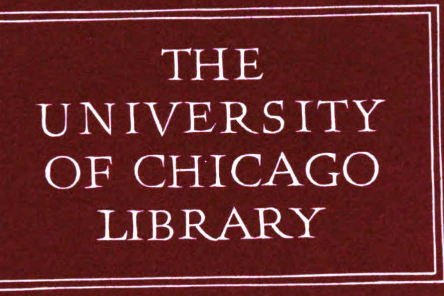




№ 28

ОКТЯБРЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

Открыта подписка на 1909 годъ

(XVII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый **Вл. Гал. КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—**9** р.; на 6 мѣс.—**4** р. **50** к.; на 4 мѣс.—**3** р.; на 1 мѣс.—**75** к.

Безъ доставки: на годъ—**8** р.; на 6 мѣс.—**4** р.

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1** р. **10** к.

За границу: на годъ—**12** р.; на 6 мѣс.—**6** р.; на 1 мѣс.—**1** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул., 9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор., д. Гагарина.*

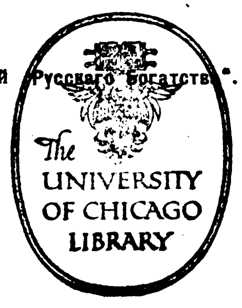
Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул., д. № 25.*

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

---

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".



СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ПРОСТУПОКЪ.

Повѣсть.

I.

Они жили, не возбуждая ни малѣйшихъ подозрѣній, уже два съ половиной мѣсяца на своей уединенной дачѣ, одиноко возвышавшейся среди пустырей, возлѣ самаго моря.

Осокинъ выдавалъ себя за московскаго журналиста, пріѣхавшаго сюда отдохнуть и поработать въ глуши, внѣ развлекающей сутолки столицы. Елена Павловна съ ея красивымъ и насмѣшливо-капризнымъ лицомъ избалованнаго ребенка, съ ея манерой одѣваться, подбирать чуть слышно шуршащее платье ловкимъ и элегантно изысканнымъ движеніемъ являлась въ глазахъ мѣстныхъ обывателей представительницей „настоящихъ столичныхъ дамъ“ и возбуждала всеобщее восхищеніе.

Но этотъ ансамбль нѣсколько портила ихъ горничная Яся. У нея было большое, смуглое лицо, нескладный носъ, вѣчно сжатыя скорбныя губы, которыя, казалось, совсѣмъ не умѣли улыбаться, и чудные сіяющіе глаза, полуприкрытые отъ тяжести длинныхъ рѣсницъ, похожихъ на только что выкрашенныя въ черную краску, прямыя и тонкія стрѣлы.

Одѣвалась она съ какой то строгой и расхолаживающей простотой, никогда не вертѣлась за воротами дачи въ ожиданіи кавалеровъ, а когда ходила въ городъ на базаръ, то всегда спѣшила поскорѣе вернуться обратно, упорно не поднимая глазъ и не отвѣчая на подмигиваніе мѣстныхъ ухажевателей-сердцеѣдовъ.

Даже извѣстный острякъ и донжуанъ, Никифоръ, лакей изъ гостиницы Монрепо, не сумѣлъ добиться благосклонности неприступной Яси. Въ отвѣтъ на его игривыя шутки имѣвшія такой колоссальный успѣхъ среди мѣстныхъ горничныхъ и кухарокъ, она молча отворачивалась и проходила.

Однажды она остановилась и сказала ему: „оставьте меня, пожалуйста!“ — съ такимъ выраженіемъ враждебности въ тонѣ, что Никифоръ растерялся и сразу отсталъ.

— Ловко она тебя!..—замѣтилъ ему наблюдавшій эту сцену лавочникъ Гавриловъ.

— Н-да... недотрога, прынцесса!.. Да мнѣ наплевать... Другихъ нешто нѣтъ?... Ихней сестры сколько хошь: до Москвы не перевѣшаешь!..—Но въ душѣ Никифоръ былъ все же глубоко уязвленъ и, главное, никакъ не могъ понять причины своего необычнаго пораженія.

Въ общемъ, никому изъ жителей N. не приходило въ голову, что снявшій эту одинокую и зимой обыкновенно пустовавшую дачу столичный писатель есть не кто иной, какъ хозяинъ тайной типографіи Осокинъ, извѣстный революціонеръ, разыскиваемый полиціею во многихъ городахъ, что Елена Павловна—жена его лишь для отвода глазъ, а Яся—еврейка, дочь богатыхъ коммерсантовъ изъ Западнаго края, которая бросила своихъ родныхъ, порвала всѣ связи съ семьей и очутилась въ самой гущѣ революціоннаго водоворота.

Образъ жизни всѣхъ троихъ былъ тихій и скромный. Осокинъ, подъ предлогомъ большой статьи, которую ему нужно было обработать, по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ комнаты. Елена Павловна и Яся тоже сидѣли дома.

Сперва хозяинъ дачи, коренастый и весь заросшій смолисто-черными волосами дьяконъ изъ грузинъ, удивлялся такому странному времяпровожденью.

— Что же вы, Николай Егорычъ, никуда гулять не ходите?.. Нехорошо въ такую погоду дома сидѣть... Сегодня музыка на бульварѣ. И женѣ вашей скучно: все одни, да одни... Въ городѣ, можетъ, съ кѣмъ-нибудь знакомство сведете: есть семьи весьма почтенныя.

Но потомъ онъ постепенно привыкъ. Только жена его, бывшая когда-то красавицей, а теперь уже расплывшаяся и вѣчно беременная грузинка, все еще искренно жалѣла Елену Павловну.

— Бѣдная!.. Ахъ, бѣдная!..—говорила она своему мужу, причмокивая губами и скорбно покачивая головой.—Такая красивая, молодая... а онъ все дома сидитъ. Дѣтей нѣтъ; поди—съ деньгами, чего бы еще?.. Веселились бы да по гостямъ ходили—нѣтъ: самъ запрется и ея никуда не пускаетъ. Такъ жаль мнѣ ее, такъ жаль...

Въ концѣ концовъ, супруги рѣшили, что Осокинъ—эгоистъ, а Елена Павловна принадлежитъ къ числу тѣхъ женъ, которыя изъ любви къ своимъ мужьямъ не желаютъ безъ нихъ никуда показываться.

Такъ съ внѣшней стороны проходила ихъ жизнь въ глазахъ хозяевъ и прочихъ обывателей этого маленькаго, затерявшагося между горъ курорта.

Большой губернскій городъ былъ отсюда довольно далеко. Раза два въ мѣсяцъ пріѣзжалъ оттуда на дачу, подъ видомъ брата Елены Павловны, одинъ изъ членовъ тамошней организаціи, извѣстный подъ именемъ „Сергѣя". Онъ гостилъ у нихъ дня два-три, чтобы не возбуждать у дьякона подозрѣній, и затѣмъ уѣзжалъ, увозя съ собой напечатанныя уже прокламаціи и брошюры.

Настоящее имя его зналъ только одинъ Осокинъ; для Елены Павловны и Яси онъ былъ лишь „товарищъ Сергѣй", лицо невѣдомое, таинственное, служившее для нихъ единственной связью со всѣмъ остальнымъ міромъ.

Сергѣй являлся, вносилъ оживленіе въ ихъ замкнутое, монотонное существованіе, разсказывалъ партійныя новости, игралъ на гитарѣ, болталъ съ дьякономъ и его женой, гулялъ по берегу моря съ Еленой Павловной, и когда уѣзжалъ обратно, то всѣ невольно чувствовали, какъ замѣтно его отсутствіе на дачѣ.

Даже Яся—и та смѣялась, слушая его жизнерадостную болтовню, а послѣ отъѣзда его иногда замѣчала Еленѣ Павловнѣ:

— Вотъ и опять мы одни. Снова скучно!..

Обыкновенно Елена Павловна усмѣхалась ей въ отвѣтъ, а Осокинъ угрюмо ворчалъ:

— Ну-съ... Нагулялись достаточно. По мѣстамъ пожалуйте!..—Упорная, утомительная работа закипала съ прежнимъ ожесточеніемъ.

Осокинъ былъ „техникомъ" по призванію. Онъ любилъ свое дѣло, какъ нѣчто живое, одушевленное, относился къ принятымъ на себя обязанностямъ съ методичностью, не допускающей никакихъ послабленій, и требовалъ точно того же отъ тѣхъ, кому приходилось работать подъ его руководствомъ. Печатанье шло блестяще. Сергѣй едва успѣвалъ увозить выполняемые Осокинымъ заказы. Иногда ихъ оканчивали задолго до срока. Тогда всѣ трое отдыхали, читали вслухъ, разговаривали, гуляли, но большею частью по вечерамъ, чтобы кто-нибудь посторонній не замѣтилъ Ясю, слишкомъ ужъ „демократически" держащую себя съ „столичными господами".

Хозяева, тѣ ужъ привыкли, что Елена Павловна сажаетъ съ собой горничную за столъ.

— И хорошо же живется тебѣ,—какъ-то разъ замѣтила хозяйка Ясѣ:—я еще такихъ добрыхъ господъ никогда не видывала.

— И я тоже не видывала,—возразила Яся.—Это ужъ такое мнѣ счастье Богъ послалъ!..

Но обыкновенно Яся уклонялась отъ подобныхъ рискованныхъ разговоровъ. Хозяева, съ своей стороны, знали, что она многословіемъ не отличается, и разспрашивали ее очень рѣдко.

Съ Еленой Павловной Осокина свелъ случай. Послѣ счастливо удавшагося побѣга на ходу поѣзда изъ окна, онъ снова явился въ родной городъ и предложилъ свои услуги комитету. Но оставаться тамъ было уже невозможно. Всѣ мѣстные сыщики знали его въ лицо, и фотографіи его имѣлись въ каждомъ полицейскомъ участкѣ.

Однако же, отъ поѣздки за-границу Осокинъ рѣшительно отказался. Онъ зналъ, что по случаю недавнихъ „проваловъ" въ хорошихъ техникахъ ощущается особенный недостатокъ, и потому не чувствовалъ себя въ правѣ сидѣть, сложа руки, за тридевять земель, когда его присутствіе могло здѣсь быть полезно. Вынужденное бездѣйствіе уже начинало его тяготить.

Какъ разъ въ это время на югѣ налаживалось одно крупное дѣло. Между прочимъ, предполагалось устроить тайную типографію. Осокинъ съ радостью ухватился за возможность одновременно и освободиться отъ мытарствъ, неизбѣжно связанныхъ съ нелегальнымъ положеніемъ, и снова приняться за прерванную работу.

Въ типографіи должны были жить трое: мужъ, жена и горничная. Мужа изображалъ изъ себя Осокинъ, горничная уже имѣлась на мѣстѣ, остановка была только за „женой".

Наконецъ, послѣ долгихъ и тщательныхъ поисковъ, выборъ комитетчика остановился на Еленѣ Павловнѣ Ростовской. Она была дочь отставного генерала и работала въ партіи уже около полуторыхъ лѣтъ.

Когда получили ея согласіе, то ее познакомили съ Осокинымъ, и они вмѣстѣ отправились на югъ, по дорогѣ разыгрывая изъ себя путешествующую супружескую пару.

По пріѣздѣ всѣ трое поселились на заранѣе уже облюбованной дачѣ. Время стало тянуться въ душной комнатѣ за работой. Южныя краски, солнце, море,—все это было теперь не для нихъ, и всѣмъ этимъ пользоваться они не успѣвали. Свободныя минуты выпадали такъ рѣдко.

Однообразно проходилъ рядъ нескончаемыхъ дней: вокругъ все тѣ же безмолвныя, скучныя стѣны. Море сверкаетъ въ отворенное окно. Слышенъ запахъ типографской краски. Привычные пальцы тихо движутся отъ наборной кассы къ гранкамъ и обратно. Свинцовыя колонны выстраиваются и растутъ; чужія мысли начинаютъ оживать въ нихъ

изъ своего недавняго оцѣпенѣнія. Онѣ уже волнуются, спѣшатъ куда-то, горятъ надеждой, зовутъ за собой, обѣщаютъ людямъ новое, яркое счастье... Но для тѣхъ, кто вдохнулъ въ нихъ жизнь, ничего нѣтъ свѣтлаго впереди: тамъ лишь тюрьма или смерть, или, можетъ быть, просто молчаливое забвенье...

Катится все дальше и дальше сѣрый клубокъ времени, разматывая свои тянущіяся нити. Безцвѣтная сѣть плетется изъ нихъ, и въ этой сѣти запутались три маленькихъ человѣческихъ существованія.

Они отрѣзаны сейчасъ отъ міра глухой стѣной. Конспиративная тайна встала между людьми и ими. Все личное: привязанности, ожиданія—все исчезло за этой гранью, отдѣляющей настоящее отъ того, что уже было и больше не вернется. Гдѣ-то кипитъ борьба, порой до нихъ долетаютъ отдѣльные всплески стремительно мчащагося жизненнаго потока,—но самъ онъ отъ нихъ сейчасъ далекъ: покупаемыя въ мѣстечкѣ газеты, иногда разсказы Сергѣя, да еще злободневныя брошюры, которыя приходится просматривать передъ наборомъ, — вотъ и все, что даетъ понятіе о происходящемъ за стѣнами дачи. Изъ „конспираціи", они не могутъ имѣть ни съ кѣмъ никакихъ сношеній, они должны ютиться лишь въ своемъ ограниченномъ кругу „изъ трехъ", но за то у нихъ есть одно утѣшеніе: они знаютъ, что въ своей скромной роли посредниковъ между людьми и свободнымъ словомъ они служатъ тому же дѣлу, съ которымъ смыслъ ихъ существованія связанъ незыблемо и неразрывно. Это сознаніе даетъ бодрость и силу, но оно все же не дѣлаетъ менѣе скучными тоскливо исчезающіе дни...

Такъ проходила ихъ жизнь, вдали отъ людей, на самомъ берегу вѣчно шумящаго моря...

II.

— Ну... на сегодня, пожалуй, и довольно!..—Осокинъ, потягиваясь, поднялся изъ-за стола.—Спину всю разломило, какъ не знаю у кого!.. Пойду руки мыть... А вы что же, Елена Павловна?..

— Я сейчасъ... Мнѣ только всего одна строчка осталась... И у меня тоже уже въ глазахъ рябитъ...

— Да... Здорово зрѣніе портится... Говорятъ, что и чахотку отъ этого наживаютъ... Цѣлый день въ согнутомъ положеніи... А, между прочимъ: давайте я сейчасъ докончу за васъ?..

— Ну, съ какой же это стати?.. Я сама развѣ не умѣю...

— Я совсѣмъ не потому... Я...

— Оставьте лучше краснорѣчіе и уберите кассу въ ящикъ. Мы вечеромъ будемъ у васъ сидѣть...

— Вотъ это хорошо. Посумерничаемъ, значитъ... Вы намъ споете?..

— Будетъ зависѣть отъ настроенія...

— Опять настроеніе!.. Неужели вы безъ этой штуки никогда не можете обойтись?..

— Отлично могу, но предпочитаю не обходиться... Ну, вотъ я васъ и догнала сейчасъ... Что вы на это скажете?

— Скажу, что вы дѣлаете колоссальные успѣхи. Я даже не ожидалъ...

— „Не ожидали?..“ Merçi... Вы думали, что я уже ни на что не гожусь?..

— Нѣтъ... Собственно говоря, я не то хотѣлъ сказать... Не такъ, т. е., выразился... Но когда насъ познакомили, вы мнѣ показались не совсѣмъ подходящей...

— Это почему же такъ?..

— Какъ вамъ сказать... Съ одной стороны, вы никогда еще не работали по типографской части... Съ другой... Ну, словомъ, я сначала вообразилъ было, что мнѣ съ вами мука-мученическая будетъ!.. Ей-Богу... Я, вообще, съ дамскимъ поломъ возиться не люблю...

— Осокинъ, вы сегодня невозможны!.. Кончится тѣмъ, что я должна буду заступиться за „дамскій полъ“, какъ вы презрительно изволите выражаться...

— Я не презрительно... Я по опыту...

— Скажите, какой опытный!.. Чѣмъ же мы, бѣдныя, вамъ насолили?

— Я вамъ скажу серьезно... Я, конечно, только не имѣю въ виду васъ — вы совсѣмъ особенная... вы на остальныхъ не похожи... Но, ей-Богу же, всѣ „товарищи - женщины“ удивительно неаккуратный народъ!.. Скажешь ей придти въ такое-то мѣсто—обязательно перепутаетъ адресъ... Попросишь нужную вещь принести—забудетъ!.. И такъ безъ конца... Кромѣ васъ я, покамѣсть, не знаю другого примѣра...

— Очень рада, если дѣйствительно заслужила этотъ комплиментъ. Въ устахъ такого женоненавистника, какъ вы, онъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность...

— Я совсѣмъ не женоненавистникъ... Я только вообще...

— Позвольте, я вамъ помогу... Касса вѣдь тяжелая, вамъ одному трудно...

— Спасибо... Ну, вотъ, видите: вы и сильная къ тому-же...

— Словомъ: „тетка за дядьку“, какъ у насъ говорятъ!.. Не дядя, а почти что человѣкъ...

— Не смѣйтесь... Не всякая можетъ поднять такую тяжесть. Посчитайте: сколько здѣсь свинцу... Шрифтъ—вѣдь онъ вѣситъ!..

— Ну, теперь хоть гостей принимай... Слѣдовъ „преступленія“ не осталось!..

— Я, вотъ, только рукъ все никакъ не могу отмыть... Удивительно ѣдучая краска. Вчера дьяконъ спрашиваетъ: „А вы все пишете, Николай Егорычъ?..“ — „Все пишу — говорю...“ — „Какія, говоритъ, у васъ чернила ядовитыя... Должно быть, очень неудобныя перья...“—„Да... неудобныя“... Однако, что же мы здѣсь стоимъ?.. Пойдемте къ Ясѣ...

Они вышли въ сосѣднюю комнату.

Послѣ ужина опять собрались у Осокина. Въ раскрытую дверь была видна темная ночь и сверкающая среди нея серебряная полоска моря. Молодой мѣсяцъ ясно вырисовывался на пустынномъ небѣ. Теплые порывы вѣтра врывались въ комнату вмѣстѣ съ шорохомъ волнъ. Всѣ трое довольно долго молчали.

— Что за ночь... Взгляни!..—

— вполголоса начала вдругъ Елена Павловна.

Блескъ и ароматы...
Вся душа объята
Жаждою любви...

— Да нѣтъ!.. Ну ее!.. — неожиданно оборвала она,—не стоитъ!..

— Елена, что это такое?.. — спросила Яся.—Знакомое что-то.

— Испанская серенада.

— Красивая вещь... Спойте полнымъ голосомъ!

— Да, да... спойте!.. — присоединился изъ своего угла Осокинъ.

— Не хочется мнѣ... Ей-Богу, лучше и не просите...

— А... теперь я вспомнила!.. Вы это пѣли, когда здѣсь въ послѣдній разъ былъ Сергѣй... Вы тогда стояли на балконѣ, а мы отсюда слушали васъ... Какой у васъ чудный голосъ, Елена!..

— Право, спойте, Елена Павловна!.. Такъ хорошо думается, когда вы поете...

— Господа, да не въ настроеньи же я... Не выйдетъ ничего... Вы же знаете, что я никогда не ломаюсь...

— Опять это „настроеніе“?.. Вотъ вѣдь какой у васъ есть хозяинъ и господинъ...

— Бросьте, Осокинъ!.. Мнѣ что-то тоскливо сегодня... Какъ странно мы здѣсь живемъ: совсѣмъ одни... Отъ всего міра гдѣ-то далеко, далеко... словно на необитаемомъ островѣ... А всюду жизнь идетъ... Люди борются, гибнутъ— мы же сидимъ взаперти и, какъ будто, никакого участія во всемъ этомъ не принимаемъ... Даже обидно: точно отрѣзанные ломти...

— Это совсѣмъ не вѣрно. Мы здѣсь свое дѣло дѣлаемъ—другіе тамъ... Обыкновеннѣйшее раздѣленіе труда...

— Да это все такъ... Я и не спорю... Только, ей-Богу, я къ машинному производству не чувствую расположенія. Бездушное что-то въ немъ. Тысячи винтиковъ, каждый винтикъ въ свою сторону вертится, и все такъ хорошо въ общемъ выходитъ... Послѣдовательно, логично... Только все же душа къ этому не лежитъ!.. Мнѣ бы вездѣ хотѣлось... и тутъ, и тамъ... всюду, гдѣ борьба... Ѣздить бы, новыхъ людей видѣть, новыя мѣста... убѣждать, доказывать... а я тутъ, какъ приклеенная, на дачѣ сижу... Но я, конечно, не жалуюсь ни на что и твердо памятую: взялся за гужъ...

— А скажите, Елена,—спросила Яся,—если бы не нужно было вамъ работать, если бы вы могли жить только личной жизнью, что бы вы стали дѣлать сейчасъ?..

— Что дѣлать?..—задумчиво повторила дѣвушка:—Конечно, я бы тогда на сцену пошла... Вы только подумайте, какъ это красиво: кругомъ толпа, всѣ ждутъ, и вы передъ ними одна... Въ вашей власти помочь всѣмъ этимъ чужимъ и далекимъ другъ другу людямъ на мгновенье стать близкими въ общемъ порывѣ... Вы можете своимъ пѣніемъ или игрой своей заставить ихъ вспомнить то, что, казалось бы, уже безвозвратно похоронено на днѣ души, можете воскресить все это съ новой, имъ самимъ еще невѣдомой силой... Я помню: одного скрипача извѣстнаго слушала я, какъ онъ мазурку Венявскаго игралъ,—такъ знаете, я въ ту ночь, какъ пришла домой, заснуть даже не могла!.. Все мое дѣтство такъ и стояло у меня передъ глазами... ярко такъ, отчетливо, точно я снова переживала его... И увидѣла я, какая раньше хорошая была и какъ теперь въ худую сторону перемѣнилась... Все темное, ненужное всплыло вдругъ предо мной, и было такъ больно, что жизнь уже незамѣтно успѣла вытравить изъ меня мое прежнее чистое и святое... А такіе моменты не проходятъ зря... Послѣ нихъ все же стараешься быть хоть немного лучше...

— Почему же вы тогда не пошли на сцену?.. Вы могли бы и на сценѣ быть полезной!..

— Ахъ, Яся!.. У васъ только польза всегда на умѣ... А, по-моему, человѣкъ на свѣтъ рождается совсѣмъ не для

пользы... Не могу я съ равнодушнымъ сердцемъ на чужое горе смотрѣть... Въ консерваторіи я первой шла... Впереди меня ждала, быть можетъ, даже слава, но... какъ видите, я предпочла всему этому нѣчто другое и нисколько не раскаиваюсь... Какая охота чье-нибудь сытое брюхо мелодіей тѣшить, когда все равно это брюхо никакимъ Бетховеномъ не прошибешь!.. А въ наше время искусство не для тѣхъ вѣдь существуетъ, кто нуждается въ немъ для украшенія своей жизни, а для тѣхъ, кто дороже платитъ... Вотъ почему, милая моя Яся, я не на сценѣ!..

Елена Павловна замолчала и опустила голову. Нѣсколько секундъ всѣ трое думали, каждый о своемъ. Потомъ Елена первая заговорила:

— Что-то давно Сергѣй не пріѣзжалъ?.. Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?.. Можетъ, его арестовали, а мы здѣсь сидимъ и ничего не знаемъ!

— Ну... съ какой же стати!..— возразилъ Осокинъ.—Во-первыхъ, насъ всегда бы объ этомъ увѣдомили, а, во-вторыхъ, насколько мнѣ извѣстно, у Сергѣя сейчасъ нѣтъ никакихъ особенно опасныхъ порученій. Въ обыкновенное же время онъ держитъ себя очень осторожно.

— Скажите, Осокинъ,—вы давно его знаете?..

— Со времени моей первой ссылки... вмѣстѣ мы и бѣжали оттуда...

— Вы много тогда испытали тяжелаго?..—Въ голосѣ Яси проскользнули задушевныя и мягкія нотки.

— Какъ вамъ сказать? — послѣ нѣкотораго раздумья отвѣтилъ Осокинъ, украдкой взглядывая на сидящую передъ нимъ Елену Павловну,—мнѣ объ этомъ какъ-то и думать не приходилось. Всѣ мои мысли были заняты подготовленіемъ побѣга... А то, что приходилось тогда переживать, казалось временнымъ, случайнымъ... Мы на всѣ эти неудобства и вниманія даже не обращали: грубость конвойныхъ, кандалы и прочее—все было такими ничего не стоящими пустяками, въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы ждали впереди... Мы вѣдь день и ночь мечтали о возвращеньи... А поѣздъ уносилъ насъ все дальше и дальше... Намъ удалось бѣжать только лишь изъ Сибири, передъ самой каторгой...

— А какъ Сергѣй?..—спросила Елена Павловна. — Вѣдь онъ всегда былъ такой нервный, легко возбуждавшійся... неужели онъ тоже не страдалъ въ этой обстановкѣ?..

— Ей-Богу, ничего вамъ не могу сказать!.. Знаю только, что Сергѣй первый и подалъ мнѣ мысль о побѣгѣ... Вмѣстѣ мы и готовиться стали, вмѣстѣ же и выскочили ночью въ окно, когда конвойные заснули... Это былъ еще мой первый прыжокъ... Послѣ пришлось его повторить.

— Неужели же вы совсѣмъ не ушиблись при паденьи?— перебила его Яся.

— Я неловко выскочилъ и упалъ... но, по счастью, на откосѣ былъ мелкій песокъ, и я только на нѣсколько секундъ потерялъ сознаніе...

— А Сергѣй?..

— Вы же знаете, что Сергѣй отличный гимнастъ!..— возразилъ Осокинъ Еленѣ Павловнѣ.—Для него этотъ прыжокъ обошелся вполнѣ благополучно...

Снова наступило молчаніе. Въ отворенную дверь по прежнему было видно, какъ море серебрится среди темноты. Недавно еще выкрашенныя въ бѣлую краску перила выдѣлялись на немъ отчетливо переплетающейся тѣнью. Неясные звуки и шорохи ночи зарождались и снова умирали въ тишинѣ. Блѣдная полоска мѣсяца прислушивалась къ нимъ, внимательно и грустно изогнувшись... Въ прозрачномъ сумракѣ острой трелью звенѣли ни на секунду не умолкавшія цикады...

— Хорошо!..—Елена Павловна неслышно поднялась и подошла къ балкону.—Мы сейчасъ точно въ каютѣ: вокругъ лишь море и больше не видно ничего... Не могу я спокойно жить на берегу!.. Мнѣ все время уплыть куда-нибудь хочется... Каждый пароходъ, что мимо проходитъ, вгоняетъ меня въ какую то безудержную тоску... Такъ бы, кажется, и улетѣла вслѣдъ!.. Хочется знать, что тамъ скрывается за этой далью...

— Ничего не скрывается,—сказалъ Осокинъ.—Такая же земля, какъ и здѣсь...

— Не можетъ этого быть!.. Тамъ непремѣнно есть что-нибудь другое... А то зачѣмъ же впередъ стремиться,—чтобъ опять все то-же, прежнее найти?.. Не стоитъ овчинка выдѣлки!..

— Возьмите географическій атласъ, и вы увидите, что всюду и вездѣ...

— А ну васъ совсѣмъ!.. Развѣ ваша географія на тоску мою отвѣтитъ?.. Лучше бросимъ этотъ разговоръ... Между прочимъ, я давно уже хотѣла вамъ сказать: мнѣ не нравится то, что мы сейчасъ печатаемъ...

— И мнѣ тоже... Но что-жъ дѣлать?.. Приходится иногда...

— Ужасно безцвѣтное что-то, прѣсное... Словно сидѣлъ человѣкъ и высасывалъ аргументацію изъ пальца...

— Да... слабовато!.. Нѣтъ теперь въ нашихъ мѣстахъ талантливаго человѣка, который бы сумѣлъ настоящимъ языкомъ заговорить. Вотъ въ N—скѣ я былъ очень доволенъ тѣмъ, что мнѣ присылали... А здѣсь...

— А помните, Осокинъ,—вмѣшалась Яся,—ту народную брошюру, которую мы печатали въ прошломъ мѣсяцѣ... Вотъ та была хороша... Такъ и видно, что каждое слово прямо отъ сердца... И какіе яркіе образы!.. Невольно врѣзывались въ память... Вы не знаете: кто ее написалъ?..

Осокинъ почему-то отвѣтилъ не сразу.

— Это Сергѣй составилъ,—послѣ нѣкотораго колебанія пороизнесъ онъ.

— Сергѣй?..—Елена Павловна обернулась. И Осокину показалось при слабомъ отблескѣ мѣсяца, неподвижно лежавшаго на полу, что темные глаза ея какъ-то особенно блеснули. — Вотъ какъ!.. А я и не знала... Почему же онъ мнѣ... т. е. намъ, ничего объ этомъ не сообщилъ?..

— Не знаю, право... Очевидно, изъ скромности начинающаго автора... — Осокинъ хотѣлъ сказать эти слова шутливымъ тономъ, но они неожиданно для него самого прозвучали съ оттѣнкомъ нѣкоторой непріязни. Онъ смутился и замолчалъ.

— Ну... однако, пора и спать идти!.. — послѣ паузы объявила Елена Павловна. — Завтра чуть свѣтъ вставать. Работы по горло. А если начнемъ еще по ночамъ разсиживаться, то и силъ никакихъ не хватитъ. Спокойной ночи!..

— Всего хорошаго!.. — Онъ пожалъ имъ обѣимъ руки и, проводивъ до двери, вернулся.

— Чего эти цикады, какъ очумѣлыя, орутъ!..—съ непонятнымъ раздраженіемъ подумалъ онъ, высунувшись въ окно.—И мѣсяцъ прямо въ глаза свѣтитъ... Вредно это... Нужно ставни закрыть!

Осокинъ захлопнулъ рѣшетчатыя створки и, очутившись въ темнотѣ, началъ медленно раздѣваться. Бывшее только что чувство безпричинной радости, съ которой онъ слушалъ все, что говорила Елена Павловна, куда-то исчезло. Онъ и самъ не зналъ, почему это такъ случилось. Но это было ему непріятно, и онъ легъ спать съ неопредѣленно-тоскливымъ осадкомъ на душѣ.

Ложась, онъ имѣлъ благое намѣреніе сайчасъ же заснуть, но это ему не удалось. Онъ долго еще ворочался съ боку на бокъ на своей узкой постели, непрерывно куря и все еще смутно ощущая, что начавшійся такъ хорошо вечеръ подъ конецъ былъ чѣмъ-то испорченъ неожиданно и безвозвратно...

III.

Нѣсколько дней послѣ этого Осокинъ былъ угрюмъ и странно разсѣянъ. Онъ, какъ будто, думалъ о чемъ-то, поминутно ускользавшемъ изъ его воображенія, и въ попыткахъ уловить и выяснить себѣ свое настроеніе искалъ одиночества.

Особенно тщательно избѣгалъ онъ оставаться наединѣ съ Еленой Павловной.

Во время работы Осокинъ больше уже не разговаривалъ и казался погруженнымъ въ нее всецѣло. Когда Елена Павловна, или Яся обращались къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ отвѣчалъ неохотно и невпопадъ, точно спросонокъ, и сейчасъ же умолкалъ, продолжая прерванное занятіе съ усиленнымъ вниманіемъ. Послѣ работы онъ немедленно же уходилъ въ свою комнату, отказываясь ужинать съ товарищами; и тамъ по цѣлымъ часамъ лежалъ на кровати, изрѣдка поднимаясь и расхаживая изъ угла въ уголъ большими, монотонно-размѣренными шагами. Но обыкновенно онъ скоро уставалъ и снова ложился.

Обѣ дѣвушки недоумѣвали.

— Что съ вами, Осокинъ?..—спросила его, наконецъ, Елена Павловна.

Осокинъ неожиданно и густо побагровѣлъ.

— Со мной?.. Ничего!..—отрывисто буркнулъ онъ и сейчасъ же снялъ и началъ протирать очки, чтобы скрыть смущеніе.—А что такое?.. Развѣ я въ чемъ-нибудь перемѣнился?..—немного оправившись, но все еще неувѣреннымъ тономъ продолжалъ онъ.—Почему вы объ этомъ спросили?..

— Да мнѣ кажется, вы теперь сдѣлались другой... непохожій...

— Непохожій на что?..

— На то, чѣмъ вы были раньше, по отношенію ко мнѣ и Ясѣ...

— Какъ это такъ?.. Я не понимаю...

— Ей Богу, затрудняюсь вамъ объяснить... Я это лишь чувствую, но не могу еще найти опредѣленныя выраженія... Словомъ, за послѣдніе дни вы куда-то отъ насъ отошли... Куда?.. Я не знаю...

Осокинъ низко наклонилъ голову надъ наборной кассой. Рука его, державшая верстатку съ свинцово-темными буквами, слегка дрожала.

— Вы такъ думаете?..—съ усиліемъ, но притворяясь небрежнымъ, произнесъ онъ.

— Я въ этомъ убѣждена...

Осокинъ ничего не отвѣтилъ. Въ этотъ моментъ они оба потянулись за одной и той же буквой, и пальцы ихъ, встрѣтившись, невольно прижались другъ къ другу.

Елена Павловна засмѣялась.

— Боже мой!.. Вы сейчасъ сдѣлали такіе страшные глаза, точно собирались меня укусить!..

— И не думалъ даже!..—Осокинъ насупился.

— И даже не думали!..—передразнила его Елена Павловна. — Какой любезный!.. Но вы все-таки уклонились отъ отвѣта на мой вопросъ. Итакъ: почему вы стали такой кислый?..

— Боленъ я...

— Больны?.. Это съ какихъ же поръ... и чѣмъ больны?..

— Не знаю...

— Не знаете?.. Вотъ это любопытно... Кто же тогда долженъ знать?..

— Кто нибудь, только не я...

— Часъ отъ часу не легче!.. Что-жъ это за таинственная болѣзнь у васъ, о которой никто не знаетъ?..

— Я вамъ, можетъ быть, послѣ скажу... Сейчасъ я еще самъ не вполнѣ увѣренъ...

— Вы меня заинтриговали... Я очень любопытна...

— Вѣроятно, даже завтра ваше любопытство будетъ удовлетворено...

— Завтра?.. Осокинъ, милый... ну, скажите лучше сегодня!.. До завтра я могу еще и умереть... Мало ли что можетъ случиться... Такъ тогда я ничего и не узнаю!.. Скажите сейчасъ...

— Узнаете въ свое время...

— Ну ужъ ладно, Богъ съ вами!.. Значитъ, непремѣнно завтра?..

— Непремѣнно... Я вамъ уже обѣщалъ...

Осокинъ угрюмо выложилъ изъ верстатки на доску набранную строчку и уже окончательно умолкъ. Они просидѣли такъ до ужина, не прерывая молчанія.

Придя въ свою комнату, Осокинъ съ размаху бросился на кровать, которая судорожно заскрипѣла подъ его тяжестью, и, закуривъ папиросу, сталъ прислушиваться къ голосамъ Елены Павловны и Яси за стѣной. Вскорѣ они стихли. Очевидно, обѣ легли уже спать. Осокинъ курилъ и думалъ.

Тусклое столичное утро неожиданно встало въ его воспоминаніи. Зима уже прошла, но приближающейся весны еще не видно ни въ сыромъ и холодномъ воздухѣ, ни на пасмурномъ небѣ. Два запорошенныхъ снѣгомъ окна смо-

трять въ комнату, какъ чьи-то мертвенно-устремленныя бѣльма. Лица сидящихъ вокругъ стола кажутся сѣрыми. Въ душѣ знакомая пустота. Хочется ѣсть, усталые глаза слипаются сами собой, но впереди еще цѣлый день хлопотъ и бездомовнаго скитанья.

Эту ночь онъ провелъ, скорчившись на короткомъ и жесткомъ диванчикѣ у одного товарища. Одѣяла не было. Приходилось все время дрожать отъ холода подъ ветхимъ пальто, поджимая подъ себя зябнущія ноги. Предыдущую ночь почти совсѣмъ не спалъ. Пустили ночевать съ условіемъ — въ шесть утра встать и исчезнуть. Днемъ бродилъ, гдѣ попало. Мерзъ и голодалъ. Раздобылся у кого-то на «явкѣ» двугривеннымъ, немного поѣлъ и къ ночи все же успѣлъ отыскать вышеупомянутый диванчикъ. Сегодня же съ утра еще во рту не было ни крошки. Но—некогда объ этомъ размышлять — въ сосѣдней комнатѣ слышатся увѣренные и быстрые шаги Михаила Петровича. Начинается длиннѣйшій и обстоятельный дѣловой разговоръ...

Подъ ложечкой сосетъ... Голова отъ голоду внезапно опустѣла. Приходится съ усиліемъ вслушиваться въ то, что говоритъ ему комитетчикъ своимъ неторопливымъ баскомъ.

Осокинъ внимательно смотритъ, какъ шевелятся его сѣдоватые нависшіе усы.

— А что, если я у него сейчасъ полтинникъ попрошу?..— думаетъ онъ, но, во время спохватившись, старается придать своему лицу сосредоточенно-серьезное выраженіе...

Наконецъ, всегда спокойный и уравновѣшенный, Михаилъ Петровичъ на мгновеніе умолкаетъ.

— Итакъ... всѣ дѣла покончены,—послѣ короткой паузы продолжаетъ онъ. — Теперь позвольте васъ познакомить съ будущей супругой... Елена Павловна, пожалуйте сюда: вотъ вашъ супругъ!..

Осокинъ тревожно поднялъ голову. Ему почудилось, что онъ снова слышитъ сейчасъ звонко разсыпающіяся нотки ея глубокаго, грудного контральто... Неужели она смѣется... какъ тогда?.. Нѣтъ... Это обманъ слуха... Все тихо вокругъ. Среди молчаливой ночной темноты только море одно вздыхаетъ и тихонько ворочается внизу подъ окнами на камняхъ. Сквозь ставни пробиваются струйки луннаго свѣта. Онѣ серебряной лѣсенкой лежатъ на полу. Въ воздухѣ душно и неподвижно.

Осокинъ снова опускается на подушку.

— Почему же измѣнилось все?..—думаетъ онъ.—Вѣдь недавно еще было хорошо... Но она вѣдь осталась прежняя... Значитъ, это я измѣнился... Но чего же я, собственно, хочу?.

Новая картина съ отчетливой ясностью появляется въ воспоминаніи.

Темная, сурово заглядывающая въ окна вагона, непроглядная почь. Снѣжныя поля бѣлѣютъ по сторонамъ во мракѣ. Порой они озаряются мгновеннымъ отблескомъ изъ трубы локомотива, и тогда унылые, уходящіе въ даль сугробы точно призраки показываются среди темноты. Затѣмъ все исчезаетъ. Снова черная мгла, снова причудливыя тѣни бѣгутъ навстрѣчу поѣзду вмѣстѣ съ мертвенно-бѣлѣющей снѣжной равниной. Уныло завываетъ мятель. Колеса вагона стучатъ задумчиво и монотонно. Осокинъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Еленой Павловной на югъ. Солнце и тяжелая, изнурительная работа ждутъ ихъ тамъ впереди. Оба веселы, въ особенности же Осокинъ.

Въ первый разъ въ жизни онъ чувствуетъ себя свободно въ обществѣ женщины, которая ему нравится, не только какъ товарищъ.

Раньше онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно конфузился и молчалъ. Собственная безцвѣтная наружность угнетала его и отнимала всякую увѣренность. Въ особенности же—неумѣнье завязать и поддерживать разговоръ. А теперь всякая неловкость исчезла: Елена Павловна сумѣла разсѣять ее...

Когда Осокинъ, развеселившись, пытался острить, она весело смѣялась, хотя онъ и понималъ, что остроты его довольно-таки неуклюжи. Когда онъ хотѣлъ помочь ей разобраться въ вещахъ, или накинуть на плечи мѣховую кофточку передъ выходомъ на платформу, она съ милой ласковостью благодарила его и, казалось, совершенно не замѣчала, что въ пылу усердія онъ топчется и наступаетъ самъ себѣ на ноги, какъ ученый медвѣдь, или же, помогая одѣваться, всякій разъ чуть не вывертываетъ ей руку.

Въ другое бы время онъ невыносимо страдалъ отъ этого сознанія, но теперь его охватывала безпричинная веселость. Все казалось заманчивымъ и интереснымъ впереди...

Сначала, когда въ купэ не было другихъ пассажировъ, они разсказывали другъ другу о своей прошлой жизни, строили планы будущей и какъ-то сразу же сдѣлались добрыми друзьями.

— Мнѣ одно только смѣшно,—между прочимъ, замѣтила ему Елена Павловна,—что вы мой мужъ... Ну, какой же вы мужъ!.. Если бы вы были братомъ—еще туда-сюда!.. Но, ей-Богу, для мужа вы абсолютно не годитесь!

— Это почему же такъ?..—Осокину было бы пріятнѣе, если-бъ она этого не говорила...

— Исключительно лишь изъ конспиративныхъ соображе-

ній... Мнѣ кажется, что я буду постоянно ошибаться, говоря о васъ при постороннихъ: „Мой мужъ!..“ Это звучитъ для меня немного курьезно... „Мой братъ“—было бы гораздо лучше...

— Ничего ужъ не подѣлаешь!.. За то такъ удобнѣй: меньше подозрѣній...

— Да, вы, конечно, правы...

— Могу васъ утѣшить: у васъ тамъ будетъ и братъ...

— Братъ?.. Это откуда же... и зачѣмъ?..

— А онъ намъ необходимъ для общей декораціи: кто же станетъ отъ насъ увозить напечатанное, или новые заказы намъ доставлять?.. Не забудьте, что мы будемъ тамъ замурованы, какъ въ гробу... Появляться въ люди или къ себѣ кого-нибудь приглашать намъ рѣшительно невозможно...

— Я это знаю... А кто онъ такой?..

— Вашъ будущій братъ? О... это очень интересный малый!

Осокинъ пустился разсказывать Еленѣ Павловнѣ про Сергѣя, но окончить ему не удалось. На ближайшей станціи въ купэ сѣлъ драгунскій офицеръ, который при видѣ Елены Павловны моментально обомлѣлъ и принялъ разслабленно-восхищенную позу.

— Гм!.. Вы позволите?...—едва лишь тронулся поѣздъ, обратился онъ къ ней, галантно скашивая глаза на свой раскрытый серебряный портсигаръ.

— Пожалуйста,—разрѣшила она ему. Черезъ нѣсколько секундъ завязался разговоръ, а черезъ полчаса драгунъ уже звѣрски ухаживалъ за Еленой Павловной. Она украдкой переглядывалась съ Осокинымъ, и оба безшумно хохотали.

— Женщина, это,—ядъ, которымъ пріятно отравиться,—со вздохомъ говорилъ офицеръ, бросая на Елену Павловну меланхолическіе взгляды.—Это пойметъ только тотъ, кто страдалъ... «Я видѣлъ бури морскія и бури женскія—сказалъ одинъ великій мудрецъ—и жалѣю болѣе о любовникахъ, чѣмъ о матросахъ»!..

Въ такомъ же духѣ продолжался разговоръ до самаго вечера, пока, наконецъ, драгуну не пришлось слѣзть въ попутномъ провинціальномъ городишкѣ.

— До свиданья, Елена Павловна!.. До свиданья...

— Торопитесь же,—а то еще, чего добраго, съ нами уѣдете...

— Съ вами?.. Да хоть на край свѣта!..

— Ну, это уже очень далеко... Прощайте!

— «Не говори... не повторяй мнѣ слова страшнаго „прощай!..“ Но тихо молви: „до свиданья!..“

— Какъ хотите... Только уходите, пожалуйста...

Но драгунъ ушелъ только послѣ третьяго звонка.

— Господи!.. Голова какъ разболѣлась...—воскликнула Елена Павловна, когда они остались одни.—Вотъ еще неожиданная напасть съ этимъ Донъ-Жуаномъ... Вы простите меня, Осокинъ, но я сейчасъ же лягу... Я очень устала...

Осокинъ помогъ ей устроиться на ночь. Завѣсилъ фонарь и усѣлся на диванчикѣ напротивъ. Въ купе стало почти совсѣмъ темно. Въ замерзшее окно тускло поблескивали среди ночи снѣжные сугробы. Монотонно стучали колеса. Ровное дыханіе Елены Павловны доносилось до Осокина, пробуждая неопредѣленныя и смутно волнующія воспоминанія.

Осокинъ думалъ о томъ, что онъ всегда былъ одинокъ и большую часть жизни провелъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Отъ женщинъ онъ держался всегда далеко. Иногда у него бывали случайныя и мимолетныя увлеченія, но всегда лишь платоническаго характера. Они, впрочемъ, очень скоро исчезали, не имѣя возможности перейти въ болѣе постоянное чувство. Обыкновенно тѣ женщины, о которыхъ мечталъ Осокинъ, даже и не подозрѣвали этого. Имъ и въ голову ничего подобнаго не приходило...

Существуетъ особый разрядъ людей, которыхъ можно себѣ представить въ какомъ угодно состояніи, исключая влюбленнаго.

Осокинъ принадлежалъ именно къ этому разряду...

Всѣ считали его добросовѣстнымъ работникомъ, думали, что онъ всецѣло занятъ общественными вопросами: внутренній же міръ его оставался никому неизвѣстнымъ.

Товарищи, сталкивавшіеся съ нимъ ежедневно, знали его лишь постольку, поскольку видѣли въ немъ искренно вѣрящаго въ свое дѣло революціонера. Но душа его была всегда закрыта для нихъ.

Впрочемъ, никто даже и не пытался въ нее заглядывать; раскапывать, что тамъ таилось въ ея глубинѣ,—не было никому охоты...

Да и некогда было: всѣ торопились сами жить, никто не зналъ, сколько дней осталось еще ему гулять на свободѣ; каждый хотѣлъ поэтому сдѣлать все, что можетъ и въ общественномъ, и личномъ смыслѣ, въ самый короткій срокъ.

Осокина же иначе и не представляли себѣ, какъ сидящимъ въ тюрьмѣ или же печатающимъ въ какомъ-нибудь конспиративномъ подпольѣ прокламаціи съ вдохновеннымъ видомъ техника-профессіонала... Жизнь его была похожа на свѣчу, зажженную съ обоихъ концовъ, но только лишь по отношенію къ общественной, а не личной жизни...

Когда Осокинъ познакомился съ Еленой Павловной, въ душѣ его произошелъ переломъ: ему вдругъ страстно захотѣлось счастья. Пускай хоть короткаго, но за то это счастье должно быть настоящимъ...

Осокину казалось, что все вокругъ послѣ этого знакомства стало непохожимъ на прежнее. И это сознаніе заставляло звенѣть въ душѣ какія-то дотолѣ невѣдомыя струны. Хотѣлось броситься впередъ, сдѣлать что-нибудь яркое, большое, хотя бы.. И цѣною смерти! Смерти Осокинъ и раньше никогда не боялся.

Въ такомъ настроеніи онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Еленой Павловной на югъ.

Тамъ все уже было готово. Ихъ ждали. Для отвлеченія подозрѣній они ѣхали первымъ классомъ.

Въ купэ послѣ ухода драгуна было пусто. На промежуточныхъ станціяхъ никто не садился. Утомившаяся за день Елена Павловна крѣпко спала. Осокинъ посидѣлъ немножко, прислушиваясь къ постукиванію колесъ и порой заглушаемому грохотомъ поѣзда дыханію Елены Павловны, и кончилъ тѣмъ, что незамѣтно самъ уснулъ.

Когда они оба проснулись, было уже весеннее утро. Холодъ, снѣгъ, пасмурное небо—все это осталось вмѣстѣ съ ночью гдѣ-то далеко позади. Осокинъ чувствовалъ себя приподнято и бодро. Они вспоминали вчерашняго драгуна. Осокинъ, дурачась, представлялъ его въ лицахъ; Елена Павловна веселилась, какъ ребенокъ.

Наконецъ, поѣздъ остановился.

— Сколько здѣсь стоитъ?.. — опустивъ окно, спросилъ Осокинъ у бѣжавшаго мимо кондуктора.

— Станція N-скъ!.. Остановка тридцать минутъ... Буфетъ!..—не глядя на него, на бѣгу прокричалъ тотъ.—Станнія N-скъ!..—слышалось дальше...—Остановка...

— Пойдемте скорѣе кофе пить!.. — Осокинъ съ непривычной галантностью подалъ Еленѣ Павловнѣ руку.

На платформѣ, весело залитой горячимъ солнцемъ, была оживленная толкотня. Праздничная толпа пестро и разнообразно колыхалась по разнымъ направленіямъ. Окна огромнаго и красиво выстроеннаго вокзала нестерпимо искрились отъ солнечнаго свѣта. Длинныя южныя тѣни свѣжо выдѣлялись на черной землѣ. Дулъ вѣтеръ, и мягко сверкавшая линія горизонта казалась необозримой.

Осокинъ жадными глотками вдыхалъ въ себя струящійся прозрачный воздухъ. Сознаніе, что Елена Павловна здѣсь, съ нимъ рядомъ, наполняло все его существо горделивымъ восторгомъ. Онъ бережно выступалъ впередъ, ощущая на своей рукѣ ея чуть замѣтную, но въ то же время непривыч-

ную тяжесть. Елена Павловна шла, слегка прижимаясь къ нему, потому что ихъ отовсюду тѣснили. Осокину было пріятно, что всѣ оборачиваются ей вслѣдъ. Онъ безотчетно усмѣхался, точно самъ былъ этому причиной, и даже съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ выпячивалъ грудь.

— Смотри какая...—услышалъ онъ позади себя. Осокинъ покосился на говорившаго. Это былъ не то загулявшій купчикъ, не то мѣщанинъ, въ синей поддевкѣ, съ плутоватыми, черными глазами.—Это, братъ, не фунтъ изюму,—продолжалъ онъ, подталкивая своего сосѣда. — Самъ Кощей Безсмертный, а небось... туда же!.. Вишь, какую кралечку подцѣпилъ!..

Елена Павловна засмѣялась.

— Намъ съ вами, кажется, комплименты говорятъ,—сказала она. Но Осокинъ уже чувствовалъ, что все вокругъ потускнѣло.

Онъ мысленно представилъ себя рядомъ съ ней, и самъ себѣ показался такимъ жалкимъ въ своемъ недавнемъ опьянѣніи...

— Не въ свои сани не садись,—глухо, сквозь зубы, произнесъ онъ и сейчасъ же опустилъ руку Елены Павловны.

— Что такое?.. Что вы сказали?..—спрашивала она. Осокинъ же шелъ, попурившись, рядомъ, ничего не отвѣчая. Онъ снова сталъ похожимъ на уныло шагающаго журавля. Прежнее его оживленіе исчезло.

— Почему вы меня оттолкнули сейчасъ?.. — продолжала допытываться Елена Павловна.

— Садитесь здѣсь... Я пойду вамъ кофе закажу,—вмѣсто отвѣта пробормоталъ Осокинъ.

Вернувшись въ вагонъ, онъ остальную часть пути упорно читалъ газеты.

— Осокинъ, проводите меня на вокзалъ, — звала его иногда при остановкахъ Елена Павловна.

— Не хочется что-то...

— Ну... пожалуйста!..

— Лучше и не зовите—все равно не пойду.

— Почему?..

— Голова болитъ... и при томъ неконспиративно...

— Въ такомъ случаѣ и мнѣ, значитъ, нельзя...

— Отчего-же?.. Вы можете, сколько угодно...

— Скучно одной...

— Ну... ужъ если вы такъ этого хотите...

— Сидите, сидите, пожалуйста!.. Мнѣ не надобно никакихъ жертвъ... Если вы соглашаетесь съ такимъ глубокимъ вздохомъ, то и я не хочу...

Неожиданно появившееся воспоминаніе также неожи-

данно оборвалось. Осокинъ вскочилъ и началъ расхаживать въ темнотѣ взволнованными шагами.

— Съ какой стати я вспомнилъ сейчасъ все это?.. Какая связь?.. Ахъ, да!.. Ну, конечно... Съ того именно вечера все и началось... То же самое настроеніе, какъ и тогда, на вокзалѣ... Я уже забылъ совсѣмъ о немъ, и опять было хорошо—и вдругъ снова... А все эта проклятая Яся! Всегда она!.. Ну, къ чему было соваться съ вопросами?.. А Елена сразу же заинтересовалась... У нея даже глаза заблестѣли, когда она услышала, что это Сергѣй написалъ... Ну, да оно и понятно... Дѣйствительно, Сергѣй умѣетъ иногда... И при томъ, онъ красивый... Но вѣдь это же вздоръ?.. При чемъ тутъ наружность?..

Осокинъ снова бросился на кровать. Передъ нимъ на мгновеніе встало и сейчасъ же опять исчезло веселое, слегка насмѣшливое лицо Сергѣя.

— Когда смѣется, на дѣвчонку похожъ!.. И вообще... А что талантливый онъ—это ужъ безспорно... Но развѣ же я виноватъ, что у меня никогда ничего не выходило?.. Не всѣмъ же звѣзды съ неба хватать — нужно, чтобы кто-нибудь былъ и чернорабочимъ. А только... вѣдь я завидую ему... Неужели?.. Нѣтъ... глупости... вздоръ!.. Померещилось отъ воображенія... Пройдетъ это... Да при томъ же, я Сергѣя люблю... Онъ мой товарищъ... Даже больше: единственный другъ... Съ какой же стати... Но Елена... Ахъ, нѣтъ!.. Неправда все... Я просто черезчуръ мнителенъ и до болѣзненности самолюбивъ... Противъ этого надобно бороться... Нужно себя въ руки взять... Да я и возьму... Вотъ начну съ завтрашняго дня укрѣплять свои нервы... Гимнастику буду дѣлать... Купаться... Хотя холодно еще, должно быть, въ морѣ.. А съ Еленой нужно будетъ непремѣнно объясниться... Завтра же подойду къ ней и прямо: „Елена Павловна—скажу—я больше не въ силахъ... Не въ силахъ я... Эта вѣчная неопредѣленность, ожиданья эти... Сегодня одно, завтра другое... Лучше сразу... Любовь должна быть радостью, счастьемъ свѣтлымъ, а у меня все какое то мученье выходитъ!.. Почему же это?.. А потому, что я все еще сомнѣваюсь... Елена, милая... Солнце мое... Если бы ты только поняла меня... если бы захотѣла!.. Вѣдь это же... Господи!.. А, впрочемъ, завтра я ей все разскажу... Я спрошу ее: „Елена Павловна, можете ли вы...“ А вдругъ она?. Нѣтъ!.. Лучше усну... Нужно къ завтрашнему дню совершенно спокойнымъ быть... Итакъ, значитъ завтра...

Осокинъ поспѣшно раздѣлся и закутался съ головой въ одѣяло. Пролежавъ съ закрытыми глазами нѣсколько минутъ, онъ замѣтилъ, что мысли его начинаютъ смѣшиваться

въ одну неясную, пестро извивающуюся ленту. Потомъ она свернулась въ маленькій, непреодолимо несущійся подъ гору клубокъ.

— Елена!..—былъ послѣдній проблескъ въ его затемняющемся сознаніи.

IV.

На слѣдующій день Осокинъ проснулся очень поздно и началъ одѣваться съ намѣренной медленностью, какъ-бы желая отдалить неизбѣжный моментъ встрѣчи съ Еленой Павловной. Принятое вчера вечеромъ рѣшеніе казалось сегодня утромъ чѣмъ-то невозможнымъ. Онъ тупо смотрѣлъ, какъ яркіе солнечные лучи веселыми полосками желтѣютъ на полу. На душѣ была холодная пустота. Хотѣлось снова лечь въ постель и никого не видѣть.

— Вы встали, синьоръ? — послышался за стѣной голосъ Елены Павловны.

— Всталъ... — пробурчалъ Осокинъ, не отводя взгляда отъ ползущей по краю стола мухи и внимательно слѣдя за всѣми ея движеніями.

— Имѣйте въ виду, мой благородный супругъ, что мы съ Ясей давно уже чаю напиться успѣли. Если вы намѣрены послѣдовать нашему примѣру, то поторапливайтесь... А мы, покамѣсть, пойдемъ къ морю... Или, быть можетъ, вы еще намѣрены валяться?..

— Не намѣренъ!.. — Осокинъ, съ внезапнымъ порывомъ злобы, хлопнулъ попавшейся подъ руку книжкой по тому мѣсту, гдѣ сидѣла муха.—Не успѣлъ!.. Улетѣла, подлая...

— Вы это съ кѣмъ такъ изволите бесѣдовать?

— Ни съ кѣмъ...

— Самъ съ собой, значитъ... Поздравляю: вы нашли себѣ прекраснаго собесѣдника... Но, тѣмъ не менѣе, извольте сейчасъ же доканчивать вашъ туалетъ и потомъ приходите къ намъ... Ко мнѣ, то-есть!.. А я буду у дуба сидѣть. Слышали?.. Addio!..

Вызывающе хлопнули двери. Стало тихо. Осокинъ дрожащими руками чиркнулъ спичкой.

— Она одна, стало быть, сейчасъ... Хорошо... Пускай... Тѣмъ лучше... Или отложить?.. Но нѣтъ... уже поздно!.. Пойду...—Отрывочныя мысли замелькали въ головѣ, торопясь и перегоняя другъ друга.—А вдругъ она засмѣется?... Или скажетъ: „вы съ ума сошли!..“ А вдругъ...

Что-то безумно яркое освѣтило сознаніе и мгновенно погасло, какъ-бы испугавшись. Снова все тускло. Сѣрая тоска

по прежнему мучительно гнететъ и давитъ.—Гдѣ ужъ!.. Куда ужъ!.. Но вѣдь бываетъ-же...—снова брезжитъ чуть разгорающійся огонекъ надежды.—Бываютъ же такіе случаи... Чѣмъ я хуже другихъ?..—Но все опять колеблется и исчезаетъ. Раскрывается черная бездна, и нѣтъ уже больше ни мыслей, ни словъ... Неясный туманъ поднимается мертвенно стелющимися, неподвижными клубами...—А... пускай!.. Чему быть—тому не миновать!.. Не въ силахъ я больше... Я усталъ...

Осокинъ отшвырнулъ въ сторону давно уже погасшую папироску, умылся и, тщательно причесавъ свои торчащіе жидкими вихрами безцвѣтные волосы, спустился въ садъ.

Тамъ онъ сейчасъ-же натолкнулся на дьякона, по обыкновенію возившагося возлѣ своихъ недавно посаженныхъ абрикосовъ.

— Привяжется и помѣшаетъ, — быстро подумалъ Осокинъ, но уклониться отъ встрѣчи не успѣлъ.

— Николаю Егоровичу глубокое почтеніе! — еще издалека привѣтствовалъ его дьяконъ, выпрямляясь съ заступомъ въ рукахъ и показывая изъ-подъ нависшихъ усовъ свои крѣпкіе, блестящіе на солнцѣ зубы.—Супругу искать пошли?.. Она подъ дубомъ книжку читаетъ... Только что самъ имѣлъ удовольствіе пожелать имъ добраго утра.

— Идіотъ!..—еще разъ съ необъяснимой злобой подумалъ Осокинъ, но сейчасъ же попробовалъ любезно улыбнуться:—Здравствуйте, отецъ дьяконъ... Какъ дѣла?..

— Слава Богу... Слава Богу!.. Вашими молитвами... А деревца-то, Николай Егоровичъ, смотрите: совсѣмъ вѣдь привились?..

Осокинъ разсѣянно взглянулъ на стройно возвышавшіеся передъ нимъ абрикосы.

— Да, да!.. Какъ будто... ну... такъ значитъ я...—Но дьяконъ не далъ ему докончить.

— Не желаете ли, я вамъ сейчасъ свой питомникъ покажу?.. Прямо удивленія достойная здѣсь почва: посадишь что-нибудь, а оно уже потомъ само... Все, какъ есть, произрастаетъ... Одинъ восторгъ... Пойдемте, это недалеко...

Дьяконъ съ готовностью воткнулъ свой заступъ въ разрыхленную и влажно чернѣвшую землю и, опустивъ засученные рукава и подвернутые полы подрясника, двинулся, было, по направленію къ калиткѣ. Но Осокинъ остался стоять на прежнемъ мѣстѣ. Въ этотъ моментъ онъ думалъ уже о другомъ.

— Что-же, не желаете?..—обернулся къ нему дьяконъ.

— Вы простите меня... Но я... Видите ли... мнѣ...—голосъ Осокина хрипло сорвался, и онъ неестественнымъ то-

номъ продолжалъ:—Мнѣ бы супружницу мою сперва повидать, а потомъ я къ вашимъ услугамъ... Вашъ питомникъ давно меня интересуетъ...

Бронзовая и добродушно-нахмуренная физіономія дьякона просіяла отъ удовольствія.

— Вотъ за это спасибо!..—весело воскликнулъ онъ, снова заворачивая рукава и берясь за заступъ. — Бо́льше всего люблю плоды рукъ своихъ показывать хорошимъ людямъ... Не для себя тружусь — для дѣтей... Пускай хоть они по своей дорогѣ пойдутъ, если мнѣ не удалось... Такъ вѣдь, Николай Егорычъ?.. Вѣрно?..

— Да... да... такъ... такъ...—поспѣшно удаляясь отъ него, бормоталъ Осокинъ.

— Въ потѣ лица своего... не такъ ли?.. — съ широкой улыбкой продолжалъ дьяконъ.

Но Осокинъ уже былъ далеко.

На сѣромъ фонѣ корявaго ствола нѣжно выдѣляется ея голубая кофточка. Лучи солнца свободно скользятъ между недавно развернувшимися, вырѣзными листьями. Склоненная надъ книгой, темная голова золотится воздушной пылью. Внизу безконечная, тихо колеблющаяся ширь... Море дремлетъ. Одинокій парусъ бѣлѣющей точкой сверкаетъ вдали. Виднѣются синія горы...

Но это лишь миражъ... далекій сонъ!.. На самомъ дѣлѣ, ничего сейчасъ нѣтъ... Есть только эта безконечно милая, голубая кофточка, за ней огромно возвышающійся сѣрый стволъ да эти небрежно порхающія вокругъ головы золотистыя пушинки...

Но какая непонятная, безумно щемящая тоска!.. Зачѣмъ она?.. Неужели же онъ и сегодня ей ничего не скажетъ...

Обрывки мыслей вяло бродили въ мозгу. Дулъ легкій вѣтеръ. Его дыханье уносило куда-то недавнюю рѣшимость. Осокину чудилось, что онъ уже цѣлую вѣчность тому назадъ вышелъ изъ дому.

Тамъ еще дьяконъ встрѣтился по дорогѣ... Говорили... О чемъ говорили?.. Не помнитъ уже... Но вѣдь и ему сейчасъ надобно что-то сказать... Но что?.. Забылъ... Ахъ, нѣтъ... Знаетъ... Но какое то слово должно быть первымъ... Какое же?.. Забылъ... Потерялъ... Шагну впередъ и скажу — сразу нужно!..

Осокинъ сдѣлалъ неловкое движенье.

— Елена Павловна!..—тихо произнесъ онъ.

Она вздрогнула и подняла глаза. Какъ сквозь сонъ, Осокинъ увидѣлъ ея капризно изогнутыя, тонкія брови... Увидѣлъ, или ему только почудилось это?..

— Елена Павловна!..—еще тише повторилъ онъ.

— Боже мой!.. Что случилось?.. Полиція?..

— Ничего не случилось... Никакой полиціи... Только я...

— Фу... какъ вы меня перепугали!.. Какъ вамъ не стыдно... Ну развѣ же можно такъ?.. Подходить съ физіономіей привидѣнія и эдакимъ еще загробнымъ голосомъ: „Елена Павловна!..“ Меня даже въ жаръ бросило... Ну-съ... такъ въ чемъ же, собственно, дѣло?..

— Я люблю васъ!..—неслышно проговорилъ Осокинъ.— Лицо его мучительно побагровѣло подъ очками. Елена Павловна уронила книжку.

— Что?.. Что такое?..

— Я люблю васъ.

— Я ничего не понимаю...

Осокинъ зачѣмъ-то попробовалъ улыбнуться, но вмѣсто улыбки вышла жалкая гримаса.

— Я васъ люблю...

— Осокинъ!.. Что съ вами?.. Господи!.. Да вы, конечно, шутите... Боже мой, какая глупость!..

— Я не шучу, Елена Павловна... Мнѣ не до шутокъ...

— Постойте, Осокинъ!.. Нѣтъ... вы погодите... — Елена Павловна взволнованно умолкла, не зная, что дальше сказать. Осокинъ стоялъ передъ ней, понуря голову. Безнадежная пустота медленно расширялась въ его сознаніи.

— Та...ма...ра...á!..—звенѣлъ на пронзительной нотѣ голосъ жены дьякона за садомъ. Она звала свою маленькую дочь, ушедшую играть съ сосѣдними ребятишками.

— А..а...а...—далеко разносилось среди прозрачной утренней тишины. Гдѣ-то чирикали птицы. Солнце начинало уже слегка пригрѣвать. Синѣющее небо казалось необъятнымъ.

— Зачѣмъ вы это?.. — съ тоской и упрекомъ произнесла, наконецъ, Елена Павловна, безсильнымъ движеніемъ прислоняясь къ шершавой корѣ ствола и какъ бы ища у него защиты.—Зачѣмъ?.. — еще разъ повторила она. Въ голосѣ ея что-то дрогнуло, и она умолкла. Брови сдвинулись въ одну прямую и властную черту.

Осокинъ вдругъ очнулся.

— Зачѣмъ?.. Вы спрашиваете меня: зачѣмъ?..—Горячая волна прихлынула къ сердцу и оно усиленно-часто застучало.—Хорошо!.. Я могу вамъ сказать, если вы этого сами не понимаете...

Онъ остановился на секунду, чтобы вдохнуть въ себя воздуху.

— Какъ это все нелѣпо, что я сейчасъ дѣлаю!..—случайно промелькнуло у него въ головѣ, но эта мысль сейчасъ же исчезла.

— Я скажу вамъ... Я давно уже хотѣлъ вамъ это сказать... Я не могъ больше дожидаться... Вы поймите, Елена Павловна, силъ у меня не хватило!.. Измотался, изнервничался я... Я не тотъ теперь, какимъ былъ раньше... Я другой... И это сдѣлали вы... вы, Елена... Только поймите же... только захотите меня понять!.. Вѣдь я васъ люблю... Я давно уже васъ люблю... Сначала я даже не зналъ этого... я не думалъ... Вы—и я!.. Мнѣ было бы даже странно себѣ представить... Но теперь мнѣ все равно!.. Я васъ уже полюбилъ... Эти дни я боролся съ собой, самъ не зная, что я дѣлаю и зачѣмъ борюсь?.. Я думалъ: быть можетъ, все это самообманъ... Мало ли что вѣдь бываетъ!.. Вы красивая... вы женщина... Я же... Вѣдь поймите — я никого еще никогда не любилъ!.. Вы первая... Знайте это, Елена Павловна!.. Я не лгу сейчасъ ни передъ вами, ни передъ собой... Вы разбудили меня... До васъ я не жилъ... я только ощупью искалъ свою дорогу къ настоящей жизни... Теперь я вижу ее... Это вы!.. Погодите, не перебивайте меня!.. Дайте до конца досказать... Я все вамъ сейчасъ объясню... Да... я сказалъ это и повторяю... Вы... и только вы одна... Я, можетъ быть, смѣшонъ вамъ сейчасъ и жалокъ, но вѣдь надо же заглянуть въ меня... въ душу мою заглянуть!.. Тамъ пусто было, Елена Павловна... Холодъ и мракъ былъ... А теперь... нѣтъ—ну, вы только послушайте: ей-Богу же, мнѣ кажется, что я съ ума схожу!.. Вы молчите... Вы, можетъ, еще мнѣ скажете: „пойдите прочь... Я презираю васъ...“ Но, покамѣсть вы этого еще не сказали, я чувствую, какъ радость... свѣтлая такая, чудная радость озаряетъ меня... Мнѣ пѣть хочется... Мнѣ... А вы вѣдь знаете, что я никогда въ жизни не пѣлъ!.. Если бы я только могъ, я бы танцовалъ сейчасъ, бѣгалъ по берегу моря и всѣмъ бы... какъ есть всѣмъ, сталъ кричать: смотрите на меня... вотъ я, Осокинъ!.. Я счастливъ... Слышите ли вы всѣ?.. И знаете ли почему?.. Потому что я люблю... Васъ люблю, Елена Павловна!..

Осокинъ порывисто наклонился къ ней. Лицо его возбужденно сіяло... Но мертвыя стекла очковъ придавали его взгляду какую-то странную неподвижность.

— Слушайте!.. Развѣ вы не можете этого понять... Вѣдь это же ужасно!.. Всѣ считаютъ васъ моей женой, а мы съ вами совсѣмъ чужіе... Вы поймите только... Слышать шелестъ вашего платья... видѣть ваши глаза... Каждый день, каждую минуту думать о васъ, какъ о счастьи своемъ... какъ о самомъ дорогомъ, безконечно любимомъ, и знать... навѣрное знать, что никогда... Нѣтъ!.. Это свыше силъ моихъ!.. Елена Павловна, не отталкивайте меня... загляните глубже... Вѣдь я со всѣми молчу... вамъ одной лишь могу я

разсказать, какъ мнѣ одиноко!.. Вѣдь я вездѣ и всюду одинъ... Вѣдь я не зналъ, Елена Павлона, женской ласки!.. Ничего!.. Только работалъ за десятерыхъ, какъ волъ, да другихъ понукалъ, чтобы и они тоже работали... Вся жизнь въ сумеркахъ, а впереди—пустынная ночь... Что мнѣ въ ней?.. Я вѣдь только и слышалъ, что для общаго дѣла трудиться надобно... А что мнѣ теперь дѣлать, когда я вдругъ своего собственнаго блага захотѣлъ?.. Эхъ, Елена Павловна!.. Вѣдь и не жилъ я на свѣтѣ, по правдѣ-то сказать!.. Все больше за рѣшетками за разными высиживалъ... Вы простите меня: можетъ, я сейчасъ что-нибудь такое несуразное мелю... но ей-Богу же — самъ не знаю: я ли это, другой ли кто за меня съ вами разговариваетъ... Одно только знаю: если вы... если я... Елена Павловна... я отвѣта вашего жду!..

Послѣднія слова Осокинъ произнесъ отрывисто и даже съ оттѣнкомъ нѣкотораго ожесточенія, не глядя на дѣвушку. Краска сбѣжала съ его лица. Обычная землистая блѣдность покрыла ввалившіяся щеки. Молчаніе продолжалось нѣсколько секундъ.

— Осокинъ, — заговорила, наконецъ, Елена Павловна,— въ первый разъ поднимая на него свои, до сихъ поръ опущенные, глаза.—Мнѣ тяжело вамъ это говорить, но я должна... Я не могу оставить васъ въ какомъ-то непонятномъ для меня заблужденіи... Я не знаю: что съ вами... какимъ путемъ вы дошли до всего этого, но я вижу одно: произошла ужасная, трудно поправимая ошибка... Вы говорите, что любите меня... Допустимъ, что это такъ... Но если бы вы спрятали гдѣ-нибудь въ душѣ эту любовь!.. Если бы вы мнѣ ничего о ней не говорили!.. Но вы чего-то хотите отъ меня... Вы ждете отвѣта... Осокинъ, я цѣнила въ васъ товарища... Вы во многомъ нравились мнѣ... Но поймите меня... и пусть это наше объясненіе не породитъ ни ненависти, ни злобы... Вы сразу нарушили уютный, тѣсный укладъ нашей жизни... эту поэзію нашихъ тихихъ вечеровъ, когда мы собирались и болтали весело, беззаботно, какъ друзья... какъ близкіе другъ другу по духу... Теперь же все это должно исчезнуть... И мнѣ жаль, что это такъ. Мы живемъ сейчасъ подъ угрозой ежедневной опасности и, быть можетъ, даже— смерти... Ахъ, зачѣмъ... Неужели все это ненужное, мелкое такъ васъ ослѣпило?.. Я могу и могла быть вашимъ другомъ... Вы сами знаете, что я не бѣлоручка и ни смерти, ни опасности не боюсь... но... простите, Осокинъ,—неужели же я должна объ этомъ вамъ говорить?.. Любить васъ я не могу... Я никогда васъ, навѣрное, не полюблю... Неужели вы сами этого не сумѣли замѣтить?.. Если вы искренни, и я дѣлаю вамъ больно, то простите меня... ей-Богу, я не могу и не

умѣю утѣшать... Если же все это миражъ, бредъ какой-то... о, если бы онъ прошелъ, если бы вы снова стали самимъ собой, и мы бы по-прежнему остались друзьями...

Елена Павловна нагнулась за выроненной при появленіи Осокина книжкой, лежавшей у ея ногъ, и, поднявъ ее, пошла прочь.

— Елена Павловна!.. — глухимъ голосомъ позвалъ Осокинъ.

Она обернулась.

— Вы сейчасъ никого другого не любите?..

Она ничего не отвѣтила и скрылась за весело зеленѣющими кустами. Осокинъ остался одинъ.

— Вотъ и все... вотъ и все!..—безъ всякаго смысла подумалъ онъ, машинальнымъ жестомъ протягивая руку за портсигаромъ.

Закуривъ, онъ долго стоялъ на томъ же мѣстѣ. Влажное дыханіе моря обвѣвало ему лицо. Горы вдали синѣли загадочно и недоступно.

А. Деренталь.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Какъ свѣчи, возженныя Богу въ часъ, дышащій свѣжимъ [покоемъ,
Въ порывѣ простомъ и свободномъ за все благодарной земли,
Стоятъ кипарисы надъ моремъ, залитые свѣтомъ и зноемъ,
Надъ моремъ, гдѣ въ синемъ просторѣ предъ ними плывутъ [корабли.
Плывутъ, розовѣя на солнцѣ, всѣ въ нѣжныхъ тонахъ [перламутра,
На встрѣчу сверкающимъ зорямъ плывутъ, исчезая вдали,
Какъ бѣлыя легкія чайки въ сіяньи лучистаго утра,
Летящія дальше, все дальше, къ невѣдомымъ гранямъ земли.

И хочется мнѣ утонуть вмѣстѣ съ ними въ манящемъ
[просторѣ,
Разбиться, растаять, какъ волны въ блестящей и влажной
[пыли...
И мнится: стволы кипарисовъ, и утро, и синее море,
И я съ своей пѣсней свободной—мы только молитва земли!..

II.

На скамейкѣ у обрыва нынче днемъ заснула я,
Убаюканная моремъ, полнымъ солнца и огня.
Надо мной зеленыхъ листьевъ чёткокъ легкій былъ узоръ,
И сквозь нихъ синѣло небо да вершины дальнихъ горъ.
На траву упала книга, вѣтеръ мялъ ея листы...
Я заснула днемъ у моря, и опять мнѣ снился ты.
Какъ намекъ, какъ отзвукъ пѣсни, все здѣсь связано съ
[тобой,
Солнце, крики бѣлыхъ чаекъ и прозрачныхъ волнъ прибой,
И просторъ, и вѣтеръ влажный, мнѣ цѣлующій лицо,
Это все — съ тобой навѣки насъ связавшее кольцо.
Въ многозвучный и дразнящій, молодой прибоя часъ
Это море въ бѣлой пѣнѣ обручило, помню, насъ...

Знаю я, что ты далёко, какъ въ вечерней мглѣ звѣзда,
Что тебя, вотъ здѣсь у моря, мнѣ не видѣть никогда;
Но большихъ шумящихъ крыльевъ развѣ нѣту у любви?
Гдѣ-бъ ты ни былъ, — если хочешь, если любишь — позови.
Межъ землей и синимъ небомъ много разныхъ есть путей,
И къ тебѣ любви такъ много у меня въ душѣ моей...
Развѣ съ нею въ міръ надзвѣздный я дороги не найду?
Если хочешь, если любишь, позови — и я приду!..

Ада Чумаченко.

Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго.

Смольный во время реформъ.

V.

Назначеніе Ушинскаго инспекторомъ классовъ.—Его отношеніе къ бывшимъ учителямъ.—Его преобразованія и вступительная лекція.

Въ самомъ началѣ 1859 г. разнеслась молва, что инспекторомъ классовъ въ Смольномъ, на Николаевской и Александровской половинахъ, назначенъ Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Если бы кто-нибудь сказалъ намъ тогда, что этому человѣку суждено не только пошатнуть устои двухъ огромныхъ институтовъ, незыблемо покоившіеся на основахъ безнравственной нравственности, ханжеской морали и рутинныхъ схоластическихъ пріемовъ преподаванія и въ корнѣ измѣнить взгляды и мечты институтокъ, мы, воспитанницы, ни за что не повѣрили бы этому. Передъ появленіемъ у насъ Ушинскаго намъ никто ничего не разсказывалъ о немъ, а сами мы мало интересовались инспекторами вообще. Инспекторъ долженъ былъ наблюдать за преподаваніемъ нашихъ учителей, замѣщать ихъ новыми, если кто-нибудь изъ нихъ выбывалъ изъ строя, но это случалось лишь вслѣдствіе смерти или продолжительной болѣзни кого-либо изъ нихъ, да и такія права его были фиктивными. Наша всесильная начальница Леонтьева давно забрала въ обоихъ институтахъ всю власть въ свои руки и всегда дѣйствовала по своему личному усмотрѣнію: ни одинъ учитель не могъ проникнуть къ намъ или оставаться у насъ, если онъ ей не нравился. Не имѣя ни малѣйшаго представленія о просвѣщенномъ абсолютизмѣ, Леонтьева управляла двумя институтами, какъ монархъ, не ограниченный никакими законами, по образцу восточныхъ деспотовъ. Всѣ отношенія инспектора къ воспитанницамъ состояли въ томъ, что онъ отъ времени до времени посѣщалъ урокъ того или другого учителя и присутствовалъ на экзаменахъ.

Когда однажды у насъ только что кончился какой-то урокъ, и мы уже направились было къ двери, чтобы выйти изъ класса, въ

него вбѣжалъ, буквально вбѣжалъ высокій, худощавый брюнетъ, который, не обращая вниманія на наши реверансы и нервно комкая свою шляпу въ рукахъ, вдругъ началъ выкрикивать: «Вѣдь вы же здѣсь спеціально изучаете нравственность, а не знаете того, что портить чужую вещь духами или другою дрянью неделикатно!.. Не каждый выноситъ всѣ эти пошлости! Наконецъ, почемъ вы знаете... можетъ быть, я настолько бѣденъ, что не имѣю возможности купить другую шляпу... Да развѣ вы можете думать о бѣдности? Вѣдь это по вашему совсѣмъ неприлично!» И съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ класса.

Мы были такъ ошеломлены, что стояли неподвижно. И было отчего! Хотя классныя дамы ежедневно осыпали насъ бранью, упреками и намеками на что-то гнусное съ нашей стороны, но отъ мужского персонала: отъ нашихъ учителей и инспектора, мы никогда не слыхали грубаго слова. Для этого не было ни малѣйшаго повода. Наши учителя рѣдко вызывали плохихъ ученицъ, а хорошія твердо учили свои уроки. Если воспитанница не знала урока, ей ставили плохую отмѣтку, и этимъ ограничивались всѣ непріятности между учителями и нами. Учителя и инспекторъ обращались со всѣми весьма вѣжливо. «А это что же за инспекторъ? Не успѣлъ появиться, и уже осмѣливается орать на насъ, взрослыхъ дѣвушекъ! И какой невѣжа! Даже не отвѣчаетъ на поклоны!..» разсуждали мы. Но долго останавливаться надъ этимъ вопросомъ не пришлось: раздался колоколъ, призывавшій насъ на урокъ нѣмецкаго языка.

За солиднымъ нѣмцемъ, отрастившимъ себѣ порядочное брюшко и неторопливо приближавшимся къ скамейкамъ, нервною и стремительною походкою вошелъ въ классъ Ушинскій. Онъ поклонился, попросилъ воспитанницъ, сидѣвшихъ на послѣдней скамейкѣ, подойти къ его столу и приказалъ одной изъ нихъ открыть книгу, но не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ заданный урокъ, а на нѣсколько страницъ впередъ и переводить. «Мы этого еще не учили»... получилъ онъ въ отвѣтъ. Но Ушинскій заявилъ, что онъ желаетъ знать, какъ воспитанницы переводятъ à livre ouvert. Изъ страницы, прочитанной каждою, одна могла перевести два-три слова, другая нѣсколько больше, а третья рѣшительно ничего не знала. Когда же онъ предложилъ передать по-русски, своими словами, только что прочитанное, ни одна изъ нихъ ничего не могла отвѣтить, никто не понималъ даже, о чемъ идетъ рѣчь.

На вопросъ, сдѣланный учителю, сколько у насъ въ недѣлю уроковъ нѣмецкаго языка и сколько лѣтъ мы ему учимся, онъ отвѣчалъ, что уже шестой годъ, и что мы имѣемъ по два урока въ недѣлю. На это инспекторъ замѣтилъ: «вычитая каникулы и безконечное число праздниковъ, воспитанницы учатся, во всякомъ случаѣ, не менѣе мѣсяцевъ семи, слѣдовательно, въ году имѣютъ, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ шесть уроковъ... Вѣдь если бы онѣ

выучивали въ каждый урокъ только нѣсколько словъ и на эти слова дѣлали упражненія и переводы, то, подумайте сами, какой громадный запасъ словъ онѣ пріобрѣли бы въ 280 вашихъ уроковъ. Между тѣмъ, воспитанницы не понимаютъ даже смысла прочитаннаго, хотя текстъ оригинала простой и легкій».

Учитель оправдывался тѣмъ, что вызваны были плохія воспитанницы, но еще болѣе подчеркивалъ онъ то, что въ институтѣ все вниманіе обращено на французскій языкъ, что воспитанницъ заставляютъ разговаривать по-нѣмецки очень рѣдко, да и то для проформы, и указывалъ на то, что сами воспитанницы терпѣть не могутъ нѣмецкаго языка.

Ушинскій возражалъ, что для того, чтобы заставить воспитанницъ полюбить нѣмецкій языкъ, онъ, учитель, долженъ былъ отчасти читать, а отчасти сообщать ученицамъ содержаніе лучшихъ произведеній Шиллера и Гёте.

— О, господинъ инспекторъ! — насмѣшливо-добродушно отвѣчалъ нѣмецъ.—Увѣряю васъ... хотя онѣ и въ старшемъ классѣ, но ничего, рѣшительно ничего не поймутъ въ сочиненіяхъ этихъ писателей и не заинтересуются ими.

На это Ушинскій замѣтилъ, что только идіота можетъ не заинтересовать геніальное произведеніе.

Такъ какъ учитель въ свое оправданіе, между прочимъ, указывалъ на то, что инспекторомъ были вызваны плохія и лѣнивыя ученицы, Ушинскій предложилъ ему вызвать самыхъ лучшихъ и началъ внимательно вслушиваться въ ихъ чтеніе. Когда одна изъ нихъ начала бойко переводить, Ушинскій замѣтилъ ей, что хотя она прекрасно понимаетъ прочитанное, но по-русски выражается неправильно, и указывалъ ей, какъ нужно переводить то или другое нѣмецкое выраженіе.

Когда мы поближе познакомились съ Ушинскимъ, мы замѣтили что онъ такъ уходитъ въ дѣло—все равно, читалъ ли онъ лекцію, или слушалъ наши отвѣты,—что не видѣлъ и не слышалъ, что происходило вокругъ. Но когда что-нибудь внезапно нарушало тишину, онъ вздрагивалъ, рѣзко дѣлалъ замѣчаніе нарушителю ея, не обращая ни малѣйшаго вниманія, къ кому оно относилось—къ воспитанницѣ, учителю или къ классной дамѣ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Дежурная дама, m-elle Тюфяева, внезапно съ шумомъ отодвинула свой стулъ, встала съ своего мѣста, подошла къ скамейкѣ и начала что то вырывать изъ рукъ одной воспитанницы. Какъ только она скрипнула стуломъ, Ушинскій быстро поднялъ голову и сталъ пристально всматриваться въ нее, точно не понимая въ первую минуту, что его отвлекло отъ дѣла. Но когда у нея завязалась борьба съ ученицей, онъ привсталъ съ своего мѣста и рѣзко закричалъ: «Перестаньте же, наконецъ, шумѣть! Кто васъ проситъ сидѣть въ классѣ? Учитель самъ обязанъ поддерживать порядокъ!» И сейчасъ же усѣлся, какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжая за-

нятія. Тюфяева поблѣднѣла, но промолчала, можетъ быть, отъ неожиданности. Съ институтской точки зрѣнія замѣчаніе Ушинскаго, какъ по формѣ, такъ и по существу, могло считаться возмутительною дерзостью. Наши инспектора и учителя разговаривали съ классными дамами не иначе, какъ съ величайшимъ почтеніемъ. Если же приходилось о чемъ-нибудь ихъ попросить или сдѣлать самое ничтожное замѣчаніе (то и другое было крайне рѣдко), то они обращались къ нимъ, наклонивъ голову и съ принятою галантностью: «M-elle N., простите великодушно, если я рѣшаюсь васъ безпокоить»... и т. п. А новый инспекторъ только что показался, и уже смѣетъ кричать на нее, заслуженную классную даму, какъ на послѣднюю горничную! Между тѣмъ, Ушинскій, сдѣлавъ ей такое неподходящее по институтскому этикету замѣчаніе, моментально забылъ о ея существованіи.

— Вы, кажется, нѣмка? — спросилъ онъ у воспитанницы, которая только что переводила съ нѣмецкаго на русскій. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ узналъ и отъ двухъ другихъ воспитанницъ, прекрасно отвѣтившихъ на всѣ его вопросы, что онѣ хотя и русскія, но дома говорили больше на нѣмецкомъ, чѣмъ на родномъ языкѣ.

— А, вотъ что! Значитъ, эти первыя ученицы знаніемъ языка обязаны семейству, а не учебному заведенію!—сказалъ Ушинскій, обращаясь къ учителю, поклонился и повернулся, чтобы уходить, но Тюфяева загородила ему дорогу.—Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, что мы дежуримъ въ классѣ по волѣ нашего начальства... что мы... что я... я высоко чту мое начальство...

— Если вы уже обязаны здѣсь сидѣть, неизвѣстно зачѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, должны сидѣть тихо, не скрипѣть стуломъ, не шмыгать между скамейками, не вырывать бумаги у воспитанницъ, не отвлекать ихъ вниманія отъ урока... Понимаете?—рѣзко перебилъ ее Ушинскій.

— Я, милостивый государь, служу здѣсь 36 лѣтъ... мнѣ, милостивый государь, седьмой десятокъ... да-съ, седьмой десятокъ... я не привыкла къ такому обращенію... Это все, все будетъ доложено, кому слѣдуетъ.

— Если вы дежурите съ такой опредѣленной цѣлью, то и исполняйте ваши священныя обязанности!..—Съ послѣдними словами онъ вышелъ изъ класса.

Тюфяева возвратилась на свое мѣсто, но была такъ взволнована, что не брала даже чулка въ руки, который она обыкновенно вязала: горько покачивая головой, она вдругъ расплакалась и направилась къ выходу. Воспитанницы въ первый разъ остались въ классѣ съ глазу на глазъ съ учителемъ. Всѣ молчали. Нашъ нѣмецъ что-то крѣпко призадумался, но это былъ одинъ моментъ: онъ вдругъ встрепенулся и по заведенному порядку на-

чаль вызывать учениць, одну за другой. Ратманова, пользуясь отсутствіемъ классной дамы, встала съ своего мѣста и, прикрывая ротъ и носъ платкомъ (указывая этимъ, что у нея кровь идетъ носомъ), смѣло вышла изъ класса, но не въ ту дверь, въ которую ей надлежало выйти для этого. Мы поняли, что она отправилась «на развѣдки». Намъ тоже не сидѣлось: мы чувствовали сильнѣйшую потребность обсуждать происшедшее, а между тѣмъ приходилось ждать до звонка, мало того, необходимо было запастись терпѣніемъ и на весь обѣдъ, такъ какъ въ это время не очень-то удобно было болтать. Нѣмецъ не обращалъ ни на что вниманія, и мы то и дѣло оборачивались по сторонамъ: одна показывала другой на свою голову и вертѣла надъ нею рукою, выражая этимъ, что у нея Богъ знаетъ, что тамъ творится, другая била себя въ грудь и закатывала глаза,—это означало, что у нея разрывается сердце отъ муки изъ-за того, что приходится такъ долго молчать.

Въ столовую мы спустились безъ дамы. Когда мы шли по парамъ, Ратманова незамѣтно присоединилась къ намъ и сидѣла за обѣдомъ, загадочно улыбаясь. Подруги то и дѣло подталкивали ея сосѣдокъ, умоляя ихъ выспросить ее о томъ, что́ она успѣла узнать. «Удалось ли что-нибудь?» спрашивали ее. Гордо поднявъ голову, она отвѣчала, что неудачи преслѣдуютъ только трусихъ и идіотокъ.

Наступилъ конецъ и нашимъ страданіямъ. Когда мы возвратились въ классъ, Тюфяева, на наше счастье, ушла въ свою комнату заливать горе кофеемъ. Сбившись въ кучу, воспитанницы кричали, перебивая другъ друга. «Это какой-то ужасающій злецъ!»—«Просто невѣжа!»—«Не конфузится сознаться, что у него денегъ нѣтъ даже на покупку шляпы!»—«Неправда, и опять неправда!»—смѣло выскочила на его защиту воспитанница Ивановская.—«Ушинскій... это, прежде всего, человѣкъ неземной красоты!»—«Не ты ли облила его шляпу духами?»—«Я не могла этого не сдѣлать!.. Спускаюсь утромъ на нижній корридоръ и вдругъ, вижу, входитъ... меня точно стрѣла пронзила! Я такъ была поражена его красотой!.. Дала ему пройти, и сейчасъ же бросилась къ вѣшалкамъ, облила его шляпу духами, вылила духи въ карманы его пальто, однимъ словомъ, весь флакончикъ опорожнила, благо онъ былъ подъ рукой».

Воспитанницы, однако, не одобрили поступка Ивановской. Хотя почти каждая изъ нихъ дѣлала то же самое, но въ данномъ случаѣ онѣ ссылались на то, что стоило только взглянуть на Ушинскаго, и каждая должна была бы понять, что онъ не оцѣнитъ такого вниманія. Хотя это сужденіе высказывалось post factum, но съ нимъ всѣ согласились, судили, рядили, и все-таки никто изъ насъ не могъ понять, почему Ушинскій такъ обозлился только за то, что его одежду облили духами. Нашимъ

учителямъ это обыкновенно очень нравилось: при встрѣчѣ и прощаніи они послѣ этого улыбались намъ лишній разъ. Особенно возмутило насъ въ Ушинскомъ, какъ величайшая неблаговоспитанность съ его стороны, что онъ осмѣлился кричать на насъ, взрослыхъ дѣвицъ, а также и то, какъ онъ разговаривалъ съ m-elle Тюфяевой. Конечно, мы всѣ были до невѣроятности счастливы, что онъ ее такъ «отбрилъ» и «унизилъ», но многія находили, что хотя она и классная дама, слѣдовательно, гнусное существо, но все же она дама вообще, а каждый образованный мужчина долженъ относиться къ дамѣ по-рыцарски, съ утонченною любезностью и почтеніемъ.

— Онъ не только невоспитанный человѣкъ, но и фарсунъ!

— Онъ не фарсунъ, а хвастунъ!

— Вѣрно, вѣрно! Постарался блеснуть передъ нами даже знаніемъ таблицы умноженія! Онъ воображаетъ, что мы безъ него не сумѣемъ помножить число недѣльныхъ уроковъ на семь мѣсяцевъ!

— А вѣдь ты бы не сумѣла!—вдругъ зацѣпила одна другую. Но на нихъ моментально зашикали за то, что онѣ своими глупостями мѣшаютъ говорить о серьезныхъ вещахъ.

— Онъ, навѣрное, прогонитъ нашего нѣмца!—кричали нѣкоторыя.

— Ого, руки-то коротки! Не сегодня—завтра Леонтьева его самого вытуритъ отсюда.

— Много вы понимаете! Онъ самъ можетъ вышвырнуть цѣлую дюжину такихъ начальницъ, какъ наша. Ушинскій, это—такая силища!.. Такая!.. Это просто что-то невѣроятное!..—говорила Ратманова.

— Какая тамъ силища! Наглый человѣкъ, вотъ и все тутъ!—возражали нѣкоторыя.

— Развѣ вы можете оцѣнить смѣлость, дерзость, силу, съ которыми человѣкъ говоритъ правду въ глаза? Классныя дамы вамъ втемяшили въ голову, что это дурно, вы презираете ихъ, а сами повторяете за ними!.. Жалкія вы созданья, даже просто, можно сказать, стадо барановъ!—вдругъ отрѣзала Ратманова.

Страшная буря негодованія поднялась противъ нея и, вѣроятно, окончилась бы тѣмъ, что многія жестоко перебранились бы между собой и, уже навѣрно, большая часть воспитанницъ перестала бы разговаривать съ нею на недѣлю-другую, но на этотъ разъ всѣ охвачены были новымъ, неиспытаннымъ еще настроеніемъ: хотѣлось обсуждать происшедшее, узнать какъ можно болѣе новостей объ инспекторѣ. Сознавая, что Ратманова обладаетъ хорошею памятью и, будучи весьма толковой и неглупой, умѣетъ точно передавать слышанное, воспитанницы упрашивали другъ друга прекратить перебранку и умоляли свою оскорбительницу разсказать все, что она узнала. Въ другое время Ратманова не

упустила бы случая насъ помучить и поломаться, но въ эту минуту ее охватило сильное желаніе говорить, ея всегдашнее стремленіе «пофигурять» (такъ мы опредѣляли ея желаніе первенствовать) взяло, наконецъ, верхъ надъ остальными ея соображеніями, и она передала слѣдующее.

По выходѣ изъ класса, она, прежде чѣмъ завернуть за уголъ коридора, замѣтила прогуливающихся и разговаривающихъ между собою инспектрису и Ушинскаго. За угломъ ей все было слышно, но первой части разговора она не застала. Она пришла, когда Ушинскій разсказывалъ m-me Каро о своемъ столкновеніи съ Тюфяевой, но, не зная ея фамиліи, онъ такъ характеризовалъ ее: «Знаете, такая дряблая старушонка... хвастала тѣмъ, что высоко чтитъ начальство, что тридцать шесть лѣтъ служитъ здѣсь, что живетъ очень долго... Я хотѣлъ, было, сообщить ей, что слоны живутъ еще дольше, что продолжительность жизни цѣнится только тогда, когда она полезна ближнимъ... да не стоило терять времени съ этой скудоумной головой! Но такъ какъ она грозила донести своему начальству, то я и предупреждаю васъ объ этомъ».

Инспектриса, по мягкости своего характера, просила его о снисхожденіи къ класснымъ дамамъ, указывая на то, что нѣкоторыя изъ нихъ, дѣйствительно, не блестятъ своимъ образованіемъ, но гдѣ же взять образованныхъ?

Ушинскій указывалъ, что если бы при пріемѣ классныхъ дамъ руководились правиломъ приглашать умственно развитыхъ, а не особъ, умѣющихъ только «кадить всякой пошлости», то при стараніи, конечно, можно было бы найти подходящихъ...

— Кадить всякой пошлости! Кадить всякой пошлости! Какое чудесное выраженіе!—подхватывали мы, ошеломленныя столь новой для насъ фразой.

— А что еще онъ сказалъ!—продолжала Ратманова.—«Нужно,—говоритъ,—создать иныя условія для пріема воспитательницъ и *скорѣе выбросить весь теперешній старый хламъ*».

— Какой онъ умный!—всплеснули мы руками въ восторженномъ изумленіи.

— Не мѣшайте же слушать!—взывали другія, боясь проронить хотя слово Ратмановой, которая продолжала передавать его разговоръ съ инспектрисой.—«Выбросить старый хламъ служащихъ и сдѣлать это, какъ можно скорѣе, необходимо уже потому,—говорилъ Ушинскій,—что теперешнія классныя дамы притупляютъ умственныя способности воспитанницъ и озлобляютъ ихъ сердца».

«Притупляютъ умственныя способности и озлобляютъ сердца!» повторяли мы, какъ молитву, за Ратмановой. Вообще, въ Ушинскомъ насъ на первыхъ порахъ поражали не только его умъ и находчивость, но, кажется, болѣе всего слова и выраженія, такъ какъ, кромѣ оффиціальныхъ, обыденныхъ словъ, мы до тѣхъ поръ ни отъ кого ничего подобнаго не слыхали.

Инспектриса отвѣчала ему, что она, хотя и съ большимъ трудомъ, можетъ еще представить себѣ, что при пріемахъ классныхъ дамъ будутъ болѣе, чѣмъ теперь, обращать вниманіе на ихъ умственное развитіе, но никогда, она за это ручается, ни одна начальница института не согласится на то, чтобы оставлять воспитанницъ въ классѣ съ глазу на глазъ съ учителемъ. Это немыслимо уже потому, что идетъ въ разрѣзъ со всѣмъ характеромъ институтскаго воспитанія, и такой обычай, по ея мнѣнію, имѣетъ основаніе: учитель во время урока занятъ своимъ дѣломъ, а классная дама обязана наблюдать, чтобы воспитанницы не занимались постороннимъ.

— О, когда начнутъ занятія новые учителя, они сумѣютъ настолько заинтересовать воспитанницъ, что тѣ сами не будутъ заниматься ничѣмъ постороннимъ...

— Вы, кажется, твердо вѣрите въ то, что вамъ удастся создать идеальный институтъ?

— На идеальный не разсчитываю, но если бы я не вѣрилъ въ то, что мнѣ удастся оздоровить это стоячее болото...

— Ахъ, ты, Боже мой!.. Душка, Маша, неужели онъ такъ-таки и сказалъ: *стоячее болото?* Вотъ-то дерзкій! Вѣдь этими словами онъ унизилъ нашъ институтъ! Maman должна была его оборвать тотчасъ же. Ну, говори, говори, что же на это инспектриса?

— Ни гу-гу! Да развѣ онъ только это говорилъ! Онъ вотъ еще что загнулъ: «я, говоритъ, до сихъ поръ думалъ только о томъ, какъ бы получше поставить преподаваніе, но тѣ немногіе дни, которые я провелъ здѣсь, показали, что мнѣ придется вмѣшиваться и въ нѣкоторыя стороны воспитанія... Если не будутъ уничтожены многіе безнравственные обычаи, развращающіе воспитанницъ, они будутъ мѣшать ихъ правильному развитію.

— Что же безнравственнаго вы нашли въ нашихъ обычаяхъ?

— Но развѣ не безнравственно заставлять училицъ снимать пелеринки передъ приходомъ учителя? Вѣдь въ послѣобѣденное время я самъ видѣлъ, что онѣ сидятъ въ пелеринкахъ, значитъ, тутъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы пріучать къ холодной температурѣ...

На это maman весело расхохоталась.—Помилуйте, вы хотите не только переформировать нашъ институтъ, но переформировать всю жизнь женщины вообще, измѣнить даже всѣ людскія отношенія! Въ такомъ случаѣ вамъ придется возставать и противъ баловъ, на которые дѣвушки являются декольтированными.

Ушинскій не уступалъ и тоже весело смѣялся.—Ну, въ бальные порядки я вмѣшиваться не собираюсь... Но согласитесь сами: вѣдь съ обнаженными плечами на балы являются для того, чтобы ловить жениховъ. А классъ для институтки долженъ быть храмомъ науки! И вдругъ здѣсь съ ранняго возраста пріучаютъ дѣвушекъ

оголять себя!.. Всѣми силами буду добиваться уничтоженія этого неприличнаго обычая.-

Но тутъ колоколъ прервалъ ихъ бесѣду, и m-me Каро отъ всего сердца пожелала ему перестроить институтъ на идеальныхъ началахъ, хотя сильно сомнѣвалась въ удачѣ; онъ тоже задушевно пожелалъ ей всего лучшаго. Характеръ ихъ бесѣды не носилъ ничего оффиціальнаго: они называли другъ друга по имени и отчеству, разговаривали просто и дружески.

Колоколъ призывалъ и насъ къ чаю, хотя души наши рвались обсуждать безъ конца небывалыя новости. До сихъ поръ никто, ничто и никогда не волновало насъ такъ, какъ это первое появленіе у насъ Ушинскаго. Такъ же оживленно болтали мы и послѣ чаю, когда пришли въ дортуаръ, чтобы ложиться спать. Мы быстро раздѣлись и, закутавшись въ одѣяло, размѣстились на нѣсколькихъ кроватяхъ. И на этотъ разъ каждая спѣшила высказать свое мнѣніе. Мы совсѣмъ не были подготовлены ни къ самостоятельному мышленію, ни къ критическому анализу. Мысли наши были какія-то коротенькія и несложныя, высказывались отрывочно и непослѣдовательно. Наши чувства и ихъ выраженія были не только стадными, но часто извращенными, языкъ нашъ страдалъ однообразіемъ и бѣдностью выраженія, запасъ словъ былъ крайне не великъ. Но какъ бы то ни было, наша мысль зашевелилась впервые, насъ охватилъ какой-то вихрь вопросовъ, глаза у всѣхъ блестѣли, щеки пылали, сердца трепетали. Мы сидѣли и разсуждали далеко за полночь, бросаясь къ кроватямъ при каждомъ шумѣ.

— Онъ просто отчаянный какой-то!—было мнѣніемъ большинства. Однако, несмотря на отзывы, не совсѣмъ · благопріятные для Ушинскаго, мы сразу, инстинктивно, почуяли въ его личности что-то сильное, крупное и оригинальное. Эпитетъ отчаяннаго, который ему давали, польстилъ «отчаяннымъ»: то одна, то другая обращали вниманіе подругъ на то, что отчаянность уже вовсе не такой порокъ, какъ у насъ принято думать. Вотъ онъ отчаянный, а между тѣмъ очень умный и, кажется, даже хорошій: сейчасъ раскусилъ, что Тюфяева дрянь, а нѣмецъ—плохой учитель. Но не всѣ соглашались съ этимъ опредѣленіемъ: умные и хорошіе люди, утверждали онѣ, непремѣнно въ то же время и люди благовоспитанные, а его насмѣшки надъ нами и разговоръ съ Тюфяевой показываютъ его невоспитанность. Другія въ число его преступленій заносили и то, что онъ осмѣлился назвать нашъ институтъ «стоячимъ болотомъ», а всѣ говорятъ, прибавляли онѣ, что это первоклассное заведеніе. Болѣе всего трепалось въ институтѣ выраженіе: «всѣ говорятъ»; оно казалось многимъ сильнѣйшимъ подтвержденіемъ сказаннаго.

— А что въ немъ хорошаго, въ этомъ вашемъ институтѣ?— съ лицомъ, пылающимъ гнѣвомъ, вскочила Ратманова.—Пусть го-

ворить каждая все хорошее, что знаетъ о немъ!.. Развѣ то, что мы въ немъ ничему не научились, что мы холодали и голодали, какъ жалкія собаки, что насъ всячески поносили классныя дамы, что нашими воспитательницами были даже сумасшедшія, что мы ни въ комъ не находили защиты, что мы ни отъ кого не слыхали добраго слова? Ахъ, молчите, молчите, вы—несчастныя съ вашимъ первокласснымъ заведеніемъ, или, лучше сказать, съ вашей первоклассной чушью и тупостью!—И, дѣйствительно, всѣ замолчали, сознавая справедливость ея словъ.

— А все-таки онъ странный! Какъ это онъ не понимаетъ, что ничего нѣтъ дурного въ декольтированіи? Это только красиво! Вѣдь если бы это было пошло и неприлично, то во дворцахъ и въ аристократическихъ домахъ на балахъ не являлись бы съ голыми плечами?—Этотъ доводъ показался до того вѣскимъ и убѣдительнымъ, что всѣ присоединились къ нему. Но тутъ же нѣкоторыя старались оправдать непониманіе Ушинскимъ такихъ простыхъ вещей тѣмъ, что онъ, вѣроятно, очень ученый, сильно заучился, а потому ничего и не смыслитъ въ жизни, а особенно въ красотѣ.

— Небось, очень понялъ, что maman красива, а Тюфяева уродъ: онъ потому-то такъ и накричалъ на нее, а съ красивою maman у него и дружескіе разговоры.

— Не то, не то...—возражали ей.—Тюфяева идіотка, а maman умна и умѣетъ всѣхъ очаровать. Да онъ скоро и ее раскуситъ!.. Что-то будетъ завтра? Ахъ, если бы онъ подольше у насъ остался!—восклицали воспитанницы, но тутъ же единогласно высказывали твердое убѣжденіе, что ему у насъ не сдобровать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій Ушинскій посѣтилъ урокъ русскаго языка учителя Соболевскаго, который преподавалъ во всѣхъ младшихъ классахъ. Это былъ человѣкъ сухой, какъ скелетъ, длинный, какъ жердь, съ низкимъ лбомъ, съ провалившимися щеками, съ косыми глазами, съ коротко подстриженными волосами, торчащими на головѣ, какъ у ежа. Самое непріятное въ этомъ преподавателѣ было то, что онъ, при своемъ чтеніи и объясненіи, брызгалъ слюною во всѣ стороны, отчего сильно страдали воспитанницы, близко къ нему стоящія. Его урокъ дѣлился на двѣ части: первую половину времени онъ спрашивалъ заданную страницу изъ грамматики, требуя, чтобы ее отвѣчали слово въ слово, ничего не пополняя, не измѣняя и не сокращая въ ней. Диктантомъ онъ никогда не занимался, какъ будто не имѣлъ даже представленія, что это слѣдуетъ дѣлать, и дѣти разучились бы писать, если бы онъ не задавалъ списывать и выучивать басню за басней Крылова.

Самая характерная часть урока наступала тогда, когда Соболевскій приказывалъ отвѣчать басню. Онъ всегда былъ недоволенъ отвѣтомъ и каждой вызванной имъ дѣвочкѣ показывалъ, какъ слѣ-

дуетъ декламировать. Начиналось настоящее представленіе. Звѣрей онъ изображалъ въ лицахъ: лису, согнувшись въ три погибели, до невѣроятности скашивая свои и безъ того косые глаза, слова произносилъ дискантомъ, а чтобы напомнить о ея хвостѣ, откидывалъ одну руку назадъ, помахивая ею сзади тетрадкой, свернутой въ трубочку. Когда дѣло шло о слонѣ, онъ поднимался на носки, а длинный хоботъ должны были указывать три тетради, свернутыя въ трубочку и вложенныя одна въ другую. При этомъ, смотря по звѣрю, онъ то бѣгалъ и рычалъ, то, стоя на мѣстѣ, передергивалъ плечами, оскаливалъ зубы.

Ушинскій вошелъ на урокъ какъ разъ въ ту минуту, когда Соболевскій декламировалъ басню «Слонъ и Моська». Когда онъ произнесъ слова: «Ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться», онъ старался все это драматизировать болѣе, чѣмъ когда нибудь. Съ изумленіемъ смотрѣлъ на него Ушинскій, не дѣлая ни малѣйшаго замѣчанія, но, чтобы прекратить комедію, наконецъ, сказалъ: «я буду диктовать». Когда послѣ этого онъ просмотрѣлъ нѣсколько тетрадей, то замѣтилъ, что нѣкоторыя воспитанницы дѣлаютъ въ словахъ больше ошибокъ, чѣмъ буквъ, кивнулъ головой и вышелъ.

Оба они встрѣтились на нижнемъ коридорѣ, и Ушинскій замѣтилъ:—Вы, вѣроятно, слышали много похвалъ выразительному чтенію, но у васъ уже выходитъ цѣлое представленіе... Такъ кривляться даже какъ-то унизительно для достоинства учителя.—Соболевскій и тутъ не понялъ, что эти слова—его приговоръ, и отвѣчалъ, что онъ съ трепетомъ будетъ ожидать окончательнаго рѣшенія г. инспектора. Ушинскій рѣзко отвернулся отъ него и началъ искать свои калоши. Соболевскій нашелъ ихъ и уже нагнулся, чтобы подать ихъ ему, но Ушинскій со злостью вырвалъ ихъ у него и произнесъ съ запальчивостью: «Лакей на каѳедрѣ уже совсѣмъ не подходящее дѣло!... Это мое окончательное рѣшеніе!»

Мы съ большимъ нетерпѣніемъ ждали посѣщенія Ушинскимъ урока нашего учителя литературы и словесности Старова, который считался у насъ лучшимъ преподавателемъ. Мы тщательно готовили его уроки, а потому напередъ праздновали побѣду.

Старовъ по натурѣ былъ человѣкомъ порядочнымъ, мягкимъ, добросердечнымъ и обязательнымъ. Послѣ окончанія лекціи воспитанницы окружали его со всѣхъ сторонъ, а онъ, чуть, бывало, замѣтитъ выраженіе грусти на лицѣ кого-нибудь изъ насъ, сейчасъ же начинаетъ участливо разспрашивать о причинѣ ея, старается развлечь стихами, которые онъ говорилъ на память нараспѣвъ, полузакрывъ глаза и съ большимъ паѳосомъ. Онъ ободрялъ каждую изъ насъ незамысловатыми утѣшеніями вродѣ того, что наша жизнь впереди, что она сулитъ намъ много радости и счастья, а мы съ удовольствіемъ прислушивались и къ музыкѣ стиховъ, и къ его добрымъ словамъ. Особенно любили мы его за ласку и участіе,

которыхъ не встрѣчали въ другихъ. Если онъ узнавалъ, что кто-нибудь изъ насъ наказанъ, онъ бѣжалъ просить прощенія у классной дамы.

Старовъ былъ единственнымъ человѣкомъ, котораго одинаково любили и воспитанницы, и начальство. Оно считало его человѣкомъ «доброй души», и классныя дамы съ удовольствіемъ исполняли маленькія просьбы этого всегда безукоризненно вѣжливаго и внимательнаго къ нимъ человѣка. Но удивительнѣе всего было то, что мы чрезвычайно были довольны его преподаваніемъ, хотя какъ изъ устныхъ его лекцій, такъ и изъ письменныхъ, изложенныхъ имъ на листикахъ, которые мы тщательно переписывали, у насъ ничего не оставалось въ памяти,—все, какъ дымъ, испарялось изъ нашихъ головъ. Мы проходили у него теорію прозы и поэзіи, а также и литературу. Всѣ наши свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ мы черпали только изъ его записокъ. Правда, онъ читалъ намъ отрывки изъ произведеній, но они не давали намъ никакого понятія даже о самыхъ крупныхъ изъ нихъ. Но въ прозаическихъ и въ поэтическихъ отрывкахъ, а также въ лекціяхъ Старова постоянно говорилось о правдѣ, красотѣ, о высшихъ запросахъ ума и сердца, о порываніяхъ къ идеалу, и мы хотя и не понимали, о какой правдѣ и красотѣ идетъ рѣчь, не умѣли отличать высшихъ стремленій отъ низменныхъ, но намъ очень нравились хорошія слова и звучные стихи. Мы находили, что учить и слушать лекціи Старова несравненно пріятнѣе, чѣмъ долбить сухія грамматическія правила, хронологію исторіи, опредѣленія и номенклатуру географіи.

Ушинскій пришелъ, наконецъ, на урокъ Старова. Вызванная ученица прекрасно отвѣтила заданный урокъ о Пушкинѣ. Но когда Ушинскій сказалъ ей, чтобы она вмѣсто «фразистыхъ словъ учебника» (о ужасъ! эти, какъ онъ называлъ, фразистыя слова учебника были записки самого Старова), разсказала ему содержаніе «Евгенія Онѣгина» или «Капитанской дочки», ученица отвѣчала, что не читала ни того, ни другого произведенія. Тогда Ушинскій просилъ встать съ своего мѣста всѣхъ ученицъ, прочитавшихъ цѣликомъ одно изъ произведеній Гоголя, Пушкина или Лермонтова. Оказалось, что во всемъ классѣ не нашлось ни одной такой воспитанницы. Старовъ оправдывался тѣмъ, что у насъ не существуетъ библіотеки, а что свой экземпляръ онъ не можетъ оставлять у насъ, такъ какъ читаетъ литературу въ нѣсколькихъ заведеніяхъ.

Судя по разговору, который произошелъ на урокѣ между Старовымъ и Ушинскимъ (со стороны послѣдняго вполнѣ корректному), мы пришли къ мысли, что инспекторъ если и не уволитъ нашего любимца, то только въ томъ случаѣ, если мы выступимъ на его защиту. Нами руководило убѣжденіе, что если ученицы хвалятъ своего учителя, то каждый обязанъ вѣрить тому, что это

дѣйствительно хорошій преподаватель. И мы рѣшили защищать его до послѣдней капли крови. Мы сознавали всю трудность задачи говорить съ человѣкомъ, передъ которымъ робѣютъ и теряются даже учителя. Но намъ казалось, что уклониться отъ этой обязанности было бы величайшей низостью.

Но какъ плохо мы были вооружены для этого! Если между нами и были поэтессы, то ораторовъ, даже плохенькихъ, совсѣмъ не существовало. Мы наивно выражали наши дѣтскія мысли, не умѣли выдѣлить главнаго отъ мелочей и при этомъ страшно конфузились всѣхъ, а тѣмъ болѣе Ушинскаго. Но для любимаго Старова никакая жертва не была тяжела. Мы условились между собою, что одна изъ насъ во всемъ блескѣ выставитъ необыкновенную доброту Старова, другая укажетъ на его таланты, видимо, совсѣмъ не извѣстные господину инспектору. И мы бросились къ нему, какъ только онъ показался въ коридорѣ.

— Monsieur Ушинскій!—кричали мы, окружая его.

— Ахъ, пожалуйста, не называйте вы меня monsieur! Черезчуръ оффиціально! Константинъ Дмитріевичъ, да и все тутъ!..

Это неожиданное предложеніе такъ переконфузило насъ, что мы забыли даже, о чемъ собирались съ нимъ бесѣдовать.

— Что же вы хотѣли сказать? Ради Бога, не конфузьтесь! Останавливайте, спрашивайте меня обо всемъ, что вамъ угодно... И не очень сердитесь за мою рѣзкость, за мой, можетъ быть, не совсѣмъ вѣжливый тонъ... Работы у меня гибель, я всегда такъ тороплюсь: вотъ для скорости иногда и отхвачу приставочку къ рѣчи, которою можно было бы закруглить, смягчить то, что хочешь сказать... Ну, въ чемъ же дѣло?

Мы толкали ту, которая должна была начинать, но она могла только проговорить:—Вы недовольны Старовымъ! Вѣдь онъ же не виноватъ, что намъ не даютъ книгъ! Вы его совсѣмъ не знаете!.. Онъ такой добрый!.. Просто даже чудный человѣкъ!

— Правда, правда: незлобивый, даже недурной человѣкъ, но, къ сожалѣнію, этого еще очень мало для преподавателя...

— Вы, должно быть, не знаете, что онъ поэтъ! Даже очень знаменитый поэтъ!—лепетала Ивановская, обязанностью которой было выставить его таланты.

— Не зналъ... не зналъ, что такой поэтъ существуетъ! Да еще знаменитый! Гм... подите-же!.. Какія же такія его произведенія? Онъ уже, конечно, познакомилъ васъ съ ними и, можетъ быть, даже не въ отрывкахъ только?

Ивановская пролепетала, что у него есть чудное стихотвореніе «Молитва». Ушинскій въ концѣ концовъ уломалъ ее продекламировать его, и она начала дрожащимъ голосомъ:

«Какъ много пѣсенъ погребальныхъ
Еще ребенкомъ я узналъ,

И скорбный смыслъ ихъ словъ прощальныхъ
Я часто юношей внималъ.
Но никогда отъ думъ печальныхъ
Старовъ душой не унывалъ!
Создатель міра, Царь всесильный,
Мнѣ много, много подарилъ,
Когда веселостью обильной
Онъ трепетъ жизни домогильной
Во мнѣ»...

— Довольно... довольно! Это Богъ знаетъ что такое! Вѣдь Старовъ уже много лѣтъ читаетъ литературу въ разныхъ заведеніяхъ и могъ бы понять, что въ его стихотвореніи нѣтъ ни поэзіи, ни мысли, ни чувства, ни образа, ни риѳмы. А онъ не стыдится показывать эту свою замогильную чепуху своимъ ученицамъ! Нѣтъ, воля ваша, это просто фразеръ и пустозвонъ!..

Обозленныя этимъ проваломъ, воспитанницы ввалились въ классъ, ругая на чемъ свѣтъ своихъ ораторовъ, не умѣвшихъ защитить Старова, и перекорялись между собой. Хотя при этомъ сильно доставалось и Ушинскому, котораго мы честили эпитетомъ «непроходимой злюки» за то, что онъ выгоняетъ даже добрыхъ учителей, но когда нѣсколько успокоились, то нѣкоторыя начали высказывать, что незачѣмъ-де было цитировать стихи Старова, которыя, дѣйствительно, уже вовсе не такъ прекрасны, забывая, что еще недавно такъ восторгались ими, что каждая переписывала ихъ въ свой альбомчикъ и знала наизусть. Это критическое отношеніе пошло и дальше: говорили, что хотя Старовъ и чудный человѣкъ и превосходно читаетъ, но какъ-то отъ всѣхъ его лекцій въ головѣ ничего не остается. На это Ратманова закричала во все горло: «Если бы сюда собрать всѣхъ міровыхъ геніевъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ вѣковъ, всѣ они вмѣстѣ ни на іоту не просвѣтили бы ваши дурацкія головы!» Поднялась страшная буря,—всѣ набросились на Ратманову. На это, какъ сумашедшая, вбѣжала m-elle Лопарева: «Какъ вы смѣете такъ орать? Хотя вы и выпускныя, но въ наказаніе будете стоять весь слѣдующій урокъ». Она передъ этимъ съ кѣмъ-то разговаривала въ коридорѣ, куда сейчасъ же и выбѣжала.

— Не смѣйте подчиняться этому! Преспокойно садитесь, когда войдетъ учитель...—кричали нѣкоторыя.

И, дѣйствительно, когда въ классъ вошла Лопарева, а за нею учитель, мы, несмотря на наказаніе, преспокойно усѣлись на свои мѣста. Это былъ первый протестъ, устроенный сообща всѣмъ классомъ безъ исключенія. Лопарева густо покраснѣла отъ злости, но не рѣшилась пикнуть, вѣроятно, понявъ по выраженію нашихъ лицъ, что на этотъ разъ мы скорѣе сдѣлаемъ скандалъ, но ни за что не подчинимся ея требованію.

Хотя Ушинскій нѣкоторымъ учителямъ отказалъ при первомъ

же посѣщеніи уроковъ, но большая часть ихъ оставалась у насъ до оффиціальнаго утвержденія его учебной реформы.

Воспитанница старшаго класса, Аня Ивановская, отправила однажды письмо къ своему отцу черезъ классную даму Тюфяеву, въ которомъ она просила его прислать ей денегъ. Отвѣтъ получился черезъ ту-же даму, у которой была родственница, нѣсколько знакомая съ Ивановскимъ: она приносила о немъ разныя сплетни m-elle Тюфяевой. Ивановскій на этотъ разъ отказывался исполнить просьбу дочери за неимѣніемъ денегъ. Тюфяева, прочитавъ письмо и передавая его Ивановской при остальныхъ подругахъ, начала попрекать ее тѣмъ, что вотъ-де она умѣетъ «носъ задирать и фордыбачить» (на институтскомъ жаргонѣ это означало, что она не выказываетъ должнаго смиренія), а между тѣмъ у отца ея ничего нѣтъ; если-же что и перепадаетъ, то онъ болѣе предпочитаетъ тратить деньги на театры, чѣмъ посылать ихъ дочери. Изъ этого примѣра Тюфяева сдѣлала общій выводъ для всѣхъ воспитанницъ и начала обычную нотацію на тему, что-де отъ нихъ, классныхъ дамъ, теперь требуютъ Богъ знаетъ чего, даже какихъ-то нѣжностей съ воспитанницами, которыя для нихъ совершенно чужія, а вотъ и отецъ родной, а нѣжностей къ дочери и особыхъ заботъ о ней не проявляетъ.

Зная необыкновенную вспыльчивость Ивановской, воспитанницы незамѣтно, но ловко выталкивали ее локтями въ задніе ряды, и она, наконецъ, выбѣжала въ коридоръ. Въ эту минуту проходилъ Ушинскій и съ большимъ участіемъ обратился къ ней, упрашивая ее оказать ему маленькое довѣріе, сказать, почему она такъ грустна. Она объяснила ему, что воспитанницы обязаны переписываться съ родителями не иначе, какъ черезъ классныхъ дамъ. Такое правило существуетъ, и тутъ уже ничего не подѣлаешь, но она злится на себя за то, что не постаралась, какъ другія ея подруги, переслать свое письмо черезъ ихъ родственниковъ. Къ тому же ее оскорбляетъ то, что m-elle Тюфяева воспользовалась письмомъ ея отца для того, чтобы попрекать ее тѣми сплетнями, которыя она собираетъ о немъ у своей родственницы, съ умысломъ искажаетъ его слова, чтобы унижать ее и часами говорить свои опостылѣвшія проповѣди.

Ушинскій горячо поблагодарилъ Ивановскую за довѣріе и сказалъ, что оно поможетъ ему обратить вниманіе на эту сторону жизни институтокъ, что онъ поговоритъ объ этомъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, и будетъ стараться уничтожить этотъ обычай. И, дѣйствительно, мы узнали, что Ушинскій, со всей энергіей, присущей его страстному темпераменту, говорилъ съ принцемъ Ольденбургскимъ и на разныхъ совѣщаніяхъ о томъ, что обычай контролировать письма воспитанницъ подрываетъ основы семейныхъ узъ и пріучаетъ ихъ хитрить, лгать и обманывать. Развивая въ воспитанницахъ рабскія чувства, онъ не даетъ возможности начальству

достигать единственной цѣли, къ которой оно при этомъ стремится, т. е. лишить воспитанницъ возможности передавать родителямъ что-бы то ни было непочтительное о начальствѣ. Когда имъ необходимо снестись съ родственниками такъ, чтобы этого никто не зналъ, онѣ умѣютъ обходить это правило. Воспитанница, раздраженная тѣмъ, что не можетъ по душѣ говорить съ своими родителями, въ своемъ секретномъ письмѣ отдѣлаетъ начальство такъ, какъ это ей не пришло бы въ голову, если бы ей не мѣшали быть откровенной съ ними всегда, когда она того пожелаетъ.

Однако Ушинскому, несмотря на краснорѣчивыя доказательства вреда этого обычая, не удалось его уничтожить, но онъ сильно ослабилъ его: въ либеральную эпоху его инспекторства нѣкоторыя классныя дамы начали передавать воспитанницамъ письма, не распечатывая ихъ, другія распечатывали лишь для проформы. Но, конечно, оставались и такія, которыя не мѣняли своего поведенія въ этомъ отношеніи.

За то Ушинскому удалось настоять на томъ, чтобы воспитанницы во время уроковъ не сидѣли безъ пелеринокъ; достигъ онъ уничтоженія и еще несравненно болѣе вреднаго обычая. До его вступленія воспитанницы не имѣли права предлагать вопросовъ учителямъ. Ушинскій настоялъ на томъ, чтобы онѣ спрашивали у нихъ не только то, чего не понимаютъ, но чтобы вообще урокъ носилъ характеръ живыхъ бесѣдъ. Однако, большинство нововведеній, которыхъ Ушинскій достигъ путемъ тяжелой борьбы съ консервативнымъ до дикости начальствомъ, погрязшимъ въ рутинѣ и предразсудкахъ, были уничтожены тотчасъ же послѣ того, когда онъ сложилъ съ себя званіе инспектора и оставилъ институтъ.

Прошло недѣли три со дня вступленія Константина Дмитріевича въ должность инспектора. Пока никакихъ реформъ еще не было введено; несмотря на это, буквально каждая встрѣча съ нимъ, каждое его слово, все, что мы слыхали о томъ, что онъ объяснялъ въ другихъ классахъ, было для насъ откровеніемъ, поражало насъ, давало намъ огромный матеріалъ для споровъ и бесѣдъ между собой. Иной разъ то или другое въ его словахъ, казалось намъ, противорѣчило тому, что онъ говорилъ передъ этимъ. Но нерѣдко все это вдругъ выяснялось какимъ-нибудь однимъ его замѣчаніемъ, а затѣмъ постепенно мы сами стали доходить до разгадки нѣкоторыхъ его словъ и поступковъ. То, что мы не понимали самыхъ элементарныхъ вещей, было естественнымъ послѣдствіемъ нашей оторванности отъ жизни, нашего монастырскаго воспитанія.

Съ водвореніемъ Ушинскаго, мы, какъ по мановенію волшебнаго жезла, проснулись, ожили, заволновались и не могли наговориться другъ съ другомъ. Раздоры и пререканія между собой, даже отчаянныя выходки противъ классныхъ дамъ проявлялись теперь несравненно рѣже и слабѣе уже вслѣдствіе того, что мы были заняты другимъ. Еще такъ недавно наша жизнь протекала крайне

однообразно, не давая намъ никакого матеріала для живого общенія между собой, и наши разговоры ограничивались разсказами другъ другу о выходкахъ классныхъ дамъ и о нашихъ мечтахъ подкузьмить такъ или иначе ту или другую изъ нихъ. Теперь мы каждое слово и замѣчаніе Ушинскаго обсуждали со всѣхъ сторонъ и все болѣе критически относились къ прежнимъ нашимъ взглядамъ. Мы постепенно примирились и съ рѣзкой выходкой Ушинскаго за духи, и съ его суровымъ приговоромъ относительно нашего кумира Старова. Все искреннѣе и глубже проникались мы сознаніемъ того, что Ушинскій приноситъ намъ дѣйствительную пользу, что онъ стремится сдѣлать нашу жизнь болѣе человѣческою и содержательною, чѣмъ это было раньше. Наши дикіе, специфически-институтскіе взгляды незамѣтно сглаживались и замѣнялись воззрѣніями иного характера. Нашъ страхъ, что Ушинскій будетъ уволенъ изъ института за то, что онъ съ такою прямотою, смѣлостью и рѣзкостью, не щадя мелкаго самолюбія начальства, проводитъ свои взгляды и идеи, не только исчезъ, но замѣнился совершенно противоположнымъ. Намъ казалось уже, что такого человѣка, какъ Ушинскій, никто не посмѣетъ тронуть. Конечно, такое мнѣніе говорило объ отсутствіи пониманія жизни, но, какъ бы то ни было, наша вѣра во всемогущество Ушинскаго все росла и укрѣплялась слухами о немъ. Мы узнали, что его педагогическая и литературная дѣятельность, его блестящіе успѣхи въ Гатчинскомъ институтѣ, гдѣ онъ раньше былъ инспекторомъ, обратили на него всеобщее вниманіе. Наши учителя, классныя дамы, инспектриса открыто говорили о томъ (и это подтвердилось), что имп. Марія Александровна, желая поднять институтское образованіе, рѣшилась внести въ него многія реформы и сама указала министру народнаго просвѣщенія Норову (члену совѣта института по учебной части) на Ушинскаго, какъ на желательнаго для этого человѣка. И для насъ стало очевиднымъ, почему Леонтьева до сихъ поръ не уволила его. Мы твердо начали вѣрить, что, при энергіи Ушинскаго, реформы будутъ проведены, и безапелляціонно рѣшили, что онъ будетъ въ институтѣ такимъ же реформаторомъ, какимъ былъ Петръ Великій въ Россіи.

Послѣ этого я долго не видала Ушинскаго. Со мною случилось несчастіе, описанное мною въ прошломъ очеркѣ: я заболѣла, долго пролежала въ лазаретѣ, а затѣмъ уѣхала домой на все лѣто и возвратилась только осенью того же 1859 г.

Какъ-то, когда до выпуска оставалось уже нѣсколько мѣсяцевъ (тогда выпуски были въ мартѣ), ко мнѣ подошелъ Ушинскій и спросилъ: Не вы ли та воспитанница, которая вслѣдствіе паденія съ лѣстницы чуть не вдребезги разбила себѣ грудь и, испытывая жестокія боли, подвергая себя смертельной опасности, не пошла къ доктору, опасаясь этимъ опозорить себя?

Я почувствовала въ его вопросѣ злую иронію и молчала; по-

други, стоявшія подлѣ, подтвердили, что это была именно я. Вдругъ этотъ строгій, суровый человѣкъ, тонкія, крѣпко сжатыя губы котораго такъ рѣдко улыбались, разразился громкимъ, веселымъ смѣхомъ, а мнѣ это показалось какимъ-то оскорбительнымъ издѣвательствомъ, и я повернулась, чтобы уйти даже безъ реверанса, что считалось у насъ невѣжествомъ.

— Что же вы сердитесь? Кажется, даже обидѣлись?

— Каждая на моемъ мѣстѣ поступила бы такъ же...

— Ну, нѣтъ! Если даже и у всѣхъ васъ такія «идеальныя убѣжденія», то все таки рѣдко кто могъ бы выдержать характеръ до конца. Право-же, вы оказались настоящей героиней! Если у такой дѣвочки, какъ вы, такой характеръ, столько силы воли, она можетъ употребить ихъ на что-нибудь болѣе полезное. Однимъ словомъ, я хочу предложить вамъ, вмѣсто того, чтобы уѣхать домой послѣ выпуска, остаться еще здѣсь и поучиться въ новомъ, седьмомъ классѣ, который я устраиваю для выпускныхъ. Увѣряю васъ... почитаете, подумаете, поработаете головой и даже на этотъ вопросъ будете иначе смотрѣть...

Видя мои колебанія, онъ добавилъ, что если я соглашусь, то должна буду спросить разрѣшенія родителей, но что для этого еще много времени впереди.

Ушинскій явился первымъ свѣтлымъ лучемъ въ царствѣ институтскаго мрака, пошлости, невѣжества и застоя. Нужно, однако, имѣть въ виду и то, что въ концѣ 50-хъ годовъ во всей Россіи занималась заря новой жизни, являлись проблески наступающей эпохи возрожденія. Въ обществѣ распространялись новыя идеи, вырабатывались новые идеалы, пробуждалось отрицательное отношеніе къ окружающимъ явленіямъ русской дѣйствительности. Оживленіе среди воспитанницъ, наступившее вслѣдъ за назначеніемъ къ намъ Ушинскаго, усилилось и вслѣдствіе того, что прогрессивныя идеи стали проникать и къ намъ, несмотря на наши высокія стѣны и на полную монастырскую замкнутость нашей жизни. Послѣ непробудной спячки у насъ вдругъ зашевелился мозгъ, и мы стали обращаться къ нашимъ родственникамъ съ болѣе живыми вопросами; поэтому каждый разъ послѣ пріема родныхъ одна изъ воспитанницъ сообщала что-нибудь новенькое. Нечего и говорить о томъ, что всѣ эти новыя идеи въ передачѣ институтокъ и по формѣ, и по содержанію носили характеръ не то наивный, не то комичный:

— Представьте, мой братъ-студентъ утверждаетъ, что скоро всѣ люди, безъ исключенія, будутъ равны между собой. Вѣдь это же значитъ, что никакой разницы не будетъ между генералами и солдатами, между крестьянами и высокопоставленными людьми! Всѣ должны будутъ рѣшительно все дѣлать сами, значитъ, даже люди знатные будутъ сами выносить грязную воду. Вѣдь если это вѣрно, значитъ, все на свѣтѣ перевернется!

— А мой папа говорилъ, что у всѣхъ помѣщиковъ скоро от-

берутъ крестьянъ, что мужицкія дѣти будутъ учиться на одной скамейкѣ съ господскими, а мы — съ нашими горничными...

— Мой дядя настаиваетъ, чтобы послѣ выпуска я сдѣлалась учительницею и учила самыхъ простыхъ дѣтей, а взрослымъ внушала мысль о томъ, что теперь стыдно мучить крестьянъ, что это даже очень гадко...

— Мой папа (онъ служитъ въ министерствѣ) говоритъ, что человѣкъ долженъ гордиться бѣдностью, — это значитъ, что онъ ничего не накралъ, а что большая часть богачей богаты потому, что они наворовали на службѣ.

Все это мы обсуждали, обо всемъ вели безконечные споры, судили-рядили вкось и вкривь, но хорошо было уже то, что у насъ заработала голова.

Нашему оживленію и развитію помогало и то, что нашъ библіотечный шкафъ, въ которомъ никогда не было ни одной книги для чтенія, наполнился номерами журнала «Разсвѣтъ» Кремпина и другими книгами, пригодными для чтенія юношества. Произведенія русскихъ классиковъ появились въ нашей библіотекѣ нѣсколько позже.

Внимательно осматривая въ институтѣ каждый уголокъ, Ушинскій замѣтилъ одну, всегда запертую комнату. Наконецъ, она была открыта передъ нимъ, эта таинственная дверь. Каково же было его удивленіе: онъ увидѣлъ огромную комнату, заставленную по стѣнамъ старинными шкафами, съ огромной коллекціей животнаго царства изъ папье-маше, съ прекрасными для того времени коллекціями минераловъ, драгоцѣнные физическіе инструменты, разнообразные гербаріи.

Императрицы Марія Ѳедоровна и Александра Ѳедоровна, получивъ отъ кого-то эти сокровища, подарили ихъ институту, гдѣ ихъ никогда не употребляли въ дѣло, гдѣ никто никогда не показывалъ ихъ воспитанницамъ. Въ виду того, что это были дары двухъ императрицъ, институтское начальство находило необходимымъ беречь ихъ, т. е. крѣпко накрѣпко запереть въ большой, отдѣльной комнатѣ, о существованіи которой, вѣроятно, уже давнымъ-давно никто не вспоминалъ, кромѣ сторожа, наблюденію котораго онѣ были поручены, но и тотъ, видимо, не очень затруднялъ себя заботами о нихъ, такъ какъ не мало дорогихъ вещей оказалось испорченными молью.

Впослѣдствіи Константинъ Дмитріевичъ не разъ вспоминалъ при мнѣ объ этой находкѣ, особенно пріятно поразившей его. Считая необходимымъ ввести преподаваніе физики и естествознанія вообще, онъ прекрасно зналъ, какое встрѣтитъ затрудненіе: начальство, косо смотрѣвшее на введеніе чего бы то ни было новаго, сдѣлало бы все, чтобы затормазить преподаваніе этихъ предметовъ. Подъ предлогомъ того, что на покупку физическихъ инструментовъ, различныхъ коллекцій и моделей приходилось за-

трачивать значительную денежную сумму, начальство могло отложить преподаванiе естествознанiя въ долгiй ящикъ. Къ тому же въ институтѣ уже многiе поговаривали о томъ, что производить физическiе опыты немыслимо въ классѣ, а особаго помѣщенiя для этого не имѣлось. И вдругъ мечта Ушинскаго осуществляется такъ неожиданно. Сравнительно небольшую сумму, необходимую для ремонта испорченныхъ вещей и на добавочныя прiобрѣтенiя коечего, выдали безъ затрудненiй,—такъ поразилъ всѣхъ докладъ Ушинскаго объ его находкѣ. «Начальство увидало въ этомъ чуть не перстъ божiй, споспѣшествовавшiй мнѣ въ моихъ предпрiятiяхъ», смѣясь, закончилъ онъ свой разсказъ.

Для присмотра за кабинетомъ былъ приставленъ особый сторожъ. Комната, еще недавно постоянно запертая, съ большимъ удобствомъ послужила для уроковъ физики: для опытовъ въ ней все было подъ руками учителя.

Этотъ «музей» тоже внесъ въ жизнь институтокъ нѣкоторое оживленiе. «Всѣ видѣли вѣчно запертую комнату, однако никто не заинтересовался ею настолько, чтобы проникнуть въ нее... *Онъ* одинъ все смѣетъ, все можетъ, изъ всего извлекаетъ пользу, обо всемъ думаетъ»,—разсуждали мы, проникаясь все бо́льшимъ благоговѣнiемъ къ Ушинскому, а послѣ находки музея начали смотрѣть на него, какъ на что-то вродѣ мага и волшебника.

Мы то и дѣло бѣгали осматривать музей, но скоро это было строго запрещено. Вмѣстѣ съ Ушинскимъ туда приходилъ посторонній человѣкъ, выносилъ оттуда порченыя чучела животныхъ и приносилъ ихъ обратно въ исправленномъ видѣ. Такъ какъ входъ въ кабинетъ былъ запрещенъ до приведенiя его въ порядокъ, то мы еще сильнѣе стремились заглянуть въ него. Однажды двѣ воспитанницы нашего класса, увидавъ, что Ушинскiй только что вышелъ изъ музея, вбѣжали въ него. Никого не замѣтивъ и разсматривая животныхъ, разставленныхъ временно на полу, одна изъ нихъ, указывая подругѣ на звѣрька, утверждала, что то былъ соболь, другая настаивала на томъ, что это—куница. Вдругъ изъза угла шкафа вышелъ молодой человѣкъ и проговорилъ: «ни то, ни другое, mesdemoisèlles, это только ласка... Мнѣ говорили, что институтки не умѣютъ отличить корову отъ лошади? Правда это?»

— Какая дерзость!—закричала ему въ упоръ одна изъ воспитанницъ.

— Мы непремѣнно пожалуемся на васъ Ушинскому!—бросила ему другая.

— Ахъ, барышни, барышни! Вы даже не понимаете, что жаловаться стыдно!..—со смѣхомъ возразилъ молодой человѣкъ, видимо, нисколько не испуганный ихъ угрозою.

Дѣвицы, какъ ошпаренныя, выскочили изъ музея и чуть не со слезами передавали подругамъ этотъ эпизодъ. Мы долго обсуждали сообща, какъ бы проучить «нахала». Намъ казалось это

необходимымъ уже потому, что въ этомъ случаѣ была затронута наша корпоративная честь. Но мы пришли къ убѣжденію, что это немыслимо. Ушинскій обыкновенно уходилъ и приходилъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ (оставлять посторонняго у насъ не допускалось), и на этотъ разъ онъ вышелъ, вѣроятно, лишь на нѣсколько минутъ, слѣдовательно, всякая «исторія» съ нашей стороны причинила бы большую непріятность Ушинскому, и онъ самъ могъ бы посмотрѣть на насъ за это съ очень нелестной стороны.

Это маленькое приключеніе имѣло большое вліяніе на мою личную судьбу. «Развѣ Ушинскій не сдерживаетъ порою улыбку, когда мы съ нимъ разговариваемъ? Развѣ при нашихъ разсужденіяхъ съ нимъ съ его устъ не срываются слова: «какъ это странно какъ это наивно!» А мой братъ еще болѣе безцеремонно повторяетъ, когда я что-нибудь разсказываю ему объ институтской жизни: «какъ это глупо, какъ это пошло!» Да... надъ нами всѣ издѣваются, всѣ смотрятъ на насъ, какъ на послѣднихъ дуръ! Учиться, учиться надо!» Вотъ какія мысли обуревали теперь мою голову, вотъ что ясно и опредѣленно сложилось теперь въ моемъ умѣ.

Въ первый разъ за всю свою институтскую жизнь я написала матери не казенное письмо: въ немъ я описывала появленіе у насъ новаго инспектора, оживленіе и волненіе, которое насъ всѣхъ вхватило, предстоящія у насъ реформы, устройство новаго класса, оъ которомъ будутъ преподавать новые учителя, извѣщала ее о томъ, что Ушинскій предложилъ мнѣ остаться въ немъ, и просила на это ея разрѣшенія; объ этомъ я писала и моему дядюшѣ.

Начались выпускные экзамены; подготовленіе къ нимъ и въ то же время чтеніе только что доставленныхъ намъ книгъ, новые мысли, взгляды и вопросы, перегонявшіе и смѣнявшіе другъ друга, образовали въ моей головѣ невообразимый хаосъ. Вслѣдствіе своей наивности и невѣжества я рѣшила, что, навѣрно, существуетъ такое руководство, которое можетъ мнѣ выяснить, чѣмъ и какъ было бы полезно заниматься, что мнѣ слѣдуетъ читать раньше и что позже. Это заставило меня обратиться къ одной подругѣ съ просьбою, чтобы она попросила своего брата-студента снабдить меня такимъ руководствомъ. Какъ она формулировала мое желаніе своему брату, я не знаю, но онъ прислалъ мнѣ книгу Павскаго: «Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка».

Боже мой, сколько мученій вынесла я изъ-за этой книги! Я отнеслась къ ней, какъ къ кладезю величайшей премудрости, твердо вѣрила въ то, что, какъ только я ее осилю, передо мной выяснится все и въ жизни, и въ книгахъ. Но ужасъ охватилъ меня съ первой же страницы. Я рѣшительно ничего не понимала, перечитывала каждый періодъ по многу разъ, твердила наизусть, но въ головѣ не прояснялось, а только затемнялось. Тогда я рѣшила записывать въ тетрадь непонятныя для меня слова и выраженія, разсчитывая на то, что объясненія Ушинскаго дадутъ мнѣ ключъ

къ уразумѣнію глубины премудрости Павскаго, но для этого я считала необходимымъ прочитать книгу до конца. Однако, съ каждой страницей я приходила все въ большее отчаяніе, и вмѣстѣ съ непонятными для меня фразами, выписываемыми изъ Павскаго, и вопросами по этому поводу я заносила въ тетрадь и отчаянные вопли моего сердца о моемъ умственномъ убожествѣ.

Въ это время я получила отъ родныхъ разрѣшеніе на продолженіе образованія. Какъ діаметрально противоположны по своему характеру были письма дяди и матери! Дядя писалъ мнѣ, что мое желаніе остаться въ институтѣ весьма удобно для моихъ родственниковъ: въ виду того, что моя мать не можетъ взять меня къ себѣ, я должна была бы жить въ его семействѣ, а онъ находитъ меня слишкомъ молодою для того, чтобы вывозить въ свѣтъ и на балы. Моя же мать выражала изумленіе, что я вдругъ пожелала учиться, и для этого рѣшаюсь даже остаться въ институтѣ она приписывала перемѣну, происшедшую во мнѣ, всецѣло вліянію Ушинскаго. «До сихъ поръ», прибавляла она, «ты писала мнѣ деревянныя, оффиціальныя письма, глубоко огорчавшія меня. Если такая перемѣна могла произойти съ тобой, которую я считала совсѣмъ окаменѣвшею, то это могъ произвести только геніальный педагогъ». Она умоляла меня передать Ушинскому не только свое глубочайшее уваженіе, но и изумленіе, что онъ даже такой лѣнивой дѣвочкѣ, какъ я, могъ внушить желаніе учиться. Она приказывала мнѣ сказать отъ ея имени этому «необыкновенному человѣку», что ея мечта о такомъ величайшемъ счастьѣ, какъ продолженіе мною образованія, вѣроятно, разлетится въ прахъ. Она объясняла, что я была принята въ институтъ по баллотировкѣ, слѣдовательно, имѣю право воспитываться на казенный счетъ только до выпуска; за остальное образованіе мое въ институтѣ ей пришлось бы несомнѣнно платить, а для этого у нея нѣтъ никакихъ средствъ.

Хотя мнѣ былъ очень непріятенъ конецъ письма, напоминавшій о бѣдности, но я поняла, что скрывать это отъ Ушинскаго не имѣетъ смысла. Моя мать была особа энергичная и, долго не получая отъ меня отвѣта, могла еще ярче изобразить ему свое тяжелое матеріальное положеніе. Вслѣдствіе этого я рѣшила сама кое-что прочитать Ушинскому изъ письма моей матери, но никоимъ образомъ не доводить до его свѣдѣнія ея похвалы о немъ: мнѣ казалось, что онъ могъ принять ихъ за ея желаніе «подлизаться» къ нему. Въ то же время я собиралась поговорить съ Ушинскимъ и насчетъ книги Павскаго. Я рѣшила напрямикъ высказать ему, что совсѣмъ не поняла содержанія этой книги, и что это, вѣроятно, заставитъ его отказать мнѣ въ пріемѣ на новые курсы. Я находила, что скрывать это отъ него было бы не только наглымъ обманомъ, но и совершенно лишнимъ: мои занятія, конечно, скоро покажутъ ему отсутствіе у меня умственныхъ способ-

ностей. Какъ это ни странно, мнѣ гораздо легче было сознаться въ этомъ, чѣмъ въ бѣдности, несмотря на то, что Ушинскій такъ открыто издѣвался надъ тѣми, кто стыдился ея. Стыдъ за свою бѣдность исчезъ у насъ позже всѣхъ другихъ недостатковъ и дикихъ взглядовъ, усвоенныхъ въ институтѣ.

Стараясь поймать удобный моментъ для переговоровъ съ инспекторомъ, я расхаживала по коридору съ письмомъ матери, съ книгою Павскаго и съ тетрадкой, въ которой были отмѣчены непонятныя для меня слова и выраженія. Но, когда мнѣ посчастливилось встрѣтить Ушинскаго, я переконфузилась и стала безсвязно бормотать, что не могу перейти во вновь устраиваемый имъ классъ, потому что не понимаю Павскаго; къ тому же и казна не будетъ меня держать безплатно послѣ моего выпуска. Онъ не могъ сразу понять мой безтолковый лепетъ. Продолжая объяснять ему свои недоразумѣнія, я подала ему книгу, а сама начала пробѣгать по тетради вопросы, которые собиралась ему сдѣлать, какъ вдругъ услыхала съ верхней площадки, что меня зоветъ къ себѣ инспектриса. Я окончательно растерялась и въ разсѣянности сунула ему въ руки письмо, книгу и тетрадь съ просьбою, чтобы онъ самъ прочиталъ все это. Когда черезъ нѣсколько минутъ я вспомнила, что письмо въ рукахъ Ушинскаго, что онъ узнаетъ даже содержаніе моей тетради,—я пришла въ отчаяніе, но дѣло было сдѣлано.

Возвращая мнѣ Павскаго, Ушинскій замѣтилъ, что, на основаніи совсѣмъ неподходящаго чтенія, нелѣпо приходить въ отчаяніе. «Прочелъ я и вашу тетрадочку... Что же... она въ полномъ смыслѣ полна «сердца горестныхъ замѣтъ!» Это все трогательно... Ваши замѣчанія еще болѣе побуждаютъ меня уговаривать васъ остаться въ институтѣ и поработать. Со всѣми вашими недоразумѣніями можете обращаться ко мнѣ... Только никогда не читайте книгъ, не посовѣтовавшись раньше со мною, а Павскаго, пожалуйста, не раскрывайте больше». Относительно платы за будущее мое обученіе въ институтѣ онъ добавилъ, что постарается все уладить.

Послѣ этого не прошло и двухъ-трехъ недѣль, какъ онъ вошелъ въ нашъ классъ, вызвалъ меня и сказалъ: «вы будете стипендіаткой экзарха Грузіи, который уже отправилъ въ контору вполнѣ достаточную сумму на ваше образованіе». Я сдѣлала обычный реверансъ, не сказавъ ему ни слова признательности, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ трудно вообще выхлопотать какую бы то ни было стипендію, а тѣмъ болѣе такую значительную, какая была внесена за меня, сколько хлопотъ и трудовъ стоило Ушинскому ея добиться. Всю силу великодушія этого благороднѣйшаго человѣка я поняла гораздо позже: продолжая знакомство съ Ушинскимъ и послѣ выпуска изъ института, я лично была не разъ свидѣтельницею того, какъ онъ приходилъ на помощь не

только совѣтомъ, но и доставалъ работу нуждающимся, выхлопатывалъ имъ стипендіи, а за очень многихъ вносилъ деньги изъ своего кармана. Въ послѣднемъ случаѣ онъ неизмѣнно просилъ не называть его имени тѣмъ, кому онъ приходилъ на помощь.

Выпускные экзамены окончены, а вотъ и выпускъ. Церковь переполнена народомъ. Мои подруги, не пожелавшія продолжать своего образованія, въ первый разъ, какъ птички изъ клѣтки, вылетаютъ на волю. Всѣ онѣ въ пышныхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ кушакахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ. Не достаетъ только крыльевъ, чтобы походить на ангеловъ. Теперь, когда институты сдѣлались полузакрытыми интернатами, когда институтки, оставляя школьную скамью, имѣютъ хотя какое-нибудь представленіе о жизни, онѣ уже не могутъ испытывать при выпускѣ такое волненіе, какое испытывали воспитанницы дореформеннаго періода. Нѣкоторыми изъ нихъ овладѣвалъ невообразимый страхъ за будущее, и онѣ ожидали чего-то страшнаго сейчасъ, сію минуту, точно вотъ-вотъ ихъ поведутъ на эшафотъ; другія твердо вѣрили въ какое-то сказочное счастье, которое сразу свалится на ихъ головы, какъ только онѣ переступятъ порогъ института. Каковы бы ни были ихъ надежды, всѣ онѣ были крайне взволнованы, и это отражалось на ихъ лицахъ: у многихъ стояли въ глазахъ слезы; щеки, даже у блѣдныхъ воспитанницъ, горѣли румянцемъ. Еще вчера, въ неуклюжемъ форменномъ платьѣ, дѣвушка не отличалась особенною миловидностью, а сегодня, въ рамкѣ пышныхъ бѣлокурыхъ или черныхъ волосъ, она имѣла прелестный и граціозный видъ. А я стояла тутъ же въ своемъ форменномъ платьѣ.

Безысходное отчаяніе вдругъ овладѣло мной. Мнѣ сдѣлалось невыразимо завидно и тяжело смотрѣть на подругъ, навсегда оставлявшихъ институтъ когда я мѣняла свободу на прежнюю кабалу и неволю. «Счастливицы», думала я. «Завтра ихъ не разбудитъ проклятый колоколъ ни свѣтъ, ни заря, вмѣсто криковъ бранчливыхъ дамъ, ихъ горячо прижмутъ къ сердцу родныя руки! Зачѣмъ, зачѣмъ я осталась? Ничего не выйдетъ изъ моего ученія, да и на что оно мнѣ пригодится?» Я бросила взглядъ на присутствующихъ въ церкви: среди мужчинъ и пестро разодѣтыхъ дамъ, родственниковъ выпускныхъ, рѣзко выдѣлялись стройныя фигуры въ бѣломъ, говорившія о чистотѣ, невинности и юной прелести. Въ углу я замѣтила серьезную фигуру Ушинскаго. У меня закипѣла злоба противъ него, какъ противъ человѣка, который уговорилъ меня остаться въ институтѣ. Чтобы не разрыдаться, я вышла изъ церкви, и въ первый разъ въ жизни никто не обратилъ на это никакого вниманія.

Когда я пришла въ классъ, онъ былъ совершенно пустъ. Тоска одиночества, непоправимая ошибка, которую, какъ мнѣ казалось, я сдѣлала, добровольно оставшись въ прежней тюрьмѣ, письма

матери и дяди въ отвѣтъ на мою просьбу остаться, все представлялось мнѣ теперь въ новомъ, несравненно болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. И я въ отчаяніи, упавъ лицомъ на пюпитръ, рыдала, рыдала безъ конца. Вдругъ я услыхала позади себя торопливые, нервные шаги Ушинскаго. Бѣжать было уже поздно, и я почувствовала, что если онъ со мной заговоритъ, я выскажу ему все въ глаза. На его вопросъ о томъ, что я дѣлаю, я въ первую минуту молчала изъ боязни, что голосъ выдастъ мои слезы.

— Чего вы вѣчно конфузитесь?—началъ онъ, подвигая свой стулъ къ моей скамейкѣ и положивъ свой портфель на пюпитръ.— Вы годитесь мнѣ въ дочери и могли бы безъ стѣсненія разговаривать со мной. Скажите-ка откровенно, вѣдь вамъ взгрустнулось потому, что не удалось сегодня, какъ подругамъ, одѣть бѣленькое платьице и бѣленькій купачекъ? Пожалуйста, отвѣчайте откровенно, да не смущайтесь вы, Бога ради.

Я не только не намѣрена была смущаться, но почувствовала, что на меня напала даже «отчаянность», совсѣмъ исчезнувшая въ послѣднее время. Я отвѣчала, что конфузиться не буду: все равно, онъ всегда издѣвается надъ нами...

Онъ отвѣчалъ, что такое мнѣніе крайне для него прискорбно, но онъ все-таки надѣется, что это только недоразумѣніе. И онъ началъ говорить о томъ, что, вслѣдствіе оторванности нашей отъ жизни, наши взгляды и выраженія нерѣдко оказываются дѣйствительно странными, иногда даже комичными... Очень возможно, что какъ нибудь, слушая насъ, онъ улыбнулся, но онъ не предполагалъ съ нашей стороны такой обидчивости, такого недовѣрія къ нему. Издѣваться надъ кѣмъ-нибудь изъ насъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ: мы не виноваты въ томъ, что насъ здѣсь ничему путному не научили, что намъ привили дикія понятія... Наконецъ, онъ спросилъ, что я дѣлала съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась изъ церкви, и получилъ въ отвѣтъ,—что ничего не дѣлала. Онъ выразилъ удивленіе, какъ это можно цѣлыхъ два часа просидѣть, ничего не дѣлая, даже безъ собесѣдника, говорилъ и о томъ, что человѣкъ, серьезно предполагающій работать, долженъ давать себѣ отчетъ въ каждомъ проведенномъ часѣ.

Злое, мрачное настроеніе охватывало меня все сильнѣе. Мнѣ казалось, что я своими замѣтками о Павскомъ, а теперь и своими отвѣтами достаточно унизила себя въ его глазахъ, что теперь мнѣ уже нечего терять въ его мнѣніи, и стала высыпать передъ нимъ все, что думала передъ его приходомъ. Онъ ошибается, говорила я ему, предполагая, что я взволновалась изъ-за того, что не могла надѣть бѣлое платье. Я несравненно болѣе пустая, чѣмъ онъ думаетъ, и вовсе не желаю казаться лучше, чѣмъ я есть. Такъ вотъ я считаю своею обязанностью признаться ему, что прихожу въ отчаяніе отъ того, что согласилась остаться въ институтѣ продолжать ученіе, которое меня вовсе не привлекаетъ,

а нерѣдко кажется даже постылымъ. Да и къ чему это ученіе? Въ ученые лѣзть я не собираюсь, а «синимъ чулкомъ» называться не хочу.

— Да чего это вы изъ кожи лѣзете показать мнѣ всю вашу институтскую пустоту? Разъ вы уже болѣе откровенны, чѣмъ это даже требуется въ данномъ случаѣ, то скажите по-правдѣ: вы, вѣроятно, думаете всѣми этими словами уязвить меня, причинить мнѣ боль? А между тѣмъ, вы одна будете въ накладѣ, если уѣдете съ такой пустой головой... Если вы рѣшили не учиться, такъ вамъ, конечно, лучше просить родственниковъ взять васъ завтра же отсюда.

Этотъ отвѣтъ меня и переконфузилъ, и разобидѣлъ, и я, еле сдерживая рыданія, начала жаловаться ему на то, что теперь взять меня изъ института уже немыслимо. Моя мать не можетъ пріѣхать за мной, слѣдовательно, я вынуждена буду жить въ семьѣ дяди, а онъ находитъ, что я слишкомъ молода, чтобы вывозить меня на балы, точно я просила когда-нибудь его объ этомъ. Несчастнѣе меня нѣтъ человѣка на свѣтѣ! Моя мать, моя родная мать, вмѣсто того, чтобы выразить желаніе повидать меня, обнять родную дочь послѣ долгой разлуки, только въ восторгъ приходитъ отъ того, что я могу продолжать свое ученіе.

— Вы не имѣете ни малѣйшаго нравственнаго права такъ говорить о своей матери! Это, знаете ли, даже совсѣмъ нехорошо съ вашей стороны! Я читалъ ея письмо къ вамъ и самъ получилъ отъ нея недавно письмо (я узнала потомъ отъ матери, что она благодарила его за хлопоты о стипендіи для меня) и нахожу, что она на рѣдкость разумная женщина: вмѣсто жалкихъ словъ, поцѣлуевъ, объятій и всѣхъ этихъ дешевыхъ сантиментовъ, она горячо высказываетъ одно желаніе, чтобы ея дочь была образованной дѣвушкой, чтобы она училась и трудилась.

Мое злобное настроеніе противъ Ушинскаго какъ-то сразу разсѣялось, и мнѣ вдругъ страшно захотѣлось узнать, что онъ отвѣтитъ на одинъ мой вопросъ.

— Когда вы прочли письмо моей матери... (я вамъ отдала его по разсѣянности). Она такъ превозноситъ васъ... вы могли подумать, что она къ вамъ подлизывается?

Ушинскій расхохотался.—Ну, казните меня. Право же, немыслимо оставаться серьезнымъ, слушая иногда, какъ вы выражаетесь! Увѣряю васъ, я не нашелъ, что ваша матушка подлизывается ко мнѣ. Я уже говорилъ вамъ, что я лучшаго мнѣнія о ней по ея письмамъ, чѣмъ ея родная дочь. А вотъ за вашу заботу о моей нравственности,—вѣдь вы боитесь, чтобы похвалы не вскружили мнѣ голову,—я приношу вамъ глубочайшую благодарность... Мнѣ кажется, что тучи разсѣялись, и теперь можно приступить къ дѣлу. Итакъ, рѣшено, вы остаетесь здѣсь, несмотря на ваше отчаяніе! Такъ принимайтесь же за чтеніе! Я захватилъ для васъ восьмой

томъ Бѣлинскаго и нѣсколько томовъ Пушкина... Окажите мнѣ маленькое довѣріе. Начинайте сейчасъ же читать «Евгенія Онѣгина», а затѣмъ немедленно прочитайте критику на это произведеніе Бѣлинскаго. Та́къ читайте и остальныя сочиненія Пушкина. Я бы желалъ также, чтобы вы по этому поводу написали все, что вамъ придетъ въ голову. Если вы добросовѣстно отнесетесь къ моей просьбѣ, даю вамъ слово, что вашу досаду, какъ рукой сниметъ.

Какъ мнѣ было совѣстно всего того, что я наговорила Ушинскому! Мнѣ такъ хотѣлось просить его простить меня за всѣ мои глупости, но порывъ отчаянія прошелъ, а вмѣстѣ съ этимъ улетучился и подъемъ смѣлости, когда я только и могла говорить все, что мнѣ приходило въ голову. Мною овладѣла обычная конфузливость, и я знала, что если бы въ ту минуту встрѣтила Ушинскаго, я бы не рѣшилась произнести ни одного слова. Мое волненіе быстро улеглось уже потому, что мнѣ удалось высказать все, что меня такъ смущало. Этому душевному умиротворенію помогло и чувство благодарности, и надежда, что при Ушинскомъ все въ институтѣ измѣнится къ лучшему. Наконецъ-то и въ этой казармѣ, думала я, появился человѣкъ, который дѣйствительно заботится о насъ, съ которымъ можно поговорить и посовѣтоваться, который, несмотря на мои пошлыя выходки, не только не отвернулся отъ меня, но поспѣшилъ даже оказать новую услугу,—и при этихъ мысляхъ теплая струйка крови прилила къ моему сердцу и согрѣла его. Что изъ того, что меня не интересуетъ чтеніе, думала я: Ушинскій сдѣлалъ для меня все, что могъ, и я оказалась бы неблагодарной, если бы не исполнила немедленно его желанія.

Хотя вновь устроенный классъ именовался теоретически-спеціальнымъ, но это было не совсѣмъ точное названіе: кромѣ естествознанія, физики и педагогики, въ немъ проходили курсъ наукъ по программѣ средне-учебныхъ заведеній, но въ болѣе расширенномъ видѣ, чѣмъ въ нашемъ прежнемъ выпускномъ классѣ. Къ тому же изъ этого седьмого класса желающія могли переходить въ спеціальный классъ, гдѣ, во второй годъ своего пребыванія, воспитанницы должны были обучать дѣтей кофейнаго класса подъ руководствомъ учителей. Воспитанницы, оставленныя во вновь сформированномъ классѣ, въ числѣ которыхъ была и я, поступая на новые курсы, переходили собственно въ седьмой классъ, но въ ту минуту онъ не могъ такъ называться потому, что при прежнемъ дѣленіи не было шестого класса.

Относительно воспитанницъ, очутившихся въ совершенно новомъ положеніи, т. е. не вышедшихъ изъ института по собственному желанію, не было установлено никакихъ правилъ: выпускъ былъ въ мартѣ, а занятія въ седьмомъ классѣ должны были начаться не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, да и это не было точно опредѣлено. Какія классныя дамы должны были руководить этими воспитанницами, что онѣ должны были заставлять ихъ дѣлать до начала

занятій, на это не было получено никакихъ инструкцій. Классныя дамы заявили, что онѣ вовсе не желаютъ торчать съ нами, разъ это не вмѣнено имъ въ обязанность. И, дѣйствительно, онѣ не обращали на насъ ни малѣйшаго вниманія. «Пусть ихъ околачиваются, какъ знаютъ», говорили онѣ про насъ, и мы въ полномъ смыслѣ слова околачивались: кто изъ насъ сидѣлъ въ классѣ, кто въ дортуарѣ, кто отправлялся въ лазаретъ.

Времени для чтенія было много, и я послѣдовала совѣту Ушинскаго. Чѣмъ болѣе я читала, тѣмъ болѣе увлекалась чтеніемъ. Я скоро поняла, что прежде меня не прельщало чтеніе классиковъ только потому, что оно было отрывочно, а объясненія Старова лишь сбивали съ толку. Въ нѣсколько дней я такъ пристрастилась къ чтенію, что институтскій колоколъ, отрывавшій меня отъ него, явился моимъ злѣйшимъ врагомъ. Я забыла все на свѣтѣ и читала, читала безъ конца, читала днемъ, захватывая большую часть ночи. Чтеніе такъ поглотило меня, что, когда однажды я столкнулась съ maman, выразившей удивленіе, что я не посѣщаю ея теперь, когда у меня такъ много свободнаго времени, я поблагодарила ее и сказала ей о томъ, какую работу далъ мнѣ Ушинскій. Нѣсколько позже я очень пожалѣла, что легкомысліе, а можетъ быть, и нѣкоторая потребность протеста, заставили меня при этомъ прибавить: «какъ обидно, что насъ прежде никто не заставлялъ читать произведенія русскихъ писателей!» Хотя я замѣтила, что maman какъ-то особенно сухо простилась со мной, но я уже несравненно меньше придавала значенія всему тому, что происходило вокругъ: вся погруженная въ новый міръ идей и случайно оторванная отъ чтенія, я торопилась снова погрузиться въ него. За обѣдами и завтраками я съ восторгомъ передавала подругамъ, какія интересныя вещи я читаю: скоро всѣ онѣ точно также набросились на чтеніе.

Узналъ объ этомъ Ушинскій и немедленно прислалъ намъ остальные тома Пушкина, Бѣлинскаго и другихъ русскихъ писателей, кажется, изъ своей библіотеки.

Мы съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали лекцій Ушинскаго, но такъ какъ занятія все еще не начинались, у насъ явилась мысль просить его прочитать намъ что-нибудь. Въ то время, о которомъ я говорю, онъ особенно сильно былъ заваленъ работою и разносторонними заботами, связанными съ преобразованіями въ институтѣ. Несмотря на это, онъ съ восторгомъ отнесся къ нашей просьбѣ и заявилъ, что у него какъ разъ теперь свободный часъ, и онъ сію минуту можетъ приступить къ чтенію. Такъ какъ въ это время въ классѣ сидѣло всего лишь нѣсколько человѣкъ, онъ сказалъ, что прочтетъ вступительную лекцію въ педагогику.

Онъ началъ ее съ того, что доказалъ всю пошлость, все ничтожество, весь вредъ, все нравственное убожество нашихъ надеждъ и несбыточныхъ стремленій къ богатству, къ нарядамъ, блестящимъ

баламъ и свѣтскимъ развлеченіямъ.—Вы должны, вы обязаны,— говорилъ онъ,—зажечь въ своемъ сердцѣ не мечты о свѣтской суетѣ, на что такъ падки пустыя, жалкія созданія, а чистый пламень, неутолимую, неугасимую жажду къ пріобрѣтенію знаній и развить въ себѣ, прежде всего, любовь къ труду,—безъ этого жизнь ваша не будетъ ни достойной уваженія, ни счастливой. Трудъ возвыситъ вашъ умъ, облагородитъ ваше сердце и наглядно покажетъ вамъ всю призрачность вашихъ мечтаній, онъ дастъ вамъ силу забывать горе, тяжелыя утраты, лишенія и невзгоды, чѣмъ такъ щедро усѣянъ жизненный путь каждаго человѣка, онъ доставитъ вамъ чистое наслажденіе, нравственное удовлетвореніе и сознаніе, что вы не даромъ живете на свѣтѣ. Все въ жизни можетъ обмануть, всѣ мечты могутъ оказаться пустыми иллюзіями, только умственный трудъ, одинъ онъ никогда никого не обманываетъ: отдаваясь ему, всегда приносишь пользу и себѣ, и другимъ. Постоянно расширяя умственный горизонтъ, онъ мало-по-малу будетъ открывать вамъ все новый и новый интересъ къ жизни, заставитъ все больше любить ее не ради эгоистическихъ наслажденій и свѣтскихъ утѣхъ... Постоянный умственный трудъ разовьетъ въ душѣ вашей чистѣйшую, возвышенную любовь къ ближнему, а только такая любовь даетъ честное, благородное и истинное счастье. И этого можетъ и долженъ добиваться каждый, если онъ не фразеръ и не болтунъ, если у него не дряблая натуришка, если въ груди его бьется человѣческое сердце, способное любить не одного себя. Добиться этого величайшаго на землѣ счастья можетъ каждый, *слѣдовательно, человѣка можно считать кузнецомъ своего счастья.*

Отъ пламеннаго, восторженнаго апоѳеоза труду Ушинскій перешелъ къ опредѣленію, что̀ такое материнская любовь и какою она должна быть. Любовь къ своему дѣтенышу заложена въ сердцѣ каждаго животнаго: хищные звѣри—медвѣдица, волчица—защищаютъ его съ опасностью для собственной жизни, нерѣдко падая мертвыми въ борьбѣ съ врагомъ; онѣ питаютъ его собственной грудью, согрѣваютъ собственнымъ тѣломъ, бросаютъ въ нору сухую траву, листья, чтобы ему мягче было спать. Возможно ли, чтобы женщина, разумное существо, заботилась, какъ и звѣрь, *только* о физическомъ благосостояніи и сохраненіи жизни своего ребенка? Инстинктивно сознавая это, женщина къ естественной заботѣ, вложенной въ ея сердце матерью-природою, присоединила еще любовь, которую она считаетъ человѣческою, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ ее слѣдуетъ назвать кукольной, такъ какъ она является результатомъ мелкаго тщеславія. Тутъ онъ привелъ въ примѣръ матерей, употребляющихъ всѣ средства, чтобы красивѣе разодѣть ребенка, сдѣлать его миловиднѣе,—онѣ играютъ съ нимъ, какъ дитя съ игрушкой. Уже съ ранняго возраста воспитатели должны развить въ ребенкѣ потребность къ труду, привить ему стремленіе къ образованію и самообразованію, а за-

тѣмъ внушить ему мысль о его обязанности просвѣщать простой народъ,—«вашихъ крѣпостныхъ, такъ называемыхъ вашихъ рабовъ, по милости которыхъ вы находитесь здѣсь, получаете образованіе, существуете, веселитесь, ублажаете себя мечтами, а онъ, этотъ рабъ вашъ, какъ машина, какъ вьючное животное, работаетъ на васъ, не покладая рукъ, не допивая и не доѣдая, погруженный въ мракъ невѣжества и нищеты.»

Теперь всѣ эти мысли давнымъ давно вошли въ общее сознаніе, всосались въ плоть и кровь образованныхъ людей, но тогда (1860 г.), наканунѣ освобожденія крестьянъ, онѣ были новостью для русскихъ женщинъ вообще, а тѣмъ болѣе для насъ, институтокъ, до тѣхъ поръ не слыхавшихъ умнаго слова, зараженныхъ пошлыми стремленіями, которыя Ушинскій разбивалъ такъ безпощадно.

Все, что я передаю о первой вступительной лекціи Ушинскаго,—блѣдный, слабый конспектъ его рѣчи, набросанный мною тогда же кратко и при томъ лишь въ главныхъ чертахъ.

Чтобы понять, какое потрясающее впечатлѣніе произвела на насъ эта вступительная лекція, нужно имѣть въ виду не только то, что идеи, высказанныя въ ней, были совершенно новы для насъ, но и то, что Ушинскій высказывалъ ихъ съ пылкою страстностью и выразительностью, съ необыкновенною силою и блестящею эрудиціей, которыми онъ такъ отличался. Что же мудренаго въ томъ, что эта рѣчь огненными буквами запечатлѣлась въ нашихъ сердцахъ, что у всѣхъ насъ во время ея текли по щекамъ слезы.

Вся внѣшность Ушинскаго сильно содѣйствовала тому, чтобы его слова глубоко запали въ душу. Онъ былъ выше средняго роста, худощавый, крайне нервный. Изъ-подъ его черныхъ, густыхъ бровей дугою, лихорадочно сверкали темнокаріе глаза. Его выразительное, съ тонкими чертами лицо, его прекрасно очерченный высокій лобъ, говорившій о недюжинномъ умѣ, рѣзко выдѣлялся своею блѣдностью въ рамкѣ черныхъ, какъ смоль, волосъ и черныхъ бакеновъ кругомъ щекъ и подбородка, напоминавшихъ короткую, густую бороду. Его тонкія, безкровныя губы, его суровый видъ и проницательный взоръ, который, казалось, видитъ человѣка насквозь, краснорѣчиво говорили о присутствіи сильнаго характера и упорной воли. Мнѣ кажется, если бы знаменитый русскій художникъ, В. М. Васнецовъ, увидѣлъ Ушинскаго, онъ написалъ бы съ него для какого-нибудь собора типъ вдохновеннаго пророка-фанатика, глаза котораго во время проповѣди мечутъ искры, а лицо становится необыкновенно строгимъ и суровымъ. Тотъ, кто видалъ Ушинскаго хотя разъ, навсегда запоминалъ этого человѣка, рѣзко выдѣлявшагося изъ толпы даже своею внѣшностью.

Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, мой жизненный путь оконченъ, и я у двери гроба, но до сихъ поръ не могу забыть пламенную рѣчь этого великаго учителя, которая впервые бросила человѣческую искру въ наши головы, заставила трепетать

наши сердца человѣческими чувствами, пробудила въ насъ благородныя свойства души, которыя безъ него должны были потухнуть. Одна эта лекція сдѣлала для насъ уже невозможнымъ возвратъ къ прошлымъ взглядамъ, по крайней мѣрѣ, въ области элементарныхъ вопросовъ этики, а мы прослушали цѣлый рядъ его лекцій, бесѣдовали съ нимъ по поводу различныхъ жизненныхъ явленій.

Дальнѣйшему измѣненію нашихъ взглядовъ, совершенному перевороту въ нашемъ умственномъ и нравственномъ міросозерцаніи содѣйствовали и новые преподаватели. Тѣмъ не менѣе все шло отъ Ушинскаго и черезъ него: онъ былъ наставникомъ и руководителемъ не только для насъ, но и для приглашенныхъ имъ учителей, главнымъ виновникомъ нашего полнаго перерожденія. Наша жизнь, если можно такъ выразиться, раскололась на двѣ, діаметрально противоположныя, части: на безпросвѣтное, безсмысленное, жалкое прозябаніе до его вступленія и на только что наступившую новую эру, полную живого интереса, стремленій къ знанію, къ мыслямъ и мечтамъ, облагораживающимъ душу. Постоянное чтеніе книгъ, выборомъ которыхъ руководили опытные наставники, шевелило нашъ мозгъ и быстро расширяло нашъ умственный горизонтъ.

И теперь еще, каждый разъ, когда мой взоръ встрѣчаетъ портретъ Ушинскаго, этого великаго педагога, я вспоминаю его вступительную лекцію: необыкновенное волненіе и глубочайшая признательность охватываютъ мою душу, и мнѣ такъ хочется преклонить колѣни передъ свѣтлымъ образомъ этого замѣчательнаго человѣка.

Съ благоговѣніемъ сохраняя въ нашихъ сердцахъ память о завѣтахъ великаго учителя, я должна сознаться, что не всѣ его ученицы могли сдѣлаться «кузнецами своего счастья». Отъ нашихъ отцовъ и матерей, пропитанныхъ вожделѣніями крѣпостнической эпохи и узко-эгоистическими принципами, мы не могли получить въ наслѣдство надлежащаго закала для альтруистическихъ устоевъ. Онъ утверждалъ, что высшее счастье человѣка состоитъ исключительно въ служеніи народу, что личное счастье ничто: оно эфемерно, призрачно, часто не даетъ даже нравственнаго удовлетворенія, а потому оно и должно быть принесено на алтарь служенія народу. Выполненіе такого суроваго требованія было не по силамъ большинству молодыхъ существъ, только что вступавшихъ въ жизнь, которыхъ она опутывала всѣми своими чарами, которыхъ она такъ заманчиво, такъ властно манила испытать личное счастье. Этотъ взглядъ на личное счастье Ушинскій раздѣлялъ со многими идеалистами-энтузіастами шестидесятыхъ годовъ.

Е. Водовозова.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

Серебристыя дороги
На зеркальномъ тихомъ морѣ
Затерялись и пропали
Въ нескончаемомъ просторѣ.
Это, можетъ быть, бѣлѣя,
Тамъ проходятъ корабли,
Вѣчно въ поискахъ свободныхъ
Новой, сказочной земли?
Въ міръ чудесъ непостижимыхъ,
Но угаданныхъ душою
Эти свѣтлыя дороги
Сердце манятъ за собою,
Эти свѣтлыя дороги,
Серебристые пути...
Развѣ можно, вѣря въ чудо,
Счастья ждать и не найти?.
Развѣ яркому порыву,
Окрыленному мечтами,
Нуженъ путь, извѣстный людямъ
Съ ихъ маячными огнями?..
Серебристыя дороги —
Это счастья ясный сонъ,
Это путь для тѣхъ, кто молодъ,
Кто отваженъ и влюбленъ!

Ада Чумаченко.

Парижскій рабочій парламентъ 1848 г. и его дѣятельность.

I.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ въ исторіи февральской революціи является несомнѣнно исторія знаменитаго рабочаго парламента—Люксембургской коммиссіи, засѣдавшей подъ предсѣдательствомъ Луи Блана въ бывшемъ помѣщеніи палаты пэровъ — Люксембургскомъ дворцѣ — съ 1 марта по 15 мая 1848 года.

На Люксембургскую коммиссію возлагали самыя широкія надежды республиканцы соціалистическаго оттѣнка и парижскій пролетаріатъ, ее ненавидѣли всѣми силами своей души умѣренные республиканцы и реакціонеры. Ей всѣ историки эпохи приписываютъ громадное вліяніе на настроеніе парижскаго населенія. Тѣмъ не менѣе исторія ея до сихъ въ сущности остается неизученной, и существуетъ пока только одна монографія, ей посвященная, которую отнюдь нельзя назвать исчерпывающей вопросъ *).

Положеніе всякаго изслѣдователя, приступающаго къ изученію дѣятельности Люксембургской коммиссіи, довольно затруднительно, такъ какъ мы не располагаемъ пока достаточнымъ количествомъ источниковъ. Послѣ закрытія коммиссіи на ея бумаги былъ наложенъ секвестръ, и затѣмъ слѣдъ ихъ совершенно исчезаетъ. По всей вѣроятности, онѣ погибли во время пожара ратуши 1871 года. Поэтому единственными источниками остаются пока свѣдѣнія о ней, попавшія въ печать. Въ Moniteur'ѣ за мартъ, апрѣль и начало мая 1848 года регулярно помѣщались сообщенія о ея работахъ и протоколы ея засѣданій **). Но это источникъ и не вполнѣ досто-

---

*) *Georges Cahen.* Louis Blanc et la commission de Luxembourg въ Annales de l'Ecole libre des sciences politiques за 1897 годъ.

**) Всѣ эти отчеты собраны въ одно цѣлое въ брошюрѣ Луи Блана «La révolution de février au Luxembourg» (Paris 1848) и въ сборникѣ «Le droit au travail au Luxembourg et à l'Assemblée nationale» (Paris 1849), гдѣ они занимаютъ страницы 1—225 перваго тома. Дальнѣйшія ссылки сдѣланы на это послѣднее изданіе.

вѣрный, и неполный. Протоколы составлялись довольно кратко и почти никогда не перечисляютъ участниковъ засѣданія. Вдобавокъ Луи Бланъ принималъ мѣры, чтобы въ печать попадало только то, что онъ находилъ нужнымъ, а доступъ представителямъ печати въ коммиссію не былъ свободенъ. Кромѣ того, не обо всѣхъ засѣданіяхъ коммиссіи помѣщены были отчеты. Послѣднее засѣданіе, протоколъ котораго былъ напечатанъ, было 20 марта. Между тѣмъ Консидеранъ упоминаетъ въ своей газетѣ о рѣчи, которую онъ произнесъ въ засѣданіи 22 марта, и убѣдившись, что отчетъ объ этомъ засѣданіи и не будетъ напечатанъ, онъ самъ опубликовываетъ свою рѣчь *). Въ отчетѣ слѣдственной коммиссіи по поводу іюньскаго возстанія описывается еще засѣданіе 28 марта **). Приходится поэтому свѣдѣнія, даваемыя Moniteur'омъ, провѣрять и дополнять немногочисленными данными, которыя можно почерпнуть изъ газетъ, брошюръ, мемуаровъ и т. д. Несмотря на скудость этихъ свѣдѣній, можно попытаться воспроизвести въ основныхъ линіяхъ картину ея дѣятельности, поскольку она касалась рѣшенія соціальнаго вопроса. Это и послужитъ задачей настоящей статьи.

Февральская революція была произведена мелкой буржуазіей и рабочимъ пролетаріатомъ Парижа. Ихъ совмѣстными усиліями былъ низвергнутъ тронъ Людовика Филиппа, ихъ совмѣстныя дѣйствія сдѣлали невозможнымъ регентство герцогини Орлеанской и заставили временное правительство провозгласить республику. Но оба класса совершенно различно понимали идею демократической республики. Для буржуазіи провозглашеніе демократической республики было предѣломъ, дальше котораго она не хотѣла идти. Для пролетаріата и его вождей признаніе республики было только первымъ шагомъ по пути соціальной реформы. Недаромъ боевымъ кличемъ рабочихъ во время борьбы было: «Да здравствуетъ демократическая и *соціальная* республика!». Въ ихъ сознаніи республика, какъ наиболѣе полное воплощеніе народнаго суверенитета, немедленно должна была заняться соціальными преобразованіями.

Вотъ почему уже на другой день послѣ побѣды революціи, 25 февраля, народныя толпы явились къ зданію ратуши, гдѣ засѣдало временное правительство, съ требованіемъ немедленнаго признанія права на трудъ, и подъ давленіемъ манифестаціи умѣренное большинство правительства принуждено было подчиниться радикальному меньшинству и принять декретъ, которымъ обязалось «обезпечить трудъ всѣмъ гражданамъ».

*) См. Démocratie pacifique, 1 et 12 avril 1848.

**) См. Rapport de la commission d'enquête sur les causes de l'insurrection de juin, I, 118 sqq.

Авторомъ этого декрета былъ, какъ извѣстно, Луи Бланъ. Народная масса увидѣла въ этомъ декретѣ признаніе того пониманія республиканской идеи, которое сложилось у рабочаго пролетаріата. Въ ея глазахъ такъ же, какъ въ глазахъ Луи Блана, этимъ декретомъ правительство обязывалось приступить къ соціальной реформѣ, къ той самой организаціи труда, которой была посвящена знаменитая брошюра Луи Блана, и идея которой пользовалась широкой популярностью среди рабочихъ. Поэтому въ революціонныхъ кружкахъ быстро созрѣло рѣшеніе произвести новую манифестацію съ цѣлью добиться отъ правительства учрежденія спеціальнаго министерства, задачей котораго и явилось бы проведеніе въ жизнь организаціи труда.

28 февраля около полудня народная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ покрыла площадь предъ ратушей, требуя учрежденія министерства труда. Это требованіе вызвало бурныя пренія въ средѣ временнаго правительства. Луи Бланъ энергично поддерживалъ требованія толпы, но его предложенія встрѣтили отпоръ со стороны Ламартина, и мнѣніе Ламартина восторжествовало. Возмущенный Луи Бланъ тогда заявилъ, что ни онъ, ни Альберъ не могутъ послѣ этого оставаться въ составѣ временнаго правительства. Принять отставку Луи Блана, однако, было крайне опасно въ виду его популярности среди рабочихъ. Тогда Гарнье-Пажесъ предложилъ учредить подъ предсѣдательствомъ Луи Блана коммиссію съ участіемъ рабочихъ, которая занялась бы выработкой плана соціальныхъ преобразованій.

Луи Бланъ сначала упорствовалъ. Но горячія убѣжденія Араго поколебали его рѣшимость, и онъ уступилъ. О рѣшеніи временнаго правительства было немедленно сообщено собравшимся толпамъ, а на другой день появился въ Moniteur'ѣ декретъ, учредившій «правительственную коммиссію для рабочихъ» (Commission du gouvernement pour les travailleurs) въ Люксембургскомъ дворцѣ. Предсѣдателемъ ея назначался Луи Бланъ, вице-предсѣдателемъ Альберъ. Задачу коммиссіи декретъ опредѣлялъ очень неясно. Она должна была «спеціально заняться участью рабочихъ» *). Въ первой рѣчи, сказанной Луи Бланомъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, онъ постарался формулировать эту задачу болѣе опредѣленно. Цѣль коммиссіи, по его словамъ, «изучить всѣ вопросы, касающіеся труда, и подготовить ихъ рѣшеніе въ проектѣ, который будетъ представленъ въ національное собраніе», кромѣ того «предварительно выслушать наиболѣе неотложныя требованія рабочихъ и удовлетворить тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны справедливыми» **). На удовлетвореніи наиболѣе неотложныхъ нуждъ рабочихъ и на подготовкѣ проекта соціальныхъ реформъ и сосредо-

*) Moniteur, 29 février 1848.
**) Le droit au travail, I, 6.

точилась главнымъ образомъ работа Люксембургской коммиссіи. Но прежде чѣмъ перейти къ этой работѣ, познакомимся съ тѣмъ, какъ была организована Люксембургская коммиссія.

Первое засѣданіе коммиссіи состоялось 1 марта. Въ Люксембургскій дворецъ, въ залъ засѣданій бывшей палаты пэровъ, собралось около 200 делегатовъ отъ рабочихъ корпорацій. Составъ собравшихся былъ болѣе или менѣе случайный. Такой же случайный характеръ имѣлъ и составъ слѣдующаго собранія 2 марта, когда въ Люксембургскій дворецъ собрались представители предпринимателей. Но уже съ слѣдующаго дня Луи Бланъ принялся энергично за правильную организацію коммиссіи. 6 марта онъ издалъ прокламацію къ рабочимъ, въ которой приглашалъ ихъ выбрать по три делегата отъ каждой профессіи и заявилъ, что имена делегатовъ будутъ напечатаны въ газетахъ для провѣрки ихъ полномочій. Послѣ этой прокламаціи рабочіе занялись избраніемъ делегатовъ, и къ назначенному Луи Бланомъ сроку, 10 марта, было выбрано 242 делегата отъ 87 профессій. Имена ихъ были опубликованы въ «Moniteur'ѣ» 11 марта. 23 марта въ «Moniteur'ѣ» появился новый списокъ 442 делегатовъ отъ 131 профессіи. Число делегатовъ, такимъ образомъ, было 684. Но желаніе Луи Блана имѣть въ Люксембургской комиссіи органъ правильнаго представительства интересовъ рабочихъ не вполнѣ осуществилось. Въ основу дѣленія на профессіи не было положено никакого опредѣленнаго принципа, благодаря чему представительство получило характеръ неправильный и случайный. Послѣ 23 марта въ «Moniteur'ѣ» уже не появлялось новыхъ списковъ, но далеко еще не всѣ профессіи имѣли своихъ представителей, и выборы продолжались во все время существованія коммиссіи. 11 марта Луи Бланъ пригласилъ и предпринимателей выбрать въ Люксембургскую коммиссію по три представителя отъ каждой профессіи. А 20 марта въ «Moniteur'ѣ» былъ напечатанъ списокъ 230 делегатовъ отъ предпринимателей, представлявшихъ 77 профессій. Но и этотъ списокъ не былъ окончательнымъ, и выборы среди предпринимателей продолжались и послѣ 20 марта. Кромѣ того, Луи Бланъ рѣшилъ пригласить къ участію въ коммиссіи всѣхъ мнаиболѣе выдающихся экономистовъ и публицистовъ, такъ или иначе трудившихся надъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса. Судя по офиціальнымъ отчетамъ и словамъ самого Луи Блана, приглашены были слѣдующія лица: Анфантенъ, Олэндъ Родригъ, Дюверье, Казо, Консидеранъ, Туссенель, Видаль, Пеккеръ, Пьеръ Леру, Жанъ Рейно, Дюпонъ Уайтъ, Ле Плэ, Дюпоти, Дюссаръ, Малармэ, Паскаль, Корбонъ, Воловскій и Эмиль де-Жирарденъ. Анфантенъ, Родригъ Жирарденъ и Леру по разнымъ причинамъ, однако, не приняли участія въ работахъ коммиссіи.

Когда были произведены выборы отъ рабочихъ, то Луи Бланъ предложилъ въ засѣданіи 10 марта собравшимся рабочимъ деле-

гатамъ выбрать 10 человѣкъ для участія въ постоянной работѣ коммиссіи, прибавивъ, что по спеціальнымъ вопросамъ, касающимся рабочихъ той или иной профессіи, коммиссія будетъ входить въ сношенія съ делегатами этой профессіи. По предложенію одного изъ участниковъ, эти 10 человѣкъ были избраны посредствомъ жребія. Въ засѣданіи 17 марта Луи Бланъ сдѣлалъ такое же предложеніе собравшимся делегатамъ отъ предпринимателей. Предприниматели послѣдовали примѣру рабочихъ и жребіемъ выбрали 10 человѣкъ. Послѣ этого, какъ гласитъ протоколъ засѣданія коммиссіи 20 марта, коммиссія составилась изъ 20 избранныхъ жребіемъ делегатовъ отъ рабочихъ и предпринимателей и приглашенныхъ Луи Бланомъ публицистовъ и ученыхъ. Дѣятельное участіе въ работахъ коммиссіи принялъ, конечно, кромѣ предсѣдателя и вице-предсѣдателя, секретарь коммиссіи. Секретаремъ былъ назначенъ Франсуа Видаль.

Самъ Луи Бланъ, повидимому, считалъ съ 18 марта составъ коммиссіи достаточно опредѣлившимся. По крайней мѣрѣ, послѣ этого, онъ больше не дѣлалъ попытокъ обновить или расширить ея составъ. Между тѣмъ въ современной печати мы встрѣчаемъ жалобы на то, что далеко не всѣ стороны современной экономической жизни нашли своихъ представителей въ коммиссіи, что, напримѣръ, тамъ нѣтъ представителей отъ рабочихъ въ департаментахъ, и совсѣмъ не представлены интересы сельскаго хозяйства *). Одновременно съ Люксембургской коммиссіей возникли въ нѣкоторыхъ городахъ сходныя съ ней учрежденія. Напримѣръ, въ Ліонѣ возникла коммиссія организаціи труда, устроенная по образцу Люксембургской и продержавшаяся до марта 1849 года. Въ Марселѣ коммиссаръ временнаго правительства Эмиль Олливье тоже учредилъ коммиссію изъ рабочихъ. Аналогичныя явленія можно было наблюдать въ Лиллѣ, Крезо и другихъ мѣстахъ. Но Люксембургская коммиссія не вступала ни въ какія отношенія съ этими организаціями. Мало того, о допущеніи въ Люксембургскую коммиссію просили представители земледѣльческаго конгресса, собравшагося въ Парижѣ 1 марта, и представители управленія сберегательными кассами. Они заручились даже согласіемъ временнаго правительства **). Но Луи Бланъ остался глухъ къ ихъ желаніямъ.

Образованная такимъ образомъ комиссія, согласно плану Луи Блана, имѣла двоякаго рода засѣданія: а) закрытыя засѣданія, въ которыхъ принимали участіе избранные жребіемъ 20 делегатовъ и приглашенные публицисты и ученые, и гдѣ предварительно обсуждались предполагаемыя преобразованія; на эти собранія былъ даже закрытъ доступъ представителямъ печати ***); б) открытыя

*) См. „Démocratie pacifique", 22 avril, 1848.
**) См. „Presse", 7 et 9 mars, 1848.
***) См., напр., „Le Peuple Constituant", 28 mars, 1848.

засѣданія, куда собирались всѣ делегаты отъ рабочихъ или отъ предпринимателей (тѣ и другіе вмѣстѣ не собирались ни разу) для выслушанія отчета о дѣятельности коммиссіи. Здѣсь Луи Бланъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ развивалъ свои идеи объ организаціи труда. Въ «Moniteur'ѣ» помѣщены отчеты о 4 засѣданіяхъ постоянной комиссіи—3, 5, 13 и 20 марта. Кромѣ того, Консидеранъ упоминаетъ въ своей газетѣ о засѣданіи 22 марта. Судя по оффиціальнымъ отчетамъ, общихъ собраній было семь: 1, 10, 19 марта. 3 и 27 апрѣля были собранія делегатовъ рабочихъ, 2 и 17 марта собранія делегатовъ предпринимателей. Кромѣ того, общее собраніе делегатовъ отъ рабочихъ происходило 28 марта, какъ это засвидѣтельствовано отчетомъ слѣдственной коммиссіи *). Дѣятельность коммиссіи продолжалась до половины мая. Когда собралось учредительное собраніе, Луи Бланъ и Альберъ въ засѣданіи 9 мая отказались отъ званія предсѣдателя и вице-предсѣдателя коммиссіи. Коммиссія, однако, продолжала свое существованіе. Но настроеніе большинства учредительнаго собранія было слишкомъ враждебно по отношенію къ ней, и демонстрація 15 мая послужила достаточнымъ поводомъ для ея закрытія. Съ 16 мая Люксембургская коммиссія больше не существовала. Любопытно, что не было даже издано декрета о ея распущеніи. Делегатовъ просто перестали пускать во дворецъ.

II.

Познакомившись съ устройствомъ Люксембургской коммиссіи, мы можемъ теперь приступить къ изученію ея дѣятельности. Въ ея дѣятельности, говоритъ Луи Бланъ, «надо различать доктрины, которыя излагались, какъ конечная цѣль стремленій, и мѣры чисто переходнаго характера, которыя предлагались, какъ немедленно осуществимыя» **). «Доктрины» излагалъ самъ предсѣдатель коммиссіи въ рѣчахъ, которыя онъ произносилъ на общихъ собраніяхъ делегатовъ. Рѣчи Луи Блана представляютъ развитіе принциповъ, высказанныхъ имъ раньше въ «Организаціи труда». Мы находимъ въ нихъ и страстную критику системы laissez faire, основанной на конкуренціи и всеобщемъ антагонизмѣ, и ссылки на исторію Англіи, и вѣру въ ассоціаціи, и порученіе государству провести въ жизнь новые соціальные принципы, и ученіе о свободѣ, какъ не только о правѣ, но и о возможности развитія своихъ способностей, и т. д. Отличіе состоитъ только въ томъ пути, который указываетъ Луи Бланъ государству. Вмѣсто займа, который долженъ составить національный фондъ, и на который должны

*) Rapport de la commission d'enquête I, 118 sqq.
**) Hist. de la rév de 1848, I, 157.

быть содержимы соціальныя мастерскія, онъ рекомендуетъ взять въ руки государства только тѣ предпріятія, которыя ему добровольно передадутъ сами предприниматели за опредѣленную ренту. Идеи, высказанныя Луи Бланомъ въ его рѣчахъ, имѣли непосредственное вліяніе на труды Люксембургской коммиссіи.

Труды эти были двухъ родовъ. Во-первыхъ, она проектировала или осуществила рядъ временныхъ мѣропріятій, которыя немедленно должны были внести нѣкоторое облегченіе въ положеніе рабочихъ. Во-вторыхъ, она вырабатывала обширный проектъ соціальныхъ реформъ, проведеніе котораго въ жизнь должно было способствовать постепенному преобразованію современнаго общественнаго строя въ духѣ соціалистическихъ идеаловъ.

Посмотримъ сначала, что пыталась сдѣлать коммиссія для того, чтобы улучшить немедленно положеніе рабочихъ. Настроеніе парижскихъ рабочихъ въ моментъ открытія коммиссіи было очень возбужденное. Луи Бланъ, открывая первое засѣданіе коммиссіи 1 марта, сказалъ въ своей вступительной рѣчи, что одна изъ задачъ коммиссіи «выслушать наиболѣе неотложныя требованія рабочихъ и удовлетворить тѣ изъ нихъ, которыя будутъ признаны справедливыми» *). Въ отвѣтъ на это нѣкоторые делегаты, по очереди, входили на каѳедру и высказывали желанія рабочихъ. На двухъ требованіяхъ они особенно настаивали, требуя ихъ немедленнаго осуществленія. Они требовали уменьшенія рабочаго дня и уничтоженія передачи работы предпринимателями подрядчикамъ (marchandage), занимающимся эксплуатаціей рабочихъ. Они категорически заявляли, что работа не возобновится, пока эти ихъ требованія не будутъ удовлетворены. Луи Бланъ всѣми силами старался внушить рабочимъ необходимость терпѣнія, призывалъ къ ихъ патріотизму и преданности республикѣ. Ему помогалъ въ этомъ прибывшій въ это время въ Люксембургскій дворецъ Араго. И съ большимъ трудомъ удалось имъ, наконецъ, побѣдить упрямство рабочихъ и уговорить ихъ разойтись. Немедленно послѣ этого онъ разослалъ приглашеніе виднѣйшимъ представителямъ предпринимателей собраться на слѣдующій день въ Люксембургскомъ дворцѣ. Собраніе состоялось 2 марта въ 8 часовъ утра. Луи Бланъ изложилъ предпринимателямъ требованія рабочихъ и предложилъ имъ высказаться по этому поводу. Вопросъ о системѣ подрядовъ подвергся обстоятельному обсужденію, и предприниматели вполнѣ согласились съ желательностью ихъ отмѣны. Вопросъ о продолжительности рабочаго дня былъ затруднительнѣе, и Луи Бланъ не обманывалъ себя въ его трудности. Онъ самъ опасался, что сокращеніе рабочаго дня вредно отразится на производствѣ и приведетъ къ вздорожанію продуктовъ **). Но собравшіеся предпри-

*) Le droit au travail, I, 6.
**) См. рѣчь 10 марта. Le droit au travail I, 33.

ниматели не возражали и противъ этого требованія. Они указали, что въ настоящее время въ Парижѣ существуетъ 11-часовой рабочій день, а въ департаментахъ—12-часовой, и что сокращеніе рабочаго дня на 1 часъ вполнѣ возможно. Послѣ этого собраніе разошлось, и, по предложенію Луи Блана, въ тотъ же день временное правительство подписало декретъ, которымъ оно устанавливало 10-часовой рабочій день для Парижа и 11-часовой — для департаментовъ и запрещало эксплуатацію рабочихъ подрядчиками (marchandage) съ оговоркой, что подъ это запрещеніе не подходитъ сдача работъ рабочимъ ассоціаціямъ *).

Декретъ, изданный временнымъ правительствомъ, однако, не удовлетворилъ обѣихъ сторонъ, и отношенія между предпринимателями и рабочими остались враждебными. Большинство предпринимателей отказалось подчиниться декрету или заставляло рабочихъ работать болѣе продолжительный срокъ, или предпочитало вовсе закрывать свои промышленныя заведенія, не желая подчиняться новымъ условіямъ труда. Съ другой стороны, и рабочіе считали уступку, сдѣланную имъ, слишкомъ ничтожной. Они осаждали своими требованіями Люксембургскую коммиссію, требуя 9 часового рабочаго дня и установленія таксы заработной платы, а для того, чтобы добиться повышенія платы, часто прибѣгали къ стачкамъ и прекращенію работы **). Промышленный кризисъ, разразившійся еще до февральской революціи, былъ усугубленъ самой революціей и дѣлалъ особенно затруднительной всякую примирительную политику. Поэтому Луи Бланъ принужденъ былъ нѣсколько разъ издавать прокламаціи, въ которыхъ указывалъ на необходимость исполнять этотъ декретъ ***). Наконецъ, по его предложенію временное правительство издало два декрета 21 марта и 4 апрѣля, въ которыхъ устанавливало наказаніе штрафомъ и заключеніемъ въ тюрьму за нарушеніе декрета 2 марта ****).

Вслѣдъ за декретомъ объ уменьшеніи рабочаго дня и уничтоженіи подрядовъ, Луи Бланъ постарался принять мѣры для того, чтобы найти заработокъ громадному числу безработныхъ. Съ этой цѣлью онъ проектировалъ открытіе справочныхъ конторъ, гдѣ бы могли записываться всѣ ищущіе работы, и куда бы обращались для найма предприниматели. Такого рода конторы существовали въ Парижѣ, но это были частныя предпріятія, хозяева которыхъ облагали записывавшихся рабочихъ значительными взносами за запись. По предложенію Луи Блана, временное правительство учредило декре-

*) См. по поводу всего этого Le droit au travail, I, 5—11.

**) См., напр., Presse 8 et 9 mars, „Le Peuple Constituant“, 16 mars, „La Démocratie pacifique“ 18 mars, „Le Siècle“ 25 mars, „L'Assemblée Nationale“, 26 mars etc.

***) См. прокламаціи 4, 5, 10 и 16 марта въ „Moniteur'ѣ“ за соотвѣтствующіе дни.

****) См. „Moniteur“, 22 mars et 5 avril.

томъ 8 марта безплатныя конторы въ каждой парижской мэріи. Въ этихъ конторахъ должны были вестись статистическія таблицы спроса и предложенія труда, что должно было облегчить рабочимъ пріисканіе заработка *).

Одну изъ причинъ пониженія заработной платы рабочіе видѣли въ той конкуренціи, которую имъ оказывалъ трудъ въ тюрьмахъ, монастыряхъ и казармахъ. Работающіе тамъ пользовались безплатно жилищемъ и пищей и потому могли брать за произведенія своего труда очень низкую плату. Благодаря этому, невольно понижалась плата свободныхъ рабочихъ. Особенно сильна была конкуренція въ швейномъ дѣлѣ, процвѣтавшемъ въ религіозныхъ братствахъ и монастыряхъ, вслѣдствіе чего обычная поденная плата швеи-работницы упала до 35 сантимовъ. Поэтому рабочіе требовали запрещенія подобнаго рода конкуренціи и ежедневно представляли заявленія въ этомъ духѣ въ Люксембургскую коммиссію. Луи Бланъ внялъ ихъ просьбамъ и 13 марта собралъ коммиссію для того, чтобы обсудить ихъ желанія. Изложивъ просьбы рабочихъ, онъ указалъ на ихъ тяжелое положеніе въ данный моментъ вслѣдствіе кризиса и находилъ справедливымъ, чтобы «люди, находящіеся въ исключительныхъ условіяхъ и не имѣющіе нужды въ трудѣ, чтобы жить, уступили работу тѣмъ, для кого трудъ есть жизнь» **). Присутствующіе члены коммиссіи согласились съ аргументами, высказанными Луи Бланомъ. Нѣкоторыя возраженія представилъ одинъ Консидеранъ. 24 марта былъ изданъ соотвѣтственный декретъ временнаго правительства, который запрещалъ трудъ въ тюрьмахъ и казармахъ. Контракты, заключенные предпринимателями, объявлялись уничтоженными, и соотвѣтственные суды должны были разобрать тѣ случаи, въ которыхъ государство обязано было выплатить предпринимателямъ вознагражденіе. На будущее время всѣ работы въ тюрьмахъ, въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и религіозныхъ обществахъ должны быть поставлены въ такія условія, чтобы вредная конкуренція съ свободной промышленностью была невозможна ***).

Добившись уничтоженія конкуренціи со стороны тюремъ и казармъ, рабочіе начали приписывать низкую заработную плату конкуренціи иностранныхъ рабочихъ, находившихся во Франціи въ большомъ числѣ. Въ различныхъ городахъ вспыхнули даже безпорядки, причиной которыхъ являлось стремленіе удалить иностранныхъ рабочихъ. Въ Парижѣ 2 апрѣля съ этой цѣлью произошла большая демонстрація, во время которой рабочіе кричали: «долой иностранцевъ!» Луи Бланъ былъ глубоко возмущенъ такимъ поведеніемъ рабочихъ. Ихъ требованіе настолько противорѣчило чув-

---

*) „Moniteur“, 9 mars.
**) Le droit au travail, I, 42—43.
***) См. Moniteur, 25 mars.

ству справедливости и настолько расходились съ громко провозглашаемымъ девизомъ февральской революціи: свободой, равенствомъ и братствомъ, что онъ не только не счелъ возможнымъ удовлетворить желанія рабочихъ, но даже счелъ необходимымъ оказать на нихъ давленіе въ обратномъ направленіи. По его предложенію 8 апрѣля временное правительство издало прокламацію къ рабочимъ, въ которой указывало, что подобныя мѣры противъ иностранцевъ не только вредны, но и безчестны *).

Антагонизмъ между предпринимателями и рабочими особенно обострился подъ вліяніемъ кризиса, и мы видѣли, что, съ одной стороны, предприниматели закрывали мастерскія, съ другой—рабочіе часто прибѣгали къ забастовкамъ для повышенія платы. Примирительныхъ камеръ, которыя могли бы устроить соглашеніе между обѣими сторонами, въ это время не существовало. Совѣты свѣдущихъ людей (couseils des prudhommes), учрежденные Наполеономъ въ 1809 г., должны были бы удовлетворять этой цѣли, но они не имѣли въ своемъ составѣ представителей отъ рабочихъ, и внушали рабочимъ недовѣріе. Поэтому рабочіе обращались со всѣми своими жалобами исключительно къ Люксембургской коммиссіи. Постоянные призывы Луи Блана къ умѣренности и терпѣнію склонили въ свою очередь и предпринимателей въ ихъ столкновеніяхъ съ рабочими обращаться къ содѣйствію коммиссіи. Луи Бланъ охотно отозвался на новую задачу, которую возлагали на коммиссію, и Люксембургская коммиссія стала фигурировать въ роли верховнаго трибунала въ спорахъ между предпринимателями и рабочими.

Уже 8 марта къ Луи Блану явились делегаты отъ владѣльцевъ омнибусовъ и наемныхъ экипажей, съ одной стороны, и отъ кучеровъ и кондукторовъ—съ другой, прося его посредничества. Послѣ трехчасовыхъ преній Луи Бланъ, къ общему удовлетворенію, установилъ соглашеніе, добившись повышенія заработной платы, уменьшенія штрафовъ за проступки и образованія изъ вносимыхъ штрафовъ кассы для вспомоществованія въ случаѣ нужды **). 25 марта онъ устроилъ примиреніе рабочихъ съ хозяевами въ механическихъ мастерскихъ Деронъ и Кайль въ Парижѣ и Фарко въ С.-Уанѣ ***). 29 марта утромъ Парижъ едва не проснулся безъ хлѣба. Рабочіе въ булочныхъ категорически отказывались продолжать работу, если ихъ тяжелое положеніе не будетъ немедленно улучшено. Нѣсколько тысячъ изъ нихъ пришли въ Люксембургскій дворецъ, чтобы заявить о своемъ рѣшеніи. Туда же въ испугѣ сбѣжались въ значительномъ числѣ и хозяева булочныхъ. Благодаря вмѣшательству Люксембургской коммиссіи, обѣ стороны согласились вы-

---

*) Moniteur, 9 avril.
**) Moniteur, 9 mars.
***) Moniteur, 25 et 26 mars.

брать изъ своей среды делегатовъ для того, чтобы добиться взаимнаго соглашенія. Цѣль была достигнута, обѣ стороны установили опредѣленный тарифъ, и рабочіе немедленно взялись за работу, такъ что никто въ городѣ не замѣтилъ забастовки. Одновременно съ этимъ вспыхнула другая забастовка, не менѣе непріятная для парижскаго населенія. Городъ еще не былъ вполнѣ приведенъ въ порядокъ послѣ баррикадъ въ февральскіе дни, и движеніе экипажей не было свободно. Между тѣмъ рабочіе, мостившіе улицы, прекратили работу и потребовали увеличенія заработной платы. При содѣйствіи Люксембургской коммиссіи, однако, 1 апрѣля состоялось соглашеніе между рабочими и ихъ предпринимателями, и работа возобновилась *). Скоро послѣ этого Люксембургская коммиссія сумѣла прекратить забастовку кровельщиковъ, работавшихъ надъ новымъ помѣщеніемъ для учредительнаго собранія **). Успѣхъ такого рода примирительной дѣятельности Люксембургской коммиссіи привелъ къ тому, что къ ней постоянно обращались съ подобнаго рода просьбами. Мы знаемъ, что она, кромѣ того, прекратила недоразумѣнія съ хозяевами и забастовки рабочихъ обойныхъ мастерскихъ (31 марта), чистильщиковъ выгребныхъ ямъ (5 апрѣля), кузнецовъ (7 апрѣля), рабочихъ свинцовыхъ и цинковыхъ мастерскихъ, кучеровъ наемныхъ экипажей (13 апрѣля), каменоломовъ (29 апрѣля), выгрузчиковъ (1 мая). Протоколы всѣхъ перечисленныхъ соглашеній частью напечатаны въ Moniteur'ѣ, частью приложены Луи Бланомъ къ его «Исторіи революціи 1848 г.». Любобытно, что хозяева первые обыкновенно обращались за помощью къ Люксембургской коммиссіи. Примирительная работа коммиссіи была чрезвычайно обширна, и во многихъ случаяхъ мѣсто Луи Блана, который былъ слишкомъ занятъ, занималъ Видаль. Коммиссія, дѣйствительно, имѣла право утверждать, что «хозяева и рабочіе различными дорогами идутъ въ Люксембургскій дворецъ, но выходятъ оттуда почти всегда вмѣстѣ» ***).

Несмотря на энергію, съ которой Луи Бланъ при содѣйствіи Альбера и Видаля старался различными временными мѣрами, какъ мы видѣли, помочь тяжелому положенію рабочихъ, единственнымъ дѣйствительнымъ способомъ для помощи, въ его глазахъ, оставалось устройство производительныхъ рабочихъ ассоціацій. По его мнѣнію, инициативу въ этомъ дѣлѣ должно было взять на себя государство, но категорическій отказъ учредить министерство труда заставилъ его разочароваться въ возможности перейти къ практическому примѣненію своихъ идей. Однако потомъ два обстоятельства навели его на соображеніе, что можно попытаться хотя бы отчасти осуществить свои планы. Во-первыхъ, временное правитель-

---

*) Moniteur, 2 avril.
**) Le droit au travail, I, 122.
***) Le droit au travail, I, 123.

ство постановило, что всѣмъ національнымъ гвардейцамъ, кто не въ состояніи будетъ по бѣдности сшить себѣ форму, она будетъ заказана на счетъ государства *). Во-вторыхъ, оно уничтожило заключеніе въ тюрьму за долги, и, такимъ образомъ, тюрьма Клиши, служившая прежде этой цѣли, была теперь свободна. Эти два обстоятельства привели Луи Блана къ заключенію, что для исполненія заказа на форму національной гвардіи можно учредить ассоціацію рабочихъ и въ мастерскую обратить тюрьму Клиши. Онъ пригласилъ къ себѣ одного изъ делегатовъ отъ корпораціи рабочихъ-портныхъ, Берара, о популярности котораго среди товарищей онъ зналъ раньше. На вопросы Луи Блана, возможно ли устроить ассоціацію среди портныхъ, Бераръ отвѣтилъ, что сейчасъ есть около 2000 портныхъ, которые съ удовольствіемъ организовали бы ассоціацію, но препятствіемъ, съ одной стороны, является отсутствіе въ ихъ рукахъ орудій труда и капитала, съ другой,—конкуренція магазиновъ готоваго платья, страшно сбивающихъ цѣну на трудъ портныхъ. Но когда Луи Бланъ ему сказалъ, что государство можетъ сдѣлать портнымъ большой заказъ, то Бераръ пришелъ въ восторгъ и обѣщалъ немедленно заняться устройствомъ ассоціацію. Дѣло очень скоро устроилось, и во главѣ возникшей ассоціаціи стали Бераръ и другіе два делегата отъ портныхъ. Въ Люксембургской коммиссіи Луи Бланъ добился отъ временнаго правительства заказа 110.180 мундировъ и шароваръ для національной гвардіи. Рабочіе были снабжены матеріаломъ, тюрьма Клиши была обращена въ мастерскую, и съ 28 марта новая ассоціація начала тамъ работу. Въ основу ассоціаціи былъ положенъ уставъ, содержавшій развитіе принциповъ «Организаціи труда». Луи Бланъ убѣдилъ рабочихъ въ необходимости установить въ новой «соціальной мастерской» полное равенство вознагражденія. Заработная плата была опредѣлена по 2 франка въ день. Прибыль, которую сверхъ того могли получить участники ассоціаціи, рѣшено было дѣлить на двѣ части: одну распредѣлять поровну между участниками, другую оставлять для образованія резервнаго фонда. Выборное жюри должно было смотрѣть за порядкомъ. Управленіе было поручено выборной административной коммиссіи, контроль—особой испытательной коммиссіи. Представителемъ Люксембургской коммиссіи при ассоціаціи былъ 14 апрѣля назначенъ Эдмондъ Фроссаръ. 5 апрѣля въ мастерской было около 800 рабочихъ, но въ концѣ апрѣля количество ихъ уже достигало 1.200. Въ началѣ дѣло не обошлось безъ затрудненій. Число рабочихъ было слишкомъ велико сравнительно съ имѣвшейся работой. Національные гвардейцы постоянно являлись группами въ мастерскую и требовали своей обмундировки. Администрація плохо справлялась съ своей задачей. Но, мало-по-малу, дѣло вошло въ

*) См. Moniteur 16 mars.

норму, и уже въ концѣ перваго мѣсяца ассоціація реализовала нѣкоторую, хотя и незначительную, прибыль. Въ іюлѣ мѣсяцѣ прибыль, причитавшаяся ея участникамъ, все еще не превышала 15 сантимовъ на 2 франка поденной платы, несмотря на то, что рабочій день продолжался 10 часовъ.

Вслѣдъ за ассоціацией портныхъ Луи Бланъ устроилъ ассоціацію сѣдельниковъ. Онъ воспользовался для этого запрещеніемъ труда въ казармахъ въ силу декрета 24 марта и уговорилъ временное правительство передать заказъ части сѣделъ, которыя должны были быть сдѣланы въ военной мастерской въ Сомюрѣ, въ руки рабочихъ-сѣдельниковъ въ Парижѣ. Этотъ заказъ далъ возможность сѣдельникамъ тоже сплотиться въ ассоціацію. Въ основу ея устройства были положены тѣ же принципы, чтó и въ ассоціацію портныхъ. Обмундировка національной гвардіи облегчила Луи Блану образованіе еще третьей ассоціаціи—прядильщиковъ. Не безъ труда побѣдилъ Луи Бланъ сопротивленіе мэра Парижа Марраста, подозрительно относившагося къ затѣямъ своего коллеги. 26 марта городъ заключилъ контрактъ съ ассоціацией прядильщиковъ и передалъ ей заказъ на 100.000 эполетъ, необходимыхъ для обмундировки національной гвардіи. При содѣйствіи Луи Блана ассоціація вошла для исполненія этого заказа въ соглашеніе съ делегатами отъ корпораціи позументщиковъ и получила отъ учетной конторы временную ссуду въ 12.000 франковъ.

Такимъ образомъ, для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ рабочихъ, Люксембургская коммиссія принимала слѣдующія мѣры: она настояла на изданіи нѣсколькихъ законовъ для охраны труда, выступала въ качествѣ посредницы при столкновеніяхъ предпринимателей и рабочихъ и покровительствовала учрежденію рабочихъ ассоціацій.

Декреты, издаваемые по предложенію коммиссіи, имѣли мало успѣха. Несмотря на наказанія, установленныя за нарушеніе декрета 2 марта, онъ продолжалъ нарушаться, а послѣ іюньскихъ дней былъ немедленно отмѣненъ учредительнымъ собраніемъ. Декретъ 8 марта объ устройствѣ безплатныхъ конторъ для пріисканія труда остался только на бумагѣ и не былъ приведенъ въ исполненіе. Декретъ 24 марта о трудѣ въ тюрьмахъ, казармахъ и религіозныхъ обществахъ остался почти безъ примѣненія. Въ казармахъ и религіозныхъ обществахъ работы продолжались. Въ тюрьмахъ, правда, онѣ были прекращены, но послѣ іюньскихъ дней и въ этомъ отношеніи вернулись назадъ, и учредительное собраніе измѣнило декретъ временнаго правительства въ такомъ духѣ, что фактически были возстановлены прежніе порядки. Такая же судьба постигла и учрежденныя при содѣйствіи Люксембургской коммиссіи ассоціаціи. Ассоціація портныхъ въ Клиши была особенно ненавистна въ правящихъ кругахъ, какъ любимое дѣтище Луи Блана. Послѣ іюньскихъ дней, несмотря на то, что члены ассоціаціи не

принимали никакого участія въ возстаніи, правительство уничтожило заключенный съ нею договоръ и уплатило ей 30.000 франковъ вознагражденія. Это нанесло сильный ударъ ассоціаціи и вскорѣ заставило ее ликвидировать дѣла. То же случилось и съ другими ассоціаціями. Тѣмъ не менѣе учрежденіе этихъ ассоціацій имѣло большое значеніе. Правда, Луи Бланъ не былъ иниціаторомъ въ дѣлѣ образованія такого рода коопераций. Еще раньше проповѣдовалъ устройство ихъ Бюше, и уже во времена іюльской монархіи были сдѣланы первые опыты въ этомъ направленіи. Но дѣятельность Люксембургской коммиссіи, несомнѣнно, способствовала пробужденію самосознанія рабочаго класса и дала сильный толчекъ къ образованію множества рабочихъ ассоціацій, какъ кооперативныхъ, такъ въ особенности профессіональныхъ.

III.

Но главная задача коммиссіи заключалась не во временныхъ мѣрахъ, а въ выработкѣ проекта соціальныхъ реформъ, который долженъ былъ быть представленъ въ учредительное собраніе. Этотъ проектъ былъ законченъ ко времени закрытія коммиссіи. Онъ представляетъ собою несомнѣнный интересъ. Во-первыхъ, исторія его выработки составляетъ наименѣе извѣстную сторону дѣятельности Люксембургской коммиссіи. Во-вторыхъ, въ немъ мы встрѣчаемся съ одной изъ первыхъ попытокъ поставить на практическую почву вопросъ соціальной реформы, формулировать програму соціалистовъ въ опредѣленныхъ практическихъ требованіяхъ, выяснить, какія именно мѣропріятія были по мнѣнію соціалистовъ необходимы въ данный моментъ для торжества соціалистическихъ идеаловъ въ будущемъ. Между тѣмъ, историки 1848 года обыкновенно обращаютъ на этотъ проектъ очень мало вниманія, или вовсе не упоминая о его существованіи, или ограничиваясь двумя-тремя словами. Очень мало говоритъ о немъ и Луи Бланъ въ своей «Исторіи революціи 1848 года», а въ своихъ «Pages d'histoire» вовсе не упоминаетъ о его существованіи. Обратили на него вниманіе только Каэнъ, Левассёръ и Ренаръ *).

Проектъ этотъ составляетъ большую часть общаго изложенія (exposé général) дѣятельности Люксембургской коммиссіи, напечатаннаго въ Moniteur'ѣ 27 апрѣля, 2, 3 и 6 мая 1848 года **). Всѣ названные выше изслѣдователи говорятъ, что этотъ проектъ остался въ незаконченномъ видѣ. Дѣйствительно, въ Moniteur'ѣ отъ 6 мая въ концѣ напечатанной части проекта обѣщано въ будущемъ

*) *Cahen*. Louis Blanc et la commission de Luxembourg, p. 202—210. *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières en France, II, 366—367. *Renard*. La République de 1848 p. 272 sqq.

**) Въ сборникѣ Le droit au travail, стр. 118—183 перваго тома.

его продолженіе, а между тѣмъ это продолженіе не появилось. Въ самомъ текстѣ проекта, во введеніи, перечислены отдѣльные вопросы, о которыхъ будетъ идти рѣчь. Предположенныя имъ преобразованія должны состоять въ учрежденіи промышленныхъ и земледѣльческихъ общественныхъ мастерскихъ, въ улучшеніи способовъ обмѣна, организаціи коммерческаго кредита, преобразованіи системы страхованія, созданіи земельнаго кредита и упрощеніи ипотечной системы. Но въ дальнѣйшемъ изложеніи мы находимъ не всѣ перечисленные вопросы. Въ текстѣ Moniteur'а нѣтъ проекта устройства промышленныхъ мастерскихъ и проекта организаціи земельнаго кредита и упрощенія ипотечной системы.

Каэнъ указываетъ именно на первый вопросъ въ доказательство того, что проектъ остался недоконченнымъ. Но отвѣтъ на замѣчаніе Каэна содержится въ самомъ текстѣ проекта. Въ введеніи авторы говорятъ, что они изложили уже планъ организаціи труда въ мастерскихъ мануфактурной промышленности и указали на возможность облегчить бѣдственное положеніе рабочихъ постройкой обширныхъ помѣщеній съ удобными жилищами для нихъ, и поэтому теперь они переходятъ къ дальнѣйшимъ желательнымъ преобразованіямъ *). Дѣйствительно, проектъ устройства рабочихъ жилищъ обсуждался въ засѣданіи Люксембургской коммиссіи 5 марта, а вопросъ объ организаціи труда въ промышленныхъ мастерскихъ— въ засѣданіи 20 марта, и отчеты объ этихъ засѣданіяхъ въ свое время были опубликованы въ Moniteur'ѣ 13 и 24 марта, а такъ какъ главнымъ авторомъ проекта былъ, какъ мы увидимъ дальше, секретарь коммиссіи Видаль, то, очевидно, онъ счелъ излишнимъ повторять въ общемъ изложеніи содержаніе этихъ отчетовъ, имъ же составленныхъ. Такимъ образомъ, вопросъ, поднятый Каэномъ, легко рѣшается. Что же касается окончанія проекта, которое сочтено было утеряннымъ, то оно помѣщено въ сочиненіи Видаля «Vivre en travaillant», напечатанномъ въ томъ же 1848 году. Главы VI, VII, VIII, IX и X этого сочиненія посвящены вопросу объ организаціи земельнаго кредита и преобразованіи ипотечныхъ порядковъ. Эти главы и представляютъ собой недостающую часть проекта, помѣщеннаго въ Moniteur'ѣ. Въ этомъ легко убѣдиться изъ примѣчанія, сдѣланнаго авторомъ къ главѣ VI, гдѣ онъ говоритъ, что главы VI—X должны были составить часть общаго изложенія трудовъ Люксембургской коммиссіи и не были напечатаны въ Moniteur'ѣ только потому, что коммиссія была распущена **).

Такимъ образомъ, присоединивъ къ тексту, помѣщенному въ Moniteur'ѣ, отчеты о засѣданіяхъ 5 и 20 марта и указанныя главы сочиненія Видаля, мы можемъ воспроизвести проектъ Люксембургской коммиссіи въ его полномъ видѣ.

---

*) См. Le droit au travail, I, 130.

**) Назв. соч., стр. 105.

Авторы проекта начинаютъ его съ характеристики современнаго имъ состоянія экономическихъ отношеній.

За прежней эпохой землевладѣльческаго и военнаго феодализма въ новое время наступила эпоха феодализма финансоваго. Принципъ свободы промышленности и торговли привелъ къ торжеству сильныхъ и къ полному подавленію слабыхъ. Система laisser faire, провозглашенная въ эпоху революціи 1789 г., дала такіе печальные результаты, которые совершенно подорвали къ ней довѣріе. Современный экономическій порядокъ трещитъ по всѣмъ швамъ (craque de toutes parts), и общество въ томъ видѣ, какимъ его создала конкуренція и обособленіе, сдѣлалось почти невозможнымъ. И промышленность, и торговля подчинены хроническимъ безпорядкамъ, періодическимъ кризисамъ, полной непредвидѣнности. Значительная часть населенія находится въ жалкомъ состояніи. Безпрерывный трудъ ее изнуряетъ и губитъ. И въ то же время многіе, ищущіе заработка, его не находятъ и нищенствуютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чѣмъ больше развиваются всѣ слѣдствія системы laisser faire, тѣмъ болѣе ясными становятся два явленія, угрожающія современному обществу: перепроизводство и пауперизмъ. Въ настоящій моментъ положеніе дѣлъ особенно угрожающее. Многіе предприниматели раззорились, работа прекратилась на множествѣ фабрикъ. Множество рабочихъ голодаетъ, оставшись безъ заработка.

Но, къ счастью, на знамени, которое сплотило вокругъ себя народъ, написаны три безсмертныхъ слова: «свобода, равенство, братство». И эти великіе принципы даютъ намъ возможность открыть тѣ двѣ силы, которыя могутъ преобразовать существующій строй и доставить народу благосостояніе. Это—ассоціація и безкорыстное вмѣшательство государства въ экономическія отношенія. Государство, демократически устроенное, должно вмѣшиваться повсюду, гдѣ нужно уравновѣсить права и защитить интересы. Оно должно поставить всѣхъ гражданъ въ одинаковыя условія умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія. Оно должно приступить къ ряду реформъ, основанныхъ на спасительномъ принципѣ ассоціаціи.

Во-первыхъ, государство должно остановить или уменьшить кризисъ частной промышленности. Оно должно спасти предпринимателей, покупая ихъ фабрики, когда предприниматели будутъ просить объ этомъ. Оно должно спасти и рабочихъ, давая имъ возможность продолжать свой трудъ. Съ этой цѣлью государство должно учредить общественныя мастерскія для промышленности.

Во-вторыхъ, государство должно создать новые центры труда и производства, гдѣ бы всѣ свободные и нуждающіеся рабочіе могли найти заработокъ. Для этого надо учредить въ различныхъ мѣстахъ Франціи земледѣльческія мастерскія, куда могъ бы уйти избытокъ населенія изъ промышленныхъ городовъ. Кромѣ того, надо учредить товарные склады (entrepôts) и базары для того, чтобы регулировать обмѣнъ, упростить торговлю и облегчить ея издержки, осно-

вать на новыхъ началахъ промышленный кредитъ и распространить употребленіе бумажныхъ денегъ.

Въ-третьихъ, государство должно обезпечить достаточныя средства для дѣйствія всѣхъ этихъ учрежденій. Для этого надо воспользоваться доходами съ товарныхъ складовъ и базаровъ и преобразовать банки и страховыя учрежденія въ національныя учрежденія. Кромѣ того, государство должно организовать земельный кредитъ, при помощи котораго можно было бы выкупить ипотечные долги и ссудить земледѣліе капиталами за небольшіе проценты. Такова общая схема реформъ, предполагаемыхъ Люксембургской комиссіей. Перейдемъ теперь къ подробностямъ.

Уже въ планѣ было указано, что государство должно помочь затруднительному положенію промышленности и взять въ свои руки раззоряющіяся промышленныя заведенія, чтобы преобразовать ихъ въ общественныя мастерскія. Государство должно согласиться на предложенія предпринимателей, которые находятся въ тяжеломъ положеніи и желаютъ передать свои заведенія въ руки государства. Предприниматели, конечно, получатъ за это соотвѣтственное вознагражденіе. Но не будучи въ состояніи немедленно уплатить всю стоимость уступаемыхъ предпріятій, государство выпуститъ облигаціи, приносящія проценты, обезпеченныя стоимостью предпріятій и выкупаемыя посредствомъ погашенія. Рабочіе образуютъ братскую ассоціацію, и государство предложитъ на выборъ сохранить старую систему вознагражденія, основанную на неравенствѣ, или установить полное равенство заработной платы.

Какой бы способъ вознагражденія ни предпочли рабочіе, относительно распредѣленія прибыли надо держаться слѣдующаго правила. За вычетомъ заработной платы, процента на капиталъ и издержекъ производства, остальная прибыль дѣлится на четыре части: одна часть назначается на погашеніе капитала прежняго владѣльца предпріятія, другая—на устройство фонда вспомоществованія старикамъ, больнымъ, раненымъ и т. п., третья поровну дѣлится между рабочими, четвертая образуетъ особый резервный фондъ. Такимъ образомъ, осуществится ассоціація въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Слѣдующій шагъ будетъ состоять въ примѣненіи принципа ассоціаціи ко всѣмъ предпріятіямъ одного и того же рода промышленности. Для этого надо будетъ опредѣлять стоимость производимыхъ товаровъ самимъ производителямъ и, прибавляя необходимую прибыль, достигнуть одинаковой цѣны на товары во всѣхъ мастерскихъ, чтобы помѣшать возникновенію между ними конкуренціи.

Когда солидарность между всѣми предпріятіями одного рода промышленности будетъ достигнута, тогда государство приступитъ къ высшей цѣли стремленій, къ осуществленію солидарности между различными родами промышленности, между всѣми членами общества. Для этого надо будетъ вычислять общую сумму прибыли въ

каждомъ родѣ промышленности и дѣлить ее поровну между всѣми рабочими данной промышленности. Кромѣ того, изъ резервныхъ фондовъ, которые возникнутъ въ каждой ассоціаціи, образовать общій фондъ вспомоществованія между всѣми родами промышленности. Въ такомъ случаѣ, если наступитъ кризисъ въ промышленности одного рода, то можно будетъ прибѣгнуть къ помощи того рода промышленности, гдѣ будетъ оживленіе. Распредѣленіе этого капитала, принадлежащаго всему обществу, будетъ поручено административному совѣту, который будетъ поставленъ во главѣ всѣхъ фабрикъ и мастерскихъ. Руководство отдѣльными родами промышленности будетъ возложено на особыхъ инженеровъ, назначенныхъ государствомъ. Окончательная цѣль ассоціаціи будетъ достигнута постепенно. Государство никого не будетъ принуждать. Оно создастъ свой образецъ организаціи труда въ видѣ общественныхъ мастерскихъ. На ряду съ ними будутъ дѣйствовать частныя ассоціаціи и существующая индивидуалистическая организація. Но общественныя мастерскія будутъ обладать такой притягательной силой, что мало-по-малу всѣ другія предпріятія переорганизуются по ихъ образцу.

Частныя предпріятія очень мало интересовали заправилъ Люксембургской коммиссіи. Они были настолько увѣрены въ близкомъ и неизбѣжномъ торжествѣ соціалистической организаціи производства надъ индивидуалистической, что не находили нужнымъ прибѣгать къ вмѣшательству государства въ отношенія между предпринимателями и рабочими сверхъ тѣхъ временныхъ мѣръ, о которыхъ мы говорили выше. Единственной мѣрой, направленной прямо къ улучшенію участи рабочихъ въ частныхъ предпріятіяхъ, былъ проектъ о постройкѣ особыхъ домовъ для рабочихъ, обсуждавшійся въ засѣданіи Люксембургской коммиссіи 5 марта. Проектъ рекомендовалъ выстроить въ четырехъ наиболѣе населенныхъ кварталахъ Парижа по большому дому, который могъ бы вмѣстить приблизительно 400 рабочихъ семействъ. Постройка каждаго такого дома обойдется въ 1 милліонъ. Для того, чтобы осуществить такія постройки, государство должно выпустить заемъ на соотвѣтственную сумму. Долгъ будетъ гарантированъ залогомъ самихъ домовъ. Такъ какъ предпріятіе окажется для государства выгоднымъ, то въ скоромъ времени число такихъ домовъ возрастетъ и сможетъ удовлетворить потребность въ здоровомъ и дешевомъ жилищѣ у всего рабочаго населенія.

Печальныя слѣдствія системы laisser faire сказываются не только въ промышленности. Эта система отражается гибельно во всѣхъ сферахъ экономической дѣятельности, и спасительное вмѣшательство государства должно бороться повсюду съ этими слѣдствіями.

Земледѣліе находится въ нѣсколько болѣе привилегированномъ положеніи сравнительно съ промышленностью. Оно позволяетъ уста-

новить постоянную пропорцію между производствомъ и потребленіемъ и увеличивать количество производимыхъ продуктовъ безъ опасенія перепроизводства. Однако, несмотря на это преимущество земледѣлія, и въ этой области предъ демократическимъ государствомъ обширное поле для работы.

Франція не страдаетъ отъ избытка населенія, но населеніе очень неравномѣрно распредѣлено по територіи. Государство должно избыткомъ городского населенія заселить пустыя поля и направить свободныя рабочія силы на земледѣльческій трудъ. Это выселеніе рабочихъ, не находящихъ себѣ заработка въ городахъ, уменьшитъ предложеніе труда и подниметъ заработную плату въ городахъ. А при помощи свободныхъ рабочихъ рукъ государство оснуетъ земледѣльческія колоніи. Такія земледѣльческія колоніи будутъ теоретическими и практическими школами земледѣлія. Эти колоніи не только обезпечатъ право на трудъ, но и дадутъ рабочимъ возможность пользоваться и продуктами труда, и соотвѣтственнымъ воспитаніемъ.

На устройство земледѣльческихъ колоній потребуется сумма въ 100 милліоновъ франковъ. Сначала будетъ по одной колоніи въ каждомъ департаментѣ, а затѣмъ число ихъ будетъ увеличиваться по мѣрѣ надобности. Каждая колонія составится приблизительно изъ ста рабочихъ семей. Во главѣ ея будетъ стоять агрономъ, представляющій интересы государства и руководящій работами. Онъ назначаетъ всѣхъ должностныхъ лицъ. Когда колонія будетъ въ разгарѣ дѣятельности и ея члены сойдутся другъ съ другомъ, то должностныя лица будутъ назначаться изъ кандидатовъ, указанныхъ самими колонистами. Одну треть колонистовъ составятъ земледѣльцы, другую треть—ремесленники, профессіи которыхъ непосредственно касаются земледѣлія или вообще являются необходимыми (кузнецы, шорники, каменщики, плотники, портные, сапожники и т. д.), наконецъ, третью составятъ фабричные рабочіе, переселившіеся изъ городовъ.

Для допущенія въ колоніи будетъ требоваться знаніе ремесла и безукоризненная честность и нравственность. Пріемомъ будетъ завѣдывать административный комитетъ изъ 15 членовъ, выбранныхъ колонистами подъ предсѣдательствомъ директора колоніи. Комитетъ будетъ обсуждать всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся ассоціаціи, и наблюдать за отчетностью и веденіемъ дѣлъ. Колонисты будутъ жить въ обширномъ зданіи, въ которомъ у каждой семьи за умѣренную цѣну будетъ отдѣльная квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Кромѣ того, въ этомъ зданіи будутъ для общаго пользованія залъ для собраній, читальный залъ, библіотека, дѣтскій пріютъ, безплатная школа, общая кухня и т. д.

Спекуляція между членами ассоціаціи будетъ запрещена. Въ колоніи не будетъ ни лавокъ, ни купцовъ. Всѣ продукты будутъ закупаться оптомъ администраціей и продаваться по покупной

цѣнѣ. Распредѣленіе прибыли будетъ производиться слѣдующимъ образомъ. Изъ валового дохода колоніи сначала вычтутъ заработную плату. Эта плата будетъ одинакова для рабочихъ одной и той же категоріи, но категорій можетъ быть нѣсколько. Для того, чтобы опредѣлить высоту заработной платы, за minimum будетъ принята средняя заработная плата въ настоящее время въ каждой профессіи и въ каждой области. Этотъ minimum будетъ гарантированъ рабочимъ и въ случаѣ убытковъ будетъ выплачиваться изъ резервнаго фонда. Прибыль, которая останется за вычетомъ стоимости издержекъ производства и процента на ссуженный капиталъ, будетъ дѣлиться на четыре части точно такъ же, какъ въ мастерскихъ для промышленности.

Таково будетъ устройство земледѣльческой колоніи. Колонисты будутъ заниматься и земледѣліемъ, и мануфактурной промышленностью, но земледѣліе останется все-таки главнымъ базисомъ хозяйственной жизни колоніи. Благодаря такому сочетанію, имъ можно будетъ разнообразить трудъ, переходя отъ одного занятія къ другому. Между всѣми земледѣльческими колоніями и вообще между всѣми общественными мастерскими должна установиться тѣсная солидарность. Мастерскія будутъ обмѣниваться взаимными услугами, и тогда каждая мастерская будетъ производить по преимуществу такіе продукты, которые для нея будутъ особенно выгодны, въ силу ли географическихъ особенностей положенія, или въ силу спеціальныхъ талантовъ населенія. Государство, въ качествѣ верховнаго руководителя, будетъ завѣдывать распредѣленіемъ труда и поддерживать равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ.

Система полной свободы въ экономическихъ отношеніяхъ привела къ гибельнымъ послѣдствіямъ не только въ промышленности и земледѣліи, но и въ торговлѣ. Торговля, конечно, не является источникомъ народнаго богатства. Она не создаетъ цѣнностей, она ихъ только перемѣщаетъ. Тѣмъ не менѣе, купцы исполняютъ въ обществѣ полезную функцію. Они служатъ посредниками между производителями и потребителями и, какъ таковые, имѣютъ законное право на вознагражденіе. Но въ настоящее время въ торговлѣ царитъ полная анархія и безчисленныя злоупотребленія: обманы, поддѣлка, спекуляція, стремленіе къ чрезмѣрной прибыли, ложащееся тяжелой данью и на производителя, и на потребителя. Государство должно поэтому своимъ вмѣшательствомъ положить конецъ такому положенію дѣлъ и вернуть торговлю къ ея нормальной функціи.

Съ этой цѣлью государство должно учредить товарные склады (entrepôts) для различнаго рода товаровъ. Завѣдывать ими будутъ спеціальныя должностныя лица. Всякій производитель будетъ имѣть право помѣщать въ такихъ складахъ свои продукты, получая въ обмѣнъ расписку (récépissé) иливаррантъ съ обозначеніемъ количества, качества и цѣны помѣщенныхъ товаровъ. Такой варрантъ,

передаваемый при помощи индоссамента, будетъ удостовѣрять право собственности на товаръ. Государство будетъ отвѣчать за сохранность товаровъ и по требованію владѣльца варранта возвращать ихъ натурой или уплачивать ихъ стоимость. Подъ залогъ такихъ варрантовъ банки могутъ выдавать ссуды, и сами варранты будутъ легко обращаться въ коммерческомъ мірѣ, какъ кредитные знаки, такъ какъ каждый варрантъ будетъ обезпеченъ соотвѣтственнымъ количествомъ продуктовъ въ складѣ.

Кромѣ того, въ различныхъ кварталахъ Парижа надо учредить для продажи товаровъ базары. Они будутъ открыты для всѣхъ потребителей. Качество товаровъ будетъ подвергаться экспертизѣ, благодаря чему обманъ сдѣлается невозможнымъ. Завѣдывать ими также будетъ государство и сверхъ цѣны, назначенной фабрикантомъ, будетъ взимать 5% стоимости товара въ свою пользу на покрытіе издержекъ по устройству базаровъ. Каждые 15 дней будетъ сводиться счетъ всѣхъ вкладчиковъ, и имъ будетъ выдаваться сумма, вырученная за ихъ товары. Всѣ сдѣлки будутъ совершаться на наличныя деньги и по опредѣленнымъ цѣнамъ.

Учрежденіе такихъ складовъ и базаровъ вовсе не создаетъ монополіи въ пользу государства. На ряду съ ними отлично могутъ существовать частные магазины и лавки. Но эта система сдѣлаетъ невозможной скупку (accaparement) товаровъ и произвольное поднятіе цѣнъ и избавитъ промышленниковъ отъ тираніи оптовыхъ торговцевъ. Они легко найдутъ покупателей и могутъ пользоваться при помощи варрантовъ дешевымъ кредитомъ Что касается потребителей, то они выиграютъ не меньше. Они не будутъ выплачивать прежней дани посредникамъ и будутъ гарантированы и въ хорошемъ качествѣ, и въ дешевой цѣнѣ продуктовъ. Всякій товаръ будетъ обложенъ только 5% сверхъ своей стоимости, тогда какъ теперь дань, взимается посредниками различныхъ сортовъ, достигаетъ 15%, 20%, 50% и даже 100% стоимости. Взиманіе 5% не только покроетъ всѣ расходы по содержанію складовъ и базаровъ, но еще дастъ государству значительный чистый доходъ. Предположимъ, что расходы поглотятъ половину дохода, и въ пользу государства останется только $2^1/_2$%. Если принять во вниманіе, что въ одномъ Парижѣ ежегодно совершается торговыхъ сдѣлокъ на нѣсколько милліардовъ, то не будетъ смѣлымъ предположеніе, что государство получитъ отъ этихъ складовъ и базаровъ доходъ въ 100 милліоновъ minimum.

Такимъ образомъ, для того, чтобы бороться съ гибельными послѣдствіями системы полнаго невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, надо устроить общественныя мастерскія для промышленности, общественныя мастерскія для земледѣлія и организовать на новыхъ началахъ всю систему обмѣна, купли и продажи при помощи товарныхъ складовъ и базаровъ. Такая всесторонняя «организація труда» потребуетъ отъ государства затраты

громадныхъ капиталовъ. Между тѣмъ облагать населеніе новыми налогами и несправедливо, и невозможно. Откуда же взять средства для этого «бюджета труда»? Эти средства отчасти доставитъ, какъ мы видимъ, само устройство товарныхъ складовъ и базаровъ. Другими источниками дохода для осуществленія «организаціи труда» является преобразованіе системы страхованій и реорганизація кредита.

Страхованіе служитъ практическимъ примѣненіемъ принципа солидарности и взаимности къ риску возможныхъ потерь. На ряду съ частными компаніями, пользующимися страхованіемъ для наживы, и теперь существуютъ взаимныя страховыя общества. Но система взаимнаго страхованія только тогда приноситъ всѣ полезные результаты, когда она находитъ широкое распространеніе. Большое число участниковъ дѣлаетъ уплату вознагражденія потерпѣвшимъ почти не чувствительной для каждаго изъ нихъ. Если система взаимнаго страхованія обниметъ всю Францію, то взносы могутъ быть очень низки, и въ то же время каждый участникъ получитъ полную гарантію своего имущества. Чтобы достичь этой цѣли, надо сдѣлать страхованіе обязательнымъ и сосредоточить его въ рукахъ государства. Если на такую мѣру не рѣшатся сразу, то во всякомъ случаѣ государство въ правѣ въ этомъ отношеніи пользоваться той свободой, которой пользуются частные предприниматели, и открыть свои страховыя учрежденія на ряду съ частными. Государство будетъ страховать противъ пожара, града, эпизоотіи, наводненій, морозовъ и другихъ несчастій. А это рано или поздно приведетъ къ ликвидаціи частныхъ компаній, которыя не выдержатъ конкуренціи съ государствомъ.

Организовать страхованіе во всей республикѣ очень не трудно. Для этого надо только облечь соотвѣтственными полномочіями сборщиковъ налоговъ. Налоговый реестръ послужитъ основаніемъ для опредѣленія цѣнности страхуемыхъ предметовъ. Случаи страхованія будутъ отмѣчаться сборщикомъ въ реестрѣ, взносы будутъ дѣлаться вмѣстѣ съ уплатой налоговъ. Чтобы опредѣлить сумму вознагражденія при какомъ-нибудь ущербѣ, можно будетъ поступать способомъ, принятымъ при отчужденіи въ видахъ общественной пользы. Установлять цѣнность потеряннаго имущества будутъ спеціальные эксперты, а апелляціонной инстанціей по отношенію къ ихъ рѣшеніямъ будетъ особый судъ присяжныхъ. Оффиціальныя данныя исчисляютъ въ 80 милліоновъ сумму ежегодныхъ потерь отъ пожаровъ, града, мороза, эпизоотій и наводненій во всей Франціи. Отчеты страховыхъ обществъ доказываютъ, что суммы выплачиваемыхъ вознагражденій не превышаютъ половины ежегодныхъ взносовъ, и что средняя цифра взноса составляетъ 5 сантимовъ на 100 франковъ. Совокупность всѣхъ имуществъ во всей Франціи, которыя могли-бы быть застрахованы, простирается по даннымъ статистиковъ до 300 милліардовъ. Эта

сумма даетъ ежегодный страховой взносъ въ 150 милліоновъ. Если вычесть 80 милліоновъ выдаваемаго вознагражденія, то государство получитъ 70 милліоновъ чистаго дохода. Вдобавокъ, система обязательнаго страхованія повлечетъ за собой рядъ полезныхъ реформъ. Если государство возьметъ на себя страхованіе, то оно немедленно постарается организовать повсюду пожарныя дружины, станетъ предупреждать наводненія рѣкъ посредствомъ устройства плотинъ и облѣсенія возвышеній, создастъ корпусъ ветеринаровъ для борьбы съ эпизоотіями и т. д. Всѣ эти мѣры значительно улучшатъ обстановку жизни низшихъ классовъ общества и приведутъ къ росту народнаго благосостоянія.

Въ современномъ обществѣ кредитъ является живительной силой, главнымъ нервомъ промышленности. При помощи кредита можно замедлить или ускорить производство, обмѣнъ, потребленіе, дать сильный толчекъ прогрессу земледѣлія, промышленности, торговли. Пріостановкой кредита можно закрыть всѣ фабрики и довести до нищеты милліоны рабочихъ и тысячи фабрикантовъ. При этихъ условіяхъ можно ли предоставлять частнымъ компаніямъ право пользоваться и злоупотреблять кредитомъ и держать въ зависимости отъ себя всю хозяйственную жизнь страны? «Государь долженъ самъ открывать кредитъ, а не пользоваться имъ», писалъ Лоу герцогу Орлеанскому *). Въ настоящее время государь—само демократическое общество, и теперь настало время осуществить идею Лоу. Демократическое государство должно сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ кредитныя учрежденія. Частныя компаніи, открывая кредитъ, заинтересованы въ барышахъ. Государство въ барышахъ не заинтересовано. Вотъ почему оно должно стать верховнымъ распредѣлителемъ кредита (le grand distributeur du crédit). До сихъ поръ кредитъ былъ средствомъ обогащенія богатыхъ, теперь онъ долженъ стать средствомъ обогащенія бѣдныхъ.

Главный источникъ прибыли банка — выпускъ билетовъ. Но если государству принадлежитъ исключительное право чеканки монеты, то ему должно принадлежать исключительное право выпуска знаковъ, замѣняющихъ эту монету. Въ современномъ обществѣ, основанномъ на недовѣріи и антагонизмѣ, драгоцѣнные металлы служатъ необходимымъ средствомъ обмѣна. Когда человѣку не вѣрятъ на слово, отъ него требуютъ опредѣленныхъ гарантій. Звонкая монета тѣмъ и удобна, что она представляетъ собой и средство обмѣна, и товаръ опредѣленной цѣнности. Но именно потому, что звонкая монета имѣетъ внутреннюю цѣнность, она является монетой, несовершенной въ общественномъ отношеніи (une monnaie socialement imparfaite). Звонкая монета слишкомъ дорога, количество ея ограничено, и она неизбѣжно будетъ сосредоточиваться въ рукахъ богатыхъ людей, что всегда будетъ

*) Le droit au travail, I, 160.

доставлять имъ громадныя привилегіи. Монета нормальнаго общества, основаннаго на довѣріи, истинно-демократическая монета — бумажныя деньги. Производство бумажныхъ денегъ стоитъ очень дешево, и количество ихъ можетъ увеличиваться сообразно съ потребностями. Не имѣя внутренней цѣнности, онѣ будутъ получать ее всецѣло отъ кредита, отъ реальной цѣнности обезпечивающаго ихъ залога. Несомнѣнно, наступитъ время, когда даже простыя обѣщанія будутъ имѣть реальную цѣнность, и бумажныя деньги сдѣлаются всеобщимъ орудіемъ обмѣна. Тогда наступитъ эпоха кредита личнаго и моральнаго, который въ идеѣ выше кредита реальнаго. Въ настоящее же время кредитные билеты могутъ служить средствомъ обмѣна только въ томъ случаѣ, если они представляютъ собой эквивалентъ опредѣленнаго количества затраченнаго труда, положительную цѣнность. Поэтому сейчасъ можно осуществить только реальный кредитъ. До сихъ поръ банки открывали кредитъ только крупнымъ негоціантамъ и капиталистамъ. Мелкій ремесленникъ не могъ получить ссуду подъ залогъ своихъ фабрикатовъ или другихъ цѣнностей. Поэтому для того, чтобы кредитъ сдѣлался общедоступнымъ, необходимо учредить товарные склады и базары, чтобы обезпечить полученіе ссудъ подъ залогъ товаровъ, а кромѣ того необходимо преобразовать французскій банкъ въ національный банкъ и въ каждомъ департаментѣ открыть отдѣленія этого банка. Эти банки отнюдь не должны сливаться съ государственнымъ казначействомъ и должны пользоваться полной финансовой независимостью. Управленіе банками будетъ поручено директорамъ и административнымъ совѣтамъ, а наблюденіе за ихъ дѣятельностью—особымъ выборнымъ коммиссіямъ. Каждые 8 дней банки должны будутъ публиковать балансы своихъ операцій. Банковые билеты, конечно, будутъ признаны законнымъ платежнымъ средствомъ во всемъ государствѣ. Но всякій билетъ долженъ соотвѣтствовать опредѣленной цѣнности, представлять собой опредѣленный залогъ. Тогда билеты будутъ легко обращаться въ обществѣ наравнѣ съ металлическими деньгами и сдѣлаются всеобщимъ средствомъ обмѣна, настоящей національной монетой.

Главной операціей преобразованныхъ банковъ будетъ учетъ векселей. При каждомъ банкѣ будетъ существовать особый учетный совѣтъ (conseil d'escompte), состоящій изъ делегатовъ, выбранныхъ торговыми палатами, ремесленными корпораціями и муниципалитетами. Этотъ совѣтъ будетъ давать свѣдѣнія о кредотоспособности должниковъ. Учитывая векселя, банкъ будетъ выдавать взамѣнъ банковые билеты, удерживая въ свою пользу 2, 3 или 4% процента суммы векселя. Для облегченія ссудъ банкъ будетъ требовать только двѣ подписи на векселѣ. Учетъ будетъ давать банкамъ огромные доходы. Если билетовъ будетъ выпущено на 1 милліардъ, то доходъ банка составитъ 40 милліоновъ. А если прибавить къ операціямъ центральнаго банка операціи департаментскихъ бан-

ковъ, то доходъ удвоится или даже утроится. Другой важной операціей банковъ будетъ выдача ссудъ подъ залогъ. Банкъ будетъ принимать цѣнныя бумаги и варранты и взамѣнъ выдавать ссуду въ размѣрѣ $^2/_3$ стоимости бумаги или находящагося въ складѣ товара. Если въ законный срокъ должникъ не вернетъ ссуды, банкъ продастъ бумаги или заложенный товаръ, вычтетъ изъ вырученной суммы ссуду и проценты на нее и остатки вернетъ должнику.

Преимущества устройства такого рода банковъ такъ очевидны, что о нихъ незачѣмъ подробно говорить. Съ одной стороны, государство получитъ громадныя выгоды отъ выпуска билетовъ. Съ другой стороны, банки помогутъ государству освободить рабочихъ отъ доли, платимой ими спекуляторамъ и предпринимателямъ, понизить проценты на капиталы и уничтожить мало-по-малу послѣдніе слѣды эксплуатаціи. Одно пониженіе процента принесетъ неисчислимыя выгоды и для промышленности, и для торговли. Организація кредита особенно важна еще въ одномъ отношеніи. Въ послѣдніе 60 лѣтъ въ экономическихъ отношеніяхъ произошла цѣлая революція. Примѣненіе машинъ заставило перейти къ крупному производству и фабричной промышленности. Мелкое производство, не выдерживая конкуренціи, стало исчезать, и мелкіе ремесленники стали превращаться въ наемныхъ рабочихъ. При этихъ условіяхъ для начала промышленнаго предпріятія требуется затрата значительнаго капитала. Рабочій поэтому никогда не можетъ сдѣлаться предпринимателемъ. Новая организація кредита дастъ государству возможность сдѣлаться банкиромъ бѣдныхъ. Давая ссуды рабочимъ ассоціаціямъ, государство поможетъ имъ стать предпринимателями и освободитъ ихъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ.

Организація коммерческаго и промышленнаго кредита поможетъ улучшить положеніе городского населенія. Но передъ демократическимъ государствомъ лежитъ еще другая задача облегчить положеніе сельскаго населенія и организовать для этой цѣли земельный кредитъ.

Земля представляетъ собой обезпеченіе, ни съ чѣмъ не сравнимое по своимъ достоинствамъ. Ея цѣнность постепенно возрастаетъ, потому что производство продуктовъ сельскаго хозяйства ограничено пространствомъ и плодородіемъ воздѣлываемой почвы, тогда какъ населеніе растетъ. Однако, несмотря на выгоды, которыя можетъ приносить сельское хозяйство, земельнаго кредита во Франціи пока нѣтъ. Причина этого заключается въ неудобствахъ французской ипотечной системы и въ сложности и разорительности существующихъ порядковъ отчужденія. Поэтому прежде всего надо преобразовать ипотечную систему. Надо сдѣлать обязательной запись въ ипотечныя книги и допускать только спеціальныя ипотеки на опредѣленныя недвижимости. Кромѣ того, въ каждомъ кантонѣ надо учредить ипотечную канцелярію. Эти канцеляріи составятъ при помощи ипотеч-

ныхъ архивовъ и данныхъ кадастра общій реестръ всѣхъ видовъ поземельной собственности даннаго кантона съ указаніемъ именъ владѣльцевъ и описаніемъ имѣній.

Послѣ этого организовать земельный кредитъ будетъ очень не трудно. Въ главномъ городѣ каждаго департамента будетъ открытъ земельный банкъ съ отдѣленіями въ каждомъ кантонѣ. Всякій своземлевладѣлецъ, желающій получить ссуду, представляетъ въ банкъ удостовѣреніе ипотечной канцеляріи о дѣйствительной стоимости своего имѣнія. Банкъ въ отвѣтъ выдаетъ владѣльцу ссуду въ размѣрѣ $^2/_3$ стоимости имѣнія. Должникъ будетъ выплачивать за полученную ссуду банку 6%, изъ которыхъ 4% составятъ проценты на капиталъ, а 2%—погашеніе долга. При этихъ условіяхъ долгъ будетъ совершенно погашенъ въ 28 лѣтъ. Если должникъ не будетъ вносить процентовъ, то банкъ вступитъ во владѣніе имѣніемъ и получитъ право продать его съ аукціона. Банкъ не будетъ имѣть собственныхъ капиталовъ. Онъ передастъ въ руки должника соотвѣтственное количество процентныхъ облигацій. Имѣя въ своемъ распоряженіи эти облигаціи, должникъ легко сможетъ обратить ихъ въ соотвѣтствующую сумму денегъ. Мы уже знаемъ, что въ каждомъ департаментѣ, кромѣ земельнаго банка, будетъ отдѣленіе коммерческаго банка, одной изъ операцій котораго будетъ служить выдача ссудъ подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ. Поэтому должнику надо будетъ только учесть свои облигаціи въ коммерческомъ банкѣ и получить за нихъ на соотвѣтственную сумму банковыхъ билетовъ и звонкой монеты. Облигаціи будутъ помѣщены въ портфель коммерческаго банка и останутся въ немъ до погашенія или выкупа. Двойной надзоръ надъ земельнымъ и коммерческимъ банкомъ создаетъ достаточную гарантію для всѣхъ владѣльцевъ билетовъ.

Въ настоящее время во Франціи около 13 милліардовъ земельныхъ долговъ, записанныхъ въ ипотечныя книги, и minimum на такую же сумму долговъ незаписанныхъ. Несомнѣнно, что землевладѣльцы поторопятся воспользоваться организаціей кредита и сдѣлаться должниками государства изъ должниковъ частныхъ лицъ, такъ какъ это имъ дастъ возможность платить меньшій процентъ за ссуду и избѣгнуть опасности внезапнаго отчужденія. Если предположить, что только половина облигацій, выданныхъ земельными банками въ ссуду за всю сумму существующихъ земельныхъ долговъ, будетъ учтена въ коммерческихъ банкахъ, то учетъ въ 4% на сумму 15 милліардовъ дастъ государству громадный доходъ въ 600 милліоновъ. Облигаціи будутъ приносить своимъ владѣльцамъ 3,65%. 0,35% разницы между 4%, уплачиваемыми должникомъ, и 3,65% уплачиваемыми банкомъ, будутъ предназначены на покрытіе возможныхъ потерь и на содержаніе администраціи банковъ. По мѣрѣ того, какъ въ банкѣ будутъ накопляться капиталы отъ взносовъ должниковъ, онъ будетъ приступать къ выкупу обращающихся облигацій. Банки будутъ находиться подъ покровительствомъ

государства, которое будетъ назначать ихъ директоровъ. Ежегодные взносы плательщиковъ будутъ собираться сборщиками налоговъ при уплатѣ податей. Надзоръ за дѣятельностью банковъ будетъ порученъ особымъ выборнымъ комитетамъ.

Земля можетъ служитъ для земледѣльца источникомъ кредита и въ другомъ отношеніи. Можно получить ссуды подъ залогъ не только самой земли, но и ея продуктовъ. Для того, чтобы организовать кредитъ такого рода, достаточно будетъ основать въ каждомъ кантонѣ складъ для продуктовъ сельскаго хозяйства по образцу складовъ для обрабатывающей промышленности въ городахъ. Въ такихъ складахъ будутъ принимать на сохраненіе хлѣбъ, вино и т. д. и взамѣнъ выдавать варранты. За храненіе будетъ взиматься особая плата. Около склада можно будетъ устроить базаръ, гдѣ будутъ продаваться принятые въ складъ товары. Завѣдывать складомъ и базаромъ легко можетъ администрація мѣстнаго земельнаго банка. Подъ варранты, выдаваемые изъ складовъ, будутъ выдаваться ссуды изъ 4% въ размѣрѣ 2/3 стоимости соотвѣтственнаго товара.

Организовавши кредитъ такого рода, государство убьетъ мелкое ростовщичество и спекуляцію, которыя въ настоящее время угнетаютъ крестьянство, и значительно облегчитъ его положеніе. Кромѣ того, доходы, которые государство будетъ получать отъ содержанія складовъ и товаровъ и отъ процентовъ по ссудамъ, дадутъ новыя значительныя суммы для «бюджета труда».

Организаціей земельнаго кредита прежде всего можно будетъ воспользоваться для выкупа существующихъ ипотечныхъ долговъ. Эта операція будетъ выгодна и для должниковъ, и для кредиторовъ. Должникъ взамѣнъ вѣчной угрозы потерять свое имущество въ моментъ окончанія срока, на который онъ получилъ ссуду, получитъ возможность ликвидировать свой долгъ путемъ постепеннаго погашенія. Кредиторъ, получающій въ настоящее время 4%, правда, будетъ получать по облигаціямъ только 3,65%, но за то избавится отъ всѣхъ тѣхъ неудобствъ, съ которыми связаны современные ипотечные порядки.

Другимъ послѣдствіемъ организаціи земельнаго кредита будетъ возможность передачи земли въ руки тѣхъ, кто работаетъ на ней, и уменьшеніе земельной ренты. Крестьяне чувствуютъ острую потребность въ расширеніи своихъ земельныхъ участковъ и для того, чтобы прикупить земли, занимаютъ у частныхъ лицъ изъ 6%—8%. Между тѣмъ, при содѣйствіи земельныхъ банковъ легко будетъ организовать покупки земли на болѣе выгодныхъ условіяхъ. При посредничествѣ банка собственникъ, продающій землю, получитъ на соотвѣтствующую сумму земельныхъ облигацій, а крестьянинъ-покупщикъ будетъ уплачивать въ банкъ 4% и небольшое погашеніе. Облегченіе покупки земли даетъ возможность батракамъ, половникамъ и фермерамъ сдѣлаться мелкими собственниками

Правда, съ перваго взгляда такая мѣра противорѣчитъ будущему идеалу общественнаго строя. Она еще больше увеличитъ существующее дробленіе земельной собственности. Между тѣмъ, мелкое хозяйство съ первобытными способами производства уже отжило свой вѣкъ. Будущее принадлежитъ примѣненію машинъ, крупному хозяйству и ассоціаціи. Но невѣжественность, косность и жадность современнаго крестьянина не даютъ возможности иначе помочь его тяжелому положенію. Прогресса подобное дробленіе остановить не можетъ, а организація народнаго образованія подготовитъ въ будущемъ общественную организацію земледѣлія.

Наконецъ, земельный кредитъ принесетъ громадную пользу еще въ одномъ отношеніи. Онъ дастъ возможность государству всѣми силами поощрять возникновеніе земледѣльческихъ ассоціацій и оказывать имъ необходимое содѣйствіе, открывая соотвѣтственный кредитъ для организаціи производства. А возникновеніе такихъ ассоціацій подъ покровительствомъ государства въ свою очередь будетъ дѣйствовать воспитательнымъ образомъ на населеніе и подготовлять его къ переходу къ новому общественному строю.

IV.

Таково содержаніе проекта соціальныхъ реформъ, выработаннаго Люксембургской коммиссіей. Постараемся теперь опредѣлить, какъ составился этотъ проектъ, и кто былъ его авторомъ.

Въ началѣ второй части общаго изложенія трудовъ коммиссіи мы читаемъ: «Главному секретарю правительственной коммиссіи для рабочихъ, г. Франсуа Видалю, и г. К. Пеккеру было поручено резюмировать главные результаты нашихъ внутреннихъ бесѣдъ (nos délibérations interieures)» *). Эти слова приводятъ къ заключенію, что проектъ составился постепенно, обсуждался въ засѣданіяхъ коммиссіи и печатался въ «Moniteur'ѣ» уже въ законченномъ видѣ. Но такое заключеніе оказывается невѣрнымъ. Отчетовъ объ этихъ предполагаемыхъ засѣданіяхъ въ «Moniteur'ѣ» напечатано не было, и, наоборотъ, были напечатаны отчеты какъ разъ о тѣхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ обсуждалась часть проекта, не вошедшаго въ общее изложеніе. Кромѣ того, Луи Бланъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ исторію происхожденія этого проекта въ своей «Исторіи революціи 1848 г.» «Неоцѣнимую услугу оказали мнѣ г. Видаль, главный секретарь коммиссіи, и г. Пеккеръ... Послѣ обстоятельнаго обсужденія основныхъ принциповъ въ коммиссіи, мы сошлись, гг. Видаль, Пеккеръ, Альберъ и я, на планѣ, который обнималъ устройство земледѣльческихъ колоній на основаніи системы коопераціи, созданіе на широкихъ основаніяхъ кре-

*) Le Droit au travail, I, 127.

дитныхъ учрежденій, централизацію всѣхъ родовъ страхованія, устройство складовъ и базаровъ... учрежденіе государственнаго банка съ отдѣленіями въ департаментахъ... Я отсылаю читателей, которые желали бы изучить этотъ планъ, къ прекрасному *докладу*, сдѣланному г. Видалемъ» *). Изъ этихъ словъ Луи Блана вытекаетъ, что коммиссія обсуждала только основные принципы организаціи труда (Луи Бланъ подразумѣваетъ, очевидно, засѣданія 20 и 22 марта), проектъ же реформъ былъ составленъ не всей коммиссіей, а только кружкомъ изъ названныхъ имъ четырехъ лицъ, и докладъ о немъ былъ написанъ Видалемъ. Основываясь на этомъ сообщеніи, и постараемся опредѣлить, какую роль въ выработкѣ этого проекта игралъ каждый изъ четырехъ участниковъ совѣщанія и прежде всего самъ Луи Бланъ.

Сравнивая содержаніе изложеннаго проекта съ содержаніемъ рѣчей, которыя произносилъ Луи Бланъ передъ общимъ собраніемъ делегатовъ, мы видимъ, что планъ разрабатываетъ въ подробностяхъ тѣ же самые основные мотивы, которые развивалъ въ своихъ рѣчахъ Луи Бланъ. Какъ и Луи Бланъ въ своей теоріи, изложенный проектъ исходитъ изъ современнаго состоянія промышленнаго міра и даетъ картину всѣхъ бѣдствій, порожденныхъ системой свободы конкуренціи, принципомъ laissèz faire. Единственный выходъ изъ кризиса и рѣчи Луи Блана, и изложенный проектъ видятъ въ организаціи труда на принципѣ ассоціаціи, при чемъ осуществленіе этой организаціи должно взять въ свои руки демократическое государство. Организація труда въ области промышленности должна состоять въ передачѣ въ руки государства частныхъ предпріятій, гибнущихъ отъ кризиза.

Луи Бланъ ничего не говоритъ о роли государства въ другихъ сферахъ государственной жизни. Планъ идетъ въ этомъ отношеніи дальше и примѣняетъ принципъ организаціи труда государствомъ и къ земледѣлію, и къ торговлѣ, и къ страхованію, и къ различнымъ видамъ кредита. Какъ извѣстно, одной изъ основныхъ идей «Организаціи труда» было убѣжденіе, что частныя мастерскія не выдержатъ конкуренціи съ общественными, и рано или поздно въ руки государства перейдетъ завѣдываніе всѣми родами производства. Авторы плана Люксембургской коммисіи также преклоняются предъ идеей ассоціаціи и убѣждены, что частныя предпріятія не выдержатъ конкуренціи съ общественными, и руководство всѣми сторонами хозяйственной дѣятельности неизбѣжно сосредоточится въ рукахъ демократическаго государства. Они прямо высказываются въ этомъ смыслѣ, говоря о реформахъ, касающихся торговли и страхованій. Есть черты сходства и въ подробностяхъ организаціи. Въ одномъ только вопросѣ авторы проекта расходятся съ Луи Бланомъ—въ вопросѣ о равенствѣ вознагражденія. Излюбленной

*) I, 182.

идеей Луи Блана было полное равенство вознагражденія. Авторы проекта предлагаютъ въ отношеніи заработной платы дѣленіе рабочихъ въ земледѣльческихъ колоніяхъ на нѣсколько категорій. Но, за исключеніемъ этого случая, все остальное содержаніе проекта есть развитіе и обоснованіе идей Луи Блана. Такимъ образомъ, вліяніе Луи Блана на выработку этого проекта несомнѣнно. Мало того, въ засѣданіи 5 марта, гдѣ обсуждался проектъ сооруженія жилищъ для рабочихъ, и въ засѣданіи 20 марта, гдѣ обсуждались основные принципы организаціи труда въ промышленности, Луи Бланъ самъ былъ докладчикомъ вопроса и принималъ самое дѣятельное участіе въ его обсужденіи. Естественнымъ бы казалось, поэтому, предположить, что Луи Бланъ долженъ былъ принять дѣятельное участіе въ выработкѣ и остальныхъ частей плана. Но такое предположеніе не подтверждается въ дѣйствительности. Наоборотъ, изъ того, что говоритъ Луи Бланъ о дѣятельности коммиссіи, скорѣе можно вывести заключеніе, что онъ очень мало интересовался этимъ планомъ и не придавалъ ему большого значенія. Въ своей «Исторіи» отъ отводитъ очень много мѣста описанію практической работы коммиссіи, касавшейся улаженія конфликтовъ между предпринимателями и рабочими, и устройства ассоціацій, между тѣмъ о выработанномъ коммиссіей проектѣ упоминаетъ только вскользь, въ нѣсколькихъ словахъ. Мало того, даже знакомъ съ проектомъ Люксембургской коммиссіи онъ былъ, повидимому, самымъ поверхностнымъ образомъ. Въ 1849 г. онъ выпустилъ свою книжку «Appel aux honnêtes gens», которая въ позднѣйшихъ изданіяхъ носила названіе «Pages d'histoire de la révolution de février», съ цѣлью отвѣтить на всѣ обвиненія, взводившіяся на него по поводу его роли въ событіяхъ 1848 г. Въ этой книжкѣ, описывая дѣятельность Люксембургской коммиссіи онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ проектѣ *). А между тѣмъ ему еще въ засѣданіи учредительнаго собранія 10 мая когда онъ предлагалъ учредить министерство труда, одинъ изъ участниковъ коммиссіи, рабочій Пепенъ, бросилъ въ лицо обвиненеіе, что коммиссія ничего не дѣлала, и казалось бы, что на это-то обвиненіе онъ долженъ былъ отвѣтить возможно болѣе обстоятельно и сослаться на выработанный проектъ. Дальше, говоря, почему онъ предложилъ учредить министерстю труда, онъ объясняетъ свое предложеніе такъ. Какъ средство воспитанія народнаго самосознанія и пропаганды соціалистическихъ идей, коммиссія уже выполнила свою задачу. Ее надо было или уничтожить, или преобразовать въ министерство труда **). Но вѣдь министерство труда, о которомъ хлопоталъ Луи Бланъ, занялось бы какъ разъ осуществленіемъ плана реформъ, выработаннаго коммиссіей, а

*) См. главы VI—VII этого сочиненія.

**) См. главу XVI.

планъ реформъ въ это время еще былъ не оконченъ, какъ мы видѣли, и въ номерѣ «Moniteur'а» отъ 6 мая, гдѣ была напечатана послѣдняя его часть, обѣщалось его предложеніе. Въ введеніи къ изложенію плана реформъ, напечатанному 26 апрѣля, говорится о необходимости обсудить предлагаемые проекты въ собраніи коммиссіи *), а между тѣмъ такого обсужденія не было, ибо нельзя же считать обсужденіемъ рѣчь, произнесенную Луи Бланомъ 29 апрѣля, гдѣ онъ больше скорбитъ о неудачныхъ выборахъ въ Учредительное Собраніе, чѣмъ говоритъ о проектѣ реформъ. Наконецъ, делегаты рабочихъ корпорацій, давая своимъ избирателямъ отчетъ о своей дѣятельности, въ манифестѣ 8 іюня прямо говорятъ, что они были посланы въ Люксембургскую коммиссію для обсужденія вопроса о трудѣ, но не выполнили этой задачи и, по желанію самихъ рабочихъ, занялись избирательной кампаніей **). Такимъ образомъ, Луи Бланъ былъ совершенно не въ курсѣ того положенія, въ которомъ находился въ этотъ моментъ проектъ. Правда, въ главѣ VIII своей «Исторіи» Луи Бланъ излагаетъ основные принципы плана реформъ въ формѣ готоваго законопроекта ***); а въ главѣ XVI, критикуя финансовыя мѣропріятія Гарнье-Пажеса, онъ развиваетъ идеи Люксембургскаго проекта объ устройствѣ складовъ и базаровъ ****) и объ организаціи кредита *****). Но, во-первыхъ, предложенный имъ законопроектъ касается только организаціи общественныхъ мастерскихъ для промышленности, упоминая лишь вскользь объ устройствѣ такихъ же мастерскихъ для земледѣлія, и, слѣдовательно, составляетъ резюме его собственнаго доклада въ засѣданіи Люксембургской коммиссіи 20 марта. Во-вторыхъ, проводя параллель между мѣрами Гарнье-Пажеса и проектами Люксембургской коммиссіи, онъ ни слова не говоритъ о томъ, что онъ предлагалъ эти идеи вниманію временнаго правительства, тогда какъ обыкновенно всегда разсказываетъ о своихъ разногласіяхъ съ большинствомъ временнаго правительства. Всѣ эти соображенія заставляютъ предположить, что Луи Бланъ въ маѣ 1848 г. очень мало былъ знакомъ съ проектомъ, за исключеніемъ тѣхъ частей его, которыя обсуждались въ засѣданіяхъ коммиссіи 5 и 20 марта, и познакомился съ нимъ уже послѣ закрытія коммиссіи. Окончанія же проекта, помѣщеннаго въ названномъ выше сочиненіи Видаля, онъ вовсе, видимо, не зналъ, такъ какъ нигдѣ не говоритъ въ своей «Исторіи» объ устройствѣ земельнаго кредита.

Трудно предположить также, чтобы второй участникъ совѣщанія,

---

*) Le droit au travail, I, 118.

**) Journal des travailleurs, fondé par les ouvriers délégués au Luxembourg, 8 au 11 juin 1848.

***) I, 170.

****) I, 266.

*****) I, 281—283

о которомъ разсказываетъ Луи Бланъ, вице-предсѣдатель коммиссіи, рабочій Альберъ, принималъ участіе въ выработкѣ этого плана. Альберъ былъ революціонеръ-практикъ, и едва ли могъ самъ разобраться въ тѣхъ сложныхъ соціальныхъ вопросахъ, которые развиваетъ планъ реформъ. Вдобавокъ, нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что онъ игралъ сколько-нибудь самостоятельную роль въ Люксембургской коммиссіи. Слѣдовательно, выработка этого плана могла выпасть только на долю Видаля и Пеккёра. Видаль и Пеккёръ въ настоящее время почти забыты. Въ блестящей плеядѣ соціальныхъ реформаторовъ 30-хъ и 40-хъ г.г. они казались мало замѣтными, а во второй половинѣ XIX вѣка ихъ затмили своими трудами вожди нѣмецкаго соціализма. Между тѣмъ, сочиненія Видаля и Пеккёра представляютъ очень важную страницу въ исторіи соціализма. Близко сходясь во взглядахъ другъ съ другомъ, они сдѣлали первую попытку поставить соціализмъ на научную почву, подвести фундаментъ политической экономіи подъ воздушные замки соціальныхъ утопій, и во многихъ отношеніяхъ явились предшественниками Маркса, Энгельса и Лассаля, родоначальниками современнаго коллективизма. Видаль вначалѣ былъ послѣдователемъ Фурье, но затѣмъ пришелъ къ убѣжденію о непригодности принципа распредѣленія, проповѣдовавшагося фурьеристами, и примкнулъ къ идеямъ Луи Блана о равенствѣ вознагражденія. Съ Луи Бланомъ его роднила и вѣра въ могущество демократическаго государства, и недовѣріе къ индивидуализму и личной свободѣ. Стремленіе Видаля примирить ученіе Луи Блана съ ученіемъ Фурье и дало поводъ Прудону назвать его простымъ компиляторомъ. Видаль, какъ и всѣ соціалисты, исходитъ изъ критики современнаго капиталистическаго строя. Анализируя отношеніе капитала къ труду, онъ уже вполнѣ ясно формулируетъ лассалевскій желѣзный законъ заработной платы. Но отрицательныя стороны капитализма не заслоняютъ въ его глазахъ его положительныя стороны и не заставляютъ идеализировать доброе старое время. Онъ вполнѣ ясно сознаетъ всѣ преимущества крупнаго машиннаго производства предъ мелкимъ и убѣжденъ, что путемъ постепенной эволюціи общество придетъ отъ господства капитализма въ соціализаціи земли и капиталовъ. Главную роль въ этой эволюціи должно сыграть демократическое государство своими реформами, и прежде всего поощреніемъ производительныхъ ассоціацій и организаціей дешеваго кредита.

Еще ближе къ основнымъ принципамъ научнаго соціализма стоитъ Пеккёръ. Онъ тоже отмѣчаетъ желѣзный законъ и въ то же время преклоняется предъ превосходствомъ крупнаго производства, употребленіемъ машинъ и развитіемъ искусственныхъ путей сообщенія, такъ какъ капиталистическое хозяйство приводитъ къ обобществленію труда. Онъ отмѣчаетъ внутреннюю тенденцію капитализма къ концентраціи и подавленію мелкаго производства и торжество

новаго феодализма. Но въ прогрессирующемъ обобществленіи труда онъ видитъ залогъ будущаго преобразованія капиталистическаго строя въ соціалистическій и указываетъ на органическую связь между экономической эволюціей, съ одной стороны, и общественными идеалами и политическими формами—съ другой. Задачу государства, какъ и Видаль, онъ видитъ прежде всего въ поощреніи промышленныхъ ассоціацій и организаціи дешеваго кредита, какъ средствъ, могущихъ облегчить переходъ къ неизбѣжной соціализаціи земли и капиталовъ. Таковы основныя идеи этихъ обоихъ экономистовъ. Но они не остановились на одномъ изложеніи своихъ теорій, они занялись и разработкой вопросовъ практическаго примѣненія своихъ идей и въ своихъ главныхъ сочиненіяхъ развили въ подробностяхъ планы необходимыхъ преобразованій. Поэтому они въ высшей степени подходили къ выполненію той задачи, которая падала на ихъ долю въ Люксембургской коммиссіи. Кромѣ словъ Луи Блана, на нихъ указываетъ и фраза въ самомъ текстѣ проекта, приведенная нами выше. Поэтому всѣ историки, упоминающіе объ этомъ планѣ, считаютъ ихъ его авторами, а Каэнъ прямо говоритъ, что планъ Люксембургской коммиссіи есть только пересказъ основныхъ идей сочиненія Видаля: «De la répartition des richesses» и сочиненія Пеккёра: «Théorie nouvelle de l'économie sociale».

Но Каэнъ могъ придти къ такому заключенію только потому, что не сталъ сравнивать эти оба сочиненія съ текстомъ плана коммиссіи. При сравненіи, оказываются въ нихъ общими только одни основные принципы. Между тѣмъ, ни Каэнъ, ни всѣ другіе историки, писавшіе о Люксембургской коммиссіи, не обратили вниманія на другое сочиненіе Видаля: «Vivre en travaillant!», вышедшее въ іюнѣ того же 1848 года. Это сочиненіе даетъ намъ возможность рѣшить вопросъ объ авторствѣ Люксембургскаго проекта. Вся та часть проекта, которая была помѣщена въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая въ Moniteur'ѣ, цѣликомъ перепечатана въ этой книгѣ. Именно: проектъ земледѣльческихъ колоній занимаетъ въ этой книгѣ главу II, устройство складовъ и базаровъ—главу IV, реформа системы страхованій—главу XII, организація промышленнаго и коммерческаго кредита и учрежденіе національнаго банка—главу V. И начало каждой изъ названныхъ главъ авторъ сопровождаетъ примѣчаніемъ, что помѣщаемая глава уже была напечатана въ изложеніи трудовъ Люксембургской комиссіи *). Въ этой же книгѣ, какъ мы уже видѣли раньше, помѣщено было и окончаніе проекта, посвященное вопросу объ организаціи земельнаго кредита.

Кромѣ простой перепечатки проекта Люксембургской комиссіи, между книгой Видаля и проектомъ замѣчается совпаденіе и въ другихъ частяхъ этой книги. Въ самомъ началѣ изложенія, пере-

---

*) См. стр. 33, 66. 79, 193.

числяя желательныя реформы, авторъ Люксембургскаго проекта говоритъ о выкупѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ. Проектъ дальше не говоритъ ни слова объ этомъ выкупѣ, между тѣмъ въ книгѣ Видаля этому вопросу посвящена глава XI. Окончивъ изложеніе организаціи товарныхъ складовъ и базаровъ и мѣръ для улучшенія торговли, авторъ проекта обѣщаетъ впослѣдствіи поговорить о желательныхъ преобразованіяхъ въ области внѣшней торговли Въ книгѣ Видаля, дѣйствительно, послѣ перепечатаннаго проекта устройства складовъ и базаровъ, двѣ страницы посвящены вопросу о внѣшней торговлѣ и таможенныхъ пошлинахъ *). Наконецъ, даже тѣ части проекта, которыя обсуждались въ засѣданіяхъ коммиссіи 5 и 20 марта и которыя не вошли въ общее изложеніе, находятъ свое мѣсто въ книгѣ Видаля. Глава XIII развиваетъ въ деталяхъ проектъ устройства жилищъ для рабочихъ. Глава III посвящена вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ въ промышленности, и только въ этой главѣ мы не найдемъ полнаго соотвѣтствія съ проектомъ организаціи труда, изложеннымъ Луи Бланомъ въ засѣданіи 20 марта.

Что касается участія Пеккёра, то въ обоихъ его главныхъ сочиненіяхъ: «Théorie nouvelle de l'économie sociale» и «Des intérêts du commerce», мы найдемъ тоже много общаго съ проектомъ Люксембургской коммиссіи. Онъ также рекомендуетъ устройство земледѣльческихъ колоній и описываетъ ихъ возможное устройство, при чемъ подчеркиваетъ необходимость установить солидарность между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью; затѣмъ онъ также предлагаетъ преобразовать весь характеръ торговыхъ сношеній путемъ устройства доковъ и введенія системываррантовъ; онъ проектируетъ также организацію дешеваго кредита. Но въ подробностяхъ реализаціи предложенныхъ имъ преобразованій нѣтъ сходства съ планомъ Люксембургской коммиссіи, тогда какъ у Видаля мы видѣли полное совпаденіе.

Такимъ образомъ, сопоставивъ все вышесказанное, мы приходимъ къ заключенію, что единственнымъ авторомъ почти всего проекта былъ Видаль. Луи Блану принадлежитъ только та часть проекта, которая имъ была изложена въ засѣданіи 20 марта и которая въ сущности пересказываетъ содержаніе знаменитой «Организаціи труда».

Даніель Стернъ говоритъ, что проектъ Люксембургской коммиссіи удовлетворялъ своимъ эклектизмомъ всѣ соціалистическія системы. Лоренцъ Штейнъ называетъ его «случайной компиляціей всѣхъ соціальныхъ теорій». Дѣйствительно, на проектѣ сказалось вліяніе различныхъ соціалистическихъ теорій. Мы уже отмѣтили сходство этого проекта съ основными идеями «Организаціи труда» Луи Блана. Въ описаніи устройства земледѣльческихъ колоній

---

*) См. стр. 77.

чувствуется сильное вліяніе фурьеризма. Въ земледѣльческой колоніи Видаля нетрудно узнать фаланстеръ. Какъ и въ фаланстерѣ, мы видимъ здѣсь замѣну отдѣльныхъ лачугъ для рабочихъ семействъ однимъ громаднымъ зданіемъ съ отдѣльными квартирами, устройство въ этомъ зданіи библіотеки, школы, вечернихъ курсовъ и всякихъ развлеченій, организацію закупки необходимыхъ предметовъ потребленія оптомъ и запрещеніе розничной продажи, существованіе различнаго рода занятій сообразно съ наклонностями отдѣльныхъ членовъ колоніи и регулярную смѣну этихъ занятій и т. д. Также и въ другихъ частяхъ проекта мы найдемъ большое сходство съ содержаніемъ публичныхъ лекцій, читавшихся въ апрѣлѣ и маѣ 1848 г. Жюлемъ Лешевалье въ Фурьеристскомъ клубѣ «Организаціи труда» *). Наконецъ, проектъ организаціи дешеваго кредита и проповѣдь замѣны звонкой монеты бумажными деньгами очень напоминаютъ «Организацію труда» и народный банкъ Прудона. Если вспомнить, что Луи Бланъ старался всѣми силами, чтобы Люксембургской коммиссіи были представлены всѣ соціалистическія направленія, то невольно хочется предположить, что Видаль въ своей работѣ попытался дать синтезъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, и присоединиться, слѣдовательно, къ заключенію Лоренца Штейна. Но такое предположеніе оказывается невѣрнымъ. Что касается сильнаго вліянія фурьеризма, то оно неудивительно. Вѣдь Видаль, какъ мы уже говорили, былъ самъ вначалѣ убѣжденнымъ фурьеристомъ, да и въ послѣдующее время разошелся съ школой Фурье лишь въ немногихъ вопросахъ.

Что же касается вліянія на него Прудона, то прежде всего Прудонъ не былъ членомъ Люксембургской комиссіи. Онъ даже обращался съ письмомъ къ Луи Блану, предлагая ему свое сотрудничество и прося помощи въ осуществленіи своихъ идей, но Луи Бланъ отвѣтилъ отказомъ **). Въ періодъ засѣданій Люксембургской комиссіи онъ выпустилъ двѣ брошюры: «Organisation du crédit» (31 марта) и «Banque d'échange» (25 апрѣля) ***). Въ обѣихъ этихъ брошюрахъ есть общія черты съ проектами Видаля. Но Прудонъ теперь только впервые выступалъ съ проектомъ организаціи кредита. Между тѣмъ Видаль уже въ брошюрѣ 1844 года «Des caisses d'épargne» изложилъ основныя черты будущаго люксембургскаго проекта. Слѣдовательно, если въ данномъ случаѣ есть заимствованіе, то заимствовалъ Прудонъ у Видаля, а не наоборотъ. Въ той же брошюрѣ Видаля мы находимъ въ краткихъ чертахъ изложеніе желательнаго преобразованія системы страхованія. Проектъ устройства товарныхъ складовъ и базаровъ былъ напечатанъ Видалемъ въ

---

*) См. La Commune de Paris, 6 avril.

**) См. Proudhon. Correspondance, v. II, p. 295.

**) См. Proudhon. Oeuvres, v. VI.

журналѣ: «Revue indépendante» за 1844 годъ. Наконецъ, проектъ организаціи земельнаго кредита былъ составленъ, какъ это указываетъ и самъ Видаль, подъ непосредственнымъ вліяніемъ книги Лоро: «Du crédit foncier». Слѣдовательно, планъ Видаля не былъ результатомъ стремленія объединить различные взгляды, высказывавшіеся въ засѣданіяхъ комиссіи. Онъ былъ продуктомъ собственной работы Видаля и въ главныхъ своихъ чертахъ былъ уже готовъ въ 1844 году. Онъ, несомнѣнно, отличался эклектизмомъ, но этотъ эклектизмъ—характерная черта всѣхъ сочиненій Видаля.

Часто въ исторической литературѣ дѣятелей 48-го года обвиняютъ въ чрезмѣрности ихъ требованій, въ невозможности реализовать даже отчасти ихъ широкіе планы всеобщаго счастья человѣчества. Попробуемъ взглянуть съ этой точки зрѣнія на люксембургскій планъ. Какъ мы видѣли, онъ сводится къ осуществленію слѣдующихъ преобразованій: учрежденія при содѣйствіи государства промышленныхъ и земледѣльческихъ ассоціацій, организаціи товарныхъ складовъ и базаровъ, созданія учрежденій дешеваго коммерческаго кредита, преобразованія системы страхованія, созданія земельнаго кредита для крестьянства. Кромѣ того, какъ мы упоминали, Видаль мечтаетъ еще о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ государствомъ.

Громадное большинство этихъ реформъ входило въ программу не только «красныхъ», но и «трехцвѣтныхъ» республиканцевъ, которыхъ отнюдь нельзя было заподозрить въ сочувствіи къ соціализму и въ склонности къ радикальнымъ рѣшеніямъ соціальныхъ вопросовъ. Виднѣйшіе представители группы умѣренныхъ республиканцевъ еще во времена іюльской монархіи требовали тѣхъ же самыхъ реформъ. Учрежденіе производительныхъ ассоціацій проповѣдывали и Арманъ Марастъ, и Дюпонъ, и Бюше. О необходимости поощренія производительныхъ ассоціацій писалъ Воловскій, правовѣрный представитель манчестерской школы. Само Учредительное собраніе 1848 г., несмотря на суровую расправу іюньскихъ дней, нашло нужнымъ ассигновать 3 милліона на поддержку рабочихъ ассоціацій. Планы организаціи кредита были одной изъ излюбленнымъ темъ сенъ-симонистской пропаганды, націнализаціи кредита требовалъ Годфруа Кавеньякъ. Министръ финансовъ временнаго правительства, Гарнье-Пажесъ, принялъ мѣры для демократизаціи кредита и открылъ въ департаментахъ учетныя конторы и товарные склады, которые начали выдавать ссуды подъ варранты. Министръ финансовъ исполнительной комиссіи, Дюклеркъ, внесъ въ Учредительное собраніе проектъ выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ и защищалъ его какъ разъ во время іюньскаго возстанія. Наконецъ, анкета о состояніи промышленности и земледѣлія, произведенная по постановленію Учредительнаго собранія, съ настойчивой

ясностью поставила вопросъ о необходимости организаціи дешеваго земельнаго кредита.

Такимъ образомъ, проектъ Видаля не шелъ дальше того, чего требовали умѣренные республиканцы, и не могъ представляться современникамъ утопическимъ. Реформы, имъ предложенныя, были прямымъ отвѣтомъ на требованія, поставленныя жизнью. Паденіе іюльской монархіи не было политической случайностью. Оно было результатомъ долгой классовой борьбы, первой попыткой свергнуть господство финансовой аристократіи. Рабочій пролетаріатъ находился въ особенно тяжеломъ положеніи, вслѣдствіе успѣховъ капиталистическаго производства. Его положеніе еще обострилось отъ экономическаго кризиса 1847 года, и онъ сыгралъ роль передового бойца въ провозглашеніи республики. Но успѣхъ республиканцевъ былъ бы невозможенъ, если бы въ борьбѣ не приняла участія мелкая буржуазія, не имѣвшая основанія дорожить іюльскими порядками. Угнетаемая конкуренціей крупныхъ предпріятій, она тщетно старалась обратить вниманіе правящаго класса на свое положеніе, получить при содѣйствіи государства хоть частицу тѣхъ выгодъ, которыя сыпались изъ рога изобилія на финансовую аристократію. Тщетно мечтала она о демократизаціи кредита и не могла добиться даже такой ничтожной уступки, какъ разрѣшеніе представлять при учетѣ векселей двѣ подписи, вмѣсто трехъ. Наконецъ, и крестьянство не могло похвалиться своимъ положеніемъ. Дробленіе собственности и тяжесть падавшихъ на землю податей заставляли крестьянъ попадать въ руки ростовщиковъ. Анкета Учредительнаго собранія 1848 г. вскрываетъ страшную задолженность и раззоренность крестьянъ. Паденіе Луи Филиппа поставило на очередь дня соціальный вопросъ и заставило задуматься о тяжеломъ положеніи низшихъ классовъ. Проектъ Люксембургской комиссіи и старался придти этимъ классамъ на помощь, указать тѣ мѣры, которыя могли бы облегчить ихъ положеніе: устройство ассоціацій должно было помочь нищетѣ рабочихъ, мелкій коммерческій кредитъ улучшить положеніе мелкой буржуазіи, новая система страхованія и земельный кредитъ избавить крестьянство отъ ростовщичества. Конечно, въ настоящее время многія разсужденія Люксембургскаго проекта кажутся наивными, и невольно возбуждаетъ улыбку вѣра въ рабочія ассоціаціи, какъ въ панацею отъ всѣхъ соціальныхъ бѣдствій. Страннымъ кажется также полное умолчаніе о мѣрахъ для охраны труда: вѣдь работа государства надъ улучшеніемъ участи рабочихъ пошла именно въ этомъ направленіи. Но нельзя въ то же время не отмѣтить, что въ другихъ отношеніяхъ люксембургскій проектъ прямо нарисовалъ картину будущихъ соціальныхъ реформъ второй половины XIX вѣка. Нѣкоторыя изъ нихъ были осуществлены второй имперіей (жилища для рабочихъ, коммерческій и земельный кредитъ), другія хотя и не осуществлены до сихъ поръ, но входятъ въ программу радикаль-

ной партіи современной Франціи (выкупъ желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ).

Какова же была дальнѣйшая судьба люксембургскаго проекта? Въ области временныхъ мѣръ для успокоенія рабочихъ Люксембургская комиссія добилась успѣха, хотя и непродолжительнаго. Казалось бы, умѣренность программы комиссіи благопріятствовала осуществленію хотя бы той части ея плана, которая касалась мелкой буржуазіи.

По свидѣтельству Даніеля Стерна проектъ былъ представленъ въ бюро національнаго собранія, но не только не обсуждался, а даже не былъ прочитанъ *). Выходитъ, слѣдовательно, что авторы проекта сдѣлали все-таки попытку обратить на него вниманіе національнаго собранія. Но это сообщеніе Даніеля Стерна не подтверждается никакими другими данными. Вѣдь представить этотъ проектъ могъ только Луи Бланъ, а мы видѣли, что Луи Бланъ даже его не зналъ, какъ слѣдуетъ. Наконецъ, проектъ этотъ былъ бы неизбѣжно переданъ въ комитетъ труда (comité du travail), избранный Учредительнымъ собраніемъ для подготовки соціальныхъ реформъ, т. е. въ сущности для той же цѣли, для какой существовала Люксембургская коммиссія. Между тѣмъ, ни въ стенографическихъ отчетахъ о засѣданіяхъ Учредительнаго собранія, ни въ бумагахъ комитета труда (судя по свидѣтельству Ренара) нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого проекта. Поэтому вѣрнѣе предположить, что этотъ проектъ не былъ представленъ въ національное собраніе. И причина этого главнымъ образомъ заключалась въ томъ, что самъ Луи Бланъ, отъ котораго только и могло зависѣть обратить вниманіе Учредительнаго собранія на этотъ проектъ, относился къ нему болѣе, чѣмъ равнодушно. Онъ стремился добиться учрежденія министерства труда и, потерпѣвъ неудачу 10 мая, не сталъ даже работать въ комитетѣ труда. И общество, и печать обратили очень мало вниманія на проектъ Видаля. «Докладъ Люксембургской коммиссіи,—говоритъ Жоржъ Зандъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—если и не прошелъ не замѣченнымъ, то остался безъ серьезнаго обсужденія» *). Даже соціалистическія газеты не занялись его обстоятельнымъ разборомъ. Буржуазное же общество могло отнестись къ нему только съ ненавистью. Согласившись на учрежденіе демократической республики, буржуазія отнюдь не хотѣла дѣлать изъ демократическаго принципа выводы соціальнаго характера.

Но главная причина неудачи всѣхъ работъ Люксембургской коммиссіи заключалась въ той политической роли, которую играла она во все время своего существованія. Луи Бланъ, потерпѣвъ неудачу во время демонстраціи 28 февраля и не добившись учрежденія министерства труда, отнюдь не отказался отъ своихъ плановъ и не хо-

*) Д. Стернъ. Исторія революціи 1848 года II, 40.

**) *G. Sand*. Souvenirs de 1848, p. 161.

тѣлъ ограничить дѣятельность коммиссіи рамками, поставленными ей правительствомъ. По его мысли, она должна была организовать парижскій пролетаріатъ и служить могучимъ средствомъ въ классовой борьбѣ. Благодаря участію делегатовъ отъ рабочихъ корпорацій, въ рукахъ коммиссіи,—говоритъ самъ Луи Бланъ,—находился «могущественный рычагъ и при помощи постояннаго собранія, составленнаго изъ народныхъ избранниковъ, парижскій народъ могъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ» *). Въ то время, какъ Видаль трудился въ качествѣ секретаря коммиссіи надъ устройствомъ соглашеній между предпринимателями и рабочими и занимался выработкой проекта соціальныхъ реформъ, рабочіе делегаты коммиссіи вмѣстѣ съ Луи Бланомъ бросились въ водоворотъ политическихъ событій бурнаго года. Въ этой сторонѣ дѣятельности Люксембургской коммиссіи многое еще не изслѣдовано и не ясно, но несомнѣнно, что люксембургскіе делегаты приняли самое активное участіе въ разгоравшейся классовой борьбѣ. Они были заправилами манифестацій 17 марта и 16 апрѣля. Въ началѣ апрѣля они устроили избирательный комитетъ, чтобы подготовить успѣхъ своихъ сторонниковъ на выборахъ въ Учредительное собраніе, и съ большой энергіей занимались выборной агитаціей. Они участвовали въ демонстраціи 15 мая, когда народныя толпы едва не распустили національнаго собранія, а бывшій вице-предсѣдатель коммиссіи Альберъ былъ однимъ изъ членовъ неудачнаго временнаго правительства, занявшаго въ этотъ день городскую ратушу. Наконецъ, несмотря на всѣ мѣры, принимавшіяся правительствомъ для того, чтобы въ рабочихъ національныхъ мастерскихъ приготовить противовѣсъ вліянію Люксембургской коммиссіи, съ мая мѣсяца между люксембургскими делегатами и делегатами національныхъ мастерскихъ установилась солидарность, и нѣкоторые слѣды вліянія люксембургскихъ делегатовъ можно уловить и въ катастрофѣ іюньскихъ дней.

Съ самаго начала существованія коммиссіи умѣренное большинство временнаго правительства относилось къ ней подозрительно и видѣло въ ней только громоотводъ противъ неминуемаго возстанія пролетаріата, въ полной власти котораго тогда находился Парижъ. Политическая дѣятельность коммиссіи должна была возбудить къ ней еще большую ненависть со стороны буржуазнаго общества. Періодически повторявшіяся демонстраціи—17 марта, 16 апрѣля, 15 мая—заставляли буржуазію предчувствовать неизбѣжность новаго возстанія и въ виду прекрасной организаціи силъ пролетаріата сомнѣваться въ возможной побѣдѣ. И, конечно, на Люксембургской коммиссіи, какъ на представительницѣ интересовъ пролетаріата, сосредоточилась главная сила ненависти буржуазіи. Активная политическая роль за-

*) Histoire de la rév de 1848, I, 181.

ставила забыть всѣ другія стороны ея дѣятельности. На всемъ, что исходило изъ этой коммиссіи, лежала печать проклятія, и достаточно было перваго повода—событій 15 мая,—чтобы Учредительное собраніе покончило съ ея существованіемъ. А наступившая послѣ іюньскихъ дней соціальная реакція сдѣлала невозможными со стороны буржуазіи и менѣе значительныя уступки, и память мирнаго рѣшенія того вопроса, который уже былъ рѣшенъ оружіемъ, скоро изгладилась.

В. Бутенко.

---

* * *

Печально осень глазомъ темнымъ
Глядитъ и плачетъ по ночамъ,
И кто-то посохомъ огромнымъ
Стучитъ по скользкимъ ступенямъ.
То вѣтеръ злой и старый ходитъ
Угрюмымъ сторожемъ кругомъ
И пѣсни страшныя заводитъ
Въ трубѣ, подъ ржавымъ колпакомъ.
И бьется листъ въ тоскѣ пугливой
Ночною бабочкой въ стекло:
То шепчетъ тополь сиротливо
О томъ, что было и прошло.
Тѣснятся тѣни, обступая
Мой одинокій уголокъ...
Какъ будто хочетъ сила злая
Задуть послѣдній огонекъ!

Г. Галина.

ПЧЕЛЫ.

Очеркъ.

I.

Утро двадцать девятаго августа, въ Ивана-постнаго, было чудное.

Дядя Пантелей, прозванный за особенности характера и поведенія „кровинушкой-горячей“, поднялся съ солнышкомъ, вымылся въ „собственномъ“ ключѣ, покрестился на блестѣвшій вдалекѣ крестикъ церкви и затѣмъ поспѣшно обошелъ свои владѣнія: садъ и огородъ, отлого спускавшіеся къ рѣкѣ Лутхановкѣ. Съ замираніемъ сердца онъ осматривалъ каждый кустъ, каждое дерево, но—оттого-ли, что онъ началъ читать по вечерамъ псаломъ сто сорокъ пятый, который, какъ извѣстно, очень помогаетъ отъ воровъ, или по другимъ причинамъ, но на этотъ разъ, какъ и въ предыдущія утра, нигдѣ не оказывалось никакого хищенія или озорничества. За исключеніемъ мирони, безбожно ощипанной недѣлю назадъ, и сливы, пострадавшей нѣсколько ранѣе, все находилось въ цѣлости-сохранности и спокойно занималось своимъ дѣломъ. „Золотое сѣмечко“ докрашивало на солнцѣ обѣ щечки, мокрыя отъ росы и безъ того уже румяныя; спѣшно выравнивались груши, нѣсколько запоздавшія въ этомъ году, быть можетъ, оттого, что разрослись слишкомъ густо... На огородѣ сочно наливались кочны, напоминавшіе Пантелею круглыя головки его внуковъ: сыновьямъ не судилъ Богъ долго жить! Наконецъ, въ ульяхъ происходили также обычныя по времени событія. А именно: въ виду близкаго сосѣдства зимы здѣсь безъ сожалѣнія убавляли количество трутней, этихъ въ настоящую минуту лишнихъ ртовъ въ пчелиномъ хозяйствѣ. Такъ заключилъ Пантелей по какому-то особенному, протяжно-жалобному писку, а, главное, по возбужденному виду самихъ пчелъ, неустанно „трубившихъ тревогу“,

Далекій ударъ въ колоколъ къ заутренѣ заставилъ Пантелея поспѣшно вернуться въ избу. Онъ надѣлъ на „собственную“ домотканную бѣлую рубаху сѣрый домотканный же армякъ, подпоясался вязанымъ изъ шерсти собственныхъ овецъ поясомъ, въ углу взялъ дубинку изъ „стального“ дерева „собственной“ яблони и, серьезный, важный, почти величественный, направился въ церковь. Сзади, только по нѣкоторой согбенности его атлетической фигуры, да по медлительной степенности движеній можно было заключить, что онъ перешелъ уже въ преклонный возрастъ.

Во время службы и особенно во время проповѣди священника потухли послѣднія искорки раздраженія, которое за послѣдній мѣсяцъ стало у Пантелея хроническимъ по отношенію къ деревенской вольницѣ. Отецъ Григорій, ровесникъ Пантелея, немудрый морщинистый старичокъ, по мнѣнію его прихожанъ, говорилъ очень хорошо: душевно, учительно. Онъ ощущалъ искренній ужасъ передъ кровожадной мстительностью Иродіады, и это настроеніе сообщалось его слушателямъ. То ли дѣло—незлобіе? Обидѣлъ тебя кто-нибудь – прости. Сказалъ или сдѣлалъ не по-твоему—не отвѣчай тѣмъ же, а удержись. Пантелей старался вспомнить своихъ обидчиковъ и со слезами на глазахъ прощалъ ихъ. И за сливы, и за яблоки, и даже за то, что они, придя съ заводовъ питерскихъ, не только сами пѣли, а и внуковъ Пантелеевыхъ научили пѣть:

Бѣдная Россія, заль мнѣ тебя:
Несчастная, голькая участь твоя!

На обратной дорогѣ изъ церкви Пантелей, какъ человѣкъ наиболѣе нервный и впечатлительный, разъяснялъ и другимъ мысли проповѣдника, хотя нѣсколько по-своему, напирая, главнымъ образомъ, на бѣса, который такъ и норовитъ укусить то за одинъ локоть, то за другой, и которому отнюдь не слѣдуетъ поддаваться.

— Смотри, товарищъ, шестиэтажное тебѣ почтеніе съ балкономъ! — другихъ учишь, а самъ — чуть маленько — первый же спятишься! — крикнулъ, подходя къ Пантелею и скаля зубы, старостинъ Мосейка, одинъ изъ коноводовъ деревенской вольницы.

Въ этомъ человѣкѣ, въ его манерѣ держать себя и говорить, въ выраженіи скуластаго неглупаго лица и даже въ походкѣ и улыбочкѣ чувствовалось Пантелею что-то новое, до дерзости самоувѣренное, а по отношенію къ старому на-насмѣшливо-враждебное; будучи весьма невысокъ ростомъ, онъ ухитрялся, однако, смотрѣть сверху внизъ на Пантелея.

— Какой я тебѣ, козодою, товарищъ! Ты мнѣ въ пастухи

не гожъ!—фыркнулъ Пантелей презрительно, но тотчасъ, сообразивъ, что это бѣсъ начинаетъ хватать его за локти, прибавилъ спокойнѣе:

— Ты вотъ что, Мосейка, больше за собой гляди... На себя... того... больше... оглядывайся... Оно, братъ, вѣрнѣе будетъ...

— Ха-ха-ха!—залился раздражающе-веселымъ смѣхомъ Мосейка, но Пантелей какъ разъ въ эту минуту нажалъ плечомъ калитку и вошелъ въ домъ, не удостаивая его дальнѣйшимъ разговоромъ.

При видѣ умиленныхъ лицъ домашнихъ, къ старику тотчасъ вернулось его было поколебавшееся хорошее настроеніе.

— Ну-съ, что-то намъ нашъ поваръ скажетъ? —заговорилъ онъ въ своемъ обычномъ шутливомъ тонѣ съ сегодняшней стряпухой, младшей невѣсткой Марьей. — Горѣло у тебя, какъ въ Христовъ день, а наготовлено никакъ-что въ чистый понедѣльникъ?

— Есть варено, есть жарено; будетъ-ли вкусненько, а горяченько будетъ,—отвѣтилъ поваръ съ низкимъ поклономъ.

И, дѣйствительно, было горяченько. Всѣ дули на ложки и, тѣмъ не менѣе, обжигались... Самъ хозяинъ, чтобы немного освѣжиться, открылъ окно въ садъ, возлѣ котораго сидѣлъ. Такъ прошло минутъ десять — двѣнадцать. И вдругъ предъ глазами семьи разыгрывается сцена, повидимому незначительная, но всѣхъ заинтересовавшая. Котъ Ерошка, пробиравшійся по своимъ дѣламъ межъ яблоней, точно рехнулся... Свирѣпо ощетинившись, онъ въ ужасѣ упалъ сначала на-земь, потомъ стремительно вскочилъ на дерево, съ дерева на крышу сѣнного сарая и, наконецъ, пропалъ гдѣ-то за заборомъ. На секунду — и старые, и малые такъ и застыли съ поднятыми ко рту ложками... Затѣмъ, прежде, чѣмъ кто-нибудь успѣлъ что-либо сообразить, на мѣстѣ происшествія оказалась внучка Пантелеева, Агаша, сидѣвшая крайней у двери. Но и она тотчасъ подверглась нападенію невидимой силы: взвизгнула, заметалась и исчезла за кустами. Тутъ уже вся семья во главѣ съ хозяиномъ двинулась въ садъ. Пантелей, повидимому, понялъ, въ чемъ дѣло: читая псаломъ девятидесятый, избавляющій отъ внезапной напасти, онъ направлялся въ сторону ульевъ. Но, еще не доходя до нихъ, буквально присѣлъ въ отчаяніи...

Ульи были ограблены. Въ то время, какъ старикъ съ домочадцами былъ въ церкви, какіе-то нехристи забрались въ садъ и вырѣзали медъ, оставленный пчеламъ на зиму.

Крышки и гнилые соты валялись на землѣ, а пчелы, обездоленныя и разозленныя, метались по саду, какъ-бы разыскивая злодѣевъ...

Съ минуту Пантелей не вѣрилъ своимъ глазамъ. Затѣмъ, опомнившись, съ плачемъ бросился къ ульямъ, закрылъ ихъ, выпрямилъ, какъ слѣдуетъ. И только кончивъ эту работу, онъ, чтобы согнать съ себя невинную божью тварь, которая, тѣмъ не менѣе, невыразимо-жестоко кусалась, съ головой залѣзъ въ рѣку, отдѣлявшую его надѣлъ отъ нижнеслободскихъ огородовъ. Изъ рѣки онъ видѣлъ на мосту широкую рожу Мосейки, съ хохотомъ кричавшаго во всю мочь: „Братцы, спасайте!.. Съ ума сошелъ!.. Топиться хочетъ!“—видѣлъ и другихъ лутккановцевъ, таращившихъ на него глаза въ удивленіи.

Минутъ десять спустя, весь мокрый, распухшій, изжаленный, онъ сидѣлъ въ толпѣ на бревнахъ противъ своего дома и, въ отвѣтъ на общія, немного насмѣшливыя, увѣщанія „простить“ виновныхъ, взбѣшенно-дрожащимъ голосомъ выкрикивалъ:

— Нѣтъ, братцы! Сказалъ: „не могу!“ — и не могу... Не приставайте, Христа-ради! Ежели за себя прощу,—за медъ не прощу. За медъ прощу, — за пчелъ не прощу... Безгрѣшную тварь такъ обидѣть! Теперь она съ голоду помирать должна?

И Пантелей со слезами качалъ головою.

— Чудакъ! Ну, не прощай,—что ты иначе можешь сдѣлать?—осторожно урезонивалъ его Мосейкинъ отецъ, высокій и осанистый сельскій староста, подмигивая окружающимъ.— Воръ побывалъ, руки-ноги не оставилъ: какъ ты теперь его найдешь?

— Разыщемъ!—гаркнулъ Пантелей съ той необычайной страстностью, которая, собственно, и доставила ему прозвище „кровинушки-горячей“.—Надо, хоть на сей разъ, бродягамъ рога сколоть! Житья не стало... Что ни день—то новости. Лёгко-ли: у Еремки баня была — въ оврагѣ уперли. У Куличихи заборъ за-ночь вытаскали. Проснулась—и забора нѣтъ... Да что вы, братцы... Опомнитесь!

— Кому-же ты сколешь рога-то? Ты воровъ знаешь?— съ усмѣшкой возражалъ староста.

— Не знаю. А хочу узнать... Въ томъ-то и дѣло, милъ дружокъ. Мнѣ только поглядѣть-бы что за воришки промежь насъ завелись? А ужъ тамъ-то я ихъ на всю окружность прославлю. Только единымъ-бы глазкомъ взглянуть, кто у насъ, ягнячья матка, этимъ рукомесломъ занимается...

— Я вотъ про то тебя и спрашиваю, какимъ манеромъ узнать ихъ хочешь? Къ уряднику пойдешь? Къ колдуну, можетъ статься?

— Зачѣмъ грѣхъ на душу брать? Мы и безъ урядника съ колдуномъ обойдемся. Мы вотъ что сдѣлаемъ.—Пантелей всталъ и поклонился на обѣ стороны общественникамъ. — Господа-старички, покорнѣйше прошу собрать сходъ!—крикнулъ онъ, ударивъ себя въ грудь ладонью.—Для чего? А вотъ для этого для самаго, чтобы воровъ найти.—Голосъ его побѣдоносно звенѣлъ и долеталъ до зарѣчныхъ закоулковъ селенія.—Ужъ коли она жигнетъ--этого... ха-ха!.. не украдешь, братъ. Будетъ явственно. У кого, стало быть, волдыри, тотъ и воръ. Очень просто.

При такой соломоновской постановкѣ вопроса кругомъ послышались смѣхъ и сочувственныя восклицанія.

— А что, вѣдь и вѣрно?

— Чего вѣрнѣй!

— Стары-то люди... того... вѣкъ жили!..

— Теперь воришкамъ не уйтить...

— Во щахъ схлебаетъ.

Пробовалъ староста, у котораго родительское сердце, повидимому, было неспокойно, доказывать, что „изъ этихъ пустяковъ все-равно не выйдетъ никакого дѣлу развитія", но, очутившись въ меньшинствѣ, скоро умолкъ.

II.

Дѣлать нечего, побѣжали десятскіе барабанить подъ окнами:

— Эй, хозяинъ! Со всѣми парнями на сходку!

Пантелей продолжалъ, между тѣмъ, сидѣть на бревнахъ съ видомъ полководца, рѣшившагося дать генеральное сраженіе. Онъ не пошелъ даже домой изъ боязни, что трусливое бабье нытье ослабитъ въ немъ воинственное настроеніе. Внучка принесла ему шапку, гребень, армякъ, и теперь, приводя себя въ порядокъ, онъ время отъ времени потрясалъ въ воздухѣ огромными кулаками. Вокругъ скопились старички изъ тѣхъ, которые открыто держали его „руку"; нѣсколько въ сторонѣ трещали и смѣялись бабы, обсуждавшія всесторонне событіе. Передъ самымъ носомъ Пантелея набралось цѣлое полчище ребятишекъ; запустя въ ротъ пальцы, они не сводили глазъ со старика.

Наконецъ, явился староста и съ своимъ обычнымъ подмигивающимъ видомъ „доложилъ" Пантелею, что сходка собралась и „ждетъ его милость".

Пантелей тяжело поднялся и, въ сопровожденіи старичковъ, прослѣдовалъ къ постоялому двору на площадь, гдѣ обыкновенно вершились общественныя дѣла Лутканова.

— Ну,—сказалъ ему староста,—всѣ здѣсь. Ишь, наши бабы какія мастерицы: сколько настряпали народу! Вотъ и поищи воровъ!

Пантелей окинулъ съ высоты своего роста весело жужжавшую толпу молодежи, и глаза у него разбѣжались. Ему почудилось, что онъ вошелъ въ огромный людской улей.

Всякія тутъ были пчелы. Были молодые выводки, смирные, послушные, въ бѣлыхъ холщевыхъ штанахъ, съ выгорѣвшими отъ солнца волосами и простодушно-овечьимъ взглядомъ. Они знали дорогу въ кузницу, на мельницу, но еще не нюхивали Питера, и теперь робко держались въ сторонѣ, глядя во всѣ глаза на происходящее. Были пчелы мосейкинаго типа, въ пиджакахъ и разноцвѣтныхъ косовороткахъ, добывавшія медъ на сторонѣ, на столичныхъ фабрикахъ, и слетѣвшіяся въ Лутканово по случаю прекращенія заработковъ; очень задорныя и смѣлыя, всегда готовыя подраться и ужалить, онѣ въ настоящую минуту давали тонъ всей деревенской жизни. Были пчелы сытыя, нарядныя, жившія на хлѣбныхъ мѣстахъ въ Питерѣ и отпущенныя по осени жениться „въ провинцію"; распустивъ по жилеткамъ цѣпочки съ брелоками и дымя настоящими, а не самодѣльными „цыгарками", онѣ смотрѣли на окружающихъ немного свысока, хотя по „понятіямъ" принадлежали къ мосейкиному толку. Были тутъ, наконецъ, и трутни—пропивохи, частью высланные изъ города безъ штановъ и сапогъ по этапу, частью доморощенные лутканoвскіе. Эти молодцы, обыкновенно промышлявшіе дебоширствомъ и озорничествомъ, должны были, кажется, прежде другихъ остановить на себѣ вниманіе Пантелея, но, по антипатіи къ „вьюну-старостѣ", у него взяли верхъ другія соображенія.

— Ну-ка, пускай твой Веденька выйдетъ!—крикнулъ онъ во все горло.—Гдѣ онъ прячется?

— Я прячусь?.. О-о-о!..—не безъ юмора отозвался сиплымъ басомъ громадный и, въ противоположность „братцу-Мосейкѣ", чрезвычайно добродушный парень, выдвигаясь изъ толпы.—Вотъ тебѣ Веденька! Здравствуй, Пантелей Карпычъ. Что хорошенькаго скажешь?

— Ну, ты зубовъ-то мнѣ не заговаривай. Сними шапку.

Веденей безпрекословно повиновался.

— Портретомъ моимъ полюбоваться хочешь? Сдѣлай твое такое одолженіе. Руки?—вотъ. Холка?—вотъ. Можетъ, что другое показать? Не трудно. Пускай, кстати, и все обчество посмотритъ.

И такъ какъ онъ любезно поступалъ сообразно обѣщаніямъ, то дѣвки и бабы, окружавшія пестрымъ кольцомъ диковинную сходку, съ фырканьемъ отхлынули въ сторону, а „обчество“ разразилось хохотомъ. Одинъ Пантелей былъ серьезенъ.

— Это что у тебя?—говорилъ онъ, щуря старческіе глаза и тыкая пальцемъ въ разныя пятна и полосы на голомъ тѣлѣ Веденьки.

— По первому пункту могу объяснить,—началъ Веденей, внезапно обнаруживая ученость:—у гада кушено на покосѣ. По второму пункту: косой порѣзалъ. Я вѣдь трудовикъ!.. Пахарь! А какъ на тебя, Пантелей Карпычъ, погляжу: до сивыхъ-то волосъ дожилъ, а ума не нажилъ. Нешто, братъ, твою пчелу я обижу? Да мы съ ней съ солнышка до солнышка на полѣ. Я косой машу, она тѣмъ временемъ остатній медъ съ цвѣтовъ обираетъ. А что касаемо моихъ орденовъ и медалей, такъ они, братъ, всѣ законные. Вотъ тебѣ самый главный: помнишь, ономнясь огороды дѣлили? — коломъ! Лента на шеѣ? — исправника въ вокзалъ приставляли. Нагайкой!.. А на прочіе не гляди: не ордена, а медальки, — болѣ изъ-за дѣвокъ съ ласунскими. Нѣтъ, братъ, ты обыскивай кого пожиже, повертячѣе. А я тяжелъ черезъ заборъ перелѣзать, — закончилъ Веденька, облачаясь въ свои доспѣхи и уходя въ толпу.

Первый блинъ оказался комомъ. Пантелей подумалъ немного и возгласилъ:

— Ну, тогда пусть Матюшка Стрекачъ выйдетъ.

— Матюшка, ступай! Тебя требуетъ!—пошло по толпѣ.

Стрекачъ вышелъ. Бойкій, вертячій, востроглазый, какъ разъ такой молодецъ, на какихъ намекалъ Веденька. И дѣйствительно: при первомъ взглядѣ на его кожу можно было подумать: „Ага! попался медовый воръ!“ Отъ множества красныхъ, черныхъ и синихъ „заплатокъ“ она представлялась разноцвѣтною, какъ его рубаха... Но, увы! — при ближайшемъ разсмотрѣніи и у него не оказалось ни малѣйшихъ слѣдовъ пчелинаго укуса. „Заплатки“ свои Стрекачъ объяснилъ нѣсколько иначе, сравнительно съ Веденеемъ и при томъ больше съ хронологической точки зрѣнія.

— Это, Пантелей Карпычъ, еще съ Питера. Съ черносотенцами сражались...

— Это, старичокъ почтенный, отъ Петрова дня. Забрать хотѣли...

— Это отъ Ильи: арестантовъ отбивали...

— Это объ Успеньѣ: малость на ярмаркѣ повздорили...

Смѣхъ вокругъ не прекращался.

— Ай-да ребята! Не зѣваютъ!

— Точно ригу на немъ молотили!

— Видать, что смирный паренекъ!

Минутъ черезъ пять и Стрекачъ, отмѣнно довольный эффектомъ, пропалъ въ толпѣ. Пантелей съ удивленіемъ разводилъ руками.

— Ты походи промежъ народа-то, потолкайся, можетъ, скорѣй отыщешь?—посовѣтовали старички Пантелею.

Онъ послушался. Но что вы подѣлаете, если ни въ одномъ лицѣ нѣтъ никакихъ изъяновъ, никакой отмѣтины? При томъ, какъ скоро Пантелей вошелъ въ толпу, имъ овладѣло нѣсколько странное, неожиданное настроеніе.

— Вѣдь свои все!—замелькало въ немъ.

Да, одинъ оказывался крестникомъ (бабы несли къ нему, какъ къ богатому мужику, своихъ „щенятъ" особенно охотно), другой—племяшемъ, третій—просто „сродственникомъ". Этого онъ на рукахъ носилъ, тому гостинчика давалъ, этого за ноги изъ Лутканoвки вытаскивалъ.

— Ѳедюшка, помнишь, какъ, собачій сынъ, пузыри пускалъ?

— Неужто забылъ!

— А теперь у меня же яблоки трясешь, медъ грабишь, еретикъ?

— Я, что-ли? Поди ты!

Иные, при приближеніи старика, нарочно закрывались полами и, какъ-бы въ испугѣ, прятались за чужія спины: такимъ онъ, шутя, давалъ подзатыльника. Но, когда пришло въ голову „обыскать" высокаго блѣднолицаго, малознакомаго паренька, онъ самъ получилъ крутой отпоръ отъ окружающихъ.

— Вѣдь это Пётра?!.

— Пётра Голованъ нашъ!..

— Онъ совсѣмъ по другой части!

— Онъ весь въ умственность ушелъ!

— Насчетъ земли допытывается.

Пантелей съ нѣкоторымъ почтеніемъ поглядѣлъ на Голована и прошелъ далѣе. Его толкала впередъ единственно та мысль, что въ этой, повидимому, сплошной семьѣ „своихъ" есть все-же и воришки! Что они теперь, чего добраго, потѣшаются надъ нимъ, строятъ за спиной рожи, и онъ никакъ не можетъ открыть ихъ... Но, на ряду съ этой мыслью, понемногу крѣпла и другая, не менѣе обидная для старика.

— А что! вѣдь бѣсъ оплелъ-таки, анаѳема! Смутить — смутилъ, а много ли пользы?

— Пантелей Карпычъ!—наконецъ, раздался за нимъ голосъ соскучившагося старосты.—Знаешь, что мнѣ на умъ

пришло? У мужиковъ, ясная вещь, ничего нѣту. Надо намъ у бабъ нашихъ посмотрѣть. У нихъ чего не окажется ли?

Послѣдовалъ оглушительный взрывъ хохота.

— Какъ думаешь, Пантелей Карпычъ?—безъ малѣйшей улыбки продолжалъ староста.—Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Старикъ былъ красенъ, какъ ракъ. Онъ понималъ, что дѣло его пропащее, и нужно идти на мировую. Поэтому онъ развелъ руками и, невольно стараясь попасть въ тонъ старостѣ, проговорилъ съ несовсѣмъ естественной усмѣшкой:

— Ничего не подѣлаешь. Придется побезпокоить касатокъ...

Прекрасный полъ, выжидавшій поодаль, чѣмъ кончится дѣло, сначала дразнился, показывая языки и танцуя на мѣстѣ:

— Смѣй-ка!.. Смѣй-ка!...

Но, когда молодые ребята пожелали „исполнить постановленіе старичковъ", бабы и дѣвки бросились вразсыпную. Послышался хохотъ, визгъ... Сходка принимала совершенно водевильный характеръ.

Староста, перемигнувшись кой-съ кѣмъ, подтянулъ потуже кушакъ, откашлялся и вновь выступилъ на средину. Большіе сѣрые глаза его смѣялись.

— Пантелей Карпычъ, дозволь еще одно словечко сказать. Ты—человѣкъ умный; плюнь ты на нихъ,—все равно никого не отыщешь. Воры—тутъ, вотъ они...—староста ткнулъ пальцемъ на толпу, которая весело загрохотала, точно польщенная такимъ названіемъ...—да развѣ они съ голыми руками пойдутъ? Надѣли, какъ слѣдуетъ быть, твое сито.. оно, чай, въ огородѣ лежало? Ну, такъ! Армяки съ рукавицами есть у каждаго... и произвели твоему меду экспропріацію. Ну, что-жъ,—это ничего; это, братъ, нынче въ модѣ. По крайности, теперь и ты на человѣка похожъ сталъ. А то, чай, совсѣмъ мохомъ заросъ. Значитъ, и сердиться тебѣ на нихъ нечего, простить надо...

— Вѣрно!.. Простить!.. Простить!—со смѣхомъ подхватили въ толпѣ.—Да и отецъ Григорій какъ давеча-то умолялъ? Нельзя же ему не уважить.

— А ужъ мнѣ-то бы какая благодать!—добавилъ староста, вздыхая.—Безъ хлопотъ, безъ дальнѣйшаго развитія дѣлу...

Пантелей помолчалъ, насколько того требовало приличіе, и, наконецъ, какъ бы принося жертву, махнулъ рукой.

— Ну... будь по-вашему! Прощаю...

— Господа воры!—громогласно объявилъ староста.—Можете идти домой. Дядя Пантелей васъ прощаетъ.

Гвалтъ, хохотъ, ревъ были ему отвѣтомъ.

V.

Пантелей, смущенный, сконфуженный, направился къ дому. Теперь онъ помышлялъ объ одномъ, какъ бы ему уплестись отъ обычая, завѣщаннаго въ подобныхъ случаяхъ стариною.

Однако для него и это оказалось невозможнымъ. Не успѣлъ онъ сдѣлать десятка шаговъ къ дому, какъ былъ вновь окруженъ огромной толпою. Въ ней на первомъ планѣ находились Мосейка старостинъ, Матюшка Стрекачъ и прочіе предполагаемые воры и обидчики. Но теперь они мяли шапки въ рукахъ, глядѣли въ глаза Пантелею и, видимо, чувствовали къ нему нѣчто въ родѣ сыновней нѣжности.

— Папаша! Пантелей Карпычъ! А какъ же съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла? И за наше неоставленье?—слышались изъ толпы ласково-убѣждающіе голоса.

— Ахъ, шлёпъ тя во щи! Меня обокрали—да съ меня же и на водку!—раздражительно произнесъ Пантелей, оборачиваясь къ старичкамъ за поддержкой.

Но и тѣ, какъ бы конфузясь за него, бормотали съ нѣкоторой строгостью:

— Слѣдуетъ!.. Слѣдуетъ! Оно ужъ какъ по заведенію отъ отцовъ, отъ прадѣдовъ... Кто сбиралъ сходку... чья причина... Не намъ мѣнять...

Пантелей, скупой по природѣ, положительно не зналъ, на что ему рѣшиться.

— Ну и чудесныя дѣла!—сказалъ онъ, почесывая у себя въ затылкѣ.—Сегодня у меня медъ обобрали—давай на водку! Завтра пчелъ совсѣмъ украдутъ—опять давай на водку! Да что вы, братцы! Въ умѣ ли? Вѣдь этакъ все у насъ растащатъ и размытарятъ. Плѣшь одна останется...

Пантелей начиналъ горячиться, но староста и здѣсь оказался на высотѣ призванія.

— Слышите?—крикнулъ онъ общественникамъ.—Слышите, что говоритъ нашъ достопочтеннѣйшій Пантелей Карпычъ? Обязуетесь вы ему впредь никакихъ обидъ не причинять? Никакихъ озорствъ не сотворять?

— Мы?!—загалдѣли, какъ-бы съ ужасомъ, общественники. — Пантелей Карпычу?

— Не орать у меня безъ-толку! Путемъ говорите. Стрекачъ!.. Мосейка! Присягу даете?

— Дае-омъ!—съ хохотомъ гаркнула молодежь.—Присяга-а-емъ!

Староста поглядѣлъ въ глаза Пантелею.

— Добромъ лучше,—сказалъ онъ вполголоса.—Ты—человѣкъ умный. Самъ знаешь: раздѣвали, обыскивали... Какъ-бы еще грѣхомъ чего не вышло, — какого дальнѣйшаго развитія дѣлу?..

Пантелей, въ свою очередь, поглядѣлъ въ сѣрые загадочные глаза старосты и, хотя бѣсъ изо всѣхъ силъ хваталъ за локти, вынулъ кошелекъ изъ кармана. Мгновенно настала безмолвная тишина. Зеленая мятая бумажка торжественно опустилась въ шапку старосты.

— Урра!—загудѣло лушкановское „общество".—Качать Пантелей Карпыча! Ну-ка, забирай его поплотнѣе! Эко, грузный какой! Сдым...май!.. Урра! Ну-ка, повеселѣе! Урра-а!..

Часа черезъ два, на закатѣ солнца, когда пантелеевская водка „высохла", послали въ складчину за новой. Старички частью уже разбрелись по домамъ, частью клевали носомъ, но Пантелей находился въ состояніи, въ которомъ, говорятъ, по колѣно море. Онъ неоднократно пытался излить въ словахъ свои чувства къ пчеламъ, къ бѣсу, къ деревенской вольницѣ, и хотя самъ не могъ уразумѣть своей рѣчи, за то ее отлично понялъ Мосейка.

— Вѣрно!—кричалъ онъ тѣмъ же шалымъ, звенящимъ голосомъ, какъ бывало на фабричныхъ сходкахъ въ Питерѣ. —Ай да Пантелей Карпычъ! Правду сказалъ! Тѣ же пчелы!— Мосейка въ пьяномъ волненіи, почти со слезами, колотилъ себя въ грудь.—Дѣдка-а!.. А вѣдь мы думали, ты совсѣмъ отъ насъ отшатнулся. Все врозь да врозь... костишься... лаешься!.. Говорятъ, у тебя въ колодцѣ даже вода отъ руготни испортилась... Но вѣдь и мы тебѣ тоже не подданные... Не очень нуждаемся такимъ хламомъ... А ежели ты съ нами за одно: кончено! Праву руку... товарищъ! И за медъ свой... не безпокойся. Цѣлъ твой медъ! Взадъ свое добро получишь. Очень просто. Каждому дыханію нужно пропитаніе... мы понимаемъ... Тѣ-же пчелы! И такъ же должны другъ за дружку держаться,—это ты правду говоришь. Видалъ я нынче лѣтомъ, какъ онѣ у тебя клубкомъ на суку висѣли: ни одна не упадетъ! И ежели ихъ тутъ тронуть... Боже мой!.. Ногъ не унесешь! Вотъ съ кого и намъ нужно примѣры брать. Такъ-же нужно другъ за дружку держаться! Тронь-ка насъ тогда, попробуй! Правильно говорю я, товарищъ?

Послѣ Мосейки развивалъ эту же тему Голованъ, за Голованомъ—Игнатій-нижнеслободскій, возбуждая рѣзвостью языка искреннее удивленіе въ Пантелеѣ, какъ и въ другихъ лушкановцахъ.

— До чего натопорившись въ Питерѣ! Скажи на милость!

— О-о-о! Красносло-овы!

Наконецъ, надъ глухимъ и пустыннымъ Туркинымъ полемъ вышелъ мѣсяцъ. Церковный сторожъ пробилъ одинадцать. Потревоженный улей успокаивался. На томъ мѣстѣ, гдѣ давеча сидѣлъ Пантелей, теперь никого уже не видно. Бурлятъ еще старыя почтенныя пчелы, укладываясь спать на лужкѣ, въ ожиданіи своихъ матокъ, да изрѣдка проносятся то гурьбой, то парамимо лоденькія, быстро исчезая въ таинственной мглѣ мѣсяца... Начинаетъ сильно холодѣть...

Мосейка сдержалъ слово. На другое утро Пантелей, придя позже обыкновеннаго въ садикъ, увидѣлъ противъ „обиженныхъ“ ульевъ пару лучинныхъ корзинокъ, наполненныхъ до верху свѣжими, очевидно вчера вырѣзанными сотами.

— Вотъ, ягнячья матка! Могъ ли я этого отъ нонѣшней вольницы ждать?—долго говорилъ потомъ Пантелей, разводя руками и внезапно всхлипывая.

В. Ѳаворскій.

СОБЛАЗНЪ.

Романъ *Вильгельма Гегелера.*

Пер. съ нѣмецкаго А. М. Брумберга.

XIII.

Бюстъ г-жи Броохъ давно уже былъ законченъ и стоялъ въ кабинетѣ ея мужа. Фонтанъ уже двѣ недѣли былъ открытъ, красуясь передъ глазами всѣхъ, и каждый могъ отнестись къ нему, какъ хотѣлъ. Самого скульптора онъ, по мнѣнію благоразумныхъ людей, ужъ совершенно не касался. Бюргелю, слѣдовательно, ничто не мѣшало оставить городъ съ его безконечнымъ количествомъ фабричныхъ трубъ, съ его вѣчнымъ дождемъ изъ воды или сажи, или изъ того и другого вмѣстѣ. Ничто ему не мѣшало вернуться въ Мюнхенъ къ своимъ рыбамъ, съ которыми разстаться ему было тогда такъ тяжело, какъ будто эти нѣмыя твари проливали горючія слезы. Ничто не мѣшало вернуться къ своей новой работѣ, надъ которой онъ такъ лихорадочно и неутомимо трудился передъ самымъ отъѣздомъ въ Гаммерштедтъ, и которая теперь, одинокая и покинутая, стояла подъ сырыми тряпками и, вѣрно, получила ужъ не одну трещину и ссадину, если его сторожъ забылъ поливать тряпки.

Почему же онъ не уѣзжалъ? Онъ бы самъ затруднился дать ясный и разумный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ просто не уѣзжалъ и просрочилъ даже обратный билетъ. Его вещи были уже сложены, и такъ какъ онъ не зналъ, какъ устроится со стиркой въ чужомъ городѣ, то онъ обходился кое-какъ, покупая каждые нѣсколько дней самое необходимое изъ бѣлья.

На улицѣ знакомые очень часто встрѣчали его восклицаніемъ:

— Что, вы еще здѣсь! Вотъ какъ! Я думалъ, вы уже давно за горами.

— Завтра ѣду, непремѣнно,—отвѣчалъ онъ всякій разъ.

Онъ чувствовалъ себя какъ-то странно. Ему почему-то было совѣстно, какъ будто онъ ужъ не имѣлъ права оставаться въ Гаммерштедтѣ. И все-таки онъ не уѣзжалъ. Какая-то таинственная и для разумныхъ людей непостижимая причина удерживала его.

Это, дѣйствительно, было нѣчто таинственное и непонятное. Казалось, будто его произведеніе не отпускало его, будто какая-то невѣдомая сила приковывала его къ Новому рынку, гдѣ стоялъ его фонтанъ.

Утромъ онъ рѣшалъ сдѣлать еще кой-какія покупки на дорогу и, гдѣ бы ни находился магазинъ, въ которомъ ему нужно было купить то или другое, его шаги непремѣнно приводили его къ площади. Его толкалъ туда тревожный вопросъ, все ли хорошо въ его произведеніи, является ли оно дѣйствительно тѣмъ, что предстало предъ нимъ однажды въ часы лихорадочныхъ мученій и восторговъ?

И коварнымъ, мучительнымъ, волнующимъ было одно обстоятельство: все въ фонтанѣ было хорошо, гармонично, жизненно, было сдѣлано не рукою новичка, осторожно и робко нащупывающей, а рукою мастера, которою легко и твердо водила внутренняя сила, такъ что она ничего не могла сдѣлать иначе, чѣмъ сдѣлала. Нѣтъ — онъ былъ придирчивымъ, отнюдь не снисходительнымъ къ себѣ критикомъ—въ этомъ онъ не ошибался. Кто только понимаетъ что-нибудь въ искусствѣ, не можетъ не наслаждаться его произведеніемъ. Но вотъ тутъ, на лѣвой сторонѣ, отвратительнымъ пятномъ вылѣзаетъ эта фигура мальчика съ безсмысленной улыбкой на лицѣ, въ шаблонной, глупой позѣ. Мальчикъ держитъ руку надъ головой, чтобы защитить себя отъ воды. Но эта согнутая рука не только не соотвѣтствуетъ позѣ вытянувшагося тѣла, но и само движеніе этой руки казалось Бюргелю все болѣе отвратительнымъ. Онъ просто не понималъ, какъ могъ онъ создать эту искусственную, фальшивую позу балерины. Затѣмъ, не только это. Черезъ нѣсколько дней онъ замѣтилъ, что и форма руки отвратительна. Предплечье было слишкомъ длинно и изогнуто такъ, какъ можно изогнуть, пожалуй, деревяшку, но не человѣческую руку.

Ахъ, сколько онъ ни смотрѣлъ на эту фигуру, она казалась ему ужасной! И этотъ дрянной мальчишка портилъ все произведеніе.

И никто, при видѣ этого чернаго господинчика въ широкополой шляпѣ, который, прислонившись къ стѣнѣ дома, заложивъ одну руку съ полуоткрытымъ зонтикомъ за спину, а другою прикрывая глаза, стоялъ передъ фонтаномъ, никто не могъ бы угадать, что происходитъ въ его душѣ, никто не

подозрѣвалъ, что означаетъ его тихое, мрачное лицо, когда онъ оставляетъ площадь.

Въ концѣ концовъ послѣ всѣхъ своихъ огорченій и всей своей досады Бюргель уходилъ въ погребокъ „Тихій пріютъ“, расположенный на улицѣ Евангелической церкви, неподалеко отъ Рыночной площади. Снаружи этотъ погребокъ имѣлъ довольно жалкій видъ: направо и налѣво отъ узкой входной двери нѣсколько завѣшанныхъ оконъ, и на одномъ изъ нихъ налѣво отъ входа теракотовый карликъ на бочкѣ, который уже много, много лѣтъ пытался наливать вино изъ пустой бутылки въ пустой стаканъ. Но внутреннее помѣщеніе было уютно. Прежде всего магазинъ съ огромными полками, на которыхъ стояли покрытыя пылью и паутиной бутылки краснаго вина, затѣмъ комната съ круглыми бѣлыми, въ обѣденное время аккуратно накрытыми столами для большой публики, а потомъ тихій кабинетикъ для тѣсныхъ компаній. Здѣсь не знали полицейскихъ стѣсненій, и можно было пить, пѣть и шумѣть до утра. Между прочимъ, здѣсь происходили собранія „непринужденныхъ“, для которыхъ учитель Мартини слагалъ стихи. Вообще, въ этомъ погребѣ бывали, выражаясь словами пастора Дистеркампа, „лучшіе элементы города“.

Хозяиномъ погреба былъ общеизвѣстный господинъ Шнютгенъ, веселый старичокъ, который былъ недоволенъ только двумя вещами на этомъ свѣтѣ: что нельзя ѣду замѣнить питьемъ, и что вечеръ начинается не съ утра. Въ продолженіе всего дня, видите ли, онъ страдалъ хандрой и ни на что не годился. Днемъ старичокъ печально склонялъ свою головку налѣво; его шея, на которую былъ напяленъ слишкомъ широкій воротникъ, не удерживала головы, его стекловидные глаза печально глядѣли изъ его болѣзненнаго желтаго лица, съ многочисленными красными пятнышками. Онъ все время ходилъ, слегка трясясь, какъ будто его лихорадило, и голосъ его звучалъ такъ скрипуче, какъ вовѣкъ не смазанная дверь. Днемъ онъ могъ возбуждать только жалость. Хотя онъ утверждалъ, что болѣлъ только однажды въ своей жизни когда онъ въ первый и послѣдній разъ выпилъ стаканъ пива, вслѣдствіе чего онъ чуть не умеръ отъ коликъ; хотя онъ это утверждалъ, можно съ увѣренностью сказать, что ни одно страховое общество не хотѣло было принять его жизнь въ страховку. Да, весь день онъ былъ попросту самъ не свой и, точно мрачная тѣнь Стикса, шатался по своему дому, напоминая галлюцинацію меланхолика. Да, если бъ не было на свѣтѣ госпожи Шнютгенъ, тогда бы днемъ... Ахъ, эта госпожа Амалія Шнютгенъ съ бѣлымъ передникомъ надъ внушительнымъ бюстомъ и еще болѣе внушительнымъ жи-

вотомъ. На дворѣ могли быть и снѣгъ, и ненастье, она появлялась передъ гостями, точно солнце, только еще круглѣе.

— Извините, я немного разгорячена, я изъ кухни. Что угодно?

Этими словами она всегда встрѣчала звавшихъ ее посѣтителей. И она знала всегда самое подходящее для какого угодно состоянія желудка: кислое противъ изжоги, пикантное противъ слабости, тонкое при разстройствѣ, при поджариваніи бифштекса она умѣла соблюдать тончайшіе нюансы; въ ея соусахъ всегда была какая-нибудь таинственная пряность, дѣлавшая ихъ безподобными. Но верхомъ тонкости были ея закутанныя въ сало тетерки. Да, госпожа Шнютгенъ для всѣхъ посѣтителей являлась пріятной приправой среди однообразія будничныхъ дней.

Вечеромъ же въ свои права вступалъ господинъ Шнютгенъ. Господинъ Шнютгенъ вечеромъ весь преображался; точно въ немъ зажигалось живительное пламя: такъ онъ весь искрился и пылалъ, такъ онъ проворно двигался и острилъ.

— Добрый вечеръ, господинъ Шнютгенъ.

— Мое почтеніе.

— Какъ поживаете?

— Спасибо, прекрасно. А вы знаете уже послѣднюю новость? Кто самая цѣломудренная дама Гаммерштедта?

— Кто же?

— Дама на фонтанѣ. Она никогда не раздѣвается. А кто обладаетъ самой большой притягательной силой?

— Не знаю.

— Пасторъ Дистеркампъ, онъ даже на нее хотѣлъ что нибудь натянуть.

— Ну-ну. А дайте-ка мнѣ чего-нибудь выпить.

— Какъ насчетъ пунша?

И онъ сыпалъ остротами, точно заведенная машина; и если остроты его не всегда отличались тонкой маркой, то и въ этомъ онъ похожъ былъ на машину.

И вотъ въ этомъ-то погребѣ Антонъ Бюргель былъ постояннымъ гостемъ. Но хотя онъ посѣщалъ погребокъ каждое утро и каждый вечеръ, выпивая каждый разъ полбутылки, бутылку и даже больше, онъ не сошелся съ владѣльцами, они остались чужими другъ другу. Талантами хозяйки онъ вовсе не пользовался, такъ какъ онъ, вѣрный мюнхенскому обычаю, обѣдалъ въ пивной. Господинъ Шнютгенъ же неоднократно пытался вовлечь гостя въ маленькій разговоръ, но каждый разъ, когда старичокъ выбрасывалъ нѣсколько веселыхъ, остроумныхъ словъ, которыя всегда заключали въ

себѣ нѣчто пріятное, онъ получалъ въ отвѣтъ ворчливое бормотаніе, похожее на звукъ брошенныхъ въ раздраженіи дверей. Поэтому господинъ Шнютгенъ рѣшилъ; наконецъ, предоставить Бюргеля газетамъ и одиночеству и думалъ про себя: „Пьетъ парень какъ слѣдуетъ, но въ общемъ чудакъ".

Дочитавъ газету, Бюргель начиналъ нервно передвигать свою папиросу между губами, ерошилъ свои волосы, смущенно оглядывалъ все помѣщеніе и, наконецъ, рѣзкимъ движеніемъ отсовывалъ занавѣску такъ, что черезъ открывавшуюся щель онъ могъ смотрѣть на свой фонтанъ среди площади. Онъ нѣкоторое время упорно глядѣлъ на одну точку, а рука его порывисто отрывала отъ газеты маленькіе клочки бумаги и скатывала ихъ въ шарики. Но мало-помалу лицо его все больше омрачалось, и, медленно, но рѣшительно покачивая головой, онъ отводилъ глаза, чтобы залпомъ выпить одинъ, два, а то три стакана вина.

А почтенное и веселое общество, которое раньше присаживалось къ нему, перестало раздѣлять его компанію. У него являлись теперь совсѣмъ иныя мысли, мысли отнюдь не отрадныя... Чаще всего ему представлялось слѣдующее: прошло пятьдесятъ, а то и сто лѣтъ послѣ смерти Антона Бюргеля, умершаго въ своей ли кровати, въ гостяхъ ли— все равно; и вотъ въ одинъ прекрасный день въ Гаммерштедтъ попадаютъ двое художниковъ, не молодыхъ ужъ, не склонныхъ къ слѣпому преклоненію,—серьезные, здравомыслящіе люди. Невольно онъ создавалъ ихъ по собственному образу и подобію. Художники эти случайно наталкиваются на его фонтанъ; они удивленно останавливаются, долго и молча оглядываютъ его, какъ сдѣлалъ бы и онъ, и одинъ говоритъ другому: „Не дурно, ей-Богу, не дурно", но второй, не говоря ни слова, указываетъ на неудачную и шаблонную фигуру мальчика и прибавляетъ: „Нѣтъ, это все-таки мазня", и они удаляются.

Бюргель могъ выпить полбутылки, бутылку и еще больше, но эта фраза: „все-таки мазня" не выходила изъ его головы.

Въ иныя минуты, когда вино производило свое дѣйствіе, Бюргель чувствовалъ нѣчто вродѣ надежды. Вѣдь стоитъ только замѣнить эту фигуру другою. Какъ охотно сдѣлалъ бы онъ это на свои средства! Почему онъ не предложилъ этого господину Брооху? Да, онъ прекрасный человѣкъ этотъ господинъ Броохъ—благородный, щедрый,—словомъ, настоящій меценатъ, но понимаетъ-ли онъ что-нибудь въ искусствѣ? Бюргель очень сильно сомнѣвался и боялся, что Броохъ скажетъ ему то-же, что говорилъ бургомистръ при освященіи: фонтанъ вышелъ совершенно цѣлесообраз-

нымъ, чего же онъ еще хочетъ? Трезвому купцу его предложеніе покажется просто глупостью.

Дѣйствительно, для того, чтобы не отдаваться все больше озлобленію и огорченію, для того, чтобы эти чувства окончательно не подорвали дѣятельности его ума, осталось только одно средство—уѣхать возможно скорѣе изъ Гаммерштедта. Завтра! Непремѣнно завтра, какъ онъ ужъ неоднократно говорилъ себѣ. Да...

Господинъ Шнютгенъ, который сидѣлъ за своимъ бюро и съ необычайнымъ трудомъ (обхвативъ лѣвою рукою дрожащую кисть правой) записывалъ счета, какъ разъ въ это время всталъ, подкрался къ Бюргелю и, покашливая, спросилъ, не зажечь ли лампу?

— Если для меня, то не надо!—проворчалъ скульпторъ.

„Чудакъ парень", подумалъ господинъ Шнютгенъ, отходя отъ него.

„Да, да уѣхать! Мужество! Мужество! Мужество! Почему онъ ужъ давно не уѣхалъ?" спрашивалъ онъ себя, глядя до сихъ поръ на темное мѣсто, гдѣ въ это мгновеніе засвѣтились уличные фонари. Ахъ! Онъ широко раскрылъ глаза и вскочилъ со стула. Не шляпа ли фрейленъ Дистеркампъ промелькнула тамъ? А вотъ ея прическа надъ воротникомъ синей жакетки, вотъ вся ея стройная фигура. Онъ ее зналъ слишкомъ хорошо, чтобъ ошибиться.

— Получите!—крикнулъ онъ необыкновенно энергичнымъ голосомъ и вслѣдъ затѣмъ торопливо оставилъ погребъ.

Разъ Анна Дистеркампъ прорѣзала площадь, значитъ, она была сейчасъ въ одной изъ многочисленныхъ боковыхъ улицъ. Онъ бросался изъ улицы въ улицу съ наибольшей быстротой, возможной при густой массѣ публики и скользкихъ тротуарахъ. И, чѣмъ дольше онъ не находилъ Анны, тѣмъ настойчивѣе онъ искалъ ее.

Ибо, сказать правду, было еще одно обстоятельство, которое мѣшало ему покинуть Гаммерштедтъ, а именно, онъ передъ отъѣздомъ непремѣнно хотѣлъ поговорить кой о чемъ съ фрейлейнъ Дистеркампъ.

Антонъ Бюргель въ своей личной жизни былъ, можетъ быть, въ нѣкоторой степени чудакомъ, немного богемой, но по отношенію къ своимъ знакомымъ это былъ человѣкъ строжайшей, точнѣйшей порядочности.

И потому мысль, что онъ долженъ извиниться передъ Анной, не давала ему покоя. Онъ тогда на прогулкѣ обидѣлъ ее какимъ-то неподобающимъ словомъ. Если онъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о той половинѣ человѣчества, которая носитъ перья и цвѣты на шляпахъ, то это основывалось на давно забытомъ старомъ опытѣ. И онъ, несомнѣнно,

готовъ былъ признаться, что онъ ошибается, а тѣмъ болѣе, что существуютъ исключенія. Во всякомъ случаѣ онъ тогда имѣлъ въ виду не фрейлейнъ Дистеркампъ. Нѣтъ, ее меньше всего! Ее меньше всего!

Вотъ что онъ хотѣлъ ей сказать и потомъ съ чистою совѣстью распрощаться съ нею. Это и... Но все, что придумывалъ его мозгъ еще сверхъ того, онъ каждый разъ грубо, почти пугливо отбрасывалъ, какъ нѣчто совершенно не поддающееся сообщенію.

Однажды утромъ онъ стоялъ передъ витриной магазина и колебался, зайти ли ему. Ему очень трудно было столкнуться съ продавщицей, очень элегантной, пышной, но довольно стройной дамой съ блѣднымъ лицомъ. Онъ, напримѣръ, просилъ у нея прочные, довольно толстые шерстяные чулки; дама улыбалась, отвѣчала „хорошо“ и подавала ему кипу тончайшихъ носочковъ какихъ-то пестрыхъ рисунковъ, которые, утверждала она, сейчасъ въ модѣ. „Нѣтъ ли у васъ другихъ?“ „Разумѣется, но именно эти носятъ теперь всѣ“, отвѣчала она немного презрительно. „Завязать вамъ дюжину?“ Этотъ вопросъ она задала ему тономъ доброжелательнаго снисхожденія, поглядывая уже на дверь, точно ожидала слѣдующаго покупателя, чтобъ справиться съ тѣмъ такъ же быстро, какъ съ нимъ. И самое большое, на что Бюргель осмѣливался въ виду этого тона, было: „четверть дюжины“. Чувствуя, что онъ потерялъ всякое уваженіе въ глазахъ этой дамы, онъ торопливо расплачивался и слишкомъ ужъ быстро оставлялъ магазинъ, унося съ собой чулки, которые рвались при первой же попыткѣ надѣть ихъ.

Рисуя себѣ всю предстоящую картину, онъ съ мрачнымъ, почти свирѣпымъ лицомъ смотрѣлъ на витрину. И вдругъ изъ-за этой же витрины выглянула Анна Дистеркампъ. Она улыбнулась ему, покраснѣла и кивнула головой.

— Что это, вы уже вернулись, или еще не уѣхали?

— Я еще все здѣсь... но я завтра непремѣнно уѣзжаю, если не случится ничего непредвидѣннаго,—прибавилъ онъ.

Что бы ни происходило сейчасъ въ душѣ Бюргеля, ничто не выступило наружу. Онъ снялъ шляпу, пожалъ руку дѣвушки и отвѣчалъ на ея вопросы своимъ обычнымъ, сдержаннымъ и нѣсколько ворчливымъ тономъ.

Быстро, какъ говорятъ что-нибудь, лишь бы только не молчать, между тѣмъ, какъ на душѣ совершенно другое, Анна спросила:

— Вы шли въ магазинъ?

— Да, но, можетъ быть, вы знаете, гдѣ можно купить прочтные шерстяные чулки?

— Шерстяные чулки?

Она почти выкрикнула эти два слова. Какъ много крылось въ этомъ восклицаніи! И смѣхъ, и слезы, и чувства. Какъ комична и какъ жестока жизнь! Она дни и ночи думала объ этомъ человѣкѣ, дни и ночи тосковала по немъ, и вотъ, когда они встрѣтились, онъ спрашиваетъ ее, гдѣ можно купить шерстяные чулки...

Тѣмъ не менѣе, она овладѣла собой и повела его въ отстоявшій на нѣсколько шаговъ магазинъ, витрина котораго немедленно вызвала въ Бюргелѣ представленіе о безконечно добродушной, безконечно покладистой дамѣ, сидящей за пылающей печкой; на носу у нея стальныя очки, она носитъ душегрѣйку и ватные шарики въ ушахъ и вяжетъ шерстяной, дѣйствительно, теплый чулокъ.

— Здѣсь я всегда покупаю для своего отца,—сказала Анна.

Бюргель замѣтилъ себѣ имя владѣльца и номеръ дома и удовлетворенно кивнулъ головой.

— Вы не зайдете развѣ?

— Нѣтъ! Вѣдь это не къ спѣху. У меня сейчасъ нѣтъ никакихъ дѣлъ. Не позволите ли вы проводить васъ немного?

Эти послѣднія слова онъ произнесъ нѣсколько неувѣренно. И такъ же неувѣренно, хотя по возможности просто, Анна отвѣтила:

— Если вы никуда не спѣшите, мы, можетъ быть, пройдемся. Я тоже свободна.

— Хотите въ паркъ?

— Я знаю другую дорогу, которая гораздо красивѣе. Тамъ, на той сторонѣ. Вы знаете, гдѣ находится бумагопрядильня Мильзипена?

— Да, знаю.

— Вы меня тамъ подождете? Мнѣ все-таки надо еще кое-что сдѣлать. Но это не больше четверти часа.

— Я васъ жду.

Торопливыми шагами Анна удалилась и едва сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ улыбнулась, улыбнулась во все лицо, такъ что дама, попавшаяся ей навстрѣчу, сначала испытующе осмотрѣла себя, а потомъ бросила свирѣпый взглядъ на нее. Но она не могла совладать со своимъ лицомъ и тихо улыбалась. Она была рада тому, что ей удалось солгать такъ храбро, такъ гладко, такъ ловко. Во-первыхъ, у нея не было никакого дѣла: ей просто не хотѣлось ходить по улицѣ съ Бюргелемъ. А, во-вторыхъ, предложенная ею дорожка была глухая, тянулась ниже полей, выше рабочихъ кварталовъ и не была ни красива, ни живописна. Каждый день можно было читать въ газетахъ, что тамъ въ непролазной грязи

завязла какая-нибудь телѣга. Но за то эта дорога имѣла одно преимущество: ни фрейлейнъ Дюмелингъ, ни кого-либо другого изъ „лучшихъ элементовъ" тамъ нельзя было встрѣтить.

Было какъ разъ обѣденное время. Отовсюду доносился глухой вой гудковъ. Изъ воротъ фабрики, возлѣ которой Бюргель поджидалъ Анну, полился потокъ спѣшащихъ, почти падающихъ и спотыкающихся людей, потокъ, имѣвшій такую силу, что Бюргеля отбросило на противоположную сторону улицы. Въ значительномъ отдаленіи онъ замѣтилъ Анну. Она то появлялась, то исчезала, какъ будто борясь съ волнами. Потомъ они вмѣстѣ пошли по дорогѣ, которая тянулась то между пустырями, то между рабочими казармами. Вьющаяся тропинка, вся засыпанная чернымъ пепломъ, поднималась къ жалкимъ остаткамъ буковаго лѣса.

Мрачныя каменныя зданія, покрытыя цементомъ, громоздились другъ надъ другомъ, а въ долинѣ высились крыши фабрикъ; изъ безчисленныхъ трубъ клубился черный дымъ; въ грязное русло Вуппера изъ короткихъ свинцовыхъ трубъ, шипя, вливался кипящій водяной паръ и красныя и фіолетовыя химическія жидкости. А надъ всѣмъ этимъ—тревожное сѣрое небо, покрытое изсиня черными тучами и разорванными облаками, края которыхъ сверкали золотомъ и серебромъ.

Бюргель молча остановился. Несмотря на грязь, въ которую онъ увязалъ на каждомъ шагу, мѣстность ему нравилась. Въ ней было что-то суровое, желѣзное, полное упорства и печали.

Онъ началъ было свою извинительную рѣчь, но Анна послѣ первыхъ же словъ прервала его, взявъ всю вину на себя и сознавшись ему, почему она тогда убѣжала.

Тутъ и тамъ на камняхъ или скамейкахъ сидѣли рабочіе, съѣдая свой обѣдъ изъ жестянокъ. Жена или дѣти, принесшія обѣдъ, смотрѣли внимательно, безмолвно, но не безъ нѣжной заботливости. Когда они пошли дальше, они наткнулись на влюбленную парочку: дѣвушка, судя по платью и лицу, фабричная работница, потупилась, когда они прошли мимо. Мужчина же спокойно и гордо посмотрѣлъ имъ прямо въ лицо. Потомъ онъ обратилъ свой взоръ на возлюбленную, вокругъ шеи которой, точно клещи, обвились его руки.

А наша пара говорила пока о Мюнхенѣ. Анна много слышала объ этомъ городѣ отъ подругъ. Хотѣла бы она познакомиться съ этимъ городомъ? Конечно, хотѣла бы, но объ этомъ и думать нечего!.. Вѣдь дальше Дюссельдорфа ей не выбраться.

Они заговорили о другихъ еще городахъ, и ее охватила

глухая, сѣрая тоска, а онъ вздрагивалъ отъ нерѣшимости. Но новая парочка отвлекла ихъ вниманіе.

Бюргеля охватило неудержимое презрѣніе ко всей раздвоенной, искусственной, сложной неестественности въ насъ, культурныхъ людяхъ. Почему онъ не кладетъ такъ же, какъ тотъ рабочій, свою руку на плечо Анны? Въ ней, хотя и въ скромныхъ тайникахъ, хотя и менѣе ясно, но не менѣе бурно проснулось то же желаніе.

Они уже дошли до открытаго поля, и Анна заявила, что ей пора вернуться, когда Бюргель, считая телеграфные столбы, поклялся на десятомъ столбѣ выложить ей все, что у него на душѣ.

До девятаго столба они говорили о скульпторѣ Гильдебрандтѣ, у десятаго же Бюргель остановился и, не дѣлая даже попытки перехода, выпалилъ:—Фрейлейнъ Дистеркампъ, если вамъ такъ хочется увидѣть Мюнхенъ, то вѣдь есть путь туда.

— Какой же?

— Да, если-бъ вы рѣшились стать моей женой!

Бюргель произнесъ это порывисто, погрузивъ конецъ свего зонтика въ грязь. И, поднявъ глаза, этотъ обычно столь мрачный человѣкъ какъ будто улыбался.

Лицо Анны измѣнилось немного, еще немного, наконецъ, перемѣнилось до того, что глаза глубоко ушли подъ лобъ, скулы на блѣдномъ лицѣ остро выступили, носъ вытянулся и обострился, такъ обострился, что, будь она трупомъ, онъ продырявилъ бы крышку гроба. Но вдругъ она какъ-то встрепенулась, топнула лѣвой ногой и убѣжала.

— Сжальтесь! Сжальтесь! О Боже! Боже!

Бюргель бросился за нею, говорилъ, молилъ, заклиналъ, осыпалъ ее упреками, увѣреніями, просьбами простить его. Тогда она остановилась, какъ бы проснувшись, провела рукою по лицу и глухимъ голосомъ спросила:

— Развѣ вы не пошутили?

— Пошутилъ? Пошутилъ? Нѣтъ. Въ шутку я такихъ вещей не говорю.

Новая перемѣна сразу помолодила Анну на десять лѣтъ. Она почувствовала потрясающее волненіе, отъ котораго она пошатнулась, такъ что Бюргель простеръ объятія, чтобъ она не упала. И грудь къ груди, уста къ устамъ, они обняли другъ друга желѣзными объятіями, и въ его головѣ невольно промелькнула мысль: крѣпче, бурнѣе и искреннѣе не могутъ обниматься даже этотъ блузникъ со своей возлюбленной.

Потомъ, спустя довольно много времени, онъ спросилъ

ее: любитъ ли она его дѣйствительно? Ему хотѣлось не только чувствовать, но и услышать признаніе.

Она разсмѣялась и бурнымъ движеніемъ откинула голову, такъ что ея слезы полились по щекамъ и подбородку.

— Если бъ ты меня спросилъ, согласна ли я удрать съ тобою сейчасъ, вотъ отсюда, хочу ли стать твоей любовницей, я бы и тогда пошла. Вѣдь я тебя такъ безумно люблю!

XIV.

Пораженныя, возбужденныя, не довѣряя своимъ ушамъ, особенно ушамъ внутреннимъ, которыя услышали не только произнесенныя вслухъ слова, но и ихъ тайный смыслъ, ушли съ урока готовящіяся къ конфирмаціи дѣти и обсуждали странную рѣчь пастора Дистеркампа. Онъ говорилъ о реформаціи и безъ всякой связи перешелъ къ Карлштадту, къ его приверженцамъ и къ иконоборцамъ. Онъ далеко не безусловно оправдывалъ ихъ дѣятельность, такъ какъ она вѣдь была направлена противъ украшенія церквей. Но, тѣмъ не менѣе, они свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильна была вѣра въ поколѣніи того времени. И въ виду разныхъ происшествій послѣдняго времени онъ бы пожелалъ современнымъ холоднымъ христіанамъ нѣкоторую часть фанатизма тѣхъ временъ. Ибо воистину, городъ, въ которомъ на открытой площади для соблазна всѣмъ благочестивымъ очамъ стояло позорящее произведеніе, не вызывая противъ себя бури общественнаго негодованія, такой городъ уподобляется языческому Риму, какъ онъ описанъ апостоломъ въ Посланіи къ римлянамъ, гл. I, ст. 18—32.

При общемъ напряженіи и при злорадныхъ улыбкахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ, Эрнсту Брооху пришлось прочесть вслухъ то мѣсто, въ которомъ гнуснѣйшіе пороки вырождающейся древности были перечислены подъ возможно яркими именами.

— Я узнаю тебя. Тебѣ хочется, чтобы кто-нибудь разбилъ вдребезги фонтанъ, — сказалъ Фрицъ Люне по окончаніи урока.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, этого онъ не могъ имѣть въ виду, — возразилъ Августъ, весь перепуганный и пораженный.

— Вы знаете, что онъ хотѣлъ сказать?—замѣтилъ Гаверкампъ. — „Желать-то я этого не желаю, но дай Богъ, чтобъ такъ случилось!“

Одинъ только Эрнстъ не сказалъ ни слова, но товарищи догадывались о состояніи его души по его лицу, на которомъ

все еще было выраженіе мучительнаго возмущенія и скрывшагося за гордостью смущенія. Онъ, какъ, впрочемъ, и другіе мальчики, былъ увѣренъ, что пасторъ позоромъ этого чтенія хотѣлъ покарать именно его. Какъ будто онъ былъ виноватъ въ томъ, что его отецъ соорудилъ этотъ фонтанъ! Не подлость ли со стороны пастора вымещать на немъ свою злобу?! Въ его страстномъ сердцѣ былъ настоящій хаосъ: оскорбленное чувство справедливости, подорванное довѣріе, превратившаяся въ ненависть любовь поднимали въ немъ бурю и порождали невыполнимые планы.

Но, собственно говоря, его дядя былъ не такъ ужъ виноватъ. Его выборъ упалъ на племянника по необдуманности. Онъ, впрочемъ, и досадѣ своей далъ волю. Уже въ продолженіе четырехъ недѣль онъ агитируетъ, но до сихъ поръ не поднимается народное движеніе. Изъ лучшихъ людей на его сторону перешелъ за послѣднее время одинъ только аптекарь Рингель. Да и тотъ выставлялъ сначала разныя матеріальныя соображенія. Но тогда фрейлейнъ Дюмелингъ разъ во время интимнаго разговора спросила его супругу, знаетъ ли она, что существуетъ разница между хорошимъ и дурнымъ лѣкарствомъ. Если она не знаетъ, то пусть замѣтитъ себѣ: хорошее лѣкарство изготовляется хорошими, дурное—дурными христіанами. И пока она, фрейлейнъ Дюмелингъ, будетъ состоять въ попечительствѣ дѣтскаго госпиталя, она будетъ стараться, чтобы ея любимцы получали только лучшее. Послѣдствіемъ этого разговора было письмо господина Рингеля къ пастору Дистеркампу, письмо, въ которомъ аптекарь сообщалъ, что онъ передумалъ и рѣшилъ ради своей невинной маленькой дочери пожертвовать всѣми матеріальными соображеніями и принять участіе въ борьбѣ за нравственность и благопристойность.

Это былъ всего одинъ союзникъ! А по мнѣнію Дистеркампа, къ этому времени должны были явиться уже сотни.

Къ тому же на дняхъ въ думскомъ засѣданіи позорно провалилось предложеніе кондитера Батге „объ удаленіи соблазнительнаго фонтана съ Рыночной площади или объ устраненіи, по крайней мѣрѣ, самыхъ грубыхъ непристойностей его“. Послѣ краткихъ дебатовъ, во время которыхъ раздавались фразы, что „никто не дастъ втереть себѣ очки лже-моралью“ и т. п., засѣданіе перешло къ очереднымъ дѣламъ. Такимъ образомъ, пастору Дистеркампу и его вѣрнымъ союзникамъ оставалось одно лишь средство—созывъ народнаго собранія. И таковое было, дѣйствительно, назначено на слѣдующій понедѣльникъ. И вотъ, волненіе передъ этимъ чреватымъ послѣдствіями шагомъ, опасеніе передъ не совсѣмъ обезпеченнымъ исходомъ, но

больше всего сознаніе, что онъ не долженъ пропускать ни одного случая, чтобы будить души изъ ихъ позорнаго сна,— все это вмѣстѣ заставило пастора говорить столь рѣзкія рѣчи.

Послѣ обѣда, въ день урока Закона Божія, пасторъ сидѣлъ на своемъ креслѣ и былъ въ чрезвычайномъ затрудненіи, такъ какъ ему не приходило вдохновеніе для проповѣди въ будущее воскресенье.

Эта проповѣдь должна была имѣть своимъ предметомъ только грѣхъ, должна быть посвящена только дьяволу. И это должна быть не обыкновенная проповѣдь, во время которой слушатели потягиваются, зѣваютъ и оглядываются, чтобы, наконецъ, со довольными лицами разойтись по домамъ. Нѣтъ, она должна пронестись надъ общиною, точно гроза, точно Іерихонская труба, она должна открыть самыя черствыя сердца. Но ужъ нѣсколько часовъ пасторъ думалъ и думалъ, а на его бѣлой бумажкѣ чернѣла одна только фраза: „И сатана владыка".

Наконецъ, онъ, вздыхая, всталъ и подошелъ къ запертому шкафчику съ надписью: „Домашняя аптека". Онъ досталъ оттуда бутылку съ свѣтло-желтой жидкостью, изъ которой налилъ себѣ рюмочку. Міряninъ подумалъ-бы, что пасторъ питаетъ слабость къ коньяку. Но для него коньякъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ лѣкарствомъ, и принималъ онъ его не изъ прихоти, а лишь потому, что ощущалъ сильное давленіе подъ ложечкой. Потомъ онъ закурилъ новую сигару и, вычеркнувъ написанное раньше предложеніе, опять началъ ждать вдохновенія.

Спустя полчаса, онъ написалъ: „Да, дьяволъ могучій владыка!" И дальше ни съ мѣста.

Его затрудненіе росло, все больше и больше. Онъ окружилъ себя книгами, растрепалъ свои густо напомаженные волосы, стиралъ холодный потъ со лба, но дьяволъ продолжалъ издѣваться надъ нимъ, не поддаваясь никакимъ соображеніямъ. Наконецъ, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству: онъ взобрался на чердакъ, гдѣ среди запыленныхъ, рѣдко употребляемыхъ книгъ и рукописей хранились конспекты проповѣдей его отца. Онъ досталъ пачку этихъ конспектовъ. Если кто нибудь могъ его выручить, то именно покойный отецъ.

Ибо старый Дистеркампъ былъ человѣкомъ совсѣмъ не такого склада, какъ его сынъ Готлибъ. У него не было ни такой статной, внушительной фигуры, ни брюшка, ни такого круглаго, чисто выбритаго лица, на которомъ, смотря по обстоятельствамъ, выступала то богоугодная улыбка, то мягкая снисходительность, а то вдругъ ложный священный гнѣвъ.

но которое въ общемъ выражало нѣкоторую досаду, а чаще довольно сонное спокойствіе, свидѣтельствовавшее о томъ, что владѣлецъ этого лица не брезгалъ вкусной ѣдой и выпивкой. Старый Дистеркампъ былъ довольно невзрачный, кривоногій человѣкъ, съ взъерошенными сѣдыми волосами. У него былъ носъ картошкой, изъ ноздрей его торчали черные волосы, и были необыкновенно глубоко сидящіе, пронизывающіе глаза. Съ дьяволомъ онъ былъ за панибрата и имѣлъ съ нимъ не одну битву. Къ ужасу своей общины, онъ въ одно прекрасное воскресенье возвѣстилъ съ каѳедры, что сердце его—настоящій разбойничій притонъ, дикая пустыня, въ которой обитаютъ всѣ пороки дикихъ звѣрей: гнѣвъ льва, суетность обезьяны, чувственность козла... Община сильно перепугалась, но не отступилась отъ него послѣ этой рѣчи. Ибо она знала, что сердце этого человѣка является вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснымъ садомъ Божіимъ, въ которомъ поютъ птицы съ чистыми хватающими за сердце голосами, съ мощными, уносящими душу праведныхъ въ рай, крыльями.

И если старый Дистеркампъ бывалъ иной разъ вспыльчивымъ и даже сварливымъ человѣкомъ (лучше всего это зналъ онъ самъ), то онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ—это зналъ весь городъ—настоящимъ добрякомъ, который своими рваными подошвами и кривыми каблуками обязанъ былъ не тому, что онъ обивалъ пороги богатыхъ обывателей, а тѣмъ, что его путь лежалъ всегда къ бѣднымъ и обездоленнымъ. Онъ не боялся, что его прогонятъ, не останавливался передъ тѣмъ, что часто приносилъ домой блохъ, а еще чаще—возможность заразныхъ заболѣваній; онъ кралъ у себя, у своей жены и своихъ дѣтей, чтобы помочь нуждающимся, и былъ въ этой области еще большимъ фанатикомъ, чѣмъ въ своей вѣрѣ.

Его сынъ Готлибъ, однако, унаслѣдовалъ отъ своего отца очень мало. Его сердце не было ни разбойничьимъ притономъ, ни садомъ Божіимъ. Это было трезвое, заурядное человѣческое сердце, и тамъ царилъ порядокъ, какъ въ нарядной купеческой комнатѣ, въ которой есть все необходимое, въ которой ничто не поражаетъ. И если въ этой комнатѣ было немного мрачнѣе обыкновеннаго, если воздухъ въ ней былъ немного болѣе спертый, то это происходило отъ того, что окна этого помѣщенія были завѣшаны торжественнымъ чернымъ пасторскимъ облаченіемъ.

Вотъ почему Дистеркампъ-сынъ обливался потомъ, когда онъ возымѣлъ намѣреніе говорить о дьявольской власти по собственному опыту, проникнуть въ самую глубь ея. Тутъ не хватило его собственныхъ силъ, и онъ долженъ былъ занять у своего отца. И въ конспектахъ послѣдняго онъ,

дѣйствительно, нашелъ гдѣ мѣткое изреченіе, гдѣ потрясающую исторію, пережитую самимъ проповѣдникомъ; все это онъ кое-какъ спаялъ съ помощью собственныхъ наблюденій и безчисленныхъ цитатъ изъ Библіи и составилъ душеспасительную, но далеко не краткую проповѣдь.

И воскресенье наступило. Мрачно-сѣрое, облачное ноябрьское небо простирало надъ долиной несказанную тоску и тяжесть, какъ будто вся сажа, которую въ продолженіе всей недѣли выплевывали всѣ фабричныя трубы, какъ будто всѣ стоны, которые поднимались изъ стѣсненныхъ сердецъ, какъ будто все это спадало съ неба въ видѣ моросящаго дождя.

Эрнстъ Броохъ въ тяжеломъ кошмарномъ снѣ ворочался на своей постели. На его ночномъ столикѣ стоялъ огарокъ свѣчи, и рядомъ съ нимъ лежала открытая Библія.

Рѣзкимъ движеніемъ, какъ будто кто-то его внезапно толкнулъ, онъ проснулся, потянулся, широко раскрылъ глаза и приподнялся. Онъ вдругъ опять вспомнилъ про все. И то, что ночью было въ немъ лишь смутнымъ желаніемъ, стало вдругъ твердымъ рѣшеніемъ. Онъ пойдетъ къ дядѣ и заставитъ его признаться, почему онъ велѣлъ читать вслухъ именно это мѣсто изъ Посланія къ римлянамъ. Онъ ему скажетъ, что это было жестоко. Мало того! Онъ ему скажетъ гораздо худшее: что онъ отрѣшился отъ своей вѣры. Онъ не можетъ, онъ не хочетъ больше вѣрить. У него есть одно только желаніе – отдѣлаться отъ вѣры, какъ отъ тяжелой болѣзни. Развѣ вѣра помогла ему найти покой, чистую совѣсть и упованіе на Бога? Онъ чувствовалъ себя втянутымъ въ грязь, онъ потерялъ всякое уваженіе къ себѣ, всякую радость въ жизни. А жертвы, которыя онъ приносилъ! Ради кого, кому въ угоду? Замѣчая издали Кетхенъ Плацгофъ, онъ, вѣрный своему обѣщанію, сворачивалъ въ переулокъ. Но развѣ онъ послѣ этого испытывалъ чувство, что совершилъ доброе дѣло? Онъ стыдится этого бѣгства, какъ подлой трусости, какъ незаслуженной обиды, нанесенной дѣвушкѣ. Онъ не хочетъ больше вѣрить, онъ потерялъ всякую охоту къ этой вѣрѣ, всякую надежду на нее. Оскорбительнымъ обманомъ казалась ему мысль, что если и существуетъ Богъ, этому Богу нравятся люди безъ чувства собственнаго достоинства, люди, которые не смѣютъ сознаться, кто они такіе. Ахъ, какъ бы хотѣлъ онъ вернуть прежнее состояніе своей души!

Онъ вскочилъ, побѣжалъ босикомъ къ окну и выглянулъ на дворъ. Безжизненные, заспанные, какъ будто зажмуривъ глаза и заткнувъ уши отъ скверной погоды, стояли на безлюдной площади черные дома съ закрытыми ставнями. Нигдѣ ни красокъ, ни свѣта. Даже золотой левъ надъ аптекой какъ будто поблекъ. Одинъ только фонтанъ сіяющимъ блескомъ

своего мрамора выдѣлялся въ этой безнадежной безцвѣтности...

И въ мальчикѣ, который, неподвижно скорчившись отъ холода, внимательно оглядывалъ фонтанъ, шевельнулось живое удивленіе по поводу тѣхъ чувствъ, которыя внушало ему до сихъ поръ это произведеніе. Онъ до сихъ поръ злился на него, стыдился за него, желалъ его гибели, все изъ-за этихъ толковъ, изъ-за любопытныхъ разспросовъ товарищей, все потому, что его недовѣрчиво настроенные глаза чуяли грязь за этими голыми фигурами. Сегодня же эти мальчики показались ему презабавными: они вдругъ какъ будто задвигались, начали взлѣзать все выше и выше, чтобы уклониться отъ льющихся сверху капель... Но это смутное представленіе очень скоро смѣнилось болѣе опредѣленнымъ. Его смѣнило представленіе дивнаго знойнаго вечера на Рейнѣ, когда издали доносятся шаловливые крики изъ купаленъ. Ахъ, лѣто! Невольно быстрымъ движеніемъ онъ поднялъ глаза вверхъ, будто тамъ на небѣ могло сіять солнце. Лѣто, каникулы!.. Онъ босикомъ побѣжалъ обратно къ кровати. Лѣто... Въ уютномъ теплѣ постели онъ почти ощущалъ его. Онъ попроситъ маму, чтобъ она опять поѣхала съ нимъ въ Ункель...

И пока онъ на крыльяхъ своей фантазіи быстро мчался внизъ по Рейну, гдѣ онъ на лодкѣ наединѣ съ Кетхенъ переживалъ страшную бурю и проявилъ мужество, его мягко и нѣжно охватилъ другой потокъ, въ глубинахъ котораго онъ нѣкоторое время плавалъ съ счастливой улыбкой облегченія на лицѣ.

Послѣ завтрака, какъ всегда по воскресеньямъ, онъ отправился въ церковь. Послѣдняя была уже почти полна, но передъ нею тѣснилась еще масса народа. Тутъ было много такихъ, которые обычно являются въ храмъ Божій лишь въ великіе праздники. И поэтому не одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей, найдя свое мѣсто занятымъ, долженъ былъ стоять.

Проповѣдь послѣдняго воскресенья возымѣла свое дѣйствіе, и паства надѣялась, что сегодня пасторъ будетъ выражаться еще опредѣленнѣе.

И онъ, дѣйствительно, не обманулъ возложенныхъ на него надеждъ. Уже самый выборъ эпиграфа вызвалъ пріятное предчувствіе:

„Лучше было бы ему, если бы мельничный жерновъ повѣсили ему на шею и бросили его въ море, нежели чтобъ онъ соблазнилъ одного изъ малыхъ сихъ. — Невозможно не придти соблазнамъ, но горе тому, черезъ кого они приходятъ“.

Непродолжительная суета, глубокіе вздохи, быстрое передвиганье скамеекъ — и потомъ мертвая тишина. Даже люди, уплатившіе по талеру за мѣсто, не могли бы слушать внимательнѣе.

И проповѣдь, дѣйствительно, была великолѣпна; ее можно было сравнить развѣ съ долгой, долгой, непрерывной грозой, съ частыми раскатами грома. Минутами этотъ громъ звучалъ немного деревянно, трещалъ, но не громилъ, чаще, однако, онъ звучалъ устрашающе, дико и необычно, даже запугивающе, точно странный голосъ изъ груди давно умершаго разсказывалъ о томъ, что онъ перестрадалъ, что его сердило, чего онъ боялся, какъ будто покойникъ опять воскрешалъ горестное содержаніе своей тяжкой жизни.

Блестящая проповѣдь, она стала слабѣе только къ концу, когда ораторъ заговорилъ о воплощеніи сатанинскаго владычества, называемаго свѣтскими людьми литературой и искусствомъ и вообще красотой. Но тутъ уже публику занимала сама тема. Когда Дистеркампъ, въ качествѣ безбоязненнаго человѣка, заговорилъ прямо о фонтанѣ, называя его безъ всякихъ околичностей позорнымъ болотомъ грѣховности, а основателей его (тутъ находили многіе, онъ могъ выразиться точнѣе) безсознательными пособниками дьявола, онъ послѣ произнесенной молитвы могъ съ чувствомъ удовлетворенія вытащить свой носовой платокъ и вытерѣть вспотѣвшій лобъ и щеки. Это послѣднее было, съ одной стороны, крайне необходимо, съ другой же стороны, всегда производило чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе на простую публику. Онъ проповѣдью добился результата, лучше котораго ему рѣдко приходилось достигать.

Правда, вліяніе было не на всѣхъ одинаковое, къ сожалѣнію, не на всѣхъ! Ахъ, какъ было-бы ему больно узнать, что какъ разъ его любимцы, господа въ безукоризненныхъ сюртукахъ, въ цилиндрахъ и съ серебряными тросточками, а также ихъ „просто, но дорого“ одѣтыя супруги были не особенно довольны его доводами, особенно тѣми, которые онъ занялъ у своего отца.

И все-таки это было такъ. Ибо нынѣшнее поколѣніе, совершенно непохожее на своихъ отцовъ, которые съ вѣрующимъ и покорнымъ сердцемъ подходили къ пастырю, новое поколѣніе, чувствуя себя защитникомъ Бога, на котораго нападали соціалдемократы, атеисты, монисты и всякіе другіе плохіе плательщики податей, посѣщало, правда, Бога своего по воскресеньямъ отъ десяти до одиннадцати, но требовало за то отъ пастора вѣжливаго обращенія и, въ случаѣ надобности, защиты своихъ интересовъ. Выслуши-

вать же вмѣсто этого крѣпкія слова и быть предметомъ обличеній подобно грѣшникамъ это совсѣмъ не было въ ихъ вкусѣ. Поэтому на улицѣ, передъ входомъ въ церковь не одинъ цилиндръ безпокойно ерзалъ надъ багрово-краснымъ лицомъ и сквозь многіе искусно сдѣланные зубы вырывались слова: „Неслыханно! Возмутительно! Если нѣчто подобное пишетъ соціалдемократическая газета!" и т. п.

И еще одинъ человѣкъ не былъ согласенъ съ пасторомъ. Пасторъ замѣшкался немного въ ризницѣ, чтобы дать разойтись публикѣ; кромѣ того, случалось, что какая-нибудь растроганная проповѣдью дама приходила къ нему, чтобъ поблагодарить его за полученное наслажденіе. Пасторъ, видя, что никто не является, хотѣлъ было уже съ нѣкоторымъ разочарованіемъ удалиться, какъ вдругъ зашелъ Шлехтендаль, чтобы поставить на мѣсто оловянную тарелку съ деньгами. Обрадовавшись случаю поговорить съ какимъ-нибудь человѣкомъ, пасторъ поздоровался съ нимъ и опустилъ всю тяжесть своей руки на его плечо, говоря:

— Ну, Шлехтендаль, не перемѣните ли вы еще въ послѣдній часъ свое рѣшеніе, не перейдете ли къ намъ для борьбы съ безнравственностью?

Мастеръ Шлехтендаль поторопился зажать свой кулакъ, не то монеты, навѣрно, разлетѣлись бы по полу. Сморщивъ лобъ, онъ озабоченно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, господинъ пасторъ, очень жаль, но я не могу присоединиться. Я бы охотно оказалъ вамъ какую-нибудь услугу, но не въ этомъ дѣлѣ.

— А почему нѣтъ? Въ вашемъ письмѣ былъ только отказъ. Что у васъ собственно за доводы?

— Да, это такъ. У меня есть доводы.

— Какіе-же?

— Да, старуха, т. е. моя жена, она вѣдь простая женщина, необразованная, но, тѣмъ не менѣе, она знаетъ, что подобаетъ. Она мнѣ сказала: „Ты не долженъ этого сдѣлать господину коммерціи совѣтнику. Господинъ коммерціи совѣтникъ всегда благосклонно и хорошо относился къ намъ, а нашъ Августъ тамъ, точно дома"...

— Значитъ, свѣтскія соображенія опредѣляютъ ваше поведеніе?—прервалъ его возмущенный пасторъ.

Портной спокойно кивнулъ головой.

— Да, свѣтскія соображенія. Это такъ. Но и съ ними приходится считаться. И потомъ, моя жена еще вотъ что сказала: „Я была въ Дюссельдорфѣ на службѣ, а тамъ по близости замокъ, въ которомъ раньше жили принцы и даже самъ старикъ Вильгельмъ когда-то останавливался въ немъ. И тамъ были фигуры, всѣ совершенно голыя, мужчины и

женщины, безъ всякой одежды. И то, что не смущаетъ королевскихъ принцевъ, не должно смущать и твоихъ дѣтей.“ И...

— Ну да, теперь я бы...

— И тогда я сказалъ: „Твоя правда, старуха“. Вотъ и я кое-что видалъ на своемъ вѣку. Я побывалъ и въ Нюрнбергѣ, и въ Мюнхенѣ, и въ Берлинѣ, и въ Потсдамѣ. Тамъ еще не такое увидишь. Тамъ голыхъ фигуръ и не пересчитаешь. И онѣ стоятъ уже тамъ двѣсти, триста лѣтъ. И еще ни разу ничего не было въ газетахъ, и никто никогда не слышалъ о томъ, чтобъ изъ-за нихъ люди стали безнравственными. Нѣтъ, господинъ пасторъ, вы только потому не можете примириться съ фонтаномъ, что вы не привыкли къ подобнымъ вещамъ. Дайте-ка ему постоять лѣтъ десять-пятнадцать, и онъ такъ почернѣетъ, такъ густо покроется сажей...

— Развѣ мнѣ одному онъ кажется непристойнымъ? Безчисленное множество вѣрующихъ почувствовало себя оскорбленными. И онъ ужъ принесъ нравственный вредъ. Да, да, Шлехтендаль, среди благочестивыхъ людей! Я бы могъ вамъ разсказать кое-что! Я вообще не знаю, о чемъ вы тутъ говорили. Во всемъ этомъ нѣтъ вѣдь никакой связи. Въ другихъ мѣстахъ вѣдь совершенно другія условія. Да и вообще я васъ совершенно не понимаю. Неужели васъ не потрясло то, что вы сейчасъ выслушали? Неужели вы не поняли, какъ безконечно близка опасность? Вы вѣдь должны... Какъ вамъ вообще понравилась проповѣдь?—спросилъ онъ вдругъ.

Мастеръ Шлехтендаль, нѣсколько удивленный, сморщилъ лобъ и посмотрѣлъ на пастора сначала нерѣшительно, а потомъ твердо:

— Основательная проповѣдь, господинъ пасторъ. Мѣстами мнѣ казалось, вотъ точь-въ-точь, какъ будто я слышу вашего покойнаго отца. Но...

— Да?! — спросилъ Дистеркампъ, немного польщенный, но потомъ недовѣрчиво спросилъ:

— Но?

— Ахъ это „но“, оно означаетъ не такъ ужъ много, господинъ пасторъ,—уклончиво отвѣтилъ Шлехтендаль.

— Но, вѣдь имѣетъ же оно какое-нибудь значеніе. Говорите же!

— Да это, видите-ли, такъ... У насъ есть такая пословица, господинъ пасторъ. Для насъ, простыхъ людей, она гласитъ: „Сапожникъ, знай свои колодки“! Мнѣ кажется: сюртукъ остается сюртукомъ, все по мѣркѣ. Чужой нарядъ не всякому къ лицу.

— Что это значитъ?

— Что это значитъ?—озабоченно спросилъ старикъ Шлехтендаль, который, очевидно, имѣлъ что-то въ виду, но не зналъ еще, какъ подойти къ своей цѣли.—Я вотъ что думаю. Вашъ отецъ тоже иной разъ слишкомъ много позволялъ себѣ. Но ему это шло. У него это исходило изъ сердца.

— Вы думаете, у меня это не отъ чистаго сердца?

— О, разумѣется! Вѣдь господинъ пасторъ не станетъ болтать пустыхъ словъ! Но вотъ покойный отецъ вашъ никого не оскорблялъ: ни большихъ, ни малыхъ. А когда вы, господинъ пасторъ, назвали сегодня фонтанъ позорищемъ, я себя спросилъ: „А что подумаетъ при этомъ маленькій Эрнстъ Броохъ? Вѣдь это его отецъ воздвигъ фонтанъ“!

— Любезный Шлехтендаль!—воскликнулъ пасторъ, весь пылая гнѣвомъ.—Это вы ужъ предоставьте, пожалуйста, мнѣ. Мнѣ, повѣрьте, мой племянникъ и его отецъ ближе, чѣмъ вамъ. И если я жертвую этими родственными соображеніями, то у меня, вѣрно, имѣются на то причины. Для меня, видите-ли, мои отношенія къ Богу болѣе священны, чѣмъ отношенія къ людямъ. Понимаете вы это?

— Да, я это понимаю. Вѣдь я и не думаю что бы то ни было предписывать господину пастору. Я только думаю: „Чти отца твоего и мать твою“. А то, что вы, господинъ пасторъ, говорили намедни на урокѣ Закона Божія!..

— Что такое я говорилъ имъ?

— Да, мой Августъ, вернувшись домой, разсказывалъ, что вы говорили: „Если въ Гаммерштедтѣ не было бы столько невѣрующихъ, тогда фонтана уже и въ поминѣ не было бы, онъ давно былъ бы разрушенъ“.

— Какая ерунда! Какое искаженіе моихъ словъ! Вашъ Августъ безконечно ограниченный мальчуганъ, скажу я вамъ. Какъ онъ подвигается впередъ въ гимназіи, этого я прямо не понимаю.

— Можетъ быть, онъ дѣйствительно ограниченный мальчикъ. Но это еще не такъ ужасно. Вѣдь не могутъ же всѣ быть умницами. Надо считаться и съ глупыми.

— Ахъ, съ глупостью сами боги борются напрасно!—крикнулъ пасторъ внѣ себя.

— Не знаю, сказано ли это въ Библіи. Это вамъ, господинъ пасторъ, лучше знать. Но тамъ сказано: „Блаженны нищіе духомъ“. Поэтому вамъ бы не слѣдовало попрекать моего Августа тѣмъ, что онъ глупъ. Вѣдь это не грѣхъ.

— Ахъ, вѣдь я его не попрекаю. Я на слѣдующемъ урокѣ возвращусь къ своимъ словамъ, чтобы устранить вся-

кое недоразумѣніе. Но извините меня,—мы вѣдь такъ сильно отклонились отъ нашей темы—у меня еще кипа дѣлъ.

— Прощайте, господинъ пасторъ.

Онъ подалъ Дистеркампу руку и прибавилъ:

— Простите, господинъ пасторъ. Нашему брату не всегда такъ легко высказаться. Иной разъ скажешь и не такъ тонко.

— Разумѣется, разумѣется!—торопливо отвѣтилъ пасторъ, собираясь уходить.—Каждый говоритъ, какъ можетъ. Но,—въ дверяхъ онъ еще разъ обернулся,—что вы отъ меня отступаетесь, Шлехтендаль, объ этомъ вы еще пожалѣете.

Старикъ на минуту задумался и затѣмъ послѣдовалъ за пасторомъ. Съ такимъ тяжелымъ сердцемъ, съ такою озабоченностью онъ еще ни разу не уходилъ изъ церкви. И хотя онъ, сознавая свою простоту, воздерживался отъ всякой критики, его не оставляла мысль о томъ, какъ пасторъ Дистеркампъ, проповѣдуя на тему: „горе человѣку, приносящему соблазнъ“, не запнулся: внутренній голосъ говорилъ ему, что пасторъ самъ именно проповѣдью своею грѣшитъ противъ этой заповѣди.

XV.

Скамья, на которой Эрнстъ усѣлся въ церкви, скоро вся заполнилась молящимися. Сосѣдомъ его оказался широкоплечій парень, который, судя по исходившему отъ него непріятному запаху, служилъ въ красильнѣ. Нисколько не стѣсняя себя и не думая даже сблизить широко разставленныя ноги, онъ все плотнѣе надвигался на Эрнста, такъ что послѣдній былъ буквально стиснутъ между могучей рукой подмастерья и высокой боковой стѣнкой скамьи. Въ пѣніи молодой человѣкъ принималъ дѣятельное участіе, и оно, видно, доставляло ему удовольствіе. Но этимъ интересъ его какъ будто совершенно исчерпывался... Во время проповѣди, не произведшей на него, очевидно, ни малѣйшаго впечатлѣнія, онъ занимался обработкой своихъ рукъ и лица, для чего безпрестанно вынималъ изъ кармана то перочинный ножикъ, то круглое зеркальце, то гребешокъ.

Эрнстъ все время боролся со своимъ отвращеніемъ къ сосѣду, со все усиливающимся страхомъ, вызываемымъ въ немъ проповѣдью, съ какимъ-то трепетнымъ безпокойнымъ чувствомъ чего-то совершенно непонятнаго и невозможнаго. Наконецъ, въ немъ взяло верхъ желаніе какъ можно скорѣе выбраться изъ церкви, чтобы перевести дыханіе и придти въ себя.

Но вмѣстѣ съ первой струей воздуха, которую онъ жадно втянулъ въ себя, онъ ощутилъ, что въ этомъ воздухѣ нѣтъ ничего освѣжающаго, что онъ сыроватъ и тепловатъ, какъ паръ прачешной, тяжело сдавливающій грудь.

Въ глубокой задумчивости онъ направился домой. Дождь не переставалъ лить, и ему не предвидѣлось конца. Иногда мальчикъ дѣлалъ быстрый скачокъ, словно желая сказать себѣ: „Долой все это! Буду спокоенъ!“ Но то, что давило его, какъ свинецъ, что пригибало его сильнѣе, чѣмъ тяжелые кулаки, то не хотѣло уступить мѣсто этому простому: „Долой!“

Ему казалось, что онъ долженъ передать отцу содержаніе проповѣди. Но дома онъ нашелъ гостей: кузину Анну и Бюргеля. Въ комнатѣ царило какое-то таинственное, торжественное и въ то же время радостное настроеніе. Въ особенно хорошемъ настроеніи былъ отецъ. Во время разговора, касавшагося, главнымъ образомъ, жизни въ Мюнхенѣ, онъ вдругъ сказалъ: „Какое лицо состроитъ Готлибъ... я жду этого съ нетерпѣніемъ!“ И онъ потиралъ руки. Кузина Анна покраснѣла, мать испустила испуганное „Ш-т!“ Эрнстъ не зналъ, что и подумать. Скоро затѣмъ явилось шампанское, всѣ чокнулись за преуспѣяніе господина Бюргеля, какъ выразился коммерціи совѣтникъ.

На мальчика не производили никакого впечатлѣнія ни вкусныя блюда, ни вино, ни царившее за столомъ веселье. Слишкомъ великъ былъ контрастъ между происходившимъ сейчасъ и только что пережитымъ. Все это казалось ему какъ бы сномъ. Словно червякъ, его мозгъ все время долбилъ одинъ вопросъ: „Кто правъ? Мои родители, которые смѣются и пьютъ шампанское, или мой дядя на каѳедрѣ?“ Онъ зналъ, что послѣдній неправъ. Онъ долженъ быть неправъ! И все-таки этотъ вопросъ не переставалъ сверлить его мысль.

Въ три часа онъ хотѣлъ пойти къ пастору. Сидя въ своей комнатѣ, онъ обдумывалъ свои слова и считалъ минуты. Волненіе его все росло и росло. Часы еще не пробили, когда онъ всталъ, чтобы пойти къ дядѣ.

Прислуга, открывшая ему дверь, сказала, что у пастора неотложная работа, и онъ хочетъ, чтобъ его не безпокоили.

Въ то время, какъ онъ, испуганный этой злой шуткой судьбы, стоялъ у входа (онъ совершенно не разсчитывалъ на возможность подобнаго случая), дверь кабинета распахнулась, и изъ него раздался громовый голосъ дяди:

— Приходите завтра... нѣтъ, послѣзавтра. У меня абсолютно нѣтъ времени. Кто тамъ?.. Что?.. Это ты, Эрнстъ? Ты здѣсь?

И въ тотъ же моментъ въ возбужденномъ, недовольномъ выраженіи лица Дистеркампа произошла быстрая перемѣна. Онъ схватилъ правую руку племянника, охватилъ другой рукой шею его и, притягивая его къ себѣ, смягченнымъ голосомъ сказалъ:

— Это ты, мой милый мальчикъ? Да, для тебя у меня есть время. Добро пожаловать! Входи!

И, все время не выпуская его и толкая впередъ въ комнату, онъ, волнуясь, продолжалъ:

— Да, этого я совсѣмъ не ожидалъ. Я вѣдь долженъ былъ ожидать, что ты зайдешь за мною по дорогѣ на кладбище. Не сердись, что я не могу пойти съ тобой, но до завтра я по уши въ работѣ. Но это хорошо... право... это для меня большое утѣшеніе, что ты пришелъ ко мнѣ въ день смерти своей матери. Ну, садись!

И онъ посадилъ его на диванъ. Но, едва дотронувшись до края дивана, Эрнстъ почувствовалъ, будто одинъ потокъ холода за другимъ пронизываетъ все его тѣло, такъ что его сердце какъ бы застыло.

„Въ день смерти моей матери... въ день смерти моей матери!.. Какъ такъ? Ахъ да, календарь въ моей комнатѣ показываетъ еще вчерашнее число. Сегодня третье... третье ноября. День смерти мамы. А я объ этомъ и не думалъ. Сегодня за обѣдомъ я пилъ шампанское... съ папой. Онъ также не думалъ объ этомъ“...

— Ахъ, Эрнстъ, я въ ужаснѣйшемъ настроеніи, — продожалъ пасторъ, усаживаясь возлѣ мальчика на широкій диванъ.—Въ моей трудной дѣятельности подобная безобразная исторія! Я бы и теперь не началъ борьбы... но я вѣдь иначе не могъ. Я вѣдь отвѣтственъ передъ моей общиной... Ну, поговоримъ о болѣе возвышенныхъ вещахъ. Я буду благодарить Бога, когда пройдетъ завтрашнее собраніе. Я совершенно одинъ или почти одинъ противъ такого бурнаго моря! Воистину я могъ бы словами Лютера сказать... Впрочемъ, оставимъ это! Не думай, что я теряю мужество. Но я переутомился. Совсѣмъ изъ силъ выбился.

Онъ поднялъ очки и со вздохомъ прижалъ руку къ краснымъ глазамъ.

— Но того, что ты навѣстилъ меня сегодня, я не забуду никогда. Мнѣ страшно жаль, что я не могу пойти съ тобой. Но мы, по крайней мѣрѣ, вспомнимъ о твоей матери. Ты, навѣрное, помнишь, какъ мы были въ прошломъ году на кладбищѣ?

Эрнстъ молча кивнулъ головой. Рѣзкое выраженіе пугливаго, мрачнаго раздумья не оставляло его лица.

— Какъ прекрасны были тогда солнечные лучи, ниспо-

сланные Господомъ на послѣднюю листву деревьевъ. Сегодня сумрачная погода. Совершенно такая же, какъ въ день ея смерти. Ахъ да, Эрнстъ, не разъ сидѣла твоя мать на томъ же мѣстѣ, гдѣ ты сидишь теперь, и я пытался утѣшать ее. Незадолго до смерти она очень безпокоилась о твоемъ будущемъ. Тяжелыя были у нея заботы! Ибо ты былъ тогда такой маленькій! Ты былъ такой умный, развитой ребенокъ! И какъ разъ то, что доставляло ей радость, причиняло ей и страхъ. Какъ часто она говорила мнѣ: „Не избѣжитъ же онъ искушеній. Уже теперь онъ такъ любознателенъ, всему хочетъ найти причину, и его не удовлетворяетъ никакой отвѣтъ"... Тогда я указалъ ей на Господа. Ему пусть предоставитъ она своего сына. Но предвидѣть будущее не могъ и я... Если бы она знала тогда, ей легче было бы умереть...

Онъ ласково похлопалъ мальчика по плечу и продолжалъ:

— Ибо я долженъ воздать тебѣ похвалу. Ты очень сильно измѣнился къ лучшему. Въ послѣднее время я отъ тебя видѣлъ только радости. И твоя мать также радуется, могу тебя увѣрить.

Тутъ Эрнстъ повернулъ голову, быстро сдвинулъ брови съ выраженіемъ вопроса на лицѣ, словно къ нему вернулись задержанныя мысли:

— Если ты былъ мною доволенъ, почему же ты вчера заставилъ меня прочесть то мѣсто изъ Посланія къ римлянамъ?

— Потому что я считалъ тебя наиболѣе достойнымъ,—возразилъ пасторъ удивленно.

— Значитъ, это мѣсто не имѣетъ никакого отношенія ко мнѣ?

— Да какъ это мнѣ могло придти на умъ? Это мѣсто заключаетъ въ себѣ многое, что вамъ, слава Богу, еще непонятно. Возможно, что лучше было бы выбрать другое мѣсто. Но что ты почувствуешь себя задѣтымъ, я и не подозрѣвалъ... Нѣтъ, нѣтъ, мой мальчикъ, тебѣ нечего стыдиться. Ты на истинномъ пути... А теперь я хочу тебѣ доставить радость. Теперь, когда ты станешь скоро полноправымъ членомъ церкви, ты ужъ созрѣлъ для этого. Одну минуту!

Онъ зажегъ лампу, которую поставилъ на полъ. Съ тяжелымъ вздохомъ онъ склонился надъ нижнимъ ящикомъ письменнаго стола, откуда досталъ пачку съ письмами, и одно изъ нихъ онъ передалъ племяннику.

Неловкой и дрожащей рукой Эрнстъ расправилъ листки и вперилъ свои глаза въ изящный, замѣчательно четкій по-

черкъ. На первыхъ страницахъ письмо въ общихъ чертахъ содержало то, что пасторъ успѣлъ уже передать ему. Но странный трепетъ вызвало у Эрнста не столько содержаніе этого письма, сколько чувство все болѣе явственной близости покойной. И хотя съ этимъ не связывалось никакое представленіе, въ немъ усиливалось это странное, полное страха, ощущеніе таинственнаго, неизбѣжнаго вліянія. Но при чтеніи послѣдней страницы въ его глазахъ появился внезапный испугъ. Дядя, напряженно слѣдившій за нимъ, бормоталъ:

— Да, и она, подобно всѣмъ людямъ, не избѣгла соблазновъ и борьбы. Она поборола ихъ. Но ей доставляло глубокое страданіе то, что твой отецъ потерялъ свою дѣтскую вѣру.

Не говоря ни слова, не пытаясь даже нарушить это напряженное, чреватое ужасомъ спокойствіе своей души, Эрнстъ вернулъ письмо.

— Я пойду, дядя.

— Да, съ Богомъ, мой мальчикъ! Помолись за меня на ея могилѣ!

Онъ поднялся и, при взглядѣ на свой письменный столъ вспомнивъ завтрашнее сраженіе, еще разъ глубоко вздохнулъ:

— Ахъ, если-бъ можно было обрѣсти покой!.. Но твое посѣщеніе доставило мнѣ истинное утѣшеніе. Теперь я чувствую себя совершенно другимъ. Ну... итакъ...

Стоя въ дверяхъ, онъ все еще продолжалъ крѣпко держать Эрнста. И вдругъ, широко открытымъ, пронизывающимъ взглядомъ глядя въ лицо мальчику, онъ сказалъ:

— Не правда ли, ты меня не оставишь? Ты нѣтъ? Если-бъ ты могъ, ты бы мнѣ помогъ въ этой борьбѣ всѣми своими силами. Пусть это будетъ моимъ утѣшеніемъ. Ну, съ Богомъ. Помолись за меня!

Былъ самый сѣрый часъ этого сумрачнаго дня. Фонари еще не были зажжены, но уже быстро темнѣло. Эрнстъ шелъ по дорогѣ къ кладбищу по грязнымъ улицамъ, безконечно тянувшимся между высокими однообразными заборами, окружавшими дворы фабрикъ. Зонтикъ онъ держалъ подъ мышкою закрытымъ, словно забылъ открыть его. Мелкій дождь моросилъ на его волосы, на лицо и покрывалъ шляпу и пальто сѣрымъ налетомъ.

Наконецъ, онъ очутился у окруженнаго кованой желѣзной рѣшеткой четыреугольника; здѣсь была гробница семейства Брооховъ.

Безмолвно и неподвижно смотрѣлъ онъ на простую плиту съ именемъ матери, плиту, которую поднявшійся до самаго желѣзнаго креста плющъ грозилъ совершенно скрыть отъ

глазъ. Дрожа какъ бы отъ холода, словно приходя въ себя изъ глубокаго раздумья, онъ сложилъ для молитвы свои окоченѣвшія отъ холода руки. Но изъ его души вырвалось лишь: „Прости, мама!“ И онъ опять погрузился въ тяжелую задумчивость.

Изъ завядшихъ листьевъ, покрывавшихъ сосѣднюю могилу, съ испуганнымъ крикомъ выпорхнулъ дроздъ и скрылся въ кустахъ, на голыхъ вѣткахъ которыхъ висѣли еще послѣднія бѣлыя ягоды. Потомъ опять все стихло. Ни души не видать. Изъ опавшихъ листьевъ поднимался запахъ гнили.

Эрнстъ еще разъ очнулся и устремилъ свои глаза на обросшій плющемъ камень, испытывая страстное желаніе, чтобы изъ глубины засвѣтило утѣшеніе, лучъ надежды, что-нибудь такое, что разсѣяло бы этотъ мракъ и зажгло его трепещущую душу. Но какъ въ немъ самомъ, такъ и кругомъ него все оставалось по прежнему.

Медленно поплелся онъ домой, чувствуя, что все теперь еще мрачнѣе и неизвѣстнѣе, чѣмъ прежде, что все—борьба, страхи, безсонныя ночи—вернется еще въ худшемъ видѣ. А онъ усталъ, развинченъ и потерялъ всякую надежду.

Въ промокшихъ ботинкахъ, продрогшій, съ горячей головой онъ лежалъ на своемъ диванѣ, когда фрейлейнъ Киппъ пришла звать его къ ужину.

— Эрнстъ! Э, онъ лежитъ! Въ темнотѣ! И лампа стоитъ на столѣ! Не пойдешь внизъ?

Говоря это, фрейлейнъ Киппъ зажгла спичку и подняла колпакъ и стекло.

— Мальчикъ, что съ тобой?

— Что можетъ быть со мной? — бормоталъ Эрнстъ, поднимаясь и прикрывая рукою глаза, жмурившіеся отъ внезапнаго свѣта.

— Ахъ, Боже! Грязь! грязь на ботинкахъ!

Она всплеснула руками и полными упрека глазами смотрѣла на слѣды мокрыхъ ботинокъ на чистомъ полу. Но тотчасъ же успокоилась.

— Ну, ну, ничего! Эта грязь... я знаю, откуда. Я понимаю, гдѣ ты провелъ все время послѣ обѣда... Вѣдь я такъ же не забыла...

Она подняла сплетенный изъ вереска вѣнокъ, похожій на тотъ, который обрамлялъ портретъ покойницы.

— Этотъ болванъ садовникъ опять сдѣлалъ его нехорошо, я велѣла ему принести другой. Хочешь повѣсить его?

— Да повѣсь ты!—отвѣтилъ Эрнстъ, вскакивая.

— Ну, ну, сиди. Я принесу тебѣ сухіе чулки и ботинки.

Такъ... Ахъ, Боже мой, на тебѣ сухой нитки нѣтъ! Какъ бы ты не схватилъ насморка. Ну, пойдемъ. Я кое-что приготовила для тебя, что тебѣ понравится. Мы вѣдь одни будемъ ужинать.

— Гдѣ же наши?

— Они идутъ на вечеръ, ты вѣдь знаешь.

Мальчикъ вздрогнулъ, дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ, кулаки сжались, зубы стиснулись. Да... да... да... такъ должно было быть. За обѣдомъ шампанское, вечеромъ танцы, такъ вспоминаютъ они своихъ покойниковъ. Ахъ, дядя былъ правъ! Такъ правъ! Такъ правъ!

Онъ стоялъ, обернувшись спиною къ фрейлейнъ Киппъ, весь потрясенный этой быстро усиливающейся дрожью. Его охватило страшное бѣшенство, и, когда его взоръ случайно упалъ на ярко освѣщенный фонтанъ, онъ мысленно опустилъ на него вооруженную молотомъ руку и разбилъ эти мраморныя фигуры на тысячи осколковъ.

— Пойдемъ же, чего ты ждешь?—спросилъ онъ, оборачиваясь и туша лампу. Оставивъ комнату, онъ провелъ руками по своему лицу, прижалъ пальцы къ глазамъ и тихо застоналъ.

Большой канделябръ бросалъ свой свѣтъ на одинкую пару, сидѣвшую за овальнымъ обѣденнымъ столомъ: на Эрнста, механически разрѣзывавшаго хлѣбъ и намазывавшаго его масломъ, и фрейлейнъ Киппъ, покрывшую пышную округленность своей черной бархатной блузы салфеткой и съ достоинствомъ отрѣзывавшую отъ холоднаго ростбифа розовые ломтики. Когда Эрнстъ послѣ нѣсколькихъ глотковъ отодвинулъ отъ себя хлѣбъ и, несмотря на всѣ просьбы фрейлейнъ Киппъ, отказался ѣсть, послѣдняя вынуждена была ѣсть одна, что она и дѣлала, изрѣдка прерывая производимый челюстями шумъ глубоко прочувствованнымъ словомъ.

Когда снаружи открыли ворота и подъѣхала карета, Эрнстъ спросилъ:

— Что? Они развѣ не уѣхали?

— Ахъ нѣтъ, какое тамъ!

Тутъ въ комнату вошла его мачиха, такая красивая и блестящая, въ вечернемъ туалетѣ, что въ первый моментъ онъ ощутилъ нѣчто вродѣ радости.

— Сиди. Не безпокойтесь. Я еще посижу съ вами одну минутку.

Опустивъ поднятое платье, она взяла стулъ и сѣла рядомъ съ Эрнстомъ.

— Ты больше не кушаешь?

— Спасибо, я сытъ.

— Онъ почти ничего не ѣлъ,—сказала фрейлейнъ Киппъ, складывая свою салфетку.

— А что, если-бы?..—спросила его мать.—Я тебѣ сдѣлаю еще маленькій бутербродъ.

— Нѣтъ право, спасибо.

— Тогда сдѣлай ты мнѣ бутербродъ. Кто знаетъ, когда дадутъ тамъ что-нибудь поѣсть.

Фрейлейнъ Киппъ предложила свои услуги, но госпожа Броохъ возразила, что Эрнстъ будетъ такъ добръ...

— Вотъ если-бъ вы напомнили Маріи о моихъ калошахъ.

Когда фрейлейнъ Киппъ выходила, фрау Броохъ осторожно взяла тонкій ломтикъ хлѣба кончиками пальцевъ, на которыхъ сегодня между обоими брилліантовыми кольцами сверкалъ крупный смарагдъ.

— Спасибо. Это очень кстати. Сегодня первый большой вечеръ. Мнѣ интересно.

Синева ея глазъ свѣтилась еще ярче, чѣмъ камни ея колецъ. Когда она, болтая съ сыномъ, смотрѣла на него сердечнымъ взглядомъ, на ея лицѣ былъ разлитъ блескъ неомрачённой праздничной радости. Тонкій затканный золотыми нитями шарфъ нѣсколько разъ покрывалъ шею и затылокъ. Бѣлая кожа перчатокъ кокетливо охватывала ея руки до самаго локтя, а повыше темными, живыми тонами вырисовывалась безупречная округлость голой руки, черезъ кожу которой тамъ и сямъ просвѣчивала голубая жилка.

— Я ужъ думала... Чтобы не оставаться одному, ты бы могъ пойти въ театръ. Но какъ разъ ставятъ такую глупую пьесу. Она не для тебя...

— Да я и не могъ бы пойти... изъ-за урока Закона Божія.

— Да, это вѣрно... Ну, будущей зимой... когда ты ужъ будешь конфирмованъ. Мы начнемъ съ уроковъ танцевъ. Я ужъ думала о томъ, что эти уроки ты будешь брать дома. Я буду играть... Хочешь?

Онъ пожалъ плечами.

— Будущей зимою... это вѣдь еще такъ далеко.

Какъ охотно крикнулъ бы онъ ей въ лицо: „Нѣтъ, я не хочу! Я не хочу сегодня вечеромъ ни ходить въ театръ, ни думать о танцахъ... Вы—да, я—нѣтъ!“

Отъ нея пахло какими-то духами, которые мучили и раздражали его, но пріятное дуновеніе которыхъ онъ втягивалъ при каждомъ дыханіи.

Въ эту минуту появился его отецъ во фракѣ, со складнымъ цилиндромъ подъ мышкой.

— Конечно! Мама у своего мальчика... Добрый вечеръ, сынъ мой,—сказалъ онъ, довольный.—Эге, ты это умно выдумала! Небольшой кусокъ и я перехвачу.

Готовя себѣ бутербродъ, онъ бросилъ на жену полный гордости влюбленный взглядъ и спросилъ Эрнста:

— Развѣ мама не великолѣпна? Показала ты Эрнсту свое новое колье?

— Нѣтъ... зачѣмъ это?

— Я начинаю подозрѣвать, что ты и не одѣла его...

— Конечно, одѣла.

— Ну, тогда покажи.

Она пробовала снять шарфъ, который зацѣпился за крючокъ, но ей это не удавалось.

— Помоги же мамѣ! Какой же галантный юноша сидѣлъ бы такъ неподвижно?

Эрнстъ вскочилъ быстро, но его дрожащіе пальцы взяли нѣжную ткань медленно, какъ бы противъ воли. Болѣзненное выраженіе глубокаго страданія покрыло его лицо, которому онъ пытался придать выраженіе осторожной внимательности. Мать отклонила голову съ безпомощной и смущенной улыбкой. Когда рука его коснулась горячей груди ея, онъ весь вздрогнулъ. На него еще сильнѣе пахнуло нѣжно одуряющими духами, словно тонкимъ ядомъ, горящимъ въ крови и вызывающимъ глубоко скрытыя желанія.

— Такъ, такъ хорошо... спасибо! — повторила его мать нѣсколько разъ, медленно отодвигая его руку. Но шаль еще разъ зацѣпилась на плечѣ и, когда онъ, прижимая руки къ себѣ, поднялъ ее съ обѣихъ сторонъ, его взглядъ упалъ на вырѣзъ ея платья.

— Ахъ!—сказалъ отецъ.—Ну, покажись! Однако онъ, дѣйствительно, хорошо сдѣлалъ. Что значитъ оправа! Пятнадцать лѣтъ лежали камни, ибо... ну, теперь они, наконецъ, выполнили свое предназначенье... Но платье также великолѣпно... Такъ воздушно!

Онъ приподнялъ немного нѣжную кисею, на которой были вышиты цвѣтущія вѣтви яблони очень тонкой работы.

— Ну, мы опять закутаемъ нашъ цвѣтокъ. Спокойной ночи, Эрнстъ. Завтра я разскажу тебѣ!

Мать наклонилась къ нему, онъ почувствовалъ на своей щекѣ ея поцѣлуй, и отъ нея еще разъ пахнуло сладкимъ ядомъ.

Когда дверь закрылась, онъ еще долго стоялъ неподвижно. Но затѣмъ руки сжались въ кулакъ, ротъ раскрылся, не произнося ни слова, и лишь черезъ нѣкоторое время медленно и злобно прозвучали пришедшія ему на память слова Библіи:

— . . . . . . И ходятъ съ обнаженной шеей и накрашенными лицами... выступаютъ величавою поступью и гремятъ цѣпочками на ногахъ. Но оголитъ Господь темя

ихъ... и вмѣсто благовонія будетъ зловоніе... Растопчетъ онъ ихъ, и истребитъ этихъ жалкихъ...

Онъ заломилъ руки передъ своимъ лицомъ, какъ бы желая прогнать съ глазъ своихъ этотъ возбуждающій образъ. Но онъ не исчезалъ. Онъ не исчезалъ и послѣ, когда Эрнстъ легъ въ постель. Этотъ образъ носился передъ нимъ, улыбаясь, свѣтя, одурманивая, обвѣвалъ его пріятнымъ запахомъ и давалъ отгонять себя лишь на короткія мгновенія, когда Эрнстъ съ мрачнымъ страданіемъ вызывалъ передъ собою другой образъ, удрученное лицо своей покойной матери. Оба образа боролись между собою всю ночь.

XVI.

Въ понедѣльникъ, 24 ноября, ровно въ 8 ч. веч. въ залѣ „Евангелическаго ферейна“ состоится

Публичное собраніе

съ цѣлью протеста противъ открытія на рыночной площади безнравственнаго фонтана.

Предсѣдатель собранія:
г. пасторъ Готлибъ Дистеркампъ.

Докладчикъ: г. капитанъ въ отставкѣ Дрегеръ. Вслѣдствіе важности предмета обсужденія настоятельно просятъ всѣхъ единомышленниковъ явиться на собраніе.

Комитетъ:
Пасторъ Г. Дистеркампъ.
Капитанъ въ отставкѣ Д. Дрегеръ.
Госпожа Адель Дюмелингъ.
Кондитеръ П. Батге.
Аптекарь Л. Рингель.

Это объявленіе нѣсколько дней красовалось на всѣхъ столбахъ города Гаммерштедта, чтобы объяснить благомыслящимъ гражданамъ, въ какой опасности находится ихъ нравственность. Что оно оказало извѣстное вліяніе, свидѣтельствовали различныя письма, присланныя Дистеркампу. Большая часть изъ нихъ были одобрительныя, нерѣдко даже восторженныя, но, къ сожалѣнію, попадались и оскорбительныя, которыя пасторъ хотѣлъ было сжечь, но затѣмъ, чтобы дать волю своему возмущенію, показалъ и другимъ членамъ комитета. Тогда и капитанъ Дрегеръ досталъ изъ кармана довольно сильно пропитанное виннымъ запахомъ открытое письмо, въ которомъ среди другихъ дешевыхъ остротъ пред-

лагалось ему, вмѣсто того, чтобы тянуть кислое молоко изъ сухихъ сосковъ добродѣтели, опять весело взяться за бокалъ. Подписалось нѣсколько „непринужденныхъ“.

— Нахальные ослы!—сказалъ въ бѣшенствѣ капитанъ.— Но въ своей рѣчи я вверну словечко и объ ихъ времяпровожденіи, потому что и оно въ своемъ родѣ позорно. Хотя, правда, и я, да проститъ меня Господь, принималъ въ этомъ участіе.

— Да, было бы недурно при семъ удобномъ случаѣ предпринять всеобщую чистку,—поддерживалъ его Дистеркампъ.

Аптекарь Рингель также получилъ письмо. Но онъ сказалъ, что содержаніе его было настолько гнусно, что онъ не считаетъ возможнымъ передать его.

И письмо, дѣйствительно, было гнусно. Оно гласило: „Любезный г-нъ Рингель! Неужели вы считаете болѣе приличнымъ поддѣлку этикетовъ французскаго Tamar Indien, чѣмъ этотъ невинный фонтанъ? Если вы слишкомъ много позволите себѣ на собраніи, мы съ вами побесѣдуемъ объ этомъ“.

Прочитавъ это, аптекарь поблѣднѣлъ и далъ прочесть письмо своей супругѣ. Послѣдняя сказала, что, какъ ей кажется, она узнаетъ почеркъ прогнаннаго съ должности ученика и совѣтовала не обращать вниманія на эту грязную исторію. Было бы недурно, если-бъ они стали бояться какого-то ученика!.. Аптекарь послѣдовалъ ея совѣту, но страха преодолѣть никакъ не могъ.

Собраніе было назначено на 8 час., чтобы, какъ надѣялся Дистеркампъ, открыть его въ 8½ ч. Но уже раньше половины седьмого явился капитанъ съ супружеской четой Гикенратъ и поставилъ ихъ обоихъ у воротъ дома „Евангелическаго ферейна“.

— Здѣсь вы будете стоять. И каждому посѣтителю дайте въ руку листокъ. Поняли?

— Поняли, г-нъ капитанъ!—отвѣтилъ сапожникъ.

— И не давайте столкнуть себя съ мѣста, когда послѣ начнется толкотня.

— Мы съ мѣста не двинемся. Останемся при своемъ знамени, г-нъ капитанъ.

— Не то, пусть васъ чортъ поберетъ. Я зайду посмотрѣть, пришелъ ли ужъ кто-нибудь.

И капитанъ, въ дурную погоду страдавшій ревматизмомъ, поплелся къ дому. Но, приближаясь по двору къ входу, онъ видѣлъ, что залъ еще совершенно не освѣщенъ. Онъ рванулъ ручку, дверь была заперта. Случайно подошла горничная. Онъ такъ накинулся, что она тотчасъ же призвала старшаго кельнера. Тотъ пригласилъ хозяина. Капитанъ

ругался и кричалъ, что, навѣрное, ужъ Богъ вѣсть сколько народу ушло, и никакъ не могъ успокоиться.

Въ большомъ волненіи онъ направился къ пасторскому дому, гдѣ засѣдалъ уже комитетъ. И здѣсь царило не особенно радостное настроеніе.

Дистеркампъ широкими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и осыпалъ фрейлейнъ Дюмелингъ упреками за то, что она отказывается сѣсть за столъ комитета. Она заварила всю эту кашу, а теперь трусливо идетъ на попятный.

— А я не сяду на эстраду! Я не хочу быть зрѣлищемъ для черни...

— О... значитъ, чернь будетъ на нашемъ собраніи! А кто говорилъ все время о приличныхъ и христіанскихъ элементахъ? О, это...

— Возмутительно! Вы ужъ это разъ сказали, г-нъ пасторъ. Я совсѣмъ не пойду на собраніе.

— Чорта съ два, кузина, ты сдѣлаешь то же, что и мы. Вмѣстѣ кашу заварили, вмѣстѣ и расхлебывать будемъ.

— Господи, Господи! — бормоталъ аптекарь Рингель и выпилъ глотокъ воды.

Онъ чувствовалъ себя довольно плохо. У него была мигрень, и онъ принялъ ужъ даже порошокъ, но послѣдній не помогъ. Доволенъ былъ въ этомъ обществѣ одинъ только кондитеръ Батге. Онъ сидѣлъ полный надеждъ на прекрасное будущее и все время двигалъ большимъ пальцемъ. Когда Дистеркампъ усомнился, оправдаетъ ли предстоящее собраніе возлагаемыя на него надежды, онъ весело отвѣтилъ:

— Мнѣ какой-то голосъ говоритъ, что мы будетъ имѣть блестящій успѣхъ. Мы вѣдь должны побѣдить. Вѣдь то дѣло, за которое мы стоимъ, Твое дѣло, Господи Іисусе. А разъ это Твое дѣло, оно не можетъ быть проиграно.

Онъ тоже собирался сказать нѣсколько словъ на собраніи, чтобъ отомстить госпожѣ Броохъ за маргаринъ.

Гикенрагъ съ супругой стояли, между тѣмъ, на своемъ посту. Дулъ вѣтеръ, и было порядочно холодно. Сапожникъ получилъ отъ пастора черный сюртукъ и казался самому себѣ очень важнымъ. Жена его также выфрантилась въ лѣтнюю мантилью, подаренную фрейлейнъ Дюмелингъ. Соотвѣтственно со своими важными костюмами, они держали себя очень прилично, и сапожникъ, который обычно не въ состояніи былъ даже посмотрѣть на свою супругу, чтобы не осыпать ее ругательствами, сегодня обмѣнивался съ нею почти нѣжными взглядами. Когда у нея начался приступъ кашля, онъ даже очень озабоченно сказалъ:

— Ты еще схватишь инфлюэнцу. Вообще, зачѣмъ мы собственно стоимъ здѣсь? Да здѣсь толкотня, какъ у цирка!

Былъ бы здѣсь хоть одинъ человѣкъ, который столкнулъ меня съ мѣста... Знаешь,—продолжалъ онъ въ раздумьи,— эта старая корга должна подарить тебѣ еще новое платье. Тогда ты будешь великолѣпна!

Наконецъ, первыми появилась знакомая имъ супружеская чета, приглашенная сапожникомъ. Послѣ короткаго совѣщанія всѣ четверо вошли въ залъ и заказали кое-что въ буфетѣ. Здѣсь скоро встрѣтилъ ихъ капитанъ. Они были единственными въ этомъ громадномъ, холодномъ и пустомъ залѣ. Капитанъ очень разсердился, сапожникъ же оправдывался:

— Господинъ капитанъ, тутъ было уже нѣсколько важныхъ господъ, но они вскорѣ ушли, такъ какъ увидѣли, что никого нѣтъ. Тогда я подумалъ: сяду самъ со своей женой. Развѣ не хорошо, господинъ капитанъ?

— Ну да... Но теперь ступайте опять на свое мѣсто!

— Г-нъ капитанъ, мы не можемъ уйти. Мы кое-что заказали въ буфетѣ.

Капитанъ уплатилъ за четыре кружки пива и четыре рюмки водки и печальный вернулся въ домъ пастора. Однако, если бы онъ не торопился и пришелъ на полчаса позже, онъ нашелъ бы, можетъ быть, цѣлую полсотню посѣтителей, и большею частью мужчинъ, да еще какихъ мужчинъ! Съ какими кулаками! И каждый кулакъ былъ готовъ позаботиться о томъ, чтобы собраніе прошло съ наибольшимъ успѣхомъ. Всѣ они были членами „Евангелическаго рабочаго союза", почетнымъ предсѣдателемъ котораго состоялъ пасторъ Дистеркампъ.

Когда капитанъ пришелъ въ третій разъ, залъ былъ достаточно полонъ, и капитанъ Дрегеръ не преувеличилъ, когда, возвратившись въ домъ пастора, сіяя отъ радости, возвѣстилъ:

— Господа, побѣда! Залъ почти полонъ. И, по словамъ Гикенрата, сплошь наши сторонники. „Евангелическій рабочій союзъ" явился въ полномъ составѣ.

— Браво!—бормоталъ Дистеркампъ.

— Пѣвческій ферейнъ „Хвала Господу" также.

— Браво!

— „Ферейна Эммануила" также большая часть.

— Остальные тоже придутъ,—замѣтилъ Дистеркампъ.

— Кромѣ того, масса сестеръ милосердія.

— Эти, благодаря мнѣ! — крикнула Фрелейнъ Дюмелингъ.

— И все еще идутъ и идутъ.

— Это мои люди,—сказалъ Батге.

Это радостное извѣстіе подняло настроеніе. Фрейлейнъ

Дюмелингъ согласилась подняться на эстраду. Пасторъ Дистеркампъ опять почувствовалъ свою прежнюю глубокую вѣру въ Господа и сожалѣлъ лишь, что основной докладъ будетъ дѣлать не онъ. Г-нъ Батге, улыбаясь, принималъ поздравленія по поводу того, что онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ. Лишь аптекарю Рингелю не становилось лучше, хотя онъ принялъ еще одинъ порошокъ. А когда онъ попросилъ третій стаканъ воды и всыпалъ въ ротъ третью дозу, фрейлейнъ Дюмелингъ взяла бумажку отъ порошка, внимательно прочла надпись и сказала:

— Прекрасно! Ужъ этого я никогда принимать не стану!

На улицѣ лилъ проливной дождь. А на дворѣ, на тротуарѣ, до середины улицы стояла густая толпа, которая все болѣе увеличивалась и непрерывно кричала:

— Столы уберите! Столы уберите! Столы!

Въ залѣ мнѣнія раздѣлились. Наконецъ, взяла верхъ жадность хозяина, и началась невѣроятная суматоха. Гости вытаскивали столы въ сосѣднія комнаты, въ кегельбанъ, потому что только тамъ оставалось еще свободное мѣсто. За то кельнера внесли новые стулья.

Когда стоявшіе снаружи ворвались въ залъ, здѣсь воцарился на нѣкоторое время страшный безпорядокъ. „Евангелическій рабочій союзъ“ былъ разбитъ совершенно, пѣвческій ферейнъ затертъ въ уголъ, а большинство членовъ „Ферейна Эммануила“, которые принимали дѣятельное участіе въ вынесеніи столовъ, стояли у кегельбана и не могли двинуться съ мѣста.

За то нѣкоторое количество пришедшихъ позже рабочихъ и также другіе гости, какъ учитель Мартини, Бюргель и д-ръ Макъ, достали очень хорошія мѣста.

Подъ галлереей, гдѣ было менѣе свѣтло, сидѣли также Эрнстъ Броохъ и Августъ Шлехтендаль. Весь день у Эрнста была тяжелая голова; его лихорадило. Онъ то вынималъ, то опять клалъ въ свой ящикъ съ инструментами тяжелый молотокъ. Послѣ ужина онъ побѣжалъ къ своему другу Августу. Въ суматохѣ они безъ особенныхъ трудностей пробрались въ залъ.

Было уже позже половины девятаго, когда комитетъ занялъ, наконецъ, свои мѣста за среднимъ столомъ. Справа за меньшимъ столомъ помѣстились полицейскій офицеръ и бородатый вахмистръ, слѣва за двумя приставленными другъ къ другу столами сидѣли репортеры.

Послѣ того, какъ члены комитета обмѣнялись другъ съ другомъ нѣсколькими записками и произнесенными шопотомъ короткими, но, видно, очень важными словами, па-

сторъ Дистеркампъ поднялся со своего мѣста и простымъ, задушевнымъ тономъ сказалъ:

— Объявляю сегодняшнее собраніе открытымъ.

Затѣмъ онъ попросилъ публику встать и пропѣть „Eine feste Burg".

Это была рискованная проба. Но она удалась блестяще. Насколько онъ могъ видѣть, никто не остался сидѣть, и пѣніе священнаго гимна отдавалось въ его ушахъ, какъ мощный шумъ моря. Позже онъ замѣтилъ, что волны какъ бы уничтожали другъ друга, но до слуха его не донеслось, что многіе изъ присутствующихъ, вмѣсто гимна Лютера, затянули рабочую марсельезу. Этого онъ замѣтить не могъ, ибо самъ пѣлъ съ слишкомъ большимъ увлеченіемъ.

Потомъ онъ опять обратился къ присутствующимъ, поблагодарилъ ихъ за то, что они явились въ такомъ большомъ числѣ, и въ краткихъ связныхъ словахъ изложилъ то, что привело весь городъ въ столь справедливое волненіе. Рѣчь его оказалась длиннѣе, чѣмъ онъ раньше предполагалъ, и капитанъ Дрегеръ успѣлъ весь побагровѣть. Однако, когда онъ, спустя полчаса, окончилъ, его поблагодарили многочисленными рукоплесканіями.

Капитанъ тотчасъ-же хотѣлъ подняться на ораторскую трибуну, и Дистеркампу лишь съ большимъ трудомъ удалось удержать его, такъ какъ онъ забылъ попросить своихъ друзей внизу, чтобы они прочли находящуюся въ ихъ рукахъ резолюцію и покрыли ее возможно большимъ количествомъ подписей. Потомъ эти листы будутъ собраны и представлены магистрату.

Наконецъ-то, капитанъ Дрегеръ могъ начать свою большую рѣчь. Да онъ и не могъ бы дольше ждать ни минуты.

Если до сихъ поръ Дистеркампъ испытывалъ опасливыя сомнѣнія въ ораторскомъ талантѣ стараго солдата, то теперь, при первыхъ же словахъ капитана, эти сомнѣнія должны были разсѣяться. Капитанъ взялъ настоящій тонъ, и его сердечная, искренняя манера говорить была достойна подражанія.

Онъ началъ со славной войны 1870 г. Почему нѣмцы побѣдили, почему французы потерпѣли пораженіе? Cherchez la femme! Рисуя французскую безнравственность, которую онъ иллюстрировалъ многочисленными цитатами изъ порнографическихъ произведеній, онъ возбуждалъ то бурную веселость, то содроганія ужаса. А въ противовѣсъ всему этому— тогдашняя Германія!.. Какая возвышенная, для сердца утѣшительная картина! Но теперь!.. Friedrichstrasse въ Берлинѣ была нарисована такими яркими красками, что фрейлейнъ Дюмелингъ не знала, куда глаза дѣвать отъ стыда...

Прямую противоположность этому распутству капитанъ видѣлъ въ военной службѣ, что тутъ же подтвердилъ яркимъ и веселымъ описаніемъ казарменной жизни. Нравственное вліяніе военной среды было подчеркнуто, какъ слѣдуетъ. Не малую цѣну приписалъ онъ также юношескимъ играмъ и холоднымъ обтираніямъ... Но (продолжалъ онъ) оглянуться не успѣешь, какъ попадешь въ искушенія алкоголя. Тутъ рѣчь оратора стала еще болѣе яркой. Хотя онъ и не упомянулъ о своей дѣятельности въ этой области, онъ все-таки говорилъ, какъ опытный спеціалистъ. Наконецъ, онъ показалъ пропитанную виннымъ запахомъ открытку и въ пламенныхъ, огнедышащихъ выраженіяхъ сталъ клеймить времяпровожденіе нѣсколькихъ господъ, завсегдатаевъ извѣстнаго виннаго погребка, называющихъ себя „непринужденными", а на самомъ дѣлѣ заслуживающихъ совершенно другого названія. Тутъ съ его устъ слетѣло также имя трактирщика Шнютгена. Тотчасъ же раздались хриплые возгласы, которые онъ, однако, тутъ же оборвалъ словами: „Держите языкъ за зубами, берегите свой умъ на послѣ".

Однимъ словомъ, его рѣчь была блестяща и имѣла лишь тотъ недостатокъ, что фонтанъ былъ упомянутъ лишь мимоходомъ. Безъ всякихъ поясненій, „издѣліе мюнхенскаго скульптора" было заклеймено, какъ воплощенная чувственность и какъ „дерзкая пощечина всякому приличному, человѣку". Тутъ поднялись довольно оживленныя: „Ого!" и „Какъ такъ?" и „Слушайте, слушайте"! и даже: „А доказательства?" Но на доказательствахъ капитанъ не остановился и перешелъ къ торговлѣ дѣвушками. А такъ какъ онъ говорилъ объ этомъ очень интересныя вещи, то протестанты опять успокоились.

Рѣчь капитана была награждена такими громкими и продолжительными апплодисментами, что предсѣдатель былъ, наконецъ, вынужденъ взяться за звонокъ, чтобы предоставить слово г-ну Батге. Со все возраставшей увѣренностью Дистеркампъ слѣдилъ за висѣвшими противъ него стѣнными часами. Еще полчаса, и можно будетъ приступить къ собиранію заявленій. Дай Богъ, чтобы удалась и рѣчь Батге, и тогда побѣда обезпечена.

Но, къ сожалѣнію, рѣчь г-на Батге не удалась, и не удалась, главнымъ образомъ, потому, что его не поняли. Голосовыя средства этого мужа не соотвѣтствовали его великолѣпному тѣлосложенію. Онъ рисовалъ впечатлѣнія, которыя онъ въ качествѣ отца семейства испытывалъ при взглядѣ на фонтанъ, и затѣмъ попробовалъ проникнуть въ душу матери. Все было бы прекрасно, но, когда Дистеркампъ крикнулъ ему: „Громче! Громче"! ораторъ повернулся къ нему

съ глупой улыбкой на устахъ и началъ говорить еще тише. Когда онъ поставилъ вопросъ, можетъ ли порядочная нѣмецкая женщина перенести подобный фонтанъ, снизу раздались энергичные крики: „Нѣтъ! Нѣтъ!“ Когда же онъ продолжалъ: „Я думаю, что принесшій даръ не женатъ, а именно, онъ, что называется“... раздался еще болѣе громкій голосъ: „Нѣтъ! Нѣтъ!“ Но тутъ многіе вскочили со своихъ мѣстъ и шумно потребовали слова. Одинъ сѣдовласый господинъ съ представительной фигурой громко стучалъ своей тростью о спинку стула и кричалъ: „Я протестую“... Больше ничего нельзя было разобрать.

Предсѣдатель взялся за звонокъ, сидѣвшіе позади, не понимавшіе, въ чемъ тутъ дѣло, бурно требовали спокойствія. Однимъ словомъ, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ гармонія, царившая въ собраніи, была совершенно нарушена. Но еще хуже было то, что во время рѣчи Батге началась толкотня у ступенекъ трибуны. И едва ораторъ при довольно жидкихъ рукоплесканіяхъ кончилъ, какъ поднялось множество рукъ, и со всѣхъ сторонъ стали просить слова. Тщетно Дистеркампъ оглядывался по сторонамъ, ища заранѣе назначенныхъ ораторовъ: кругомъ не видно было ни содержателя христіанскаго книжнаго магазина, ни сестры милосердія, ни Гикенрата. Поэтому слово получилъ стоявшій впереди длинноволосый молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и съ проборомъ посерединѣ. Оказалось, что онъ принадлежитъ къ „Синему кресту“ и, кромѣ трезвости, рекомендовалъ и вегетеріанство. Произнесенная въ бѣшеномъ темпѣ, его рѣчь прерывалась насмѣшливыми возгласами. Едва онъ сошелъ съ трибуны, какъ его мѣсто занялъ Теодоръ Шнютгенъ. Онъ, повидимому, былъ очень взволнованъ, такъ какъ, несмотря на поздній часъ, преслѣдовавшая его днемъ болѣзненная дрожь была очень замѣтна. Его головка тряслась на его худой шеѣ самымъ угрожающимъ образомъ, и красная, какъ ракъ, правая рука, державшая измятую резолюцію, все время двигалась по черному сюртуку, ни на минуту не приходя въ спокойствіе. Тѣмъ не менѣе, онъ отвѣсилъ манерный поклонъ каждому изъ членовъ комитета, не забывъ даже полиціи за сосѣднимъ столомъ.

— Милостивыя государыни и милостивые государи,— началъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ, проникавшимъ, однако, подобно дѣтской дудочкѣ, во всѣ концы зала.—Мнѣ нечего представляться вамъ. Моя фирма хорошо знакома всѣмъ. Впрочемъ, ради спокойствія господъ непьющихъ— имя мое Теодоръ Шнютгенъ, и содержу я винный погребъ на базарѣ, подъ названіемъ „Тихій уголокъ“.

Появленіе на трибунѣ маленькаго человѣчка произвело

выгодное впечатлѣніе на ту часть публики, которая не принадлежала къ друзьямъ христіанской морали, а явилась сюда или изъ любопытства, или въ надеждѣ на скандалъ. Виноторговецъ былъ встрѣченъ со всѣхъ сторонъ дружескими привѣтствіями.

— Милостивые государи,—продолжалъ ораторъ тѣмъ же симпатичнымъ голосомъ,—сказано, правда: „Благословляйте проклинающихъ васъ“...

— Ахъ, оставьте священное писаніе въ покоѣ!—недовольнымъ голосомъ крикнулъ Дистеркампъ. — И дьяволъ ссылается на слово Господне!

Господинъ Шнютгенъ запнулся и на короткое время былъ, казалось, совершенно выбитъ изъ колеи.

— Такъ? Ну, по мнѣ пусть хоть десять тысячъ чертей ссылаются на него. И, тѣмъ не менѣе, Библія остается для меня словомъ Божіимъ... Итакъ, сказано: „Благословляйте проклинающихъ васъ“. Но сказано также: „Не завяжите рта волу, который молотитъ“. А я скажу: не вяжите рта волу, котораго молотятъ. Милостивые государи, меня здѣсь молотили и даже очень сильно. Да, вы смѣетесь. Но мои почтенные гости будутъ удивляться, если я оставлю эти оскорбленія безъ возраженія. Поэтому позвольте мнѣ, господа, защитить здѣсь свою честь и честь моего заведенія.

— Но безъ личныхъ оскорбленій! Личныя оскорбленія не допускаются!

— Ахъ, вотъ какъ!—сказалъ виноторговецъ, какъ бы не въ состояніи придти въ себя отъ удивленія. — Личныхъ оскорбленій г-нъ предсѣдатель допустить не хочетъ!.. Лишь г-да члены президіума имѣютъ право наносить личныя оскорбленія! Ибо всѣ рѣчи были сплошныя личныя нападки. То, что вы сказали о постоянныхъ посѣтителяхъ моего заведенія, развѣ это не...

— Но при этомъ не были названы имена!

— Да вѣдь ихъ знаетъ каждый ребенокъ, господинъ пасторъ. Они вѣдь приходятъ ко мнѣ, не крадучись, какъ воры ночью. Они являются ко мнѣ среди бѣла дня, свободно и открыто... А то, что господинъ капитанъ сказалъ о мюнхенскомъ скульпторѣ...

— Это относится лишь къ его дѣятельности, а не къ личности.

— Э, да и я хочу говорить лишь о дѣятельности. Итакъ, господа, если я назову какое-нибудь имя, то я имѣю въ виду лишь дѣятельность его носителя. Съ васъ, господинъ пасторъ, я и начну.

Капитанъ ужъ предложилъ предсѣдателю взяться за

звонокъ, но тотъ въ порывѣ героизма отодвинулъ его отъ себя.

— Вамъ, господинъ пасторъ, — виноторговецъ сдѣлалъ при этомъ манерный поклонъ,—всяческое почтенiе. Если вы говорите о нравственности, вы дѣлаете это изъ убѣжденiя и по долгу службы. Ибо ваша прямая обязанность заботиться о чистотѣ нравовъ. Точно такъ же, какъ я забочусь о чистотѣ вина. И оба мы хорошiе христiане... не правда-ли, господинъ пасторъ?

— Надѣюсь!—молвилъ тотъ.

— Надѣюсь! Это я также говорю. Ибо того, что подъ нашими одеждами, никго не можетъ знать... Не правда-ли, г-нъ пасторъ Дустеркампъ?

— Дистеркампъ!

— Дустеркампъ!

— Милостивый государь, какъ вы смѣете?—вскочилъ со своего мѣста предсѣдатель, весь красный отъ гнѣва.—Какъ вы осмѣлились искажать мою фамилiю?

— Искажать?—бормоталъ виноторговецъ, и лицо его выражало крайнее удивленiе.—Искажать? Но вѣдь я...

И его рука стала дѣлать различныя неумѣренныя движенiя, тщетно стараясь водворить на мѣсто пенснэ, что дѣлало его очень жалкимъ.

— Ахъ, прочтите ужъ, пожалуйста, сами!

И онъ протянулъ пастору резолюцiю.

Въ эту минуту внизу произошло нѣчто удивительное. По всему залу раздалось громкое шуршанiе, словно вѣтеръ пронесся черезъ кучу сухихъ листьевъ. Тысячи рукъ, подобно Дистеркампу, въ тотъ же моментъ схватили резолюцiи, тысячи головъ склонились надъ ними и увидѣли, что тамъ дѣйствительно было напечатано: „Пасторъ Г. Дустеркампъ". Тогда въ залѣ поднялся гомерическiй хохотъ, который заглушилъ гнѣвныя слова Дистеркампа.

— Мнѣ крайне жаль, господинъ пасторъ,—сказалъ виноторговецъ, когда стало тише.—А теперь перейду къ другимъ членамъ комитета. Прежде всего, фрейлейнъ Дюмелингъ...—онъ поклонился въ сторону смотрѣвшей на него съ ужасомъ дамы.—Ваше присутствiе здѣсь меня не удивляетъ. За вашу добродѣтель ручается ваша наружность. Но вашей Мими я совершенно недоволенъ.

— Это сюда не относится!—крикнулъ предсѣдатель и зазвоникъ въ колокольчикъ.

— Скандалезная Мими относится сюда столько же, сколько и мое заведенiе.

— Я не позволю...

— Поведеніе этого животнаго весною возбуждаетъ соблазнъ...

— Къ дѣлу, или я лишу васъ слова!

— Оставляю Мими и перехожу къ господину капитану Дрегеру.

Но прежде, чѣмъ продолжать, виноторговецъ досталъ платокъ и отеръ потъ со лба. Словесная битва все-таки разогрѣла его.

— Милостивые государи!—обратился онъ опять къ публикѣ.—Когда я прочелъ, что и капитанъ Дрегеръ протестуетъ противъ фонтана, я подумалъ: какъ можетъ офицеръ испытывать соблазнъ при видѣ этихъ нѣсколькихъ невинныхъ мальчугановъ лишь потому, что они безъ купальныхъ штаниковъ? Развѣ во время набора люди носятъ подобные костюмы? Что вы на это скажете, господинъ капитанъ?

Тотъ вскочилъ со своего мѣста, и изъ его устъ полился цѣлый потокъ словъ, изъ которыхъ выдѣлялись лишь: „Безстыдство", „нравственность", „фразы"! Такъ какъ г-нъ Шнютгенъ продолжалъ рѣчь, Дистеркампъ сталъ сильно звонить.

— Нравственность, говорите вы, господинъ капитанъ? Ваша нравственность въ вашей подагрѣ... Да, да, въ тѣ прекрасные дни, когда вы еще бывали моимъ почтеннымъ гостемъ, какъ часто говорилъ я вамъ, когда вы до самаго утра засиживались въ моемъ погребѣ: „Идите домой, господинъ капитанъ! Мои вина чисты, но надо знать мѣру! Вы когда-нибудь схватите подагру". А вы что отвѣчали: „Чортъ подери, пусть чортъ васъ возьметъ, если вы не принесете новую бутылку"... Теперь васъ одолѣли-таки подагра и нравственность.

Въ залѣ раздался смѣхъ, громкія браво, требованія конца, шипѣніе, отдѣльные рѣзкіе свистки. Капитанъ стоялъ желтый и блѣдный, лишь носъ его алѣлъ, какъ неизгладимое клеймо преступника. Дистеркампъ опять зазвонилъ въ колокольчикъ, который, однако, оказался совершенно безпомощнымъ въ борьбѣ съ голосовыми средствами виноторговца.

Но какъ только послѣдній замолчалъ, пасторъ крикнулъ:

— Я думаю, что поступлю согласно общему желанію, если лишу оратора слова.

Но, оказалось, что желаніе собранія не было таковымъ. Начался отчаянный шумъ. Брали верхъ то голоса, требовавшіе конца рѣчи, то кричавшіе: „продолжать"! Но, ничуть не смущаясь этимъ шумомъ, г-нъ Шнютгенъ глядѣлъ на собраніе съ любезной улыбкой. Головка его сидѣла теперь на шеѣ совершенно твердо, и руки его обрѣли, наконецъ, по-

кой въ карманахъ брюкъ. Когда стало нѣсколько тише, онъ опять продолжалъ:

— Господа, я, значитъ, продолжаю...

— Вы не будете продолжать!—загремѣлъ Дистеркампъ.— Вы замолчите! Мы собрались для важнаго дѣла...

— Но меня оскорбили...

— Жалѣю о томъ, что это произошло.

— Однако я долженъ защититься...

— Но ни слова противъ господина капитана.

— Тогда я перейду къ г-ну Батге...

— Но безъ оскорбленій!

— Кто станетъ оскорблять всѣми уважаемаго булочника?

— Кондитера!—крикнулъ г-нъ Батге.

— Это иностранное слово. Итакъ, нашъ почтенный пекарь Батге сказалъ, что онъ не можетъ больше стоять за своимъ прилавкомъ. Онъ стыдится при видѣ фонтана. Но фонтанъ вѣдь слѣва. Такъ, по моему, смотрите направо, господинъ булочникъ. Ибо жаль, если вы больше не будете стоять за прилавкомъ. Всѣ мы и особенно наши дѣти съ удовольствіемъ видимъ васъ тамъ. Слюнки текутъ, когда онъ, великолѣпный г-нъ Батге, въ своемъ бѣломъ передникѣ стоитъ тамъ такой чистый, такой обаятельный, такой... невинный, точно марципановый ангелочекъ изъ его булочной. Внутри же онъ...

— Марципановый поросенокъ!—крикнулъ кто-то.

— Этого я не сказалъ... „Марципановый поросенокъ“ я не сказалъ, г-нъ предсѣдатель.

— Говорите короче и вернитесь къ своей темѣ,—сказалъ Дистеркампъ.

— Итакъ, коротко: Батге такъ же лишь человѣкъ, какъ мы всѣ. Поэтому онъ не долженъ быть такъ щепетиленъ... У меня имѣется номеръ газеты „Kolner Volksstimme“. Тамъ написано: „Въ воскресенье на масленицѣ у кондитера Батге изъ Гаммерштедта украли кошелекъ. Онъ въ обществѣ нѣсколькихъ веселыхъ дамочекъ позволилъ себѣ лишнее“.

Поднялась невѣроятная суматоха. Столь пріятное, обыкновенно розовое лицо г. Батге стало багровымъ. Уже во время чтенія онъ нѣсколько разъ ударилъ по столу, и его съ трудомъ можно было сдержать. Но тутъ онъ вскочилъ со своего стула и, несмотря на то, что пасторъ и капитанъ схватили его за рукава, хотѣлъ броситься на виноторговца. Но послѣдній, прежде чѣмъ вынуть изъ кармана газету, придвинулся ближе къ столу полицейскихъ и теперь съ любезной улыбкой смотрѣлъ на всѣ усилія своего взбѣшеннаго противника. Фрейлейнъ Дюмелингъ же, не успѣвъ

даже захлопнуть свой ридикюль, словно крыса въ темной дырѣ, исчезла въ боковой двери.

То, что съ нѣкоторымъ трудомъ удалось предотвратить на эстрадѣ, было въ полномъ разгарѣ въ самомъ залѣ. Здѣсь стоялъ оглушительный гулъ, такъ какъ одни орали отъ злости, другіе изъ сочувствія, третьи просто изъ желанія покричать, четвертые, наконецъ, изо всѣхъ силъ призывали къ спокойствію и тѣмъ еще усиливали шумъ. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ отъ словъ перешли къ дѣлу.

Однако эта форма дебатовъ была довольно скоро прекращена. Лишь только стало нѣсколько тише, Дистеркампъ съ помощью звонка привлекъ къ себѣ вниманіе слушателей и сказалъ:

— Выражаю свое глубокое сожалѣніе по поводу безобразнаго происшествія. Г. кондитеръ Батге заявляетъ, что все это одна лишь клевета. Я увѣренъ, что честь г. Батге не будетъ запятнана этимъ печальнымъ оскорбленіемъ. Надѣюсь, однако, что я все-таки поступлю съ общаго согласія, если лишу, наконецъ, оратора слова.

Но тутъ внизу началась опять какофонія. Г-нъ Шнютгенъ выступилъ впередъ и своимъ хриплымъ голосомъ крикнулъ:

— Еще лишь нѣсколько словъ, господа! Я здѣсь въ качествѣ обвиняемаго, который защищается. Вы вѣдь будете справедливы... Перехожу къ г-ну аптек...

Но въ этотъ моментъ слово застряло въ горлѣ даже этого неугомоннаго крикуна. Ибо аптекарь Рингель упалъ со своего стула, словно сраженный ударомъ.

Начался полнѣйшій кавардакъ. Въ то время, какъ внизу толпа вскочила со своихъ мѣстъ и вытягивала шеи по направленію къ внезапно исчезнувшему аптекарю, Дистеркампъ, капитанъ и Батге подхватили упавшаго въ обморокъ. Такъ какъ послѣдній дѣлалъ странныя движенія и стоналъ: „Воздуха! Воздуха!“ то они вынесли его. Такимъ образомъ, предсѣдательскій столъ разомъ опустѣлъ, что г-нъ Шнютгенъ черезъ короткое время и констатировалъ соболѣзнующимъ движеніемъ руки. Въ то время, какъ внизу бушевало и гремѣло, оба полицейскихъ поднялись, надѣли свои каски, и лейтенантъ сказалъ:

— Объявляю собраніе закрытымъ.

Вслѣдъ за этимъ раздался крикъ какого-то остряка:

— Да здравствуетъ комитетъ!

Въ отвѣтъ раздались восторженные „ура“.

Какъ послѣ особенно блестящаго представленія въ театрѣ, публика очищала залъ медленно. Вдоль бѣлыхъ стѣнъ и украшенныхъ библейскими изреченіями пестрыхъ оконъ продолжалъ съ неимовѣрной силой ревѣть бурунъ до край-

ней степени взволнованнаго тысячеголоваго человѣческаго моря, въ которомъ пѣнилась ярость, и бурлило злорадство, въ которомъ раздавалась рабочая марсельеза, но громче всего, заглушая все, носились волнующіе грудь, вызывающіе слезы и не знающіе удержу раскаты смѣха.

XVII.

Оба мальчика ушли много раньше конца собранія. Они спускались по скудно освѣщенному узкому переулку, пересѣкавшему улицу Евангелической церкви. Держа своего товарища подъ руку, Августъ шелъ рядомъ съ Эрнстомъ и полуобиженнымъ, полуомраченнымъ тономъ повторялъ:

— Но, право, это свинство. Я вѣдь тебѣ все разсказываю.

— Иди лучше домой!

— Нѣтъ. Прежде скажи мнѣ!

Не отвѣчая ни слова, Эрнстъ ускорилъ свои шаги и чувствовалъ, какъ при каждомъ шагѣ желѣзная головка молотка ударяла его по груди.

— Это безцѣльно,—возразилъ онъ, наконецъ.—Завтра я скажу тебѣ.

— Нѣтъ, сегодня! Больше я къ тебѣ ходить не буду. Это вѣдь не дружба!

— А если-бъ я тебѣ сказалъ, ты вѣдь также не могъ бы мнѣ помочь.

— Все-таки!

— Ты бы скорѣе старался удержать меня отъ этого!

— Нѣтъ! нѣтъ! Право, нѣтъ!

Одну минуту Эрнстъ стоялъ въ раздумьи и затѣмъ сказалъ:

— Нѣтъ! Я самъ долженъ это сдѣлать! Иди, иди домой!

— Эрнстъ, честное слово! Мое самое святое слово, что я тебѣ помогу. Я вѣдь другъ твой.

Тутъ Эрнстъ съ короткимъ, стонущимъ звукомъ выпустилъ дыханіе, схватилъ лѣвую руку Августа и прижалъ ее къ своей груди:

— Знаешь, что́ у меня здѣсь? Молотокъ!.. Имъ я раздроблю фонтанъ. Слишкомъ рано смѣялись они, эти негодяи!

— Что?—заикался Августъ.—Что?.. Ради Бога, какое ты имѣешь право?

— Какое ты имѣешь право? Ахъ ты, несчастный оселъ! „Какое ты имѣешь право“? Я долженъ! Или я съ ума сойду. Я больше не могу видѣть этого фонтана. Эту голую стерву наверху... Ахъ Боже, зачѣмъ я сказалъ тебѣ это? „Какое ты имѣешь право?“

Онъ безумно трясъ головой, быстро, почти бѣгомъ спѣша

впередъ. Наполовину оглушенный, другъ его пыхтѣлъ рядомъ съ нимъ, тяжело повиснувъ на его рукѣ, за которую онъ тѣмъ крѣпче держался, чѣмъ больше чувствовалъ, что Эрнстъ хочетъ освободиться отъ него. Неудержимый страхъ заставилъ его, наконецъ, высказать свои спутанныя мысли.

— Ахъ, Боже... Эрнстъ... если они схватятъ тебя... тебя потащутъ въ полицію. Ахъ, Боже! Вѣдь твой дядя думалъ совсѣмъ не то.

— Нѣтъ! Онъ думалъ это. Именно это... Вчера еще, здѣсь... А если даже нѣтъ... пусть они не торжествуютъ! Пусть смѣхъ исчезнетъ съ ихъ лицъ! Я долженъ это сдѣлать. Я далъ себѣ слово... Ахъ, ты всего этого не можешь понять. Ты не знаешь... не знаешь... Иди же домой, Августъ!

Они стояли передъ площадью, широко и пустынно лежавшей передъ ними со своей неровной, блестѣвшей отъ сырости мостовой. Фонтанъ поднимался бѣлый, спокойный и привѣтливый, такой неприкосновенный въ своемъ блескѣ, словно никогда не могло случиться, чтобы на него посягнула злодѣйская рука. И одну минуту Эрнстъ былъ охваченъ ужасомъ, почтительнымъ страхомъ... Но, опустивъ глаза книзу, онъ двинулся впередъ, между тѣмъ какъ Августъ обхватилъ его, повисъ на немъ всей своей тяжестью и умоляюще просилъ:

— Что ты дѣлаешь? Тебя схватятъ! Тебя могутъ увидѣть!.. У васъ еще свѣтло... Ахъ, Боже, вспомни своихъ родителей!

— О нихъ я какъ разъ и думаю.

— Не дѣлай себя несчастнымъ! Ты попадешь въ полицію! Ты не въ своемъ умѣ, Эрнстъ.

Онъ тащилъ его назадъ, и его невозможно было стряхнуть, пока Эрнстъ не вырвался изъ его рукъ. Прижимая руку ко лбу, онъ тихимъ, измѣнившимся отъ мукъ голосомъ сказалъ:

— Оставь меня, Августъ! Если я не сдѣлаю этого, я себѣ раздроблю черепъ... Ты не можешь этого понять. Я вполнѣ въ своемъ умѣ! Тебя никогда не метало такъ: сегодня сюда, завтра туда... Если я это сдѣлаю, я освобожусь отъ своихъ мукъ. Тогда пусть случится, что угодно: я знаю свою дорогу...

Не глядя по сторонамъ, онъ прошелъ широкую площадь, а другъ его метался позади него, испуская заглушенные вздохи и восклицанія ужаса. Когда же Эрнстъ наклонился надъ выгнутымъ краемъ бассейна, Августъ еще разъ, но тщетно, пытался удержать его. Съ дикой быстротой Эрнстъ подымался по мраморной скалѣ, держась за голову одного изъ мальчиковъ. Онъ ударилъ молоткомъ по тѣлу голой жен-

ской фигуры—раздался ясный, полный звукъ. Еще разъ, тотъ же пѣвучій, полный тонъ, почти какъ отъ металлическаго колокольчика. Когда же Эрнстъ поднялъ руку въ третій разъ, Августъ стащилъ его внизъ. Тогда Эрнстъ направилъ молотокъ на мраморнаго мальчика, за котораго онъ держался. Одинъ ударъ попалъ въ лицо и откололъ носъ и губу, другой—руку, которая со звономъ слетѣла внизъ...

— Эрнстъ! Эрнстъ! Полиція!

Раздался продолжительный, рѣзкій свистъ, который заставилъ его обернуться. Оба мальчика скатились въ бассейнъ, но тотчасъ же поднялись и перепрыгнули черезъ край его. Въ этотъ моментъ Эрнстъ замѣтилъ толстую фигуру Пампуха, пыхтя бѣжавшаго на него съ распростертыми руками. Порывъ вѣтра сорвалъ шляпу съ головы Августа. Онъ нагнулся за нею и растянулся при этомъ во всю длину. Но почти въ то же время Пампухъ споткнулся о свою шашку. Эрнстъ поднялъ своего друга и быстрыми прыжками помчался по улицѣ Евангелической церкви.

— На Озерную!—крикнулъ онъ Августу.

Вода изъ водосточныхъ трубъ обливала его съ головы до ногъ. Звуки его шаговъ отражались отъ стѣнъ и будили эхо какъ бы отъ многихъ ногъ. Время отъ времени, заворачивая въ новую боковую улицу, онъ бросалъ своему товарищу нѣсколько торопливыхъ словъ.

Наконецъ, онъ достигъ берега рѣки Вупера и крикнулъ:

— Августъ, стой!

Никто не отвѣтилъ. Испуганный онъ обернулся назадъ: Августъ исчезъ.

Тогда онъ, весь объятый страхомъ, снова пустился по всѣмъ этимъ кривымъ, узкимъ переулкамъ Стараго города, окружавшимъ Новый рынокъ, время отъ времени кидаясь къ какой-нибудь отдаленной фигурѣ, полный мучительнаго страха, что его товарищъ могъ быть схваченъ преслѣдователемъ. Но вѣдь это было невозможно! Онъ вѣдь слышалъ за собою шаги Августа... Вотъ онъ! „Августъ! Августъ! Подойди!..“ хрипѣлъ онъ. Но тотъ, къ кому онъ обращался, поворачивался къ нему, дѣлалъ удивленное лицо и спѣшилъ дальше.

Наконецъ, Эрнстъ вернулся къ площади, которая лежала передъ нимъ, широкая и пустынная. Посрединѣ подымался фонтанъ — бѣлый, спокойный и неприкосновенный, словно ничего не произошло... Онъ пошелъ мимо будки полицейскаго подъ четыреугольнымъ фонаремъ. Не видно ничего. Тутъ, успокаивая его страхъ, вспомнились ему ихъ прежнія индѣйскія игры, при которыхъ обязательнымъ правиломъ считалось никогда не бѣжать въ одномъ и томъ

же направленіи, а разсѣяться во всѣ четыре стороны. Можетъ быть, Августъ вспомнилъ это правило? Можетъ быть...

Смертельно усталый, убитый, колеблясь между страхомъ и надеждой, онъ вернулся домой въ полночь.

Въ эту ночь волненій и неслыханныхъ происшествій, когда въ священныхъ покояхъ „Евангелическаго ферейна" царилъ столь нехристіанскій шумъ и смѣхъ, когда городовой Памнухъ бѣгалъ по улицамъ, точно молодой рекрутъ, въ эту ночь въ комнатѣ своего сына сидѣла фрау Броохъ, перебирая цѣлый рядъ ключей, чтобы открыть ящикъ письменнаго стола Эрнста. Найдя, наконецъ, подходящій, она отперла, но заколебалась и задвинула обратно открытый уже ящикъ.

— Какъ глупо! —думала она.—Кажешься самому себѣ преступникомъ, хотя желаешь самаго лучшаго.

Она задумалась... Мысли ея перенеслись въ прошлое къ вечеру, наканунѣ ея помолвки, словно тѣ часы безпокойныхъ размышленій были тѣсно связаны съ нынѣшними.

Она была тогда нѣсколько испугана предложеніемъ Брооха, хотя и говорила себѣ, что должна была ожидать его. Она не въ состояніи была дать сейчасъ же безусловный утвердительный отвѣтъ, а попросила дать ей время обдумать свое рѣшеніе, что она и сдѣлала, просидѣвъ половину ночи одѣтой въ своемъ номерѣ гостиницы, рядомъ съ комнатой матери. Держа передъ собою снимокъ дома Брооха и фотографическую карточку его сына, она попеременно разсматривала то одно, то другое и связывала съ ними безпокойныя мысли, между тѣмъ какъ за стѣною мать ея похрапывала совершенно спокойно. Дѣло въ томъ, что Елена нѣсколько побаивалась обоихъ: большого дома и большого сына.

Останется ли она той же, какою была?—А что она коечѣмъ была, она чувствовала безъ тщеславія, но и не безъ спокойной гордости. Сможетъ ли она сохранить свое „я" въ этой новой обстановкѣ, въ этомъ городѣ купцовъ и фабрикантовъ, въ этомъ домѣ, имѣвшемъ такой видъ, какъ будто въ немъ обиталъ домовой, такой же внушительный, давящій и нѣсколько мрачный, какъ и самъ домъ?

И чѣмъ былъ для нея коммерціи совѣтникъ Броохъ? Если бы онъ уѣхалъ вчера, нѣтъ... еще недѣлю тому назадъ, она вспоминала бы о немъ, какъ о миломъ, цѣнномъ и интересномъ знакомомъ по путешествію, какъ о человѣкѣ, на котораго она смотрѣла съ уваженіемъ, но и съ нѣкоторой робостью. Ея впечатлѣніе было, собственно говоря, таково: въ

высшей степени дѣльный, цѣльный человѣкъ и... еще кое-что больше. Но вотъ это именно „кое-что больше“ и дѣлало его такимъ привлекательнымъ. Она съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ, высказывая свои взгляды сначала какъ бы съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ упрямства, словно намѣреваясь съ перваго же момента противорѣчить ему, но затѣмъ все болѣе свободно и естественно. На ея слова онъ не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ и лишь по временамъ, съ короткой, добродушно-насмѣшливой улыбкой противопоставлялъ ея внутреннимъ переживаніямъ свой „внѣшній“, пріобрѣтенный въ торговой жизни, въ хозяйственной борьбѣ опытъ. Но не какъ нѣчто противорѣчащее, а, нѣкоторымъ образомъ, какъ равноцѣнное. Да, позже она при нѣкоторыхъ случаяхъ убѣждалась, что то или другое онъ перенималъ у нея. Тогда въ его трезвомъ, корректно-констатирующемъ купеческомъ тонѣ слышалось нѣчто чуждое, новое. Ее располагало въ его пользу именно то, что онъ это дѣлалъ, что это было чужестраннымъ пестрымъ камнемъ въ массивномъ, цѣльномъ зданіи его личности. Но можно ли на этомъ построить совмѣстную жизнь? Не придетъ ли день, когда онъ,—можетъ быть, и не по своей винѣ, а потому, что этого потребуютъ обстоятельства, домашніе пенаты,—объявитъ ей, что Ницше, Эмерсонъ и Карлейль плохіе совѣтники въ домашней жизни жены купца, что она должна перестать ходить своей дорогой, а должна принять то, что принято испоконъ вѣковъ и у всѣхъ?

А образъ этого большого, серьезнаго мальчика, который глядѣлъ на нее своими затуманенными глазами строго и нѣсколько надменно,—она не разъ качала при этомъ головой и думала: онъ слишкомъ большой... Если-бъ онъ еще былъ ребенкомъ, а то уже почти взрослый человѣкъ! Кто знаетъ, можетъ быть, онъ будетъ мнѣ несимпатиченъ или безразличенъ; можетъ быть, онъ обладаетъ какимъ-нибудь свойствомъ, которое сдѣлаетъ его мнѣ враждебнымъ, а я должна стать для него матерью? Не слишкомъ ли велика отвѣтственность?

Долго, очень долго обдумывала она все это, пока, наконецъ, не вскочила со слабымъ крикомъ: „Ахъ, я это все-таки сдѣлаю!“ — почувствовавъ, что всѣ эти длинныя, длинныя разсужденія по существу своему безполезны и ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ убѣжденіемъ, что она любитъ, да, любитъ этого добродушнаго, искренняго человѣка съ его нѣсколько насмѣшливой улыбкой.

Поставивъ возлѣ себя на ночной столикъ большого мальчика и большой домъ, она раздѣлась, крѣпко заснула и на слѣдующее утро проснулась съ увѣренностью, что другого отвѣта она и не могла бы дать...

И до сихъ поръ она въ немъ не раскаялась. Нѣтъ! нѣтъ, она не раскаивалась.

Сегодня она знала, что такой же она осталась, такой же останется и въ новой обстановкѣ. Она испытала кое-какія противодѣйствія, измѣрила свои силы и была полна мужества. А мужъ ея,—во время путешествія онъ не надѣвалъ на себя маски человѣка съ болѣе веселой и широкой душой: дома онъ оставался тѣмъ же человѣкомъ. Она чувствовала, что можетъ быть для него кое-чѣмъ больше, чѣмъ украшеніемъ, чѣмъ радостью его существованія, хотя таковой она главнымъ образомъ и являлась для него.

Но сильнѣе всего она чувствовала одно: она осталась бы, можетъ быть, неудовлетворенной въ этомъ положеніи равномѣрно веселаго благополучія, она бы чувствовала, что какъ разъ самая глубокая, самая страстная потребность ея сердца, которое не затихаетъ даже во счастьи, которое хочетъ страдать, бороться, помогать и утѣшать, которое находитъ удовлетвореніе лишь въ обладаніи всей человѣческой душой, что какъ разъ эта потребность осталась бы неудовлетворенной, если-бъ оригиналъ этой фотографической карточки, которая и привлекала ее и въ то же время внушала страхъ, не былъ бы — ея большимъ сыномъ. Да, дѣйствительно, ея сынъ... если-бъ онъ только чувствовалъ такъ же: моя мать!

И это именно заставило ее открывать ящикъ его письменнаго стола: она хотѣла знать, что запирало его сердце передъ стучавшейся въ него любовью. Она должна это знать, чтобы быть въ состояніи помочь ему. И, такъ какъ никакіе разспросы не помогали, то она хотѣла проникнуть въ его внутреннее *я* съ помощью хитрости и насилія, и потому читала его дневникъ, который онъ запиралъ всегда съ такой поспѣшностью.

И вотъ—послѣ долгаго раздумья—съ нею теперь произошло то же, что и тогда: она разомъ поняла, что напрасно столько думаетъ. Онъ вѣдь никогда не узнаетъ этого, и это принесетъ ему только пользу!

Она читала его дневникъ и пережила всю его жизнь. Совершенно забывшись, не замѣчая, что на эти безпорядочно исписанныя страницы скатываются ея горячія слезы, она заглядывала въ самые потаенные уголки его души, изучала его такъ, какъ лишь онъ одинъ зналъ самого себя, но въ то же время освѣщая это тѣми же обдуманными знаніями, съ какими знающій врачъ изслѣдуетъ безпомощно страдающаго ребенка. Переживая его страхъ, его сомнѣнія, его борьбу, она видѣла также тайно дѣйствующія причины ихъ, видѣла каменщика при его работѣ, какъ онъ камень за камнемъ кладетъ стѣну, которая отдѣляла сына отъ не-

знакомой ему еще матери. И, если до сихъ поръ она видѣла въ Дистеркампѣ лишь ограниченнаго, но въ сущности неопаснаго человѣка, она поняла теперь, что при всей своей глупости онъ мощный борецъ мрачнаго фанатизма, который можетъ влить горечь во всякую земную радость и простереть свой мракъ надъ всѣми дѣтьми свѣта.

Эрнстъ долженъ уѣхать, какъ можно скорѣе уѣхать. Не только отъ своего дяди, но и отъ фрейлейнъ Киппъ, въ совершенно новую обстановку. Это было для нея вполнѣ ясно, и она твердо рѣшила сдѣлать все возможное, чтобы спасти его.

Передвинутыя души.

Очерки.

III.

Погромъ.

Горбатовскій погромъ не привлекъ особеннаго вниманія. Газеты упомянули о немъ, потомъ напечатали краткое извлеченіе изъ судебнаго отчета и въ свое время—извѣстіе о Высочайшемъ помилованіи преступниковъ.

Въ то время было слишкомъ много погромовъ. Писать приходилось о самыхъ, такъ сказать, эффектныхъ, гдѣ число жертвъ доходило до сотенъ,—Одесса, Баку, Томскъ, Бѣлостокъ, Сѣдлецъ. Всѣхъ не перечтешь.

Черносотенцы, однако, оказались внимательнѣе къ Горбатовскому погрому. Адвокатъ Булацель затѣялъ цѣлую кампанію противъ нижегородскаго суда и довелъ ее побѣдоносно до конца, даже получилъ оффиціальное одобреніе.

Дѣйствительно, Горбатовскій погромъ это—одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и многозначительныхъ.

Другіе погромы были шире и грандіознѣе. Но этотъ, благодаря особому стеченію обстоятельствъ, представляетъ собой какъ бы соціологическій препаратъ русской революціи, взятый въ самой толщѣ народнаго тѣла и свободный отъ постороннихъ примѣсей. И если изучить его даже со стороны, то можно видѣть болѣе или менѣе ясно, откуда пошло освободительное движеніе, какъ протекало оно и обо что оно разбилось.

Мнѣ пришлось видѣть рядъ пострадавшихъ и свидѣтелей Горбатовскаго погрома. Я говорилъ съ людьми, которые часами сидѣли въ чуланѣ или подъ казеннымъ столомъ, ежеминутно ожидая гибели. Столъ былъ покрытъ зеленымъ сукномъ и на столѣ стояло зерцало. Кругомъ бѣгали погромщики съ кирпичами и окровавленными палками. Складки казеннаго сукна висѣли до полу и дали защиту. Другой защиты не было. Я разспрашивалъ людей, которые

видѣли, какъ Завирущевъ «скакалъ» и «топтался» по тѣлу Горбунова и Чичеринъ набивалъ осколки стекла въ горло Романову, и были безсильны вступиться.

Память о погромѣ не прошла безслѣдно даже для уцѣлѣвшихъ. Курочкинъ, членъ управы, высокій мужчина въ цвѣтѣ лѣтъ, сталъ нервнымъ и мнительнымъ. Мы переѣзжали Волгу вмѣстѣ съ нимъ въ лодкѣ, въ ясный лѣтній день, при тихой погодѣ.

Когда набѣжала легкая зыбь, и лодка качнулась, онъ сталъ волноваться и хвататься руками за бортъ.

— Пустите меня обратно,—сказалъ онъ,—я не могу...

Ему пришлось пережить во время погрома ужасныя минуты.

Убійцы, покончивъ съ Горбуновымъ и Романовымъ, ворвались въ комнату, гдѣ скрывались Курочкинъ и Воскресенскій.

Они не знали ихъ въ лицо и спрашивали: «Гдѣ Курочкинъ?»

— Я такъ растерялся,—разсказывалъ Курочкинъ,—что, кажется, пробормоталъ: «я здѣсь». Но они не слышали.

— Воскресенскій, спасибо ему, былъ смѣлѣе. Онъ сталъ говорить: «Какого вамъ Курочкина? Вы видите, насъ только двое здѣсь».

— Что вы чувствовали?—спросилъ я.

— Тупое такое ощущеніе, какъ будто ударъ по головѣ... Дали или дадутъ... Я все фуражку нахлобучивалъ... О дѣтяхъ думалъ...

Оонъ замолчалъ и потомъ попросилъ: «Будетъ объ этомъ».

— Я не могу,—повторялъ онъ. — Недавно встрѣтилъ на пароходѣ Лаврентьева, подальше отошелъ. Рожа эта, я не могу...

Кромѣ живыхъ разсказовъ я пересмотрѣлъ также судебные акты, полицейскіе протоколы и показанія свидѣтелей.

Изо всего этого матеріала я постараюсь выдѣлить прежде всего основныя особенности Горбатовскаго погрома, которыя отличаютъ его отъ другихъ подобныхъ событій.

Начну съ того, что въ Горбатовскомъ дѣлѣ вовсе не было «жида».

Правда, Лаврентьевъ, городской голова, который выписывалъ газету «День» (тогда еще не было ни «Вѣча», ни Дубровинскаго «Знамени») въ тридцати экземплярахъ и раздавалъ ее безплатно въ трактирѣ, пробовалъ заговаривать и объ евреяхъ. Но даже трактирщикъ могъ дать только одинъ отвѣтъ: «Я ихъ не знаю, никогда не видѣлъ».

Уже черезъ годъ на судѣ защитникъ погромщиковъ Баженовъ попробовалъ вернуться къ тому же предмету. Онъ говорилъ:

— Въ Кіевѣ евреи кричали: «Мы вамъ дали Бога, дадимъ и царя». Одинъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго вырѣзалъ на портретѣ лицо Государя Императора и вставилъ свое собственное съ пейсами».

Но эти разсказы не нашли отклика даже среди подсудимыхъ.

Ибо Горбатовъ такое мѣсто, куда евреи не доѣзжаютъ (да и не пускаютъ ихъ). Въ городѣ, кажется, нѣтъ ни одного еврея. Горбатовымъ владѣютъ собственные, истинно-русскіе купцы, русскіе ростовщики, русскіе заводчики. Они платятъ рабочимъ истинно русскую плату: сорокъ копѣекъ въ день.

Они чувствуютъ себя отлично. Газеты ненавидятъ. Съ особеннымъ остервенѣніемъ рвутъ книги въ мелкіе клочки. У Серебровскаго при погромѣ изорвали библіотеку болѣе тысячи томовъ.

Ихъ девизъ простъ и ясенъ. Когда городскому головѣ Лаврентьеву предложили присутствовать на молебнѣ по поводу 17 октября, онъ отвѣтилъ: «я этихъ свободъ не понимаю. Я жилъ свободно и раньше...»

Другая отличительная черта. Въ Горбатовскомъ дѣлѣ не было воздѣйствія начальства. Былъ только нейтралитетъ.

Многіе склонны приписывать воздѣйствію начальства въ нашихъ послѣднихъ неудачахъ слишкомъ большое значеніе. Они разсматриваютъ его, какъ нѣчто чуждое, совсѣмъ постороннее, Deus ex machina русской жизни. Между тѣмъ, воздѣйствіе начальства,—это сила бытовая и даже творческая. Она выросла изъ почвы, и корни ея проросли до самой глубины. Будочникъ Мымрецовъ такая же коренная національная фигура, какъ торговецъ Разуваевъ и даже деревенскій мужикъ, дядя Власъ, старикъ сѣдой.

Итакъ, въ Горбатовѣ начальство хранило нейтралитетъ. Правда, это былъ нейтралитетъ благожелательный.

Исправникъ Петръ Предтеченскій заявилъ священнику Алмазову: «намъ не велѣно вмѣшиваться въ народное движеніе». А дьякону прямо сказалъ: «мнѣ неудобно присутствовать на молебнѣ».

Послѣ молебна толпа погромщиковъ качала исправника и кричала: ура!

Даже тужурка его запачкалась въ крови.

Воинскій начальникъ еще въ іюлѣ говорилъ: «Жалко, упустили ихъ». Земскій начальникъ Шалимовъ, по словамъ свидѣтелей, говоря о манифестѣ 17 октября, всегда выражался: «Швабода, швабода!»

По показанію свидѣтелей, полиція не принимала никакихъ мѣръ противъ избіенія.

Они говорили: «стоило бы одному городовому поднять кулакъ—и всѣ бы разбѣжались».

У исправника были свои счеты съ мѣстной интеллигенціей, особенно съ мелкими людьми, народными учителями, волостными писарями изъ новыхъ, «непьющихъ и образованныхъ», какъ горили свидѣтели.

Одинъ изъ такихъ писарей 20 октября, тотчасъ же послѣ манифеста, написалъ восторженно въ письмѣ: «Ура, да здравствуетъ свобода! Берегись, Петрушка Балаганчикъ». Балаганчикъ было

уличное имя исправника Предтеченскаго. Въ захолустныхъ городахъ люди слывутъ по прозвищамъ, по уличнымъ именамъ. Я зналъ другого исправника, маленькаго и злого. Его уличное имя было: Фунтикъ.

Черезъ два дня восторженнаго писаря чуть не убили на погромѣ. Ему выбили глазъ и вывихнули руку.

Третья особенность. Въ Горбатовѣ не было, такъ называемыхъ, постороннихъ элементовъ, пріѣзжихъ агитаторовъ, соціалдемократической пропаганды, рабочихъ забастовокъ.

— Предлагали эс-деки партійнаго оратора прислать,—разсказывалъ мнѣ одинъ мѣстный человѣкъ довольно откровенно,—да мы отказались. У насъ, признаться, не было яснаго представленія объ этихъ партіяхъ, Богъ съ ними.

Въ Горбатовѣ были коренные, мѣстные, уѣздные люди. Елизвой Серебровскій до погрома ни разу ни выѣзжалъ изъ Горбатова.

Убитый Горбуновъ былъ мѣстный рабочій, канатчикъ.

Это былъ одинъ изъ мѣщанскихъ самородковъ, какіе стали попадаться на Руси еще со временъ россійскаго изобрѣтателя, Ивана Кулибина, восемнадцатаго вѣка. Хлопотунъ, непосѣда, очень кроткій, но любитель правды. Безъ всякаго образованія, но много читалъ. Его жалѣютъ до сихъ поръ. Даже черносотенцы говорятъ: «Этого убили напрасно. Онъ хотѣлъ народу добра».

Такъ называемыхъ революціонныхъ эксцессовъ тоже не было въ Горбатовѣ.

Многіе опять-таки склонны приписывать этимъ эксцессамъ слишкомъ большое значеніе. До сихъ поръ раздаются громкіе упреки по адресу лѣваго фланга: «Если бы *вы* не кричали и не дѣлали жестовъ, *мы* бы имѣли теперь настоящую конституцію».

Настроеніе Горбатовской интеллигенціи было, напротивъ, самое мирное, идеалистическое:

— Вѣрили людямъ. Думали: общее забвеніе обидъ. Не враги, но друзья...

— Мы искренно хотѣли сдѣлать что-нибудь полезное для народа,—говорилъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей,—воодушевленіе такое было, подъемъ духа... Подхватило насъ и несло, какъ на крыльяхъ.

Самый рѣшительный человѣкъ прогрессивной стороны говорилъ мнѣ почти съ самоудивленіемъ:

— Я раньше культурникомъ былъ, о политикѣ не думалъ. Теперь только эпоха положила на меня свою чеканку. Я сталъ опредѣленнѣе.

— Прежде я былъ благожелательнымъ чиновникомъ, увлекался работой, очень ужъ почва подходящая. Такъ много можно бы сдѣлать добраго, если-бъ начальство не мѣшало.

Этотъ рѣшительный человѣкъ въ своей новой опредѣленности сдѣлался только кадетомъ—правда, кадетомъ лѣваго склона. Съ

тѣхъ поръ онъ былъ уволенъ со службы по третьему пункту, перемѣнилъ шесть мѣстъ и, вмѣсто трехсотъ рублей въ мѣсяцъ, получаетъ только семьдесятъ пять. У него четверо дѣтей, но онъ не унываетъ: «Ничего, мы по спартански!»

Именно поэтому Горбатовская интеллигенція явилась такой безпомощной во время погрома.

— Намъ говорили, что будетъ погромъ, но мы не вѣрили,— разсказываютъ всѣ пострадавшіе въ одинъ голосъ.—Вздоръ, за что?..

Этотъ самый вопросъ: «Братцы, за что?»—выкрикнулъ Романовъ, когда его стащили съ табуретки и ударили ломомъ по головѣ.

По словамъ знакомыхъ, Романовъ былъ толстякъ, говорунъ, весельчакъ, выпивоха, пѣвецъ, душа-человѣкъ, рубаха парень. Онъ былъ человѣкъ атлетической силы, но даже не поднялъ руки на свою защиту. Въ эти самыя минуты онъ былъ настроенъ совсѣмъ по иному.

Передъ началомъ погрома онъ былъ на молебнѣ, все время пѣлъ съ добровольцами и по показанію свидѣтелей молился горячо и со слезами.

Между прочимъ, безпомощность русской интеллигенціи во время черносотенныхъ погромовъ—общее явленіе. Защищались инородцы, отчасти евреи и очень сильно армяне. Тамъ, гдѣ русскіе били русскихъ, въ Горбатовѣ, въ Твери, въ Томскѣ, въ Архангельскѣ, въ Вологдѣ, никто не защищался. Въ Твери, во время погрома, членъ управы, Медвѣдевъ, выскочилъ на крыльцо и сталъ отнимать у толпы избиваемыхъ дѣвушекъ, управскихъ служащихъ. Онъ тоже былъ человѣкъ атлетической силы и у него были пустыя руки. Ему пробили голову и сломали два ребра. Онъ долго хворалъ, потомъ оправился, попалъ въ Государственную Думу, а оттуда въ Выборгъ, и такъ далѣе, вплоть до трехмѣсячной отсидки. Но въ минувшее лѣто увѣчья опять отозвались, и Медвѣдевъ умеръ.

Послѣ погромовъ многіе хватились, но было поздно.

— Хоть бы одинъ револьверъ,—съ горечью говорилъ мнѣ одинъ изъ пострадавшихъ,—ничего бы не было...

— Черносотенцы тоже боятся. Они любятъ бить за православную вѣру, но умирать за православную вѣру они не любятъ...

Револьверы были, но ихъ оставили дома.

— Мы шли мирно,—говорилъ тотъ же пострадавшій,—совершали мирное шествіе черезъ собственные трупы...

Послѣ погрома иные изъ мѣстныхъ интеллигентовъ дошли до крайней ненависти. Они строили планы мести, неправдоподобные, фантастическіе: «Поджечь городъ. Гдѣ спальня Лаврентьева, зарѣзать его».

Планы, конечно, остались планами.

Черносотенцы тоже были въ страхѣ. По городу ходили слухи: идутъ богородскіе рабочіе мстить за погромъ. По ночамъ выставляли караулы. Разъ или два начинали бить въ набатъ.

Однимъ словомъ, просыпались страсти и страхи междуусобной войны.

Я помню, въ городѣ Гомелѣ, послѣ перваго погрома, ночью, евреи попрятались на чердаки и даже въ клозеты, и женщины зажимали дѣтямъ ротъ, чтобъ они не плакали. И въ то же самое время на желѣзнодорожной слободкѣ, гдѣ жили мѣщане-погромщики, былъ пущенъ слухъ, будто изъ ближнихъ лѣсовъ идетъ 6000 вооруженныхъ евреевъ мстить за погромъ. Женщины съ плачемъ бѣжали на вокзалъ и заперлись въ амбарѣ. Мужчины вооружались и всю ночь ходили дозоромъ по улицамъ. И на другой день погромъ возобновился...

Впрочемъ, общее настроеніе Горбатовской интеллигенціи было подавленное. Многіе разбѣжались. Пострадавшіе такъ и не вернулись въ Горбатовъ, даже потомъ для устройства личныхъ дѣлъ. Елизвой Серебровскій продалъ заочно остатки своего дома за пятьсотъ рублей. Домъ стоилъ ему больше трехъ тысячъ.

Тѣ, кто остался въ Горбатовѣ, были запуганы до крайности.

Мнѣ разсказывалъ одинъ изъ пострадавшихъ, который вернулся потомъ на короткое время по неотложному дѣлу.

— Сходилъ въ присутствіе, иду назадъ съ револьверомъ въ карманѣ. Вижу, компанія молодежи, все знакомые. Даже поздороваться боятся. Обернулся назадъ: идетъ городской голова и еще два черносотенца...

Старая и новая Россія встаютъ передъ нами во весь ростъ въ Горбатовскомъ дѣлѣ.

Вотъ Елизвой Серебровскій, центральная фигура погрома. Это Горбатовскій мѣщанинъ, старинной, но бѣдной семьи. Отца его звали Елизвоемъ, сына тоже зовутъ Елизвоемъ. Онъ учился въ уѣздномъ училищѣ и достигъ знанія самоучкой.

Горбатовцы могли бы скорѣе гордиться Елизвоемъ Серебровскимъ. Даже, по словамъ прокурора, «онъ пробилъ себѣ дорогу собственнымъ горбомъ, сталъ образованнымъ человѣкомъ и центромъ кружка интеллигенціи, желавшей блага народу».

И, дѣйствительно, горбатовцы знали Елизвоя Серебровскаго. Въ день погрома толпа убійцъ бѣгала по городу, заглядывала въ городскую управу и въ частные дома, шарила, искала и кричала: «Изволка, выходи»!

Елизвой Серебровскій построилъ себѣ въ Горбатовѣ домъ, устроилъ большое венеціанское окно; выписывалъ журналы, покупалъ книги, статуэтки, завелъ много бѣлья. Все это пріобрѣталось въ теченіе 14 лѣтъ, вещь за вещью, изъ очень скромнаго жалованья.

Елизвой Серебровскій гордился своимъ домомъ, но мѣстные купцы не одобряли его вкуса. Они заводили только иконы въ серебряныхъ окладахъ.

Даже адвокатъ Баженовъ нашелъ нужнымъ задать ему вопросъ во время суда.

— Зачѣмъ вамъ была такая масса бѣлья?

Серебровскій отвѣтилъ: «Культурный человѣкъ привыкъ часто мѣнять бѣлье. Кромѣ того, часть бѣлья была заготовлена въ приданое дочери».

Во время погрома это бѣлье разобрали по рукамъ. Горбатовъ—городъ маленькій. Бѣлье молодой Серебровской разошлось по мѣщанскимъ невѣстамъ, почти на полгорода.

— Носятъ теперь,—благодушно говорили свидѣтели.

— Зачѣмъ вамъ была такая масса книгъ?—настаивалъ Баженовъ. На этотъ вопросъ Серебровскій не отвѣтилъ. Я уже упоминалъ, что книги были предметомъ особой ненависти черносотенцевъ. Иныя изъ нихъ были съ картинками. Мальчишки, бѣжавшіе вслѣдъ за погромщиками, пытались унести нѣсколько книгъ, но ихъ били по рукамъ, книги отнимали и рвали въ клочки.

— Не читай, сволочь, а то станешь такимъ, какъ Изволка!.. Портреты писателей поднимали на колья съ крикомъ «Ура».

Я встрѣтилъ точно такую же ненависть къ книгамъ въ другомъ извѣстномъ погромѣ той же эпохи. Я говорю о городѣ Александровскѣ, гдѣ дѣйствовалъ знаменитый ротмистръ Будогосскій. Толпа громилъ разграбила домъ секретаря земской управы Чижевскаго, который потомъ былъ депутатомъ Государственной Думы. Съ особеннымъ стараніемъ громилы уничтожали библіотеку Чижевскаго, большую, старинную.

— Это колдовскія книги,—кричали они.—Это жидовскій талмудъ.

— Зачѣмъ у васъ былъ фотографическій аппаратъ?—приставалъ адвокатъ Баженовъ.

— Зачѣмъ вамъ была такая масса негативовъ? Зачѣмъ у васъ была электрическая машина?

Мѣстные купцы задавали Серебровскому еще болѣе элементарные вопросы: «Зачѣмъ водку не пьешь? Зачѣмъ въ карты не играешь?».

Горбатовскій погромъ раззорилъ Серебровскаго въ конецъ. Все, что было накоплено за 14 лѣтъ, пропало. Изъ всего имѣнія остались только малыя дѣти. Елизвой Серебровскій забралъ своихъ дѣтей и отправился искать себѣ новаго мѣста...

На другой сторонѣ цѣлая галлерея черносотенныхъ типовъ.

Вотъ купцы патріоты: Стешовъ, Спиринъ, Орѣховъ, Склянинъ. Они возмущены нападками прогрессистовъ на Куропаткина.

— Зачѣмъ поминаете, зачѣмъ? Газеты читаете, ахъ вы...

Психологія у нихъ упрощенная: «Придемъ на собраніе и выкидаемъ всѣхъ изъ окошекъ».

Съ другой стороны, они возмущены также дѣйствіями земской веревочной артели, которую устроили интеллигенты. Она повышаетъ

цѣны на трудъ. Еще хуже: она успѣла взять большіе казенные подряды.

— Подряды и намъ годились бы,—говорятъ купцы.

Пріемы дѣйствій купцовъ старинные, испытанные, еще со временъ Бориса Годунова и Василія Шуйскаго..

— Михайло Васильевичъ Стешовъ денегъ даетъ, чтобъ раскидать этотъ домъ по бревнышкамъ.

Это говорилось подъ окнами у Серебровскаго, совершенно открыто.

Во время погрома Стешовъ прислалъ къ дому Серебровскаго рабочихъ специалистовъ. Печники ломали печи. Кровельщики разбирали кровлю.

По словамъ свидѣтелей послѣ погрома городской голова Лаврентьевъ угощалъ громилъ за то, что «постарались за Бѣлаго Царя и Отечество».

Впрочемъ, на самомъ погромѣ купцы не выступали. Дѣйствовали ихъ приспѣшники и довѣренные люди.

Первый изъ нихъ Федяковъ, писецъ уѣзднаго съѣзда, дѣятель мѣстнаго союза русскаго народа.

Фигура тоже характерная. Человѣкъ способный, дока, законникъ, мастеръ писать бумаги. Недурной ораторъ. Старый, чахоточный, злой. Беретъ взятки, но небольшія. Кое что скопилъ. Даетъ деньги на проценты. Ярый приверженецъ старого строя.

У него на сердцѣ дворяне... Ему льститъ, что земскій начальникъ обращается къ нему на *вы*.

— Изъ лавки у Стешова не выходитъ, – говорили свидѣтели.—Съ богатыми купцами за ручку здоровается. Его благодарятъ и называютъ опорой. Онъ обѣщаетъ заслужить.

Онъ былъ однимъ изъ организаторовъ погрома, но не удержался въ этой роли, и перешелъ въ «активную борьбу». Это онъ нанесъ первый ударъ Романову.

Дальше идутъ простые исполнители. Чичеринъ служитъ у Стешова по разнымъ порученіямъ. Бывшій воръ, сидѣлъ въ тюрьмѣ. Козырихинъ—коммиссіонеръ Стешова; Федотовъ, единовѣрческій дьячокъ, фигура дикая. Во время погрома, по показаніямъ свидѣтелей, скакалъ передъ толпой на одной ногѣ съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ. На бѣломъ флагѣ была надпись: «За царя».

На какой почвѣ возникла въ Горбатовѣ вражда между интеллигенціей и «народомъ»? Погромщики изъ подсудимыхъ говорятъ: на политической, пострадавшіе интеллигенты утверждаютъ: на экономической. Но дѣло въ томъ, что Горбатовская экономика была въ то-же время и политикой. Тамъ наблюдалось въ полной мѣрѣ старо-русское единеніе основъ.

Горбатовъ хотя и городъ, но мѣсто отсталое. Онъ стоитъ въ сторонѣ отъ главныхъ русскихъ путей. Въ немъ нѣтъ даже прогимназіи, есть только нѣсколько начальныхъ школъ.

Съ другой стороны, уже полтора вѣка въ Горбатовѣ и въ окрестностяхъ существуетъ значительное веревочное производство.

Формы этого производства старыя. Мелкіе заводчики имѣютъ раздаточныя конторы, раздаютъ пеньку рабочимъ и принимаютъ канатъ. Канатчики занимаются также земледѣліемъ и огородничествомъ.

Заработки чрезвычайно низкіе. Множество посредниковъ, коммерсантовъ, раздатчиковъ, маклеровъ, хозяевъ и хозяйчиковъ, мастеровъ и мастерковъ. Нравы тоже соотвѣтственные, старинные московскіе нравы, описанные еще Герберштейномъ.

Точно такіе же нравы существуютъ и въ другихъ отсталыхъ центрахъ полукустарнаго производства, напримѣръ, въ Кимрахъ.

Звѣриная эксплуатація, съ одной стороны, и полная продажность — съ другой. Общее невѣжество, общій развратъ, общій взаимный обманъ.

Это та самая затхлая мѣщанская среда, которая даже въ большихъ городахъ валомъ валила на первые публичные митинги, но спрашивала при этомъ ораторовъ съ тревогой и даже съ угрозой: «Чего вы хотите, что вамъ надо»?

— Зачѣмъ надо было разъяснять манифестъ,—спросилъ предсѣдатель суда свидѣтеля Фіалковскаго, судебнаго слѣдователя.

— Затѣмъ что по этому поводу шли кривотолки. Даже помощникъ бухгалтера Бобылинъ говорилъ: «Что такое свобода?—Кого хочу, того и изругаю». Это говорилось въ серьезъ, безъ всякихъ шутокъ.

Многіе изъ насъ были потомъ свидѣтелями, какъ эта мѣщанская, обывательская толпа пьянѣла отъ смѣлаго слова, какъ будто отъ вина, и вдругъ разбивала свои старые кумиры и создавала себѣ новые кумиры...

Эта перемѣна шла быстро и захватила многіе уѣздные города и захолустные посады, какъ о томъ свидѣтельствуютъ выборы въ Государственную Думу, первую и вторую.

Въ одномъ изъ южныхъ городовъ я видѣлъ человѣка, который пережилъ слѣдующую эволюцію.

Лѣтомъ 1905 года ѣздилъ съ депутаціей въ Царское Село, весною 1906 года привлекался по подозрѣнію въ принадлежности къ соціалъ-демократической партіи, а теперь, увы! состоитъ подъ подозрѣніемъ, уже съ другой стороны, какъ агентъ-провокаторъ...

Эта перемѣна, однако, не коснулась города Горбатова. Онъ какъ былъ, такъ и остался. Горбатовскіе выборщики въ Государственную Думу были черносотенные.

Еще въ 1901 году Горбатовскіе купцы учредили клубъ для карточной игры. Они пьянствовали, наливали пива въ рояль. Они протестовали даже противъ устройства любительскихъ спектаклей. Клубъ этотъ существуетъ и теперь.

Съ другой стороны, податной инспекторъ Владиславлевъ, устрои-

тель земской раздаточной конторы, которая пыталась вести борьбу съ эксплуатаціей, говорилъ мнѣ, что съ городскими канатчиками нельзя было имѣть никакого дѣла. Они норовили сдавать негодный товаръ. Даже съ деревенскими кустарями, сравнительно болѣе честными, приходилось держаться на сторожѣ и строго браковать сдаваемый канатъ.

Поставленное такимъ образомъ дѣло стало развиваться. Купцы платили рабочимъ до 59 коп. съ пуда, а земская контора до 70 коп. съ пуда.

Въ первое же полугодіе получился оборотъ въ 18,000 руб. и чистая прибыль въ пользу земства 900 руб.

Земская контора сумѣла достать подрядъ у интендантства, преодолѣвъ затрудненія. Даже никакой взятки не было дано, хотя обычная норма считается въ 15°/₀ валовой суммы. За то заказъ былъ исполненъ безукоризненно, и придраться было не къ чему.

Дѣло это было поставлено такъ крѣпко, что даже теперь, когда всѣ другія начинанія горбатовской интеллигенціи разгромлены, это одно уцѣлѣло и существуетъ черезъ пень колоду.

Земскіе доходы слишкомъ плохи, и даже черносотенное земство не хочетъ отказаться отъ этихъ канатныхъ барышей.

Раздаточная контора была устроена весною 1904 г. Лѣтомъ 1905 г. была устроена потребительная лавка, чайная трезвости, съ высокими потолками, съ газетами, съ граммофономъ...

— Мы всѣ работали, — говорилъ мнѣ г. Владиславлевъ.—Я самъ прибиралъ пьесы для граммофона.

Купцы стали коситься. Они говорили довольно прямо: «Зачѣмъ интеллигенція ссорится съ фабрикантами? Мирно жили».

Въ Горбатовскомъ уѣздѣ, кромѣ уѣзднаго города, лежитъ большое село Богородское. Это село является центромъ кожевеннаго производства. Оно люднѣе и промышленнѣе, чѣмъ городъ Горбатовъ.

Это село расположено здѣсь, какъ будто нарочно, для удобства соціологическихъ сравненій, ибо оно типично для новой Россіи, какъ Горбатовъ типиченъ для старой.

Село Богородское съ самаго начала переживало всѣ перипетіи освободительной борьбы. Здѣсь была пропаганда, и были аресты. Въ апрѣлѣ 1905 года была забастовка большая, успѣшная. Наконецъ, послѣ забастовки была военная экзекуція.

Организаторомъ забастовки былъ рабочій Согедъ, полякъ изъ Вильны, ибо у богатаго промышленника Равкинда было два завода, одинъ въ Вильнѣ, другой въ Богородскомъ, и рабочіе переходили съ одного завода на другой. Дѣло, такимъ образомъ, не обошлось безъ инородца...

Горбатовская интеллигенція принимала во многомъ посильное участіе. Такъ, 10-го іюля при ея содѣйствіи былъ созванъ въ селѣ Богородскомъ экономическій совѣтъ съ участіемъ крестьянъ и рабочихъ. Засѣданія совѣта прошли ярко, съ подъемомъ. Крестьяне

говорили рѣчи, разбирали газеты нарасхватъ. Старые крестьяне плакали: «Боже мой, до какихъ дней дожили».

— Мы полагали, оно уже въ рукахъ,—говорилъ мнѣ простодушно одинъ изъ устроителей,—было въ рукахъ, кромѣ физической силы...

Апрѣльская забастовка прошла со стихійною силой.

Толпа рабочихъ въ 2—3 тысячи дефилировала по улицамъ. Шли непрерывные митинги.

Въ уѣздѣ прошелъ слухъ, будто бы кружокъ интеллигентовъ пожертвовалъ на забастовку 25,000 рублей. Хозяева испугались и уступили во всемъ. Рабочій день сразу сократился съ 15 часовъ на 10. Спросъ на рабочія руки соотвѣтственно выросъ въ полтора раза. Рабочая плата поднялась. Въ руки рабочихъ попали лишнія деньги передъ самой ярмаркой. Начался торговый подъемъ.

Безпорядки начались съ приходомъ полуроты солдатъ и продолжались непрерывно. Впрочемъ, и безпорядки были мирные и выражались, по словамъ оффиціальнаго доклада,—въ многочисленныхъ арестахъ (?).

Одно время даже собраніе фабрикантовъ просило губернатора убрать войска ради умиротворенія. Роль интеллигенціи была, по преимуществу, примирительная. Нѣкоторые даже получили одобреніе министра за спасеніе станового пристава отъ натиска рабочихъ. Въ то же самое время они были отданы подъ судъ за вмѣшательство въ дѣла полиціи. Дѣло протянулось до манифеста и утонуло въ забвеніи...

Однако именно эта мирная дѣятельность интеллигенціи подала поводъ къ ожесточенной враждѣ.

Купцы испугались.

По словамъ прокурора:

«Идея коопераціи была ненавистна купцамъ. Опасно было уже и то, что создался новый пріютъ, куда люди могутъ идти за работой, помимо нихъ. Богородская забастовка несла съ собой непосредственную опасность для кармана заводчиковъ. И съ этого же момента возможно установить связь съ событіями 24 октября»...

Заводчики составили синдикатъ, но этого было мало.

Они старались уговаривать собственныхъ рабочихъ.

«Злонамѣренные люди хотятъ устроить забастовку. Мы закроемъ заводы, хоть на два мѣсяца. У насъ капиталовъ много».

Городскіе мѣщане, однако, стали интересоваться Богородскими дѣлами. Нужно было обратить ихъ вниманіе въ другую сторону.

Среди земскихъ служащихъ началось броженіе.

8 іюля Елизвой Серебровскій созвалъ собраніе для того, чтобы «обсудить положеніе».

Купцы воспользовались удобнымъ случаемъ. На базарахъ стали говорить, что земскіе служащіе хотятъ прибавки жалованья, а платить придется крестьянамъ и купцамъ.

Пускались въ дѣло обычныя обвиненія: Чичеринъ говорилъ на пароходѣ «Наслѣдники»: «Надо заявить, что они идутъ противъ царя. Тогда если избить ихъ, то ничего не будетъ».

Эти обвиненія падали на благодарную почву. Въ день собранія кругомъ земской управы собралась огромная толпа народа. Начало дня было совсѣмъ, какъ въ Твери, но до свалки не дошло. Земскіе служащіе были всѣ въ сборѣ, и черносотенцы не рѣшились напасть.

— Подождите,—кричали они,—мы послѣ наверстаемъ.

Какъ я уже упоминалъ, подкупъ и угощеніе тоже пускались въ дѣло.

Одинъ изъ мѣстныхъ обывателей попросилъ у Серебровскаго милостыню.

— Зачѣмъ тебѣ? У тебя свой домъ.

— Выпить хочется, — сказалъ проситель и потомъ прибавилъ:—я удивляюсь: такого добраго барина бить велятъ.

Вскорѣ послѣ того къ г-жѣ Серебровской явился мѣстный босякъ, Гогинъ, съ полѣномъ въ рукахъ и попросилъ рубль. Онъ говорилъ: «Это полѣно я могу обратить и противъ васъ, и противъ тѣхъ, кто меня нанялъ».

Впрочемъ, пострадавшіе отмѣчаютъ отсутствіе «босой команды» среди погромщиковъ.

Громили и убивали: городскіе мѣщане, прядильщики, огородники, дьячокъ, тюремный надзиратель...

Удобный случай представился только во время манифеста.

24 октября кричали въ толпѣ передъ управой: «Нельзя пропускать. Вотъ мы имъ покажемъ манифестъ».

Послѣ молебна членъ суда Усть-Волжскій всталъ на табуретку передъ толпой и началъ объяснять манифестъ. Серебровскій не утерпѣлъ, высунулъ голову изъ окна и крикнулъ: «Свободному крестьянину, свободному рабочему, свободному народу, ура!»

Толпа зашумѣла. На табуретку поднялся Романовъ, его стащили прочь и, по выраженію одного изъ свидѣтелей, «пошла потѣха».

Самый погромъ отличался звѣриной жестокостью и слѣпотой.

Романовъ былъ человѣкъ совершенно чужой и никому неизвѣстный въ Горбатовѣ. Онъ пріѣхалъ изъ Нижняго за два дня передъ этимъ по земскимъ дѣламъ и, по выраженію свидѣтелей, попалъ, какъ куръ во щи.

Послѣ погрома убійцы стали говорить, что Романовъ будто бы велъ агитацію среди новобранцевъ и требовалъ у священника Алмазова служить «молебенъ безъ иконъ», но воинскій начальникъ и священникъ не поддержали этого утвержденія. Я упоминалъ, что во время молебна Романовъ молился горячо и со слезами.

Чичеринъ на судѣ показалъ: Романовъ кричалъ: «Свобода, царя не надо. Да здравствуетъ республика! Ура!»

Но цѣлый рядъ свидѣтелей удостовѣрилъ, что Романовъ не успѣлъ даже рта раскрыть.

По словамъ свидѣтеля Соколова,—его били за то, что полѣзъ на скамейку. Били бы всякаго, кто сталъ бы говорить.

Романова и Горбунова повалили на землю и избили до полусмерти. Поворачивали и били. Били и смотрѣли, есть-ли духъ... Но они были еще живы. Ихъ унесли въ больницу и сдѣлали имъ перевязку. Почти тотчасъ же убійцы ворвались въ больницу и добили ихъ. По медицинскому осмотру, у Романова вся кожа съ головы была содрана, какъ скальпъ, кожа съ лица была сорвана клочьями и заворочена кверху. Горбунову былъ забитъ въ глотку деревянный колъ, на головѣ было пятнадцать рваныхъ ранъ...

— Потѣшились,—хвастался потомъ Чичеринъ.

Этотъ Чичеринъ какая то каннибальская фигура.

Онъ рѣзалъ Романову лицо склянкой и приговаривалъ: «Слава Богу, сподобилъ Господь принять».

По свидѣтельству прокурора, когда читали протоколы осмотра искалѣченныхъ труповъ, на лицѣ Чичерина и нѣкоторыхъ другихъ подсудимыхъ играла улыбка.

«Возможно, что они и теперь разсчитываютъ на безнаказанность,—сказалъ возмущенный прокуроръ,—на какія-нибудь внѣшнія силы, но здѣсь въ этомъ безпристрастномъ храмѣ правосудія ихъ надежды во всякомъ случаѣ будутъ тщетны».

Разсчеты погромщиковъ, какъ извѣстно, оправдались. Мнѣ разсказывали мѣстные люди:—Раньше во время суда они опустили голову, а теперь опять задрали носъ: «Надо говорятъ, было всѣхъ перебить. А то непріятности вышли, свидѣтели, суды,—никто бы не показывалъ. Спасибо, нашли заступу».

Съ другой стороны, прокуроръ и весь окружный судъ поплатились серьезными непріятностями за свою смѣлость.

Послѣ двойного убійства толпа громилъ хлынула къ дому Серебровскаго. По дорогѣ нашли бывшаго волостного писаря Сергѣя Мерзлова и избили его до безчувствія.

Били также Макарова, Смирнова и другихъ.

Дѣти Серебровскаго, Елизвой, 12 лѣтъ, и Нина, 14 лѣтъ, спрятались на чердакѣ, но ихъ нашли. Чичеринъ говорилъ, что ихъ надо убить, но другіе возражали: «не надо!»

Они опять убѣжали и спрятались въ банѣ.

— Я Чичерина знаю,—сказалъ мальчикъ на судѣ.

— Какъ не знать,—возразилъ Чичеринъ съ усмѣшкой.—Вмѣстѣ съ отцомъ у насъ въ усадьбѣ прокламаціи раскидывалъ.

Мальчикъ трясся и молчалъ.

Это одна изъ многихъ выдумокъ того же черносотеннаго стиля...

Послѣ того погромщики ворвались въ домъ мѣстнаго купца Кочуева. Они кричали: «Гдѣ ихъ прячешь? Отдавай!» Но у Кочуева никого не было.

Серебровскій съ женою и еще одинъ служащій, Ложкаревъ, спрятались въ управѣ.

Они видѣли изъ оконъ, какъ убивали Романова. Онъ повернулся на животъ въ лужѣ крови. Его стали топтать ногами. Тогда они отошли отъ окна и встали за перегородку. Они простояли здѣсь до вечера, ежеминутно ожидая смерти. Погромщики приходили и уходили разъ пять.

Сторожъ бралъ метлу и принимался мести полъ.

— Вы видите: никого нѣтъ. Я убираю!

Воскресенскій и Курочкинъ тоже скрывались въ управѣ.

Передъ вечеромъ исправникъ прислалъ сказать: «Будьте спокойны». Они испугались еще больше, но исправникъ тоже трусилъ и не зналъ, что дѣлать. Они вышли садами въ поле, пробирались оврагами, канавами, позади черносотенныхъ селъ. Потомъ достали лошадь и уѣхали на хуторъ въ семи верстахъ отъ города.

Когда стемнѣло, группа Серебровскихъ тоже рѣшилась выйти. Имъ пришлось проходить больничнымъ коридоромъ. Окна смотрителя-черносотенца сіяли огнями напротивъ. Тамъ шла пирушка. Но ихъ не замѣтили. Они перелѣзли черезъ заборъ. Г-жа Серебровская оборвала на себѣ платье. Они оказались на краю города.

— Вездѣ дозоры ходятъ,—говорилъ Ложкаревъ, — стерегутъ насъ.

Онъ залегъ въ канаву. Серебровскіе рѣшили идти черезъ заводы, окружающіе городъ.

Въ довершеніе всего Серебровскому нездоровилось еще съ вечера, и онъ насилу шелъ.

Жена понукала:—Пойдемъ потихоньку, до Павлова дойдемъ.

— Какъ мы дойдемъ?—возражалъ Серебровскій.—Замерзнемъ, голодные, раздѣтые.

Онъ разсказывалъ мнѣ дальше:—Пошли мы. На улицахъ было тихо. Народу не было. Только какой-то дядя раму тащилъ изъ нашего дома. Жена узнала.

— Я шапку потерялъ, жена свою дала. А голову себѣ повязала обрывкомъ юбки. Я изображалъ пьянаго, очки снялъ, спряталъ. А она жену такую. Въ тотъ день было много пьяныхъ.

— Дошли до села Окулова, стали лошадей нанимать.

— «Кто, откуда?»—«А, не надо, дойдемъ пѣшкомъ».

— Спасибо, на полдорогѣ встрѣтили горбатовскаго ямщика обратнаго За большія деньги поворотилъ въ Павлово, повезъ насъ.

— Ѣдемъ, темно. А эти рожи передъ глазами, и зубы стучатъ.

Въ Павловѣ выѣхали на пристань. Тамъ освѣщенный пароходъ. Крики: ура! Мы испугались, думали: тоже погромъ. Потомъ отрезвились, видимъ, это свои...

Такъ совершилось бѣгство интеллигенціи изъ города Горбатова.

Какія перемѣны произошли въ Горбатовѣ за послѣдніе три года послѣ погрома?

— Ничего хорошаго,—говорили мнѣ свѣдущіе люди.

— Федяковъ и его товарищи завладѣли потребительской лавкой и немедленно ликвидировали ее, просто разобрали по рукамъ. Синдикатъ пеньковаго производства преуспѣваетъ. И даже заработная плата стала ниже прежняго. Канатчики совсѣмъ отощали.

И опять-таки любопытно сравнить село Богородское по сосѣдству. Несмотря на аресты и экзекуціи, пріобрѣтенія революціонной эпохи на половину сохранились въ Богородскомъ. Рабочій день короче прежняго и плата выше. Только продукты вздорожали. Въ Горбатовѣ продукты, конечно, тоже вздорожали, а платежныя средства упали.

— Есть ли какой поворотъ въ настроеніи? — полюбопытствовалъ я.

— Есть поворотъ... Теперь все соболѣзнуютъ женѣ Горбунова. Ей собрали въ Нижнемъ 300 рублей, она лавочку открыла. Покупаютъ у ней. «Мужа твоего занапрасно убили. Все занапрасно». Медленно, тупо идетъ... А купцы все ругаются...

Трудно сдвинуть съ мѣста такую твердыню, какъ Горбатовъ...

Танъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Исторія моего современника.

Мой старшій братъ дѣлается писателемъ.

Старшій братъ былъ года на два старше меня. Казалось, онъ унаслѣдовалъ нѣкоторыя черты отцовскаго характера. Былъ, какъ отецъ, вспыльчивъ, но быстро остывалъ, и, какъ у отца, у него смѣнялись разныя увлеченія. Одно время, напримѣръ, онъ сталъ клеить изъ бумаги сначала дома, потомъ корабли. Онъ былъ способенъ просиживать за этой работой дни и ночи напролетъ, запуская уроки, и достигъ въ этомъ безполезномъ строительствѣ значительнаго совершенства: миніатюрные фрегаты были оснащены по всѣмъ правиламъ искусства, съ мачтами, реями и даже маленькими пушками, глядѣвшими изъ люковъ. Спущенные на воду, они размокали, теряли окраску и валились на бокъ. Братъ принимался опять за работу, совершенствуя корпусъ и придумывая непромокаемую окраску. Потомъ внезапно бросалъ и принимался за что-нибудь новое.

Особенно увлекался онъ чтеніемъ. Часто его можно было видѣть гдѣ-нибудь на диванѣ или на кровати въ самой неизящной позѣ: на четвереняхъ, упершись на локтяхъ, съ глазами, устремленными въ книгу. Рядомъ на стулѣ всегда стоялъ при этомъ стаканъ воды и кусокъ хлѣба, густо посыпанный солью. Такъ онъ проводилъ цѣлые дни, забывая объ обѣдѣ и чаѣ, а о гимназическихъ урокахъ и подавно.

Сначала это чтеніе было чрезвычайно безпорядочно: „Вѣчный жидъ“, „Три мушкатера“, „Двадцать пять лѣтъ спустя“, „Королева Марго“, „Графъ Монтекристо“, „Тайны мадридскаго двора“, „Рокамболь“ и т. д. Книги онъ бралъ въ маленькихъ еврейскихъ книжныхъ лавчонкахъ и иной разъ посылалъ меня мѣнять ихъ. На ходу я развертывалъ книгу и жадно поглощалъ страницу за страницей. Но братъ ни-

когда не давалъ мнѣ дочитывать, находя, что я „еще малъ для романовъ“. Такъ многое изъ этой литературы и донынѣ осталось въ моей памяти въ видѣ ярко освѣщенныхъ, но довольно безсвязныхъ обрывковъ...

Однажды,—братъ былъ въ это время въ пятомъ классѣ ровенской гимназіи,—старый фантазеръ Лёмпи предложилъ классу перевести русскими стихами французское стихотвореніе:

De ta tige detaché,
Pauvre feuille desséché,
Ou vas tu? je ne sais rien...

Весь классъ отказался отъ небывалой задачи, но два ученика согласились. Это былъ нѣкто Пачковскій и мой братъ. Послѣдній кинулся на стихи такъ же страстно, какъ недавно на выклейку фрегатовъ, и хотя не безъ труда, но ему удалось въ концѣ концовъ передать изряднымъ стихомъ меланхолическія размышленія о листочкѣ, уносимомъ потокомъ въ невѣдомые предѣлы. Стихи вызвали удивленіе, о нихъ заговорили и товарищи, и учителя. Братъ прослылъ „поэтомъ“ и съ этихъ поръ цѣлые дни проводилъ, подбирая риѳмы. Мы смѣялись, глядя, какъ онъ лѣвой рукой выстукивалъ по столу число стопъ и слоговъ, а правой строчилъ, перемарывалъ и опять строчилъ. Когда нашъ смѣхъ достигалъ до его слуха, онъ на время отрывался отъ своего вдохновеннаго творчества, грозилъ намъ кулакомъ и опять погружался въ свое занятіе.

Тутъ былъ отчасти вопросъ честолюбія и соперничества: французскіе стихи перевелъ также и Пачковскій, и сначала въ классѣ говорили: „у насъ два поэта“. Пачковскій, сынъ бѣдной вдовы, содержавшей ученическую квартиру, былъ юноша довольно великовозрастный, съ угреватымъ лицомъ, широкій въ кости, медвѣжеватый и неуклюжій. Такъ какъ онъ былъ очень молчаливъ, то долгое время никто не замѣчалъ, что въ этой невзрачной фигурѣ таится огромное самолюбіе. Роковая „De ta tige“ вскрыла это чувство и выгнала его наружу. Переводъ его былъ плохъ, но все же заслужилъ нѣкоторое поощреніе. Послѣ этого Пачковскій сталъ какъ-то иначе ходить, иначе носилъ голову, втягивая ее между поднятыхъ плечъ и слегка откидывая назадъ, и говорилъ, цѣдя слова сквозь зубы. Большій успѣхъ брата не давалъ ему покоя. Онъ рѣшился затмить соперника, для чего выступилъ одновременно съ „оригинальной поэмой“ и сатирой. Сатира имѣла форму „посланія къ товарищу-поэту“, и въ ней, подъ видомъ лу-

каваго признанія чужого первенства, скрывался ядъ злѣйшей „критики". Поэма изображала страданія юной гречанки, которая собирается кинуться съ утеса въ море по причинѣ безнадежной любви къ младому итальянцу. Поэтъ напрасно въ лирическомъ отступленіи взывалъ къ ея благоразумію, убѣждая не губить молодой жизни. Гречанка все-таки привела въ исполненіе пагубное свое намѣреніе и кинулась съ утеса въ пучину. Но и жестокосердый итальянецъ не избѣгъ своей участи, такъ какъ „волны выкинули гречанкино тѣло на берегъ крутой" именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ итальянецъ младой. Поэма кончалась убѣдительнымъ двустишіемъ:

И онъ не смогъ того пережить
И долженъ былъ себя жизни лишить.

Публика встрѣтила и поэму, и сатиру гомерическимъ хохотомъ, а братъ довершилъ пораженіе, пустивъ по рукамъ стихотворную басенку о „Пачкунѣ, поэтѣ народномъ". Эта кличка такъ и осталась за Пачковскимъ.

Этотъ маленькій комическій эпизодъ всколыхнулъ все-таки литературные интересы въ гимназической средѣ, и если бы педагоги захотѣли отнестись къ нему со вниманіемъ, то, быть можетъ, комическое начало могло бы потонуть въ болѣе серьезномъ теченіи, вродѣ того, какое было нѣкогда въ царскосельскомъ лицеѣ или нѣжинской гимназіи временъ Гоголя. Но словесникъ Андріевскій, человѣкъ даровитый и порой остроумный, былъ весь поглощенъ „Словомъ о полку Игоревѣ", а когда впослѣдствіи его преемникъ Авдіевъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи внѣклассныхъ занятій, чтеній и рефератовъ, то оказалось, что уже были циркуляры, запрещавшіе подобныя затѣи: Д. А. Толстой заботился, чтобы умственные интересы въ гимназической средѣ не били ключомъ, а смиренно и анемично журчали въ руслѣ казенныхъ программъ.

Пачковскій не примирился съ приговоромъ общественнаго мнѣнія. Онъ принялъ тонъ непризнаннаго генія: съ печатью отверженія на челѣ, онъ ходилъ мрачно-презрительный, одинокій и продолжалъ кропать длинныя и вялыя „демоническія" творенія. Когда однажды Андріевскій спросилъ его на урокѣ что-то по теоріи словесности, онъ полунасмѣшливо, полувеличаво поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Для человѣка съ кастальскимъ источникомъ въ душѣ мертвящія теоріи излишни.

Андріевскій отвѣтилъ своимъ обычнымъ удивленно-протяжнымъ „а-а-а!"—и поставилъ поэту единицу.

Къ концу года Пачковскій бросилъ гимназію, смѣнивъ гимназическую форму почтово-телеграфнымъ мундиромъ съ яркими оранжевыми кантами, и, при встрѣчахъ, презрительно смотрѣлъ на бывшихъ товарищей, не оцѣнившихъ его генія.

Братъ продолжалъ одиноко взбираться на Парнасъ, безъ руководителя, темными и запутанными тропами: цѣлые часы онъ барабанилъ пальцами стопы, переводилъ, сочинялъ, подыскивалъ риѳмы, при чемъ для облегченія послѣдней работы затѣялъ словарь риѳмъ... Классныя занятія шли все хуже и хуже. Исторію и языки онъ зналъ изрядно, полатыни могъ обмѣниваться со старикомъ Радомирецкимъ цѣлыми шуточными діалогами, но математику запустилъ совершенно и уроки, къ огорченію матери, пропускалъ постоянно.

Однажды, прочитавъ проспектъ какого-то эфемернаго журнальчика, онъ послалъ туда стихотвореніе. Оно было принято и даже, кажется, напечатано, но журнальчикъ исчезъ, не выславъ поэту ни гонорара, ни даже печатнаго экземпляра его стиховъ. Ободренный все-таки этимъ сомнительнымъ „успѣхомъ“, братъ выбралъ нѣсколько своихъ твореній, заставилъ меня тщательно переписать ихъ и отослалъ... самому Некрасову въ „Отечественныя Записки“.

Недѣли черезъ двѣ или три пришелъ отвѣтъ. Некрасовъ (самъ Некрасовъ!) писалъ невѣдомому начинающему поэту въ глухой городишко. Правда, отвѣтъ былъ не особенно утѣшительный: Некрасовъ нашелъ, что стихи у брата гладки, приличны, литературны; вѣроятно, отъ времени до времени ихъ будутъ печатать, но... это все-таки только версификація, а не поэзія. Автору слѣдуетъ еще учиться, читать, впослѣдствіи, быть можетъ, попытаться использовать свои литературныя способности въ другихъ отрасляхъ литературы.

Братъ сначала огорчился, но все же письмо произвело на него отличное дѣйствіе. Онъ пересталъ выстукивать стопы и принялся за серьезное чтеніе: Сѣченовъ, Молешоттъ, Шлоссеръ, Льюисъ, Добролюбовъ, потомъ Бокль и Дарвинъ. Читалъ онъ опять съ увлеченіемъ и толково и порой кидалъ мнѣ крохи отъ своихъ познаній. Какъ нѣкогда отецъ, онъ сообщалъ мимоходомъ ту или другую поразившую его мысль, характерный афоризмъ, мѣткое двустишіе, еще, такъ сказать, теплыя, только что выхваченныя изъ новой книги. Эти неожиданныя откровенія, западая въ мой нетронутый мозгъ, давали своеобразные ростки, и впослѣдствіи я встрѣчалъ ихъ, уже какъ знакомыхъ...

Отецъ въ то время уже почти не вмѣшивался въ вопросы

нашего воспитанія. Мать очень огорчалась тѣмъ, что братъ видимо отстаетъ отъ гимназическихъ занятій. Но однажды дядя-капитанъ, пріѣхавшій въ городъ, увидѣлъ брата въ обычной позѣ за книгой; окликнулъ его и, не получивъ отвѣта и постоявъ, глубокомысленно закачалъ головою:

— Га! Помяните мое слово: изъ этого хлопца выйдетъ ученый или писатель.

Репутація будущаго „писателя“ устанавливалась за братомъ, такъ сказать, въ кредитъ. Хотя о письмѣ Некрасова знали только братъ да я, и оба молчали,—все-таки оно стало извѣстно какими-то невѣдомыми путями и придавало брату особое значеніе...

Между тѣмъ, ему пришлось выйти изъ гимназіи, такъ какъ онъ остался на второй годъ, а позади надвигались уже классы съ реальной программой. Предполагалось, что онъ будетъ держать экстерномъ при какой-нибудь другой гимназіи, но, вмѣсто подготовки къ экзамену, братъ поглощалъ книги, дѣлалъ выписки, обдумывалъ планы какихъ-то работъ. Очень вѣроятно, что, если бы такъ пошло дальше, предсказаніе капитана могло оправдаться. Иногда, за неимѣніемъ лучшаго слушателя, братъ прочитывалъ мнѣ отрывки изъ своихъ компиляцій, и я восхищался новыми для меня мыслями, прекраснымъ языкомъ, точностью и красотой его изложенія. Но тутъ подвернулось новое увлеченіе.

На этотъ разъ причиной его явился весьма извѣстный издатель, г-нъ Трубниковъ. Этотъ юркій, предпріимчивый человѣкъ обладалъ какимъ-то прирожденнымъ даромъ рекламы. Въ то время онъ только-что поставилъ свою газету „Биржевыя Вѣдомости“, которую обѣщалъ сдѣлать органомъ провинціи, и его рекламы, заманчивыя, яркія и вкусныя, производили на провинціальнаго читателя сильное впечатлѣніе. „Выписалъ я, знаете, газету Трубникова...“ или: „Объ этомъ надо бы написать Трубникову“... — говорили другъ другу обыватели, и „Биржевыя Вѣдомости“ замелькали въ городѣ, вытѣсняя традиціонный „Сынъ Отечества“ и успѣшно соперничая съ „Голосомъ“.

Однажды брату принесли конвертъ со штемпелемъ редакціи. Онъ вскрылъ его, и на лицѣ его выразилось изумленіе. Въ конвертѣ было письмо отъ самого Трубникова. Правда, текстъ письма былъ печатный, но въ началѣ стояло имя и отчество брата... Откуда юркій издатель узналъ объ его существованіи, сказать трудно. Быть можетъ, у него были какія-нибудь связи съ эфемернымъ журнальчикомъ, помѣстившимъ первое стихотвореніе ровенскаго поэта... Какъ бы то ни было, изъ столицы въ глухой городишко пришло письмо, говорившее о важныхъ „въ наше время“ задачахъ

печати и приглашавшее брата содѣйствовать пробужденію общественной мысли въ провинціи присылкой корреспонденцій, замѣтокъ и статей, касающихся вопросовъ мѣстной жизни.

Братъ забросилъ на время даже чтеніе. Онъ досталъ у кого-то нѣсколько номеровъ трубниковской газеты, перечиталъ ихъ отъ доски до доски, затѣмъ запасся почтовой бумагой, обдумывалъ, строчилъ, перемарывалъ, считалъ буквы и строчки, чтобы втиснуть написанное въ рамки газетной корреспонденціи, и черезъ нѣсколько дней такой упорной работы мнѣ пришлось переписывать новое произведеніе брата. Начиналось оно словами: **Гор. Ровно** (*отъ нашего корреспондента*).

За этимъ слѣдовала бойко, въ тогдашней обличительной манерѣ, набросанная характеристика маленькаго городка, съ его спячкой, пересудами, сплетнями и низменными интересами. Общими бѣглыми чертами были набросаны провинціальные типы, кое-гдѣ красиво выдѣлялись литературные обороты и цитаты, обнаруживавшіе начитанность автора. Мнѣ казалось только, что рѣчь идетъ, какъ будто, о какомъ то городкѣ вообще, а не о нашемъ именно, типы же взяты были скорѣе изъ книгъ, чѣмъ изъ нашей жизни. Когда, на вопросъ брата, я высказалъ ему это свое впечатлѣніе, онъ немного разсердился и сказалъ по обыкновенію, что я ничего не понимаю. Такъ и нужно. Это вѣдь „литература"... Всегда немного иначе, чѣмъ въ жизни.

Корреспонденція была отослана. Дней черезъ десять старикъ-почталіонъ, въ форменной кепи и съ коротенькой сабелькой (на ручкѣ которой почему-то была изображена мѣдная собачья голова и которая, дѣйствительно, служила, главнымъ образомъ, для защиты почтеннаго письмоносца отъ лютыхъ дворовыхъ псовъ)—принесъ брату номеръ газеты и письмо со штемпелемъ редакціи. Братъ тотчасъ же схватился за газету, и лицо его освѣтилось.

— Смотри,—сказалъ онъ мнѣ съ торжествомъ.

На третьей страницѣ, выведенная жирнымъ шрифтомъ и курсивомъ, стояла знакомая фраза: **Гор. Ровно** (*отъ нашего корреспондента*).

Мнѣ показалось это почти чудомъ. Такъ еще недавно я выводилъ эти самыя слова неинтереснымъ почеркомъ на неинтересной почтовой бумагѣ, и вотъ они вернулись изъ невѣдомой, таинственной „редакціи" въ нашъ глухой городишко отпечатанными на газетномъ листѣ и вошли сразу въ нѣсколько домовъ, и ихъ теперь читаютъ, перечитываютъ, обсуждаютъ, выхватываютъ листъ другъ у друга... Передъ этимъ почти волшебнымъ явленіемъ моя недавняя критика

совершенно смолкла. Я перечиталъ корреспонденію, и мнѣ показалось, что на огромномъ сѣромъ листѣ она выдѣляется чуть не огненными буквами, и что это—образцовое, выдающееся, замѣчательное произведеніе человѣческаго слова. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно, чтобы описаніе совсѣмъ походило на нашу дѣйствительность, когда это—„литература", то есть нѣчто гораздо интереснѣе нашего тусклаго городишка, съ его заросшими прудами и сонными лачугами... А вотъ этотъ листокъ съ столбцомъ бойкихъ строчекъ, набросанныхъ рукою брата,—упалъ сюда, какъ камень въ застоявшуюся воду... Точно вдругъ надъ соннымъ городомъ склонился таинственный фантомъ: самъ г-нъ Трубниковъ изъ своего прекраснаго и важнаго далека заглядываетъ въ него умнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ... Подъ этимъ взглядомъ городокъ начинаетъ копошиться, точно внезапно раскрытый муравейникъ.

Городокъ, дѣйствительно, закопошился. Номеръ ходилъ по рукамъ, о таинственномъ корреспондентѣ строились предположенія и догадки, въ его общихъ характеристикахъ, которыя и самъ авторъ признавалъ отвлеченными, теперь узнавали тѣхъ или другихъ живыхъ лицъ, ловили намеки. А такъ какъ корреспондентъ въ заключеніе обѣщалъ современемъ вскрыть на этомъ фонѣ разные частные эпизоды „повседневнаго обывательскаго прозябанія", то у Трубникова опять прибыло въ городѣ Ровно нѣсколько подписчиковъ.

Этотъ Трубниковскій эпизодъ имѣлъ для брата роковыя послѣдствія, такъ какъ онъ въ значительной степени уничтожилъ дѣйствіе некрасовскаго письма. Братъ почувствовалъ себя чѣмъ-то въ родѣ Атласа, держащаго на плечахъ ровенское небо. Въ то время, когда въ городѣ обсуждали первую корреспонденцію, стараясь угадать автора,—авторъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ опять лежали листки бумаги, покачивался на стулѣ, съ опасностью опрокинуться на его спинку, глядѣлъ въ потолокъ и придумывалъ новыя темы. Онъ былъ весь поглощенъ этимъ занятіемъ. Корреспонденція летѣла за корреспонденціей, и хотя печатались не всѣ, но нѣкоторыя все же печатались. Вдобавокъ, редакція считала нужнымъ поощрять автора лестными письмами, а однажды почталіонъ принесъ повѣстку на 18 рублей 70 копѣекъ. Эта сумма въ то время, когда штатные чиновники суда получали по три и по пяти рублей въ мѣсяцъ, могла показаться цѣлымъ богатствомъ.

Правда, вялый городокъ доставлялъ мало темъ. Но братъ былъ на этотъ счетъ очень изобрѣтателенъ и недостатокъ фактическаго матеріала восполнялъ литературностью изло-

женія. Помню, напримѣръ, что наибольшее волненіе въ городѣ было вызвано его письмомъ о вечерѣ въ мѣстномъ клубѣ. На этотъ вечеръ, по просьбѣ старшинъ, начальствомъ были допущены гимназисты, и они имѣли нѣкоторый успѣхъ у дамъ. Корреспондентъ изобразилъ этотъ успѣхъ нѣсколько преувеличенными красками. „Питомцы Минервы (такъ онъ называлъ гимназистовъ) рѣшительно оттѣснили сыновъ Марса (гарнизонныхъ и стрѣлковыхъ офицеровъ), и прелестная богиня любви, до тѣхъ поръ благосклонная къ усамъ и эполетамъ, съ стыдливой улыбкой поощренія протянула ручку безусымъ юношамъ въ синихъ мундирахъ". Корреспонденція подѣйствовала, какъ взрывъ петарды: офицеры обидѣлись и заговорили въ офицерскомъ собраніи объ „оскорбленіи мундира". Полковникъ ѣздилъ объясняться съ директоромъ, обыватели въ аллегорической картинѣ усматривали дѣйствительный романъ, съ измѣной усачу-офицеру въ пользу гимназиста... Городокъ долго не могъ успокоиться... Въ качествѣ практическаго результата—гимназистамъ посѣщеніе танцовальныхъ вечеровъ было воспрещено...

Тутъ уже брату было, конечно, не до гимназіи съ ея скучными предметами и экзаменами. Онъ попробовалъ было все-таки готовится къ экзамену на аттестатъ, для чего уѣхалъ въ Черниговъ, къ дядѣ-учителю. Но въ результатѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые онъ провелъ тамъ, явилось нѣсколько бойкихъ корреспонденцій въ газетѣ Трубникова. Къ экзаменамъ братъ не приступалъ и послѣ смерти отца опять вернулся въ Ровно. Онъ отпустилъ усики и бороду, сталъ носить пенснэ, и въ немъ вдругъ проснулись инстинкты щеголя. Вмѣсто прежняго увальня, сидѣвшаго цѣлые дни надъ книгами, онъ представлялъ теперь что-то вродѣ щеголеватаго дэнди, въ плоеныхъ манишкахъ и лакированныхъ сапогахъ. „Мнѣ нужно бывать въ обществѣ,—говаривалъ онъ:—это необходимо для моей работы". Онъ посѣщалъ клубы, сталъ отличнымъ танцоромъ и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ... Всѣмъ давно уже было извѣстно, что онъ „сотрудникъ Трубникова", „литераторъ".

Однажды онъ коснулся темы болѣе „серьезной", чѣмъ побѣды въ клубѣ гимназистовъ надъ гарнизонными офицерами. Обокрали какого-то обывателя, и братъ очень картинно изобразилъ безпомощный городишко въ темныя осеннія ночи, безъ освѣщенія, со стражами, благополучно спящими по своимъ угламъ... Послѣ этого, встрѣтивъ брата на улицѣ, помощникъ исправника, представлявшій изъ себя, за окончательной дряхлостью исправника Гаца, высшую фактическую полицейскую власть въ городѣ, взялъ брата подъ руку и увелъ къ себѣ „для нѣкотораго секретнаго разговора". При-

гласивъ его въ кабинетъ и любезно предложивъ папиросу, высшій представитель полицейской власти приступилъ къ дипломатическому объясненію: онъ хорошо зналъ и глубоко уважалъ отца. . Кромѣ того, онъ питаетъ уваженіе къ литературѣ. Онъ находитъ, что описаніе вечера было очень остроумно и мило. Но въ послѣднее время въ газетѣ Трубникова стали уже касаться нѣкоторымъ образомъ „дѣятельности правительства".

Братъ выразилъ удивленіе: онъ получаетъ газету... о правительствѣ, кажется, ничего не было.—Да, не прямо. Но было о ночной стражѣ и бездѣйствіи, такъ сказать, власти. Участились грабежи... „А кто, позвольте спросить, обязанъ за этимъ наблюдать?" Полиція! Полиція есть органъ правительства. И если впредь корреспонденціи будутъ касаться дѣятельности правительственной власти, то онъ, помощникъ исправника, при всемъ уваженіи къ отцу, а также къ литературѣ, будетъ вынужденъ произвести секретное дознаніе о вредной дѣятельности корреспондента и даже... ему непріятно говорить объ этомъ... ходатайствовать передъ губернаторомъ о высылкѣ господина литератора изъ города...

Затѣмъ онъ вѣжливо попрощался, увѣряя, что очень уважаетъ печать, восхищается острымъ перомъ неизвѣстнаго ему, въ сущности, корреспондента и ничего не имѣетъ противъ обличенія нравовъ. Лишь бы не касались правительства.

Братъ вернулся домой нѣсколько озабоченный, но, вмѣстѣ, польщенный. Онъ—сила, съ которою приходится считаться правительству. Вечеромъ, расхаживая при лунномъ свѣтѣ по нашему небольшому саду, онъ разсказалъ мнѣ въ подробностяхъ разговоръ съ помощникомъ исправника и прибавилъ:

— Да, вотъ непріятная сторона извѣстности... А скажи: думалъ ли ты, что твой братъ такъ скоро станетъ руководителемъ общественнаго мнѣнія?

— Ну-у...—протянулъ я скептически.—Это ты что-то ужъ того... слишкомъ громко.

Онъ остановился въ аллейкѣ, пронизанной пятнами луннаго свѣта, и сказалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ (мое сомнѣніе врывалось диссонансомъ въ его настроеніе):

— Ты еще глупъ. А я тебѣ по всѣмъ правиламъ логики докажу, что это такъ. Посылка: печать руководитъ общественнымъ мнѣніемъ. Отвѣчай: да или нѣтъ?

— Ну, положимъ, да!

— А я теперь писатель?..

— Д-да,—протянулъ я менѣе рѣшительно.

— Несомнѣнно, такъ какъ человѣкъ, печатающій свои статьи, есть писатель. Отсюда выводъ: я тоже руководитель

общественнаго мнѣнія. Совѣтую: почитай логику Милля, тогда не будешь дѣлать глупыхъ возраженій.

Я не возражалъ болѣе, а онъ смягчился и, продолжая ходить по аллейкѣ, развивалъ свои взгляды и планы.

Читатель отнесется снисходительно къ маленькимъ преувеличеніямъ брата, если приметъ въ соображеніе, что ему было тогда лѣтъ семнадцать или восемнадцать, что онъ только что избавился отъ скучной школьной ферулы, и что, въ сущности, у него были на-лицо всѣ признаки такъ называемой литературной извѣстности.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, литературная извѣстность? Золя въ своихъ воспоминаніяхъ, разсуждая объ этомъ предметѣ, рисуетъ юмористическую картинку: однажды его, уже „всемірно-извѣстнаго писателя“, одинъ изъ почитателей просилъ сдѣлать ему честь быть свидѣтелемъ со стороны невѣсты на бракосочетаніи его дочери. Дѣло происходило въ небольшой деревенской коммунѣ близъ Парижа. Записывая свидѣтелей, мэръ, мѣстный мелкій торговецъ, услышавъ фамилію Золя, поднялъ голову отъ своей книги и съ большимъ интересомъ спросилъ:

— Мосье Золя? Шляпный магазинъ на такой-то улицѣ?

— Нѣтъ, писатель.

— А!—произнесъ мэръ равнодушно и записалъ фамилію.

За писателемъ послѣдовалъ какой-то мосье Мишель. Мэръ опять поднялъ голову:

— Мосье Мишель... Магазинъ бѣлья на такой-то улицѣ?

— Да.

Мэръ засуетился:—Стулъ г-ну Мишелю... Покорно прошу садиться. Очень польщенъ...

Этотъ маленькій эпизодъ, который я передаю по памяти, очень характерно и—увы!—довольно вѣрно рисуетъ предѣлы самой громкой „всемірной извѣстности“. Извѣстность—это значитъ, что имя человѣка распространяется по свѣту извѣстными узкими тропками. Знаютъ тамъ, гдѣ читаютъ—это въ лучшемъ случаѣ. А читаютъ вообще на этомъ свѣтѣ мало. Читающее человѣчество—это, приблизительно, поверхность рѣкъ по отношенію ко всему пространству материковъ. Капитанъ, плавающій по данной части рѣки,—весьма извѣстенъ въ этой части. Но стоитъ ему отъѣхать на нѣсколько верстъ въ сторону отъ берега... Тамъ другой міръ: широкія долины, лѣса, разбросанныя тамъ и сямъ деревни... Надъ всѣмъ этимъ проносятся съ шумомъ вѣтры и грозы, идетъ своя жизнь—и ни разу еще къ обычнымъ звукамъ этой жизни не примѣшалась фамилія нашего капитана или „всемірно-извѣстнаго“ писателя.

За то на своей линіи—онъ, дѣйствительно, всемірно-извѣ-

стенъ, пока вращается въ своей средѣ: здѣсь все полно имъ, и ничто не приходитъ безъ того или иного отношенія къ нему. И это-то создаетъ психологію „знаменитости“.

Она и была на-лицо въ данномъ случаѣ. Міровъ брата былъ очень маленькій: отъ одной заставы до другой. И здѣсь, конечно, о немъ ничего не знали мужики, пріѣзжавшіе на базаръ изъ-за предѣловъ этого міра. Но въ этихъ предѣлахъ онъ уже вкушалъ сладкую отраву „извѣстности“. Его знало и считалось съ нимъ „правительство“ въ лицѣ высшей полицейской власти, знало образованное общество, знали евреи-торговцы,—народъ, питающій, какъ извѣстно, большое почтеніе къ интеллекту,—знали чиновники... И когда въ погожія сумерки „весь городъ“ выходилъ на улицы, и „вся жизнь“ выливилась на нихъ, колыхаясь своими пестрыми волнами между тюрьмой, на одной сторонѣ, и почтовой станціей, въ противоположномъ концѣ городка,—то среди другихъ „извѣстностей“ этого замкнутаго міра всѣ съ интересомъ отмѣчали фигуру недавняго гимназиста, а теперь уже „писателя“. Тутъ были „важныя персоны“: исправникъ, директоръ гимназіи, акцизный, какой-нибудь случайно заѣзжій магнатъ-помѣщикъ, въ родѣ графа Плятера или князя Вишневецкаго... Это былъ міръ „высотъ“, опредѣленный и, такъ сказать, застывшій въ своей опредѣленности. Но были и фигуры не столь высокаго ранга, отмѣченныя, однако, своеобразнымъ, болѣе или менѣе проблематическимъ интересомъ: небольшой чиновникъ Михаловскій, иниціалы имени и фамилія котораго совпадали съ подписью въ то время нѣсколько извѣстнаго поэта. Нашъ Михаловскій недавно пріѣхалъ „изъ столицы“, носилъ очень пестрые пиджаки и галстухи, а брюки до такой степени узкія, что объ немъ говорили, будто онъ по утрамъ вскакиваетъ въ нихъ со стола, какъ принцъ д'Артуа по разсказу Карлейля, а по вечерамъ дюжій лакей вытряхиваетъ его прямо на кровать внизъ головой. Танцуя въ клубѣ, онъ такъ подымалъ свои тонкія ноги, что разъ, будто-бы, всадилъ свой ботинокъ въ карманъ другого танцора. Всѣ эти смѣшныя стороны сначала прощались. И когда, въ дымкѣ пыли, поднятой ногами гуляющихъ и пронизанной косыми лучами закатывающагося солнца, появлялась смѣшная вертлявая фигурка, то встрѣчные почтительно давали дорогу и, оглядываясь, говорили другъ другу:

— Господинъ Михаловскій... Поэтъ. Знаете?.. Въ „Дѣлѣ“.

— Какъ же, какъ же.. Читалъ...

Впослѣдствіи, когда обнаружилось, что „тотъ Михаловскій—совсѣмъ другой“,—извѣстность нашего Михаловскаго пала, и за нимъ остались только узкія брюки и смѣшные прыжки во время танцевъ...

Была еще одна „проблематическая натура", вызывавшая своеобразный интересъ. Это былъ стряпчій Баланда, плотный, серьезный человѣкъ въ большихъ очкахъ. Говорили, будто именно ему принадлежатъ бытовые очерки и повѣсти изъ провинціальной жизни, по временамъ появлявшіеся въ журналахъ. Но, опять-таки, навѣрное это не было извѣстно. Былъ, наконецъ, молодой человѣкъ, недавно окончившій гимназію и пріѣхавшій на „отдыхъ" въ родной городъ. Говорили, что онъ состоитъ въ редакціи „Дѣятельности", еженедѣльника, всходившаго небольшой, но замѣтной звѣздочкой на тогдашнемъ журнальномъ горизонтѣ. Въ гимназіи онъ считался весьма зауряднымъ ученикомъ, и фигура его, когда онъ, нѣсколько надутый, съ поднятыми плечами и съ собачкой на лентѣ одиноко шагалъ по улицамъ среди гуляющихъ, казалась тоже не очень умной. Но... редакція газеты „Дѣятельность"... Злые языки говорили, впрочемъ, что роль этого молодого человѣка ограничивалась секретарской книгой, куда онъ только записывалъ фамиліи авторовъ и подписчиковъ...

Итакъ, все это были „писатели", болѣе или менѣе загадочные. Братъ былъ „писатель" несомнѣнный. Всѣ уже узнали—отъ почтмейстера, отъ помощника исправника, отъ товарищей, что это именно онъ сотрудничаетъ у Трубникова, и его перо сотрясаетъ отъ времени до времени ровенскій мірокъ, волнуя то чиновниковъ, то ночную стражу и полицію, то офицерство... На него обращали вниманіе, его приглашали на вечера, на свадьбы, на крестины. И порой, отведя въ сторонку, разсыпались въ похвалахъ и просили „продернуть" того или другого.

Объ немъ разсказывали анекдоты. Какъ истинный „ученый", онъ былъ очень разсѣянъ. Однажды, приглашенный шаферомъ на свадьбу дочери станового пристава, онъ подвелъ невѣсту къ алтарю и сталъ съ нею рядомъ,—великолѣпный, видный, во фракѣ и съ цвѣткомъ въ петлицѣ. Ксендзъ принялъ его за жениха и сталъ уже продѣлывать первоначальные обряды. Женихъ, фигурка мало замѣтная, скромно стоявшій сзади, обезпокоился и дернулъ брата за фалду. Тотъ, въ это время о чемъ-то глубоко задумавшись, только досадливо отмахнулся рукой. Женихъ повторилъ свой маневръ. Братъ опять отмахнулся. Такъ продолжалось, пока ксендзъ не обратилъ вниманія на эту возню.

— Да кто же у васъ женихъ?—спросилъ онъ.—Езусъ-Марія! Вѣдь я чуть не обвѣнчалъ васъ съ чужой невѣстой...

— Га! Всѣ знаменитые люди были разсѣяны,—комментировалъ капитанъ.—И вообще братъ, особенно внѣ семьи, былъ окруженъ атмосферой общаго интереса и признанія.

Мудрено ли, что нѣкоторое время онъ плавалъ въ этой атмосферѣ извѣстности, наслаждаясь ею и не замѣчая, что, въ сущности, онъ вращается въ пустомъ пространствѣ, и что его потрясающія корреспонденціи производятъ безплодное волненіе, ничего и никуда не подвигающее. Запрещеніе гимназистамъ посѣщать клубъ было, кажется, единственнымъ практическимъ результатомъ газетной гласности. И ничего больше. Касаться „правительственной власти“ онъ остерегался, и правительственная власть была спокойна. Было спокойно и все остальное. Однажды, вскорѣ послѣ корреспонденціи, починили фонарь въ самомъ центрѣ города, у моста, и два или три раза въ темные вечера, въ честь обличительной гласности, горѣлъ огонекъ... Это было все-таки торжество: каждый, кто проходилъ мимо фонаря ночью, удивленно взглядывалъ на него, а многіе и понимали: а, это въ честь трубниковскаго корреспондента. Но скоро и этотъ одинокій огонекъ погасъ...

Духъ времени. Ожиданіе „героя“.

Можно подумать, что у общества бываютъ предчувствія, какъ у отдѣльныхъ людей. Русское общество того времени находилось какъ бы въ предчувствіи героизма.

Великая реформа всколыхнула всю жизнь, но поступательная волна начала скоро отступать, и на ряду съ завершеніемъ какъ бы по инерціи начатыхъ раньше реформъ,—въ другія области жизни опять вливалась мертвящая, тусклая реакція. „Зданіе не было завершено“ (ходячая тогдашняя фраза), переустройство жизни не закончено. То, что должно было пасть, не упало окончательно, что должно было возникнуть,—не возникло. Жизнь повисла на мертвой точкѣ въ какой-то неопредѣленности между старымъ и новымъ. Всѣ,—„консерваторы“ одинаково, какъ и либералы,—сознавали, что „такъ продолжаться не можетъ“. Нуженъ выходъ въ ту или другую сторону. Обращеніе назадъ, къ нарушенному безвозвратно крѣпостному строю являлось утопіей. Для движенія впередъ не было силъ. Правительство стало явно реакціоннымъ, „общество“ никакой силы въ борьбѣ съ правительствомъ не представляло. Народъ, благодарный царю за освобожденіе,—всѣ оставшіяся и послѣ этого свои невзгоды приписывалъ „господамъ“, т. е. тому же обществу, въ которомъ не различалъ уже обозначавшихся противорѣчій, и отъ этого народнаго настроенія вѣяло холодомъ, какъ отъ огромной ледяной глыбы... Дорога, на которую „обнов-

ленная“ Россія такъ радостно выступала въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, упиралась въ мрачныя и туманныя дебри. Чувствовалось, что гдѣ-то впереди предстоитъ необходимость героическихъ усилій, чтобы прорубиться черезъ эти дебри и расчистить дальнѣйшій путь для движенія великой страны...

Таково было предчувствіе, разлитое въ тѣ годы въ образованномъ обществѣ. Безъ кризиса съ мертвой точки не сойти... Въ наличности еще нѣтъ силъ для его разрѣшенія. Значитъ, остается надежда на какихъ-то новыхъ людей, которые разрѣшатъ великую задачу. Является запросъ на „новаго человѣка“, на „героя“. Откуда же онъ явится? Очевидно, изъ той части общества, которая еще не захвачена и не втянута механизмомъ обыденной жизни въ „рутину“,— т. е. изъ молодежи. И вотъ молодежь становится предметомъ вниманія и ожиданій. Поручикъ въ свѣженькомъ мундирѣ кажется много интереснѣе генерала, а молодой студентъ, еще только начинающій изучать юриспруденцію, интереснѣе готоваго прокурора. Въ молодежи общество инстинктивно цѣнило будущія возможности. Гдѣ-то въ туманахъ, залегающихъ впереди, чуется гроза великій кризисъ жизни, не закончившій свое самоопредѣленіе... И въ тѣхъ же туманахъ начинаютъ роиться образы будущихъ борцовъ и героевъ.

Это предчувствіе было на обѣихъ сторонахъ тогдашней жизни. „Освобожденіе крестьянъ“ роковымъ образомъ поведетъ къ революціи,—говорили ретрограды, — и покойный Любимовъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ рядъ статей („Противъ теченія“), гдѣ доказывалъ, что революція уже начинается. Да,—освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ къ полному преобразованію жизни,—отвѣчали другіе. Движеніе остановлено, неизбѣженъ катаклизмъ... Въ этомъ предчувствіи сходились и либералы, и ретрограды...

Литература отозвалась на эти запросы. Въ ней начинаютъ мелькать „новые люди“. Откуда? Изъ той же жизни. Но они растутъ непремѣнно въ исключительныхъ условіяхъ: или необыкновенно мрачныхъ, вызывающихъ протестъ и закаляющихъ характеры на борьбу, или необыкновенно благопріятныхъ, чаще всего—въ общеніи съ таинственными „глубинами народнаго духа“...

Въ жизни этихъ необыкновенныхъ героевъ еще не было; „почувствовать“ ихъ, созерцать, видѣть творческимъ воображеніемъ было невозможно. Приходилось не создавать, а выдумывать, живость изображенія замѣнять одушевленіемъ ожиданія и вѣры. Поэтому первостепенные художники за эти задачи не брались. Первый планъ художественной ли-

тературы все еще занимали Лаврецкіе и Рудины съ ихъ меланхолическимъ отношеніемъ къ жизни, съ отрицаніемъ настоящаго и туманными предчувствіями. Изъ дѣйствительности брались отрицательные типы, и настроеніе, изъ нея почерпаемое, былъ горькій юморъ. За то второй планъ былъ весь заполненъ величаво-мглистыми очертаніями „новыхъ людей"... И это опять было на обѣихъ сторонахъ: герои прогрессивной беллетристики несли разрушеніе старому міру. Консервативно настроенное воображеніе пыталось идеализировать его защитниковъ.

Впереди этой литературы по вліянію на молодежь стояли „Знаменія времени" Мордовцева и „Шагъ за шагомъ" Омулевскаго. Мордовцевъ былъ писатель не вполнѣ искренній и сильно „себѣ на умѣ". Молодежь восхищалась его „Историческими движеніями русскаго народа", не замѣчая, что книга кончается чуть не апоѳеозомъ государства, у подножія котораго, какъ вокругъ могучаго утеса,—бьются эти безсильныя волны. Онъ приводилъ въ восхищеніе „областниковъ" и „украинофиловъ" и могъ внезапно разразиться яркой и эффектной статьей, въ которой доказывалъ, что „централизація—законъ жизни". Свой романъ онъ началъ тоже эффектнымъ бредомъ больного, которому грезится казнь. Въ картинахъ бреда узнавались намеки на казнь Каракозова. Это кидало на весь романъ неуловимый для цензора, но ясно ощутимый покровъ „революціонности", и весь романъ былъ усѣянъ намеками... Можно было подумать, что и автору, и его героямъ—выходъ совершенно ясенъ, и если бы не цензора, то они-бы его, конечно, указали... Романъ имѣлъ въ то время огромный успѣхъ. Его зачитывали, комментировали, раскрывали и разгадывали намеки, которые часто не могъ бы, пожалуй, разгадать и самъ авторъ.

Омулевскій былъ гораздо искреннѣе и проще. Отъ его романа вѣяло молодой вѣрой и какой-то особенной бодростью. Самъ слабохарактерный, спившійся и погибавшій, онъ какъ-бы раздваивался въ своемъ произведеніи: себя онъ вывелъ въ лицѣ доктора, мрачнаго меланхолика, страдающаго запоемъ, безнадежно загубленнаго уже мракомъ окружающихъ условій, но благословляющаго своего молодого друга Свѣтлова на новую жизнь и борьбу. Въ Свѣтловѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самая фамилія,—воплощена вѣра въ высшее будущее. Онъ бодръ, силенъ, свѣтелъ. Все ему пока удается, всѣ преклоняются передъ его знаніями, характеромъ, особенной удачливостью. Живя въ сибирской глуши, онъ, съ одной стороны, участвуетъ въ столичной литературѣ, съ другой—закидываетъ сѣти своего вліянія въ самыя таинственныя глубины народной жизни.

И все это, вся видимая его дѣятельность представляетъ только „средства“ для какой-то таинственной цѣли.

— Какова же самая цѣль? — спрашиваетъ его молодая женщина, пробужденная имъ „къ сознательной жизни“. Это онъ скажетъ ей послѣ, когда она будетъ готова къ воспріятію великой тайны. Наконецъ, однажды, прощаясь съ нею передъ отъѣздомъ на какое-то „дѣло“, онъ наклоняется къ ея уху и произноситъ шепотомъ одно слово... Она блѣднѣетъ. Она поражена, она заболѣваетъ. И въ бреду часто называетъ его имя, имя героя, будущаго мученика, взявшаго на свои плечи бремя титанической задачи.

Слово, которое герои Мордовцева закутывали эзоповскими намеками и шарадами, а Свѣтловъ шепнулъ на ухо любящей женщинѣ, было, конечно, „революція“. Это оно стояло впереди, какъ мглистыя дебри и туманы, какъ величавая туча, чреватая грозой, передъ обществомъ, вышедшимъ изъ мрака крѣпостного права и остановленнымъ на пути къ окончательному раскрѣпощенію. Ростъ образованія, могучій расцвѣтъ литературы, желѣзныя дороги, университеты, пресса, европейская культура, потокомъ льющаяся съ запада—и азіатскія формы жизни, только начавшія переплавляться по новому и вновь застывшія каменными преградами на всѣхъ путяхъ жизни,—этихъ контрастовъ было совершенно достаточно для созданія революціонныхъ предчувствій, охватившихъ русское общество. Какъ это будетъ и когда будетъ? Это было неясно. На второй вопросъ обычный отвѣтъ былъ: скоро. На первый никто не могъ отвѣтить точно. Намѣчались только главные факторы: молодежь—во-первыхъ. Во-вторыхъ—народъ.

Отсюда—идеализація сначала молодежи въ лицѣ „героевъ“ Мордовцева и Омулевскаго, мыслящихъ реалистовъ Писарева, а затѣмъ и народа...

Много въ этомъ было наивнаго, пожалуй—теперь смѣшного. Революціонные планы даже очень серьезныхъ тогдашнихъ людей кажутся намъ совершенно дѣтскими. Однако оглянемся назадъ. Жизнь со времени „освобожденія“ все застывала въ мертвящихъ формахъ реакціи, разливавшейся сверху. Молодежь безпрестанно шевелилась и инстинктивно протестовала *одна*. Поколѣніе за поколѣніемъ выходило изъ толстовской средней школы и тотчасъ же охватывалось нервнымъ безпокойствомъ и волненіемъ. Молодость какъ-бы упиралась на порогѣ жизни, не желая сливаться съ нею. Каждому поколѣнію казалось, что именно ему суждено разрѣшить предчувствуемую задачу... Жизнь брала свое: поколѣніе за поколѣніемъ проходило черезъ эту полосу бурной зыби и затѣмъ—сливалось съ общими тонами среды. Изъ

недавнихъ студентовъ, волновавшихся и протестовавшихъ, выходили въ большинствѣ готовые прокуроры, инженеры, заводчики, управляющіе, съ улыбкой вспоминавшіе о періодѣ своихъ „молодыхъ увлеченій". А на только что оставленномъ ими мѣстѣ уже волновались и кипѣли другіе, въ свою очередь проходившіе эту неизбѣжную для каждаго учащагося поколѣнія повинность протеста. И съ каждымъ десятилѣтіемъ волненіе росло, пока назрѣло движеніе семидесятыхъ годовъ, потрясшее все общественное зданіе небывалыми эпизодами борьбы одинокой еще интеллигенціи. Это и было оправданіемъ смутныхъ предопредѣленій: „молодежь" во-первыхъ. А теперь, когда туча уже надвинулась и охватываетъ въ событіяхъ послѣднихъ годовъ весь горизонтъ нашей жизни, — мы слышимъ первые зловѣщіе раскаты: это „народъ, во-вторыхъ" выступаетъ своей тяжелой поступью на арену общественной жизни...

„Смутныя предчувствія" шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ оказались далеко не такими наивными, какъ могло казаться иному „трезвому" взгляду...

Духъ времени въ Гарномъ Лугѣ.

Читатель, надѣюсь, проститъ мнѣ это небольшое отступленіе. Дѣло въ томъ, что безъ этого общаго очерка тогдашняго настроенія многое должно бы остаться непонятнымъ: изолированные факты отдѣльной жизни сами по себѣ далеко не опредѣляютъ и не уясняютъ душевнаго роста. То, что разлито кругомъ, что проникаетъ однимъ общимъ тономъ весь многоголосый хоръ жизни,—невольно, незамѣтно просачивается въ каждую душу и заливаетъ ее, подхватываетъ, уноситъ своимъ потокомъ. Оглядываясь назадъ,—такъ трудно отмѣтить отдѣльными вѣхами пути этого движенія въ каждой отдѣльной душѣ.

Настроеніе или, какъ тогда говорили, духъ времени просачивался всюду, во всѣ уголки жизни. Заглянулъ онъ и въ скромную гарнолужскую усадьбу.

Однажды—это было уже кажется на третьи или четвертые каникулы, которыя мы проводили въ Гарномъ Лугѣ,—капитанъ разсказывалъ свои анекдоты. Онъ былъ въ ударѣ. Разсказъ слѣдовалъ за разсказомъ, слушатели хохотали.

Но вотъ очередь дошла до анекдота „изъ времени эмансипаціи". Крестьянъ только что освободили. Былъ праздникъ. Мужики нарядными толпами шли изъ церкви и съ базара, много было пьяныхъ. Капитанъ съ женой и дѣтьми въ большой коляскѣ возвращался изъ костела. Вдругъ ло-

щади стали. Оказалось, что на дорогѣ, раскинувшись въ самой безпечной позѣ, лежалъ одинъ изъ новыхъ „свободныхъ гражданъ“. Кучеръ крикнулъ ему, чтобы онъ сползъ съ дороги, но онъ, еле приподнявъ голову, отвѣтилъ, что теперь воля, что онъ хочетъ отъ-такъ себѣ лежать, а на пановъ плюетъ. Дорога для всѣхъ.

Капитанъ было вспылилъ, но вдругъ его мысли приняли юмористическое направленіе. А! дорога для всѣхъ... теперь воля! Хорошо-же. Пусть такъ. Онъ приказалъ женѣ и дочерямъ отвернуться и, ставъ надъ пьянымъ, продѣлалъ то, что нѣкогда Гулливеръ продѣлалъ въ царствѣ лиллипутовъ. Панская „шутка“ вызвала большое веселье въ кучкахъ народа, столпившагося вокругъ этой маленькой сценки и ждавшаго, чѣмъ она кончится. „Свободный гражданинъ“, озадаченный и огорченный неожиданнымъ орошеніемъ, только поворачивалъ лицо, сплевывалъ и говорилъ съ укоризной заплетающимся языкомъ:

— Э! Пане, пане! Не робить бо кепства...

И затѣмъ, вдругъ собравшись съ силами, быстро поползъ подъ общій хохотъ съ дороги въ канаву.

Обыкновенно такимъ же хохотомъ слушатели встрѣчали финалъ разсказа. Капитанъ преуморительно изображалъ и безпомощное положеніе „свободнаго гражданина“, и его укоризненную фразу.

На этотъ разъ, однако, анекдотъ видимо не имѣлъ успѣха. Слушатели, хохотавшіе надъ разсказами о гарнолужскихъ панахъ, теперь дослушали разсказъ о „кепствѣ“, продѣланномъ надъ мужикомъ, въ молчаніи. Дѣло въ томъ, что аудиторія капитана значительно измѣнилась.

Тутъ были мы всѣ, въ томъ числѣ мой старшій братъ, въ то время уже ставшій „писателемъ“, затѣмъ сынъ капитана, еще недавно пріѣзжавшій кадетомъ и юнкеромъ, а теперь явившійся въ качествѣ новоиспеченнаго подпоручика артиллеріи, въ свѣжемъ съ иголочки мундирѣ, въ блестящихъ эполетахъ и самъ весь какой-то свѣжій, сіяющій новизной своего положенія, какими-то ожиданіями, какими-то обѣщаніями на порогѣ новой жизни. Наконецъ, что самое важное, былъ еще студентъ кіевскаго университета, Брониславъ Янковскій, изъ семьи, лишь въ этотъ годъ поселившейся въ Гарномъ Лугѣ. Отецъ его купилъ клочокъ земли, построилъ домъ и арендовалъ еще землю у сосѣднихъ помѣщиковъ. Въ семьѣ была еще дочь, серьезная и сдержанная молодая дѣвушка, и подростки,—мальчикъ и дѣвочка. Студентъ сошелся съ семьей капитана и бывалъ въ усадьбѣ ежедневно. Это былъ юноша необыкновенно серь-

езный на видъ, въ большихъ золотыхъ очкахъ, неслово-охотливый, пожалуй, даже немного угрюмый.

Капитанъ любилъ и очень гордился сыномъ. Брата моего онъ считалъ будущимъ свѣтиломъ литературы и, хотя разсказывалъ потѣшные анекдоты объ его разсѣянности и называлъ полушутливо „редакторомъ", но во всемъ этомъ все-же слышалось почтеніе къ его талантамъ.

Однако, наиболѣе импонировалъ старику кіевскій студентъ, съ его внушительнымъ видомъ, молчаливой серьезностью и краткими, всегда очень авторитетными заявленіями.

Вообще эта маленькая группа молодежи заняла сразу въ жизни скромной усадьбы центральное положеніе. Казалось, отъ нея исходитъ какое-то сіяніе ума, интеллекта, новизны, вызывавшее въ капитанѣ почтительное удивленіе вмѣстѣ съ нѣкоторой растерянностью. Въ немъ всегда было живо преклоненіе передъ „философіей", „наукой", „литературой" и тому подобными возвышенными предметами, а теперь, когда въ Гарномъ Лугѣ собрались сразу „редакторъ", писавшій у самого Трубникова и получавшій письма отъ Некрасова, молодой офицеръ изъ столицы и серьезный студентъ съ видомъ почти профессора, когда въ маленькой усадьбѣ закипѣли умнѣйшіе, даже не вполнѣ понятные разговоры и страстные споры,—капитанъ почтительно прислушивался къ новымъ словамъ и видимо гордился, что его скромная усадьба подъ соломенной крышей стала вдругъ средоточіемъ такого количества „философіи, науки и литературы"...

Молодежь сначала относилась къ старику нѣсколько свысока и снисходительно: старый человѣкъ, бывшій крѣпостникъ-рабовладѣлецъ, отставшій, разумѣется отъ вѣка съ его новыми требованіями. Капитанъ пытался иной разъ примкнуть къ этому молодому потоку, клокотавшему въ его домѣ, но это не удавалось...

И вотъ теперь новая неудача: анекдотъ встрѣтилъ явное осужденіе,—примѣръ того, какъ новыя мысли измѣняютъ чувства и настроенія. Кромѣ студента, всѣ мы, остальные слушатели, раньше выслушивали анекдотъ безъ всякой „критики", съ непосредственнымъ чутьемъ одного комизма: и мы, и сынъ-юнкеръ хохотали до упаду, а женщины, слегка осуждая легкое неприличіе сюжета, все-же не могли удержаться отъ смѣха. Теперь въ усадьбу явились „новыя мысли", и веселый сюжетъ не встрѣтилъ прежняго пріема. Всѣ сидѣли въ неловкомъ молчаніи. Офицеръ, очень любившій отца, густо покраснѣлъ и съ стыдливой нервностью первый нарушилъ молчаніе.

— Папа... Вѣдь это... это поруганіе личности...

— Д-да,—прибавилъ мой братъ раздумчиво,—униженіе человѣческаго достоинства.

Студентъ молча глядѣлъ передъ собой въ золотыя очки, а потомъ поднялся и вышелъ изъ комнаты своей размѣренной, нѣсколько журавлиной походкой.

Капитанъ растерялся. Онъ, пожалуй, могъ отшутиться и отъ офицера, и отъ „редактора". Одинъ все-таки былъ сынъ другой племянникъ. Но молчаливая демонстрація „студента" была неотразимо внушительна. Жена капитана, женщина очень добрая, беззавѣтно преклонявшаяся передъ умомъ мужа и боявшаяся его нерѣдкихъ вспышекъ, смотрѣла то на молодежь робко-просящимъ взглядомъ, то на мужа съ выраженіемъ пугливаго ожиданія. Двѣ старшихъ дочери молчали, потупясь. Чувствовалось, однако, что и онѣ на сторонѣ умной молодежи. Капитанъ попробовалъ что-то возразить, въ родѣ того, что зачѣмъ же „свободный гражданинъ" разлегся на дорогѣ. Если, дескать, на дорогѣ можно дѣлать „все", то и онъ капитанъ... Но возраженіе не удавалось... Черезъ минуту, подъ предлогомъ какихъ-то распоряженій по хозяйству, старикъ вышелъ изъ комнаты. Выходя, стукнулъ дверью, а затѣмъ со двора донесся его звонкій, очень сердитый голосъ. Онъ за что-то накинулся на работниковъ. Было видно, что капитанъ былъ не въ духѣ... Въ его усадьбѣ, гдѣ онъ привыкъ чувствовать себя властелиномъ, водворялось что-то новое. Шла какая-то переоцѣнка, и при этой переоцѣнкѣ „наука, литература и философія" могли оказаться противъ него... Это его раздражало и безпокоило... Доставалось рабочимъ, младшимъ дѣтямъ, женѣ...

Жизнь молодого кружка шла, между тѣмъ, своей колеей... Двѣ старшихъ дочери капитана становились взрослыми дѣвицами. Женскихъ гимназій тогда почти не было. Обѣ учились чему-нибудь и какъ-нибудь то у гувернантокъ, то въ нехитромъ пансіонѣ. Старшая была полная, веселая, недурная собой хохотушка, хорошо играла на фортепіано, любила танцы. Другая—смуглая, некрасивая, съ большими задумчивыми глазами и по большей части печальнымъ выраженіемъ лица. Первая интересовалась „новыми взглядами" довольно поверхностно, вторая жадно прислушивалась къ спорамъ и порой садилась за новыя книги, для пониманія которыхъ была, однако, совершенно не подготовлена. Студентъ обратилъ на нее особое вниманіе и сталъ пополнять ея образованіе. Ихъ нерѣдко можно было видѣть вдвоемъ. Студентъ своей размѣренной походкой шагалъ вокругъ клумбы, передъ домомъ, и, держа въ рукахъ свѣже-сорванный цвѣтокъ, объяснялъ дѣвушкѣ его устройство важно, спокойно, какъ профессоръ съ каѳедры. Дѣвушка, вся зардѣвшись, жадно

ловила каждое слово, и смуглое лицо ея дѣлалось въ эти минуты привлекательнымъ, почти красивымъ.

Если-бы кто-нибудь другой, хотя-бы даже любимый сынъ позволилъ себѣ сорвать такъ безцеремонно цвѣтокъ съ завѣтной клумбы, за которой капитанъ ухаживалъ съ такой любовью и усердіемъ,—это было-бы поводомъ для цѣлой бури. Но теперь капитанъ лишь инстинктивно слѣдилъ взглядомъ, какъ студентъ вытаскивалъ завѣтные цвѣты со стеблями и луковицами и... не говорилъ ничего. Можно думать, что, кромѣ уваженія къ наукѣ, тутъ были и родительскія соображенія. Старшая дочь привлекала уже вниманіе молодыхъ людей, и за ея „судьбу" не безпокоились. Сближеніе студента, недавняго свѣтила гимназіи и теперь, навѣрное, такого-же свѣтила университета,—съ младшей дочерью, дурнушкой, давало родителямъ надежду самымъ блестящимъ образомъ устроить ея судьбу. Поэтому капитанъ лишь съ невольнымъ вздохомъ слѣдилъ, за какимъ еще пышно распустившимся цвѣткомъ протянется безжалостная рука „ученаго"...

— Голова!—говорилъ онъ конфиденціально какому нибудь новому человѣку,—будущій Пироговъ, помяните мое слово... И характеръ—скала! Если сказалъ: „не буду",—кончено. Чай пить, обѣдать, что хотите. Сказалъ: „не буду!"—самъ царь зови, не перемѣнитъ слова. Желѣзный характеръ. Говорю вамъ: голова необыкновенная!

Понятно, что нѣкоторое отчужденіе и какъ бы молчаливое осужденіе, которое капитанъ не могъ не чувствовать въ отношеніи къ себѣ молодого поколѣнія,—его глубоко огорчало и задѣвало его самолюбіе.

Скоро, однако, умный и нѣсколько лукавый старикъ нашелъ средство не только примирить съ собой молодежь, но и заключить съ нею наступательный и оборонительный союзъ.

Это было время Бокля, естественныхъ наукъ и матеріализма. Бѣлинскаго и Добролюбова затмевалъ Писаревъ. Его молодое буйство увлекало и заражало. Пушкинъ, которымъ такъ восхищался Бѣлинскій, котораго ставилъ такъ высоко даже Чернышевскій,—теперь былъ низвергнутъ съ пьедестала. „Пѣвецъ бобровыхъ воротниковъ и золотой молодежи"... („Морозной пылью серебрился его бобровый воротникъ"—братъ по Писареву приводилъ этотъ стихъ, какъ характерный для всей поэзіи Пушкина). Разбирали Онѣгина, громили его барство, его эпикуреизмъ и умственную лѣнь... „И полку съ пыльной книгъ семьей задернулъ траурной тафтой"... Братъ, въ увлеченіи, доходилъ до отрицанія у Пушкина даже стихотворной техники. Онъ прочелъ

рядомъ „Орину“ Некрасова и затѣмъ „Черную шаль“. „Ко мнѣ постучался презрѣнный еврей“... „Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ“... „Не взвидѣлъ я свѣта, булатъ загремѣлъ, прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ“... Все это, прочитанное соотвѣтственнымъ образомъ, вызвало въ молодой компаніи искренній хохотъ. Дѣвицы и капитанъ, довольно плохо знакомые съ Пушкинымъ, тоже смѣялись... Мои слабыя возраженія потонули въ общемъ неодобрительномъ хорѣ.

Всѣ эти новыя мысли и настроенія мы, т. е. младшіе, а также женская часть семьи, получали изъ вторыхъ рукъ въ видѣ яркихъ парадоксальныхъ обрывковъ и афоризмовъ. Я тогда не читалъ еще не только Бокля, но и Писарева. Братъ, офицеръ и студентъ читали и Бокля, и Молешотта, и Фохта, были знакомы съ Дарвиномъ, правда — больше по писаревскимъ компиляціямъ. То, что, какъ искры, долетало до насъ изъ ихъ оживленныхъ бесѣдъ и споровъ, казалось страннымъ и новымъ. Борьба за свободу ирландцевъ противъ англичанъ не имѣла успѣха потому, что ирландцы питаются картофелемъ, а англичане—ростбифами... Это изъ Бокля. Между тѣмъ, мѣшокъ картофеля прибавляетъ меньше крови, чѣмъ одинъ фунтъ мяса. Это, кажется, изъ Бюхнера. Тэнъ объясняетъ сильныя страсти шекспировскихъ героевъ, ихъ пламенные монологи и неистово грубыя ругательства тѣмъ, что предки Шекспира англо-саксы набивали животы сырыми ростбифами и пивомъ... „Мысль,—говоритъ Фохтъ,— есть выдѣленіе мозга, какъ желчь есть выдѣленіе печени“. „Матерія“ и „сила“, то есть, въ окончательномъ счетѣ, простѣйшій атомъ и его механическія свойства, слагаясь и комбинируясь, даютъ все, что мы чувствуемъ, какъ душевные процессы. Разложите на составныя части вдохновенный порывъ,—останется такое-то количество атомовъ съ ихъ тяготѣніемъ и ничего больше, никакого остатка...

Все это на меня лично производило впечатлѣніе блестящихъ холодныхъ снѣжинокъ, падающихъ на голое тѣло. Я чувствовалъ, что всѣ эти отдѣльныя блестки, разрозненныя, случайно вырывавшіяся въ жару случайныхъ споровъ,—свѣтятся какимъ-то особеннымъ, общимъ свѣтомъ, рѣзкимъ, холоднымъ, но идущимъ изъ общаго источника... Всѣ эти парадоксы, афоризмы, новыя истины были гдѣ-то объединены общей формулой, которая и влекла, и вмѣстѣ вызывала инстинктивное противорѣчіе въ глубинѣ моего тогдашняго настроенія. Скоро дѣло дошло до вопросовъ о сотвореніи міра, о душѣ, о загробной жизни, о дарвинизмѣ и о Богѣ...

Тутъ уже въ тихой усадьбѣ обозначились рѣзко два настроенія. Моя мать, ея сестра—жена капитана—и я оказались

на одной сторонѣ, мой старшій братъ, офицеръ и студентъ— на другой.

Младшіе братья и сестры изъ обѣихъ семей составляли публику.

Особенно памятенъ мнѣ одинъ такой споръ: рѣчь зашла о статьѣ Писарева: „Подвиги европейскихъ авторитетовъ". Статья касалась извѣстнаго въ свое время спора между Пуше и Пастеромъ. Пуше произвелъ опыты съ настоями въ закрытыхъ сосудахъ и сообщилъ французской академіи,что микроскопическіе организмы возникаютъ и развиваются при такихъ условіяхъ, при которыхъ ихъ появленіе можетъ быть объяснено только самозарожденіемъ. Пастеръ доказывалъ, что въ опытахъ Пуше микроорганизмы попадали изъ воздуха. Теперь не остается никакихъ сомнѣній, что Пастеръ былъ правъ, и его опыты были поставлены вполнѣ научно. Но... Писареву и одинаково съ нимъ настроенной молодежи важенъ былъ не методъ, а результатъ. Самозарожденіе дополняло теорію Дарвина, устанавливая непрерывность между неорганизованной матеріей и міромъ организованныхъ существъ.. Все становилось законченнымъ и стройнымъ, высшія проявленія духа низводились къ элементарнымъ процессамъ: нѣтъ ничего, кромѣ матеріи и силы. Писаревъ со всѣмъ своимъ молодымъ задоромъ и остроуміемъ терзалъ Пастера, отстаивая Пуше и самозарожденіе.

Я Писарева еще не читалъ, о Дарвинѣ у меня почти только и было воспоминаніе изъ разговоровъ отца: старый чудакъ, который говоритъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны... И оба—Дарвинъ и Писаревъ—стучались въ дверь, которую я когда-то, еще въ дѣтствѣ, закрылъ отъ нихъ наглухо обѣтомъ: никогда не отступать отъ вѣры отца. Вмѣстѣ съ матерью и теткой я горячо отстаивалъ „откровеніе"... Споръ велся шумно, безпорядочно, страстно... Ну, хорошо. Микроорганизмы зародились въ водѣ, а вода откуда? Изъ облаковъ? А облака? Изъ водорода и кислорода? А водородъ и кислородъ?... Братъ, студентъ и офицеръ, перебивая другъ друга, кидали все новые аргументы, высмѣивая „старыя сказки", женщины съ красными лицами и сверкающими глазами возражали, я пылко поддерживалъ ихъ, вызывая пренебрежительныя насмѣшки брата. Скоро мудреный Пуше и его противникъ остались въ сторонѣ, и споръ соскользнулъ на болѣе элементарные вопросы: вѣрить-ли „священному писанію"?

Капитанъ пришелъ уже въ половинѣ спора и нѣкоторое время молчалъ, хотя обѣ стороны, уставшія и нѣсколько запутавшіяся въ безпорядочныхъ возраженіяхъ, апеллировали къ нему со своими аргументами. Онъ выслушивалъ, взвѣ-

шивалъ и вдругъ, со свѣжими силами и свѣжимъ голосомъ, вмѣшался въ ожесточенную борьбу: къ удивленію обѣихъ сторонъ, капитанъ, самый старый изъ всѣхъ присутствующихъ, оказался на сторонѣ молодежи съ ея матеріализмомъ и даже Дарвиномъ...

— Га. Конечно это правда, пора бросить эти бабьи сказки, когда уже философія и наука доказали... Священное писаніе... А кто знаетъ, кѣмъ оно писано, и можно ли всему этому вѣрить, когда въ священныхъ книгахъ попадаются такія несообразности. Взять хотя-бы: „стой солнце и не движись луна“...

Я вдругъ вспомнилъ далекій день моего дѣтства, когда капитанъ развивалъ эти же свои сомнѣнія передъ отцомъ, который слушалъ его, лежа на постели и смѣясь своимъ нутрянымъ смѣхомъ. И теперь капитанъ опять стоялъ посерединѣ комнаты, высокій, сѣдой, красивый въ своемъ одушевленіи, и опять съ необыкновеннымъ паѳосомъ, картинно разводя руками, говорилъ о мірахъ, солнцахъ, планетахъ, объ ихъ безконечномъ круговращеніи... И вдругъ на одной изъ пылинокъ, называемыхъ землею, безконечно малая пылинка, называемая Іисусомъ Навиномъ,—останавливаетъ все это безконечное, такъ сказать, круговращеніе естества..

Молодежь радостно привѣтствовала неожиданнаго союзника. Артиллеристъ дополнилъ соображенія капитана: ядро, остановленное въ полетѣ, развиваетъ столько-то единицъ теплоты. Земля на одно только мгновеніе задержанная въ своемъ движеніи,—все превратила бы въ пары и газы...

Было поздно, когда всѣ разошлись спать, съ отяжелѣвшими головами отъ страстныхъ споровъ въ тѣсной и накуренной комнатѣ. Наша сторона была формально разбита: пылкая рѣчь капитана объ Іисусѣ Навинѣ и научныя соображенія, которыми она была поддержана,—остались послѣднимъ словомъ вечера. Студентъ уходилъ къ себѣ, братъ, офицеръ и дѣвицы его провожали. Молодежь удалялась по переулку, смѣясь и перебивая другъ друга, дѣлилась новыми побѣдоносными аргументами. За ними лаяли собаки, и казалось, что какая-то пестрая, шумная, живая волна катится по спящей деревнѣ среди мужицкихъ и „панскихъ“ крытыхъ соломою хатокъ.

Я не пошелъ съ ними. Мой младшій братъ и Саша ушли спать на сѣновалъ. Я тоже прошелъ туда... Ночь была тихая, ясная; изъ-за стараго „магазина“ еще не поднялась луна, но очертанія остроконечной крыши и силуэты тополей, казалось, плавали въ загорающемся сіяніи. Тихо шурша душистымъ сѣномъ, я пролѣзъ на сѣновалъ. Въ одномъ мѣстѣ

соломенная крыша была продрана, и въ нее свѣтился, мигая и какъ бы дыша огнями, клокъ ночнаго неба...

Мнѣ вспомнилось настроеніе давно минувшихъ годовъ: вечеръ, когда я ходилъ по двору, въ такую-же тихую ночь, и „съ вѣрой“ просилъ у Бога крыльевъ, а небо, какъ живое, дышало своими огнями. Потомъ выплылъ въ памяти другой освѣщенный островокъ прошлаго, когда я сравнивалъ спокойную вѣру отца съ извѣстнымъ мнѣ тогда невѣріемъ и давалъ обѣтъ, что никогда, никогда не перестану вѣрить такъ-же ясно и просто...

Воспоминаніе объ этомъ устойчивомъ настроеніи отца, объ его смѣхѣ и его превосходствѣ надъ безпокойными и какъ будто лишенными внутренней прочности разсужденіями капитана повѣяло на меня и въ эту минуту успокоеніемъ. Я припомнилъ тогдашніе аргументы отца. Іисусъ Навинъ не зналъ космографіи. Но Богъ зналъ, о чемъ онъ проситъ. Богъ всемогущъ, онъ могъ не только остановить круговращеніе вселенной, но и устранить послѣдствія этой остановки... По просьбѣ пылинки?.. Ну, что-жъ. Вѣдь въ сущности... нуженъ былъ только свѣтъ въ теченіе лишняго часа. Для этого достаточно было преломленія лучей въ свѣтломъ облакѣ.

И вселенная, и нетронутое еще зданіе моей вѣры въ этотъ вечеръ были возстановлены на своихъ устояхъ. Я заснулъ спокойно, глядя, какъ по свѣтлому отверстію въ крышѣ тихо передвигались вѣчныя звѣзды, а въ слѣдующій же разъ, когда опять возникъ споръ, я выдвинулъ свои аргументы: сначала „всемогущество“. Оно скоро было сбито. Сопоставленіе безконечныхъ міровъ и остановка ихъ для сведенія счетовъ Навина съ кучкой противниковъ уже не укладывались въ воображеніи. Но, когда я выдвинулъ на сцену лучепреломленіе и свѣтлое облако, наша сторона укрѣпилась: вѣдь это уже не міросозерцаніе, а только легкій туманный экранъ... Такія явленія бываютъ и описываются даже въ учебникахъ...

Это была наивная попытка „примиренія науки“ *со всѣмъ объемомъ* данной вѣры, и она имѣла тоже слабый успѣхъ. Мои ухищренія только на время задерживали торжество противниковъ и доставляли нашей сторонѣ иллюзію побѣды. Старшая молодежь смотрѣла на мои попытки съ пренебреженіемъ, а капитанъ рѣшительно присоединился къ молодому лагерю; поощряемый своими союзниками, онъ высказывалъ порой самыя радикальныя сужденія. Испуганные взгляды жены, которая уже оплакивала вѣчную погибель своего неистоваго старика, только подливали масла въ огонь.

— Ага!—говорилъ онъ. — Развѣ я давно не говорилъ то

же самое? А теперь, вотъ видишь: наука!—И его кощунственныя шутки вызывали порой взрывы веселаго хохота...

Правда, по вечерамъ, которые къ началу осени становились долги и темны, его задоръ обыкновенно нѣсколько уменьшался, а однажды у него вырвалось невольное признаніе. Всѣ засидѣлись поздно. Снаружи въ окна глядѣла темная сырая ночь; капли дождя сплющивались и стекали по стекламъ, а деревья въ саду безпокойно шумѣли, какъ будто кто-то гигантской рукой схватывалъ ихъ вершины, сводилъ вмѣстѣ и потомъ опять распускалъ широко по вѣтру...

Капитанъ нѣсколько перехватилъ въ своемъ острословіи и въ его настроеніи наступила нѣкоторая реакція. Въ комнатѣ водворилось молчаніе, прерываемое только неугомоннымъ крикомъ сверчка и шумомъ вѣтра снаружи. Капитанъ сидѣлъ съ увядшимъ лицомъ: бѣлые усы его и красноватый носъ, какъ будто, опустились.

— Пора спать,—сказала его жена.

Капитанъ тяжеловато поднялся съ мѣста и вдругъ, окинувъ взглядомъ своихъ тоже притихшихъ союзниковъ, сказалъ:

— Э! А все-таки, знаете, стану ложиться въ постель... перекрещусь... Оно, конечно, наука и все такое. А все-таки не знаешь навѣрное: а вдругъ *оно* есть... На всякій случай, знаете ли, не мѣшаетъ... Совѣтую и вамъ...

Онъ говорилъ опять по своему: съ юмористической ноткой въ голосѣ. Но жена пояснила простодушно:

— Эхъ, старый! Кощунствуетъ цѣлый вечеръ, а потомъ крестится, вздыхаетъ и боится темноты...

— Ну-ну! — остановилъ ее капитанъ, видя, что разоблаченія супруги заходятъ слишкомъ далеко и могутъ уронить его во мнѣніи молодого поколѣнія...

Борьба за „вѣру“. Потерянный аргументъ.

На этотъ разъ я вывезъ изъ Гарнаго Луга особое настроеніе. Сдержать свой обѣтъ, данный въ дѣтствѣ, казалось мнѣ важной задачей: я помнилъ ту минуту своей жизни и помнилъ душевную ясность этой минуты. И мнѣ казалось, что если я откажусь отъ нея, то мой мірокъ потеряетъ устойчивость, а самъ я потеряю довѣріе къ себѣ. А между тѣмъ, сомнѣніе уже стучалось въ мою душу. Многое, хотя не все изъ того, о чемъ говорили въ Гарномъ Лугѣ, было такъ ярко, молодо, такъ очевидно правдиво. Все, что касалось общественныхъ отношеній, во мнѣ не вызывало

противорѣчій: общее туманное стремленіе къ свободѣ сіяло и манило, а на другой сторонѣ стояли только фигуры вродѣ Безака и подобныхъ ему „обрусителей“ и сатраповъ. Правда, герои Мордовцева казались мнѣ и тогда довольно смѣшными, надутыми кривляками, и я во время общаго чтенія позволилъ себѣ высказать рѣзкое мнѣніе объ одномъ эпизодѣ. Одинъ изъ „героевъ“, носящій кличку „Точеная голова“, подаетъ барышнѣ стулъ. Барышня обижается. Это значитъ, что на нее не смотрятъ, какъ на человѣка, равнаго другимъ. Герой объясняетъ иронически, что это не кавалерская галантность, а простой эгоистическій разсчетъ: „барышня“ можетъ упасть въ обморокъ, и тогда ему же придется бѣгать за водой и возиться съ нею. Я сказалъ, что это плоская глупость: мы можемъ легко представить себѣ каждое лицо Тургенева и въ жизни. И всѣ они остаются сами собой. Но представьте, что вы видите въ жизни сцену, описанную Мордовцевымъ; тогда непремѣнно „Точеная голова“ покажется намъ надутымъ дуракомъ, который говоритъ для краснаго словца не то, что думаетъ: онъ отлично знаетъ, что отъ пятиминутнаго стоянія на балконѣ никакая барышня въ обморокъ не упадетъ. На меня напали, но братъ принялъ мою сторону. Свѣтловъ Омулевскаго казался мнѣ иногда похожимъ на хорошо вычищенный, блестящій тазъ; кромѣ того, постоянное любованіе автора своимъ героемъ какъ-то непріятно рѣзало ухо. У Тургенева, Гоголя, Писемскаго такого любованія не было, и люди, хороши они или дурны, дѣйствовали и отвѣчали сами за себя. Я легко подмѣчалъ всякое отступленіе отъ реальной правды и фальшь въ изображеніи лицъ. Для этого у меня былъ свой пріемъ: я старался представить, что все описанное происходитъ не въ книгѣ, гдѣ все „не совсѣмъ такъ, какъ въ жизни“, а въ самой дѣйствительности, что данное лицо говоритъ эти самыя слова вотъ тутъ, въ нашемъ домикѣ, обращаясь къ намъ. И тогда всякая условность тотчасъ-же выступала рѣзко и ясно. При такой провѣркѣ герои Мордовцева, Омулевскаго и другихъ писателей теряли очень много. Это не лица,—формулировалъ я однажды свое ощущеніе,—а „личности“. И, вдобавокъ, еще „свѣтлыя личности“... А „свѣтлыя личности“ тогда являлись, какъ грибы. И, когда при мнѣ называли такъ кого-нибудь незнакомаго, мнѣ сразу онъ представлялся не настоящимъ простымъ человѣкомъ, а нѣсколько надутымъ педантомъ.

И, однако... несмотря на эту реакцію противъ нѣкоторыхъ сторонъ „героической“ литературы, было что-то и въ самомъ Свѣтловѣ, и въ его таинственныхъ цѣляхъ, и въ атмосферѣ, порождаемой этой литературой, что-то неотразимо-заманчивое

и привлекательное. Думаю, что оно коренилось въ рѣзкомъ отрицаніи настоящаго и въ предчувствіяхъ, о которыхъ я говорилъ выше и отъ которыхъ вѣяло инстинктивно правильнымъ предвидѣніемъ... Въ этомъ мое настроеніе не расходилось съ настроеніемъ старшихъ братьевъ и студента. Общее отрицаніе существующихъ формъ я принималъ легко. Я пытался только отстоять свою вѣру.

За то въ этомъ отношеніи я сдавался трудно. Уже переѣхавъ въ городъ, я припоминалъ всѣ наши споры и придумывалъ возраженія. Ложась спать, въ тѣ часы, которые прежде я отдавалъ буйному полету воображенія, уносившаго меня въ обстановку рыцарства или казачества, — теперь я возстановлялъ нить спора и старался опрокинуть аргументацію противниковъ.

Особенно ярко стоитъ въ моей памяти одинъ вечеръ. Въ то время я былъ влюбленъ. Юная особа, плѣнившая впервые мое сердце, каждый день ѣздила съ сестрой и братомъ въ маленькой таратайкѣ на уроки. Я отлично изучилъ время ихъ проѣзда, стукъ колесъ по мостовой шоссе и позвякиваніе бубенцевъ. Къ тому времени, когда имъ предстояло возвращаться, я, какъ будто случайно, выходилъ къ своимъ воротамъ или на мостъ. И, когда мнѣ удавалось увидѣть розовое личико съ каштановымъ локономъ, выбивающимся изъ-подъ шляпки, уловить ея взглядъ или благосклонную улыбку, это разливало нѣкоторое сіяніе на весь мой остальной день.

Однажды бубенчики прогремѣли въ необычное время, и таратайка промелькнула мимо нашихъ воротъ такъ быстро, что я плохо разглядѣлъ фигуры сидѣвшихъ. Но по особому сладкому замиранію сердца я былъ убѣжденъ, что это проѣхала она. Вскорѣ телѣжка вернулась обратно пустая. Это значило, что сестры остались гдѣ-нибудь въ гостяхъ на вечерѣ и, значитъ, будутъ возвращаться обратно часовъ въ десять. Стояла ясная осень, съ свѣжими лунными вечерами. Послѣ девяти часовъ я вышелъ изъ дому и сталъ ходить по шоссе, не замѣчая окружающаго и весь охваченный своимъ чувствомъ и своими мыслями. Чувство летѣло навстрѣчу телѣжкѣ съ фигурами двухъ сестеръ и мальчика. Умъ былъ занятъ важнымъ вопросомъ о бытіи Божіемъ и безсмертіи души.

Время шло, уличное движеніе стихало, лавчонки были заперты, окна закрывались ставнями, точно прижмуривались передъ сномъ, таратайка, пустая, съ однимъ только долговязымъ кучеромъ на козлахъ, давно опять проѣхала въ ту сторону, за дѣвочками, но назадъ все не возвращалась. Слухъ мой напряженно ловилъ въ тишинѣ знакомое шарканье бу-

бенчиковъ, а въ головѣ складывались мысли: я велъ полемику, опровергая матеріалистическіе аргументы и подбирая свои.

И вдругъ, — я весь встрепенулся,—гдѣ-то далеко въ затихшемъ и спокойномъ воздухѣ вечера дрогнулъ легкій звукъ, какъ будто ударили ложечкой по стакану, и затихъ. Я зналъ этотъ звукъ: это были бубенчики. *Она* уже выѣхала и приближалась. Скоро таратайка выбѣжитъ изъ сѣти переулковъ на прямое шоссе и прогремитъ по мосту. И, если я хочу увидѣть ее при этомъ яркомъ свѣтѣ луны, чтобы потомъ унести съ собой это видѣніе въ глубину дремоты и сновидѣній, — я долженъ поторопиться. Я стану въ густой тѣни лавокъ у самаго моста, а она проѣдетъ по свѣтлой улицѣ, даже не подозрѣвая, быть можетъ, чья это фигура сливается съ густой тѣнью...

Но въ то же самое время, какъ бы оживленная этимъ толчкомъ внезапнаго возбужденія, мысль заработала ярко, быстро и сильно. Я остановилъ шаги и прислушался къ внутренней работѣ мозга. Да, несомнѣнно, это складывается ясное, логичное, „неопровержимое“ доказательство „безсмертія“. Я спорилъ съ своими противниками. „А, вы говорите вотъ что... Хорошо. Но вѣдь отсюда слѣдуетъ то-то...“ Аргументы вытягивались неразрывною цѣпью, положеніе за положеніемъ, стройно и логично. Еще мгновеніе... Видѣнъ конецъ. Меня охватила глубокая радость перваго, быть можетъ самостоятельнаго умственнаго творчества и открытія. Я чувствовалъ, что мнѣ надо остановиться, уйти куда-нибудь, додумать до конца свою логическую цѣпь, отрѣшившись отъ всего остальнаго, но въ то же время ноги быстро несли меня по деревяннымъ кладочкамъ вдоль рѣчки къ мосту. Звонъ шаркунцовъ и бубенчиковъ уже вылился на шоссе и все усиливался, и мнѣ казалось, что онъ заливаетъ весь этотъ тихій вечеръ своими растущими трелями... Успѣю, или не успѣю?.. Я ловилъ одновременно и приближающееся тарахтѣніе колесъ, и быстро пробѣгающія мысли. Черезъ минуту я былъ на мосту, но не успѣлъ дойти до намѣченнаго тѣнистаго угла. Телѣжка уже гремѣла по деревянной настилкѣ, и обѣ сестры съ удивленіемъ оглянулись на мою одинокую и, вѣроятно, очень глупую фигуру, освѣщенную луной и неизвѣстно зачѣмъ застывшую на серединѣ моста. Онѣ меня не могли не узнать, но я не успѣлъ даже поклониться, потому что въ это мгновеніе жадно хваталъ обрывки разлетѣвшагося силлогизма. Стройная цѣпь посылокъ и почти готоваго уже заключенія снялась, какъ стая вспугнутыхъ птицъ, и улетала въ неопредѣленно сіяющій сумракъ, вслѣдъ за быстро исчезающей телѣжкой. Звонъ бубенцовъ убѣгалъ

въ конецъ улицы, забился еще и затѣмъ остановился въ далекой перспективѣ. Двѣ фигурки промаячили пятнышкомъ у подъѣзда, потомъ и онѣ, и телѣжка исчезли... Осталась пустая спящая улица, пустота въ сердцѣ и пустота въ головѣ. Неопровержимое доказательство исчезло. Я вернулся на прежнее мѣсто, на рѣчку, но силлогизмъ не возстановлялся. Какъ это бываетъ иногда во снѣ, когда кажется, что читаешь прекрасную поэму и, проснувшись, не можешь ее вспомнить, и въ умѣ остаются только начальные или конечные стихи, отрозненные, блѣдные, сухіе,—такъ теперь у меня стояло только: „Вы говорите вотъ что"... За этимъ слѣдовало поблѣднѣвшее изложеніе оспариваемаго мнѣнія, изъ котораго такъ недавно вставали сами собой возраженія, теперь оставшіяся въ видѣ какой-то общей мысленной формы, которую я не могъ заполнить содержаніемъ. На душѣ было ощущеніе какой-то важной утраты, раскаяніе, сожалѣніе. И было тускло, какъ на улицѣ, на которой нечего было ждать на этотъ разъ. Вдобавокъ, луна задернулась туманомъ, все стало расплывчато и мутно.

Я ушелъ домой съ покаянной молитвой въ душѣ. Не отнялъ ли у меня Богъ мое несокрушимое доказательство за то, что я не отдалъ одному ему всего настроенія данной минуты. Но... я такъ любилъ тогда эту красивую, нѣсколько надменную юную головку и такъ благоговѣлъ передъ своимъ чувствомъ, что не могъ примириться съ мыслью, что въ чувствѣ этомъ есть что-нибудь грѣховное, заслуживавшее наказанія. Ночью я долго не спалъ, стараясь возстановить исчезнувшую мысль.

Но она такъ и не явилась.

Кажется, именно въ этотъ періодъ я становился на площади на колѣни и молился на статую Мадонны, чувствуя печаль по уходящей вѣрѣ и стремясь ее выразить въ какихъ-нибудь дѣйствіяхъ...

Еще долго мнѣ казалось, что я все-таки остаюсь вѣрнымъ своему дѣтскому обѣту. Но, какъ это бываетъ часто, наиболѣе сильными аргументами являлись не тѣ, которыя представляли прямую полемику и возраженіе. Противъ такихъ непріятельскихъ атакъ умъ тотчасъ же настораживался и отражалъ ихъ. Гораздо сильнѣе было незамѣтное расширеніе умственнаго горизонта, занимаемаго шагъ за шагомъ, повидимому, совершенно нейтральными образами, фактами, пріемами мысли. Они мѣняли общее представленіе о мірѣ. Мой наивный ужасъ передъ Дарвиномъ постепенно исчезъ, и простыя, ясныя положенія эволюціонной теоріи органически занимали свое мѣсто въ умѣ. Картина моего міра постепенно мѣнялась. Помню, что какъ-то въ это время

мнѣ случилось прочесть „Подводный камень“ забытаго теперь романиста Авдѣева. Особенно яркаго впечатлѣнія этотъ романъ на меня не произвелъ, но и до сихъ поръ мнѣ вспоминается изъ него одно мѣсто. Героиня, жена очень хорошаго, честнаго и вѣрующаго человѣка, сама тоже вѣрующая, заинтересовывается пріятелемъ мужа. Сначала ей очень не нравится то, что этотъ пріятель—атеистъ. Но онъ—человѣкъ тоже глубоко честный, умный и способный къ самоотверженію. Итакъ, не одна религія служитъ источникомъ такого душевнаго строя. Хороша простая искренняя вѣра. Она освѣщаетъ жизненную дорогу, она примиряетъ съ тягостью этой дороги, устанавливая равновѣсіе двухъ міровъ и суля торжество правды хотя бы за предѣлами міра. Но идти суровой дорогой долга, бороться за то, что всѣ честные люди признаютъ добромъ, безъ мысли о наградѣ въ будущей жизни, безъ опоры въ высшей силѣ, съ гордой увѣренностью въ себѣ и съ надеждой только на собственныя силы,—въ этомъ она не могла не признать своего рода величія...

Это мѣсто меня поразило... Да, это вѣрно. И значитъ, есть люди „невѣрующіе“, но по иному, чѣмъ мой дядя вольтеріанецъ, крестящійся на всякій случай передъ сномъ. Я подумалъ, что́ сказалъ бы отецъ, если-бы встрѣтилъ *такого* невѣрующаго человѣка, который, конечно, былъ бы его союзникомъ среди тьмы взяточничества и неправды. И я сразу почувствовалъ, что, во всякомъ случаѣ, отецъ не могъ-бы смѣяться тѣмъ смѣхомъ снисходительнаго превосходства, который такъ импонировалъ мнѣ въ его отношеніи къ капитану...

А что такіе люди есть,—я это и зналъ, и чувствовалъ потому, что, въ сущности, вся литература, въ которую съ такимъ преклоненіемъ и наслажденіемъ погружался мой умъ,—была проникнута именно этимъ настроеніемъ. Звали на борьбу съ неправдами въ *этой жизни* люди, равнодушные къ будущей. А тѣ, кто объявлялъ себя хранителями вѣры, освящали въ жизни жестокую и явную неправду... Затѣмъ—новая вѣха отмѣтила ходъ этого кризиса.

Я былъ, если не ошибаюсь, въ шестомъ классѣ... Въ гимназіи случилась какая-то шалость, кажется, довольно скверная. Виновныхъ, по обыкновенію, не открыли, ученики стояли твердо и не выдавали товарищей, хотя въ большинствѣ осуждали ихъ. Наступало время говѣнія. Начальство вдругъ сдѣлало распоряженіе, чтобы ученики старшихъ классовъ исповѣдывались непремѣнно у законоучителя. Для этого время исповѣди было продолжено. Это удивило и огорчило многихъ. Обыкновенно мы исповѣдывались у кого

хотѣли: для помощи нашему священнику въ гимназическую церковь приглашался еще свящ. Барановичъ, человѣкъ глубоко-вѣрующій и добрый; гимназисты шли больше къ нему, и въ то время, какъ около аналоя нашего гимназическаго протоіерея бывало почти пусто, къ Барановичу тѣснились и дожидались очереди...

Теперь выбора не было. Намъ приходилось поневолѣ идти только къ законоучителю... Затѣмъ случилось, что тотчасъ послѣ перваго дня исповѣди, виновники шалости были раскрыты. Священникъ наложилъ на нихъ эпитемью и лишилъ причастія, но еще до начала службы три ученика были водворены въ карцеръ. Имъ грозило даже исключеніе...

Это произвело сильное впечатлѣніе среди учениковъ. Явилось подозрѣніе, что законоучитель выдалъ тайну исповѣди.

На слѣдующій день предстояло исповѣдываться шестому и седьмому классамъ. Идя въ церковь, я догналъ на гимназической улицѣ рыжаго Сушкова, о которомъ говорилъ уже въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ.

— Слышалъ? — спросилъ онъ у меня. — Онъ былъ видимо взволнованъ, и я сразу понялъ, что такъ занимаетъ его.

— Да,—отвѣтилъ я.—Но можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что это именно протоіерей?..

— Положимъ. Но... какъ ты думаешь: можно ли быть увѣреннымъ, что это не онъ?

Я представилъ себѣ фигуру протоіерея-обрусителя, гораздо больше чиновника духовнаго вѣдомства, чѣмъ пастыря,—и отвѣтилъ:

— Я не увѣренъ.

— Я тоже. А можно ли раскрывать душу передъ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ даже такой увѣренности.

— Да-а,—протянулъ я.—Я не могу безъ отвращенія подумать о томъ, что я *вынужденъ* идти къ нему...

— Я ему не скажу правды,—рѣшительно сказалъ Сушковъ.

— Я тоже. Но тогда?..

У обоихъ тотчасъ же всталъ вопросъ: какъ же быть съ причастіемъ? Было немало гимназистовъ, которые не задавались этимъ вопросомъ и, отправляясь къ причастію, пили чай и ѣли даже скоромное. И не потому даже, чтобы отрицали таинство, а просто потому, что относились къ нему легко и беззаботно. Мы оба съ Сушковымъ тогда уже сомнѣвались во многомъ и прежде всего въ томъ, что его мать, англичанка, и моя—полька—осуждены на вѣчную гибель. Но

въ немъ было еще живо глубокое чувство, съ которымъ мы такъ недавно приступали къ таинству, и намъ было больно думать, что теперь мы осквернимъ его ложью. Поэтому мы рѣшили формально исполнить требованіе начальства, исповѣдаться у законоучителя, не раскрывая передъ нимъ своихъ душъ, и уклониться отъ причастія.

Никогда, кажется, въ жизни я не приступалъ съ такимъ волненіемъ къ исповѣди, какъ въ этотъ разъ. Это было передъ вечерней. Въ церкви желтые огни свѣчей какъ бы спорили съ сумерками, расплывавшимися въ тонкой мглѣ отъ ладана. Справа за аналоемъ сидѣлъ нашъ законоучитель; онъ иногда страдалъ печенью, и желчное страданіе виднѣлось во взглядѣ его маленькихъ глазъ, которыми онъ внимательно окидывалъ подходившихъ. А невдалекѣ, высокій и блѣдный, съ добрымъ простымъ скуластымъ лицомъ, на которомъ теплилось простодушное умиленіе, другой священникъ, Барановичъ, принималъ малышей, накрывая ихъ эпитрахилью, и тотчасъ же наклонялся съ видомъ торжественнаго и добраго вниманія.

Какъ я завидовалъ въ эту минуту малышамъ, и какъ мнѣ хотѣлось подойти къ этому доброму великану и излить передъ нимъ все настроеніе данной минуты, вплоть до своего намѣренія солгать на исповѣди.

Но меня уже ждалъ законоучитель. Онъ отпустилъ одного исповѣдника и смотрѣлъ на толпу ожидавшихъ, которые какъ-то сжимались подъ его взглядомъ. Никто не выступалъ. Глаза его остановились на мнѣ; я вышелъ изъ ряда...

Лицо у меня горѣло, голосъ дрожалъ, на глаза просились слезы. Протоіерея удивило это настроеніе, и онъ, кажется, приготовился услышать какія-нибудь необыкновенныя признанія... Когда онъ накрылъ мою склоненную голову,— обычное волненіе исповѣди пробѣжало въ моей душѣ.. „Сказать, признаться?“

Но это было мгновеніе... Поднявъ глаза, я встрѣтился съ его взглядомъ, заглядывавшимъ мнѣ въ лицо изъ-подъ эпитрахили. Въ немъ не было ничего, кромѣ внимательной настороженности духовнаго „начальника“... Я отвѣчалъ формально на его вопросы, но мое волненіе при этихъ краткихъ отвѣтахъ его озадачивало. Онъ тщательно перебралъ всю табличку грѣховъ. Я отвѣчалъ, по большей части, отрицаніемъ; „грѣховъ“ оказывалось очень мало, и онъ рѣшилъ, что волненіе мое объясняется душевнымъ потрясеніемъ отъ благоговѣнія къ таинству...

„Разрѣшеніе“ онъ произнесъ смягченнымъ голосомъ. „Эпитеміи не налагаю. Помолись по усердію... и за меня

грѣшнаго",—прибавилъ онъ вдругъ, и эта послѣдняя фраза вновь кинула мнѣ краску въ лицо и вызвала на глаза слезы отъ горькаго сознанія вынужденнаго лицемѣрія...

На слѣдующій день, когда всѣ подходили къ причастію подъ внимательными взглядами инспектора и надзирателей, мы съ Сушковымъ замѣшались въ густую толпу, обошли причащавшихся не безъ опасности быть замѣченными и вышли изъ церкви...

Послѣдній годъ въ гимназіи.

Этотъ годъ прошелъ для меня въ особомъ настроеніи.

Мои каникулы были на исходѣ, когда „окончившіе" уѣзжали—одинъ въ Кіевъ, другіе въ Петербургъ. Среди нихъ былъ и Сушковъ, съ которымъ въ Житомірѣ мы учились въ одномъ классѣ. Потомъ онъ обогналъ меня на годъ, и мысль, что и я могъ бы уже быть свободнымъ, выступала для меня съ какой-то особенной, раздражающей ясностью.

Я проводилъ его за заставу. Въ штатскомъ платьѣ, съ новымъ чемоданомъ въ ногахъ, съ новенькимъ саквояжемъ черезъ плечо, онъ сидѣлъ въ перекладной, которая уносила его въ заманчивую даль. На шоссе, за тюрьмой, мы разстались, и я долго еще слѣдилъ за клубкомъ пыли, который катился пятнышкомъ по дорогѣ. Мнѣ страстно хотѣлось самому на волю... Ѣхать вотъ такъ же все впередъ и впередъ, куда-то на просторъ, къ новой жизни. А тамъ—что-то неясное, но великолѣпное. И странно: изъ всего этого великолѣпія прежде всего передо мной выступила маленькая комнатка гдѣ-то очень высоко... Изъ окна видны крыши и небо. На полу стоитъ мой чемоданъ, на стѣнкѣ виситъ такой же, какъ у Сушкова, новенькій саквояжъ. Это значитъ, что я пріѣхалъ, и вотъ-вотъ уйду куда-то. Куда? Въ новую жизнь!

Но... еще годъ! Когда комокъ пыли исчезъ вдали, я повернулся къ городу. Онъ лежалъ въ своей лощинѣ, тихій, сонный и... ненавистный. Надъ нимъ носилась та же легкая пелена изъ пыли, дыма и тумана, мѣстами сверкали клочки заросшаго пруда, и старый инвалидъ дремалъ въ обычной позѣ, когда я проходилъ черезъ заставу. Вдобавокъ, на гимназической улицѣ, на узкой деревянной кладочкѣ, передо мной вдругъ выросла огромная фигура Якова Степановича, ставшаго уже директоромъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ высоты своего роста и сказалъ сурово:

— Хотите обновить карцеръ?

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ. Что нужно этому человѣку? Страха передъ нимъ давно уже не было въ моей душѣ. Я сознавалъ, что онъ вовсе не грозенъ и не золъ, пожалуй, даже по своему добръ. Но въ немъ не было ничего, кромѣ педантизма и рутиннаго соблюденія правилъ. За что онъ накидывается теперь? За то, что я иду задумавшись и не замѣтилъ его еще издали? Онъ не знаетъ, конечно, какое чувство я несу съ собой съ этого возвышенія за заставой, откуда я провожалъ тоскующимъ взглядомъ маленькій клубокъ пыли, исчезнувшій въ широкихъ даляхъ? Но неужели одной необычной задумчивости достаточно, чтобы растревожить его привычку къ вытянутости, къ робости и ровной походкѣ... чтобы оборвать такъ низко и грубо?

— Хотите обновить карцеръ?—повторилъ онъ. И указалъ пальцемъ на мой мундиръ. Двѣ среднихъ пуговицы мундира были не застегнуты.

— Только-то?—Я невольно слегка пожалъ плечами и застегнулъ пуговицы. Лицо его покраснѣло, но, встрѣтившись взглядомъ съ моими глазами, въ которыхъ, вѣроятно, не было ни задора, ни вызова, ни дерзости, а только мимолетная досада и глубокое равнодушіе, онъ, какъ будто, растерялся.

— Откуда вы идете?—спросилъ онъ.

— Я... провожалъ товарища Сушкова...

— Ну... такъ что же?—спросилъ онъ опять не совсѣмъ кстати, озадаченный, вѣроятно, выраженіемъ моего лица.

— Ничего, Яковъ Степановичъ,—отвѣтилъ я деревянно.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня нѣсколько секундъ, какъ будто подыскивая какую-нибудь форму для вспышки, которая должна была встряхнуть мою нечувствительность къ его авторитету, но, видимо, ничего не придумавъ и встрѣчая мой равнодушный и вовсе не дерзкій взглядъ, круто отвернулся и пошелъ своей дорогой.

А я съ тоской посмотрѣлъ вокругъ. Сушковъ несется на своей перекладной уже далеко. А передо мной все тотъ же прудъ, заросшій зеленой ряской... Прогалины знойно и неподвижно отражаютъ небо и солнечный свѣтъ... Ряска кой-гдѣ шевелится,—это подъ ней проплываютъ головастики и лягушки... Изъ камышей выплылъ тяжко скучающій лебедь. Баба стучитъ валькомъ по мокрому бѣлью... Яковъ Степановичъ сейчасъ грозилъ мнѣ карцеромъ... И все это еще на цѣлый годъ!

Онъ тянулся для меня вяло и скучно. Словесника Авдіева уже не было, ничто не оживляло гимназической рутины, и я хорошо понималъ брата, который, разъ выско-

чивъ изъ колеи, не могъ и не желалъ попасть въ нее вторично. Но передо мной конецъ виднѣлся уже близко... Я, конечно, кончу...

Директоръ сталъ какъ-то особенно присматриваться ко мнѣ своимъ тяжелымъ, пристальнымъ, но мало понимающимъ взглядомъ. Однажды онъ остановилъ меня при выходѣ изъ церкви.

— Отчего вы не молитесь?—спросилъ онъ.—Прежде вы молились очень усердно. Теперь стоите, какъ столбъ.

Я опять поднялъ на него глаза, и въ нихъ, вѣроятно, опять было озадачившее его выраженіе. Я недоумѣвалъ и не скрывалъ этого, очень хладнокровно думая про себя: „Что же я скажу тебѣ? Начать опять молиться, чувствуя упирающійся въ спину начальственный взглядъ?..“

— Не знаю,—отвѣтилъ я кратко.

Я былъ „старшимъ“ на ученической квартирѣ, которую содержала моя мать. Въ этотъ годъ одну комнату занималъ у насъ юноша Подгурскій, сынъ богатаго помѣщика, готовившійся къ поступленію въ одинъ изъ высшихъ классовъ. Однажды директоръ, посѣтивъ квартиру, зашелъ въ комнату Подгурскаго въ его отсутствіе и повелъ въ воздухѣ носомъ.

— Онъ... куритъ?—спросилъ онъ у меня.

— Не знаю,—отвѣтилъ я.

— Вы—старшій?

— Да, но онъ еще не ученикъ.

— Это все равно... Вы должны... узнать.

— Хорошо, Яковъ Степановичъ, я спрошу у него,—отвѣтилъ я наивно.

Удивленіе и гнѣвъ вспыхнули на широкомъ лицѣ директора. Онъ считалъ, конечно, что я, какъ „старшій“, т. е. маленькій винтикъ учебной администраціи,—въ родѣ дворника по отношенію къ полиціи,—обязанъ оказывать ему содѣйствіе въ секретномъ надзорѣ за будущимъ ученикомъ. То есть, я долженъ былъ „выслѣдить“ и затѣмъ „доложить конфиденціально“. Въ моемъ отвѣтѣ онъ увидѣлъ насмѣшку. Но, въ дѣйствительности, этого не было: я просто въ эту минуту былъ далекъ и отъ гимназіи, и отъ его педагогическихъ соображеній. Вѣроятно, поэтому я опять невозмутимо выдержалъ его взглядъ, а онъ опять былъ озадаченъ. Когда онъ ушелъ, ученики удивлялись моей „дерзости“ и „ловкому отвѣту“, а я не сразу понялъ, въ чемъ состояла дерзость... Я только уже *могъ быть разсѣяннымъ* въ присутствіи нѣкогда столь страшнаго Якова Степановича... Это было несомнѣнное и какое-то почти инстинктивное неуваженіе къ начальству, и не хватало благонамѣреннаго лице-

мѣрія, чтобы его скрыть. Въ послѣдующіе годы это, несомнѣнно, квалифицировали бы, какъ „неблагонадежность“ или „вредный образъ мыслей“. Но въ то время, какъ и во всей русской жизни, чтеніе въ сердцахъ еще не было такъ развито, и педагогическіе совѣты имѣли еще нѣкоторое значеніе. А совѣты требовали все-таки опредѣленныхъ квалификацій и поступковъ. Между тѣмъ, мое настроеніе такой квалификаціи не поддавалось...

Я думаю, многіе изъ оканчивающихъ испытывали въ большей или меньшей степени это настроеніе „послѣдняго года“. У меня это было даже не озлобленіе,—по крайней мѣрѣ, не оно было на первомъ планѣ. Къ Якову Степановичу, напримѣръ, я относился даже лучше, чѣмъ прежде.. Но это была полная отчужденность отъ глубоко опостылѣвшаго учебнаго строя, какая-то усталость отъ мертвой рутины, въ которой не было основного глубокаго мотива, способнаго скрасить всѣ детали, придать имъ жизнь, общій смыслъ и единство. Не было ничего возвышающаго, подымающаго молодую душу, уже охваченную предчувствіемъ возможнаго и близкаго полета... Я бы сказалъ, что образованіе должно имѣть свой собственный культъ, освящающій отдѣльныя знанія, подымающій ихъ на высоту какого-то общаго единаго смысла. Наша педагогическая система болѣе или менѣе усердно барабанила по отдѣльнымъ клавишамъ... Звуковъ было до скуки много. Общая мелодія исчезала...

Одинъ разъ это мое настроеніе прорвалось довольно рѣзкой и опасной для меня вспышкой. Шелъ какой-то урокъ, для котораго два класса собирались вмѣстѣ. Урокъ тянулся по обыкновенію; въ классѣ была тоскливая тишина напряженнаго полувниманія, въ которомъ чувствуется успѣшная пока борьба съ одолѣвающей дремотой и которое составляетъ идеалъ классной дисциплины. Я сидѣлъ ровно, вытянувшись и, по обыкновенію, думая о чемъ то постороннемъ, какъ вдругъ сидѣвшій рядомъ со мной товарищъ толкнулъ меня локтемъ и указалъ на дверь. Мнѣ пришлось наклониться направо, чтобы увидѣть то, что онъ указывалъ, такъ какъ дверь отъ меня скрывалъ уголъ классной доски. Оказалось, что въ стеклѣ двери виднѣлся поднятый кверху хохолокъ Дидонуса. Любознательный надзиратель, очевидно присѣвъ на корточки, смотрѣлъ въ замочную скважину и съ обычнымъ наслажденіемъ шпіонилъ и за учителемъ, и за классомъ. Подъ вліяніемъ внезапно вспыхнувшаго остраго чувства презрѣнія, я всталъ на своемъ мѣстѣ, невидномъ Дидонусу изъ-за угла доски, и попросился выйти. Получивъ разрѣшеніе, я прошелъ за доской и, быстро подойдя къ

двери, дернулъ ее такъ, что раскрылись обѣ половинки сразу, и передъ восхищеннымъ классомъ явилась фигура Дитяткевича на корточкахъ, съ торчащимъ кверху хохолкомъ и испуганно выпученными глазами. Въ классѣ поднялся шумный смѣхъ. Учитель въ изумленіи оглянулся и тоже засмѣялся. А я, какъ ни въ чемъ не бывало, прошелъ въ коридоръ.

Это былъ пятый урокъ только въ нашемъ классѣ. Директоръ, инспекторъ, учителя уже разошлись, и одинъ только нашъ классъ шумно двигался по коридорамъ, когда навстрѣчу показался Дитяткевичъ. Онъ былъ красенъ, и маленькіе глаза его сверкали злостью. Бѣдняга вообще сильно страдалъ отъ насмѣшекъ: и его имя, и кривыя ножки, и склонность къ щегольству, и неудачныя попытки сватовства—все это служило предметомъ болѣе или менѣе остроумныхъ карикатуръ и анекдотовъ, и это его раздражало тѣмъ болѣе, что самъ онъ считалъ себя ловкимъ кавалеромъ и красавцемъ. Теперь онъ опять почувствовалъ себя поставленнымъ въ экстренно-смѣшное положеніе и зналъ, что анекдотъ разойдется по городу. Растолкавъ учениковъ, онъ остановился передо мной и взялъ за бортъ шинели.

— Вы остаетесь въ карцерѣ.

Я спокойно отстранилъ его руку и сказалъ:

— По чьему распоряженію?

— Я... я... своей властью. За вашу дерзость.

— Вы на это не имѣете права,—отвѣтилъ я все еще очень спокойно.—Если я былъ дерзокъ, вы можете пожаловаться инспектору. Но на что же вы будете жаловаться?..

— Какъ, на что?—нѣсколько растерянно сказалъ Дитяткевичъ:

— Тамъ ужъ я знаю на что...

Я пожалъ плечами.

— Я вышелъ съ разрѣшенія учителя и открылъ дверь... Почему я могъ знать, что... что... что это будетъ вамъ непріятно?..

Среди учениковъ раздался хохотъ, который окончательно вывелъ изъ себя бѣднягу-надзирателя. Онъ опять схватилъ меня за бортъ и весь красный, съ глазами, совершенно позеленѣвшими отъ злости, пытался вывести меня изъ рядовъ товарищей. При этомъ у него сорвалось нѣсколько грубыхъ, чисто базарныхъ ругательствъ.

Во мнѣ вдругъ поднялось что-то. Я рѣзко оттолкнулъ его руку и, глядя въ его зеленые глаза, назвалъ его шпіономъ, негодяемъ и идіотомъ. Товарищи во-время оттѣснили Дитяткевича, иначе сцена могла закончиться еще безобразнѣе, такъ какъ въ первый еще разъ въ жизни во мнѣ

вдругъ поднялась отцовская наслѣдственная вспыльчивость... Въ маленькой фигуркѣ съ зелеными глазами, которые впивались въ меня, вызывая изнутри какое-то клокочущее гнѣвное чувство, я какъ-будто видѣлъ въ эту минуту олицетвореніе всего, что такъ томило, угнетало и вызывало такое презрѣніе ко всей гимназической рутинѣ. И то, что мы стоимъ другъ противъ друга съ прямымъ взаимнымъ вызовомъ, доставляло мнѣ особое странное наслажденіе...

Чувство это, повидимому, раздѣляли и товарищи. Мы вышли на гимназическій дворъ шумной и веселой толпой; всѣ хохотали надъ Дидонусомъ и надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. Только спустя нѣкоторое время мы начали соображать, что дѣло это можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. „Дисциплина" въ то время, въ сущности, держалась гораздо строже, чѣмъ теперь, и случай выходилъ изъ ряду. Мнѣ эта мысль пришла послѣднему.

Вечеромъ ко мнѣ пришелъ одинъ изъ близкихъ товарищей, котораго мы почему-то всѣ звали Хомой. Это былъ юноша, значительно старше меня; ученіе давалось ему туго, но онъ бралъ огромной энергіей и трудомъ. Я его любилъ, быть можетъ, именно за эти черты, которыхъ недоставало мнѣ, а онъ восхищался, наоборотъ, легкостью, съ которой я схватывалъ гимназическую премудрость, такъ сказать, на лету. Я ему не разъ помогалъ въ сочиненіяхъ, а онъ относился ко мнѣ съ снисходительной нѣжностью старшаго благоразумнаго товарища.

Войдя въ комнату и сѣвъ на кровать, онъ сказалъ печально:

— Ахъ, Карла, Карла (это было мое прозвище)—вотъ до чего доводитъ остроуміе... Дѣло твое плохо.

Онъ съ двумя другими товарищами уже обошелъ нѣсколькихъ лучшихъ учителей и откровенно разсказалъ имъ, какъ было дѣло. Тѣ нашли, что дѣло очень серьезно.

— Ну и пусть,—отвѣтилъ я упрямо, но сердце у меня сжалось при воспоминаніи о матери. Я чувствовалъ, однако, что, если бы передо мною опять очутился Дитяткевичъ и опять, схвативъ меня за бортъ, сталъ ругаться,—я отвѣтилъ бы тѣмъ же...

Дѣло кончилось благополучно. Показанія учениковъ были всѣ въ мою пользу, но, конечно, они не имѣли бы особенной цѣны, если бы ихъ не поддержалъ старикъ Савельичъ, сторожъ, который молча, съ колокольчикомъ подъ мышкой, философски наблюдалъ всю сцену. Онъ сказалъ,— и это была правда,—что я сначала держался очень спокойно, пока Дитяткевичъ не попытался съ ругательствами силой увести меня въ карцеръ, на что, по тогдашнимъ правиламъ,

не имѣлъ права. Меня оставили на нѣсколько часовъ въ классѣ, а Дитяткевичу сдѣлали замѣчаніе за нетактичность.

Послѣдній экзаменъ. Свобода.

Часовъ въ пять чуднаго лѣтняго утра въ концѣ іюня 1870 года, съ книжками Филаретовскаго катехизиса и церковной исторіи, я вышелъ за городъ къ грабовой рощѣ. Въ этотъ день былъ экзаменъ по Закону Божію, и это былъ уже послѣдній. Законъ Божій и теперь является предметомъ, который знаютъ меньше всѣхъ. Церковная исторія, которая при болѣе живомъ отношеніи не къ формальной только и застывшей, а къ живой религіозной истинѣ, могла бы такъ глубоко захватить молодые умы, —считалась и считается наиболѣе мертвымъ и прямо ненужнымъ предметомъ: годы соборовъ, скелетъ ересей и ученій, сухая догматика, лишенная совершенно того жгучаго обаянія, которымъ въ дѣйствительности сопровождаетъ каждый шагъ человѣчества по пути исканія религіозной истины,—таково содержаніе этой гимназической исторіи: все рѣшено, запечатано, ереси отвергнуты, еретики сожжены и—въ результатѣ нѣкая урна съ сухимъ пепломъ живыхъ нѣкогда и полныхъ драматизма исканій истины...

Я порядочно зналъ и любилъ общую исторію, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи церковной.

Это обстоятельство дѣлало для меня настроеніе этого утра тягостнымъ и непріятнымъ. Я уже усталъ отъ экзаменовъ. Вчера легъ поздно, всталъ сегодня очень рано, еще до восхода солнца. Глаза невольно слипались, мозгъ дремалъ, и я пришелъ сюда въ надеждѣ, что чистый утренній вѣтеръ на этомъ холмѣ разгонитъ мою дремоту. Взойдя на возвышеніе, я залюбовался широкой далью. Городъ лежалъ внизу, какъ на ладони. По утрамъ его часто затягивало туманами отъ прудовъ, и теперь туманная пелена разрывалась, обнаруживая то крышу, то клокъ зелени, то бѣлую стѣну... Статуя Мадонны точно плавала въ воздухѣ, а далеко за городомъ чуть виднѣлись поля, деревни, полосы лѣсовъ... Нѣсколько минутъ я не могъ оторваться отъ этого зрѣлища, которому легкое, почти незамѣтное движеніе тумановъ придавало особую жизнь... Мнѣ казалось, что я еще въ первый разъ настоящимъ образомъ вижу природу и начинаю улавливать въ ней какое-то особое внутреннее выраженіе, но... глядѣть было некогда. Я долженъ былъ читать сухое перечисленіе догматовъ, соборовъ и ересей, въ которыхъ не

было никакой, даже отдаленной связи съ красотой этого изумительнаго міра. И, вдобавокъ, у меня не было надежды подготовиться къ экзамену въ эти два-три часа. Это дѣлало меня глубоко-несчастнымъ. Счастье въ эту минуту представлялось мнѣ въ видѣ возможности стоять здѣсь же, на этомъ холмѣ, съ свободнымъ настроеніемъ и глядѣть на эту чудную красоту божьяго міра безъ мысли о церковной исторіи и ловить то странное выраженіе, которое мелькаетъ, какъ дразнящая тайна природы, въ этомъ тихомъ движеніи ея свѣта и ея тѣней.

Я далъ себѣ слово, какъ только выдержу экзаменъ (а вѣдь это рѣшится же черезъ три-четыре часа),—тотчасъ же придти опять сюда, стать на этомъ самомъ мѣстѣ, глядѣть на этотъ самый пейзажъ, уловить, наконецъ, его выраженіе и... глубоко заснуть подъ деревомъ, которое шумѣло рядомъ своей темно-зеленой листвой.

Я еще зубрилъ „Законъ Божій", когда до меня долетѣлъ переливчатый звонъ гимназическаго колокола, въ послѣдній разъ призывавшій меня въ гимназію. Я быстро ринулся къ заставѣ и черезъ четверть часа входилъ уже во дворъ гимназіи, а черезъ часъ выбѣжалъ оттуда, охваченный новымъ чувствомъ какого-то облегченія, свободы, счастья! Какъ случилось, что я выдержалъ и, при томъ, выдержалъ „отлично" по предмету, о которомъ, въ сущности, не имѣлъ понятія,—теперь уже не помню. Знаю только, что выдержавъ, какъ сумасшедшій, забѣжалъ домой, къ матери, радостно обнялъ ее и, швырнувъ ненужныя книги, побѣжалъ за городъ.

Это было исполненіемъ утренняго обѣта. Я опять стоялъ на возвышеніи, и главное наслажденіе состояло въ сознаніи что я не долженъ болѣе зубрить и могу оставаться здѣсь, сколько хочу. Раннее утро кончалось, его свѣжесть исчезала, тумана не было, только надъ прудами еще тянулись чуть замѣтныя сизыя струйки. Тургеневъ говоритъ, что въ первый разъ уже за-границей, гдѣ-то подъ Берлиномъ, онъ сознательно наслаждался природой и пѣньемъ жаворонка. Это странно, но это правда. Это не значитъ, что онъ не чувствовалъ природу ранѣе. Но наступаетъ моментъ, когда это свое чувство человѣкъ сознательно наблюдаетъ въ себѣ, какъ особое душевное явленіе. И это бываетъ поздно, а у иныхъ людей, быть можетъ, не наступаетъ никогда. Въ ту минуту я тоже, быть можетъ, въ первый разъ такъ смотрѣлъ на природу и давалъ себѣ отчетъ въ своемъ ощущеніи. И въ первый разъ эта заканчивающаяся симфонія утра показалась мнѣ стройной, одухотворенной и цѣльной. Что-то „отходило", какъ отходитъ вечерня при пѣніи „свѣте тихій",

въ природѣ я чувствовалъ именно „священнодѣйствіе“, полное гармоніи и смысла. Но теперь въ этомъ чувствѣ, близкомъ къ религіозному, не было уже никакой связи съ знакомой мнѣ тогда религіей.

Я стоялъ довольно долго, какъ очарованный, но когда вспомнилъ о второй части своей программы,—заснуть подъ деревомъ, то почувствовалъ, что она не имѣетъ уже для меня никакой прелести. Я опять ринулся съ холма и понесся къ гимназіи, откуда одинъ за другимъ выходили отъэкзаменовавшіеся товарищи. По закону Божію, да еще на послѣднемъ экзаменѣ, „рѣзать“ было не принято. Выдерживали всѣ, и городишко, казалось, былъ весь заполненъ нашей опьяняющей радостью. Свобода, свобода!

Это ощущеніе было такъ сильно и такъ странно, что мы просто не знали, что съ нимъ дѣлать и куда его пристроить. Цѣлой группой мы рѣшили снести его къ „чехамъ“, въ новооткрытую пивную... Крѣпкое чешское пиво всѣмъ намъ казалось горько и отвратительно, но... еще вчера мы не имѣли права входить сюда и потому пошли сегодня. Мы сидѣли за столами, глубокомысленно тянули изъ кружекъ и старались подавить невольныя гримасы...

А черезъ нѣсколько дней, получивъ аттестаты, мы рѣшили сообща отпраздновать нашу свободу. И праздникъ былъ опять въ родѣ горькаго пива. Мы собрались въ большой комнатѣ виноторговца еврея Вайнтрауба, куда доступъ ученикамъ былъ воспрещенъ подъ страхомъ исключенія, и пригласили учителей. Учителя „по-товарищески“ пили съ нами, варили жжонку, пьянѣли, цѣловались. Жжонка большинству изъ насъ казалась тоже отвратительно крѣпкой, но... мы пили ее вмѣстѣ съ учителями, хлопая ихъ дружески по плечамъ, и это было ново, необычно, какъ будто нужно и пріятно... Поздно ночью кто-то потребовалъ музыку. Юркій факторъ-еврей поднялъ музыкантовъ среди ночи, а на разсвѣтѣ мы ходили по спящему и темному еще городишку, сопровождаемые кларнетомъ, флейтой, двумя-тремя скрипками и турецкимъ барабаномъ. Музыка играла среди спящихъ улицъ, мы кричали „ура“, качали учителей и... чувствовали, что все это какъ-то нехорошо, ненастояще и фальшиво.

А между тѣмъ, что же дѣлать съ этимъ недающимъ покоя новымъ чувствомъ „полной свободы“?

На слѣдующій день, съ тяжелой головой и съ сквернымъ чувствомъ на душѣ, я шелъ купаться и зашелъ за однимъ изъ товарищей, жившимъ въ казенномъ зданіи, сосѣднемъ съ гимназіей. Когда я подымался по лѣстницѣ, одна изъ дверей открылась, и навстрѣчу мнѣ спустился молодой еще

человѣкъ съ умнымъ лицомъ и окладистой небольшой бородкой... Мнѣ запомнился очень выпуклый лобъ и серьезный упорный взглядъ. Лицо это въ нашемъ городѣ было новое, очевидно „не ровенское". Когда онъ сошелъ съ лѣстницы, дверь вверху открылась, и на площадкѣ показался учитель исторіи, Андрузскій. Наклонясь съ перилъ, онъ крикнулъ:

— Драгомановъ! Постойте, еще два слова!

Незнакомый господинъ поднялся по лѣстницѣ, и когда я проходилъ мимо, онъ проводилъ меня внимательнымъ взглядомъ своихъ красивыхъ глазъ.

Товарища я не засталъ, и когда спускался съ лѣстницы, незнакомца уже не было.

Драгомановъ, Драгомановъ! Я вспомнилъ эту фамилію изъ сочиненій Добролюбова. Въ полемику по поводу пироговскаго инцидента вмѣшался студентъ Драгомановъ, при чемъ въ своихъ статьяхъ, направленныхъ противъ Добролюбова, довольно безцеремонно раскрылъ его иниціалы. Отвѣтъ критика-публициста, проникнутый горечью, произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Добролюбова я горячо любилъ и преклонялся передъ нимъ, фамилію Драгоманова присоединилъ къ числу его противниковъ. Кромѣ того, это былъ *студентъ*, защищавшій авторитетнаго *попечителя*, который въ этомъ случаѣ, на мой взглядъ, былъ совершенно неправъ противъ скромнаго публициста. Неужели этотъ господинъ съ крутымъ лбомъ и такимъ умнымъ взглядомъ,— тотъ самый Драгомановъ?

Я его за-глаза не любилъ, но встрѣтить въ первые же дни свободы человѣка изъ того, другого міра, гдѣ кипѣли такіе споры, видѣть живьемъ писателя, о которомъ, хотя бы и въ спорѣ, упоминаетъ Добролюбовъ, — казалось мнѣ чуть не чудомъ изъ того новаго міра, лежащаго за порогомъ гимназіи...

На полевой дорожкѣ, которая вела къ рѣкѣ, меня обогналъ Андрузскій. Объ этомъ учителѣ я говорилъ уже въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ очерковъ: не талантливый, а только добросовѣстный учитель, онъ преподавалъ сухо и скучновато, но пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный, твердый и справедливый. Вчера онъ появился только въ началѣ нашего вечера, ничего не пилъ и ушелъ рано. Теперь онъ шелъ съ полотенцемъ черезъ плечо, бодрый, свѣжо одѣтый и самъ свѣжій. Я посторонился и по-ученически снялъ передъ учителемъ фуражку, но онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку. Я опять почувствовалъ въ этомъ одну изъ новыхъ чертъ моего новаго положенія.

— Вы купаться?—спросилъ онъ.

— Да.

— Идемъ вмѣстѣ.

И мы пошли со вчерашнимъ моимъ учителемъ на мѣсто, гдѣ незадолго до того Дидонусъ устраивалъ на насъ засаду. Дорогой я робко спросилъ у Андрузскаго:

— Вы это разговаривали на лѣстницѣ съ...

— Съ Драгомановымъ.

— Это... тотъ самый?..

— Да, писатель и профессоръ. Мой товарищъ и пріятель.

Онъ не понялъ, что для меня „тотъ самый" значило— „противникъ Добролюбова", а я не рѣшился заговорить объ этомъ эпизодѣ.

Возвращаясь съ купанья, Андрузскій у своихъ дверей задержалъ мою руку въ своей и сказалъ:

— Я послѣ купанья пью чай. Хотите выпить стаканъ чаю? У меня свѣжая газета. Отчетъ о нечаевскомъ дѣлѣ.

Предложеніе было сдѣлано просто, и я, нѣсколько конфузясь, зашелъ въ маленькую холостую квартиру учителя. На столѣ уже стоялъ чистенькій самоваръ. Андрузскій заварилъ чай, покрылъ чайникъ аккуратно сложенной салфеткой и взялъ со стола листъ „Голоса". Пробѣжавъ его содержаніе, онъ протянулъ мнѣ газету и сказалъ:

— Можетъ, вы прочтете громко судебный отчетъ. Вы знаете, въ чемъ дѣло?

Я еще ничего не зналъ о нечаевскомъ процессѣ, который въ то время волновалъ всю читающую Россію. Со смертью отца въ нашемъ домѣ уже не было газетъ, среди гимназистовъ и въ городѣ почти не было никакихъ толковъ по этому поводу. Я сталъ громко читать отчетъ. Попался номеръ, въ которомъ приводилось обращеніе къ обществу отъ студенчества... „Въ то время, когда мы, разочарованные и озлобленные" — вспоминается мнѣ до сихъ поръ одна фраза этой прокламаціи. „Разгулъ произвола ген. Тимашевыхъ и Треповыхъ"—была другая, повторявшаяся много разъ. Я не зналъ тогда подкладки самого дѣла и того, какая роль принадлежала тутъ студенческой массѣ и какая личной предпріимчивости покойнаго Нечаева. Но каждая фраза о „генералахъ Треповыхъ и Тимашевыхъ" легко ассоціировалась съ воспоминаніемъ о Безакѣ, и мысль о томъ, что есть какая-то таинственная и могучая сила, встающая на борьбу съ Безаками, „озлобленная и разочарованная" въ данную минуту, но готовящаяся къ новой борьбѣ,—будила во мнѣ какіе-то отголоски инстинктивнаго сочувствія. Могу сказать по совѣсти, что до тѣхъ поръ я не встрѣчалъ ни одного „агитатора"

или „злонамѣреннаго человѣка“, который бы стремился посѣять смуту въ моемъ молодомъ и неопытномъ умѣ. Андрузскій объяснялъ непонятныя для меня мѣста совершенно объективно. Онъ, очевидно, считалъ только умѣстнымъ ознакомить меня съ тѣмъ, съ чѣмъ я все равно столкнусь черезъ мѣсяцъ-другой. Нечаевскій процессъ—матеріалъ не особенно благодарный для пропаганды, и убійство Иванова произвело на меня рѣзкое, почти болѣзненное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, я читалъ газетный отчетъ съ такимъ одушевленіемъ, какъ поэму Некрасова или драму Островскаго, которымъ въ то время увлекался.

Отъ Андрузскаго я вышелъ съ головой, совершенно свободной отъ вчерашняго угара, но охваченной опьяняющимъ чувствомъ другого рода... Оно вспыхнуло не подъ вліяніемъ агитаціи. Это „духъ времени“, то самое „предчувствіе“, о которомъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ, стучалось въ молодую душу, подготовленную для этого и гимназической рутиной, будившей инстинктивный протестъ, и общимъ настроеніемъ литературы, и—быть можетъ, особенно—Безаками всякаго рода, которые метались въ глаза и тамъ, гдѣ не было мѣста ни агитаціи, ни даже общему вліянію печати...

Отъ Андрузскаго я уносилъ опредѣленное представленіе о „студенчествѣ“, незнакомомъ, но умномъ, серьезномъ и сильномъ, совсѣмъ не похожемъ на насъ, убогихъ захолустныхъ гимназистовъ, и берущемъ на свои плечи тяжелое бремя общественныхъ вопросовъ...

Новое чувство независимости и свободы скрашивало теперь для меня обыденную прозу городской жизни. Съ молодымъ эгоизмомъ я какъ-то мало заботился о томъ, откуда и какъ мать достанетъ денегъ для моего снаряженія, Я только читалъ, слонялся по полямъ и лѣсамъ, ходилъ на желѣзную дорогу, которую начинали тогда строить, вступалъ въ разговоры съ землекопами и жадно всей душой прислушивался и присматривался къ жизни, которая съ „послѣднимъ экзаменомъ“, какъ будто, раскрывала передо мной какія-то новыя стороны...

Однажды вечеромъ одинъ изъ товарищей, Леонтьевскій, попался мнѣ на мосту подъ руку съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, съ длинными волосами, въ широкополой шляпѣ и темносинихъ очкахъ. Фигура была тоже не ровенская, и я былъ очень польщенъ, когда товарищъ представилъ меня:

— Кіевскій студентъ Піотровскій. А это,—указалъ онъ на меня,—тоже будущій студентъ,—такой-то.

Піотровскій крѣпко сжалъ мнѣ руку и пригласилъ насъ

обоихъ къ себѣ, въ номеръ гостиницы. Въ углу этого номера стояли двѣ пачки какихъ-то бумагъ, обвязанныхъ веревками и обернутыхъ газетными листами. Леонтьевскій съ какимъ-то почтеніемъ взглянулъ на эти связки и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Это... онѣ?

— Да,—съ важностью кивнулъ студентъ.

— Знаешь... это въ углу стояли запрещенныя книжки,— сказалъ мнѣ Леонтьевскій уже на улицѣ... Его, Піотровскаго... послали... Очень опасное порученіе...

Это былъ первый „агитаторъ“, котораго я увидѣлъ въ своей жизни. Онъ прожилъ въ городѣ нѣсколько дней, ходилъ по вечерамъ гулять на шоссе, привлекая вниманіе своимъ студенческимъ видомъ, очками, панамой, длинными волосами и плэдомъ. Я иной разъ ходилъ съ нимъ, ожидая откровеній. Но студентъ молчалъ или говорилъ пустяки, которымъ старался придать важность необыкновеннымъ глубокомысліемъ тона.

Когда онъ уѣхалъ, въ городѣ осталось нѣсколько таинственно розданныхъ и довольно невинныхъ украинскихъ брошюръ, а въ моей душѣ—двойственное ощущеніе. Мнѣ казалось, что Піотровскій малый пустой и надутый ненужною важностью. Но это таилось гдѣ-то въ глубинѣ моего сознанія и робѣло пробиться наружу, гдѣ все-таки царило наивное благоговѣніе: такой важный, въ очкахъ и съ такимъ опаснымъ порученіемъ...

Наконецъ, наступила счастливая минута, когда и я покидалъ тихій городокъ, оставшійся за мной позади въ своей лощинѣ. А передо мной разстилалась далекая лента шоссе, и на горизонтѣ клубились неясныя очертанія: полосы лѣсовъ, новыя дороги, дальніе города, невѣдомая, новая жизнь...

Вл. Короленко.

***

Близъ моря ты зарытъ... Угрюмый крестъ
Не осѣнилъ твоей могилы:
Морская даль, песокъ... На всемъ окрестъ
Печать величія и силы,
И красоты... Краснѣя на волнахъ,
Здѣсь утра свѣтъ горитъ чудеснѣй,
И валъ морской кропитъ твой чистый прахъ
Съ глубокой, неземною пѣсней.

Здѣсь ночью мгла вся дышитъ и живетъ:
Туманъ клубится серебристый,
На волны сѣть алмазную кладетъ
Свѣтилъ далекихъ блескъ лучистый.
И звѣздный блескъ, и неба глубина,
И волнъ прерывистые шумы —
Волшебно все; вся ночь облечена
Святою тайной вѣчной думы...

О чемъ она?.. О жизни, о судьбѣ,
О смерти, съ жизнью слитой странно,
И о любви безсмертной, — о тебѣ,
Мой мальчикъ, спящій бездыханно?
Блистаютъ звѣзды радостнымъ огнемъ,
И волнъ глубокое роптанье
Дрожитъ, звенитъ на берегу пустомъ,
Какъ материнское рыданье...

Когда же море, страшно потемнѣвъ,
Шумитъ, скликая злыя грозы, —
Какой въ тѣхъ кликахъ страстный, чудный гнѣвъ!
Какая скорбь! Какія слезы!

А ты лежишь, такъ страшно глухъ и нѣмъ...
Ты не услышишь той порою,
Какой могучій, грозный реквіэмъ,
Гремя, трепещетъ надъ тобою!..

Иль въ смерти — жизнь другая? И дойдетъ
Къ тебѣ, въ безмолвный сумракъ гроба,
Съ мятежнымъ громомъ гнѣвныхъ этихъ водъ
Моя тоскующая злоба,
И боль, и зовъ?.. И слышишь ты, сквозь сонъ,
Въ тревожномъ крикѣ чайки бѣлой
Подавленный, полубезумный стонъ
Моей любви осиротѣлой?..

Е. С.

въ любви Элье, сердилась и становилась разсѣянной ученицей. Онъ эту нервность приписывалъ скукѣ, считалъ первыми сиптомами усталости легкомысленной женской головки. И ему становилось страшно при мысли, что тонкая нить, соединяющая ихъ, готова порваться.

Прошелъ мартъ и апрѣль: — недоразумѣніе все росло. Иногда Ева не появлялась по цѣлымъ недѣлямъ. Разъ вечеромъ, сидя на склонѣ бульвара Монмартръ, Элье слѣдилъ взоромъ за непрерывной цѣпью гуляющихъ и прохожихъ, какъ всегда погруженный въ думы о всеобщемъ счастьи людей, о новыхъ силахъ красоты и истины. Но несмолкаемый гулъ и шумъ разношерстной толпы не давалъ его мысли сосредоточиться, и незамѣтно онъ перешелъ къ воспоминаніямъ объ Евѣ. Нетерпѣливая жажда любви, реальнаго счастья жизни заставила его съ сожалѣніемъ оглянуться на безплодно прожитые мѣсяцы. Онъ подумалъ, что, быть можетъ, и она страдала отъ долгаго ожиданія, и упрекъ совѣсти кольнулъ его сердце.

— Поговорю!—внезапно рѣшилъ онъ про себя.

Но когда? Онъ съ увѣренностью обѣщалъ себѣ сдѣлать это въ теченіе недѣли, но, какъ только принялъ это рѣшеніе, всѣ его страхи воскресли, и онъ почувствовалъ себя неспособнымъ на рѣшительный шагъ. Его тридцать лѣтъ показались ему старостью, серьезность — уродствомъ, и все существо—лишеннымъ всякой привлекательности. Съ отчаянія, онъ ухватился за внѣшнія причины. Ева такъ любитъ его дѣтей! Ради нихъ, можетъ быть, она благосклонно приметъ любовь ихъ отца. Однако, эта надежда возмутила его, такою цѣною онъ не хочетъ купить союзъ. Нѣтъ, отраженной любви не надо: или непосредственное чувство, или— ничего.

Широко шагая, онъ направился къ дому и дошелъ до улицы Орденеръ, совершенно безлюдной въ этотъ поздній часъ. Гдѣ-то часы пробили полночь.

— Полночь! Еще одинъ день прожитъ!.. Жизнь безпощадно проходитъ день за днемъ!.. Ахъ, хоть бы крупицу счастья!

Улица Шампіонэ была погружена въ сонъ. По пустынному тротуару звонко стучали каблуки Элье. Наконецъ, онъ позвонилъ у своихъ воротъ и, проходя по темному коридору къ двери своей квартиры, проговорилъ про себя:

— Въ концѣ недѣли!

V.

Въ этотъ день Элье встрѣтилъ Еву вблизи маленькой станціи Орнано. Одинъ и тотъ же инстинктъ, опьянѣніе весеннимъ воздухомъ и скука толкнули ихъ на воздухъ, и они, блѣдные, влюбленно взглянули другъ на друга.

— Вы не работаете?—спросилъ Элье.

— Нѣтъ, не тянетъ сегодня къ работѣ.

Когда они дошли до перекрестка, Ева въ нерѣшительности остановилась.

— Пойдемте дальше!—нервно предложилъ Элье.

Они пошли вмѣстѣ. Настроенный на приключенія, Элье рѣшилъ увести Еву какъ можно дальше, къ маяку на островѣ Сенъ-Дени. Тамъ удобнѣе будетъ говорить, чѣмъ въ Парижѣ; отдаленность, открытое пространство, зелень,—все поможетъ ему. Она смутно догадывалась о намѣреніи, характерномъ для ея спутника, и, чтобы испытать его, снова сдѣлала видъ, что не рѣшается идти дальше, когда они очутились на берегу Сены.

— У васъ есть свободное время?—спросилъ онъ съ тревогой.

— Да,—отвѣтила она тономъ покорности.

Мрачныя фабрики спускали смолистые потоки въ рѣку; цѣлыя флотиліи пробокъ и отбросовъ вмѣстѣ съ пѣной неслись по теченію, а грязныя лодки стояли неподвижно на якоряхъ. Молодые люди перешли мостъ и очутились на островѣ. Первые домики казались очень миловидными среди яркой зелени, но дальше, вглубь, они переходили въ изъѣденныя червями лачуги, въ ужасные деревянные шалаши, въ обломки странствующихъ колымагъ. Но вотъ открылось красивое пустое пространство: поля, тополи и ивы.—Ева вдругъ вспомнила, что отецъ останется сегодня безъ супа на ужинъ. Но, покорившись, а главное—стремясь къ развязкѣ, она шла за Элье и съ виду спокойно бесѣдовала съ нимъ.

— Отдохнемъ немного!—предложилъ Элье.

Они присѣли на толстый сукъ ивы, но вскорѣ Элье растянулся во весь ростъ на травѣ. Ева съ любопытствомъ слѣдила за гребцомъ, скользившимъ въ маленькомъ яликѣ по спокойной рѣкѣ.

Элье лежалъ на землѣ, перебиралъ былинки, отдавшись обаянію теплоты и ясности вечера. Солнце было точно окутано прозрачной тафтой, а линія холмовъ, прерываемая небольшими кучками тополей, представляла рѣзкую параболу на горизонтѣ.

Желаніе счастья еще сильнѣе вспыхнуло въ груди Элье. Руки горѣли, кровь точно бурлила въ жилахъ. Онъ приподнялся на локти. Ева по-прежнему сидѣла на бревнѣ и смотрѣла вслѣдъ исчезавшему вдали ялику. Онъ видѣлъ только часть ея лица, чистый овалъ ея щеки, шею подъ яркимъ плюшемъ галстуха и трепетавшія рѣсницы. Вдругъ она вздрогнула, обернулась, и глаза ихъ встрѣтились. Почему-то ему стало страшно. Она встала, платье ея зашелестило по травѣ, и онъ увидѣлъ, что она приближается къ нему.

— Итакъ,—сказала она,—вы счастливы?

— Очень счастливъ!—отвѣчалъ онъ.

Онъ упивался ею, а она неподвижно стояла передъ нимъ во весь свой ростъ. Онъ опустилъ глаза, сдунулъ муравья съ рукава сюртука и вспомнилъ о своихъ дѣтяхъ, о своихъ работахъ. Вдругъ онъ почувствовалъ что-то тревожное: платье Евы скользнуло по его рукѣ.

— Я не могу быть счастливой!—произнесла она.

— Не можете? Почему?

— На свѣтѣ много несправедливости!

Онъ поднялъ голову, и оба—онъ снизу, она сверху—долго, пристально смотрѣли другъ на друга. Имъ стало не по себѣ.

— Ну, вотъ!..—сказалъ онъ:—надо хотѣть быть счастливымъ время отъ времени... Если бы мы всѣ предавались горю, то передушили бы другъ друга...

Платье плотнѣе прижалось къ Элье, и онъ пожалъ плечами, находя нелѣпой гражданскую скорбь Евы передъ такой красотой природы.

— Когда же, наконецъ, Ева, вы поймете, что природа не обращаетъ никакого вниманія на ваши желанія? И пройдутъ еще сотни тысячъ лѣтъ, прежде чѣмъ мечи перекуются въ орала.

Онъ смотрѣлъ на нее нѣжно, лѣниво и томно, а она, покраснѣвъ, смутилась, догадываясь о страсти, возбужденной въ немъ. Опьяненный, онъ нашелъ, что, стоя, она слишкомъ подавляетъ его, загораживая своей красотой даже небесный сводъ, и съ нетерпѣніемъ воскликнулъ:

— Садитесь, Ева!

Она послушно сѣла, довольная его повелительнымъ тономъ. Молча смотрѣли они на рѣку, гдѣ сверху показался тяжелый паромъ безъ парусовъ и палубы, управляемый однимъ только краснымъ рулемъ.

— Я спрашиваю себя, что вы такое?—вдругъ прошептала она.

— Я тоже себя спрашиваю объ этомъ!—отвѣчалъ онъ.

— Прежде... Когда я васъ видѣла только по нѣскольку

минутъ... на собраніяхъ... съ моимъ отцомъ... я думала, что у васъ нѣтъ сердца.

— А теперь?

— О, теперь!—отвѣтила она рѣзко.—Вы лучшій изъ людей... но въ васъ мало естественности! Вы изъ другого тѣста, чѣмъ другіе!..

Она говорила рѣзкимъ тономъ. Онъ чувствовалъ, что она ворчитъ отъ злости и этимъ подстрекаетъ его. Онъ разсѣянно анализировалъ и просѣивалъ ея слова и вновь возвращался къ неувѣренности, къ робкимъ сомнѣніямъ, къ наивному страху. Что дѣлать? Безсознательныя нравственныя силы удерживали его. Тутъ были гордость, застѣнчивость, страхъ передъ разочарованіемъ и ужасъ передъ трусостью. Что же въ концѣ концовъ? Онъ можетъ высказать только чувство благородное и искреннее. Можетъ ли она, не желая казаться смѣшной, обидѣться отъ признанія въ любви, разъ она согласилась послѣдовать за нимъ въ этотъ уголокъ природы. Правда, ихъ отношенія учителя къ ученицѣ допускали извѣстную близость и обязывали къ учтивой сдержанности... Пусть такъ, но надо же кончить, наконецъ, и вчера еще онъ обѣщалъ себѣ это. Учитель или нѣтъ, онъ молодъ, здоровъ и достоинъ женщины. Въ такомъ случаѣ? О! какое счастье безъ всякихъ колебаній упасть на колѣни, стать смиреннымъ и умоляющимъ. И онъ пожалѣлъ, что не захватилъ бутылки шампанскаго... Онъ выпилъ бы ее всю сразу, сдѣлался бы глупымъ и нахальнымъ, прогналъ бы всѣ страхи и сталъ бы нашептывать дерзко-любовныя фразы... Какъ грустно, что, въ сущности, ни наука, ни привычки не лишаютъ человѣка дѣтской робости; юношескій страхъ вновь охватываетъ мужчину въ минуты любви съ прежней нервностью и непреодолимостью! О, раціоналистъ, какой ты большой дуракъ!

На западѣ показалось желтое облако и на минуту привлекло къ себѣ вниманіе Элье. Затѣмъ опять началась внутренняя борьба, тревога, почти религіозный страхъ передъ признаніемъ,—и вдругъ приливъ рѣшимости, все возраставшей, завершился однимъ тихо произнесеннымъ словомъ:

— Скоро!

Лучи свѣта переливались на платьѣ Евы, и тѣни ложились только въ его складки. Волосы, то блестящіе, то вьющіеся, выбивались изъ-подъ шляпы, и отъ ея шеи, отъ нѣжнаго подбородка, отъ красныхъ губъ вѣяло чѣмъ-то безконечно очаровательнымъ и свѣжимъ. Въ уныніи, Элье опустилъ голову съ глубокимъ и тяжелымъ вздохомъ.

— Итакъ?—сказала она.

— Итакъ?

— Вы вздохнули.

— Чего же вы хотите? Погода такъ прекрасна... мнѣ было хорошо, а теперь грустно.

— Почему?

— Мнѣ такъ хотѣлось жить въ тѣ минуты!

— А сейчасъ умираете?

— Вы нагоняете на меня грусть!

Она пристально взглянула на него, онъ отвернулся, и пріятный холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Онъ отринулъ всѣ земныя радости, внѣ присутствія Евы, и напрасно старался представить себѣ какое-нибудь желаніе, не направленное къ ней.

— Какъ называется этотъ жучокъ?—спросила Ева, указывая на ползавшее въ травѣ насѣкомое.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, приблизившись къ нему на колѣняхъ.

Очутившись противъ Евы, почти касаясь ея, онъ, блѣдный, съ умышленной предосторожностью положилъ руку на складки ея шерстяного платья. Ощущеніе было захватывающее, ему казалось, что онъ совершаетъ святотатство.

Она была смущена и коротко дышала, полуоткрывъ губы. Онъ хотѣлъ наклониться, чтобы ближе разсмотрѣть насѣкомое, но рука у него соскользнула, и онъ почти упалъ на колѣни Евы.

Съ минуту онъ не въ силахъ былъ двинуться, очарованный прикосновеніемъ къ ней подъ нахлынувшей волною страсти. Она стала блѣднѣе облаковъ, блуждавшихъ по прозрачному небу. Онъ крѣпко сжалъ свои горячія губы, но ощущеніе было такъ остро, что ему казалось, будто онъ растворяется въ этомъ прикосновеніи, и сердце готово выскочить изъ груди. Изъ чувства застѣнчивости, Ева медленно отстранила его. Онъ же подумалъ, что она отталкиваетъ его и, подавленный горькимъ чувствомъ, поднялъ голову.

— Что такое?—спросила она.

— У меня подвернулась рука...

— А!

Въ ея взорѣ блеснули обида и негодованіе. Въ душѣ росла злоба. Она отвернулась, пожавъ плечами.

— Ну!..—произнесла она съ презрѣніемъ и встала.

— Куда вы?—спросилъ онъ застѣнчиво.

— Куда хочу!

— Отлично!—отвѣтилъ онъ, вспыхнувъ и овладѣвъ собой.

Она стала медленно удаляться. Шелестъ ея платья, волочившагося по травѣ, юная грація, весь ея образъ напол-

нилъ его сердце непонятной тоскою. Онъ, казалось, хотѣлъ послѣдовать за ней, но вновь упалъ въ траву, лицомъ къ землѣ, съ чувствомъ все растущей боли въ душѣ.

Она, между тѣмъ, перешла лугъ и два или три раза оборачивалась посмотрѣть, не идетъ ли онъ за нею. Но онъ не двигался. Она оборвала весь тюль, украшавшій ея корсажъ.. Весна, ясный горизонтъ показались ей страшно безобразными, холодными, мертвыми, какъ склепъ.

Маленькая гавань дѣлала поворотъ, и въ этомъ углу, поросшемъ кустарникомъ и водяными лиліями, водяные пауки скользили по зеркальной поверхности воды, а одинокая желтенькая рыбка плавала въ хрустальной глубинѣ, выставляя то свои блестящія чешуйки, то темный раздвоенный хвостикъ.

Ева сѣла въ этомъ углу и погрузилась въ свои мрачныя думы. Что за человѣкъ этотъ Элье? Такой неуклюжій, добрый, но безъ энтузіазма, безъ страсти.

— Какъ глупо любить такого человѣка!

Но вдругъ сердце ея смягчилось, и, подъ вліяніемъ глубокой грусти, слезы брызнули изъ глазъ. Всякое презрѣніе исчезло. Она видѣла его восточную медлительность, серьезность, рѣзкія, но благородныя черты, здоровое тѣло и слышала его глубокій, искренній и добрый голосъ оптимиста. Теперь даже его небрежная, качающаяся походка казалась ей полной очарованія, что-то было въ немъ невыразимо притягательное, что проникало ей въ сердце.

— Какой онъ красивый...

Она сложила руки, губы изобразили поцѣлуй, и она представила себѣ, что прижимаетъ къ своей груди широкую грудь Элье. Солнце садилось, окрашивая все желтымъ свѣтомъ; тѣни удлиннялись на вновь ожившей весенней землѣ, и Ева грустно запѣла:

Dansons la Carmagnole,
Vive le son, vive le son!
Dansons la Carmagnole,
Vive le son du canon!

Она перебирала свою прошлую жизнь, посвященную безчисленнымъ революціоннымъ надеждамъ. Она думала объ этомъ еще въ бесѣдѣ съ Элье. Ахъ! какъ скучна жизнь! Безсмысленная машина, портящаяся съ утра до вечера... не дѣйствующая правильно два дня подъ рядъ!

Jules Ferry avait promis
De faire egorger tout Paris!

Во время одной прогулки въ Буживалѣ она какъ-то потеряла изъ виду отца при входѣ въ лѣсъ. Встревоженная,

она стала его искать и по дорогѣ встрѣтила молодого человѣка, худощаваго, красиваго, съ острыми глазами, настоящаго аристократика, еще неиспорченнаго жизнью. Онъ почтительно заговорилъ съ нею, и хотя она на все отрицательно качала головой, у нея не хватило мужества разсердиться, что поощрило его слегка прикоснуться къ ней. Отъ него хорошо пахло, онъ говорилъ очень вѣжливымъ тономъ. Подъ вѣтвями развѣсистаго дерева, онъ привлекъ ее къ себѣ и прикоснулся губами къ ея волосамъ, и хотя она оттолкнула его, но ощущеніе поцѣлуя было очень пріятно... Появленіе отца заставило аристократика скрыться.

И теперь, чтобы отомстить Элье, она думала объ этомъ юношѣ и сравнивала его съ Элье.

— Онъ былъ созданъ для любви... такой хорошенькій!

Она сорвала маленькій листикъ ивы и безсознательно поворачивала его то на серебристую, то на зеленую сторону. Вдругъ, съ тихимъ стономъ отчаянія, она впилась въ него зубами. Ей стало невыносимо тяжело не видѣть Элье, предпочитаемаго всѣмъ на свѣтѣ.

Желтый свѣтъ заката еще не угасъ, но рѣка покрылась уже широкими тѣнями отъ островов, косые лучи солнца, менѣе яркіе и слабые, не переливались уже въ голубомъ небѣ. Въ глубокой тишинѣ рѣяли водяныя птицы и бѣлогрудыя ласточки.

Элье всталъ съ травы недовольный и мрачный; онъ протянулъ руки къ огромному спускавшемуся солнцу.

— Гдѣ же она, однако?

Онъ пустился на поиски. Его мягкіе шаги замедлялись густой травой, проходили минуты нерѣшительности, и нервность его все возрастала. Солнце склонилось еще ниже, и на рѣкѣ отразились блѣдными блестками его косые лучи. Уже на лугахъ и холмахъ поднимался легкій молочный туманъ, а въ ближней деревнѣ покрылись росою всѣ выступы домовъ. Тонкія очертанія фабричныхъ трубъ вдали походили на башенки колокольни.

— Гдѣ же она?

Наконецъ, онъ увидѣлъ ее. Она показалась среди прибрежныхъ ивъ залива, гдѣ тихо бродила по берегу. Онъ направился къ ней. Его медлительность исчезла; онъ готовъ былъ на приступъ, заранѣе мирился съ пораженіемъ, протестуя всѣмъ своимъ существомъ противъ прозябанія послѣднихъ мѣсяцевъ, безъ мысли, безъ движенія сердца, и быстро шелъ впередъ, шумно шурша травой. Вскорѣ онъ былъ возлѣ Евы. Оба остановились.

Вечерній часъ былъ необыкновенно красивъ. На блѣдно-зеленоватомъ небѣ, въ видѣ легкаго пара, неслись облака,

направляясь къ заходящему солнцу, а кудрявыя деревья и невысокая трава чередовались со свѣжими злаками, забытыми на берегу рѣки. Прошли шесть быковъ, наполовину освѣщенные солнцемъ, бросая впередъ свои огромныя тѣни. Погонщикъ покрикивалъ на нихъ, подымая огромную суковатую дубину. Вскорѣ солнце опустилось еще ниже, и наступили яркія, очаровательныя сумерки.

— Послушайте!—сказалъ Элье.

— Ну?

Ева гордо остановилась; окутанная сумерками, она казалась еще привлекательнѣе. Онъ подумалъ, что одно слово можетъ или покорить ее, или оттолкнуть отъ него навсегда.

— Ева... уже долгіе мѣсяцы... я очень долго сопротивлялся... я не думалъ, что имѣю право!.. Мнѣ казалось глупостью съ моей стороны по отношенію къ вамъ... такой юной... тогда какъ мнѣ больше тридцати лѣтъ, и у меня трое дѣтей...

Блѣдная и удивленная, на фонѣ розоваго заката, она стояла передъ нимъ въ видѣ сѣраго граціознаго силуэта, съ трогательной нерѣшительностью въ лицѣ и во взорѣ; а онъ, освѣщаемый послѣдними отблесками умирающей зари, точно расплывался съ радужнымъ блескомъ въ глазахъ.

— Но чувство сильнѣе меня,—продолжалъ онъ суровымъ тономъ,—и я долженъ покориться ему... рискуя разсердить васъ, Ева.

Наступила полная тишина. Воробьи дремали въ своихъ качающихся гнѣздахъ, летучія мыши гонялись за бабочками. Онъ придвинулся къ ней. Она дрожала въ смертельномъ страхѣ, боясь, что послѣднее слово будетъ не то, котораго она ждетъ.

— Хотите вы быть моею, Ева?

Она взглянула на него своими потемнѣвшими глазами и вдругъ вся ослабѣла.

— Развѣ вы меня любите?—спросила она.

Она сомнѣвалась, страдала и стояла неподвижно.

— Ева!—вскричалъ онъ.

Безмолвно, вся дрожа, она прильнула къ нему всѣмъ своимъ нѣжнымъ тѣломъ.

— Развѣ ты любишь меня?—прошепталъ онъ.

— О, такъ давно!.. Такъ давно!..

Всюду на засыпавшей землѣ, на журчавшей рѣкѣ царилъ покой; горизонтъ потемнѣлъ, а въ зенитѣ—Волопасъ, Вѣнецъ и Геркулесъ выставили уже свои мерцавшія укрѣпленія. И Ева вспомнила другой вечеръ на вершинѣ холма, когда Элье поочередно называлъ ей имена звѣздъ.

— Арктуръ!—прошептала она.

Элье нѣжно приподнялъ ея лицо, и губы его слились съ ея устами. Она возвратила ему поцѣлуй неловко, съ дрожью отъ безмѣрнаго счастья, глубокой и гордой радости, что она, наконецъ, стала его женой.

VI.

Въ одинъ іюньскій вечеръ, послѣ дождя, Леклидъ и Жамбрезье шли по долинѣ Монружа, вдоль дороги въ Банье. Они разговаривали вполголоса, точно остерегаясь чего-то, и вдругъ останавливались въ неосновательномъ страхѣ.

— Ты увѣренъ, что полицейскіе не видѣли?..—спросилъ Жамбрезье.

— Увѣренъ, я даже остановился... они всѣ были заняты телѣгой... можно быть спокойнымъ! Дай мнѣ машину, ты, навѣрно, усталъ.

— Не особенно... вотъ возьми... осторожно... Держишь?

— Держу!

Леклидъ съ большой осторожностью взялъ свертокъ, переданный ему Жамбрезье, и нѣсколько времени они шли молча. Дома были здѣсь рѣдки и въ поляхъ царилъ знойный покой. Позади, надъ Парижемъ небо было красно, точно тамъ рдѣло сѣверное сіяніе.

— Ты знаешь, гдѣ мы?—спросилъ Леклидъ.

— Да, еще пять минутъ,—отвѣчалъ Жамбрезье.

Еще мрачнѣе продолжали они путь, охваченные подозрительностью ко всему. Они миновали какой-то постоялый дворъ, откуда на нихъ бросилась злая собака.

— Это, должно быть, онъ!—прошепталъ Жамбрезье.

Кто-то шелъ имъ навстрѣчу. Они узнали Буина.

— Мы будемъ, какъ дома!—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Намъ, точно, все подготовили... есть даже крюкъ... перекладина и лебедка... Но не будемъ терять времени... надо идти полями.

Еще болѣе взволнованные, всѣ трое направились черезъ поле. Ихъ отрывистыя слова звучали въ одно и то же время гордо и трусливо. Дорожки были грязны, отъ травы поднимался сильный запахъ. Леклидъ заявилъ, что онъ усталъ.

— Дай,—сказалъ Буино.—Къ тому же, недалеко!

Они, дѣйствительно, были у цѣли, и проводникъ вскорѣ остановился. Онъ указалъ пальцемъ въ темноту, гдѣ виднѣлась широкая площадка, и на ней въ огромномъ количествѣ громадные однообразные камни, похожіе не то на друидическіе жертвенники, не то на грубо построенную крѣпость съ неправильно вырѣзанными, безчисленными зубцами; въ

глубинѣ—лебедка съ висѣвшей цѣпью,—страшная картина, напоминавшая висѣлицу.

Всѣ трое взобрались на площадку, среди каменныхъ глыбъ, и тутъ близость попытки нѣсколько минутъ держала ихъ въ сосредоточенномъ молчаніи.

Впечатлительный Леклидъ почувствовалъ, что въ его сознаніи воскресаютъ прежнія фантазіи, давно уже погребенныя въ событіяхъ прожитой жизни и среди соціальныхъ теорій. Онъ вспомнилъ героевъ прочитанныхъ сказокъ и полныхъ приключеній романовъ.

Въ глухой тьмѣ трое мужчинъ представляли собою различныя по очертанію тѣни, изуродованныя неправильной мѣстностью. Всякая неподвижная фигура изъ камня обманывала анархиста. И онъ останавливался, пристально всматривался въ это дикое мѣсто, медленно оглядывался кругомъ, забывая на время о своемъ дѣлѣ подъ наплывомъ воскресшихъ воспоминаній.

— Любопытно, правда?—замѣтилъ Жамбрезье.

— Да,—отвѣтилъ Леклидъ...—Очень любопытно.

Буина, тяжело покачиваясь, сказалъ:

— Вотъ гнѣздо, гдѣ мы можемъ помѣстить нашу птицу!

И между двумя самыми большими камнями онъ указалъ на узкій проходъ. Въ то же время Леклидъ открылъ маленькій потайной фонарь и освѣтилъ мѣсто.

— Здѣсь?—спросилъ Жамбрезье.

Всѣ трое гуськомъ вошли въ галлерею. Когда они дошли до конца, Леклидъ, склонившись къ Буина, сталъ внимательно вслушиваться въ его объясненія. Тутъ были двѣ прислоненныя другъ къ другу глыбы въ видѣ двуграннаго угла съ очень острыми гранями. Другіе камни, лежавшіе вокругъ, одни поддерживали ихъ, другіе возвышались надъ ними очень высокой массой. На одной изъ глыбъ свободно лежалъ камень кубической формы, и подъ нимъ Буина показалъ углубленіе.

— Видите, вотъ какъ разъ то, что нужно, чтобы установить машину!..

— Дай,—сказалъ Жамбрезье,—я приготовлю.

И съ торжественнымъ видомъ священнослужителя, съ вдохновеніемъ въ подвижныхъ глазахъ, Жамбрезье поставилъ свою ношу на камень и осторожно сталъ развертывать ее. Двое другихъ, склонившись къ нему, со страхомъ слѣдили за его движеніями.

— Вотъ она!—сказалъ Жамбрезье.

Это былъ маленькій четырехугольный деревянный ящикъ, запертый на замокъ. Отверстіе для ключа находилось на крышкѣ. Маленькій коробокъ казался имъ чѣмъ-то необык-

новеннымъ, средоточіемъ какой-то таинственной силы, предназначенной укротить весь міръ. Леклидъ и Жамбрезье были въ особенности взволнованы и возбуждены, какъ изобрѣтатели, испытывали ощущеніе важности момента, достопамятнаго событія въ исторіи міра, и были полны почтенія къ самимъ себѣ. А въ глубинѣ души все это смѣшивалось съ чувствомъ ужаса, съ непобѣдимымъ инстинктивнымъ сознаніемъ преступности, со смутной грустью, съ едва уловимыми упреками совѣсти. Проводникъ, менѣе развитой, весь находился подъ вліяніемъ обоихъ изобрѣтателей и былъ въ полномъ восторгѣ, въ восторгѣ передъ тайной и великимъ дѣломъ и видѣлъ міръ поклоняющимся культу равенства.

— Такъ я установлю ящикъ?—спросилъ Жамбрезье.

— Прежде всего,—отвѣчалъ Леклидъ,—надо приготовить что нибудь, чѣмъ заложить отверстіе!..

— Это не необходимо, — замѣтилъ Буина,—все равно взорветъ.

— Надо развить наибольшую силу!—отвѣтилъ Леклидъ.

— Но вѣдь это для пробы!

— Ну, такъ что-жъ? Надо все обставить какъ можно лучше. Рискъ слишкомъ великъ и стоитъ того, чтобы опытъ былъ произведенъ возможно тщательнѣе!

Буина сдался, и всѣ трое принялись подкатывать камни къ отверстію пещеры.

— Готово!—сказалъ Жамбрезье.—Осторожно... я завожу... Слышите, пошло! Черезъ часъ съ четвертью лопнетъ!

— Часъ съ четвертью... Ты въ этомъ увѣренъ?—спросилъ Буина...

— Да ты же видѣлъ самъ въ прошлый разъ... Ну, я кладу!..

— Да,—подтвердилъ Леклидъ.

Онъ мечталъ, вполнѣ сознательно, о грандіозныхъ предпріятіяхъ, видѣлъ себя господиномъ міра, великимъ разрушителемъ его. Медленно развертывались въ его мозгу картины драмы: колоссальныя каменныя зданія рушатся въ Парижѣ; ужасъ, трусость, капитуляція буржуазіи, безсиліе полиціи и войскъ, неуловимая хитрость заговорщиковъ и, наконецъ, торжество народа, побѣдные клики толпы, и онъ, Леклидъ, выше всѣхъ, великій герой, любимый и обожаемый, съ сожалѣніемъ смотритъ на своихъ враговъ и холодно отталкиваетъ любовь Евы.

Жамбрезье вслухъ высказалъ тайныя размышленія Леклида.

— Подумай-ка, Леклидъ, когда всѣ ихъ сооруженія взлетятъ кверху такъ же, какъ сейчасъ эти камни!.. То-то

у нихъ сдѣлается разстройство желудка!.. Придется повѣрить, что весь міръ состоитъ изъ однихъ трусовъ, если не найдутся подражатели намъ!.. И вотъ, если бы набралось тысяча или двѣ человѣкъ, готовыхъ обречь себя смерти... съ подобными снарядами... не прошло бы и полугода, какъ воцарилась бы анархія!..

Леклидъ попрежнему упорно размышлялъ передъ миной, и слава его все росла, увеличивался великій апоѳеозъ праведника, свободно признаннаго толпой, праведника, ничего не требующаго, оставляющаго каждаго быть судьею своихъ собственныхъ поступковъ, но чьи совѣты, принимаемые съ восторгомъ, приближаютъ обѣтованную землю анархизма.

Между тѣмъ, Буина и Жамбрезье подкатили огромную глыбу къ отверстію. Непонятыя въ первую минуту слова Жамбрезье страннымъ образомъ вдругъ припомнились теперь Леклиду.

— И подражатели, и мужество—все найдется... но раньше надо совершить нѣчто такое, что взволновало бы весь міръ. Тогда за нами пойдутъ!.. Въ низахъ общество прогнило насквозь... Но до тѣхъ поръ, пока не поданъ знакъ, знакъ настоящій, до тѣхъ поръ... ничто не перевернетъ буржуевъ... до тѣхъ поръ ничто не двинется. Если намъ удастся свалить Банкъ или палату депутатовъ... Я думаю, удастся!

— Я тоже думаю!—прошепталъ Жамбрезье.

У нихъ была эта вѣра въ минуту душевнаго подъема, подъ вліяніемъ уединенной мѣстности, таинственнаго мрака при неровномъ свѣтѣ потайного фонаря, тяжелаго молчанія каменныхъ глыбъ. И проводникъ, менѣе воспріимчивый, нежели они, раздѣлялъ ихъ вѣру, поочередно глядя на нихъ обоихъ съ восторгомъ и теребя свою бороду грязной рукой. Между тѣмъ, отвѣчая на болѣе сложную мысль, возвращаясь къ критическому анализу, Леклидъ проговорилъ:

— Однимъ только выстрѣломъ изъ револьвера въ 48 году одинъ человѣкъ... Безъ пушекъ съ вершинъ Монмартра развѣ можно было бы получить Коммуну?.. Не надо такъ много, какъ думаютъ, чтобы разбудить народъ!..

И они снова замолчали, сосредоточившись на своей надеждѣ, на своихъ одностороннихъ мысляхъ. Леклидъ облокотился на перегородку, и его прямой профиль, съ торжественнымъ выраженіемъ, рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ, а двое другихъ погружены были въ болѣе отвлеченныя мысли, подъ вліяніемъ страха и вмѣстѣ съ тѣмъ и удовольствія, доставляемаго неиспорченнымъ людямъ мыслью о великихъ приключеніяхъ, о неизвѣстныхъ земляхъ.

Буина, менѣе склонный къ продолжительному отвлеченію отъ дѣйствительности, сказалъ, наконецъ:

— Все приготовлено, правда?.. Если хотите, выйдемъ отсюда.

— Идешь?—спросилъ Жамбрезье у Леклида.

— Иди, иди, я приду сейчасъ!

Леклидъ взялъ фонарь и въ то время, какъ товарищи его выходили изъ галлереи, настойчиво, желая еще разъ отдать себѣ отчетъ во всемъ предпріятіи, вновь осмотрѣлъ мѣсто. Сердце его сильно билось. Руки дрожали. Онъ спрашивалъ себя: неужели это онъ, Леклидъ, творецъ страшнаго заговора, и сегодня, въ эту минуту, онъ дѣлаетъ предварительное испытаніе своего будущаго плана?

— Чего-жъ ты не идешь? —прокричалъ Жамбрезье у входа.

— Не бойся!.. Иду... ступай, жди меня... я тутъ еще кое-что осматриваю!

Его обезпокоилъ промежутокъ между гранями угла и, желая, чтобы опытъ вполнѣ удался, онъ подумалъ, нельзя ли заткнуть и это отверстіе?

— Это трудно!—пробормоталъ онъ.

Его охватилъ ужасъ при мысли, что случайно снарядъ можетъ разбиться и уничтожитъ взрывомъ его самого. И онъ видѣлъ *себя,* Леклида, разорваннымъ въ клочки, съ разбрызганнымъ мозгомъ, въ отвратительной лужѣ крови... Пустяки! Этого не будетъ!.. Его судьба казалась ему слишкомъ высокой, его роль слишкомъ важной въ экономіи человѣчества для такого ничтожнаго конца...

— Надо, однако, заткнуть отверстіе!—подумалъ онъ, вернувшись къ первоначальной мысли.

Возбужденный, онъ вышелъ за небольшимъ бревномъ, лежавшимъ у входа въ галлерею. Онъ подвелъ его подъ каменный кубъ, лежавшій на наклоненной глыбѣ, и надавилъ на бревно. Кубъ медленно сдвинулся, а большой камень подъ нимъ неожиданно зашатался. Съ крикомъ и съ страшной увѣренностью въ катастрофѣ, Леклидъ въ ужасѣ отскочилъ, но вдругъ оглушительный взрывъ поднялъ его на воздухъ и выбросилъ въ пространство. Его *я* исчезло во мракѣ безсознательнаго.

Снаружи сильное колебаніе воздуха опрокинуло Буина и Жамбрезье.

Въ черной долинѣ наступила мертвая тишина.

Оглушенный Буина всталъ и ощупалъ себя.

— Переломовъ нѣтъ!.. Эй, Франсуа, гдѣ ты?

— Здѣсь!

— Ты раненъ?

— Не знаю.

Силуэтъ Жамбрезье, смутный и неопредѣленный, приподнялся, также ощупывая себя.

— Кажется, у меня пустая царапина на плечѣ.

— Пошевели рукой, попробуй!

— Вотъ... ничего... все цѣло!.. А гдѣ Леклидъ?

— Онъ убитъ, — сказалъ Буина... — Это такъ же вѣрно, какъ теперь ночь и звѣзды на небѣ... Онъ, навѣрно, разорванъ на кусочки...

Вдали послышался лай собакъ и крики людей, выскочившихъ изъ своихъ домовъ.

— Опасно оставаться здѣсь,—сказалъ проводникъ.—Бѣжимъ!

Жамбрезье стоялъ неподвижно, въ раздумьи: глубокая жалость къ товарищу удерживала его.

— А если онъ не умеръ?—прошепталъ онъ.

— Онъ мертвъ, какъ дважды два четыре. Иди! Сейчасъ придутъ люди. Не валяй дурака!..

— Ну, разъ онъ уже умеръ!..—вздохнулъ Жамбрезье.

И онъ грустно послѣдовалъ за Буина, съ раскаяніемъ въ глубинѣ души, и, борясь съ нимъ, прибавилъ:

— Все равно... не могъ же онъ остаться въ живыхъ?

— Повѣрь мнѣ... Никогда больше ты не увидишь его лица.

Между тѣмъ, медленно и слабо къ Леклиду вернулось сознаніе. Сначала онъ не отдавалъ себѣ ни въ чемъ отчета, потомъ удивился и, наконецъ, вмѣстѣ съ появившимися болями началъ стонать. Онъ понялъ, что теперь онъ только обломокъ, лоскутъ человѣческаго тѣла съ оторванными членами, окровавленное и отвратительное животное при послѣднемъ издыханіи, и что жизнь теплыми каплями одна за другой вытекаетъ изъ него въ землю. Въ первую минуту, даже съ широко открытыми глазами, онъ не видѣлъ надъ своей головой звѣзднаго неба. Но медленно нѣкоторые нервы ожили, послѣднія силы сосредоточились въ предсмертной борьбѣ, и своимъ правымъ глазомъ онъ увидѣлъ въ зенитѣ тускло мерцавшую красноватую звѣзду. Она глядѣла на него, безжалостно примѣшиваясь къ его предсмертнымъ мукамъ. Передъ нимъ проходило прошлое, все то хорошее и привлекательное, что онъ пережилъ въ своей жизни. Но воспоминаніе о катастрофѣ, о страшномъ взрывѣ газа и камней прервало эти мысли, и онъ спрашивалъ себя: за что? Развѣ онъ былъ осужденъ? Развѣ таинственныя силы заранѣе соединились вмѣстѣ и сговорились убить его? И ему показалось, что онъ видитъ какого-то духа буржуазіи, врага революціи, подстерегающаго его агонію... Онъ сталъ сомнѣ-

ваться въ справедливости, ему представилось невозможнымъ, чтобы восторжествовала анархія, когда его, Леклида, не будетъ уже въ живыхъ. И онъ въ туманѣ увидѣлъ собранія ораторовъ на трибунѣ и самого себя, произносящаго рѣчь, стоя у самой рампы, склонившись къ внимательной толпѣ. Конецъ? Такъ уйти изъ міра, безъ одного слова, безъ сочувствія отъ кого бы то ни было... исчезнуть въ пространствѣ? И гнѣвъ его въ теченіе нѣсколькихъ минутъ былъ ужасенъ; онъ приподнялъ свою несчастную голову, свое обезображенное туловище. Затѣмъ наступилъ періодъ очаровательнаго спокойствія, точно сонъ спускался на его усталое тѣло, точно что-то окутывало его *я*, проходили какія-то неясныя, точно стертыя, воспоминанія, будто онъ состарился. Онъ уже больше не жаловался, не понималъ ни справедливости, ни несправедливости и умиралъ вмѣстѣ съ каждой каплей вытекавшей крови. Онъ еще жилъ, но дыханіе становилось все короче, біеніе сердца все слабѣе.

Между тѣмъ, во мракѣ ночи подходили люди; надъ долиной неслись звуки рожка... А Леклидъ, съ открытыми глазами, безъ сознанія тихо отходилъ въ вѣчность.

КОНЕЦЪ.

Изъ Хр. Ботева *).

Нѣтъ, не умретъ, кто палъ за свободу!..
Тихою лаской его обвѣютъ
Земля и небо, звѣрь и природа,
Въ пѣсняхъ же имя его возлелѣютъ.
Днемъ надъ нимъ сѣнью рѣетъ орлица,
Волкъ ему лижетъ ласково рану,
Соколъ же бѣлый, вольная птица,
Надъ нимъ, надъ братомъ, держитъ охрану.
Спустится-ль вечеръ, мѣсяцъ зардѣетъ,
Небо обсыпятъ звѣздъ хороводы,
Лѣсъ встрепенется, вѣтеръ повѣетъ,
Горы воскреснутъ пѣсней свободы.
И самодивы, кроткія дѣвы
Въ бѣлыхъ одеждахъ, съ ласковымъ взглядомъ,
Его окружатъ тихимъ напѣвомъ,
Скользнутъ по травамъ и сядутъ рядомъ.
Одна изъ нихъ раны травой уврачуетъ,
Другая приникнетъ къ его изголовью,
Третья же тихо въ уста поцѣлуетъ,
Павшему въ очи посмотритъ съ любовью...

В. Красновъ.

*) Наиболѣе любимый въ Болгаріи поэтъ, убитый турками 20 мая 1876 у вершины Градиште 27 лѣтъ отъ роду. Университетская молодежь постановила чествованіе Ботева сдѣлать общестуденческимъ праздникомъ.

Изъ Англіи.

I.

«Мы ввели спеціальный курсъ *морали*, разсчитанный на двѣнадцать лѣтъ. За это время дѣти и юноши узнаютъ всѣ свои обязанности: знакомятся съ похвальными качествами души и научаются, какіе пороки слѣдуетъ избѣгать. Этотъ курсъ, который казался когда-то столь скучнымъ, что его по возможности избѣгали,—теперь считается самымъ привлекательнымъ, такъ какъ въ него входитъ исторія всѣхъ великихъ добродѣтелей и тяжкихъ преступленій, всѣхъ доблестныхъ героевъ и тяжкихъ грѣшниковъ»,—такъ объясняетъ ученый историкъ Динаросъ путешественнику, посѣтившему *Икарію*.—«Моральнымъ воспитаніемъ населенія заняты также и самые значительные романисты, поэты и драматурги». Семейная жизнь въ Икаріи—«одинъ продолжительный урокъ морали» *).

И вотъ теперь пятнадцать различныхъ странъ Европы, Азіи и Америки, не считая самоуправляющихся британскихъ колоній, пришли къ заключенію, что требуется реформа школы pour faire aimer la morale,—какъ говоритъ Динаросъ. Съ этой цѣлью представители этихъ странъ собрались въ Лондонѣ на первый международный конгрессъ по моральному воспитанію. Одинъ и тотъ же вопросъ занимаетъ Турцію и Мексику, Японію и Германію, Китай и Соединенные Штаты. На конгрессъ собрались независимые педагоги по призванію, всю жизнь свою отдавшіе идеальной школѣ, созданной ими, какъ, напр., Рессель или Бедли, о которыхъ дальше, а также правительственные делегаты, изъ которыхъ нѣкоторыхъ занимаютъ, повидимому, не столько педагогическіе, сколько полицейскіе вопросы **). Тутъ можно было видѣть искателей истины

---

*) Cabet, Voyage en Icarie, 1845, p. 93.

**) На школьной выставкѣ, устроенной совмѣстно съ конгрессомъ экспонированы были педагогическія картины. Выставлены были также картины изъ польской исторіи и жизни художниковъ Малеревскаго и Гротгера. Судя по объясненію делегатовъ, эти картины являются пособіемъ въ польскихъ школахъ въ Галиціи. И вотъ, всѣ эти картины сразу

и педагоговъ съ типичными лицами «грековъ изъ чеховъ». Пріѣхали лица съ міровыми именами, какъ, наприм., Ломброзо, и никому неизвѣстные дѣятели. Свободные мыслители, священники, принадлежащіе къ іезуитскому ордену, англиканскіе священники, баптисты, буддисты, послѣдователи Конфуція, мусульмане — всѣ сошлись вмѣстѣ, чтобы обсудить жгучіе вопросы о воспитаніи подрастающаго поколѣнія. На конгрессѣ поднятъ былъ рядъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ. Постараюсь познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ нихъ.

Прежде всего, при самомъ открытіи конгресса предсѣдатель проф. Садлеръ выставилъ, какъ необходимое условіе, автономность средней школы. О моральномъ воспитаніи можно говорить только тогда, когда у насъ есть school-community, т. е. школа, какъ самоуправляющаяся единица. «Томасъ Арнольдъ изъ Регби, — сказалъ проф. Садлеръ, — показалъ намъ великое значеніе самоуправленія въ школѣ... Идея о school-community завѣщана намъ средними вѣками. Ее слѣдуетъ только обновить духомъ двадцатаго вѣка». Ту же мысль развивалъ профессоръ Колумбовскаго университета въ Нью-Іоркѣ, Феликсъ Адлеръ. Чтобы моральное воспитаніе шло успѣшно, мы должны имѣть не только самоуправляющуюся школу, но и «комитеты учащихся» (committees of the scholars). Вопросъ о самоуправляющейся школѣ, какъ очевидный, не вызвалъ разногласій. За то діаметрально противоположныя мнѣнія высказаны были по вопросу о томъ, какой характеръ должно носить воспитаніе въ школахъ—свѣтскій или религіозный? Во время обсужденія этого вопроса залъ засѣданій и эстрада пестрѣли делегатами-священниками. Одинъ за другимъ они заявляли, что воспитаніе—*ихъ* дѣло, что школа дастъ моральное воспитаніе только тогда, когда во главѣ будетъ стоять священникъ. Свѣтское воспитаніе ведетъ къ моральному одичанію, къ грубому матеріализму, къ развитію примитивнаго эгоизма. Слѣдуетъ сказать, что докладчики-священники спорили, какъ вѣжливые, воспитанные, образованные люди. Они пытались убѣдить аргументами и логикой, а не бранью и взываніемъ къ полиціи. Делегатамъ-священникамъ возражали сторонники исключительно свѣтскаго воспитанія, имѣющіе многолѣтній опытъ. Наиболѣе горячимъ и талантливымъ защитникомъ послѣдняго выступилъ отецъ Майкель Маэръ, іезуитъ, ректоръ старинной знаменитой католической школы Стонихэрстъ въ Ланкаширѣ. Говоритъ онъ красиво, страстно. Споритъ онъ, какъ джентльмэнъ. «Религіозное воспитаніе, какъ я его понимаю,— сказалъ Маэръ,—съ одной стороны, представляетъ нераздѣльную часть моральнаго воспитанія, тогда какъ съ другой — должно оживлять,

---

были убраны. Въ „Daily News“ отъ 30 сентября 1908 г., на стр. 5, въ статьѣ „Delegates Insulted“ утверждается, что, будто бы, картины убраны по требованію оффиціальнаго русскаго делегата г. Ковалевскаго.

опредѣлять и окрашивать моральное воспитаніе человѣческаго существа, какъ такового. Религія является совокупностью истинъ о Богѣ и вѣрованій въ него, Отсюда вытекаетъ рядъ обязанностей по отношенію къ Богу, какъ къ главному объекту. Изъ этихъ вѣрованій и желаній возникаютъ чувства и эмоціи, которыя мы называемъ религіозными. Въ ихъ число входитъ любовь, благодарность, горе, радость, страхъ, надежда, благоговѣніе, почтеніе и аналогичныя формы проявленія совѣсти. Для христіанина можетъ быть только одинъ идеалъ—Христосъ. Ученіе его опредѣляетъ нашъ долгъ. Жизнь Христа изъясняетъ намъ всѣ этическія добродѣтели. Кромѣ того, христіанская религія является величайшимъ моральнымъ факторомъ во всей исторіи человѣчества. Мораль современнаго цивилизованнаго міра рѣзко отличается отъ морали Рима и Греціи. Это, по преимуществу, мораль христіанская. Основные принципы ея и наиболѣе плодотворныя концепціи взяты изъ ученія Христа. Несомнѣнными результатами евангельскаго ученія являются, по мнѣнію Маэра: понятіе о нравственномъ долгѣ и о моральной отвѣтственности, грѣховность насилія надъ чужой совѣстью, равенство людей, братство ихъ, равноправіе женщинъ, единобрачіе, нравственная чистота и многія другія добродѣтели, цѣнимыя теперь въ Европѣ». «При этическомъ воспитаніи молодежи,—говоритъ Маэръ,—необходимо постоянно имѣть въ виду созданіе въ умѣ ея высокаго и облагораживающаго моральнаго идеала. Таковымъ можетъ быть только личность Христа. При моральномъ воспитаніи мы должны развивать въ дѣтяхъ моральные принципы и необходимость придерживаться извѣстныхъ нравственныхъ законовъ. Но дѣти понимаютъ моральные законы только тогда, когда послѣдніе находятся въ гармоніи съ ученіемъ св. писанія, когда правила нравственности являются волей Бога, нашего Творца и Отца». «Я глубоко убѣжденъ,—продолжалъ отецъ Майкель Маэръ,—что только путемъ религіознаго воспитанія можно привить подрастающему поколѣнію моральные принципы, признаваемые теперь базисомъ общественной жизни. Только умъ, получившій соотвѣтственную религіозную подготовку, можетъ воспринять эти принципы. Земная жизнь Христа и характеръ его, какъ онъ выясняется въ евангеліи, представляютъ намъ наиболѣе совершенный, возвышенный и понятный юношеству этическій идеалъ» *). Мы видимъ, что рѣчь современнаго іезуита сильно отличается отъ рѣчей его предшественниковъ XVIII вѣка; но мы находимъ въ ней одинъ тезисъ, когда-то выставленный іезуитомъ Ле-Бо въ его «Histoire du Bas-Empire»: «Христіане имѣли мораль, тогда какъ у язычниковъ ея не было». Вольтеръ, отмѣчая этотъ тезисъ, говоритъ въ своемъ «Философскомъ словарѣ»: «Ахъ, г. Ле-Бо, сочинитель че-

*) Papers on Moral Education communicated to the F. I. M. E. Congress September 25—29, 1908. P. p. 177—180.

тырнадцати томовъ! Откуда вы почерпнули ваше утвержденіе? Что же въ такомъ случаѣ мораль Сократа, Харонда, Цицерона, Эпиктета, Марка Аврелія? Существуетъ только одна мораль, г. Ле-Бо, какъ существуетъ одна только геометрія. Мнѣ скажутъ, что большинство людей не знаютъ геометріи. Совершенно вѣрно; но какъ только люди знакомятся съ ней хоть немного, то разногласія у нихъ по поводу нея не существуетъ. Земледѣльцы, ремесленники, актеры не прошли курса морали. Они не читали ни *Finibus* Цицерона, ни *Этики* Аристотеля. Однако, едва только они начинаютъ задумываться надъ извѣстными вопросами, какъ становятся, не подозрѣвая этого, учениками Цицерона. Индѣйскіе красильщики, татарскіе пастухи и англійскіе матросы знаютъ, что такое справедливость и несправедливость. Конфуцій не изобрѣлъ системы морали, а нашелъ ее въ сердцахъ всѣхъ людей... Мораль заключается не въ суевѣріяхъ, не въ церемоніяхъ и не имѣетъ ничего общаго съ догмой. Догмы сектъ различны, но мораль у всѣхъ мыслящихъ людей одинакова» *).

Иллюстраціей къ послѣднимъ словамъ является докладъ японскаго делегата г. Ходжо. «Моральное воспитаніе въ нашихъ школахъ,—говоритъ онъ,—совершенно независимо отъ какой бы то ни было религіи. Мы даемъ въ школахъ спеціальный курсъ морали, не имѣющій ничего общаго съ религіозными доктринами и ритуалами. Преподаванію морали отводится въ японскихъ школахъ первое мѣсто». Учебники морали сперва издавались въ Японіи частными фирмами, но въ 1900 г. министерство народнаго просвѣщенія назначило комитетъ, подъ предсѣдательствомъ барона Хироюки Като, для изслѣдованія всѣхъ существующихъ учебниковъ и для составленія новыхъ. Комитетъ работалъ почти четыре года. Въ декабрѣ 1903 г. онъ представилъ, наконецъ, результаты своихъ трудовъ: восемь руководствъ для учителей и восемь учебниковъ для учащихся. Эти книги приняты теперь во всѣхъ народныхъ японскихъ школахъ, какъ низшихъ, такъ и высшихъ. По нимъ теперь учатся 5.350.000 дѣтей. Министерство, судя по докладу, не считаетъ свой трудъ образцовымъ. Оно охотно прислушивается къ общественному мнѣнію и къ указаніямъ печати. Вступленіемъ къ учебникамъ морали является императорскій манифестъ, обнародованный въ 1890 г. Этотъ документъ школьники заучиваютъ наизусть. «О вы, наши подданные,—говорится въ манифестѣ,—будьте нѣжными дѣтьми по отношенію къ родителямъ, любите вашихъ братьевъ и сестеръ. Какъ мужья и жены, живите въ согласіи. Будьте вѣрными друзьями. Простирайте вашу кротость на всѣхъ. Учитель, культивируйте искусства и, такимъ образомъ, развивайте умственныя силы и совершенствуйте добродѣтель. Больше всего

*) Oeuvres complètes de Voltaire, tome VIII (1875), p. 84.

заботьтесь объ общественномъ благѣ и блюдите общіе интересы. Всегда чтите нашу конституцію и соблюдайте законы. Если представится надобность, мужественно предлагайте себя государству... И, такимъ образомъ, вы не только проявите себя добрыми и вѣрными подданными, но придадите также новый блескъ лучшимъ традиціямъ вашихъ предковъ». Для каждаго класса существуетъ особый учебникъ морали. Сперва школьники изучаютъ отношеніе дѣтей другъ къ другу, потомъ отношеніе къ родителямъ, къ классу, наконецъ, къ государству и императору. При изученіи добродѣтелей принятъ cyklischer Lehrplan, но противоположный fortschreitender Lehrplan практикуется для оживленія преподаванія. Какъ и въ Икаріи, преподаваніе морали въ японскихъ школахъ иллюстрируется жизнью знаменитыхъ людей, какъ японцевъ, такъ и иностранцевъ. Къ сожалѣнію, намъ, европейцамъ, ничего не говорятъ имена Яматодаке-но-Микото, Кусуноки Масашиге, Тойотоми Хидеіоши, Като Кіомаса и другихъ японскихъ героевъ, жизнью которыхъ должны вдохновляться школьники въ странѣ Восходящаго Солнца; но объ урокахъ морали мы можемъ судить по знакомымъ героямъ. Японскіе школьники изучаютъ жизнь Георга Вашингтона, Франклина, Авраама Линкольна, Эдуарда Дженнера, сестры милосердія Флоренсъ Найтингэйлъ, прославившейся своею самоотверженной любовью во время Крымской войны. Воспитаніе въ Японіи совершенно свѣтское въ томъ смыслѣ, что преподаватели не ссылаются на авторитетъ религіи. «Мы, японцы, какъ нація, никогда не относились индифферентно къ религіи.,—говорится въ докладѣ г. Ходжо:—но въ то же время наша вѣра никогда не заставляла насъ портить красоту единственнаго въ своемъ родѣ характера страны. Никогда также не допускали мы, чтобы фанатизмъ увлекъ насъ до забвенія національнаго духа. Наша конституція гарантируетъ всѣмъ, не нарушающимъ общественнаго спокойствія, полную свободу совѣсти. Мы объясняемъ также въ нашихъ учебникахъ морали, что японцы имѣютъ полную свободу выбирать, какую хотятъ, вѣру; поэтому не слѣдуетъ насмѣхаться ни надъ соотечественникомъ, ни надъ иностранцемъ, молящимся иначе, чѣмъ мы». Учебники морали говорятъ о патріотизмѣ, о долгѣ каждаго гражданина защищать свою страну; но въ то же время дѣтей предупреждаютъ, что шовинизмъ не есть патріотизмъ. «Богатство и сила страны не зависятъ главнымъ образомъ отъ арміи и флота,—говорится въ докладѣ японскаго делегата.—Не находятся они также въ зависимости отъ величины территоріи и отъ количества населенія. Мы объясняемъ учащимся, что Японія далеко отстала отъ Западной Европы и Америки въ степени цивилизаціи и въ развитіи естественныхъ богатствъ страны. Мы учимъ также, что необходимо относиться хорошо и предупредительно по отношенію къ иностранцамъ и вообще чужимъ людямъ. Иначе мы нарушаемъ законъ

гостепріимства. Глумясь надъ другимъ человѣкомъ, мы унижаемъ не его, а себя, и роняемъ достоинство націи» *).

II.

Свѣтское воспитаніе отстаивали также французскіе делегаты. «Французы, вслѣдствіе цѣлаго ряда историческихъ условій,—говорится въ докладѣ профессора Сорбонны Бюиссона,—приняли систему, состоящую въ томъ, что преподаваніе этики совершенно независимо отъ религіи. По мнѣнію французовъ, этика одно, а религія—другое. Они убѣждены, что свободная нація можетъ и должна дать каждому изъ дѣтей въ государственной школѣ полное моральное воспитаніе, основанное только на доводахъ разума и пріемлемое для представителей всѣхъ религій. Свѣтскія школы Франціи не борятся съ религіей, но онѣ не берутся ни учить ее, ни рекомендовать извѣстную догму предпочтительно передъ другою. Свѣтская школа не должна быть ни непріятелемъ, ни союзникомъ, ни слугою церкви. Школа не должна проповѣдывать ни за, ни противъ опредѣленнаго культа. Преподаватели французскихъ свѣтскихъ школъ не спрашиваютъ у дѣтей, протестанты ли ихъ родители, католики, евреи или свободные мыслители. Школа задается только цѣлью сдѣлать изъ ребенка честнаго человѣка, не больше. Съ этою цѣлью она развиваетъ его умъ, сердце и волю, говоря ему про любовь, истину, добро и красоту». Французскіе педагоги не сектанты, но въ своемъ родѣ они тоже вѣрующіе. Вѣруютъ они въ гуманность, какъ другіе—въ церковь. У этихъ педагоговъ своя библія; не та книга, которая признается священной, но человѣческая душа. Не отстаивая постановленія божества (слишкомъ много людей теперь готовы дѣйствовать, какъ Божьи представители, и отстаивать, будто бы, его права!), французскіе педагоги полагаютъ, что необходимо постоянно напоминать обществу, что цѣль его существованія только—гарантія каждому индивидууму права на жизнь и свободу. Методъ моральнаго воспитанія во Франціи зиждется только на свѣтскомъ базисѣ. Этотъ методъ одинъ пригоденъ для страны, въ которой церковь совершенно отдѣлена отъ государства. Чтобы вести такимъ образомъ преподаваніе морали,—продолжалъ Бюиссонъ,—необходимъ методъ, отличающійся совершенно отъ катехизиса. Вотъ какъ опредѣляетъ его оффиціальная французская программа. «Преподаваніе морали вращается въ совершенно иной сферѣ, чѣмъ преподаваніе остальныхъ предметовъ. Тогда какъ обученіе развиваетъ порядокъ извѣстныхъ способностей и даетъ спеціальныя знанія, — преподаваніе морали стремится развить въ учащимся *человѣка*, т. е. сердце, разумъ и совѣсть.

*) *T. Hojo,* The japan text book on Morals, etc p. p. 2—16.

Это преподаваніе имѣетъ цѣлью научить тому, какъ *знать* и какъ *хотѣть*. Въ особенности въ начальной школѣ преподаваніе морали не есть *наука*, а *искусство*, заключающееся въ томъ, чтобы склонить волю къ добру. Чтобы развитіе нравственности, опредѣленной такимъ образомъ, было возможно,—абсолютно необходимо одно условіе: необходимо, чтобы преподаваніе захватывало всецѣло учащагося. Ни по тону, ни по формѣ преподаваніе морали не должно смѣшиваться съ обыкновеннымъ урокомъ. Преподаватель долженъ затронуть душу учащагося, а не только наполнить его память опредѣленными правилами. Онъ долженъ выработать въ учащемся моральное чувство... Систематическій курсъ морали, если онъ холоденъ и баналенъ, ничему не обучаетъ, такъ какъ не заставляетъ любить. Недостаточно еще, чтобъ учащіеся поняли и запомнили правила морали; необходимо, чтобы послѣднія отразились на характерѣ» *). Ту же самую программу развивалъ другой французскій делегатъ Альфредъ Мулэ, профессоръ ліонскаго лицея.

Утвержденная центральнымъ правительствомъ программа свѣтскаго воспитанія будетъ такъ же мертва, какъ и предписаніе насаждать религіозное воспитаніе, если нѣтъ искреннихъ, талантливыхъ исполнителей. Каждая школа должна представлять автономную единицу. Крайне любопытно познакомиться съ результатами, полученными при примѣненіи чисто свѣтской системы въ автономной школѣ. Въ этомъ отношеніи интересенъ докладъ магистра Джона Ресселя, директора превосходнаго средняго учебнаго заведенія Hampstead Sool (въ сѣверномъ Лондонѣ). Школа эта—одно изъ учебныхъ заведеній, основанныхъ Альфредовскимъ Обществомъ (King Alfred School Society). Рессель стоитъ во главѣ Хэмпстедской школы вотъ уже четверть вѣка. «Воспитывать значитъ—помогать вести хорошую жизнь,—говоритъ Рессель въ своемъ докладѣ... Мое собственное поведеніе было основано на сознаніи товарищества всѣхъ людей и на томъ, что стыдно жить только для самого себя. Обращаясь къ своимъ воспитанникамъ, я вѣрилъ всегда, что такое же сознаніе живетъ и въ ихъ душѣ. Вотъ почему моя система воспитанія заключается въ культивированіи чувства, свойственнаго всѣмъ человѣческимъ существамъ». Воспитанники той школы, во главѣ которой стоитъ Джонъ Рессель, принадлежатъ къ среднимъ и выше-среднимъ классамъ. Это—обычный контингентъ почти всѣхъ безъ исключенія англійскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Школа Ресселя—смѣшанная. Вмѣстѣ учатся мальчики и дѣвушки въ возрастѣ до 17 лѣтъ. «Главная отличительная черта нашей школы заключается,—говоритъ Рессель,—въ томъ, что отъ младшаго класса до самаго старшаго нѣтъ совершенно религіознаго воспитанія. Мы не только не соблюдаемъ никакихъ религіозныхъ

---

*) *Ferdinand Buisson,* L'Enseignement Laïque de la morale en France. Papers, etc., p. p. 189—192.

обрядовъ, но никогда не говоримъ о Богѣ. И, тѣмъ не менѣе, идеаломъ возвышенной жизни проникнуто все то, что мы дѣлаемъ. Мы культивируемъ въ воспитанникахъ и воспитанницахъ самоконтроль и любовь къ ближнему. Любовь эта зиждется на благоговѣніи къ величественной тайнѣ человѣческой жизни и человѣческой души. Нашимъ девизомъ мы выбрали *Ex corde vita*. Даже маленькому дитяти можно дать понять, что въ своихъ поступкахъ оно должно руководствоваться чувствами стыда, радости или горя, другими словами—своимъ сердцемъ. Мы не относимся враждебно къ религіи. Мы просто не упоминаемъ совершенно о ней, покуда прямой вопросъ воспитанника не заставляетъ насъ сдѣлать это. Тогда мы отвѣчаемъ, стараясь не задѣть религіознаго чувства родителей воспитанника. Мы рекомендуемъ обратиться за отвѣтомъ на этотъ вопросъ къ отцу или къ матери. Главная цѣль нашей школы заключается въ развитіи у дѣтей сознанія, что все человѣчество—одна общая семья. Къ преподаванію «гуманности» мы прибавили математику, естественныя науки и другіе предметы, обыкновенно входящіе въ программу средней школы... Другой характерной чертой школы является полное отсутствіе наградъ и наказаній, такъ какъ мы считаемъ, что соперничество во всѣхъ своихъ формахъ имѣетъ деморализующее вліяніе. Основной законъ хорошей жизни требуетъ, чтобы мы дѣлали все возможное для нашихъ ближнихъ, безъ всякихъ матеріальныхъ поощреній. Не признаемъ мы также никакихъ наказаній за такъ называемые проступки, такъ какъ убѣждены, что источники справедливости такъ же скрыты и темны, какъ и причины, побуждающія насъ дѣйствовать такъ или иначе. Тѣлесное наказаніе внушаетъ намъ такой же ужасъ и кажется намъ столь же чудовищнымъ, какъ и смертная казнь. Почти въ такой же степени кажутся намъ чудовищными наказанія, отнимающія у дѣтей то, что имъ настоятельно необходимо: игру, свободу и цѣлесообразныя занятія. Время, распредѣленное на разумныя занятія, не должно быть затрачено на выполненіе безполезной работы, наложенной въ видѣ наказанія. Личный многолѣтній опытъ убѣдилъ насъ, что для достиженія хорошихъ результатовъ отнюдь нѣтъ надобности прибѣгать къ наказаніямъ. *Какъ рѣдкія исключенія*, встрѣчаются морально больные воспитанники, на которыхъ обычныя средства убѣжденія не дѣйствуютъ. Тогда остается только одно средство — удаленіе изъ школы. Цѣль школьной дисциплины заключается не въ томъ, чтобы всѣ дѣти вели себя, какъ святые, но чтобы внушить имъ разумность дисциплины вообще, продиктованной желаніемъ общаго блага... Наиболѣе типичнымъ изъ всѣхъ нашихъ методовъ являются сократовскіе разговоры. Иногда они ведутся съ отдѣльнымъ классомъ, а иногда со всей школой. Темой служитъ поведеніе въ жизни при различныхъ обстоятельствахъ. Иногда предметомъ обсужденія является какой-нибудь абстрактный вопросъ, напримѣръ,

сущность справедливости, долга или добра. Болѣе часто предметами бесѣдъ выбирается конкретное примѣненіе принциповъ Такъ мы поступаемъ, когда возникаетъ ссора между воспитанниками или когда кто-нибудь уличенъ во лжи. Убѣжденія и доводы разума дѣйствуютъ оздоровляющимъ образомъ на сознаніе и совѣсть дѣтей». Къ общественной жизни воспитанники и воспитанницы подготовляются, между прочимъ, въ «школьномъ парламентѣ», составляющемъ характерную особенность всѣхъ большихъ англійскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. «Я, отбросившій вѣру,—заканчиваетъ свой докладъ магистръ Джонъ Рессель,—все еще живу ею. Я вѣрю теперь въ моральную природу человѣка, въ жизнь, въ добро, присущее людямъ. Я вѣрю, что нормальная природа человѣка можетъ быть развита, не прибѣгая къ ссылкамъ на авторитетъ сверхъестественныхъ существъ, а только культивированіемъ взаимнаго пониманія и любви. Я вѣрю дальше, что то царство божіе, о наступленіи котораго человѣчество столько вѣковъ молилось, наступитъ только тогда, когда осуществятся въ жизни это взаимное пониманіе и любовь *).

Видя, что на конгрессѣ сторонники совершенно свѣтскаго воспитанія выставили болѣе убѣдительные доводы, чѣмъ ихъ противники, защитники религіознаго воспитанія пришли на помощь въ общей печати. «Можно ли выучить добродѣтели?—пишетъ преподаватель манчестерской грамматической школы (т. е. гимназіи) Пэйтонъ.—Если возможно, то странно, что никто этого не сдѣлалъ еще до сихъ поръ. Защитники свѣтскаго воспитанія должны показать намъ не изложенную на бумагѣ систему морали и списокъ добродѣтелей, а *результаты*. Всѣмъ извѣстно, что люди, прославившіеся въ исторіи благородствомъ своей души, имѣли дѣтей, если не въ такой же степени отличившихся низостью, то, во всякомъ случаѣ, порочныхъ. Маркъ Аврелій, котораго можно считать однимъ изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ учителей морали, имѣлъ сына, прославившагося даже среди римскихъ императоровъ низостью своего характера. Если добродѣтели можно обучить, какъ алгебрѣ, то странно, почему такъ много благородныхъ мужчинъ и женщинъ забыли дать уроки своимъ собственнымъ дѣтямъ». Авторъ дальше приводитъ свои соображенія, почему «педагоги-практики» возстаютъ противъ «учебника морали». «Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы доказывать пользу гигіены,—говоритъ педагогъ.—Мы не отказываемся включить въ этотъ курсъ разсужденіе о страшномъ вредѣ куренія папиросъ; но мало такихъ педагоговъ-практиковъ, которые согласились бы обучать мужеству, правдивости, альтруизму и другимъ добродѣтелямъ. Наши доводы сводятся къ слѣдующему.

---

*) J. *Russell*, An Experiment in non-theological Moral Education, Papers, etc., p. p. 193—196.

Во-первыхъ, преподавая какой-нибудь предметъ, мы обращаемся къ уму воспитанника. То или другое поведеніе диктуется не умомъ, а чувствомъ, лежащимъ такъ глубоко, что съ нимъ невозможно аргументировать. Никто не можетъ мнѣ *доказать*, что я долженъ любить ближняго. Доводами отъ разума никто также не докажетъ мнѣ, что слѣдуетъ любить отца. Когда французскій педагогъ пытается основать свои моральные тезисы на разумѣ, онъ только упражняется въ софистикѣ. Когда же онъ, желая, чтобы ученики лучше запомнили правило, заставляетъ ихъ спрягать: «я не буду мучить животныхъ», «ты не будешь мучить животныхъ», «онъ не будетъ мучить животныхъ», и т. д.,— учитель культивируетъ только скуку. Результатомъ можетъ быть діаметрально противоположные поступки, чѣмъ тѣ, которые рекомендуются педагогомъ». Выводъ, къ которому Пэйтонъ приходитъ, конечно, тотъ, что мораль должна быть основана только на авторитетѣ божества. Воспитаннику нельзя докучать логикой, что ближняго слѣдуетъ любить; но можно внушить ему, что любить *должно*, потому что такъ повелѣлъ Господь. Любопытно, что доводы, приведенные Пэйтономъ противъ свѣтскаго воспитанія, могутъ быть обращены противъ самого педагога. Въ самомъ дѣлѣ. Совершенно вѣрно, что у Марка Аврелія и другихъ благородныхъ людей были недостойныя, ничтожныя дѣти. Но развѣ религіозное воспитаніе мѣняетъ положеніе дѣла? Не только у глубоко религіозныхъ людей были недостойныя дѣти, но люди, прославившіеся своею вѣрою, вписали кровью свое имя въ исторіи. Стоитъ только назвать имена Филиппа II, Торквемады, Маріи Кровавой и др. Епископъ Гермогенъ, о. Иліодоръ, о. Востортовъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій, вѣроятно, люди глубоко религіозные, но по поступкамъ ихъ не видно, чтобы это дало имъ любовь къ ближнему, которая, по словамъ Пэйтона, пріобрѣтается только вѣрой. Мнѣ припоминается одно старинное изреченіе, которое, по преданію, приписывается апостолу Іоанну. «Если кто говоритъ: «я люблю Бога», но въ то же время ненавидитъ своего ближняго, тотъ лжецъ. Ибо, если онъ ненавидитъ своего ближняго, котораго видитъ, то какъ же можетъ онъ любить Бога, котораго зрѣть не можетъ?»

III.

Не менѣе интересенъ вопросъ о совмѣстномъ обученіи, поднятый на конгрессѣ. На основаніи десятилѣтняго опыта директоръ извѣстной бидэльской школы въ Питерсфильдѣ, Бэдли, горячо отстаивалъ совмѣстное обученіе. Бэдли имѣетъ въ своей школѣ до ста пятидесяти воспитанниковъ и воспитанницъ въ возрастѣ отъ десяти до девятнадцати лѣтъ. «Опытъ убѣдилъ

меня,—говоритъ въ своемъ докладѣ Бэдли,—что при нормальныхъ и разумныхъ условіяхъ, выгоды совмѣстнаго воспитанія далеко превосходятъ опасности». Подъ «совмѣстнымъ воспитаніемъ» Бэдли понимаетъ соединеніе въ одномъ классѣ воспитанниковъ и воспитанницъ приблизительно одного и того же возраста. «Совмѣстное воспитаніе не означаетъ, что мальчики и дѣвочки должны выполнять совершенно одну и ту же работу,—продолжаетъ Бэдли.—Въ раннемъ возрастѣ, приблизительно въ четырнадцать лѣтъ—это вполнѣ возможно; но давать имъ впослѣдствіи одинаковую работу, значитъ, жертвовать интересами одного пола ради другого». При соблюденіи этихъ условій совмѣстное обученіе можетъ принести только одну пользу. И дѣвочки, и мальчики остаются въ выигрышѣ. Дѣвочка пріобрѣтаетъ большую свободу и можетъ вести болѣе подвижную жизнь въ школѣ. Она можетъ тоже карабкаться на дерево или взбираться на мачту; она научается владѣть столярными инструментами такъ же свободно, какъ иголкой. Дѣвочки принимаютъ равное съ мальчиками участіе во всѣхъ играхъ, въ «парламентѣ» и въ школьномъ самоуправленіи. Все это выгодно отражается на развитіи ихъ характера. Дѣвочки, такимъ образомъ, научаются быть храбрыми, независимыми и выносливыми. Выигрываютъ также отъ совмѣстнаго воспитанія и мальчики. На нихъ выгодно отражается энтузіазмъ дѣвочекъ и ихъ умѣнье вкладывать всю душу въ то, что онѣ дѣлаютъ. Вліяніе дѣвочекъ сказывается также въ томъ, что мальчики становятся болѣе деликатны и избѣгаютъ грубыхъ выраженій. Воспитанники привыкаютъ къ сознанію, что авторитетъ не можетъ быть основанъ на грубой силѣ. Мальчики пріучаются уважать въ дѣвочкахъ ихъ личность и умъ. Но еще болѣе важно то, что совмѣстное воспитаніе ведетъ къ взаимному пониманію и уваженію, къ снисходительности къ природнымъ слабостямъ. Все это вытѣсняетъ то незнаніе, на почвѣ котораго вырастаютъ одновременно презрѣніе и обоготвореніе, питаемыя однимъ поломъ къ другому. Послѣдствіемъ взаимнаго пониманія является возможность совмѣстной идейной дѣятельности не только во время пребыванія въ школѣ, но и послѣ оставленія ея. Не ведетъ ли совмѣстное воспитаніе къ раннему развитію половыхъ инстинктовъ? Не порождаетъ ли оно, вслѣдствіе этого, глупаго ухаживанія или болѣе сильныхъ увлеченій? «Я не хочу утверждать,—отвѣчаетъ на эти вопросы Бэдли,—что совмѣстное воспитаніе пригодно рѣшительно для всѣхъ безъ исключенія и при всѣхъ условіяхъ. Я могу только сказать, что *вообще* это—самая лучшая и наиболѣе безопасная система воспитанія... Если она помогаетъ нашимъ дѣтямъ вступить на жизненный путь менѣе слѣпыми, то уже одно это важная заслуга. Совмѣстное воспитаніе не можетъ измѣнить законовъ природы; но оно вырабатываетъ болѣе здоровый типъ

юношей и дѣвушекъ» *). Въ своей школѣ, въ Питерсфильдѣ, Бэдли добился такихъ блестящихъ результатовъ, что она теперь представляетъ одну изъ достопримѣчательностей Англіи. Десятки туристовъ пріѣзжаютъ спеціально въ Питерсфильдъ, чтобы познакомиться съ интересной школой. Съ такою же похвалою, какъ и Бэдли, отзывается о совмѣстномъ обученіи датскій педагогъ Тріеръ, стоящій во главѣ большой школы въ Копенгагенѣ. По мнѣнію его, совмѣстное образованіе хорошо тѣмъ, что вырабатываетъ чувство нормальнаго товарищества между мальчиками и дѣвочками, гарантирующее отъ пробужденія раннихъ инстинктовъ. Для развитія этого чувства необходимо, чтобы дѣти воспитывались вмѣстѣ отъ ранняго возраста (еще въ Kindergarten'ѣ). Совмѣстное обученіе рисковано, когда оно начинается поздно, въ періодъ пробужденія полового чувства. «Не слѣдуетъ откладывать совмѣстнаго воспитанія до тѣхъ поръ,—говоритъ Тріеръ,—покуда половыя стремленія начнутъ обозначаться». Докладчикъ на основаніи опыта говоритъ о благихъ результатахъ совмѣстнаго обученія. Когда мальчики и дѣвочки посѣщаютъ одну и ту же школу съ дѣтства, тогда вопросъ о томъ, что дѣлать съ раннимъ пробужденіемъ полового чувства, устраняется самъ собою.

На конгрессѣ выступили также ярые противники совмѣстнаго воспитанія, главнымъ образомъ, женщины. Онѣ съ насмѣшкой отзывались о тезисахъ Бэдли и Тріера, что совмѣстное обученіе полезно и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ. «Быть можетъ, тогда, когда общество и семья будутъ совершенно иныя, чѣмъ теперь, совмѣстное обученіе принесетъ пользу,—сказала одна изъ докладчицъ. — Теперь же, когда мы имѣемъ дѣтей, растущихъ въ семьяхъ, не понимающихъ воспитанія, совмѣстное обученіе можетъ принести только вредъ. Намъ нужны такія школы, въ которыхъ мальчики и дѣвочки были бы совершенно отдѣлены другъ отъ друга. И чѣмъ раньше будетъ введено это раздѣленіе, тѣмъ лучше».

Мы видѣли уже взглядъ Джона Ресселя на награды и наказанія въ школахъ. Этому вопросу на конгрессѣ былъ посвященъ рядъ докладовъ. Въ Икаріи проступки воспитанниковъ отдаются на разсмотрѣніе «школьнаго трибунала», состоящаго изъ учащихся же. Лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, у Кабэ такъ описываетъ этотъ судъ: «Залъ былъ наполненъ уже. Какъ и утромъ, въ наличности находились всѣ преподаватели и воспитанники. Одинъ изъ старшихъ школьниковъ выступилъ обвинителемъ, пять другихъ явились судьями, и всѣ остальные—присяжными. Одинъ изъ преподавателей изложилъ проступокъ мальчика и затѣмъ обратился съ просьбой къ обвинителю быть снисходи-

*) Co-Education in its effects on character by J. *H. Badley*. „Papers“ etc., p. p. 64—66.

тельнымъ, къ обвиняемому—быть смѣлѣе, къ свидѣтелямъ—давать правдивыя показанія, къ присяжнымъ—дѣйствовать по совѣсти и къ судьямъ—примѣнять законы безъ лицепріятія. Обвинитель выразилъ прежде всего сожалѣніе, что ему приходится выступить противъ товарища и высказалъ ему пожеланіе оправдаться. Обвинять онъ долженъ,—продолжалъ «прокуроръ». Школьный кодексъ выработанъ всѣми учащимися, въ томъ числѣ и обвиняемымъ. Всѣ правила и запрещенія, заключающіяся въ кодексѣ, сводятся къ защитѣ интересовъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Проступокъ заключался въ томъ, что обвиняемый спрыгнулъ съ мачты, вопреки запрещенію. «Обвиняемый могъ убиться или причинить себѣ сильный вредъ,—продолжалъ обвинитель.—Въ интересахъ всѣхъ онъ долженъ быть наказанъ, если онъ виновенъ, или отпущенъ, если не виновенъ». Маленькій подсудимый смѣло защищался. Онъ откровенно сознался въ томъ, что дѣйствительно спрыгнулъ. Онъ призналъ, что нарушилъ законъ школьной республики и заслуживаетъ поэтому наказанія. Мальчикъ заявилъ, что кается. Онъ былъ увлеченъ желаніемъ показать товарищамъ свою смѣлость и отвагу да увѣренностью, что не можетъ прыжкомъ причинить себѣ вредъ. Выступилъ другой мальчикъ, показавшій, что онъ тоже разъ спрыгнулъ съ мачты, забывъ, что это запрещено закономъ. Мальчикъ, вызванный свидѣтелемъ, показалъ, что видѣлъ, какъ обвиняемый прыгнулъ. Свидѣтель выразилъ сожалѣніе, что ему приходится дѣлать показаніе; но онъ сказалъ, что обязанъ сдѣлать, что повелѣваютъ долгъ и истина. Защитникъ призналъ проступокъ, но указалъ, какъ на смягчающія обстоятельства, на раскаяніе обвиняемаго и на вызовъ товарищей. Дальше защитникъ просилъ принять во вниманіе смѣлость своего друга, которая увлекла его. Обвинитель, признавая, что обвиняемый заслужилъ бы вѣнокъ, если бы такая награда назначалась за прыганье, указалъ, что именно къ такимъ смѣльчакамъ необходимо примѣнять наказанія съ цѣлью спасти ихъ отъ опасностей. Присяжные единогласно признали подсудимаго виновнымъ; но небольшимъ большинствомъ дали ему снисхожденіе. Пять судей постановили ограничить наказаніе распубликованіемъ проступка по всей школѣ, а верховный совѣтъ преподавателей утвердилъ приговоръ» *).

На конгрессѣ три докладчика высказали по поводу вопроса она-казаніяхъ въ школахъ взгляды, въ значительной степени похожіе на мнѣнія Кабэ, но только не облекли ихъ въ такую «чиновничью» форму, какъ у автора *Икаріи*. По поводу наказаній мы имѣемъ два полярныхъ взгляда. Представители одного стоятъ за крутыя мѣры. Эти господа не попали на конгрессъ. Намъ, членамъ конгресса, раздавали только на улицѣ у входа въ университетъ, гдѣ происходили засѣданія, брошюрку подъ названіемъ «Сантиментальная Англія». Авторъ

*) *M. Cabet*, „Voyage en Icarie“, p. 93.

ея,—Raymond Blathwayt, привелъ бы въ умиленіе нашихъ черносотенцевъ. Сущность брошюрки сводилась къ тому, что безъ порки немыслимо воспитаніе. Какъ только перестаютъ драть подрастающее поколѣніе, такъ нація становится «сантиментальной» и вырождается. «Когда-то въ англійскихъ школахъ драли безпощадно,—говоритъ авторъ,—и вотъ тогда изъ нея выходили будущіе товарищи Фарэнсиса Дрэка, отважные буканиры, наводившіе трепетъ на весь «испанскій континентъ», затѣмъ латники Кромвеля и др. Теперь стальной становой хребетъ изъ тѣла націи вынутъ, — скорбитъ авторъ,—и замѣненъ замазкой... Презрѣнный сантиментализмъ выродившейся части англійскаго народа изгналъ розгу изъ школы и дѣтской. Послѣдствіемъ явились хулиганы, съ одной стороны, и безвольныя ничтожества – съ другой. Сантименталисты не хотятъ понять, что мальчикъ, не умѣющій вынести безъ плача заслуженное сѣченіе, не достоинъ называться мальчикомъ». Авторъ мрачно предсказываетъ, что результатомъ упраздненія розги будетъ послѣдовательное превращеніе завоевателей-захватчиковъ въ слезливыхъ членовъ различныхъ «этическихъ обществъ». Изъ гуманитарнаго общества не могутъ выйти такіе герои, какъ Дрэкъ, Марлборо, Нельсонъ или Веллингтонъ». Ложный сантиментализмъ,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ авторъ,—совершенно отравилъ сознаніе современной Англіи. Современный англичанинъ боится строгой дисциплины (подъ этимъ авторъ подразумѣваетъ порку въ школѣ и дома). Онъ считаетъ ее посягательствомъ на свободу индивидуума, тогда какъ въ дѣйствительности она содѣйствуетъ достиженію высшей свободы. Дисциплина же—антитезисъ сантиментальности.

Въ Англіи, какъ и въ Россіи, находятся люди, достаточно «откровенные», чтобы высказать вслухъ дикія и нелѣпыя мысли; но разница между двумя странами заключается въ слѣдующемъ. Въ Англіи эти чудаки довольствуются тѣмъ, что стоятъ на улицѣ и раздаютъ свою литературу, такъ какъ «въ люди» ихъ не пускаютъ. Въ Россіи же эти господа не только являются хозяевами положеніями, но не дозволяютъ представителямъ противоположныхъ взглядовъ даже стоять у дверей и раздавать свою литературу.

IV.

Другой взглядъ на наказанія заключается въ полномъ отрицаніи ихъ. Въ этомъ духѣ на конгрессѣ высказался цѣлый рядъ докладчиковъ. «Какова должна быть система наказаній? —говоритъ Альберъ Байэ изъ Парижа.—Проблему можно лучше формулировать такъ: слѣдуетъ ли награждать или наказывать дѣтей? Съ точки зрѣнія морали, мнѣ кажется, не трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Безъ сомнѣнія, награды и наказанія могутъ быть примѣнены съ извѣстной пользой учителемъ, желающимъ, прежде всего,

имѣть хорошо дисциплинированный классъ. Но эти мѣры приносятъ больше пользы учителю, чѣмъ ученику. Дисциплина, введенная такимъ путемъ, держится на двухъ одинаково дурныхъ чувствахъ: на страхѣ и на тщеславіи. Предположимъ, что страхъ наказанія заставитъ лѣниваго ребенка работать (подобные случаи рѣдки): можемъ ли мы послѣ этого относиться съ уваженіемъ къ характеру его? Само послушаніе ребенка не явится ли доказательствомъ слабой и низменной натуры? Такимъ же образомъ ученикъ, котораго нужно поощрять къ работѣ наградами, превратится, въ концѣ концовъ, въ тщеславнаго искателя матеріальныхъ выгодъ. Все это до такой степени очевидно,—продолжаетъ докладчикъ,—что даже горячіе защитники наказаній и наградъ предлагаютъ ихъ только крайними средствами. «Лучше всего, конечно, если бы можно было обойтись безъ нихъ—говорятъ защитники наградъ и наказаній; но на практикѣ они необходимы». Если преподаватели не могутъ развивать способностей дѣтей иначе, какъ прибѣгая къ средствамъ, гибельнымъ для характера,—то методъ ихъ принесетъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, — продолжаетъ Байэ и заявляетъ, что вообще даже ничтожная польза наказаній и наградъ подлежитъ большому сомнѣнію. Въ девяти случаяхъ изъ десяти наказанія производятъ какъ разъ обратное дѣйствіе, чѣмъ то, которое желательно педагогамъ. «Тѣмъ, которые видятъ въ наказаніяхъ необходимое педагогическое средство, — говоритъ Альберъ Байэ, — можно было бы отвѣтить такъ: въ девяти случаяхъ изъ десяти средство это не приноситъ никакой пользы. Что же касается десятаго случая, то наказаніе приноситъ пользу, но за то уничтожаетъ индивидуальность наказываемаго или портитъ его совершенно морально». Но что же дѣлать для поддержанія дисциплины, если мы отвергнемъ старую систему? Когда преподаватель имѣетъ дѣло съ нормальными дѣтьми (какъ это обыкновенно бываетъ въ школахъ), онъ, вмѣсто того, чтобы добиваться пассивнаго повиновенія путемъ обращенія къ дурнымъ чувствамъ воспитанниковъ,—долженъ пробовать установить активное послушаніе (une obéissance active) путемъ обращенія къ хорошимъ чувствамъ. На обыкновенныхъ (нормальныхъ) учащихся убѣжденіями и любовью можно больше и лучше воздѣйствовать, чѣмъ страхомъ и поощреніемъ тщеславія. Изъ школы слѣдуетъ изгнать старыя формы наказаній и наградъ: оставленіе безъ обѣда, добавочную работу, побои, отмѣтки, золотыя доски, призы и т. д. Ихъ необходимо замѣнить *приватными* бесѣдами преподавателя съ учениками. Безъ сомнѣнія, въ школѣ могутъ быть *ненормальныя* дѣти, на которыхъ убѣжденія не дѣйствуютъ. Эти учащіеся разстраиваютъ систему преподаванія. Наказаніе еще больше ожесточаютъ ненормальныхъ дѣтей. По мнѣнію докладчика, ихъ слѣдуетъ посылать въ спеціальныя учебныя заведенія. Такія школы существуютъ, напр., въ Англіи при народныхъ училищахъ

и называются Special difficulty Schools. Анормальныя дѣти встрѣчаются только, какъ исключенія.

Докладчикъ такъ формулируетъ свои взгляды: «1) Всякая система преподаванія, основанная на наказаніяхъ или на наградахъ, каковы бы они ни были, — культивируетъ въ дѣтяхъ чувство страха или тщеславія. Если она иногда даетъ хорошіе, съ точки зрѣнія старыхъ педагоговъ, результаты, — то за то въ моральномъ отношеніи дѣйствуетъ гибельно. Вотъ почему система эта должна быть отвергнута. 2) Школьная дисциплина хороша и благодѣтельна только тогда, когда она основана на лучшихъ чувствахъ дѣтей, т. е. когда она свободна и разумна. Вотъ почему награды и наказанія слѣдуетъ замѣнить собесѣдованіями преподавателя съ ученикомъ, во время которыхъ воспитатель долженъ затронуть лучшія чувства воспитанника. 3) Ненормальныя дѣти съ атрофированными чувствами морали должны быть отсылаемы въ спеціальныя школы; тамъ характеръ такихъ дѣтей будетъ исправленъ безъ ломки его» *). Къ такимъ же выводамъ, хотя формулированнымъ не такъ сильно и категорически, приходитъ нѣмецкій педагогъ dr. Вильгельмъ Мюнхъ **)

Въ связи съ вопросомъ о наказаніяхъ и наградахъ находится цѣлый рядъ другихъ вопросовъ о школьной дисциплинѣ, о самоуправленіи средней школы, объ образованіи характера, о пробужденіи иниціативы и пр. Для всего этого необходимъ, прежде всего, преподаватель *педагогъ* въ истинномъ смыслѣ слова, а не *чиновникъ*, послушный исполнитель приказаній, отданныхъ министерствомъ. Выясненію типа подобнаго идеальнаго педагога посвященъ былъ докладъ dr. Андрээ: — «Der moralische Wert guter Unterrichtsmethoden». Что касается «мѣстнаго самоуправленія» въ школѣ, то ему былъ посвященъ интересный докладъ доктора естественныхъ наукъ, г-жи Брайантъ. «Школа — толпа дѣтей, имѣющихъ свою индивидуальность, чуткихъ, понятливыхъ, своевольныхъ; толпу эту школьное начальство превращаетъ въ послушную, стройную, развивающуюся общину (community), — говоритъ г-жа Брайантъ.—Процессъ превращенія толпы дѣтей, интересы которыхъ противоположны, въ преслѣдующую единую цѣль общину обусловливается психологическими силами, таящимися въ самихъ же дѣтяхъ. Въ чемъ заключаются эти силы и въ какой степени вліяетъ на характеръ отдѣльныхъ дѣтей процессъ превращенія толпы въ стройную общину? Основные инстинкты дѣтей это — своевольность и общительность. Дѣти любятъ идти во всемъ своей собственной дорогой; но они также любятъ быть вмѣстѣ и охотно вступаютъ въ

---

*) *Albert Bayet.* Des Récompenses et des Punitions à l'Ecole. «Papers», ets. p. p. 96—98.

**) *Von Geheimrat Prof. Dr. W. Münch,* Belohnungen und Strafen in der Erziehung.

союзы для достиженія общихъ цѣлей. Драки и дружба доставляютъ дѣтямъ одинаковое наслажденіе и являются первоисточникомъ развитія въ нихъ характера, мужества, симпатіи, чувства долга и самопожертвованія. Основными чертами дѣтскаго характера, т. е. общительностью и своеволіемъ, долженъ умѣть пользоваться опытный и любящій педагогъ. Группа дѣтей, предоставленныхъ себѣ,—продолжаетъ г-жа Брайантъ,—быстро вырабатываетъ порядокъ для того, чтобы игра доставляла больше удовольствія. Во всѣхъ дѣтскихъ играхъ выработанныя правила соблюдаются строго. Дальше дѣти открываютъ, что порядокъ необходимъ также для охраненія свободы и интересовъ индивидуумовъ, которымъ нужно заниматься чѣмъ либо другимъ. Какъ и первобытный человѣкъ, дѣти выбираютъ вождя для охраненія порядка въ игрѣ и вообще въ своемъ мiру. Г-жа Брайантъ доказываетъ, что любящій педагогъ въ концѣ концовъ явится авторитетомъ, къ которому, какъ къ высшей инстанціи, будетъ обращаться школьная община. Вся система, однако, рухнетъ тогда, когда педагогъ будетъ отдавать свои приказанія *ad hoc*. Въ такомъ случаѣ неминуемымъ результатомъ явится враждебное отношеніе между школьной общиной и преподавателемъ, между «управляемыми» и «управителями». Г-жа Брайантъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Учитель не долженъ быть патріархомъ, управляющимъ по своему личному рѣшенію, даваемому *ad hoc*. Въ такомъ случаѣ онъ создастъ только или протестантовъ, или послушныхъ рабовъ. 2) Хорошій педагогъ призоветъ къ выработкѣ школьныхъ правилъ своихъ воспитанниковъ. Онъ установитъ, такимъ образомъ, своего рода, школьную конституцію, оставивъ за собою право абсолютнаго *veto*. 3) Школьная «конституція» должна быть на столько свободна, чтобы дать просторъ индивидуальности развиваться. 4) Въ приведеніи въ исполненіе школьной «конституціи» должны принимать участіе дѣти. Всѣ они должны быть заинтересованы въ поддержаніи порядка *). Конечно, такая школьная «конституція» возможна только въ тѣхъ странахъ, гдѣ школа автономна, и гдѣ преподаватель не является послушнымъ исполнителемъ приказаній, присылаемыхъ изъ центра. Проектъ г-жи Байантъ подразумѣваетъ, что сами педагоги въ каждой школѣ могутъ вырабатывать свою систему примѣнительно къ даннымъ условіямъ. Проектъ совершенно немыслимъ тамъ, гдѣ центръ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ политическихъ условій, присылаетъ циркулярно новыя системы для *всѣхъ* школъ.

Здоровыя дѣти въ то же время являются дѣтьми пытливыми. Лѣнь и разсѣянность обусловливаются физической слабостью,—говоритъ въ своемъ докладѣ датскій профессоръ Штаркъ.—Здоровыхъ и слабыхъ дѣтей нельзя воспитывать по одной и той же

---

*) Mrs Brayant, D. Sc., Zitt. D. «School Goverument», etc. «Parers», p. p. 73—76.

программѣ. Невозможно ожидать, что они достигнутъ одинаковаго уровня знанія. Достаточно, если болѣзненныя дѣти оставляютъ школу въ лучшемъ здоровьи и выносятъ уваженіе къ чужому мнѣнію. «Предъ нами безличный человѣкъ, легко подпадающій подъ вліяніе окружающихъ и отражающій ихъ мнѣнія. Это отсутствіе индивидуальности,—говоритъ Штаркъ, — является послѣдствіемъ своего рода калѣчества, задержавшаго свободное и здоровое развитіе природныхъ инстинктовъ и давшаго имъ ненормальное направленіе. Чтобы бороться съ пороками, необходимо дать душѣ воспитанника какой нибудь здоровый интересъ; съ тою же цѣлью не слѣдуетъ препятствовать свободному развитію энергіи дѣтей. Мы никогда не достигнемъ хорошихъ результатовъ, если будемъ бороться только съ симптомами, т. е. съ порочными наклонностями, не восходя къ причинѣ ихъ. Среди поступающихъ въ школу шестилѣтнихъ дѣтей наблюдаются два рѣзко отличающихся другъ отъ друга типа. Одни обладаютъ отличнымъ здоровьемъ. Они веселы, любознательны и довѣрчивы. Другія лѣнивы, разсѣянны, раздражительны или меланхоличны. Это дѣти - невропаты, нуждающіеся въ медицинскомъ надзорѣ. Авторитарная дисциплина и механическое преподаваніе, установленное общей программой, представляютъ серьезную опасность для моральнаго развитія обоихъ типовъ. Подъ вліяніемъ такой системы дѣти перваго типа потеряютъ свою оригинальность, а дѣти втораго станутъ порочны. Школа не должна стремиться къ тому, чтобы дѣти каждый годъ достигали опредѣленной, намѣченной заранѣе цѣли, такъ какъ нельзя измѣрять ихъ способности количествомъ знанія, пріобрѣтеннаго въ данный моментъ. Достаточно, если воспитанники оставятъ школу, достигнувъ извѣстной степени умственнаго и нравственнаго развитія. И въ моей школѣ,—говоритъ проф. Штаркъ,— я достигаю этой цѣли тѣмъ, что въ первые годы направляю всѣ усилія на физическое развитіе однихъ дѣтей и на увеличеніе у другихъ дѣтей ихъ радостнаго довѣрія въ свои умственныя силы и въ свои склонности. Болѣзнь нервной системы, проявляющаяся въ лѣности, подавленности, раздражительности и неровности характера, излѣчивается иногда безъ всякаго лѣченія, когда тѣло растетъ и крѣпнетъ. Учитель тогда, прибѣгавшій къ наказаніямъ, гордится достигнутыми результатами. Но болѣе глубокій наблюдатель замѣтитъ,—продолжаетъ Штаркъ,—что такой педагогъ, во всякомъ случаѣ, задержалъ процессъ выздоровленія и оставилъ въ душѣ воспитанника неизгладимый слѣдъ увяданія. Такое воспитаніе или озлобляетъ воспитанника, или дѣлаетъ его пассивно-послушнымъ, т. е. убиваетъ его индивидуальность.

Авторъ доклада дальше переходитъ къ способамъ преподаванія. Оно должно быть построено на развитіи у дѣтей способности наблюдать. Необходимо, чтобы дѣти пріучились сами оцѣнивать явленія. Требуя отъ дѣтей пассивнаго вниманія и

заучиванія, мы убиваемъ творческое воображеніе, являющееся главнымъ источникомъ умственной и моральной оригинальности. У ребенка эта оригинальность проявляется въ вопросахъ, съ которыми онъ обращается къ учителю. Останавливая эти вопросы, задерживающіе иногда правильный ходъ занятій, мы убиваемъ въ зародышѣ все, что наиболѣе цѣнно въ интеллектуальной жизни. Преподаватель достигаетъ того, что ребенокъ или перестаетъ задаваться вопросами и ограничивается простымъ собираніемъ знанія, или онъ привыкаетъ скрывать свои мысли. Онъ сомнѣвается въ цѣнности своихъ собственныхъ мыслей и теряетъ способность отличать важные вопросы отъ ничтожныхъ. При такой системѣ преподаванія забота становится бременемъ, страданіемъ. Ребенокъ начинаетъ предпочитать игры и праздность скучной и неинтересной работѣ. Профессоръ Штаркъ говоритъ, что опытъ въ школѣ убѣдилъ его въ слѣдующемъ. Дѣти, привыкшія отъ раннихъ лѣтъ наблюдать, оцѣнивать явленія и упражнять свои умственныя дарованія въ границахъ, опредѣленныхъ степенью развитія, утрачиваютъ нѣсколько способность заучивать заданный урокъ. За то такія дѣти становятся болѣе смѣлы въ стремленіи пріобрѣтенія знанія, необходимость котораго сознаютъ. Дѣти научаются цѣнить наслажденіе, доставляемое творческой умственной дѣятельностью. Проступки подобныхъ дѣтей никогда не носятъ серьезнаго характера. Такимъ образомъ, исчезнетъ сама собою необходимость въ наказаніяхъ. Проступки являются послѣдствіемъ еще рудиментарнаго развитія критическаго отношенія къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ, столь свойственнаго дѣтямъ Достаточно поговорить съ дѣтьми и объяснить имъ все несоотвѣтствіе, существующее между поступками ихъ и природными склонностями... Уроки морали не даютъ никакихъ результатовъ, если они основаны только на одномъ авторитетѣ, хотя бы и самомъ сильномъ.

«Легко можетъ случиться,—заканчиваетъ свой докладъ проф. Штаркъ,—что дѣти, въ концѣ концовъ, выработаютъ себѣ кодексъ морали, который нѣсколько будетъ отличаться отъ правилъ, рекомендуемыхъ учителями. Но мы отнюдь не должны стремиться къ воспитыванію людей, думающихъ, любящихъ и ненавидящихъ точно такъ же, какъ мы. Добрый преподаватель доволенъ, если видитъ въ воспитанникахъ, оставляющихъ школу, кипучую жизнь, любовь къ человѣчеству и уваженіе къ чужому мнѣнію и личности» *).

V.

Мы видѣли уже, какое громадное значеніе придаютъ нѣмецкіе, французскіе, англійскіе, американскіе и скандинавскіе педагоги

*) L'Education morale de l'enfant à l'école. Par C. N. Starke, Th. D. „Papers“, etc., p. p. 70–73.

принципу автономности средней школы. Всякая программа, выработанная въ центрѣ и навязанная путемъ циркуляровъ, является посягательствомъ на самыя основы моральнаго воспитанія. Громадное значеніе имѣетъ не только самоуправленіе учительскаго персонала, но и self-government воспитанниковъ. Мы познакомились уже со взглядами нѣкоторыхъ педагоговъ на то, какъ должна быть выработана школьная конституція. Объ этическомъ значеніи self-government учащихся прочиталъ интересный докладъ директоръ знаменитой школы въ Гарро (Harrow), сэръ Артуръ Хортъ. «Я слышалъ, что разъ маленькій мальчикъ, воспитанникъ моей школы, просилъ у товарища совѣта, какъ разрѣшить такого рода дилемму. Я ему велѣлъ явиться ко мнѣ въ 12 часовъ. Но «капитанъ» (т. е. мальчикъ, руководящій игрой въ крикетъ) тоже приказалъ ему явиться въ 12 часовъ, чтобы участвовать въ игрѣ. Маленькій мальчикъ допытывался у пріятеля, кому онъ долженъ скорѣе подчиниться: мнѣ ли, или «капитану». Пріятель посовѣтовалъ исполнить приказъ «капитана», который можетъ причинить мальчику больше непріятностей, чѣмъ директоръ. Вердиктъ этотъ, хотя не лестный для моего профессіональнаго самолюбія,—говоритъ сэръ Артуръ Хортъ,—свидѣтельствуетъ о крайне важномъ фактѣ. Воспитанникъ средней школы (public school) цѣнитъ авторитетъ товарищей больше, чѣмъ авторитетъ лицъ, поставленныхъ надъ нимъ. Чтобы мы, преподаватели, ни дѣлали, наиболѣе способный и сильный мальчикъ станетъ всегда во главѣ товарищей». Преподаватели въ англійскихъ среднихъ школахъ признаютъ этотъ фактъ и стараются только сдѣлать его болѣе моральнымъ. Этимъ объясняется, такъ называемая, monitorial system, т. е. признаніе наиболѣе способныхъ и пользующихся вліяніемъ мальчиковъ «мониторами» или представителями отъ цѣлаго класса. По мнѣнію сэра Артура Хорта, преподаватели хорошо дѣлаютъ, признавая, такимъ образомъ, вождей школьной республики. Мнѣ припоминается одинъ фактъ, который является иллюстраціей къ докладу сэра Артура объ отношеніи воспитанниковъ къ авторитету школьной республики и преподавателей. Бесѣдовали мы съ однимъ пріятелемъ-англичаниномъ, сынъ котораго воспитывается въ большой, старинной средней школѣ, находящейся въ провинціи. Рѣчь шла о тѣлесномъ наказаніи. Оно отходитъ въ область преданій почти во всѣхъ большихъ public schools и примѣняется въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. У меня есть возможность наблюдать одну изъ самыхъ большихъ и старинныхъ лондонскихъ среднихъ школъ St. Paul's. За три года въ четырехъ младшихъ классахъ (Colet Court) былъ только одинъ случай примѣненія тѣлеснаго наказанія. Совершенно испорченный мальчикъ, повидимому, дегенератъ, былъ уличенъ въ воровствѣ (это было завершеніе цѣлаго цикла пакостей). Мальчика высѣкли, т. е. директоръ далъ ему

шесть ударовъ тростью «по штанамъ» (Раздѣваніе никогда не примѣняется). На мальчика, какъ и слѣдовало ожидать, наказаніе не оказало никакого вліянія. Черезъ недѣлю онъ былъ опять уличенъ въ воровствѣ. Любопытно, что родные мальчика—очень богатые, даже по англійскимъ понятіямъ, люди. Маленькаго дегенерата послѣ этого удалили изъ школы, какъ раньше удаляли изъ цѣлаго ряда другихъ учебныхъ заведеній. Я сослался при разговорѣ съ пріятелемъ на этотъ фактъ, какъ на доказательство полной безполезности тѣлесныхъ наказаній, но встрѣтилъ въ англичанинѣ защитника ихъ. Онъ разсказалъ мнѣ такой случай: За play ground, т. е. за лугомъ, гдѣ играютъ воспитанники той школы, въ которой учится сынъ моего пріятеля, проходитъ линія желѣзной дороги (школа лежитъ въ полѣ, далеко отъ городка). Ежедневно въ полдень пролетаетъ здѣсь съ быстротой 80 верстъ въ часъ шотландскій экспрессъ. И вотъ мальчики выработали своеобразный крайне опасный спортъ: какъ только показывался экспрессъ, они съ стремительной быстротой перебѣгали черезъ рельсы. Если бы мальчикъ не то что споткнулся, а опоздалъ на пять секундъ, то былъ бы раздавленъ экспрессомъ. И каждый день одинъ изъ мальчиковъ, несмотря на неоднократное запрещеніе директора, перебѣгалъ такимъ образомъ рельсы. Наконецъ, директоръ объявилъ, что высѣчетъ того, который сдѣлаетъ это еще разъ. Къ этому времени всѣ школьники, кромѣ Рэджи, сына моего пріятеля, проявили уже свою смѣлость. И вотъ мальчики высыпали снова на лугъ Показался шотландскій экспрессъ, и Рэджи перебѣжалъ черезъ рельсы, не стараясь даже о томъ, чтобы «бульдоги» (надзиратели) не видѣли преступленія. Мальчика сейчасъ же потребовали къ директору.

— Вы знали о моемъ запрещеніи?—спросилъ тотъ.

— Да, сэръ.

— Вы знаете, что ждетъ ослушника?

— Да, сэръ.—Мальчикъ тутъ же былъ высѣченъ директоромъ.

— Но вѣдь это озлобило вашего сына?—сказалъ я пріятелю.

— Озлобило? Нисколько. Онъ сказалъ мнѣ: «Я зналъ, на что иду. Всѣ мальчики показали, что они не трусы, кромѣ меня. Я не хотѣлъ, чтобы товарищи думали, будто я прикрываю свою трусость запрещеніемъ. Я доказалъ имъ, что у меня столько же смѣлости, сколько у нихъ. Что касается директора, то онъ тоже былъ правъ. Я не злюсь на него. Онъ тоже меня понялъ: мы послѣ обмѣнялись рукопожатіемъ.

Этотъ случай, между прочимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, насколько англійскій мальчикъ считается съ авторитетомъ школьной республики въ public schools. Сэръ Артуръ Хортъ доказываетъ дальше въ своемъ докладѣ, что «республика школьниковъ» имѣетъ

громадное воспитательное значеніе, если только педагогъ умѣетъ воспользоваться ими *).

Культивированію инициативы у дѣтей посвященъ крайне интересный докладъ преподавателя въ Collège Rollin, Поля Крузэ.

«Духъ инициативы вполнѣ присущъ дѣтямъ,—говоритъ докладчикъ.—Нѣтъ почти такихъ дѣтей, которыя не проявили бы тѣхъ или другихъ природныхъ наклонностей или хотя бы слабаго желанія. Одни дѣти выдумываютъ фантастическіе разсказы. другія—комбинируютъ игрушки или игры. Одни проявляютъ большій умъ, другія—болѣе практичны, но почти всѣ имѣютъ отъ природы инициативу. Въ этомъ нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго, такъ какъ инициатива зависитъ, главнымъ образомъ, отъ воображенія, составляющаго преобладающую способность дѣтей». Къ сожалѣнію, часто случается, что естественное проявленіе инициативы, развитіе которой имѣетъ громадное значеніе, забывается не только школой, но и семьей. Дѣтскій умъ мечтаетъ о разныхъ формахъ проявленія дѣятельности: ребенку хочется завоевывать міръ, стать знаменитымъ путешественникомъ, воздухоплавателемъ, морякомъ, золотопріискателемъ, арканзаскимъ охотникомъ, а мать его не позволяетъ ему одѣваться самому. Бабушка, какъ сѣтью, опутываетъ внучка совѣтами и воркотней. Ребенокъ уже проявляетъ любознательность, умѣнье думать, творческое воображеніе, а учитель сковываетъ его своими программами и толкаетъ его на избитую дорогу своего метода. Педагогъ желаетъ, чтобы ребенокъ повторялъ слова учителя возможно болѣе точно. Въ концѣ концовъ, инициатива воспитанника убивается. Вмѣсто оригинальнаго ума мы получаемъ только «копію съ педагога un éternel copiste», по выраженію Крузэ. Такимъ образомъ, очень часто семья и школа заключаютъ двойственный союзъ для похода противъ инициативы ребенка. Иногда школа и семья представляютъ два враждующихъ лагеря; но и тогда оригинальность ума ребенка страдаетъ точно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда онѣ соединяются вмѣстѣ. Авторъ доклада не согласенъ также съ другою крайностью, которую отстаиваетъ Л. Н. Толстой въ своихъ педагогическихъ статьяхъ. Читатели помнятъ, конечно, отношеніе великаго писателя къ такъ называемой школьной дисциплинѣ. «Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или «задавили, ребята!» или «будетъ! брось виски-то!» и т. д. «Петръ Михайловичъ!» кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю, «вели имъ бросить». «Здравствуй, Петръ Михайловичъ!» кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздаетъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкафу; изъ кучи на полу—верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу умень-

*) Sir *Artur F. Hort*, The Ethical Value of Self-Government in Schools, „Papers“, etc. P. p. 89—90.

шается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкафу и кричатъ: «и мнѣ, и мнѣ» «Гораздо легче оставить ихъ (мальчиковъ) самихъ успокоиться,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Л. Н. Толстой,—чѣмъ насильно разсадить ихъ». Инициатива дѣтей должна опредѣлять, по мнѣнію Л. Н., распредѣленіе уроковъ. «По расписанію, до обѣда значится четыре урока, а выходитъ иногда три или два, и иногда совсѣмъ другіе предметы. Учитель начнетъ ариѳметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и, вмѣсто одного часа, классъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ: «Нѣтъ еще, еще!» и кричатъ на тѣхъ, которымъ надоѣло. «Надоѣло, такъ ступай къ маленькимъ»,—говорятъ они презрительно». «Подчиняясь законамъ только естественнымъ, вытекающимъ изъ ихъ природы, они не возмущаются и не ропщутъ, подчиняясь вашему преждевременному вмѣшательству, они не вѣрятъ въ законность вашихъ звонковъ, расписаній и правилъ». «Я убѣжденъ, что... школа не должна и не имѣетъ права награждать и наказывать, что лучшая полиція и администрація школы состоитъ въ предоставленіи полной свободы ученикамъ учиться и вѣдаться между собою, какъ имъ хочется... Пускай тамъ, въ мірѣ, который называютъ дѣйствительнымъ... въ мірѣ, гдѣ разумно не то, что̀ разумно, а то, что̀ дѣйствительно,—пускай тамъ люди, сами наказанные, выдумываютъ себѣ права и обязанности наказывать. Нашъ міръ дѣтей—людей простыхъ, независимыхъ—долженъ оставаться чистъ отъ самообманыванія и преступной вѣры въ законность наказанія, вѣры въ самообманыванія въ то, что чувство мести становится справедливымъ, какъ скоро его назовемъ наказаніемъ» *).

Мы видѣли, что многіе взгляды, высказанные съ такою силою великимъ русскимъ писателемъ въ 1862 г., нашли отраженіе въ прочитанныхъ въ 1908 г. докладахъ французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и др. педагоговъ. Таковы, напр., взгляды на наказанія, на воспитательное значеніе товарищескаго круга и пр. Но Крузэ находитъ, что Л. Н. Толстой ошибается, когда всю программу преподаванія предоставляетъ инициативѣ учащихся. «Car qui dit initiative, ne dit pas anarchie»,—прибавляетъ французскій педагогъ (Инициатива не значитъ анархія). «Теперь всюду наблюдается стремленіе развивать инициативу дѣтей,—заканчиваетъ Крузэ.—Для развитія прогресса въ мірѣ инициатива необходима. Человѣкъ съ инициативой это—дѣятель прогресса и цивилизаціи» **).

---

*) Сочиненія графа Л. Н. Толстого, т. IV (изданіе девятое), стр. 192—202.

**) *Paul Crouzet*, „La culture de l'initiative au foyer et à l'école“, „Papers“, etc., p. p. 308—311.

VI.

Много докладовъ посвящено было дѣтскимъ книгамъ. Въ рефератахъ нѣмецкихъ педагоговъ мы слышимъ знакомые мотивы. Ректоръ Вольгастъ изъ Гамбурга и профессоръ Іоганессонъ изъ Берлина въ своихъ докладахъ доказывали, что хорошая дѣтская книга должна представлять сочетаніе реальнаго съ идеальнымъ. Идеальный міръ долженъ преобладать надъ «грубой дѣйствительностью». По мнѣнію этихъ докладчиковъ, великія классическія произведенія являются неизмѣримо болѣе подходящимъ чтеніемъ для дѣтей, чѣмъ спеціальная литература (Jugendschriften) съ ея моралью, пришитой бѣлыми нитками. Нѣмецкіе педагоги того мнѣнія, что школа должна строго контролировать чтеніе дѣтей. Младшимъ воспитанникамъ слѣдуетъ совсѣмъ воспретить внѣшкольное чтеніе. Старшіе воспитанники должны читать только то, что соотвѣтствуетъ планамъ школы. Чтобы воспитанники не могли доставать опасныхъ для себя книгъ, слѣдуетъ воспретить открытую продажу въ книжныхъ лавкахъ соблазнительныхъ произведеній *). Однимъ словомъ, эти нѣмецкіе педагоги выражаютъ полное недовѣріе семьѣ въ противоположность англійскимъ воспитателямъ. Англійская средняя школа исходитъ изъ того положенія, что родители такъ же компетентны въ выборѣ книгъ для своихъ дѣтей, какъ и учителя. Интересенъ докладъ о дѣтскихъ книгахъ Реджинальда Брэя **). Дѣти любятъ три рода книгъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ свои собственныя достоинства,—говоритъ докладчикъ. Это: 1) книги, описывающія міръ матеріальныхъ фактовъ, 2) книги, проповѣдующія мятежъ противъ міра матеріальныхъ фактовъ, и 3) соединеніе и примиреніе книгъ обоего рода, или произведенія, въ которыхъ изображается подчиненіе міра матеріальныхъ фактовъ міру идеаловъ. Книги перваго типа въ извѣстномъ смыслѣ удовлетворяютъ любознательность дѣтей, снабжая ихъ фактами изъ области исторіи, естествознанія или географіи. Лучшія книги этого рода представляютъ систематизированный разсказъ о связныхъ группахъ естественныхъ явленій или о человѣческой дѣятельности. Въ худшемъ случаѣ такія книги даютъ отрывочныя свѣдѣнія или отдѣльные факты. Воспитателю остается только устранить книги, трактующія о предметахъ, о которыхъ воспитаннику рано еще знать, а затѣмъ слѣдуетъ ему предоставить свободу. Необходимо только разнообразіе въ подборѣ книгъ этого рода, дабы пробудить возможно больше любознательность

*) *Heinrich Wolgast*, Jugendliteratur. „Papers“, etc., p. p. 109—112. *Dr. Fritz Johannesson*, Die Hauslektüre der Schüler, „Papers“, etc., p. p. 112—116.

**) *Reginald A. Bray*, Children and Libraries, „Papers“, etc., p. p. 107—109.

дѣтей. Такимъ образомъ, путемъ чтенія они пріобрѣтутъ большой запасъ разнообразныхъ знаній. Слѣдуетъ помнить, что въ дѣтствѣ складываются наши научные вкусы. Главнымъ результатомъ отъ чтенія книгъ подобнаго рода должно быть все болѣе и болѣе крѣпнущее сознаніе, что въ мірѣ все связано одною цѣпью причинъ и слѣдствій.

Но дѣтскій умъ въ концѣ концовъ протестуетъ противъ такого заключенія. Міръ, въ которомъ все сковано, кажется ребенку скучнымъ, пошлымъ и лишеннымъ красоты. Послѣдствіемъ протеста противъ матеріальнаго міра является увлеченіе волшебными сказками. Главная особенность волшебной сказки заключается въ томъ, что герои ея по своему желанію могутъ порвать съ тѣснымъ міромъ обычнаго существованія. Весьма вѣроятно, что дѣти никогда не увѣрены вполнѣ въ существованіи фей и другихъ героинь и героевъ волшебной сказки, точно такъ какъ дѣвочка никогда не убѣждена вполнѣ въ томъ, что ея кукла—живое существо. Но за то дѣти глубоко убѣждены въ томъ, что волшебныя сказки представляютъ гораздо болѣе вѣрную картину міра, чѣмъ какая-либо другая книга. Сказки отвѣчаютъ на заложенное въ каждомъ изъ насъ сознаніе, что въ природѣ вещей скрыто чудо. Онѣ гармонируютъ съ примитивной интуиціей, утверждающей, что человѣкъ властелинъ, а не рабъ окружающихъ условій. Вотъ почему въ дѣтскихъ библіотекахъ долженъ быть большой запасъ сказокъ всякаго рода. Часто говорятъ, что мораль многихъ народныхъ сказокъ сомнительна, а то совершенно отсутствуетъ. Быть можетъ, это и такъ,—говоритъ Брэй,—но это не имѣетъ существеннаго значенія. Значеніе волшебной сказки—не въ морали, заключающейся въ ней, а въ протестѣ противъ грубаго, примитивнаго взгляда на жизнь. И если эта нота протеста слышится, намъ нечего требовать большаго. Въ наше время, когда изъ года въ годъ люди все больше и больше скучиваются въ городахъ и теряютъ способность понимать природу, — необходимо всячески поощрять протестъ противъ міра матеріальныхъ фактовъ. Волшебныя сказки удивительно пригодны для этого.

Книги перваго типа изображаютъ міръ съ его грубой дѣйствительностью. Книги второго типа населяютъ его самыми причудливыми образами, порожденными воображеніемъ. Наконецъ, предъ нами книги третьяго типа, представляющія своего рода синтезъ. Онѣ изображаютъ одновременно міръ реальный и идеальный. Идеалы господствуютъ надъ дѣйствительностью и подчиняютъ ее себѣ. Такимъ образомъ два различныхъ фактора согласованы. Авторъ доклада имѣетъ въ виду хорошіе разсказы о приключеніяхъ въ различныхъ странахъ, представляющіе собою одно изъ любимыхъ чтеній англичанъ. «Книги эти говорятъ о смѣломъ стремленіи къ намѣченной цѣли, для достиженія которой преодолѣваются всѣ препятствія. Мы имѣемъ передъ собою героическія побужденія, —

говоритъ Брэй,—а все героическое находитъ откликъ въ дѣтскихъ сердцахъ. Ребенокъ, читая такія книги, такъ сказать, живетъ въ будущемъ. Онъ самъ видитъ себя смѣлымъ изслѣдователемъ, стремящимся черезъ ледяныя поля къ сѣверному полюсу и героемъ, беззавѣтно жертвующимъ собою для достиженія идеала. Дѣтская библіотека должна имѣть большой запасъ книгъ подобнаго рода».

Я упомянулъ уже про германскихъ педагоговъ, предлагающихъ для борьбы съ безнравственными книгами заручиться содѣйствіемъ властей. Слушая эти доклады, мнѣ припоминались два мѣста изъ «Грозы». Странница Ѳеклуша приходитъ въ умиленіе отъ праведной жизни купечества въ городѣ Калиновѣ. «Бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе! - набожно бормочетъ она.—Красота дивная! Да что ужъ говорить! Въ обѣтованной землѣ живете! И купечество все народъ благочестивый, добродѣтелями многими украшенный! Щедростью и подаяніями многими!» У Кулигина нѣсколько иной взглядъ на благочестивыхъ обывателей города Калинова. «И что, сударь, за этими замками разврату темнаго, да пьянства!—говоритъ калиновскій мечтатель Борису.—И все шито да крыто—никто ничего не видитъ и не знаетъ, видитъ только одинъ Богъ». Преслѣдуя полицейскими мѣрами, такъ называемую, безнравственную литературу, мы добьемся лишь того, что наступитъ такое же «бла-алѣпіе», какое изображаетъ Ѳеклуша. У полиціи должны быть вполнѣ опредѣленныя функціи: слѣдить за тѣмъ, чтобы воришки не залѣзали въ карманы и чтобы ночью обыватель могъ спать спокойно, не страшась громилъ. Полиція очень плохой литературный критикъ и никуда не годится, какъ оцѣнщикъ «нравственнаго» и «безнравственнаго». Въ особенности плохо разбирается она въ этомъ тамъ, гдѣ на полиціи лежитъ еще функція слѣдить за проститутками. Свои пріемы, выработанные при обращеніи съ уличными женщинами, полиція тамъ примѣняетъ къ литературѣ. Понятіе о «безнравственности» крайне растяжимо и условно. Въ исторіи литературы мы видимъ, какъ съ полицейской точки зрѣнія абсолютно «безнравственныя» по формѣ произведенія заключаютъ высоко нравственную мораль. Если бы современный авторъ написалъ что-нибудь подобное девятнадцатой главѣ книги Бытія, полицейскіе критики завопили бы о гибели нравственности. Перейду, однако, къ свѣтской литературѣ. Съ точки зрѣнія обычной морали авторъ, написавшій такія вещи, какъ четвертая новелла пятаго дня (Rusignuolo), какъ девятая новелла девятаго дня (та самая, въ которой монахъ, уступая просьбамъ своего пріятеля Піетро, колдуетъ «per far diventar la moglie una cavalla»). Но у того же «безнравственнаго» автора мы находимъ такую поразительную для четырнадцатаго вѣка проповѣдь религіозной терпимости, которая имѣетъ всю свою силу даже теперь, черезъ 5½ вѣковъ. Я говорю о третьей новеллѣ перваго дня (novella di tre anella), которую мы больше знаемъ по лессинговской передѣлкѣ

въ «Натанѣ Мудромъ». Тотъ самый герой «Декамерона», который разсказываетъ десятыя сказки каждаго дня и превосходитъ всѣхъ своею «фривольностью», повѣствуетъ трогательную повѣсть про Гризельду. Наконецъ, вдумываясь въ самыя «фривольныя» новеллы, мы находимъ подъ скабрезной оболочкой поразительныя по смѣлости мысли, за которыя жгли на кострахъ еще въ XVIII в., да и въ наше время за высказываніе подобныхъ мыслей авторъ не вездѣ безопасенъ. Я имѣю въ виду десятую новеллу шестого дня (про монаха Чиполла, обѣщавшаго показать перо архангела Гавріила) и десятую новеллу третьяго дня (про Алибеку и пустынника). Тотъ же «безстыдный» разсказчикъ десятыхъ новеллъ высказываетъ въ XIV вѣкѣ политическій принципъ, который былъ признанъ много вѣковъ спустя. «Каждый король, если онъ справедливъ, долженъ раньше другихъ исполнять законы, имъ же установленные. И если онъ поступаетъ иначе, его слѣдуетъ признать не королемъ, а рабомъ, достойнымъ наказанія» *). Итакъ, полиція не годится для оцѣнки того, что «прилично» или «неприлично» въ литературѣ. Съ точки зрѣнія такихъ блюстителей нравственности, какъ шпіоны Карла X и Луи Филиппа, были «безнравственны» не только шаловливыя стихотворенія Альфреда Мюссэ, въ родѣ «Ballade à la Lune», но и поэмы: «Mardoche» и «Namouna». Мы видимъ, какъ произведенія, встрѣченныя при своемъ появленіи воплями и обращеніями къ полиціи,—съ теченіемъ времени начинаютъ свободно обращаться на рынкѣ. Эти книги не только никого не «развращаютъ», но признаются даже самымъ подходящимъ чтеніемъ для подростающаго поколѣнія. Въ Англіи подобное случилось съ романомъ Шарлоты Бронте: «Джэйнъ Эйръ». При появленіи его суровые блюстители нравственности взывали къ палачу. Теперь этотъ наивный, хотя очень талантливый романъ дарятъ пятнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ. Возьму другой примѣръ. Лѣтъ четырнадцать тому назадъ появился въ Англіи романъ *Woman who did* (Грэнтъ-Аллэна), встрѣченный буквально воемъ. Вотъ что писала тогда г-жа Фаусэтъ, вождь феминистскаго движенія и обладательница нѣсколькихъ ученыхъ степеней. «Обезьяна и тигръ, живущіе въ мужчинѣ, возстаютъ иногда противъ тѣхъ узъ, которыми цивилизація сковала ихъ похоть. По мѣрѣ того, какъ цивилизація растетъ, обезьяна и тигръ слабѣютъ. Порой, однако, они пытаются разорвать оковы и издаютъ глухое рычаніе. Доказательствомъ тому является романъ Грэнтъ-Аллэна». Г-жа Фаусэтъ взывала къ полиціи, умоляя ее конфисковать развратный романъ и сжечь его рукой палача. Романъ надолго исчезъ съ книжнаго рынка. Только теперь онъ перепечатанъ и выпущенъ

*) «Manifestissima cosa è che ogni giusto re primo servatore dee essere delle leggi fatte da lui, e se altro ne fa, servo degno di punizione, e non re, si dee giudicare». (*Il Decameron*, Novella X, giornata VII).

дешевымъ изданіемъ... И Англія стоитъ, тѣмъ не менѣе, тамъ же, гдѣ и прежде. Объ этомъ романѣ русская публика можетъ судить, такъ какъ онъ переведенъ года два тому назадъ, если мнѣ не измѣняетъ память.

Но, безъ сомнѣнія, есть безнравственная литература, разсчитанная на самые низменные инстинкты публики. Литература эта покрыта липкой, вонючей грязью. Она написана не просто для развратниковъ, а для психопатовъ, страдающихъ извращенностью чувствъ. Что дѣлать съ нею? Устанавливать цензора? Облекать полицію полномочіями? Отвѣтъ на это даетъ намъ Джемсъ Мэрчантъ, прочитавшій на конгрессѣ по моральному воспитанію докладъ о безнравственной литературѣ и такихъ же рисункахъ *). «Громадный финансовый успѣхъ грязныхъ книгъ, лишенныхъ всякихъ литературныхъ достоинствъ, но крайне ходкихъ вслѣдствіе спеціальности сюжетовъ, вызвалъ теперь къ бытію массу скабрезныхъ повѣстей, написанныхъ по преимуществу женщинами», — говоритъ докладчикъ. — «Мы имѣемъ теперь въ Англіи отъ 10 — 15 періодическихъ изданій съ тиражемъ почти въ полмилліона, которыя мы должны признать крайне опасными для нравственности». Авторъ имѣетъ въ виду еженедѣльные пенсовые «магазины», обращающіеся, по преимуществу, среди горничныхъ, молодыхъ приказчиковъ и пр. «Магазины» эти напечатаны на скверной бумагѣ, наполнены невѣроятными рисунками и еще болѣе невѣроятными повѣстями, бездарными до одури. Говорятъ, поставщики и поставщицы этой идіотской литературы вырабатываютъ до 20 тысячъ руб. въ годъ: до такой степени силенъ спросъ на нее. Литература эта, по выраженію докладчика, взываетъ «ко всему скотскому въ человѣкѣ». То же самое слѣдуетъ сказать объ «открыткахъ», крайне бездарныхъ и грубыхъ по выполненію. Лучшіе англійскіе издатели составили теперь союзъ съ цѣлью бороться съ безнравственной литературой. Они не принимаютъ рукописей съ предосудительнымъ содержаніемъ. Такой же союзъ составили книгопродавцы (Newsagents' Federation съ президентомъ Шэкльтономъ, извѣстнымъ коммонеромъ-радикаломъ во главѣ). «Моральная цензура подобнаго рода неизмѣримо лучше цензуры государственной»,—говоритъ докладчикъ. — Подъ «государственной цензурой» онъ подразумѣваетъ полицію, прочитывающую сомнительныя произведенія *послѣ* ихъ появленія, для привлеченія автора и издателя къ суду. Но больше всего можетъ сдѣлать для борьбы съ безнравственной литературой *общественное мнѣніе*. Бездарная порнографическая литература существуетъ только потому, что есть спросъ на нее. Если бы публика перестала покупать ее, она бы исчезла, какъ роса въ іюльское утро. Публика

---

*) *James Marchant*, „The Censorship of Low Grade Literature and Jllustrations". „Papers", etc. P. p. 214—216.

читаетъ такія произведенія, потому что ея художественный вкусъ мало развитъ. Людей съ сколько-нибудь выработаннымъ вкусомъ тошнитъ отъ литературы, предназначенной, собственно говоря, для завсегдатаевъ лупанаріевъ и для душевно-больныхъ, страдающихъ извращенностью чувствъ. Грубые, бездарные рисунки покупаются только потому, что у большой публики не выработанъ артистическій вкусъ. И вотъ Джемсъ Мэрчантъ рекомендуетъ для борьбы съ грубой и безнравственной литературой не полицейскія преслѣдованія, какъ германскіе педагоги, а развитіе художественныхъ и литературныхъ вкусовъ публики. Въ XVII вѣкѣ англійская образованная публика зачитывалась романами: «Развратникъ», «Насильственный бракъ», «Монахиня» и другими невѣроятно скабрезными произведеніями Афры Бэнъ (Aphra Behn) или поэмами лорда Рочестра, которыхъ даже названія не могутъ быть приведены теперь. Бэнъ и Рочестръ находили десятки подражателей, потому что литература эта была въ большомъ спросѣ. Въ театрѣ давались произведенія Уичерли, Оутвэй, Ковентри и др., посвященныя той же темѣ. Но вотъ вкусы образованной части англійскаго общества развились, и скабрезная литература исчезла безъ слѣда (Тогда, кромѣ выше среднихъ классовъ и аристократіи, книгъ никто не покупалъ). Въ XVII и началѣ XVIII вѣка, подъ вліяніемъ испанскихъ «плутовскихъ» романовъ, появилась въ Англіи своя литература подобнаго рода. Сперва она была талантливая (въ этомъ родѣ писали и Дефо, и Фильдингъ); потомъ явились бездарные подражатели. «Воровская» литература исчезла безслѣдно, когда развились вкусы публики. Она воскресла снова въ XIX вѣкѣ и имѣетъ теперь Конана Дойля; почитатель этихъ произведеній—новый типъ. Онъ пріобщенъ къ грамотѣ еще очень недавно. Когда разовьются литературные вкусы и этого читателя, исчезнетъ изъ книжныхъ лавокъ *Шерлокъ Хольмсъ*. Для воспитанія художественнаго вкуса англійскихъ массъ очень много сдѣлала уже издательская фирма «Рафаэль Тукъ и К°». Она выпустила и выпускаетъ изящныя, художественно-выполненныя «открытки». Тутъ—великолѣпные снимки съ картинъ иностранныхъ и англійскихъ великихъ мастеровъ (гравюры и хромо-литографіи), виды мѣстъ, воспѣтыхъ англійскими поэтами и романистами, портреты знаменитыхъ общественныхъ дѣятелей и писателей и пр. Изящные рисунки, продающіеся по такой же цѣнѣ, какъ вульгарныя, аляповатыя и бездарныя порнографическія «открытки», вытѣсняютъ мало-по-малу послѣднія. Итакъ, воспитайте литературные и художественные вкусы публики, и она перестанетъ покупать бездарную, грубую порнографію. Послѣдняя тогда быстро исчезнетъ. Тутъ полиціи дѣлать нечего.

VII.

Для развитія здоровыхъ вкусовъ лучше всего—знакомство съ природой. На эту тему на конгрессѣ прочитанъ былъ цѣлый рядъ крайне интересныхъ докладовъ. «Всѣ дѣти проявляютъ интересъ къ животнымъ и растеніямъ,—говоритъ г-жа Wyss, стоящая во главѣ одного изъ лондонскихъ учительскихъ институтовъ (London Day Training College). Если педагогъ умѣетъ воспользоваться этой любовью, то онъ можетъ открыть передъ своими воспитанниками безконечное поле высокихъ эстетическихъ наслажденій. Знакомство съ природой развиваетъ въ насъ чувство альтруизма, такъ какъ мы видимъ себя частью великаго космоса, а не чѣмъ-то обособленнымъ и отдѣленнымъ. Природа, если мы умѣемъ ее читать, даетъ тѣ высокія эмоціи, которыя вѣрующіе люди получаютъ отъ молитвы. Наконецъ, біологическое приближеніе къ половымъ проблемамъ крайне полезно для моральной чистоты,—говоритъ докладчица.—Дѣти знакомятся съ этими проблемами, какъ съ чѣмъ то простымъ и естественнымъ и привыкаютъ смотрѣть на нихъ совершенно объективно. Съ дѣтьми можно говорить о размноженіи цвѣтовъ. Такимъ же образомъ можно говорить о размноженіи животныхъ. И при правильной постановкѣ преподаванія воображеніе молодого натуралиста не будетъ запачкано ничѣмъ грязнымъ. Такимъ образомъ,—доказываетъ г-жа Wyss,—изученіе космоса является наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для развитія этической и моральной природы ребенка, такъ какъ изученіе это не только развиваетъ способность къ точному мышленію, къ точному способу выраженія и говоритъ намъ объ альтруизмѣ,—но подготовляетъ также путь къ правильному поведенію тогда, когда жизнь предъявитъ впослѣдствіи болѣе серьезныя требованія *). О роли естественныхъ наукъ въ моральномъ воспитаніи прочиталъ также докладъ докторъ Жоржъ Бовизажъ изъ Ліона. Проподаваніе естественныхъ наукъ должно начинаться очень рано. Для первыхъ уроковъ книги совершенно ненужны. Маленькія дѣти могутъ накопить много фактовъ изъ естественной исторіи раньше, чѣмъ научатся читать. Учитель долженъ научить дѣтей, какъ *видѣть*, какъ *замѣчать* и какъ *наблюдать*. Дѣтей слѣдуетъ пріучить къ тому, какъ смотрѣть на явленія съ цѣлью найти отвѣтъ на вопросъ, роящійся въ головѣ. Это въ высшей степени важно. Мы можемъ видѣть безчисленное множество людей, не умѣющихъ *наблюдать*. Имъ гораздо легче создать фантастическую гипотезу, чѣмъ причинно связать нѣсколько явленій, случающихся повседневно. Дѣти должны кон-

*) *Miss C. Wyss*. The Contrbution of Nature-Study to Moral Education. „Papers“ p. p. 160—161.

статировать явленія, а затѣмъ пріучиться къ точному разсказу о немъ. Преподаватель направляетъ дѣтей, задавая имъ вопросы. Само собою разумѣется, что преподаватель долженъ не только *всесторонне* знать естественныя науки, но и быть проникнутъ вполнѣ философскими принципами метода наблюденія. Дальше дѣти должны пріучиться *анализировать* явленія. Чтобы руководить учениковъ, преподаватель долженъ имѣть большое знанія общихъ идей и ихъ іерархіи. Философски образованный преподаватель сумѣетъ рано познакомить дѣтей съ основными началами, съ общими идеями, заложенными въ фундаментъ всѣхъ точныхъ наукъ. Докладчикъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Естественныя науки, развивая наблюдательность, критическій умъ, любознательность и способность къ точному мышленію, должны составлять поэтому основу преподаванія. Преподаваніе ихъ слѣдуетъ начать очень рано, слѣдуя философски-научному методу. Только впослѣдствіи должно приступить къ анализу физіологическихъ функцій.

До сихъ поръ мы видѣли объектомъ воспитанія только морально здоровыхъ дѣтей. Посмотримъ теперь, какъ отнесся конгрессъ къ воспитанію морально *больныхъ* дѣтей, т. е. малолѣтнихъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ докладъ Чезаре Ломброзо *). Эксцентричный итальянскій ученый, исходя изъ положенія, что преступникъ представляетъ антропологически особый типъ, доказываетъ, что исправленіе его невозможно: «Учить преступника—значитъ совершенствовать его въ искусствѣ причиненія зла; это значитъ—давать ему новое оружіе противъ общества. Раньше всего поэтому слѣдуетъ упразднить при тюрьмахъ всѣ школы для взрослыхъ преступниковъ, такъ какъ онѣ создаютъ только рецидивистовъ». Для доказательства этого тезиса, Ломброзо ссылается на свою же собственную книгу «Преступный человѣкъ». Туринскій профессоръ пропускаетъ безъ вниманія всѣ тѣ возраженія, которыя ему дѣлались въ разное время, напр., слѣдующее. Изъ тюремъ выходятъ рецидивисты не потому, что существуетъ «преступный типъ» и не потому, что тюремныя школы даютъ новое оружіе ему, а потому, что современная пенитеціарная система убиваетъ въ заключенномъ всякую инициативу и волю. Къ тому же, при современномъ строѣ, безработному, вообще, очень трудно найти занятія, а въ особенности это трудно человѣку, вышедшему изъ тюрьмы послѣ многолѣтняго заключенія. Возвратимся, однако, къ докладу Ломбразо. По мнѣнію туринскаго профессора слѣдуетъ заботиться не о томъ, чтобы обучать преступниковъ, а о томъ, чтобы дать образованіе возможно большему числу честныхъ людей. «Слѣдуетъ укрѣплять тѣло пріятными занятіями на открытомъ воздухѣ. Такимъ образомъ мы предупредимъ гораздо лучше

*) Prof. *Cesare Lombroso,* „Traitement Moral du jeune Criminel", „Papers", p. p. 216—222.

чѣмъ уроками морали, лѣнь и раннюю половую зрѣлость... Если въ начальной школѣ будетъ найдено дитя, проявляющее характерныя черты прирожденнаго преступника, то его слѣдуетъ раньше всего отдѣлить отъ другихъ и примѣнить къ нему спеціальный методъ воспитанія, цѣлью котораго является развитіе задерживающихъ центровъ. Послѣдніе всегда слабы у прирожденныхъ преступниковъ. Необходимо укротить и, такъ сказать, канализировать дурныя наклонности, открывая имъ полезный выходъ. Въ то же время необходимо препятствовать прирожденному преступнику совершенствоваться въ его опасномъ искусствѣ». Прирожденныхъ преступниковъ въ особенности слѣдуетъ бояться теперь. «Въ настоящее время,—говоритъ Ломброзо,—политическія условія даютъ легкую возможность прирожденнымъ преступникамъ, получившимъ образованіе, достигнуть власти. Италія и Франція были бы гораздо болѣе счастливы; десятки тысячъ людей не погибли бы, останься такіе прирожденные преступники, какъ Наполеонъ, Буланже или Криспи неграмотными». Можно сказать только, что «прирожденные преступники», добившіеся власти, охотнѣе всего готовы воспользоваться теоріей Ломброзо, чтобы устранить отъ школы совершенно нормальныхъ людей. Вѣдь о томъ, кто такой мальчикъ, ищущій образованія: «прирожденный ли преступникъ» или нѣтъ,—рѣшили бы именно «прирожденные преступники» въ казенныхъ вицъ-мундирахъ или продажныя твари, вдохновленныя «прирожденными преступниками».

Чтобы школа была полезна,—продолжаетъ Ламброзо,—необходимо измѣнить базисъ нашего воспитанія. Путемъ проповѣдуемаго въ школахъ культа прекраснаго и силы мы насаждаемъ въ воспитанникахъ лѣнь, непослушаніе и уваженіе къ насилію. Основой школьнаго воспитанія должно быть, по преимуществу, развитіе характера. Школа должна укрѣпить характеръ, если онъ не рѣшителенъ, создать его, если онъ еще не существуетъ, и направить его на должный путь, если онъ уклонился. Всѣ эти замѣчанія въ особенности относятся къ исправительнымъ домамъ, куда, по мнѣнію Ломброзо, слѣдуетъ направлять всѣхъ дѣтей съ преступными наклонностями. Туринскій профессоръ совѣтуетъ завѣдующимъ этими домами избѣгать суровыхъ наказаній, которыя только ожесточаютъ характеръ малолѣтнихъ прирожденныхъ преступниковъ, и безъ того склонныхъ къ жестокости. Отборъ дѣтей въ школахъ долженъ быть сдѣланъ очень тщательно. Изысканія, сдѣланныя недавно въ Италіи (Studi antropologici in servizio alla pedagogia), показали, какъ великъ процентъ ненормальныхъ дѣтей въ школахъ. Изъ 333 изслѣдованныхъ школьниковъ у 13% оказались важныя ненормальности черепа. Изъ дѣтей съ такими ненормальными черепами 44% не поддавались дисциплинѣ, тогда какъ изъ дѣтей съ нормальными черепами недисциплинированныхъ было 24%. Среди ненормальныхъ дѣтей было 23% тупицъ и 27% съ очень плохими способ-

ностями. Изъ 43 «ненормальныхъ» дѣтей, изслѣдованныхъ въ другомъ мѣстѣ, 8 жаловались на безпрерывныя головныя боли и были неспособны къ усидчивой работѣ. Двѣнадцать дѣтей обнаруживали крайнюю импульсивность, раздражительность и полное отсутствіе самообладанія. Шесть дѣтей были типичные прирожденные преступники, совершенно лишенные нравственнаго чувства.

По мнѣнію Ломброзо, почти идеальными исправительными домами для маленькихъ преступниковъ являются Учрежденія Барнардо въ Англіи. Къ слову сказать, тутъ какое то недоразумѣніе. «Barnardo Institutions», основанныя недавно скончавшимися филантропомъ и педагогомъ, отнюдь не *исправительныя* дома. Это — открытые пріюты для бездомныхъ уличныхъ дѣтей, не имѣющихъ родителей. Эти дѣти могутъ во всякое время зайти туда и *уйти*, если захотятъ. Маленькихъ скитальцевъ (waifs, по англійской терминологіи) воспитываютъ въ учрежденіяхъ Барнардо, посылаютъ юнгами на корабли или отправляютъ въ Канаду и другія колоніи. Барнардовскія учрежденія, несомнѣнно, приносятъ громадную пользу. Года четыре тому назадъ покойный Барнардо праздновалъ свой юбилей. Къ этому времени въ Лондонъ съѣхались изъ Америки, Южной Африки и Австраліи тысячи зажиточныхъ фермеровъ, потомъ матросы, шкиперы купеческихъ кораблей, машинисты, учителя, клэрки и пр. Всѣ они были когда-то уличными «waifs», которыхъ пріютили Барнардовскія учрежденія и «вывели въ люди». Все это такъ, но при чемъ тутъ теорія о прирожденныхъ преступникахъ?

Діонео.

Революція ближняго Востока.

I.

Такъ внезапно вспыхнувшая турецкая революція лишній разъ подтверждаетъ мысль о неизбѣжности общаго политическаго процесса, который увлекаетъ всѣ страны въ одномъ направленіи, а именно ко все большей и большей демократизаціи учрежденій. Давно-ли, напр., русскіе реакціонеры съ важностью разсуждали о томъ, что понятіе объ общемъ политическомъ прогрессѣ есть измышленіе зловредныхъ умовъ, и что наши отечественныя формы власти представляютъ собой особый высшій типъ государственнаго организма, который безъ всякаго измѣненія можетъ существовать и процвѣтать въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, даже тысячелѣтій, въ

поученіе рядомъ съ нимъ живущимъ, но совершенно чуждымъ ему низшимъ по типу политическимъ тѣламъ, зараженнымъ гангреною свободы личности, народной власти и т. п. Событія послѣднихъ лѣтъ показали, что и для нашей эволюціи нѣтъ особаго пути. И нашъ государственный строй низошелъ со степени неподвижныхъ, вѣчныхъ божественныхъ учрежденій на степень земныхъ, подлежащихъ, какъ все въ этомъ мірѣ, законамъ развитія. И какъ бы ни упирались наши носители «отечественныхъ завѣтовъ», имъ придется продѣлать тотъ самый неизбѣжный путь демократизаціи власти, который болѣе культурныя страны продѣлали раньше.

Въ Турціи были политическіе философы, точь въ точь такогоже рода, какъ и наши, взиравшіе на всю Европу съ высоты особаго истинно-турецкаго міровоззрѣнія, согласно которому для Имперіи Правовѣрныхъ никакіе законы развитія не писаны: пусть, молъ, мятутся бѣдные гяуры въ поискахъ лучшей конституціи, а у насъ нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ пророкъ его, а султанъ— наслѣдникъ его калифской власти, султанъ—не только политическій, но и духовный вождь всѣхъ оттомановъ, которые должны безпрекословно подчиняться его священнымъ капризамъ. Недавняя революція показала, что общему закону политическаго развитія Илдизъ-Кіоскъ подлежитъ не менѣе, чѣмъ всѣ бывшія до него и еще существующія, но все въ уменьшающемся числѣ, абсолютныя правительства. Утонченно-жестокая историческая Немезида не только выбила власть изъ рукъ ужасающаго деспотизма. Она вынудила его сказать громогласно, сказать на весь цивилизованный міръ, что, въ сущности, онъ уже давно подумывалъ о томъ, какъ бы обуздать себя, да вотъ все разныя обстоятельства мѣшали, особенно неразвитость народа, а теперь, когда молодая Турція показала свою политическую зрѣлость, онъ съ радостью, молъ, мѣняетъ свою неограниченность на конституціонное служеніе націи.

Очень любопытно въ турецкой революціи одно обстоятельство, съ которымъ, мы, впрочемъ, неизмѣнно встрѣчаемся въ исторіи послѣднихъ революцій: русской и персидской. Я разумѣю внезапность революціоннаго взрыва для людей, которые, казалось бы, должны были хорошо знать условія страны и предвидѣть хоть бы до извѣстной степени близость и напряженность назрѣвавшаго переворота. Въ данный моментъ предо мной лежитъ не мало иностранныхъ журналовъ. И чрезъ всѣ статьи, посвященныя европейскими «спеціалистами» турецкой революціи, проходитъ одинъ лейтмотивъ: удивленіе передъ неожиданностью ея, передъ ловкостью лицъ, игравшихъ инціативную роль на переворотѣ, и—передъ собственнымъ невѣжествомъ. Особенно ярко это настроеніе проглядываетъ въ англійскихъ органахъ, такъ какъ, по самому характеру своей международной дѣятельности, Великобританія обыкновенно располагаетъ въ каждый данный моментъ достаточно большимъ контин-

ґентомъ лицъ, хорошо знающихъ иностранныя дѣла и умѣло освѣдомляющихъ о нихъ своихъ соотечественниковъ.

Беру хотя бы сентябрьскій номеръ «The Fortnightly Review». Здѣсь посвящены непосредственно перевороту двѣ рядомъ стоящія и носящія одно общее заглавіе «Проблемъ ближняго востока» статьи, изъ которыхъ одна принадлежитъ перу нѣкоего Viator'а и касается собственно «Турецкой революціи», а другая, написанная Энгесомъ Гамильтономъ,—тѣмъ самымъ «компетентнымъ» Гамильтономъ, что въ августовскомъ номерѣ журнала прославлялъ энергію Шаха въ борьбѣ съ «недозрѣвшей» до свободы націей,—трактуетъ о «старомъ и новомъ режимѣ», главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія англійскаго буржуазнаго хищничества. Кромѣ того, нѣкій капитанъ фонъ Гербертъ печатаетъ написанную имъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ статью о теперешнемъ визирѣ подъ названіемъ «Камилъ Паша и престолонаслѣдіе въ Турціи». Наконецъ, четвертый авторъ, Брэльсфордъ, работаетъ надъ сопредѣльной темой «Модернизма въ исламѣ». Какъ видите, турецкая революція затронула за живое общественное мнѣніе Англіи, и каждый, у кого есть что-либо сказать, спѣшитъ подѣлиться впечатлѣніями съ читателями. И что же? Повсюду, со страницъ журнала глядитъ на васъ, выражаясь фигурально, изумленное око человѣка, который смотрѣлъ и не видѣлъ и соображаетъ теперь заднимъ числомъ, какъ же, наконецъ, могло вырасти такое сильное и побѣдоносное движеніе, не остановивъ на себѣ вниманія, мало того, пройдя на всѣхъ предшествующихъ стадіяхъ своего развитія совершенно незамѣченнымъ мимо взоровъ людей всевозможныхъ національностей и профессій. Особенно добросовѣстно это настроеніе выражается въ статьѣ Viator'а, изъ которой я приведу читателямъ наиболѣе типичныя въ этомъ отношеніи мѣста:

«Уже цѣлые годы, - говоритъ простосердечный авторъ,—скоплялась о Турціи на всевозможныхъ языкахъ цѣлая масса литературы, и оффиціальной, и прочей. Тутъ были и Голубыя, и Желтыя, и Зеленыя и всякія иныя книги,—безконечный рядъ томовъ, отливающихъ всѣми цвѣтами спектра. И во всѣхъ этихъ изданіяхъ нельзя найти, повидимому, ни одного словечка, которое можно было бы истолковать за предвидѣніе возможности того, что случилось. Ни одинъ посланникъ не предупредилъ о томъ своего правительства. Баронъ Маршаллъ, въ Константинополѣ, представляетъ собою одно изъ способнѣйшихъ и опытнѣйшихъ лицъ въ дипломатическомъ персоналѣ какой бы то ни было націи, но Вильгельмштрассе было, очевидно, столь же поражено, какъ и министерство иностранныхъ дѣлъ любого другого государства. Повсюду были консулы, но они не сдѣлали ни малѣйшаго намека. Всѣ главнѣйшія газеты въ Европѣ имѣютъ своихъ корреспондентовъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова. И многіе изъ нихъ—люди, обладающіе большимъ практическимъ знаніемъ страны (in-

timate experience) и тонкою наблюдательностью. Но даже и они не предвидѣли того, что должно было случиться, хотя слѣдить за политическими событіями и тенденціями составляетъ ихъ главное профессіональное занятіе» *).

Не болѣе пониманія надвигавшихся событій обнаружили ученые изслѣдователи въ родѣ сэра Чарльза Эліота, книгу котораго о «Турціи въ Европѣ» авторъ статьи называетъ «блестящимъ и великолѣпнымъ трудомъ», а самого сочинителя ея—«наблюдателемъ, мыслителемъ и писателемъ, съ которымъ должно считаться». Но вотъ что, напр., говоритъ этотъ выдающійся знатокъ страны и жителей о младотуркахъ, игравшихъ такую исключительно важную роль въ революціи: «Изъ всѣхъ этихъ либеральныхъ младотурокъ не найдется ни одного, который бы, когда наступитъ пора дѣйствовать, не подчинился волѣ султана... Хотя и много говорится и пишется о революціи, которую будто бы совершитъ такъ называемая либеральная партія, но до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлано». И далѣе: «Многіе, въ особенности молодые люди, высказываютъ заботу о «реформахъ» и извѣстны подъ распространеннымъ названіемъ «младотурокъ» или *la jeune Turquie*. Ихъ идеаломъ является нѣчто въ родѣ конституціоннаго правительства, на манеръ парламента 1877 г.; но, насколько я знаю, между ними нѣтъ ни одной группы, которая обладала бы достаточно опредѣленной и практической организаціей съ мало-мальски подробной программой. Между тѣмъ, они и ихъ литература служатъ предметомъ особаго подозрѣнія и строгости оттоманскаго правительства, и какое-нибудь возстаніе среди христіанъ причиняетъ ему менѣе безпокойства, чѣмъ конспирація между турецкими школьниками».

Приведя это, дѣйствительно, интересное въ смыслѣ отсутствія политическаго чутья мѣсто изъ Эліота, журнальный публицистъ дѣлаетъ слегка ироническое замѣчаніе, что «такимъ образомъ Илдизъ оказался гораздо болѣе основательнымъ въ своихъ страхахъ, чѣмъ самый блестящій изъ его критиковъ», хотя вслѣдъ за этимъ сейчасъ же прибавляетъ, что онъ говоритъ такъ отнюдь не изъ желанія поколебать авторитетъ компетентнаго писателя, но потому, что «и никакой другой комментаторъ турецкихъ событій не успѣлъ лучше проникнутъ въ будущее. Подумайте только о многоязычной библіографіи македонскаго вопроса. Болгары, греки, сербы, румыны, всѣ они работали съ своей точки зрѣнія надъ изученіемъ балканскихъ условій и при этомъ опирались на полное знаніе мѣстныхъ обстоятельствъ. Но и они оказались столь же далеки, какъ и иностранные послы на берегахъ Босфора или консулы и дипломатическіе агенты въ Салоникахъ, отъ малѣйшаго

*) *The Turkish Revolution*; «The Fortnightly Review», сентябрь, 1908, стр. 358.

предчувствія возможности движенія, которое обнаружило, однако, силу, превосходящую всѣ другіе факторы, взятые вмѣстѣ» (стр. 359).

Замѣтимъ по этому поводу, что, помимо общей трудности предсказывать событія, корень которыхъ лежитъ во внутренней работѣ народнаго сознанія,—развѣ наканунѣ Великой французской революціи австрійскій посланникъ не извѣщалъ свой дворъ, что никогда еще Людовикъ XVI и Марія Антуанетта не пользовалась такой любовью среди націи?—не говоря уже объ этой всегдашней трудности политическихъ пророчествъ, они становятся особенно трудными въ наше время, когда хищническіе интересы международной буржуазіи достигли наибольшей напряженности. Нынѣ посланники, консулы, дипломатическіе агенты, корреспонденты типичныхъ вліятельныхъ органовъ, политики всѣхъ родовъ и оттѣнковъ, представляющіе такъ называемыя культурныя страны in partibus infidelium, среди болѣе отсталыхъ народовъ, глухи и слѣпы на все то, что не касается прямо «первоначальнаго накопленія», т. е. наилучшихъ способовъ, какъ угнетать, грабить, эксплуатировать туземное населеніе при помощи банка, биржи, займовъ, концессій, подкупа мѣстныхъ властей, наконецъ, прямого мошенничества. Какъ же вы хотите, чтобы, всецѣло поглощенные подготовленіемъ и реализаціей плановъ интернаціональнаго пиратства, эти «спеціалисты» и эти «компетентныя» лица могли обращать вниманіе на то, что происходитъ въ глубинахъ національной жизни или въ психологіи наиболѣе сознательныхъ общественныхъ элементовъ, которые выдвигаются въ данный моментъ исторіей для разрѣшенія великихъ національныхъ задачъ? Пишущій эти строки прекрасно, напр., помнитъ, что то время, какъ намъ, русскимъ «съ того берега», жившимъ въ Парижѣ, но сохранившимъ тѣсныя идейныя связи съ родиной, былъ какъ нельзя болѣе ясенъ процессъ нароставшей у насъ революціи, французское министерство иностранныхъ дѣлъ во главѣ съ самоувѣреннымъ ничтожествомъ, носившимъ фамилію Делькассэ, было убѣждено на основаніи докладовъ и свѣдѣній своихъ дипломатическихъ и торговыхъ агентовъ, что въ Россіи старый строй стоитъ прочнѣе, чѣмъ когда-либо, и его же царствію не будетъ конца.

Вотъ почему меня нисколько не удивляетъ, если вся эта армія рыцарей индустріи, паладиновъ желтаго, червонно-золотого интернаціонала, которая избрала ареною своихъ грандіозныхъ стяжательныхъ подвиговъ территорію Оттоманской имперіи, ничего не видѣла и не слышала въ странѣ, кромѣ того, что имѣло болѣе или менѣе непосредственное отношеніе къ процессу обездоливанія «варваровъ». Набросаемъ же въ общихъ чертахъ картину столь поразившаго всѣхъ неожиданностью переворота.

II.

Въ первыхъ числахъ іюля н. с., въ то время, какъ европейскія державы въ лицѣ Англіи и Россіи въ сотый разъ адресовали султану ноту съ предложеніемъ приступить къ реформамъ въ Македоніи, камарилья Илдизъ-Кіоска получила отъ своихъ шпіоновъ тревожныя извѣстія объ усиленіи младотурецкой агитаціи въ тѣхъ именно частяхъ войскъ, которыя занимали раздираемую междуусобіями болгаръ, сербовъ и грековъ область. Правительство прибѣгло къ обычному въ такихъ случаяхъ пріему: Энверъ-Бей, въ которомъ власти, и не безъ основанія, видѣли главнаго вожака младотурокъ въ Салоникахъ, получилъ отъ султана чрезвычайно любезное приглашеніе пожаловать на чашку кофе въ собственный Его Величества дворецъ. Такъ какъ приглашенный, въ качествѣ лица близко знакомаго съ пріемами управленія въ Турціи, отлично зналъ, что султанскій душистый напитокъ неизмѣнно отправляетъ гостя на тотъ свѣтъ, а въ случаѣ сопротивленія паціента съ удобствомъ замѣняется шелковымъ снуркомъ или холщовымъ мѣшкомъ, который бросается съ человѣческой ношей въ волны Босфора, то вмѣсто Константинополя онъ предпочелъ отправиться къ своему близкому другу албанскаго происхожденія, майору Ніази-Бею, командовавшему войсками въ городѣ Реснѣ. Ніази-Бей, не дожидаясь общаго возстанія, которое, какъ оказалось послѣ, младотурки организовали къ осени, немедленно же бросается съ преданными ему солдатами въ ближайшія горы и, поднимая знамя инсуррекціи, обращается оттуда съ воззваніемъ къ населенію Охридскаго округа, безъ различія національности и религіи, подняться на защиту общей турецкой родины, съ тѣмъ, чтобы «создать новый политическій строй, который обезпечитъ свободу всякой народности и всякой вѣрѣ». Этотъ либеральный «манифестъ» находитъ горячее сочувствіе среди албанцевъ, болгаръ, грековъ и сербовъ. И опираясь на симпатіи населенія, военная инсуррекція широко разливается среди всего третьяго корпуса арміи, а затѣмъ быстро перебрасывается и на второй, такъ что часть Албаніи, вся Македонія и провинціи по обѣимъ берегамъ Босфора становятся на сторону мятежниковъ.

Происходитъ нѣчто похожее на быструю смѣну декорацій въ балетѣ. Побѣда за движеніемъ остается почти безъ всякаго сопротивленія стараго режима. Генералъ Шемси-Паша, которому въ самомъ началѣ инсуррекціи было поручено подавить ее силою, убивается въ Монастырѣ (Битолѣ), и его убійца ускользаетъ отъ преслѣдованій. Хидайетъ-Паша, командовавшій войсками этого главнаго города вилайета (провинціи) того же имени, падаетъ подъ пулями солдатъ въ самой казармѣ, куда онъ явился для увѣщева-

нія войскъ остаться вѣрными падишаху. Маршалъ Османъ-Паша оказывается фактическимъ плѣнникомъ Ніази-Бея. Въ Салоникѣ, Сересѣ, Дибрѣ происходитъ нѣсколько покушеній на военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, держащихъ сторону реакціи. Застрѣленъ полковой (мусульманскій) священникъ. Преданъ смерти кой-кто изъ самыхъ ненавистныхъ шпіоновъ.

Правительство арестовало было и привезло въ Константинополь для жестокой расправы 38 либеральныхъ офицеровъ. Но изъ всѣхъ уголковъ Европейской Турціи въ Илдизъ приходятъ вѣсти о побѣдоносномъ ходѣ военнаго возстанія. И когда наскоро вытребованные изъ Анатоліи батальоны отказываются идти на своихъ братьевъ по оружію въ Македоніи, султанъ и камарилья почувствовали, что дни, мало того—часы стараго порядка сочтены. Привезенные для суда офицеры «прощаются», а тѣмъ временемъ происходятъ засѣданія за засѣданіемъ турецкаго кабинета министровъ, вмѣстѣ съ которыми «кровавый султанъ», какъ его заклеймилъ еще Гладстонъ, тщетно старается найти выходъ изъ становящагося все болѣе и болѣе грознымъ положенія. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, молва драматизировала и изукрасила всевозможными легендами «историческое засѣданіе» 22 іюня, когда по злой ироніи судьбы, самъ престарѣлый Шейкъ-Абуль-Уда, арабскій астрологъ султана, принесенный въ совѣтъ на одрѣ смерти первымъ изъ приближенныхъ лицъ повелителя произнесъ то самое слово «конституція», какое столько лѣтъ никто не осмѣливался выговорить въ присутствіи Абдулъ-Гамида, торжественно заявивъ, что онъ прочелъ его—на звѣздахъ! Министры Саидъ, Тевфикъ, Мемдуръ поддержали астролога. Но султанъ еще судорожно цѣплялся за свою неограниченную власть и на зарѣ 22 числа, послѣ долгаго ночного засѣданія, распустилъ совѣтъ, не принявъ опредѣленнаго рѣшенія. Лишь ночное засѣданіе того же дня, когда отовсюду пришли самыя недвусмысленныя вѣсти о торжествѣ революціи, было «послѣднимъ совѣтомъ гамидіанской деспотіи», какъ назвалъ его одинъ иностранный корреспондентъ. Приходилось подчиниться побѣдоносному движенію. И 23 іюля н. с. было опубликовано султанское ираде, которымъ возвѣщалось собраніе палаты депутатовъ на основаніи «временно отложенной» конституціи 1876 г.

Мало того, поступая въ духѣ Маккіавелли, который, какъ извѣстно, совѣтовалъ государямъ «обладать умомъ, расположеннымъ поворачиваться въ разныя стороны сообразно съ тѣмъ, что предписываетъ ему измѣненіе вѣтровъ и судьбы... и умѣть ладить съ необходимымъ зломъ» *), султанъ храбро принялъ позу конститу-

---

*) «... Un animo disposto a volgersi secondo che i venti e le variazione della fortuna gli comandano; e... sapere entrare nel male necessitato». *Il Principe*, XVIII, въ „Opere de Niccolò Machiavelli scelte da Giuseppe Zirardini"; Парижъ, 1851, стр. 267.

ціоннаго монарха и особымъ рескриптомъ объяснилъ, что «прежняя конституція не могла быть примѣнена вслѣдствіе тогдашняго положенія вещей»; но «теперь, когда наступило время, онъ, султанъ, выражаетъ крайнее удовольствіе, что можетъ осуществить ее, и надежду, что народъ будетъ работать наравнѣ съ парламентомъ, поддерживая правительство и своего государя» *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, султанъ непринужденнымъ жестомъ бросалъ за бортъ выдающихся лицъ камарильи, при помощи которой онъ такъ долго угнеталъ страну, лишь бы самому выплыть на утломъ конституціонномъ челнокѣ среди волнъ національнаго движенія: клевреты, видите-ли, обманывали его правовѣрное величество, который былъ ни при чемъ въ ужасающей тираніи. И вотъ клика старыхъ министровъ изгоняется съ насиженныхъ годами мѣстъ. Иные заключены въ тюрьму и подверглись обвиненію въ лихоимствѣ и присвоеніи государственныхъ средствъ, что заставило наиболѣе скомпрометированныхъ чиновныхъ воровъ приняться за возвратъ государству награбленныхъ суммъ съ цѣлью избѣжать преслѣдованія. Народъ довольствовался, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ этой добровольной отдачей національнаго имущества, и лишь очень немногіе, особенно ненавистные представители рухнувшаго режима поплатились жизнію за годы кровавой тираніи.

Великій визирь, Фэридъ-Паша, только что получившій отъ германскаго императора орденъ Чернаго Орла, былъ смѣненъ «Кучукомъ» (маленькимъ) Саидомъ (который, въ свою очередь, какъ увидимъ ниже, уступилъ мѣсто теперешнему визирю, Кіамиль-Пашѣ). Министръ внутреннихъ дѣлъ, морской министръ, константинопольскій префектъ были арестованы и, подъ свистки и торжествующіе крики толпы, были отведены въ тюрьму при департаментѣ полиціи. Былъ арестованъ и убѣгавшій на англійскомъ пароходѣ Иззэтъ-Паша, который оффиціально исправлялъ должность второго секретаря султана и имѣлъ чинъ камергера, а въ дѣйствительности былъ главою реакціонной придворной партіи и вдохновителемъ самыхъ свирѣпыхъ мѣръ, принимавшихся противъ всего, въ чемъ власти чуяли ненавистный имъ либерализмъ. Въ Малой Азіи, по дорогѣ изъ Бруссы въ Эски-Шехръ былъ схваченъ во время бѣгства и убитъ толпой кровожадный ех-начальникъ тайной полиціи, Фэхимъ-Паша, который въ теченіе долгихъ лѣтъ выдавался злодѣйствомъ даже среди безсердечныхъ слугъ султанскаго самодержавія.

Рядомъ съ этимъ идетъ дѣятельная смѣна правящаго персонала, при чемъ выходящую изъ ряду вонъ роль играетъ младотурецкій комитетъ «Единеніе и Прогрессъ», остающійся за кулисами оффиціальнаго правительства въ качествѣ дѣйствительнаго правительства страны и распоряжающійся назначеніемъ министровъ и

**) См. „The Times Weekly Edition“, № отъ 31 іюля 1908 г., стр. 484.

важнѣйшихъ чиновниковъ. Самъ султанъ, склоняясь передъ мощью этой центральной революціонной организаціи, громогласно заявляетъ опять-таки въ въ духѣ совершеннѣйшаго послѣдователя Маккіавелли: «Вся нація принадлежитъ къ комитету «Единенія и Прогресса», и я — его президентъ. Будемъ же работать вмѣстѣ надъ возстановленіемъ величія отечества», присоединяя къ этому конституціонному profession de foi болѣе осязательный аргументъ въ видѣ пожертвованія изъ гражданскаго листа крупной суммы на постройку зданій парламента.

Саидъ-Паша, который оказывается не на высотѣ революціоннаго положенія, принужденъ выйти въ отставку подъ давленіемъ младотурецкаго комитета. Сторонники широкихъ реформъ упрекаютъ его въ томъ, что онъ недостаточно защищаетъ принципъ отвѣтственнаго министерства, такъ какъ, вопреки принципу парламентаризма, который даетъ великому визирю конституціонное право подбора членовъ однороднаго кабинета, султанъ желалъ оставить за собой назначеніе военнаго и морского министровъ и Шейха-Уль-Ислама, являющагося верховнымъ представителемъ духовной власти калифата. И на сторонѣ рѣшительныхъ конституалистовъ,—истинное знаменіе времени,—становится какъ разъ только что упомянутое высшее духовное лицо: подача Шейхъ-Уль-Исламомъ прошенія объ отставкѣ въ видѣ протеста противъ султанскихъ привилегій влечетъ за собою паденіе кратковременнаго министерства Саида, которое смѣняется уже чисто конституціоннымъ кабинетомъ Кіамиль-Паши (5 августа н. с.), куда входятъ министры, въ общемъ пользующіеся симпатіями и поддержкою младотурокъ, среди нихъ одинъ грекъ и одинъ армянинъ.

Между тѣмъ, какъ это происходитъ въ высшихъ сферахъ управленія, по всей странѣ идетъ организація торжествующихъ либеральныхъ элементовъ, и, несмотря на отдѣльныя реакціонныя вспышки, совершившаяся революція находитъ горячую поддержку населенія, забывшаго въ эти «дни свободы» и коллективнаго энтузіазма національныя и вѣроисповѣдныя распри. Мы уже видѣли, съ какимъ сочувствіемъ различныя народности, населяющія Македонію, отнеслись къ первымъ революціоннымъ шагамъ Энверъ-Бея и Ніази-Бея. Когда туда дошла вѣсть о побѣдѣ младотурокъ, то, словно по мановенію волшебнаго жезла, всѣ эти шайки болгаръ, сербовъ, грековъ, мусульманъ, превращавшія своей взаимной жесточайшей рѣзней благодатный по природѣ край въ сущій адъ, стали класть оружіе передъ турецкими властями. Въ то время, какъ, напр., крупные вожаки македонскихъ сербовъ, управлявшіе движеніемъ изъ Бѣлграда, отправлялись на турецкую территорію, въ Ускюбъ (Скопліе), чтобы торжественно провозгласить прекращеніе междуусобнаго кровопролитія передъ лицомъ представителей конституціонной Турціи, рядовые сербскіе инсургенты, обмѣниваясь рукопожатіями и братскими поцѣлуями съ недавними врагами, воз-

вращались на родину. И то же продѣлывали болгары, отливая въ Софію, греки, возвращаясь въ Аѳины, мусульмане, уходя въ родныя горы. Изъ Европы главы албанскихъ клановъ, изъ Азіи предводители курдскихъ племенъ спѣшили извѣстить новое правительство о желаніи положить конецъ насиліямъ и нападеніямъ на окружающихъ мирныхъ жителей.

Во всѣхъ городахъ и мало-мальски людныхъ мѣстечкахъ происходили импозантныя демонстраціи въ честь конституціи, и европейцы не могли надивиться такту и безукоризненному поведенію многотысячныхъ толпъ, которыя умѣли сочетать энтузіазмъ съ достоинствомъ. Лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, отвѣчая на вызовы — очень немногочисленныхъ—черносотенныхъ элементовъ, почувствовавшіе себя свободными граждане прибѣгали къ насилію, чтобы заставить враговъ новаго строя попрятаться по норамъ. Мы уже видѣли, какъ мало пролила крови побѣдоносная турецкая революція, которая въ этомъ отношеніи представляла собою буквально еще невиданное въ мірѣ зрѣлище. Корреспонденты иностранныхъ газетъ не могли, напр., безъ восхищенія описывать уличныя картины въ Константинополѣ, когда въ первые дни провозглашенія конституціи, освящающей свободу слова, печати, собраній и амнистирующей борцовъ за наконецъ-то добытый строй, разноплеменное населеніе то устремлялось на митинги, гдѣ звучала турецкая марсельеза, то устраивало восторженныя встрѣчи возвращавшимся политическимъ изгнанникамъ, то съ жадностью бросалось на свободныя въ первый разъ газеты,—редакторы которыхъ съ достоинствомъ отвергли притязанія цензоровъ кастрировать вольное человѣческое слово,—то, наконецъ, устраивало импровизированныя сцены братанья всѣхъ народностей, всѣхъ вѣръ и всѣхъ сословій общества. Старики и дѣти, взрослые мужчины и не покрытыя, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни чадрою женщины, военные и штатскіе, аристократія и плебсъ,—все смѣшивалось въ одномъ гражданскомъ восторгѣ *).

Еще любопытнѣе, еще многозначительнѣе были эти сцены коллективнаго энтузіазма въ азіатскихъ городахъ, гдѣ чисто-восточная обстановка и типы еле затронутыхъ цивилизаціей жителей такъ оригинально контрастировали со смысломъ политическихъ демонстрацій. Вотъ какъ одинъ корреспондентъ изображаетъ картину гражданскаго братанья въ Іерусалимѣ, въ томъ самомъ Іерусалимѣ, гдѣ до сихъ поръ возлѣ самаго гроба Христа, проповѣдывавшаго любовь между всѣми людьми, разыгрывались цѣлыми столѣтіями дикія сцены насилія между католиками, греками, армянами, коптами, маронитами: «Возстановленіе конституціоннаго режима

*) См. о любопытныхъ переливахъ настроенія константинопольцевъ небольшую статейку очевидца: Prof. D. S. Margoliouth, *Constantinople at the Declaration of the Constitution*; „The Fortnightly Review“, октябрь 1908 г., стр. 563—570.

было отпраздновано въ Іерусалимѣ въ воскресенье (9-го августа) съ крайнимъ энтузіазмомомъ. Улицы, зданія, экипажи были изукрашены зелеными вѣтвями, гирляндами и флагами, и ночью весь городъ былъ иллюминованъ. Вскорѣ послѣ полудня населеніе собралось на обширной площади, окруженной казармами, возлѣ Давидовой башни, и здѣсь губернаторъ Экремъ-Бей, сынъ покойнаго Кэмаль-Бея, знаменитаго литератора и крупнаго либеральнаго лидера, возвѣстилъ народу о дарованіи конституціи. Толпа привѣтствовала эту новость бурными криками радости, и музыканты заиграли національный гимнъ. Сцена была неописуема. Шейхи, священники, раввины, образуя любопытную смѣсь типовъ и костюмовъ, произносили рѣчи, клеймившія старый режимъ, и мусульмане, христіане, евреи, самаритяне, турки, армяне, образовали одну братскую процессію, передъ которой шли знамена съ эмблемами свободы, между тѣмъ какъ евреи несли свою Тору, покрытую золотыми тканями» *).

Чего не могла сдѣлать религія, которая насчитываетъ чуть не двѣ тысячи лѣтъ существованія, то сдѣлалъ одинъ великій порывъ гражданскаго энтузіазма! Но еще любопытнѣе описаніе аналогичнаго зрѣлища въ Бейрутѣ, древнемъ финикійскомъ портѣ, гдѣ находится столько различныхъ вѣроисповѣдныхъ школъ: «Всего какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ,—пишетъ очевидецъ,—Бейрутъ былъ ареною страшныхъ безпорядковъ, когда, спасаясь отъ взявшихъ надъ ними верхъ головорѣзовъ мусульманской общины, 30.000—40.000 христіанъ должны были укрыться отъ смерти въ сосѣднихъ мѣстахъ. Ничто, кромѣ своевременнаго прибытія трехъ американскихъ военныхъ кораблей, не могло тогда предупредить ужаснаго кровопролитія. Между тѣмъ, самою отличительною чертою настоящей демонстраціи было сильное и неоднократное выраженіе чувства братства между мусульманами и христіанами, которымъ приходится жить въ мирѣ при режимѣ новой эры. Никогда еще въ турецкой исторіи не слышали такихъ изъявленій. Если бы кто-нибудь, всего мѣсяцъ тому назадъ предсказалъ возможность этой перспективы, то его бы сочли за помѣшаннаго. Но вотъ передъ нами прошла сотня мусульманскихъ ораторовъ въ тюрбанахъ, которые произносили различныя варіаціи на эту тему до тѣхъ поръ, пока намъ не стало, наконецъ, казаться, что мы все это видимъ во снѣ. Какой то почтенный шейхъ, въ зеленомъ тюрбанѣ, въ развѣвающемся восточномъ одѣяніи, громовымъ голосомъ повѣствовалъ намъ, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ мусульманскія и христіанскія матери кормили другъ другу сыновей своей грудью, и молодые люди называли себя взаимно братьями. Затѣмъ наступила ужасающая горечь режима Абдулъ-Гамида, который породилъ фанатизмъ, ненависть и кровопролитіе. Но теперь этому наступилъ конецъ, и

*) „The Times“, № отъ 14-го августа 1908 г.

отнынѣ они будутъ снова жить, совершенно какъ братья. Снова и снова мусульманскіе ораторы обращались къ толпѣ съ привѣтомъ *эсъ-салаамъ-алейкумъ-я-ахви* (миръ съ вами, о братья!), съ которымъ уже столько лѣтъ никто не обращался къ христіанамъ, кромѣ самыхъ гуманныхъ и просвѣщенныхъ мусульманъ. Въ одномъ мѣстѣ, на улицѣ виднѣлась огромная надпись, которая выражала вѣяніе новаго духа стихомъ изъ Корана и начертаннымъ рядомъ съ нимъ стихомъ изъ Библіи: «Начало отъ Бога — побѣда близка»; «Страхъ Божій есть начало премудрости». Дальше красовалась сентенція, которая никогда еще раньше не выставлялась публично: «Да здравстуетъ мусульмано-христіанское братство», а подъ нею: «Да здравствуетъ свобода». Было почти нельзя вѣрить своимъ ушамъ и глазамъ. Во сколькихъ мѣстахъ и сколько разъ въ теченіе дня, когда народъ видѣлъ рядомъ христіанскаго священника и украшеннаго тюрбаномъ мусульманина, онъ толкалъ ихъ въ объятія другъ друга и заставлялъ цѣловаться!.. Въ воскресенье самая большая и замѣчательная демонстрація произошла въ армянской церкви между базарами. На ней присутствовали начальникъ войскъ и многіе изъ офицеровъ вмѣстѣ съ военными музыкантами. Епископъ, многіе христіанскіе священники и еще большее число мусульманъ произнесли проникнутыя братскими чувствами рѣчи, въ которыхъ всѣ они оплакивали страшныя событія, совершившіяся за это царствованіе въ Арменіи, и привѣтствовали новую эру, въ которой должны будутъ осуществиться братство, равенство, свобода, что положитъ навсегда конецъ такъ называемому армянскому вопросу» *).

III.

Но пора отъ этой идилліи первыхъ «дней свободы», которые въ Турціи прошли, дѣйствительно, среди такого почти безпримѣснаго энтузіазма и столь мало омрачались сатурналіями ушедшей въ норы реакціи, что могутъ по справедливости вызывать зависть въ другихъ якобы культурныхъ и христіанскихъ странахъ,— пора, говоримъ мы, отъ этихъ сценъ гражданскаго ликованія и общей радости перейти къ изображенію болѣе будничной повседневной жизни новаго строя съ его положительными результатами, его задачами и затрудненіями, наконецъ, съ тѣми вопросами, которые онъ невольно возбуждаетъ въ умѣ наблюдателя, желающаго уяснить себѣ причины, смыслъ и, даже если возможно, дальнѣйшую судьбу турецкой революціи.

Ранѣе было сказано, что побѣдоносная инсуррекція имѣла прежде всего своимъ результатомъ возстановленіе конституціи

---

*) „The Times“ отъ 21-го августа 1908 г.

1876 г. Эта конституція была даже не просто возстановлена, но султану пришлось однимъ изъ своихъ, если можно такъ выразиться, покаянныхъ рескриптовъ подчеркнуть нѣкоторыя статьи прежняго основного закона и при томъ обѣщать, что на будущее время никакихъ coups d'Etat не будетъ. Мы приведемъ въ сокращеніи главнѣйшіе пункты возобновленной конституціи, заключая въ скобки развитіе того или иного параграфа по новой формулѣ.

Итакъ: Оттоманская имперія есть государство, представляющее нераздѣльное цѣлое. Султанъ, верховный калифъ мусульманъ и государь всѣхъ своихъ подданныхъ, безразлично называющихся оттоманами, несмотря на разницу религій, національности и т. п., есть конституціонный монархъ, неотвѣтственный и неприкосновенный.

Исламъ — государственная религія, но всѣ другія вѣроисповѣданія пользуются полной свободой, и прежнія религіозныя привилегіи различныхъ общинъ остаются въ силѣ.

Всѣ граждане, независимо отъ вѣроисповѣданія, имѣютъ доступъ къ общественнымъ и государственнымъ должностямъ. Они всѣ равны передъ закономъ, обладаютъ одинаковыми правами и несутъ одинаковыя обязанности, платятъ одинаковые налоги. Неприкосновенность ихъ личности, жилища и собственности гарантируется законами (§ 1: «Всѣ оттоманскіе подданные, безъ различія расы и происхожденія, должны пользоваться свободой личности и равенствомъ правъ и обязанностей». § 2: «Никто не долженъ быть допрашиваемъ, арестуемъ, посаженъ въ тюрьму и наказанъ какимъ бы то ни было образомъ безъ законнаго основанія». § 3: «Всякіе чрезвычайные суды должны быть уничтожены, и воспрещается звать кого бы то ни было на судъ внѣ компетентнаго трибунала». § 4: «Жилище всякаго гражданина неприкосновенно; воспрещается входить въ чей бы то ни было домъ и надзирать за какой бы то ни было частью его иначе, какъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ установленными законами». § 5: «Чиновники, будутъ ли они благороднаго или простого происхожденія, не имѣютъ права никого подвергать преслѣдованію иначе, какъ по закону»).

Свобода печати (§ 7: «Цензура должна быть уничтожена, письма и газеты не могутъ перехватываться на почтѣ, и проступки по дѣламъ печати должны вѣдаться обыкновенными судами»). Свобода союзовъ (§ 6: «Всѣ подданные султана имѣютъ право жить, гдѣ хотятъ, и вступать въ союзъ съ кѣмъ пожелаютъ»). Право посылать петиціи въ обѣ палаты. Свобода преподаванія.

Совѣтъ министровъ обсуждаетъ дѣла подъ предсѣдательствомъ великаго визиря. Каждый министръ отвѣтственъ въ предѣлахъ своего вѣдомства. Палата депутатовъ имѣетъ право требовать преданія министровъ суду, для чего назначается особый высшій трибуналъ. Вотъ недовѣрія министерству палатой депутатовъ по важному вопросу влечетъ за собою или выходъ кабинета въ отставку,

или распущеніе палаты. Министры имѣютъ право присутствовать на засѣданіяхъ обѣихъ палатъ: они могутъ тамъ говорить, и имъ можно дѣлать запросы. Чиновники назначаются согласно условіямъ, которыя строго опредѣлены закономъ, и не могутъ быть смѣщены безъ основательныхъ и вполнѣ законныхъ причинъ. Ихъ отвѣтственность не покрывается ссылкою на противозаконныя приказанія, которыя они могли получить отъ начальства (§ 9: «Чиновники отвѣтственны передъ закономъ; они не могутъ быть принуждены повиноваться приказаніямъ, противнымъ закону. Никто не можетъ быть назначенъ на должность противъ своей воли». § 10: «Великій визирь выбираетъ министровъ и представляетъ ихъ назначеніе на утвержденіе султана. Онъ выбираетъ также дипломатическихъ агентовъ, *вáли* (губернаторовъ) и членовъ государственнаго совѣта, съ согласія министровъ иностранныхъ дѣлъ и внутреннихъ дѣлъ и президента упомянутаго совѣта, поскольку это касается того или другого изъ нихъ»).

«Общее Оттоманское Собраніе» (названіе турецкаго парламента) состоитъ изъ двухъ палатъ: сената и палаты депутатовъ. Онѣ собираются ежегодно 1-го ноября, и ихъ сессіи длятся четыре мѣсяца. Члены обѣихъ палатъ пользуются полною свободою мнѣній и вотовъ. Законодательная инціатива принадлежитъ, прежде всего, министерству и затѣмъ обѣимъ палатамъ, проявляющимъ ее въ формѣ предложеній. Законопроекты обсуждаются сначала палатой депутатовъ, потомъ сенатомъ и, наконецъ, подлежатъ санкціи султана.

Сенатъ состоитъ изъ членовъ, назначаемыхъ султаномъ, который выбираетъ ихъ изъ «знаменитостей страны» (отголосокъ старой французской системы «capacités du pays»). Сенатъ обсуждаетъ законы, пересылаемые ему уже вотировавшей ихъ палатой депутатовъ и возвращаетъ ей или отбрасываетъ такіе, которые противорѣчатъ конституціи и представляютъ опасность для цѣлости государства.

Что касается до палаты депутатовъ, то члены ея избираются, въ пропорціи одного депутата съ каждыхъ 100000 жителей, тайнымъ голосованіемъ на четыре года, по истеченіи которыхъ они снова могутъ переизбираться. Они не имѣютъ права состоять на государственной службѣ, которая считается несовмѣстимой съ депутатскимъ званіемъ. Во время сессій они не могутъ быть ни арестованы, ни преслѣдуемы по суду безъ разрѣшенія палаты. Въ случаѣ роспуска палаты, должны быть назначены новые выборы, и новая палата должна собраться не позже шести мѣсяцевъ послѣ дня распущенія. Засѣданія палаты публичны. Она вотируетъ законы параграфъ за параграфомъ и бюджетъ статья за статьей.

Правосудіе отправляется путемъ обыкновенныхъ, строго опредѣленныхъ въ своей компетенціи и независящихъ отъ администраціи судебныхъ учрежденій. Пренія въ нихъ публичны, защита со-

вершенно свободна, приговоры могутъ быть печатаемы. Судьи несмѣняемы. Спеціальные трибуналы и всякія судебныя комиссіи отмѣняются.

Никакой налогъ не можетъ быть установленъ и взимаемъ помимо утвержденнаго закономъ, при чемъ бюджетъ долженъ вотироваться въ началѣ каждой сессіи и не дольше, какъ на одинъ годъ (§ 13: «Бюджетъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ государства, равно какъ смѣты каждаго министерства и каждаго вилайета, должны быть отпечатаны въ началѣ оффиціальнаго года»). Особенное контрольное учрежденіе, соотвѣтствующее французской счетной палатѣ (Cour des comptes), представляетъ палатѣ депутатовъ ежегодно докладъ о финансахъ. Члены контроля несмѣняемы, кромѣ какъ по спеціальному рѣшенію палаты депутатовъ.

Мѣстная администрація покоится на принципѣ самой широкой децентрализаціи. Провинціальные, кантональные и общинные совѣты состоятъ изъ выборныхъ членовъ и обсуждаютъ касающіеся мѣстныхъ дѣлъ вопросы.

Конституція можетъ быть измѣнена лишь по иниціативѣ министерства, сената или палаты депутатовъ, и при непремѣнномъ условіи вотированія предложенныхъ измѣненій большинствомъ не менѣе двухъ третей голосовъ двухъ палатъ и санкціонированія ихъ султаномъ *).

Теперь младотурки, представляющіе наиболѣе организованную и пока, можно сказать, единственную серьезную партію Турціи, направляютъ свои усилія на то, чтобы подвергнуть эту конституцію дальнѣйшей переработкѣ въ демократическомъ духѣ. Не довольствуясь вліяніемъ на настоящій кабинетъ, они, какъ только были возвѣщены выборы въ воскресающій парламентъ, который долженъ собраться въ ноябрѣ, уже открыли избирательную кампанію на почвѣ партійной платформы, намѣчающей, между прочимъ, пункты измѣненія въ существующей конституціи. Въ концѣ сентября н. с. (въ половинѣ нашего сентября) комитетъ лиги «Единенія и Прогресса» является передъ избирателями съ довольно подробной программой, касающейся главнѣйшихъ вопросовъ преобразованія. Предоставляя парламенту сдѣлать измѣненія въ «конституціи 1293 (1876) года и подтверждающихъ ее статьяхъ гаттигумаюна (рескрипта) отъ 4-го реджеба 1326 (1-го августа 1908 года)», младотурки, съ своей стороны, выставляютъ слѣдующія требованія, которыя мы приведемъ здѣсь въ сокращенномъ и систематизированномъ видѣ.

Развитіе конституціи на «основахъ, гарантирующихъ первен-

---

*) См. въ томъ же сентябрьскомъ номерѣ „The Fortnightly Review“ статью: Angus Hamilton, *Turkey: the old Regime and the new*, стр. 369—371 и стр. 380.

ствующее значеніе народнаго голосованія»: абсолютная отвѣтственность министерства предъ парламентомъ; выходъ въ отставку министровъ, получившихъ вотъ недовѣрія отъ палаты; право депутатовъ вносить законопроекты, подписанные десятью членами палаты. Лишь треть сенаторовъ назначается султаномъ, остальные избираются народомъ, при чемъ долженъ быть опредѣленъ срокъ сенаторскихъ полномочій. Выборы двухстепенные. Въ выборахъ первой степени имѣютъ право участвовать всѣ подданные Оттоманской имперіи мужского пола, достигшіе 20-лѣтняго возраста, независимо отъ какого бы то ни было ценза.

Свобода политическихъ союзовъ гарантируется конституціей, въ которую вносятся общія нормы ихъ образованія. Свобода вѣроисповѣданій и церковныя привилегіи разныхъ религіозныхъ общинъ остаются въ полной силѣ. Всѣ граждане, независимо отъ племени и религіи, равны передъ закономъ и пользуются одинаковою долею участія въ государственныхъ правахъ и обязанностяхъ, равно допускаются къ государственной службѣ, смотря лишь по способностямъ, равно должны нести воинскую повинность, хотя бы и не были мусульманами.

Турецкій языкъ остается оффиціальнымъ въ имперіи для корреспонденцій и совѣщаній. При свободѣ обученія, гарантируемаго конституціей, которая разрѣшаетъ каждому оттоману открывать частныя школы, турецкій языкъ является, однако, языкомъ общегосударственной школы: на немъ обязательно ведется преподаваніе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и онъ представляетъ «основной» языкъ среднихъ и высшихъ заведеній.

Мѣстное управленіе реформируется въ смыслѣ расширенія «административной власти» провинціальныхъ органовъ. Дѣленіе имперіи на провинціи (вилайеты) не подлежитъ измѣненію, иначе какъ по рѣшенію палаты депутатовъ. Для низшихъ же единицъ (деревень и сельскихъ обществъ) должны быть по возможности немедленно созданы облегчающія мѣстную жизнь постановленія.

Отношенія между рабочими и работодателями регулируются особыми законами. Должны быть приняты мѣры для «облегченія пріобрѣтенія крестьянами земельной собственности», но съ тѣмъ, чтобы при этомъ «не нарушались охраняемыя закономъ права собственности нынѣшнихъ землевладѣльцевъ»; а также мѣры «для развитія торговли и промышленности и особенно сельскаго хозяйства». Десятинный налогъ будетъ взиматься пока по арендной системѣ на основаніи средней цифры поступленій за пятилѣтіе, а затѣмъ по кадастровой системѣ, которая должна вводиться постепенно.

Статья 113 конституціи, дающая право султану, если понадобится по обстоятельствамъ, принимать исключительныя мѣры, отмѣняется.

Вотъ какъ рисуется программа младотурокъ, которые хотятъ

непосредственно привить свои дальнѣйшія требованія на основномъ конституціонномъ стволѣ, отрытомъ побѣдоносной революціей 1908 г. изъ-подъ ужасающаго слоя деспотическихъ пріемовъ управленія и актовъ произвола, къ которымъ прибѣгалъ султанъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. Но самая легкость и неожиданность переворота, возвращающаго Турцію къ 1878 г., поневолѣ ставитъ передъ нами вопросъ: откуда же взялось это младотурецкое движеніе? Неужели мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-то соціологическимъ чудомъ появленія могущественной партіи изъ ничего, ея, такъ сказать, самопроизвольнаго зарожденія?

IV.

Чудесъ на свѣтѣ, конечно, не бываетъ. И въ данномъ случаѣ самый бѣглый взглядъ, брошенный на исторію турецкой оппозиціи, уже можетъ убѣдить читателей въ томъ, что если европейскіе наблюдатели просмотрѣли развитіе этой крупной прогрессивной силы, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы уже давно она не накопляла элементы для все замедлявшейся, но наконецъ-то разразившейся грозной бури. Когда приходится заднимъ числомъ продумывать событія, ведшія къ послѣднему финалу, то начинаешь удивляться не тому, что революція высвободила молодую Турцію изъ ледяныхъ объятій гальванизированнаго разными обстоятельствами трупа старой Турціи, а тому, что это освобожденіе произошло такъ поздно. Либеральное движеніе въ имперіи падишаха имѣетъ свою уже длинную исторію, свой мартирологъ самоотверженныхъ борцовъ за свободу, честь и прогрессъ народа, свой позорный столбъ съ именами тирановъ и насильниковъ на разныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы, начиная съ самого «повелителя правовѣрныхъ» и кончая самомалѣйшимъ шпіономъ, сочинявшимъ фантастическіе доклады о парижскомъ или женевскомъ комитетѣ младотуркской эмиграціи.

Въ очень умѣренной по идеямъ, но не безынтересной статьѣ, которую нѣкто Ренэ Пинонъ, авторъ недавней книги о «Европѣ и Оттоманской имперіи» *), написалъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Revue des Deux Mondes», мы находимъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя данныя о развитіи освободительныхъ идей въ Турціи, главнымъ образомъ, на основаніи двухъ вышедшихъ на французскомъ языкѣ сочиненій: сравнительно уже давней работы А. Анжеляра объ «Исторіи реформъ въ Оттоманской имперіи» **) и только что появившейся біографіи Мидхата-паши, написанной

---

*) René Pinon, *L'Europe et l'Empire Ottoman*; Парижъ, 1908.

**) A. Engelhardt, *La Turque et le Tanzimat ou Histoire des réformes dans l'Empire Ottoman depuis 1826 jusqu'a nos jours*; Парижъ, 1882 - 1884, 2 т.

его сыномъ *). Присоединивъ къ этимъ даннымъ кой-какія другія свѣдѣнія, источники которыхъ будутъ цитированы въ своемъ мѣстѣ, мы можемъ составить себѣ уже болѣе или менѣе ясное понятіе о подготовительныхъ фазисахъ турецкой революціи.

Любопытно, что іюльская революція, отразившаяся въ болѣе или менѣе сильной степени на политическихъ событіяхъ и внѣ Франціи, не прошла безслѣдно и для Оттоманской имперіи. «Прогрессъ либеральныхъ идей въ Турціи,—говоритъ Ренэ Пинонъ,—проявляется послѣ великаго европейскаго сотрясенія 1830 г. Ему дѣятельно способствуетъ Англія, которая для того, чтобы освободить Оттоманскую имперію отъ русской опеки, возложенной на нее договоромъ въ Ункіаръ-Скелесси, толкаетъ ее по пути реформъ и централизаціи. Лондонскій кабинетъ совѣтуетъ султану, съ цѣлью отнять всякій предлогъ русскаго вмѣшательства, слить всѣ христіанскія народности въ одну модернизированную, терпимую, либеральную и парламентарную Турцію» **). Въ 1839 г. Абдулъ-Меджидъ издаетъ гатти-шерифъ Гюльханэйскій, провозглашающій законъ Танзимата, или «новаго порядка», какъ-то: равенства всѣхъ подданныхъ султана предъ закономъ, отмѣну всякаго различія между ними въ правахъ, къ какой бы расѣ они ни принадлежали и какую бы вѣру ни исповѣдывали. Но предложенныя реформы остаются мертвою буквою. Допущенная равноправнымъ членомъ въ концертъ европейскихъ державъ на засѣданіяхъ Парижскаго конгресса 1856 г., Турція гатти-гумайюномъ 18-го февраля снова провозглашаетъ принципы равноправія. Но старинная вражда національностей, мусульманскій фанатизмъ, сопротивленіе лихоимствующихъ чиновниковъ и отсутствіе искреннихъ реформистскихъ тенденцій въ центральномъ правительствѣ сводятъ на нѣтъ формальныя обѣщанія султана европеизировать имперію.

Мало-по-малу, однако, идеи прогресса находятъ себѣ путь и въ сознаніе турокъ. Потребность войти составною частью въ міръ общечеловѣческой культуры начинаетъ живо ощущаться нѣкоторыми передовыми представителями націи, которые образуютъ партію «молодой Турціи», и среди которыхъ въ началѣ 60-хъ годовъ выдвигается Мидхатъ-паша, если и не отличавшійся особымъ теоретическимъ развитіемъ, то замѣнявшій его значительнымъ чутьемъ и тонкимъ практическимъ пониманіемъ назрѣвшихъ государственныхъ задачъ. Въ качествѣ придунайскаго (начало 60-хъ годовъ), а затѣмъ аравійскаго (конецъ 60-хъ годовъ) губернатора, Мидхатъ-паша старается проводить въ жизнь принципы гуманности и вѣротерпимости. Возвратившись въ 1871 г. въ Константинополь,

---

*) *Midhat-pacha, sa vie, son oeuvre*, par son fils Ali-Haydar-Midhat-bey; Парижъ, 1908.

**) René Pinon, *La Turquie nouvelle*, „Revue des deux Mondes“, № отъ 1-го сентября 1908 г., стр. 137.

этотъ реформаторъ находитъ въ столицѣ уже довольно многочисленную партію, преслѣдующую прогрессивныя цѣли пріобщенія Турціи къ европейской культурѣ и старающуюся приданіемъ конституціоннаго характера Оттоманской имперіи предупредить опасность отпада угнетенныхъ національностей. Противъ нароставшаго боевого настроенія среди славянъ, которое поддерживалось въ эгоистичныхъ цѣляхъ русскими и австрійскими агентами, либеральные турки пытались выдвигать общечеловѣческіе принципы свободы, равенства и братства. Инсуррекціи въ Герцеговинѣ, Босніи, Черногоріи, Сербіи и Болгаріи показали, что было уже поздно. Мидхатъ-паша, сдѣлавшись главою реформистовъ, тщетно пытался влить новое вино въ старые мѣха. Онъ уже одинъ разъ былъ великимъ визиремъ при Абдулъ-Азизѣ, но ушелъ, разочаровавшись въ возможности поправить дѣла частными реформами. Принявъ дѣятельное участіе въ низверженіи Абдулъ-Азиза и замѣнѣ его слабоумнымъ Мурадомъ, а затѣмъ нынѣ царствующимъ братомъ его, Абдулъ-Гамидомъ, Мидхатъ-паша быстро изготовилъ проектъ конституціи и заручился согласіемъ новаго султана на немедленное осуществленіе этой радикальной политической реформы. Конституція, въ вѣрности которой Абдуль-Гамидъ клялся самымъ торжественнымъ образомъ, была провозглашена въ тотъ самый день (23-го декабря н. с. 1876 г.), когда открывалась и Берлинская конференція, созванная европейскими державами съ цѣлью найти выходъ изъ крайне смутнаго положенія, созданнаго возстаніемъ славянъ противъ ихъ вѣкового угнетателя.

Съ самаго же начала, впрочемъ, уже ясно чувствовалась разница точекъ зрѣнія султана и Мидхатъ-паши, на короткое времставшаго снова великимъ визиремъ. Въ то время, какъ либеральяный министръ искренно стремился къ превращенію Турціи въ правовое, конституціонное государство, для падишаха конституція была лишь диверсіей, внѣшней декораціей, обращенной казовой стороной къ европейскимъ державамъ съ цѣлью созданія среди нихъ иллюзіи насчетъ реформаторскихъ намѣреній Оттоманской имперіи. Эта борьба двухъ тенденцій окончилась побѣдой старой Турціи надъ молодой, и Мидхатъ-паша, 5-го февраля 1877 года получилъ отставку, въ значительной степени благодаря интригамъ графа Н. П. Игнатьева, который всячески старался подорвать кредитъ великаго визиря у султана. Нашъ посланникъ, «искусившійся, — по счастливому выраженію Рене Пинона, — во всѣхъ византійскихъ интригахъ восточной политики», крайне недружелюбно смотрѣлъ на либеральные планы Мидхата, который стремился «слить всѣ національности въ единствѣ реформированной Оттоманской имперіи».

Русско-Турецкая война послужила поводомъ къ отмѣнѣ конституціи. Сначала распущенный, затѣмъ совсѣмъ закрытый, даже помимо всякаго формальнаго роспуска (на основаніи злоупотребленія

статьею 44 конституціи), парламентъ прекратилъ свое призрачное существованіе, хотя, по мнѣнію безпристрастныхъ наблюдателей, рѣчи, раздавшіяся въ немъ, если и обнаруживали значительную долю политической наивности, то заключали въ себѣ и зерно здоровыхъ и благородныхъ идей. Въ Турціи начиналась эра ужасающей тираніи, въ которой главную роль играло страстное тяготѣніе самого султана къ неограниченному деспотизму и не менѣе страстная ненависть его ко всякому проявленію свободной мысли и гражданскаго чувства въ обществѣ. «Гамидизмъ», какъ система, которой суждено было длиться 30 лѣтъ, характеризовался двумя полярно-противоположными пріемами: заискиваніемъ передъ европейскими державами, не останавливавшимся ни передъ какимъ униженіемъ національнаго достоинства, лишь бы получить отъ нихъ carte blanche на деспотическое хозяйничанье внутри страны; и невѣроятнымъ внутреннимъ гнетомъ, превратившимъ Турцію въ одну громадную тюрьму и кровавую арену казней.

Внѣшнее значеніе Турціи падаетъ по наклонной плоскости. Берлинскій договоръ (13 іюля 1878 г.), хотя и ослабившій черезчуръ тяжелыя для Турціи условія санъ-стефанскаго прелиминарнаго договора между воевавшими сторонами, нанесъ сильный территоріальный и политическій ударъ Оттоманской имперіи. Онъ создалъ изъ Болгаріи автономное, хотя и платящее дань и находящееся въ состояніи вассальной (въ сущности, фиктивной) зависимости отъ Турціи государство. Онъ объявилъ независимыми Румынію, Сербію и Черногорію и увеличилъ, правда, въ незначительной степени территоріи двухъ послѣднихъ странъ. Онъ отнялъ у Турціи Карсъ, Ардаганъ и Батумъ и передалъ ихъ Россіи, которая получила Бессарабію отъ Румыніи, «компенсированной» отнятіемъ у Турціи Добруджи. Онъ, подъ видомъ оккупаціи, отдалъ во власть Габсбургской имперіи Боснію и Герцеговину *). Онъ подтвердилъ англо-турецкое соглашеніе 30-го мая 1878 г., разрѣшавшее Англіи занять Кипръ, и т. д. Онъ опредѣлилъ въ 300 милліоновъ рублей военную контрибуцію, которую Турція должна уплатить Россіи.

Послѣдующіе годы видѣли дальнѣйшій дѣлежъ имущества «больного человѣка», какъ со временъ Николая I принято было называть Турцію. Съ 1880 г. неимовѣрно задолжавшая Турція вынуждена для удовлетворенія своихъ кредиторовъ и въ видѣ гарантіи передать завѣдываніе нѣкоторыми статьями государственныхъ доходовъ синдикату галатскихъ банкировъ. А съ 1883 г. суммы, получаемыя съ шести монополій: соляной, гербовой, спир-

---

*) «Самое великолѣпное завоеваніе кампаніи сдѣлала Австро-Венгрія, и при томъ не вынимая меча изъ ноженъ, не развязывая кошелька вопреки Турціи, Россіи, Италіи»,—говоритъ французскій историкъ берлинскаго конгресса: Gabriel Hanotaux, *Le congrés de Berlin*; «Revue des deux Mondes» 1-го октября 1908 г., стр. 497.

товой, рыболовной и шелковой, и отчасти табачной, составляютъ спеціальный фондъ для платежа по государственнымъ займамъ и находятся въ распоряженіи международнаго финансоваго органа, носящаго на благозвучномъ дипломатическомъ языкѣ Франціи названіе «Comité de l'administration de la dette publique ottomane» (Комитета администраціи оттоманскаго государственнаго долга) и представляющаго, въ сущности, коллегію интернаціональныхъ пиратовъ капитала. Съ января 1883 г., несмотря на фикцію зависимости отъ султана, Египетъ переходитъ подъ англійское владычество. Въ 1885 г. Болгарія присоединяетъ Восточную-Румелію, которая, по берлинскому договору, должна была составлять автономную провинцію Оттоманской имперіи подъ управленіемъ назначаемаго султанемъ губернатора. Въ 1898 г. Критъ получаетъ автономію и особаго «верховнаго коммиссара» четырехъ великихъ державъ: Франціи, Англіи, Италіи и Россіи. И такъ далѣе.

Но параллельно съ этимъ распаденіемъ Турціи, которую рвутъ на части волки международной эксплуатаціи, подъ защитой и съ одобренія капиталистическихъ правительствъ, идетъ внутренній процессъ «гамидійскаго» успокоенія страны при помощи шпіонства, ссылокъ, казней и оффиціальнаго и оффиціознаго вырѣзыванія непокорныхъ элементовъ населенія цѣлыми тысячами и сотнями тысячъ. Душой реакціи становится самъ султанъ, соединяющій въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія страной: онъ и дипломатъ, и свой первый министръ, и начальникъ тайной полиціи, и глава шпіоновъ, и вдохновитель казней и наемныхъ убійствъ, такъ что придворная камарилья лишь исполняетъ его велѣнія, и самые кровожадные выразители этого режима являются только покорными орудіями воли султана. Можно замѣтить, кстати, по этому поводу, насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности легенда, пущенная въ первые дни революціи самимъ Абдулъ-Гамидомъ и гласящая, будто вся вина 30-тилѣтняго режима чудовищной тираніи лежитъ на вѣроломныхъ слугахъ падишаха, скрывавшихъ отъ него истинное положеніе дѣлъ въ странѣ.

Какъ бы то ни было, изъ самой этой тираніи выростаетъ, по закону дѣйствія, равнаго противодѣйствію, все усиливающаяся оппозиція режиму произвола. Она исходитъ какъ отъ наиболѣе культурныхъ народностей въ составѣ Оттоманской имперіи, такъ отъ наиболѣе передовыхъ элементовъ самой господствующей расы, уже знакомыхъ намъ младотурокъ. И если капиталистическая Европа присутствуетъ хладнокровно при избіеніи трехсотъ тысячъ армянъ *), происходившемъ въ 1894—1896 гг. въ Малой Азіи и въ самой столицѣ Имперіи, если она цѣлыми годами очень скеп-

*) См. романъ, написанный однимъ изъ выдающихся тогда генгакистовъ: Nazarbek. *Through the Storm. Picture of life in Armenia*; Лондонъ 1899.

тически смотритъ на пропагандистскія и организаціонныя усилія младотуркской оппозиціи, то это отсутствіе сочувствія среди руководящихъ слоевъ культурныхъ государствъ къ росту прогрессивныхъ силъ Турціи можетъ лишь затормазить, но отнюдь не остановить процессъ революціонизированія сознательныхъ элементовъ, сто навшихъ подъ игомъ гамидійскаго деспотизма. Насильственная смерть (въ 1883 г.) отправленнаго въ ссылку Мидхатъ-паши, голова котораго была изъ Аравіи привезена въ даръ властелину въ ящикѣ, носившемъ надпись «Японскія рѣзныя вещи изъ слоновой кости. Для Его Величества султана», эта смерть стараго вождя реформистовъ не ослабила энергіи партіи, обновлявшейся новыми силами, вырабатывавшей программу по мѣрѣ измѣненія обстоятельствъ и слагавшейся въ серьезную организацію какъ путемъ вербованія сторонниковъ среди турецкаго населенія, такъ и путемъ соглашенія съ другими оппозиціонными элементами Имперіи.

Съ 1895 г. въ Парижѣ начинаетъ выходить на турецкомъ и французскомъ языкахъ органъ младотурокъ «Мешверетъ» (Mechveret). Въ 1901 г., подъ вліяніемъ усилившагося движенія въ Македоніи, гдѣ выдающуюся роль скоро станетъ играть болгарская «Внутренняя организація“, младотурки принимаются за особенно энергичную агитацію. Парижскій и женевскій комитеты младотуркскихъ эмигрантовъ наводняютъ Имперію листками, гдѣ проводятся либеральные принципы. Наиболѣе передовые элементы офицерства, чиновничества и вообще среднихъ и высшихъ классовъ общества все больше и больше начинаютъ проникаться новыми идеями, которыя распространяются заговорщиками — знаменательное явленіе — нерѣдко при помощи получившихъ западное образованіе турчанокъ. Самъ зять султана, эмигрируя за-границу, громогласно заявляетъ о своемъ присоединеніи къ младотуркской партіи. Въ 1902 г. въ Парижѣ имѣлъ мѣсто конгрессъ этой партіи, подъ предсѣдательствомъ принца Сахабъ-Эддина. На немъ присутствуетъ 47 делегатовъ, представляющихъ различныя отдѣленія организаціи въ Европейской Турціи, Малой Азіи и Египтѣ. Резолюціи, вотированныя конгрессомъ, на ряду съ выраженіемъ чувствъ лоялизма, но «въ предѣлахъ закона», говорятъ о необходимости распространенія прогрессивныхъ идей между мусульманами, о «покровительствѣ другимъ религіямъ на почвѣ равенства», о «гармоническомъ политическомъ сотрудничествѣ» всѣхъ оттомановъ, независимо отъ расы и вѣры и, наконецъ, о принятіи за основу государственнаго управленія конституціи 1876 г.

Но скоро въ партіи обнаруживаются тренія между элементами, не идущими одинаково далеко по пути культурныхъ и политическихъ требованій. Любопытно, что въ рядахъ младотурокъ наибольшею умѣренностью отличается эмиграція, тогда какъ начавшія возникать все быстрѣе и быстрѣе на территоріи Оттоманской имперіи организаціи требуютъ болѣе опредѣленной программы и болѣе

рѣшительныхъ дѣйствій. Разноголосица вносится особенно необходимостью считаться съ тенденціями революціонныхъ организацій, принадлежащихъ къ другимъ народностямъ. Такъ, армяне, съ которыми младотурки старались выработать платформу соглашенія, тянули больше къ тактикѣ македонской «внутренней организаціи», чѣмъ къ болѣе миролюбивымъ пока пріемамъ младотурокъ, стремившихся, прежде всего, возможно обширнѣе распространять конституціонныя идеи. Опасаясь, однако, вмѣшательства иностранныхъ державъ въ рѣшеніе македонскаго вопроса, который тѣмъ временемъ все обострялся и обострялся, вожаки партіи рѣшили созвать новый конгрессъ, на которомъ были представлены, кромѣ младотурецкой, и другія оппозиціонныя партіи Имперіи. На этомъ послѣднемъ конгрессѣ, состоявшемся въ Парижѣ въ декабрѣ 1907 г., обмѣнялись между собою взглядами делегаты отъ слѣдующихъ организацій: Оттоманскаго Комитета «Единенія и Прогресса», Революціонной армянской федераціи, Оттоманской лиги частной иниціативы, децентрализаціи и конституціи, редакцій «Арменіи», «Размизо» балканскихъ странъ, революціоннаго «Хайремика», издающагося въ Америкѣ, египетскаго комитета «Ахди-Османи». На конгрессѣ восторжествовали болѣе умѣренныя тенденціи, защищавшіяся въ особенности Комитетомъ *Единенія* и Прогресса, первоначальное названіе котораго, — мы считаемъ небезынтереснымъ отмѣтить это,—было Комитетъ *Порядка* и Прогресса, что выражало достаточно ясно умѣренность политическаго идеала, вокругъ котораго группировались силы этой наиболѣе распространенной въ Турціи организаціи. Однако, принятая на конгрессѣ резолюція ставила все же такія требованія, которыя означали рѣшительный разрывъ со старымъ строемъ: отреченіе султана Абдула-Гамида отъ трона; коренное измѣненіе политическаго режима; созывъ Парламента.

Между тѣмъ, отдѣленія младотурецкой партіи, сильно умножившіяся за послѣднее время въ разныхъ частяхъ Оттоманской имперіи, фатально принимали все болѣе революціонный характеръ. Умѣряющее дѣйствіе Комитета «Единенія и Прогресса» сказывалось въ гораздо большей степени на строго конституціонномъ характерѣ программы, ставившей непосредственныя политическія задачи и не усложнявшей ихъ соображеніями объ отдаленномъ идеалѣ, чѣмъ на тактикѣ мѣстныхъ комитетовъ, становившихся централизованными секціями одного великаго конспиративнаго общества. События въ Россіи и Персіи заставили выдающихся вожаковъ партіи перенести Центральный Комитетъ изъ за-границы на почву Турціи, въ Салоники. Строго заговорщицкіе пріемы вербовки членовъ,—въ родѣ клятвы на Коранѣ, кинжалѣ и револьверѣ, — напоминавшіе европейскій карбонаризмъ; связь между отдѣльными комитетами лишь при посредствѣ довѣренныхъ лицъ, имена которыхъ строго скрывались отъ самихъ членовъ секцій; вѣрная смерть, ожидавшая

измѣнниковъ и вообще лицъ, вредившихъ распространенію общества,—все это быстро усиливало значеніе младотуркской организаціи и покрывало всю Турцію все болѣе и болѣе сближавшимися петлями одной общей политической сѣти.

Такъ какъ эти идеи преимущественно распространялись среди передового офицерства и наиболѣе сознательной части молодого чиновничества, къ которымъ присоединялись лучшіе люди общества, то дисциплинированность членовъ и опредѣленность ближайшихъ политическихъ цѣлей явились отличательными чертами революціонной организаціи. Потому-то, когда событія заставили конспираторовъ ускорить переворотъ, вожаки движенія необыкновенно умѣло продѣлали ту часть революціоннаго процесса, которая называется «вторымъ днемъ революціи» и которая, по большей части, чревата крайне серьезными опасностями для руководителей движенія, ибо имъ приходится въ очень короткій промежутокъ времени превратить себя изъ людей оппозиціи въ людей правительства. Конспираторы знали, чего хотѣли, и немедленно же принялись за положительную часть работы. Они не увлеклись исключительно митингами и газетами, возможностью громить старый строй на собраніяхъ и въ печати. Правда, всего этого было повсюду въ изобиліи, и гражданскій энтузіазмъ лился, какъ мы уже видѣли, широкой волной въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Имперіи. Но одновременно съ этими естественными, стихійными проявленіями революціоннаго подъема, шла строго планомѣрная работа закрѣпленія только что взятыхъ у врага позицій, путемъ реорганизаціи государственнаго механизма на новыхъ началахъ и замѣны стараго правящаго персонала свѣжимъ, революціоннымъ. Не предрѣшая дальнѣйшей судьбы молодой Турціи, мы можемъ все-таки сказать, что именно этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему до сихъ поръ реакція оказываетъ тамъ такъ мало сопротивленія. Пораженная въ своихъ жизненныхъ центрахъ, она, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, ничего пока не можетъ противоставить творческой дѣятельности революціонеровъ.

V.

Было бы, однако, несправедливо видѣть въ турецкой революціи, какъ это часто приходится слышать, лишь родъ военнаго пронунціаменто, въ которомъ нація не принимала никакого участія. Несомнѣнно, что интеллигентное офицерство, которое пріобщалось къ европейской цивилизаціи не только на почвѣ общечеловѣческой культуры, но и на почвѣ профессіональныхъ военныхъ интересовъ,—и въ этомъ, по странной ироніи судьбы, ученые инструкторы милитаристской и полуфеодальной Германіи сыграли не малую революціонизирующую роль,—несомнѣнно, говоримъ мы, что

въ совершившемся переворотѣ турецкое офицерство выступило на первый планъ. Оскорбляемое въ своихъ патріотическихъ чувствахъ, угрожаемое въ своихъ матеріальныхъ интересахъ вѣчною задержкою жалованья, разворовываемаго придворной кликой, доведенное до озлобленія системой подкупа, фаворитизма и шпіонства, которая выдвигала низкихъ и неспособныхъ людей и затирала честныхъ и талантливыхъ, офицерство сумѣло сообщить свое недовольство и презрѣніе къ «гамидизму» и солдатамъ. Въ этомъ, напр., отношеніи не лишено правдоподобности соображеніе нѣкоторыхъ хорошо знающихъ турецкія дѣла корреспондентовъ насчетъ того, что если первоначально революція вспыхнула среди войскъ, размѣщенныхъ въ Македоніи, то это потому, что именно здѣсь, гдѣ турецкая голодающая и оборванная армія видѣла каждый день упитанныхъ и съ иголочки одѣтыхъ людей интернаціональнаго корпуса жандармеріи, контрастъ между парламентарной Европой и деспотически управляемой Турціей особенно болѣзненно ощущался оттоманами.

Но не одно офицерство со своими солдатами принимало участіе въ революціи. Идеи переворота нашли благодарную почву, какъ мы уже видѣли, среди молодой бюрократіи, стоявшей, подобно офицерству, ближе другихъ общественныхъ группъ къ источнику европейской культуры. Любопытно, что почтовое вѣдомство, на которое гамидійская клика возложила спеціальную функцію шпіонства за пересылавшимися письмами и газетами, оказалось сильнѣе прочихъ вѣдомствъ пропитаннымъ освободительными стремленіями. Многіе изъ наблюдателей послѣднихъ событій уже утверждаютъ, что если военная инсуррекція могла накопить столько горючихъ элементовъ, не возбудивъ подозрѣнія у артистовъ сыска и читанія въ сердцахъ, то это потому, что почтово-телеграфные чиновники, принадлежавшіе къ младотуркской партіи, обнаружили чудеса ловкости и проницательности, перехватывая шпіонскія донесенія начальству, начальственныя приказанія шпіонамъ, дешифрируя правительственныя депеши и сообщая ихъ содержаніе вожакамъ движенія,—словомъ, дезорганизуя ту обширную систему политическаго соглядатайства, которою султанъ и его клика думали задушить ростъ прогрессивныхъ идей въ странѣ.

Но и это не все. Дальновидность младотурокъ сказалась и въ томъ, что они старались распространить свою организацію среди всѣхъ общественныхъ элементовъ, доступныхъ пониманію невыносимости политическаго режима старой Турціи и способныхъ къ сознательной революціонной дѣятельности. Въ послѣднее время, непосредственно предшествовавшее побѣдоносной инсуррекціи, мѣстные комитеты составлялись не только изъ мусульманъ, но и изъ христіанъ, заключавшихъ союзъ между собою противъ общаго врага, султанскаго деспотизма, съ тѣмъ, чтобы разрѣшить

сложные вопросы сожительства разныхъ расъ и религій свободнымъ обсужденіемъ ихъ въ парламентарной Турціи. Вожаки движенія обращались безразлично къ мусульманамъ и христіанамъ съ предложеніемъ, вступая въ общество, дѣлать извѣстные взносы и запасаться оружіемъ, готовиться одинаково къ пассивному и къ активному сопротивленію, начиная отъ политическихъ стачекъ и экономическаго бойкота, переходя къ отказу платить подати и кончая всеобщимъ вооруженнымъ возстаніемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что члены, примыкавшіе къ мѣстнымъ комитетамъ, вербовались преимущественно изъ тѣхъ элементовъ, которые въ Европѣ носятъ названіе интеллигенціи и общества. Но нельзя совершенно отрицать тяги къ нимъ и болѣе широкихъ слоевъ населенія. Неосвѣдомленность европейцевъ въ турецкихъ дѣлахъ, или, лучше сказать, небрежность, съ какой они смотрѣли на либеральное движеніе въ Оттоманской имперіи, мѣшала имъ обращать вниманіе на свѣдѣнія, сообщавшіяся турками на языкахъ культурныхъ странъ и позволяющія теперь, однако, хоть заднимъ числомъ оцѣнивать важность первыхъ продромовъ революціоннаго сотрясенія, въ которыхъ участвовала не одна военная и гражданская интеллигенція, но и болѣе обширныя группы.

Что, напр., читатель скажетъ по поводу слѣдующихъ строкъ изъ «Обозрѣнія мусульманскаго міра», которыя я цитирую по статьѣ одного парижскаго профессора исторіи, нѣкоего Ле-Шателе, напечатанной подъ заглавіемъ «Революціи на Востокѣ» въ одномъ изъ августовскихъ номеровъ «La revue bleue»? Дѣло идетъ о мало извѣстныхъ въ Европѣ манифестаціяхъ противъ турецкой системы управленія, происходившихъ еще въ 1907 г. въ Малой Азіи: «Собравшись въ Кастамуни передъ дворцомъ военнаго начальника, въ моментъ муниципальныхъ выборовъ,—что обыкновенно является въ Турціи прелюдіей новыхъ налоговъ,—народъ сказалъ громогласно гамидизму: «Мы совершенно не знаемъ состоянія доходовъ и расходовъ нашего города. Какъ же мы можемъ вотировать? Какой-нибудь цеховой ученикъ не долженъ же платить такой же самый налогъ, что и его патронъ. Почти всѣ лица знатнаго происхожденія не платятъ налоговъ. Самымъ богатымъ негоціантомъ нашей области является самъ губернаторъ, а между тѣмъ онъ не несетъ никакого налога. Мы не дадимъ ни піастра». И надо было, чтобы тамъ, въ Илдизъ-Кіоскѣ, самъ султанъ подошелъ къ проволокѣ, по которой редифы - телеграфисты передавали султану требованія толпы. Абдулъ-Гамидъ привѣтствовалъ депешей народъ и депешей же отозвалъ губернатора. «И тогда народъ, получивъ удовлетвореніе, разошелся по домамъ» *).

---

*) „Revue du Monde musulman" т. IV, n° 4, стр. 820. Цитировано въ статьѣ: A. Le Chatelier, *Revolutions d'Orient*; „Revue politique et litteraire" (Revue bleue), отъ 15-го августа 1908, стр. 195—196.

Точно также и «мирная революція» въ Синопѣ, Требизондѣ, Эрзерумѣ, Битлисѣ, Діарбекирѣ, Моссулѣ, Смирнѣ, мѣстности, именуемой Дерзимомъ, и т. п. ставила на своемъ знамени програму Кастамуни. И во всѣхъ этихъ мѣстахъ населеніе съ энтузіазмомъ слѣдовало за подававшими сигналъ къ манифестаціямъ офицерами, муллами и даже женщинами. Кой-гдѣ уже прорывались болѣе рѣзкіе пріемы протеста. Въ Требизондѣ одинъ лейтенантъ убиваетъ дивизіоннаго генерала Гамди-пашу, «для вящшей безопасности оттомановъ». Въ Эрзерумѣ толпа преслѣдуетъ верхами заптіевъ, которые арестовали муфтія, бывшаго однимъ изъ вождей движенія. А когда губернаторъ вздумалъ было подвергнуть заключенныхъ пыткѣ, то женщины врываются въ его дворецъ съ криками: «убійца! долой убійцу»! Въ Діарбекирѣ толпой мятежниковъ предводительствуетъ дервишъ Мегеметъ-Абулъ-Фазель, преданный за то мучительной смерти. Въ Моссулѣ попытка переписи женщинъ вызываетъ возмущеніе всѣхъ окрестныхъ деревень.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ подготовлявшейся событіями революціи принимала большее или меньшее участіе и «толпа», «улица», «масса». Первыя зарницы, предвѣщавшія грозу, засверкали еще въ прошломъ году въ Азіатской Турціи, гдѣ недовольство режимомъ на почвѣ непосредственныхъ жизненныхъ нестроеній (податного гнета и т. п.) принимало мѣстами характеръ спонтанейнаго народнаго возстанія. Когда узнаешь эти факты, то уже перестаешь удивляться тому удивительному энтузіазму, которымъ населеніе этихъ, казалось бы, дикихъ областей отвѣтило на дошедшую изъ Европы вѣсть о побѣдоносной революціи. Но, съ другой стороны, вѣрно то, что иниціатива и активная роль въ совершенномъ переворотѣ принадлежали военной и штатской интеллигенціи, духовенству, людямъ либеральныхъ профессій, купечеству, вообще представителямъ высшихъ и среднихъ классовъ, затронутымъ общеевропейской культурой; а что массы дали лишь свое согласіе, правда, не молчаливое, но шумное, полное сочувствія согласіе на повалившую старый строй революцію.

Эта особенность великаго турецкаго переворота опредѣляется, прежде всего, самими культурно- политическими и экономическими условіями Оттоманской имперіи. Не безъ основанія одинъ соціалъ-демократическій писатель въ статьѣ, посвященной «Турціи, какъ конституціонной имперіи», говоритъ, что «прежде всего Турція есть земледѣльческое государство, и младотурецкое реформистское движеніе носитъ чисто буржуазный характеръ. О пролетарскомъ движеніи въ Оттоманской имперіи рѣчь можетъ лишь идти лишь годами позже (erst nach Jahren). Да, даже быстрый успѣхъ младотурокъ должно приписать отчасти тому обстоятельству, что высшіе и средніе классы Турціи не знаютъ еще «опасности» соціализма» *).

*) M. Beer, *Die Türkei als konstitutionelles Reich*; „Die Neue Zeit“, номеръ отъ 25-го сентября 1908 г., стр. 941.

Правда, къ этой нѣсколько схематической картинѣ приходится прибавить кой-какіе усложняющіе ее штрихи. Если даже оставить въ сторонѣ затрудненія, вытекающія изъ расовыхъ стремленій различныхъ населяющихъ Имперію народностей, а также изъ интернаціональнаго положенія Турціи, на которую съ такою алчностью смотрятъ христіанскія культурныя государства, все же въ идиллію политическаго единодушія первыхъ дней уже начинаютъ примѣшиваться соціальные диссонансы. Тѣ немногіе рабочіе элементы, которые были вызваны къ жизни организаціей при помощи иностранныхъ капиталовъ нѣкоторыхъ крупныхъ отраслей промышленности, уже зашевелились. Стачки портовыхъ, трамвайныхъ, желѣзнодорожныхъ рабочихъ уже показали, что волшебная формула свободы, равенства и братства не можетъ сама по себѣ разрѣшить вопросовъ хлѣба, нужды, труда, существованія широкихъ массъ. Младотурки не могли зачаровать эти впервые поднимающіеся на соціальную борьбу элементы конституціонной идеологіей, и либеральному министерству приходилось уже въ иныхъ случаяхъ прибѣгать на чисто европейскій ладъ къ войскамъ и полиціи для охраненія пресловутой «свободы труда». Въ половинѣ августа н. с., когда портовые разгрузчики угля въ Константинополѣ организовали забастовку, нѣсколько рабочихъ уже были арестованы министромъ полиціи за «угрозы штрейкбрехерамъ». А когда толпа стачечниковъ рѣшила перебраться на другой берегъ Босфора, чтобы убѣдить каталей изъ Гайдара-Паши присоединиться къ нимъ, комитетъ «Единенія и Прогресса» настоялъ передъ правительствомъ на посылкѣ туда войскъ, и переправившіеся забастовщики были встрѣчены на малоазіатскомъ берегу ротой пѣхоты, заставившей ихъ отплыть обратно въ Константинополь. Точно также и совсѣмъ недавняя стачка желѣзнодорожниковъ на Восточныхъ линіяхъ,—стачка, которая подала поводъ Болгаріи захватить въ свои руки эту сѣть,—не могла окончиться такъ скоро, какъ того желали младотуркскіе политическіе дѣятели. И именно защищая нѣмецкій «капиталъ» компаніи противъ справедливыхъ требованій турецкаго «труда», Болгарія при помощи своихъ солдатъ и прибрала къ рукамъ Румелійскую вѣтвь. Изъ Бруссы проскользнули даже слухи о носившей уже рѣзко анархистскій характеръ манифестаціи, которую младотурки и европейскіе корреспонденты старались представить въ видѣ безпорядковъ, произведенныхъ подонками городского населенія, тогда какъ, повидимому, она была первымъ лепетомъ пробуждающагося къ сознательной жизни трудящагося, эксплуатируемаго люда.

Но, указавъ на эти нѣсколько усложняющія политическую революцію соціальныя столкновенія, мы должны, во всякомъ случаѣ, отмѣтить, что если государственный переворотъ, продѣланный въ Турціи интеллигенціей при помощи войскъ, не былъ активнымъ выступленіемъ большинства населенія, то онъ, несомнѣнно, идетъ на пользу всѣмъ общественнымъ слоямъ, изнемогавшимъ подъ

игомъ деспотизма и грабительства, и потому поддерживается ими, какъ общенаціональное дѣло. Поскольку чудовищный произволъ агентовъ власти, беззаконные поборы съ производительныхъ классовъ населенія, феодальная эксплуатація земледѣльцевъ различными категоріями привилегированныхъ владѣльцевъ и т. п. будутъ устраняться конституціей, постольку иниціаторы политической революціи найдутъ ревностную поддержку во всѣхъ тѣхъ элементахъ, которые жестоко страдали отъ стараго режима. Въ этомъ смыслѣ правъ другой нѣмецкій соціалъ-демократъ, говоря, что турецкая революція, хотя и является, прежде всего, «революціей арміи», отнюдь не имѣетъ смысла обыкновеннаго «военнаго бунта». «Войско,— аргументируетъ этотъ авторъ,—не противоставляетъ себя здѣсь государству, чтобы подчинить власть послѣдняго честолюбію своихъ вождей, но сами эти вожди чувствуютъ себя представителями государства и народа, призванными судьбой спасителями ихъ. Если вообще всякая революція даетъ выраженіе при помощи насильственнаго взрыва нравственнымъ и умственнымъ идеаламъ извѣстной эпохи, ставшимъ народной силой, то турецкіе офицеры дѣлаются орудіемъ обновленія своего народа. Во имя народа они возстали, чтобы разбить вдребезги деспотизмъ Абдулъ-Гамида. Что они ставятъ своей задачей, есть дѣйствительно настоящая революція» *).

Достатоточно нѣсколькихъ словъ, чтобы дать понять читателю, какія наиболѣе ощутительныя тягости и злоупотребленія снимаются конституціоннымъ режимомъ съ плечъ населенія. Если установится, напр., система правильнаго взиманія налога и равенства всѣхъ передъ государственными повинностями, то тотчасъ же падаетъ масса поборовъ съ земледѣльца, который, обрабатываетъ-ли онъ принадлежащую ему или другимъ лицамъ «свободную собственность» (*мюлькъ*) или государственныя (*эмиріе*) и церковныя (*вакуфъ*) земли, или привилегированную собственность высшаго служилаго сословія (*муликанэхъ*) **), въ концѣ концовъ видитъ переходящими въ руки правительства, владѣльцевъ и посредниковъ почти всѣ результаты своего тяжелаго труда, при чемъ зачастую громадная часть жатвы портится вслѣдствіе варварскихъ пріемовъ взиманія и безъ того варварской «десятины» ***). Если уста-

*) Karl Leutner, *Die Erneuerung der Türkei*: „Sozialistische Monatshefte", № отъ 20-го августа 1908 г., стр. 1044—1045.

**) Ср. о формахъ владѣнія въ Турціи: Emile de Laveleye, *De la propriété et de ses formes primitives*; Парижъ, 1891, 4-е изд., стр. 356—360; и Scott Keltie, *The Statesman's Year-book for the year* 1908; Лондонъ, 1908, стр. 1571—1572.

***) „Для предотвращенія обмана, нѣкоторые сборщики десятины не придумали ничего болѣе остроумнаго, какъ обязать земледѣльцевъ нагромождать вдоль полей всю ихъ жатву; пока агенты фиска не взяли десятаго снопа, кучи маиса, риса, пшеницы должны лежать подъ открытымъ небомъ, безъ всякой защиты отъ вѣтра, дождя и животныхъ. Часто, когда

новится упомянутая система правильности и равенства обложенія, то исчезнуть беззаконные поборы съ ремесленниковъ и купцовъ, обираемыхъ пашами и беями безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и съ полной безнаказанностью. При конституціонномъ строѣ должны будутъ также значительно сократиться взятки, которыя берутся въ Турціи на всѣхъ ступеняхъ правительственной лѣстницы со всѣхъ и каждаго, кому только приходится обращаться къ администраціи. Я уже не говорю о тѣхъ спеціальныхъ облегченіяхъ, которыми воспользуются не-мусульманскіе элементы населенія, подвергавшіеся до сихъ поръ сугубой стрижкѣ: и какъ подданные деспотическаго государства, и какъ стоящіе внѣ религіозной общины магометанъ.

Прибавьте къ этому болѣе идеальныя блага конституціи, тѣсно, впрочемъ, связанныя и съ матеріальнымъ благосостояніемъ,—свободу слова, печати, союзовъ, участіе въ государственномъ и мѣстномъ управленіи,—словомъ, всѣ тѣ вещи, которыя дадутъ возможность болѣе полной и широкой дѣятельности не только представителямъ литературныхъ профессій, но и трудящемуся люду Турціи, и вы поймете, почему революціонный coup d'Etat, продѣланный младотурками прежде всего при посредствѣ арміи, долженъ находить сочувствіе и поддержку и въ широкихъ слояхъ.

VI.

Но здѣсь «молодую Турцію» ждутъ затрудненія, которыя начинаютъ все болѣе и болѣе вкрапливаться черными точками въ свѣтлый фонъ столь блистательно проведеннаго революціонерами переворота. Поведеніе различныхъ національностей, входящихъ въ составъ ставшей конституціонною Оттоманской имперіи, и отношеніе къ Турціи европейскихъ державъ являются такими важными факторами послѣдующей судьбы Ближняго Востока, что отъ той или иной конъюнктуры ихъ будетъ зависѣть и устойчивость внутренняго порядка вещей въ новомъ конституціонномъ государствѣ. А надо сказать, что вѣсти, приходящія въ послѣднее время съ Балканскаго полуострова, не даютъ повода особенно радоваться искреннимъ друзьямъ юной турецкой свободы.

Что касается до modus'a vivendi, который вырабатывается какъ между различными народностями Оттоманской имперіи, такъ и въ отношеніи ихъ всѣхъ къ господствующей политической расѣ, то здѣсь если и не наблюдается пока еще столь обычнаго въ прежнее время взаимнаго озлобленія, однако уже нѣтъ и того общаго ли-

---

правительство взяло, наконецъ, свою десятину, жатва потеряла половину своей цѣны",—говоритъ Элизэ Реклю, описаніе котораго до сихъ поръ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Elisée Reclus, *Nouvelle géographie universelle*; Парижъ, 1876, т. 1 (*L'Europe Meridionale*), стр. 233.

кованья, того коллективнаго энтузіазма, который такъ подкупающе дѣйствовалъ на всѣхъ наблюдателей, и который мы пытались изобразить, со словъ очевидцевъ, на первыхъ страницахъ нашей статьи. Младотуркамъ придется рѣшать очень сложный и очень деликатный вопросъ: въ какой степени обновленное иниціативой ихъ партіи государство дастъ возможность свободно проявиться культурно-политическимъ стремленіямъ тѣхъ національностей, которыя населяютъ територію Турціи. Дѣйствительно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что своеобразный «миръ Божій», водворившійся съ объявленія конституціи между различными враждующими народностями, прежде всего и больше всего зависитъ отъ того, что каждая изъ нихъ пока ожидаетъ и всматривается въ перспективы, открывающіяся для нея при новомъ режимѣ, а тѣмъ временемъ старается расположить въ свою пользу побѣдившую партію своимъ лояльнымъ къ младотурецкому правительству отношеніемъ. Потому-то прежняя рѣзня, хотя бы между соперничающими другъ съ другомъ въ Македоніи болгарами, греками, сербами, въ общемъ почти совсѣмъ прекратилась и свелась въ самыхъ крайнихъ случаяхъ лишь къ отдѣльнымъ вспышкамъ. Но долго-ли еще продлится эта райская гармонія, когда, по выраженію одного восточнаго юмориста, львы мирно пасутся съ телятами?

Вѣдь младотурки не даромъ объявляютъ себя не только либералами, но и патріотами. Одинъ нѣмецкій публицистъ назвалъ ихъ даже «націоналъ-либералами». Во всякомъ разѣ ихъ идеаломъ, какъ уже читатель могъ видѣть, является не только свободная и парламентарная, но «единая и нераздѣльная» Турція. А съ этимъ терминомъ, имѣющимъ со временъ Великой французской революціи совершенно опредѣленное значеніе, связывается историческая ассоціація идей и традицій, слагающаяся въ общее представленіе объ унитарномъ и централизованномъ государствѣ. Почти нельзя ожидать, чтобы младотурки обнаружили такую независимость и смѣлость политической мысли, которая позволила бы имъ порвать съ предразсудками по-революціонной парламентарной Европы и гордо развернуть знамя федералистической Оттоманской имперіи, что, въ сущности, несмотря на фактическія трудности осуществленія этого идеала въ частностяхъ, было бы все-таки наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса о государственномъ строѣ той необыкновенно пестрой мозаики племенъ и религій, какую представляетъ собою современная Турція. Наоборотъ, централизаторскій либерализмъ младотуркской партіи уже сказался въ недвусмысленныхъ притязаніяхъ ея создать «единую оттоманскую душу путемъ единаго общенаціональнаго языка и единой общенаціональной школы». Возможно, конечно, что вожаки движенія, обнаружившіе, говоря вообще, много политическаго такта, избѣгнутъ рокового подводнаго камня отурченія, когда увидятъ, съ какой

свирѣпой энергіей различныя народности Турціи готовы защищать свою культурную автономію, свой языкъ и свою школу въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладаютъ ихъ этническія группы. Но то, что до сихъ поръ извѣстно о взглядѣ младотурокъ на эти вещи,—ихъ ироническое отношеніе къ «перспективѣ 27-язычнаго государства», ихъ «нежеланіе идти по стопамъ Австро-Венгріи», не Богъ знаетъ какъ, однако, справившейся до сихъ поръ съ вопросомъ о мирномъ сожительствѣ различныхъ входящихъ въ составъ Габсбургской имперіи національностей, ихъ преувеличенно-патріотическое мнѣніе о большей якобы способности турокъ къ свободной политической дисциплинѣ по сравненію съ другими племенами,—все это заставляетъ искреннихъ друзей молодой Турціи опасаться, что иниціаторы конституціоннаго преобразованія заплатятъ дань унитарнымъ предразсудкамъ и будутъ пытаться скрѣпить различныя народности не федеральнымъ союзомъ, опирающимся на взаимное уваженіе участниковъ, а насильственной централизаціей ихъ подъ гегемоніей господствующей расы.

Между тѣмъ, можно-ли говорить въ строгомъ смыслѣ о господствующей расѣ въ Турціи, когда, по наиболѣе вѣроятнымъ даннымъ, въ европейскихъ областяхъ, находящихся подъ непосредственнымъ управленіемъ Порты, 70% населенія подѣлены поровну между тремя наиболѣе многочисленными племенами: турецкимъ, греческимъ и албанскимъ, такъ что, значитъ, турки не составляютъ и четверти всего числа жителей, между тѣмъ какъ остальные 30% представлены болгарами, сербами, армянами, румынами, мадьярами, цыганами, евреями и черкесами? Что касается до Азіатской Турціи, то и тамъ, рядомъ съ значительнымъ числомъ турокъ, насчитывается четыре милліона арабовъ и цѣлая масса другихъ племенъ, въ родѣ грековъ, сирійцевъ, курдовъ, черкесовъ, армянъ, евреевъ и т. п. *). Ясно, что при такихъ условіяхъ, желая провести послѣдовательно принципъ централизованнаго государства, съ гегемоніей турокъ, младотуркскіе конституціоналисты натолкнутся на отчаянное сопротивленіе претендующихъ на національную автономію народностей. Наоборотъ, только признаніе права на «самоопредѣленіе» различныхъ культурно-этническихъ группъ, входящихъ въ составъ Оттоманской имперіи, дастъ возможность

---

*) Scott Keltie, l. c., стр. 1563.—Подводя итоги подробной этнографической таблицѣ населенія четырехъ провинцій и одного округа, входящихъ въ составъ Ѳракіи и Македоніи съ Старой Сербіей, по болгарскимъ источникамъ, приведеннымъ въ извѣстномъ географическомъ Словарѣ Вивьена де Сэнъ-Мартэна и Русслэ, я нахожу, что на этой территоріи живутъ 1.649,820 болгаръ, 787,340 турокъ, 645,400 албанцевъ, 450,580 грековъ, 112,870 сербовъ, 90,845 румыновъ, 55,320 евреевъ, 37,200 цыганъ, 30,000 армянъ, и т. д. См. Vivien de Saint-Martin et Louis Rousselet, *Nouveau Dictionnaire de Geographie Universelle* 18-ый выпускъ „Приложенія“, статья *Turquie d'Europe*, Парижъ, 1900.

федеративной молодой Турціи образовать изъ себя сравнительно устойчивое и способное къ развитію политическое цѣлое.

Опасенія, что всѣ эти народности постараются оторваться отъ имперіи и образовать, или самостоятельно, или въ составѣ родственныхъ имъ сосѣднихъ государствъ, независимыя, можетъ быть, враждебныя Турціи политическія тѣла, не должны были бы, въ сущности, останавливать искреннихъ федералистовъ. Можно даже предположить, что области, гдѣ разныя національности сильно перемѣшаны и борются между собою за преобладаніе, обнаружатъ тѣмъ сильнѣйшее тяготѣніе къ обновленной Турціи, чѣмъ менѣе каждая изъ обитающихъ тамъ расъ будетъ склонна допустить политическое первенство какой-нибудь другой. Это съ поразительной рельефностью обнаруживается хотя бы по отношенію къ Македоніи, гдѣ болгары, сербы, греки воюютъ другъ съ другомъ не только на полѣ партизанской рѣзни, но и на столбцахъ статистики, убивая другъ друга взаимно неправдоподобными цифрами. Я приведу здѣсь одну изъ такихъ таблицъ, заимствуя ее въ сокращенномъ видѣ у англичанина Эллиса Баркера, автора статьи о «Будущности Турціи», который сопоставилъ этнографическія вычисленія населенія области на основаніи документовъ различнаго національнаго происхожденія:

Населеніе Македоніи.

Народности.	Согласно Гопчевичу (сербу).	Согласно Канчеву (болгарину).	Согл. Николаидесу (греку).
Турки	231,400	489,664	576,600
Болгары.	57,600	1.184,036	454,700 (болгары и сербы)
Сербы	2.048,320	700	
Греки	201,140	222,152	656,300
Албанцы.	165,620	124,211	—

и т. д. *).

Одного этого примѣра достаточно, чтобы видѣть, какъ фантастичны статистики, окрашенныя племеннымъ соперничествомъ и, значитъ, въ какой степени каждая изъ расъ будетъ отвергать притязанія на гегемонію другой. Можетъ, дѣйствительно, случиться, что уже въ упомянутыхъ областяхъ съ очень смѣшаннымъ населеніемъ вся совокупность обитающихъ тамъ племенъ предпочтетъ остаться подъ владычествомъ конституціонной Турціи, чѣмъ политически подчиниться одной изъ борющихся за владычество народностей или войти въ составъ сосѣднихъ государствъ. Правда, младотурксвимъ политикамъ будетъ предстоять въ этомъ случаѣ задача создать очень гибкій политическій строй, который могъ бы держаться не только на имперскомъ федерализмѣ и авто-

*) J. Ellis Barker, *The Future of Turkey*; „The Fortnightly Review“, октябрь 1908 г., стр. 553.

номіи областей, но и на пропорціональномъ представительствѣ различныхъ національностей.

Трудный вопросъ, требующій большой проницательности и еще большаго самообладанія не только турокъ, но и всѣхъ расъ, изнывавшихъ до сихъ поръ подъ игомъ «кроваваго султана», а нынѣ очутившихся на свѣжемъ воздухѣ конституціи, не только этихъ расъ, но и европейскихъ державъ! Между тѣмъ, именно культурныя и христіанскія государства своимъ поведеніемъ разжигаютъ теперь національные аппетиты и племенную вражду, принявшись разрубать по кускамъ гордіевъ узелъ Восточнаго вопроса. Такъ, Болгарія, условившись съ Австро-Венгріей, объявляетъ себя независимымъ королевствомъ. Такъ, Австро-Венгрія, съ очевиднаго благословенія Германіи и болѣе, чѣмъ вѣроятнаго согласія оффиціальной Россіи, уже совершенно присвоиваетъ себѣ фактически принадлежащія ей тридцать лѣтъ Боснію и Герцеговину. И вотъ Сербія и Черногорія волнуются, затронутыя въ своихъ жизненныхъ интересахъ. Франція и Англія до сихъ поръ ограничиваются выраженіемъ платоническаго сочувствія конституціонной Турціи, между тѣмъ какъ нѣмецкій державный комми-вояжеръ въ шлемѣ Лоэнгрина, столько лѣтъ поддерживавшій чудовищный «гамидизмъ», уже продѣлываетъ съ Божьею помощью поворотъ, стараясь увѣрить въ искренней симпатіи младотурецкую партію, лишь бы продолжать свою игру въ европейскихъ и азіатскихъ владѣніяхъ Оттоманской имперіи, представлявшей до сихъ поръ такой удобный матеріалъ для обрабатыванія его во вкусѣ германской колоніальной политики *). И какой ироніей звучатъ теперь заднимъ числомъ, при грубомъ освѣщеніи фактовъ европейскаго культурнаго хищничества, увѣренія буржуазнаго итальянскаго писателя по внѣшнимъ вопросамъ въ томъ, что для самихъ младотурковъ будетъ очень выгодно «имѣть за собой солидарность Европы, проявляющуюся въ присутствіи—на территоріи Македоніи—чиновниковъ различныхъ державъ» **).

Право, когда вглядываешься въ подвиги государствъ, именующихъ себя носителями цивилизаціи, по отношенію къ новому собрату, вступающему на путь свободнаго политическаго развитія, то начинаешь понимать, какъ одинъ французскій «антипатріотъ» могъ писать по адресу жертвъ французской же колоніальной политики: «добрые друзья мароканцы! соберите все ваше мужество, весь вашъ героизмъ, котораго у васъ, къ сожалѣнію, больше, чѣмъ усовершенствованныхъ пушекъ и ружей, и бейте, бейте изо всей силы моихъ милыхъ соотечественниковъ, тѣхъ самыхъ доблестныхъ патріотовъ, что тридцать пять лѣтъ уже вопятъ объ отнятыхъ у

*) См. Maurice Lair, *L'Allemagne et la Revolution turque*; „Revue politique et litteraire", № отъ 3-го октября 1908 г., стр. 423—427.

**) *XXX*, *L'Italia et la Nuova Turchia*; „Nuova Antologia", № отъ 1-го сентября 1908, стр. 145.

нихъ Эльзасѣ и Лотарингіи, а сами расправляются съ вами въ тысячу разъ хуже, чѣмъ когда то нѣмцы съ нами... И да почіетъ благословеніе Аллаха на васъ, доблестные враги моего звѣринаго отечества! Аминь!»...

О политикѣ европейскихъ государствъ въ восточномъ кризисѣ, который развертывается нынѣ поразительными и неожиданными скачками, надо, впрочемъ, говорить вплотную и особо.

Н. Е. Кудринъ.

На очередныя темы.

Сумятица.

I. Въ жизни.—II. Въ литературѣ.

...Не всѣ «ждутъ». Нѣкоторые мечутся, иногда прямо лѣзутъ въ западню или въ петлю...

Въ прошлый разъ я упомянулъ объ этомъ мимоходомъ. Между тѣмъ, неподвижность, сковавшая однихъ, и сумятица, захватившая другихъ, въ равной мѣрѣ характерны для переживаемаго нами періода. Въ сущности, это двѣ стороны одного и того же процесса, какой происходитъ въ коллективной психикѣ. И при взглядѣ на мятущихся, встаютъ тѣ же вопросы, что и при видѣ остолбенѣвшихъ: что это? растерянность или отчаяніе? Разсчитываютъ ли люди спастись, или не знаютъ, куда дѣваться отъ гибели? Какова субъективная основа этой сумятицы, и, главное, каковы могутъ быть ея объективныя послѣдствія?

Попытаемся хоть нѣсколько въ нее всмотрѣться...

I.

Позволю себѣ начать съ частныхъ фактовъ, но болѣе, какъ мнѣ представляется, ясныхъ.

Въ одномъ изъ только что полученныхъ мною писемъ разсказывается исторія укрѣпленія надѣльной земли въ деревнѣ К. Псковской губ. По общественному положенію мой корреспондентъ—крестьянинъ (эстонецъ), по убѣжденіямъ—соціалистъ. «Иниціаторами укрѣпленія, какъ это ни странно,—пишетъ онъ,—явились лѣвые крестьяне, такъ называемые сознательные, нѣкоторые даже изъ нашихъ (т. е. изъ партійныхъ) людей. Противниками выдѣленія, а ихъ было болѣе половины, состояли правые,—большин-

ство убѣжденные монархисты. Несмотря на это, лѣвымъ, при непосредственномъ содѣйствіи землеустроительной коммиссіи, все-таки удалось добиться своего. Сходъ большинствомъ голосовъ сначала не согласился, но желающіе выдѣлиться явились къ земскому начальнику, и тотъ, явившись въ деревню, объяснилъ законъ, по которому желающихъ могутъ выдѣлить и противъ общественнаго желанія. Тогда стоявшіе за общину дали согласіе на выдѣленіе, но только по отношенію къ надѣльной землѣ, купчую же землю—около 400 дес.—рѣшили оставить въ общинномъ пользованіи. Дѣло пошло быстро, пріѣхалъ землемѣръ и въ мѣсяцъ разбилъ всю деревню на тридцать участковъ»...

Дальше исторія пошла, повидимому, обычнымъ путемъ. «Положеніе,—говоритъ корреспондентъ,—получилось самое запутанное. Не желающіе выдѣлиться изъ общины опять взялись за протестъ: говорятъ, что по старому было все-таки лучше; желающіе выдѣлиться тоже убѣждаются, что они сдѣлали, во всякомъ случаѣ, неопытный шагъ»... Но не на этомъ продолженіи исторіи, достаточно понятномъ, конечно, для нашихъ читателей, желалъ бы я остановить ихъ вниманіе, а на ея не совсѣмъ обычномъ началѣ.

Не правда ли, какое неожиданное движеніе: соціалисты бросились въ сторону личной собственности! И какое прихотливое получилось въ результатѣ этого сочетаніе: лѣвые въ союзѣ съ земскимъ начальникомъ и землеустроительной коммиссіей дѣйствуютъ противъ убѣжденныхъ монархистовъ!..

Между тѣмъ, если не въ земельной сферѣ, то въ другихъ областяхъ жизни такіе случаи теперь далеко не рѣдки. Бываютъ, пожалуй, еще болѣе неожиданныя движенія, получаются еще болѣе прихотливыя сочетанія.

Заходитъ какъ-то ко мнѣ членъ одного изъ профессіональныхъ рабочихъ союзовъ. Разсказываетъ о томъ, какъ идутъ дѣла въ обществѣ. Идутъ, оказывается, не важно: очень ужъ тѣснитъ полиція. Но кое-чего правдами и неправдами удалось все-таки добиться. Танцовальные вечера разрѣшили... И деньжонки у союза кое-какія завелись.

— Двадцать пять рублей ассигновали на борьбу съ холерой. Послали градоначальнику... Можно было бы, конечно, въ городскую управу передать, да думаемъ: если къ градоначальнику направить, то, можетъ быть, не такъ придираться будутъ...

А «придираются» сильно. И грубо такъ,—прямо съ ругательствами иной разъ. Приходитъ какъ-то приставъ въ правленіе и видитъ на стѣнѣ портретъ Гапона.

— Ахъ вы такіе-сякіе!—говоритъ.—Государь Императоръ вамъ право собираться далъ, а вы вмѣсто того, чтобы его портретомъ общество украсить, повѣсили этого революціонера, этого безбожника...

И пошелъ, и пошелъ... Теперь повѣсили портретъ государя,

но и гапоновскій портретъ остался. Получившееся сочетаніе смущаетъ рабочихъ. И мой собесѣдникъ зашелъ ко мнѣ, между прочимъ, затѣмъ, чтобы узнать, нельзя ли гдѣ пріобрѣсти по сходной цѣнѣ портреты другихъ лицъ,—въ одну сторону до Маркса и Чернышевскаго, въ другую—до Пуришкевича и Дубровина включительно.

— Думаемъ такъ сдѣлать, чтобы у насъ всѣ общественные дѣятели были... А размѣстить портреты мы ужъ сумѣемъ...

Да, сочетанія бываютъ до нельзя прихотливыя, и движенія—совершенно неожиданныя. Когда смотришь на нихъ со стороны, не зная внутреннихъ побужденій, которыми руководятся люди, то иной разъ прямо-таки хочется крикнуть:

Улица! улица! иль ты пьяна?!
Правая, лѣвая гдѣ-жъ сторона?

Если я взялъ приведенные факты, то потому именно, что подкладка ихъ намъ извѣстна. Про случаи съ рабочими даже говорить нечего: слишкомъ они примитивны по лежащимъ въ основѣ ихъ мотивамъ. Деревенскій случай сложнѣе, но и онъ, какъ мнѣ кажется, находитъ себѣ достаточное объясненіе въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, какія сообщены моимъ корреспондентомъ. «Жители деревни—пишетъ, между прочимъ, онъ,—старообрядцы, почти всѣ болѣе или менѣе зажиточные собственники». Мы уже знаемъ, что, кромѣ надѣльной земли, они имѣютъ купчую, въ среднемъ болѣе 10 дес. на дворъ. Вообще вопросъ о землѣ стоитъ для нихъ, повидимому, на второмъ планѣ, но за то тѣмъ острѣе, быть можетъ, даетъ себя чувствовать другая половина проблемы, которую пытались разрѣшить лѣвые,—вопросъ о волѣ. И именно волей, какъ объясняетъ корреспондентъ, соблазняетъ крестьянъ мысль о хуторахъ. Впрочямъ, не только волей, но и вообще возможностью хоть какъ нибудь измѣнить свое положеніе, неудобства котораго для многихъ сдѣлались невыносимыми.

«Всѣ ждали,—говоритъ онъ,—чуда и, не дождавшись, хватаются за то, что представляетъ хотя нѣкоторую возможность перемѣнить положеніе, несмотря на то, какія могутъ быть послѣдствія. Переходъ къ хуторскому хозяйству въ настоящее время увлекаетъ новоиспеченныхъ собственниковъ больше тѣмъ, что для нѣкоторыхъ есть въ этомъ что-то новое, что немножко соотвѣтствуетъ инстинкту самолюбія: теперь,—говорятъ,—каждый хозяинъ себѣ собственникъ, имѣетъ больше правъ и вѣсу въ новой жизни»...

«Въ чемъ и какъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—этого многіе себѣ еще не представляютъ»... И нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, что, погнавшись за волей, они оказались въ западнѣ, запутались въ цѣломъ рядѣ новыхъ стѣсненій, изъ которыхъ вовсе не видятъ выхода. «Чѣмъ все это кончится,—говоритъ корреспондентъ,—покажетъ будущее, но сейчасъ между крестьянами этой деревни усиливается убѣжденіе, что общиной жить лучше,

ибо общество, во всякомъ случаѣ, можетъ произвести передѣлъ, а новый собственникъ приковываетъ себя къ мѣсту»... Говоря коротко, готовы хотя бы и обратно двинуться... Ничего удивительнаго,—повторяю,—въ этомъ нѣтъ. Если вы не представляете себѣ, куда ведетъ данная дорога, и отправляетесь по ней только потому, что вамъ невыносимо оставаться на мѣстѣ, то нѣтъ ничего мудренаго, что вы заблудитесь и попадете совсѣмъ не туда, куда вамъ хотѣлось.

Но понятно, какъ мнѣ кажется, и то, что, несмотря на это, многіе сейчасъ готовы двинуться въ любую сторону, по какой угодно, хотя бы и очень сомнительной, тропкѣ, въ надеждѣ, что она приведетъ ихъ, куда нужно. Сложный и трудный вопросъ, который всталъ передъ страною, до сихъ поръ остается не рѣшеннымъ. Между тѣмъ, жизнь властно требуетъ на него отвѣта. Не всѣ могутъ ждать, когда опять намѣтится общее рѣшеніе и вновь начнется общее движеніе. Одни для этого слишкомъ голодны или черезчуръ неудобно поставлены, другіе черезчуръ нетерпѣливы или слишкомъ сильно встревожены. Такъ или иначе, но оказывается много людей, которые не въ силахъ оставаться на мѣстѣ. И вотъ они мечутся, ищутъ выхода, пытаются врозь и враздробь рѣшить великую проблему.

Раньше всѣ шли въ одну сторону, шли долго, сначала медленно и неувѣренно, мелкими и разрозненными кучками, но, чѣмъ дальше, тѣмъ все смѣлѣе и быстрѣе, все больше наростая въ своемъ числѣ и все больше сливаясь въ одну компактную массу. Въ правильности направленія никто изъ шедшихъ не сомнѣвался; пути, ведущіе къ цѣли, для всѣхъ были ясны. Шли и вдругъ спохватились: «всѣ дороги занесло»...

Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы... Что дѣлать намъ?

Одни остановились въ недоумѣніи, другіе ринулись въ разныя стороны. Задача, въ сущности, осталась прежняя,—тотъ же самый вопросъ о землѣ и волѣ стоитъ передъ народомъ,—но только рѣшается она врозь, каждый ищетъ отвѣта по своему. Въ этомъ, какъ я думаю, и состоитъ главное отличіе движенія, какое происходитъ сейчасъ въ странѣ, отъ того, которое было раньше.

Большинство, конечно, ищетъ выхода только для себя, не думая о другихъ и не разсчитывая на общія силы. При этомъ ищутъ въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко прямо противоположныхъ, направленіяхъ. Одинъ въ поискахъ земли и воли бредетъ за Уралъ, другой—выселяется на хуторъ. Одинъ экспропріируетъ мірскую землю, другой — казенныя деньги. Одинъ не желаетъ работать на помѣщичьей землѣ ни одного дня, а другой, покупая ту же землю, закабаляетъ себя на многіе годы. Одинъ пробирается тайкомъ къ

дому урядника, чтобы бросить ему въ окно бомбу, другой—для того, чтобы предать въ его руки сосѣда...

Бываетъ, конечно, что въ одну и ту же сторону сразу бросается множество людей. Получается иллюзія широкаго и какъ будто даже планомѣрнаго общаго движенія. Вспомните хотя бы исторію переселенческаго движенія за послѣдніе годы: какая масса людей устремилась въ эту сторону! Или припомните поджоги, отъ которыхъ вдругъ во множествѣ запылали помѣщичьи усадьбы: какъ будто они производились по одному плану... Но нельзя, конечно, въ подобныхъ движеніяхъ, хотя бы они принимали подчасъ массовой характеръ, видѣть осуществленіе общей программы, усвоенной народной мыслью. Не трудно въ каждомъ такомъ случаѣ разглядѣть, что это движутся совершенно разрозненные люди, что это несется людская пыль, захваченная скоропреходящимъ порывомъ. Переселенцевъ масса, но каждый изъ нихъ озабоченъ лишь тѣмъ, какъ бы ему въ эту дверь пробраться. Поджоговъ было много, но, быть можетъ, очень немногіе поджигатели задавались цѣлью всѣхъ помѣщиковъ такимъ путемъ выжить.

Движутся разрозненные люди, движутся въ разныя стороны. И каждый, при этомъ, думаетъ, что свою-то долю онъ найдетъ, что мѣшающаго ему жить врага онъ изничтожитъ...

Конечно, среди мятущихся имѣются люди, которые ищутъ общаго рѣшенія, и которые не теряютъ надежды собрать около какой либо «центры» нужныя для этого силы. Но и въ ихъ движеніяхъ вы не найдете единства, —даже въ направленіи. Одни хватаются за кооперативъ, другіе—за церковно-приходское попечительство; одни надѣются стянуть нужныя силы въ революціонныя братства, другіе разсчитываютъ собрать ихъ около господской Думы... И каждый при этомъ думаетъ, что около этого именно забора находится наиболѣе защищенное отъ враждебныхъ вихрей мѣсто.

Общую задачу пытаются разрѣшить врозь... И рѣшить ее надѣются враздробь. Одни, махнувъ рукой на волю, спѣшатъ ухватиться за землю, хотя бы и столь отдаленную, какъ киргизская степь или сибирская тайга. Другіе, отказавшись почти совсѣмъ отъ земли, сосредоточили всѣ мысли на томъ, чтобы удержать волю, хотя бы и столь призрачную, какъ современная «конституція». «Подождемъ съ землей и волей,—говорятъ третьи:—станемъ насаждать пока культуру... Ничего, что солнца не видно, воспользуемся тѣмъ, что октябристы оросятъ землю «мелкимъ дождемъ скромныхъ, но полезныхъ начинаній»...

Единую проблему дробятъ не только вдоль, но и поперекъ. Одни готовы удовлетвориться хлѣбомъ, какой можно собрать на жалкомъ и обремененномъ непосильными платежами отрубѣ; другіе—свободой собираться на танцовальныхъ вечерахъ, какіе можно устраивать при чрезвычайной охранѣ; третьи—свѣтомъ, какой можетъ возсіять подъ эгидой г. Шварца. И если одни склонны нестись

въ непроглядную даль, вплоть до индивидуалистическаго анархизма, то другіе готовы опуститься у первой попавшейся на дорогѣ кочки, хотя бы это былъ пометъ октябризма.

Есть и еще одна характерная черта въ современномъ движеніи. Мечутся люди, но въ какую бы сторону они ни стремились и какъ бы стремительно они ни двигались,—нѣтъ въ нихъ ни вѣры, ни энтузіазма. Въ сущности они такъ же холодны, какъ и та, поражающая своею неподвижностью, обывательская масса, отъ которой они оторвались. «Хоть гирше, та инше»—вотъ что нерѣдко лежитъ въ основѣ этихъ метаній. Да и чѣмъ инымъ можно объяснить эту порывистость въ движеніяхъ и эту склонность вновь и вновь впадать въ неподвижное состояніе? Если бы люди вѣрили, развѣ они могли бы такъ быстро мѣнять направленіе? Не этимъ-ли объясняется, что двигавшіеся все время влѣво такъ легко бросаются вправо съ тѣмъ, быть можетъ, чтобы тотчасъ остановиться или вновь двинуться въ прежнюю сторону? Всмотритесь въ тѣхъ, которымъ удалось около какого-либо «центра» собраться. Присмотритесь, напримѣръ, къ профессіональнымъ союзамъ и кооперативамъ, къ разнымъ обществамъ и лигамъ, которыхъ такъ много возникаетъ и которые такъ быстро исчезаютъ, если вовсе не бездѣйствуютъ. Легко понять, что это не жизнеспособные коллективы, а какія-то безжизненныя скопленія, своего рода снѣжные сугробы. Не этимъ-ли объясняется, что ихъ такъ легко разметываетъ реакціонный вихрь, когда проносится надъ ними?...

II.

Движеніе, какое можно наблюдать въ настоящее время, я назвалъ въ началѣ статьи сумятицей. Теперь, я думаю, читателямъ понятно, почему я употребилъ именно это слово. Когда начинаешь вглядываться въ соціальное состояніе страны, то получается такое же впечатлѣніе, какъ у путника, застигнутаго въ полѣ мятелью. Мѣстность, въ которой онъ находится, въ сущности давно извѣстна, вдоль и поперекъ, можно сказать, изъѣзжена. Но теперь она кажется чуждой, таинственной, полной всякихъ опасностей...

Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Внизу—какъ будто неподвижная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне зыбкая снѣжная масса; вокругъ—«снѣгъ летучій», множество разрозненныхъ снѣжинокъ, быстро движущихся во всевозможныхъ направленіяхъ. Онѣ взлетаютъ и падаютъ, безпорядочно кружатся на мѣстѣ, стремительно несутся въ разныя стороны... Подхваченныя тѣмъ или инымъ порывомъ, онѣ даютъ порою иллюзію общаго и даже какъ будто бы стройнаго движенія. Прежде, однако, чѣмъ

глазъ успѣлъ опредѣлить его направленіе, порывъ уже пронесся, и подхваченныя имъ снѣжинки, безпомощно покружившись, начинаютъ падать съ тѣмъ быть можетъ, чтобы уже больше не подниматься. Въ то же время налетаетъ новый порывъ, поднимаетъ новыя тучи снѣжной пыли и несетъ ихъ въ другую, нерѣдко прямо противоположную, сторону. Безпрестанно мѣняется темпъ движенія и его направленіе, мѣняется составъ захваченныхъ имъ частицъ, мѣняются очертанія складывающихся изъ нихъ фигуръ. Въ общемъ получается впечатлѣніе какой-то ужасной безтолковщины...

Хуже того: способной привести въ ужасъ фантасмогоріи... Пока вы приглядываетесь къ движенію въ нижнихъ его частяхъ, оно представляется вамъ болѣе или менѣе понятнымъ. Вы можете еще разсмотрѣть, откуда взялись эти летучія снѣжинки, какой порывъ оторвалъ ихъ отъ массы и понесъ въ ту или иную сторону. Но поднимите вашъ взглядъ выше... Какія странныя и уродливыя фигуры замелькаютъ передъ вами, какія прихотливыя и неустойчивыя онѣ имѣютъ очертанія, какъ безпорядочно и непонятно ихъ движеніе! Напуганное воображеніе мѣшаетъ вамъ видѣть въ нихъ механическія лишь сочетанія; вамъ кажется, что это живыя существа, что передъ вами:

Безконечны, безобразны
. . . .
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...

Ту же по внѣшности картину представляетъ и теперешнее движеніе въ соціальной средѣ. До сихъ поръ мы присматривались къ нему въ нижнихъ его слояхъ. Но поднимите вашъ взглядъ выше. Присмотритесь хотя бы къ тому, что творится въ литературѣ...

Мчатся бѣсы рой за роемъ...

Вотъ петербургскіе «Понедѣльники»—эти уродливыя сочетанія литературнаго хулиганства и политическаго радикализма, съ видной примѣсью, съ одной стороны, беззастѣнчивой порнографіи, съ другой—безшабашнаго зубоскальства. Вотъ альманахи, совсѣмъ было вытѣснившіе всякую другую литературу,—альманахи, во многихъ изъ которыхъ художество прихотливо переплелось съ порнографіей. Вотъ толстый ежемѣсячникъ, попытавшійся объединить порнографовъ, марксистовъ и богоносцевъ. Вотъ иллюстрированный еженедѣльникъ—«въ политикѣ внѣ партій, въ литературѣ внѣ кружковъ, къ искусствѣ внѣ направленій»—съ голой женщиной въ качествѣ девиза на обложкѣ и съ еще болѣе откровенными лозунгами внутри:

Ѣдемъ, что-ли, баринъ... Ѣдемъ за цѣлковенькій,
Дешево, ей-Богу,—просто парамуръ!..
(„Весна" № 3).

Мчатся бѣсы... Во всевозможныхъ видахъ мелькаютъ они передъ нами.

Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?

«Вѣдьму замужъ выдаютъ»... Такъ, по крайней мѣрѣ, еще недавно казалось. Впечатлѣніе получалось такое, какъ будто бы мы на Лысой горѣ очутились. «Поэзія пользующихся институтомъ проституціи», какъ выражается теперь г. Сергѣй Городецкій, заполонила значительную часть литературы. Въ послѣдней возобладало совершенно опредѣленное, казалось, теченіе...

Но это движеніе, дѣйствительно, было «внѣ направленій». «Бѣсы» уже кружатся... Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, упомянутый выше ежемѣсячникъ, разсыпались, не давъ клада, на который разсчитывали издатели. Другіе уже готовы мчаться прямо въ противоположную сторону. «Широкіе слои молодежи,—спохватилась недавно одна изъ петербургскихъ понедѣльничныхъ газетъ,—цѣломудренны». И вотъ она уже взываетъ къ «поэту будущаго»:

„Будь цѣломудренъ, этого мы больше всего хотимъ. Этого требуемъ. Мы такъ изучили мелкій и крупный садизмъ, нимфоманію, некрофилію, мужеложество, скотоложество, мы черезчуръ увлеклись описаніемъ душевной жизни твари, мы слишкомъ долго культивировали въ своей душѣ эти жизненныя бациллы... Не изображай намъ всѣхъ способовъ, какими губятъ душу. Не изображай намъ мнимо-экстатическихъ состояній, даруемыхъ наркотиками и пьяными поцѣлуями. Пусть твои стихи не пахнутъ виномъ и табакомъ, какъ губы проститутки"... [1]).

Другая понедѣльничная газета—«Эпоха»—тоже выступила со статьей противъ «Мальчиковъ безъ штановъ»... Налетаетъ, повидимому, новый порывъ. Быть можетъ, теперь станутъ «спасать душу», и значительная часть литературы, только что представлявшая домъ терпимости, превратится въ средневѣковый монастырь со свойственными ему уродливостями... Впрочемъ, трудно предугадать, куда помчатся духи, только что отпраздновавшіе вѣдьмину свадьбу. Можно сказать одно: домового ужъ хоронятъ... Веселый канканъ еще не кончился, а жалобное пѣніе уже слышится:

„Быстро сгораютъ люди на кострахъ житейщины. Неуловимо быстро сгораютъ люди на жертвенникѣ поэзіи. Вотъ прошли побѣдители, и вотъ уже стоятъ урны съ ихъ пепломъ". („Утро").

Да, совершенно неожиданныя движенія возможны въ современной литературѣ, и до-нельзя уродливыя въ ней встрѣчаются сочетанія. Прихотливы сочетанія не только идей и мотивовъ; еще прихотливѣе, быть можетъ, сочетанія лицъ. Присмотритесь къ нынѣшнимъ литературнымъ комбинаціямъ,—хотя бы къ тѣмъ же, напримѣръ, «Понедѣльникамъ»: какихъ только именъ вы въ нихъ

*) „Утро", 29 сентября.

не встрѣтите! Максималисты, большевики и... кошкодавы *), символисты и реалисты; порнографы и моралисты; всѣмъ извѣстные крупные таланты и усердно рекламируемыя круглыя бездарности... Множество именъ, между которыми нѣтъ и, казалось бы, не можетъ быть ничего общаго.

И въ цѣломъ рядѣ подобныхъ комбинацій, какъ бы для того, чтобы глазъ не упустилъ уродливаго сочетанія, фигурируетъ Леонидъ Андреевъ. Онъ въ альманахахъ, онъ—въ «Понедѣльникахъ», онъ въ ежемѣсячникахъ, даже въ «Веснѣ» онъ сотрудничаетъ **).

Прихотливы сочетанія не только въ этой, наиболѣе сильно

---

*) Я не знаю, какъ иначе назвать „литераторовъ", о митингахъ которыхъ (съ поименнымъ указаніемъ, кто именно въ нихъ участвовалъ) газеты какъ-то сообщили слѣдующее „...Кошекъ привязывали къ столу, къ роялю, къ дивану или въ саду къ дереву и впускали двухъ или трехъ фоксъ-терьеровъ. Собакъ раззадоривали, били, щипали, доводили почти до бѣшенства и бросали на кошекъ. Начиналась свалка, лай собакъ, визгъ кошекъ, крики и возня... Чѣмъ ожесточеннѣе грызли собаки кошекъ, тѣмъ сильнѣе возбуждались зрители. Когда кошку загрызали или она уже не могла защищаться, возбужденіе у зрителей падало. Иногда компанія вторично посылала на охоту за кошками, и вновь начиналась травля. Павшихъ кошекъ зарывали въ саду или выбрасывали на улицу. Временами кошка, защищаясь, кусала или царапала фокса, тогда ее предавали смертной казни, предварительно рѣшивъ, какая форма казни наиболѣе желательна; обыкновенно вѣшали"... („Биржевыя Вѣдомости", цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ" отъ 17 августа). Такова „политическая" дѣятельность нѣкоторыхъ изъ современныхъ „литераторовъ" и такова почва, на которой они ведутъ борьбу съ существующимъ строемъ. Исторія описанныхъ митинговъ вскрылась, благодаря столкновенію участниковъ ихъ съ полиціей. Однажды они выбросили разорванную или задушенную кошку на улицу, гдѣ она упала какъ разъ къ ногамъ городового. „Возмущенный поступкомъ бросившаго кошку человѣка, какъ незаконнымъ въ санитарномъ отношеніи", городовой подошелъ къ квартирѣ. Хозяинъ послѣдней хотѣлъ, повидимому, съ нимъ объясниться, но вышедшій вмѣстѣ съ нимъ „писатель", не долго думая, ударилъ городового въ морду. Послѣдній далъ свистокъ, дальше, конечно, протоколъ, а затѣмъ и обвиненіе въ жестокомъ обращеніи съ животными. („Рѣчь", 22 августа).

**) Новыхъ вещей для всѣхъ, конечно, не хватаетъ,—раскапываются поэтому старыя; если нѣтъ разсказовъ, печатаются выдержки изъ писемъ или перепечатываются старые фельетоны, которые г. Андреевъ писалъ, когда былъ заурbriднымъ газетнымъ работникомъ. Для того же, чтобы читатели этого не замѣтили, придумываются новые заголовки или ставятся кабаллистическія даты. Кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ петербуржцевъ догадается, что 02, поставленные подъ фельетономъ, о появленіи котораго имъ заранѣе возвѣщено аршинными буквами, означаетъ 1902 годъ, когда этотъ фельетонъ впервые появился въ малораспространенной московской газетѣ? Имя писателя, приковывающаго сейчасъ къ себѣ общее вниманіе, оказалось въ распоряженіи юркой и плутоватой рекламы, которая пользуется имъ, чтобы легче создавать и быстрѣе пускать въ ходъ самыя уродливыя литературныя комбинаціи. Художникъ, спеціализировавшійся на изображеніи ужасовъ жизни,—видящій ихъ иногда даже въ томъ, въ чемъ мы ихъ не чувствуемъ,—какъ будто вовсе не замѣчаетъ кошмара, который насъ давитъ..

мятущейся, части литературы, но и въ болѣе спокойныхъ ея слояхъ. Возьмите хотя бы «Слово»... Характеризуя эту газету, кто-то сказалъ, что тутъ собрались бывшіе с.-д., бывшіе с.-р., бывшіе к.-д. и бывшіе трудовики во главѣ съ бывшимъ министромъ. Если это и не совсѣмъ точно, то все-таки довольно близко къ дѣйствительности. Все «бывшіе люди», — не упустило, конечно, случая съязвить по этому поводу «Новое Время». Что за странное, въ самомъ дѣлѣ, сочетаніе? Во имя чего сошлись эти писатели? Неужели всѣ принципіальныя различія въ ихъ взглядахъ исчезли? Неужели всѣ острыя грани въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, еще недавно такъ сильно дававшія себя знать, стерлись? Стало быть, объединеніе произошло? О, нѣтъ... Легко понять, что это не органическое сочетаніе, а механическое скопленіе. Просто-на-просто безпорядочно закружившіяся частички опустились у перваго забора, какой имъ попался по дорогѣ. Около г. Ѳедорова подвѣтренное мѣсто оказалось,—вотъ и получился сугробъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ «Слова».

Въ большей или меньшей степени то-же явленіе—присутствіе случайно занесенныхъ частицъ,—можно наблюдать теперь и въ другихъ литературныхъ сочетаніяхъ, — даже въ такихъ, очертанія которыхъ достаточно точно, казалось, опредѣлились. Не мало найдется ихъ, напримѣръ, даже въ партійной «Рѣчи»... Благодаря этому, картина, которую представляетъ изъ себя современная литература, въ громадной своей части оказывается смутной и неопредѣленной.

Между тѣмъ, появляются новые литературные «сугробы», какъ я ихъ назвалъ. Подписочный годъ только что начинается, а мы имѣемъ уже нѣсколько очень сложныхъ и совсѣмъ почти непонятныхъ литературныхъ комбинацій. Назову хотя бы «Бодрое Слово»... Судя по преобладающему составу сотрудниковъ, журналъ будетъ народническій. Но какимъ образомъ среди нихъ оказался М. П. Невѣдомскій, — этотъ «голый мальчикъ съ повязкой на головѣ», какъ его назвалъ когда-то покойный Н. К. Михайловскій,—М. П. Невѣдомскій, мечтающій все время о томъ, чѣмъ-бы это «проломить упрямыя народническія головы». Даже указу 9-го ноября онъ съ этой точки обрадовался и по мальчишески свою радость какъ-то возвѣстилъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ... Какимъ, далѣе, образомъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Ѳедоръ Сологубъ и I. М. Бикерманъ оказались вмѣстѣ? Что это за блокъ такой?—О томъ, чтобы тутъ могло произойти сліяніе, я не рѣшаюсь даже думать. Для тѣхъ, кто знаетъ ихъ литературное прошлое, даже временный союзъ между ними представляется чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ... Также непонятны и другія новыя журнальныя комбинаціи, представляющія, какъ, напримѣръ, «Міръ» гг. Богушевскихъ, какую-то странную смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній», или, какъ «Сѣверное Сіяніе» гр. Бобринской—какую-то

не менѣе странную кучу очень тщательно собранныхъ съ обширнаго пространства частичекъ, въ большинствѣ случаевъ очень мелкихъ...

Почему появляются эти «сугробы» вмѣсто яркихъ и опредѣленныхъ органовъ, которыхъ такъ мало осталось теперь въ литературѣ? Откуда взялась эта снѣжная пыль, то клубами носящаяся по литературному полю, то осѣдающая у какого-либо куста или забора? Что приводитъ въ движеніе этихъ писателей? Чѣмъ руководятся они, вступая въ самыя уродливыя комбинаціи и входя въ составъ самыхъ странныхъ смѣсей?

Если бы эти вопросы поставить по отношенію къ каждому изъ безпорядочно закружившихся литераторовъ въ отдѣльности, то, вѣроятно, отвѣты не трудно было бы получить, не выходя изъ личной сферы. Г. Энгельгардтъ въ своей литературной дѣятельности былъ максималистомъ, желалъ осчастливить русскій народъ свыше всякой мѣры, а потомъ разсердился на него и обругалъ его въ одномъ изъ «Понедѣльниковъ» «фефелой». Таковъ ужъ у него характеръ... У другого, быть можетъ, такая теорія. Мнѣ припоминается, напримѣръ, теорія, которую развивалъ въ свое время г. Б. М. въ «Сознательной Россіи». Представьте себѣ послѣдователя этой реоріи: раньше онъ былъ въ своей литературной дѣятельности революціонеромъ, «выступалъ подъ опредѣленнымъ флагомъ», «пріучая широкія массы слѣдить за нимъ и слѣдовать за нимъ»; а теперь, быть можетъ, онъ слился съ массой, сталъ «производить всякаго рода продукты, продавать и покупать, и потому никакая политическая организація не можетъ муштровать его и командовать имъ»; что же мѣшаетъ ему въ интересахъ теперешняго дѣла пригласить въ компанію съ собою оппортунистовъ и даже садистовъ и, что за бѣда, если въ той же компаніи окажется человѣкъ, который спитъ и видитъ, какъ бы сорвать флагъ, подъ которымъ г. Б. М. выступалъ раньше?.. *) Эти личные мотивы, которыми руководятся писатели въ отдѣльности, вообще многообразны, но, въ большинствѣ случаевъ, они очень просты, даже примитивны.

— Пить-ѣсть надо, а въ литературѣ сейчасъ до-нельзя тѣсно, органовъ подходящихъ мало, а то и вовсе нѣтъ. Поневолѣ всюду сунешься,—тѣмъ болѣе, когда зовутъ... Разборчивымъ по нынѣшнимъ временамъ трудно быть, брезгливость, и ту забудешь...

— И то взять: Андреева ничто не неволитъ, а не отказывается же онъ въ одной компаніи съ кошкодавами выступать... Теперь это не считаютъ зазорнымъ... Нравы другіе, не то, что прежде...

Вотъ какіе отвѣты можно получить, если приведенные выше вопросы поставить въ упоръ тому или иному отдѣльному литера-

*) Заключенныя мною въ кавычки слова взяты изъ статьи г. Б. М. „Тактическіе принципы оппозиціи“, помѣщенной въ № 3 „Сознательной Россіи“ (изд. 1906 г.).

тору. Но не въ этой, конечно, постановкѣ они насъ интересуютъ. Не то важно—и не то страшно,—что тотъ или иной писатель оказался не въ подходящей компаніи. Характерно явленіе въ его цѣломъ, и страшны не индивидуальныя блужданія, а общая сумятица. А послѣднюю, оставаясь въ личной сферѣ, не объяснишь. Уже изъ взятыхъ мною для примѣра индивидуальныхъ отвѣтовъ ясно, что въ основѣ ея лежатъ нѣкоторыя общія причины, далеко выходящія за предѣлы литературной среды и самой литературы.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣдней тѣсно и «подходящихъ» органовъ мало? Легко понять, что не только къ личнымъ свойствамъ теперешнихъ редакторовъ и издателей, но и къ «внѣшнимъ условіямъ», въ какихъ находится сейчасъ литература, свести цѣликомъ это явленіе невозможно. «Внѣшнія условія» могутъ сдѣлать—да и сдѣлали уже—нѣкоторыя изъ литературныхъ комбинацій не возможными, но они сами по себѣ не въ силахъ были бы сдѣлать тѣ, для которыхъ еще остается мѣсто на легальной аренѣ, уродливыми. Подъ внѣшнимъ давленіемъ сохранившіеся органы печати могли стать блѣдными, но это не значитъ, что они должны были сдѣлаться пестрыми...

Почему, далѣе, измѣнились нравы въ литературѣ? Почему литераторы перестали различать добро и зло? Почему они «ходятъ, точно пьяные», какъ будто вовсе не соображая, «правая, лѣвая, гдѣ сторона?» Легко опять-таки понять, что не только къ аморализму тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ писателей, но и вообще къ иммарализму, какъ къ ученію, будто-бы сдѣлавшему за послѣдніе годы громадные успѣхи въ русскомъ обществѣ, свести это явленіе нельзя. Нельзя его объяснить и тѣмъ, что гдѣ-то существуетъ ресторанъ «Вѣна», и что въ немъ пьянствуютъ нѣкоторые изъ петербургскихъ литераторовъ.. Пьяницы среди писателей бывали и раньше, горькіе бывали пьяницы,—это не мѣшало, однако, имъ свою литературную линію вести твердо и неуклонно. Точно также и философскія теоріи бывали разныя, какими увлекалось русское общество, а въ томъ числѣ и писатели. Было, напримѣръ, время, когда чуть-ли не всѣ въ извѣстной средѣ были матеріалистами,—это не мѣшало, однако, имъ, а въ томъ числѣ и писателямъ, въ своей жизни и дѣятельности быть самыми пламенными идеалистами. Да и теперь: развѣ грань между добромъ и зломъ совсѣмъ стерлась? Развѣ правая и лѣвая сторона для тѣхъ, которые пишутъ «внѣ направленій», совсѣмъ не существуютъ? Почему же, въ такомъ случаѣ, писатели, драпирующіеся въ плащъ иммарализма и не стѣсняющіеся разгуливать по литературной улицѣ съ кошкодавами и порнографами, не присоединятся къ Меньшикову? Компанія получилась бы еще болѣе занятная... Но до этого ихъ иммарализмъ—пока, по крайней мѣрѣ,—не доходитъ. Идти въ домъ терпимости, содержимый г. Василевскимъ, можно, а въ

домъ терпимости, содержимый г. Суворинымъ, зазорно. Разница не совсѣмъ понятная... Но чѣмъ бы она ни объяснялась, этика изъ писательской среды, стало быть, не совсѣмъ исчезла, и если литературная улица пьяна, то, очевидно, только до извѣстнаго предѣла...

Почему, наконецъ, «производить всякаго рода товары», поскольку дѣло касается литературы, многіе стали въ видѣ смѣси? Легко опять-таки понять, что личными свойствами и склонностями теперешнихъ издателей, редакторовъ и писателей этого не объяснишь. Не для себя вѣдь они «производятъ»...

Личныя соображенія, повторяю, въ большинствѣ случаевъ просты и понятны, нерѣдко мелочны и узки, но лежащія въ основѣ ихъ общія причины широки и сложны.

Возьмемъ тѣ изъ личныхъ соображеній, которыя можно свести къ экономическому интересу, какъ къ основному мотиву. Не для себя, какъ я только что сказалъ, «производятъ» литераторы, а для публики. Если вмѣсто чистыхъ и однородныхъ «товаровъ» литература стала предлагать всякаго рода смѣси, вплоть до ядовитыхъ, то, очевидно, таковы требованія рынка. Достаточно этого указанія, чтобы увидѣть неразрывную связь, въ какой находятся сумятица въ литературѣ и сумятица въ жизни. Читатели мечутся, не зная, куда направить свои поиски, и кидаются въ разныя стороны; издатели мечутся, не зная, какъ имъ потрафить, и приготовляютъ самыя прихотливыя смѣси; писатели мечутся, не зная, куда приткнуться, и вступаютъ въ самыя уродливыя сочетанія. Если бы все явленіе можно было умѣстить на экономической базѣ, то вину въ немъ цѣликомъ пришлось бы переложить на читателя.

Но у меня вовсе нѣтъ намѣренія всю вину съ одной больной головы перекладывать на другую... Если литературная среда такъ легко могла быть взбудоражена читательскимъ спросомъ, то, очевидно, и въ ней самой не очень много было связности. Въ самомъ дѣлѣ: не на экономической вѣдь почвѣ возникла литература, не на ней только она держалась, и не рублемъ только съ читательской средой она была связана. Въ писательской дѣятельности больше, чѣмъ въ какой-либо другой, всегда имѣли силу идейныя побужденія. Писатель не потому только «производилъ», что былъ внѣшній спросъ, но и потому, что была внутренняя потребность. Не потрафить читателю, а повліять на него ставилъ онъ своею цѣлью. И къ своимъ произведеніямъ онъ всегда относился очень бережно, даже ревниво. Почему же теперь писатели стали равнодушны къ тому, въ какой компаніи появятся на публику ихъ образы, въ какомъ сочетаніи дойдутъ до читателей ихъ мысли, въ какомъ аккордѣ или диссонансѣ, смѣшавшись съ чужими, прозвучатъ ихъ чувства? Не потому ли это происходитъ, что въ нихъ самихъ нѣтъ восторга передъ красотою образовъ,

которые они творятъ, нѣтъ вѣры въ истину, которую они проповѣдуютъ, и нѣтъ энтузіазма передъ справедливостью, къ которой они зовутъ? И не потому ли они мечутся въ разныя стороны?

Среди теперешнихъ писателей найдется, конечно, не мало такихъ, всѣ побужденія которыхъ сводятся, въ концѣ концовъ, къ рублю, но, несомнѣнно, много имѣется и такихъ, для которыхъ идейныя побужденія стоятъ на первомъ планѣ, если не всецѣло владѣютъ ими. И если однихъ приводятъ въ движеніе извнѣ долетающіе порывы, то другихъ—извнутри идущая тревога. Одни мечутся потому, что ихъ «гонятъ», другіе — потому, что ихъ «ищутъ»...

Вверху, въ литературѣ, движеніе, такимъ образомъ, сложнѣе, чѣмъ внизу, въ жизни: здѣсь дѣйствуютъ не только прямые, зарождающіеся въ душѣ самого писателя порывы, но и отраженные отъ читательской массы, которые извнѣ двигаютъ частицы, внутренно, быть можетъ, вовсе не участвующіе въ движеніи. Благодаря этому, сочетанія движущихся нерѣдко получаются здѣсь болѣе прихотливыя и очертанія складывающихся изъ нихъ фигуръ кажутся болѣе уродливыми. Но по существу движеніе, несомнѣнно, то же самое: ту же оно имѣетъ первоначальную причину, тотъ же имѣетъ основной характеръ и тѣ же, нужно думать, будетъ имѣть конечные результаты. Это одна и та же сумятица...

Да и странно было бы думать, что состояніе литературы можетъ быть инымъ, чѣмъ состояніе всей жизни. Странно было бы ожидать, что здѣсь все будетъ ясно, когда тамъ все такъ мутно, что, когда тамъ «всѣ дороги занесло», здѣсь всѣ пути будутъ видны. Тамъ и здѣсь мечутся люди и ищутъ, тамъ и здѣсь единую проблемму они пытаются рѣшить врозь и враздробь, и ни тамъ, ни здѣсь рѣшенія еще не найдено,—во всякомъ случаѣ, коллективной мыслью оно еще не усвоено. Было бы, конечно, любопытно присмотрѣться къ этимъ поискамъ и къ достигнутымъ въ нихъ, хотя бы и отрицательнымъ пока, результатамъ. Но это нужно сдѣлать особо. Въ настоящій же разъ мнѣ хотѣлось дать лишь общую характеристику происходящаго въ странѣ движенія, считаясь съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оно производитъ, когда пытаешься своею мыслью охватить его въ цѣломъ.

Вернемся еще разъ къ путнику, застигнутому въ полѣ мятелью. Послѣдняя способна, какъ я уже сказалъ, произвести на него впечатлѣніе какой-то ужасной фантасмогоріи... То же въ сущности впечатлѣніе получается и у насъ, когда мы начинаемъ всматриваться въ происходящую вокругъ насъ сумятицу. Порою охватываетъ прямо ужасъ...

Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ...

Обращаешь свой взоръ къ литературѣ, надѣясь найти въ ней хоть какія-нибудь руководящія указанія. Вотъ-вотъ, какъ будто

что-то видно... Но напрасная надежда—это бѣсъ смѣется надъ нами.

Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой...

Напуганное воображеніе нужно, однако, и можно успокоить,—отъ мистическаго ужаса, какой способна нагнать окружающая насъ дѣйствительность, можно и нужно отдѣлаться. Не живыя существа, а разрозненныя частички носятся передъ нами; не непреодолимыя преграды, а снѣжные сугробы вырастаютъ на нашей дорогѣ. Первыя не могутъ насъ увлечь помимо нашей воли, и послѣдніе не могутъ насъ остановить, если у насъ еще имѣются силы. Это чисто механическія и при томъ очень непрочныя сочетанія и скопленія... И отнюдь не жизнеспособныя...

Г. Сергѣй Городецкій, которому принадлежитъ приведенный выше призывъ къ «поэту будущаго», намѣренъ двинуться въ сторону «цѣломудрія» не иначе, какъ подъ руку съ г. Петромъ Потемкинымъ, имя котораго, по его собственнымъ словамъ, «не сходило прошлую зиму съ газетныхъ столбцовъ, ставившихъ его рядомъ со всѣмъ, что цинично, скользко и пошло». Повидимому, теперешняя комбинація представляется г. Городецкому постоянной, и онъ даже рисуетъ такую картину:

...Когда придетъ поэтъ во всеоружіи, со всѣми человѣческими чувствами въ сердцѣ и со всѣми зубами во рту, и скажетъ принесенное имъ новое и сильное слово, проникнутое цѣломудріемъ, мы всѣ, современники, сравнивъ съ его словомъ свою невыраженную глубь, воскликнемъ:
— Вѣдь это именно мы и хотѣли сказать!

Возможно, что г. Потемкинъ и сдѣлается еще глашатаемъ цѣломудрія... Можетъ быть, онъ и самъ не прочь двинуться въ эту сторону. Я представляю себѣ, какъ пріятно носиться надъ полемъ «внѣ направленій»... Но и за всѣмъ тѣмъ теперешнія комбинаціи, въ которыя входятъ Потемкины и Городецкіе, не представляются мнѣ прочными. Въ случаѣ новаго порыва,—будетъ ли онъ въ сторону цѣломудрія, или въ какую иную,—многіе Потемкины осыплются около того забора, надъ которымъ они теперь кружатся, да такъ въ видѣ подзаборныхъ сугробовъ и останутся. Если внимательно присмотрѣться, то эти порнографическіе сугробы какъ будто уже стали складываться... Съ новымъ порывомъ взлетятъ, конечно, новыя частички; смѣшавшись съ тѣми изъ прежнихъ, которыя удержались въ воздухѣ, онѣ дадутъ новыя сочетанія, быть можетъ, тоже уродливыя и столь же непрочныя. Поэтому, если бы мы, облюбовавъ ту или иную изъ комбинацій, какія вокругъ насъ носятся, сознательно рѣшились за нею слѣдовать, то изъ этого все равно ничего бы не вышло: прежде чѣмъ мы осуществили бы свое намѣреніе, прежде чѣмъ мы двину-

лись бы, облюбованная нами комбинація исчезла бы. Въ дѣйствительности, она вѣдь не существуетъ,—существуютъ лишь разрозненныя частички, которыя и носятся передъ нами...

Я представляю себѣ и то, какъ пріятно лежать въ мягкомъ сугробѣ, не волнуясь и не двигаясь. Возможно, что многіе писатели, нашедшіе себѣ въ томъ или иномъ изъ нихъ мѣсто, готовы остаться въ этомъ положеніи надолго... Но и за всѣмъ тѣмъ я не могу считать ихъ положеніе прочнымъ. Первый же порывъ можетъ разметать эту кучу и разнести ее мелкими частичками во всѣ стороны. И если бы мы, облюбовавъ тотъ или иной сугробъ среди поля, сознательно рѣшились около него расположиться, то нашъ отдыхъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться обезпеченнымъ. Прежде, чѣмъ ночь окончится, сугробъ, быть можетъ, исчезнетъ, и намъ придется искать новаго пристанища... Я уже не говорю о томъ, что эта мягкая постель, которая такъ клонитъ ко сну, когда кругомъ бушуетъ вьюга, можетъ оказаться смертнымъ ложемъ...

Отъ призраковъ—и отъ мятущихся, какъ будто живыхъ существъ, и отъ неподвижныхъ, какъ будто бы твердыхъ скалъ,—нужно отдѣлаться. Отъ нихъ нечего приходить въ ужасъ, но и нельзя на нихъ возлагать надежды. Но это не значитъ, что можно успокоиться, или остается—отчаяться.

Опасность, и кромѣ призрачной, велика. Выходъ, и кромѣ призрачнаго, несомнѣнно, имѣется...

А. Пѣшехоновъ.

Хроника внутренней жизни.

1. „Университетскій кризисъ“ и „рѣзкіе вопросы“. Личные вкусы г. Хомякова. Откуда тревога?—2. Средняя школа. Совѣщанія о школьной нравственности. Неудобосказуемое правило.—3. Кто насаждаетъ нравственность. Первые шаги русскихъ „герцоговинцевъ“.—4. Земскія кассы. Преобладающій земскій типъ. Ариѳметика и психологія. Поиски выхода. Гдѣ средства?

Исполнилось три года съ того памятнаго момента русской жизни, когда почти всѣ ея вопросы, почти всѣ недоумѣнія вышли вдругъ наружу, стали на большую дорогу, въ центрѣ общественнаго вниманія, требуя если не разрѣшенія, то отвѣта. Студенты, рабочіе, офицеры, мужики, солдаты, желѣзнодорожники, національныя группы, ученики, заключенные въ тюрьмахъ, просто чиновники, почтовые чиновники, учителя, телеграфисты и многое множество иного званія и состоянія людей кричали въ тысячахъ петицій, жалобъ, приговоровъ, заявленій, писемъ, постано-

вленій, резолюцій... И все это такъ или иначе заставляло средняго человѣка прислушиваться, вникнуть, по мѣрѣ силъ обдумать и по мѣрѣ силъ осмыслить. То былъ своеобразный синтезъ русской жизни, для котораго, впрочемъ, не имѣлось никакой обобщающей инстанціи, кромѣ общественнаго мнѣнія.

Затѣмъ былъ споръ, можно ли надѣяться, что даръ данайцевъ, называемый Думою, будетъ обобщающей инстанціей, или нельзя надѣяться. Понемногу на большой дорогѣ, въ центрѣ общественнаго вниманія оказались вопросы, связанные съ Думою; все другое стало какъ бы въ тѣни, полуслышно, или даже совсѣмъ неслышно,—ушло на проселокъ. Потомъ родилась Дума,—первая Дума, походившая до нѣкоторой степени на обобщающую инстанцію. Къ ней летѣли петиціи, жалобы, приговоры, резолюціи... Къ ней обращались разнаго званія и состоянія люди, требуя отвѣта. Въ этомъ хорѣ недоставало многихъ голосовъ, словно ушедшихъ куда-то и не пожелавшихъ вернуться. Еще жиже хоръ былъ возлѣ второй Думы. А когда родилась третья, совсѣмъ не стало слышно ни рабочаго, ни телеграфиста, ни солдата, ни даже мужика... Синтезъ исчезъ. Вопросы и недоумѣнія попрятались. На большой дорогѣ, если не общественнаго вниманія, то политической прессы стала Дума,—не обобщающая инстанція, а просто Дума, фактъ an und fur sich. Возлѣ нея въ прошломъ году, по тогдашнимъ увѣреніямъ газетъ, случались «историческія событія», были «историческіе дни», потомъ просто «большіе дни», потомъ дни, когда произносились «настоящія парламентскія рѣчи», потомъ инциденты, потомъ каникулы... И за послѣдніе 2—3 мѣсяца крупнѣйшими происшествіями на большой дорогѣ были многочисленныя интервью съ г. Хомяковымъ, многочисленныя интервью съ г. Гучковымъ, догадки о расколѣ октябристовъ, догадки о союзѣ октябристовъ съ кадетами... А когда г. Маклакову въ Москвѣ не разрѣшили собранія, и когда г. Маклаковъ по этому случаю убѣдился, что успокоеніе ведетъ не къ реформамъ, а къ реакціи, получилось настоящее, большое событіе дня, такое событіе, которому посвящены передовыя статьи почти во всѣхъ оппозиціонныхъ газетахъ.. Тихо и темно стало на большой дорогѣ. Ночь. Фонари погасли. И неизвѣстно, что къ чему, куда и какъ.

И сызнова начинаютъ выступать наружу попрятавшіеся было вопросы и недоразумѣнія. Еще въ ту пору, когда только подготовлялась блаженной памяти первая Дума, когда только группировались избирательныя силы, редактировались лозунги и заготовлялись предвыборныя воззванія, тихонько ушли съ большой дороги студенты и профессора и унесли съ собою вопросъ о высшей школѣ. Подъ шумъ событій, молчкомъ, почти незамѣтно для «публики» появились вольнослушательницы, вольнослушатели, организованное студенческое представительство, фактически осуществляемое, хотя и не вполнѣ, право самоуправленія. Появилось многое другое, доселѣ

небывалое. Появилась, коротко говоря, такъ называемая «автономія», т. е. ниспроверженіе самыхъ священныхъ основъ полицейскаго управленія высшими школами,—нѣчто въ полицейскомъ государствѣ невозможное и безусловно недопустимое... Впослѣдствіи вошло въ привычку повторять, что академическая автономія создана указомъ 27 августа 1905 г. Но это—недоразумѣніе. Указъ 27 августа ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ автономіи. Онъ предоставляетъ профессорамъ избирать ректоровъ и декановъ, представлять избранныхъ на утвержденіе начальства и «заботиться о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни». Автономію дала все та же «неслыханная смута», «реальное соотношеніе силъ» не только внутри академій, но и во всей странѣ, тотъ грохотъ событій, благодаря которому высшая школа смогла безъ помѣхъ свыше заняться своимъ внутреннимъ облагоустроеніемъ. Не до академическихъ вольностей было начальству. Но шумъ стихъ. Существованіе автономіи, со всѣми ея непримиримыми противорѣчіями полицейскому строю стало слишкомъ замѣтно. «Автономію» начальство стало подстригать сообразно общему плану россійской государственности. Въ результатѣ—студенческая забастовка въ Петербургѣ, въ Юрьевѣ, въ Казани, въ Москвѣ, въ Кіевѣ... Послѣ трехлѣтняго перерыва это первыя крупныя, почти всероссійскія «студенческія волненія»...

Я не буду подробно останавливаться на нынѣшней академической забастовкѣ. Подробной оцѣнкѣ университетскихъ событій посвящены въ этомъ номерѣ «Русскаго Богатства» «Наброски современности» В. А. Мякотина. Я упоминаю о «студенческихъ волненіяхъ» лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, ровно постольку, поскольку необходимо отмѣтить въ общемъ ходѣ событій это наиболѣе замѣтное явленіе общественной жизни послѣднихъ дней. Какъ ни какъ, а вопросъ, ушедшій было съ большой дороги, снова возвратился назадъ. И, вдумываясь въ общій ходъ событій, я готовъ понять того «члена кабинета» министровъ, который, по словамъ «Рѣчи», находитъ, что «университетскій кризисъ теперь совсѣмъ не кстати»:

„Если обсужденіемъ университетскаго вопроса займется Дума, то это будетъ обстоятельствомъ неудобнымъ. Мы готовились особенно тщательно заняться вмѣстѣ съ Думою бюджетомъ. Для этого необходимы спокойныя отношенія между Думою и кабинетомъ, несмущаемыя какими-либо рѣзкими вопросами“ („Рѣчь“, 30 сентября).

Говорю: «готовъ понять», хотя само по себѣ заявленіе «члена кабинета» весьма странно... Казалось бы, съ какой стати придавать «университетскому кризису» такую исключительную важность, когда «вопросы», въ высшей степени рѣзкіе и въ высшей степени способные смутить отношенія, встрѣчаются буквально на каждомъ шагу. Намъ незачѣмъ напоминать о такихъ страшныхъ вещахъ, какъ аграрный, рабочій и т. п. жупелы.

Но возьмите хотя бы такія мелочи чисто хроникерскаго свойства. Первая сходка студентовъ петербургскаго университета, принципіально рѣшившая забастовать, была 13 сентября. И въ теченіе почти недѣли въ петербургскихъ газетахъ не было ни одного слова не только объ этомъ рѣшеніи, но и самый фактъ, что происходила сходка, оставался неизвѣстнымъ. Газеты ограничились глухими намеками на какія-то событія въ университетѣ. Въ теченіе той же недѣли случайно раскрыты и нѣкоторыя техническія подробности, какъ это достигается. Оказалось, что, кромѣ распоряженія молчать о студентахъ, было сдѣлано неизвѣстно кѣмъ по телефону и другое распоряженіе редакціямъ— не критиковать дѣятельности предсѣдателя петербургской городской санитарной коммиссіи, г. Оппенгейма... Т. е., конечно, никакого преступленія нѣтъ, если газета сообщитъ: 13 сентября въ университетѣ была сходка, или не найдетъ возможнымъ отозваться объ г. Оппенгеймѣ съ похвалой. И распоряженіе о переводѣ на практическій языкъ означаетъ: если не послушаетесь, то будетъ осуществлена возможность въ любой изъ обычныхъ статей и замѣтокъ газеты найти предлогъ для преданія суду по 129 ст. или для наложенія штрафа до 3000 р. въ порядкѣ административномъ... Словомъ, таинственныя лица, отдающія такія распоряженія, выражаютъ весьма опредѣленный взглядъ и на независимость суда, и на достоинство административной власти, и на характеръ самыхъ законовъ, коимъ подчинена печать. И не такъ легко объяснить, почему этотъ «вопросъ» менѣе рѣзокъ и менѣе способенъ смутить отношенія, чѣмъ студенческая забастовка.

Беру другую мелочь. Какъ разъ во время забастовки закончился въ первой стадіи финляндскаго суда процессъ Половнева, одного изъ обвиняемыхъ по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна. И, между прочимъ, по словамъ «Голоса Москвы», въ заключеніе судебнаго разбирательства «гражданскій истецъ просилъ судъ по достоинству оцѣнить гнусное убійство агентомъ власти народнаго представителя, принимая во вниманіе, что Половневъ былъ на службѣ охраннаго отдѣленія» («Голосъ Москвы», 3 октября). И не только Половневъ. По свидѣтельскому показанію бывшаго жандарма Запольскаго, «всѣ они (принадлежавшіе къ шайкѣ убійцъ Герценштейна) называли себя агентами охраннаго отдѣленія». И называли не голословно: напр., «Казанковъ (впослѣдствіи организовавшій также убійство Іоллоса) предъявилъ Запольскому агентскую карточку за казенною печатью и подписью полковника Легата» («Рѣчь», 3 октября). Финляндскій судъ призналъ Половнева виновнымъ въ умышленномъ пособничествѣ убійству М. Я. Герценштейна и приговорилъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 6 лѣтъ. Послѣ такого оффиціальнаго (хотя и въ предѣлахъ Финляндіи) признанія факта снять это обвиненіе нѣсколько труднѣе, чѣмъ раньше, когда существовали лишь догадки и «несоглашенныя» улики. И спраши-

вается, почему этотъ «вопросъ» не рѣзокъ, почему онъ не можетъ «смутить покойныя отношенія между кабинетомъ и Думой»?

Но, положимъ, «членъ кабинета» до того привыкъ къ рѣзкостямъ внутренней жизни, извѣстнымъ ему гораздо лучше, чѣмъ простымъ смертнымъ, что онъ этихъ рѣзкостей просто не замѣчаетъ. Но, вотъ, пока мы воевали со студентами и съ газетами, злоумышлявшими напечатать, что 13 сентября въ петербургскомъ университетѣ происходила разрѣшенная начальствомъ сходка, Болгарія объявила себя независимой, Австро-Венгрія оформила фактическое обладаніе Босніей и Герцеговиной, запахло крупными международными осложненіями; державы заговорили о компенсаціи, путешествующій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Извольскій то же, по газетнымъ свѣдѣніямъ, ставилъ условіе, чтобы Россіи былъ открытъ свободный проходъ черезъ Дарданельскій проливъ, не предрѣшая вопроса о томъ, что свободный на бумагѣ проходъ въ любую минуту фактически можетъ быть закрытъ. Впрочемъ, по словамъ берлинскихъ газетъ, г. Извольскій выразилъ согласіе отказаться и отъ этой «компенсаціи», если будетъ гарантировано благопріятное размѣщеніе ближайшему очередному русскому займу... Собственно-это—«внѣшній вопросъ». Но какъ-то сразу было ясно, что онъ весьма рѣзко подчеркиваетъ внутреннее состояніе Россіи. Кн. Е. Н. Трубецкой, между прочимъ, весьма опредѣленно высказалъ, что балканскія событія, если мы не будемъ сидѣть смирно, могутъ имѣть послѣдствіемъ «окончательное разложеніе и гибель Россіи» («Голосъ Москвы», 3 октября). Еще болѣе опредѣленно высказалось «Новое Время». «Россія, по выраженію этой газеты, это раззорившійся помѣщикъ», и министръ Извольскій «путешествуетъ, какъ бѣдный родственникъ къ богатымъ роднымъ». «У насъ нѣтъ флота, а разстроенная армія связана внутренней смутой». Если мы вмѣшаемся въ дѣла богатой родни, насъ могутъ просто подѣлить на части. Если не вмѣшаемся и будемъ просить о помилованіи, надъ нами, можетъ быть, и смилуются. Такъ или иначе, помилуютъ насъ или не помилуютъ, пощадитъ богатая родня безпомощность новаго больного человѣка въ Европѣ или не пощадитъ, но пока «членъ кабинета» г. Извольскій, по свѣдѣніямъ берлинскихъ газетъ, отъ имени Россіи обѣщаетъ въ Лондонѣ не поднимать «вопросъ о проливахъ», если «Англія въ видѣ вознагражденія за эту уступку обязуется реализовать ближайшій русскій заемъ» (См. «Рѣчь», 3 октября). Другой же «членъ кабинета», по свѣдѣніямъ «Рѣчи», заявляетъ, что безпомощность государства передъ событіями, которыя могутъ имѣть весьма грозный исходъ,—«вопросъ не рѣзкій», и отказы г. Извольскаго, сопровождаемые просьбой «реализовать ближайшій заемъ»—тоже «вопросъ не рѣзкій». Все это не помѣшало бы спокойно и «особенно тщательно заниматься бюджетомъ». И не «смущало бы

отношеній между Думой и кабинетомъ». А студенческія забастовки, видите ли, мѣшаютъ и смущаютъ.

Удивительно, далѣе, и противоположеніе «рѣзкихъ вопросовъ» бюджету, словно этотъ послѣдній не есть совокупность чрезвычайно многихъ рѣзкостей. Г. Извольскій не даромъ открылъ въ Лондонѣ торговлю уступками. Обыкновенный бюджетъ будущаго года совѣту министровъ кое-какъ удалось свести концы съ концами, по крайней мѣрѣ, въ проектѣ и на бумагѣ. «Что же касается,—читаемъ въ объяснительной запискѣ къ проекту росписи на 1909 г.,—чрезвычайныхъ расходовъ... то уже теперь мы вынуждены покрывать ихъ изъ займовъ, за неимѣніемъ какихъ-либо особыхъ источниковъ или запасовъ въ предѣлахъ обыкновенныхъ средствъ» *). Это «уже теперь» въ объяснительной запискѣ министра финансовъ звучитъ весьма элегически. У г. Коковцева есть и другое «уже»: «наша задолженность,—пишетъ онъ,—отнимаетъ ежегодно на выполненіе долговыхъ обязательствъ государства уже почти четвертую часть чистаго бюджета» **). И, въ самомъ дѣлѣ, «уже теперь» къ обычному куртажу приходится прибавлять отказъ отъ «вопроса о Дарданельскомъ проливѣ», хотя и неизвѣстно, сколько за это дадутъ, и хватитъ ли денегъ, занятыхъ такою цѣною, на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ 1909 г. А дальше что? Намъ «необходимо,—признаетъ г. Коковцевъ,—заключать ежегодно займы». Что прибавить къ обычному куртажу при изысканіи средствъ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ 1910 г.? Правительство въ своемъ проектѣ росписи предлагаетъ программу. Оно не признаетъ возможнымъ сколько-нибудь серьезно увеличить доходы, указывая на главное препятствіе: «малую обезпеченность народныхъ массъ въ Россіи». Правительство не считаетъ возможнымъ сколько-нибудь серьезно сократить обыкновенные расходы, «ибо въ общей своей совокупности большинство потребностей государственной жизни не обезпечено у насъ достаточными средствами». Остается экономить на бюджетѣ чрезвычайномъ, что на языкѣ третьей Думы равносильно предложенію не увлекаться планами о «возрожденіи флота», о «реформированіи» арміи и т. д. «Какъ бы заманчивъ ни былъ путь быстраго устроенія государственной жизни», но «этотъ путь, не обставленный должною осмотрительностію, грозитъ крайне тяжелыми послѣдствіями». Да и практически, добавлю отъ себя, трудно осуществимъ: взаймы намъ даютъ плохо и неохотно. Есть еще путь, о которомъ говорятъ «лѣвые листки» и «противоправительственные депутаты»: поднять «обезпеченность народныхъ массъ». Но это—аграрный вопросъ, это—разговоръ о конституціи, это—подходъ къ ниспроверженію основъ, это безусловно недопустимо, и внѣ этого, если говорить откровенно, остается возможной только правительственная про-

---

*) Цит. по „Рѣчи“, 2 октября.

**) Ibid.

грамма. О деталяхъ ея можетъ быть споръ между «кабинетомъ» и благомыслящей частью Думы, но общій смыслъ министерской программы долженъ быть при этомъ ясенъ для обѣихъ сторонъ, да онъ и дѣйствительно ясенъ, особенно если помнить, что мы— бѣдные родственники, вынужденные просить милостыни у богатой родни. Смыслъ программы г. Коковцева можетъ быть выраженъ въ трехъ словахъ:

— Будемъ умирать медленно.

И положительно недоумѣваешь, на какомъ основаніи «членъ кабинета», о которомъ говоритъ «Рѣчь», считаетъ этотъ «бюджетный вопросъ» менѣе рѣзкимъ, чѣмъ студенческая забастовка. Наконецъ, если даже не брать «бюджетный вопросъ» вообще и остановиться лишь на бюджетныхъ деталяхъ, соображенія «члена кабинета» все-таки приходится признать весьма странными. Оставимъ въ сторонѣ аренды, оклады жалованья и прочія щекотливыя темы. Но возьмите хотя бы такую мелочь. Правительство проектируетъ повысить цѣну на водку (на 40 коп. съ ведра), и, въ связи съ этимъ, газеты вспомнили о расходахъ казны по закупкѣ спирта:

Лица, близко стоящія къ этому дѣлу, — пишетъ, напр., „Голосъ Москвы",—хорошо знаютъ, какая спекулятивная вакханалія по продажѣ въ казну спирта царила за послѣдніе годы подъ сѣнью главнаго управленія неокладныхъ сборовъ.

Результаты же «спекулятивной вакханаліи» въ общихъ чертахъ таковы:

Въ то время, какъ въ первые годы по введеніи у насъ винной монополіи среднія цѣны на сырой спиртъ колебались въ предѣлахъ отъ 57,68 коп. за ведро въ 40 градусовъ до 69,98 коп., за послѣдніе 3 года цѣны стали неимовѣрно вздуваться, достигнувъ въ 1907 г. небывалой цифры 87,09 коп. за ведро. Принявъ во вниманіе, что казна въ теченіе года пріобрѣтаетъ болѣе 100 милліоновъ ведеръ сырого спирта, легко сообразить, какую громадную сумму переплачиваетъ наше финансовое вѣдомство *).

Дѣйствительно, «сообразить легко». Но вѣдь легко и вспомнить, особенно «лицамъ, близко стоящимъ къ дѣлу», что еще при возникновеніи проекта о «казенной монополіи» весьма видную роль играли заботы о поддержаніи «сельскохозяйственнаго винокуренія», или, говоря конкретнѣе, о повышеніи доходности помѣщичьихъ винокуренныхъ заводовъ, вопіявшихъ, что ихъ, какъ поставщиковъ сырого спирта, обижаютъ винокуры-купцы, въ родѣ знаменитаго «Петра Смирнова», вырабатывающіе чистый продуктъ. Для чего, между прочимъ, и практикуется нынѣ «фантастическій, какъ выразились «Русскія Вѣдомости», способъ опредѣленія цѣны сырого спирта на каждомъ заводѣ въ отдѣльности», если не для поддержанія «очаговъ культуры»? Оскудѣли вѣдь они, очаги-то.

---

*) «Голосъ Москвы», 27 сентября.

А «за послѣдніе три года» тяжко пострадали отъ смуты, требуютъ усиленной поддержки. Мудрено ли, если именно «за послѣдніе 3 года» «оцѣнка сырого спирта на каждомъ заводѣ въ отдѣльности» «стала неимовѣрно вздуваться» и дала въ концѣ концовъ «небывалую среднюю цифру 87,09 за ведро»? Оставимъ въ сторонѣ подозрѣнія, что «патріотическія сферы» подняли шумъ по поводу сырого спирта ради цѣли, невысказанной и спеціальной: часть суммы, которая должна получиться отъ повышенія цѣны, обратить на поддержаніе оскудѣвшаго дворянскаго землевладѣнія. Не разъ ужъ бывало, что шумъ объ интересахъ казны оканчивался именно такимъ неожиданнымъ образомъ. Допустимъ, однако, что теперь въ данномъ случаѣ никакихъ невысказанныхъ и спеціальныхъ цѣлей нѣтъ. Но если бы Дума, въ самомъ дѣлѣ, захотѣла «особенно тщательно заняться» этою бюджетною частностью, получился бы весьма «рѣзкій вопросъ», способный во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ студенческая забастовка, «смутить отношенія».

Словомъ, въ высшей степени странно заставляетъ «Рѣчь» разсуждать «члена кабинета», до такой степени странно, что, казалось бы, остается лишь признать самое существованіе его проблематическимъ, лежащимъ всецѣло на совѣсти газеты. И при всемъ томъ, въ странныхъ мысляхъ этого проблематическаго министра есть нѣчто съ подлиннымъ вѣрное, несомнѣнно соотвѣтствующее фактическому положенію вещей. Прежде всего съ подлиннымъ вѣрно отношеніе правительства къ самому факту студенческой забастовки. Ни для власти, ни для подвластныхъ не секретъ, что сейчасъ страна находится въ состояніи отчаянномъ.

«Населенію—подводятъ „Петербургскія Вѣдомости" итогъ трехлѣтней дѣятельности правительства—опять грозитъ голодъ и безработица. Аграрный, учебный и другіе жгучіе вопросы русской жизни въ томъ же положеніи, въ какомъ ихъ засталъ манифестъ 17 октября. Армія и флотъ—въ томъ же и даже большемъ развалѣ. Экономика и финансы несравненно хуже. И, наконецъ, мы волею судебъ и попустительствомъ нашей дипломатіи, опять наканунѣ конфликта, могущаго разрѣшиться лишь силою оружія. Вотъ что принесли намъ эти три года» (цитировано по «Рѣчи», 2 октября).

Страна разваливается. Страна, по выраженію тѣхъ же «С.-Пет. Вѣд.», «глубже врастаетъ въ мертвую точку», дальнѣйшее пребываніе на которой грозитъ потерей политической самостоятельности. Картина такова, что студенческую забастовку, казалось бы, приходится считать эпизодомъ, сравнительно, мелкимъ. И, однако, на этомъ сравнительно мелкомъ эпизодѣ сосредоточилось столько правительственнаго вниманія, словно онъ-то и заключаетъ въ себѣ разгадку всѣхъ загадокъ и корень всѣхъ бѣдъ, словно все благополучно, хорошо, какъ слѣдуетъ быть, и единственное, что нехорошо и неблагополучно,—это «университетскій кризисъ». Тутъ странность кабинетскихъ мыслей, о которыхъ говоритъ «Рѣчь», вполнѣ гармонируетъ со странностью кабинетскихъ поступковъ.

А затѣмъ въ этой странности есть своеобразная логика. Я упомянулъ выше о положеніи печати. Оно сейчасъ рѣзко. Но вѣдь не менѣе рѣзко оно было и въ прошломъ году. И въ прошломъ году, какъ и теперь, положеніе печати подрывало довѣріе къ суду, опредѣленнымъ образомъ свидѣтельствовало объ административныхъ правахъ и о характерѣ законовъ. Все это было, и хорошо извѣстно. И тѣмъ менѣе по отзыву самого предсѣдателя Государственной Думы г. Хомякова все это не доказываетъ, что съ «реформой печати» надо очень торопиться. Наоборотъ, печать можно отнести и на второй планъ. Она «можетъ погодить». И вотъ собственно почему:

— Можно ли,—пояснилъ г. Хомяковъ,—обойтись безъ реформъ земства, мѣстнаго суда, земскихъ начальниковъ и проч.? Нѣтъ. А безъ газетъ можно жить? Можно. Во время отпуска станете ли вы читать газеты? Я, признаюсь, прожилъ безъ газеты (въ имѣніи, послѣ окончанія думской сессіи), и ничего»... *).

Съ своей стороны тоже признаюсь: когда я прочиталъ этотъ аргументъ «предсѣдателя законодательнаго учрежденія» и при томъ прочиталъ не во враждебномъ «думскому большинству» «листкѣ», а въ «Голосѣ Москвы», мнѣ живо припомнился мой старый пріятель кладбищенскій сторожъ Кузьма, который очень ворчалъ, когда вблизи воротъ кладбища повѣсили почтовый ящикъ:

— Я, слава Тебѣ, Господи, пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, а каки-таки письма не знаю. Какъ съ роду я ихъ не получалъ, такъ совсѣмъ они мнѣ ни къ чему. А тутъ накося—ящшикъ! Для какой такой надобности?.. Дѣвкамъ записки посылать... Я ужъ сколько прошу заступъ новый купить—такъ нѣтъ погоди, старый по ихнему хорошъ. А вотъ яшшикъ, вишь, повѣсили... Па-а-рядки...

Дорогого стоитъ эта Дума, у которой даже предсѣдатель способенъ относиться къ общегосударственнымъ вопросамъ первостепенной важности съ точки зрѣнія своихъ личныхъ вкусовъ и привычекъ. Если бы у насъ — Боже избави! — была конституція, и если бы конституціонное министерство объяснило г. Хомякову, что организованное и правильное выраженіе общественнаго мнѣнія есть необходимое условіе законодательной работы, и что поэтому «реформа печати» принадлежитъ къ числу самыхъ первоочередныхъ и неотложныхъ,—быть можетъ, г. Хомяковъ понялъ бы, сколь мало умѣстна въ такихъ случаяхъ ссылка на свой вкусъ. Но у насъ, слава Богу, нѣтъ конституціи, и г. Хомякову, быть можетъ, объяснятъ, что, пока печать не подтянута, законодательная работа въ предложенномъ направленіи будетъ встрѣчать препоны, и что поэтому «реформа печати» опять таки должна стоять на первой очереди. Возможно, что и въ этомъ случаѣ г. Хомяковъ пойметъ, сколь ошибочно въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководиться личнымъ

*) «Голосъ Москвы», 22 августа.

вкусомъ. По крайней мѣрѣ, надежды на то, что онъ пойметъ, не потеряны. Но, во всякомъ случаѣ, пока, на его взглядъ, рѣзкости въ вопросѣ о печати не видно. Теперь «Голосъ Москвы» сообщаетъ, что «П. А. Столыпинъ лично выработалъ» законопроектъ о печати. Положимъ даже, что этотъ законопроектъ будетъ внесенъ, поставленъ на очередь, станетъ закономъ. Но хуже отъ него печати или лучше, съ точки зрѣнія человѣка, который «прожилъ лѣто безъ газеты—и ничего», рѣшительно все равно, какъ для моего пріятеля, кладбищенскаго сторожа Кузьмы рѣшительно все равно, куда помѣстить почтовый ящикъ—на улицѣ или въ лѣсу, на крышѣ колокольни или на днѣ озера. Единственное, противъ чего рѣшительно протестовалъ бы Кузьма,—это, если бы ящикъ повѣсили на дверяхъ его сторожки. Но вѣдь и г. Хомяковъ протестовалъ бы, если-бы положеніе печати предполагалось улучшить до непріятныхъ ему, г. Хомякову, размѣровъ.

Шумятъ вотъ тоже по случаю охранки. Ну, хорошо, нѣкто, предъявлявшій агентскую карточку охраннаго отдѣленія департамента полиціи, подготовлялъ и совершалъ убійство Герценштейна. И было это, между прочимъ, какъ разъ въ то время, когда г. Хомяковъ жилъ въ своемъ сычевскомъ, если не ошибаюсь, имѣніи,—и ничего!.. Но, собственно, кто же не знаетъ, что въ охранномъ отдѣленіи вообще не безъ грѣховъ? Есть гдѣ-то это отдѣленіе. А то еще есть сыскное. Есть тюрьмы, распространяющія, между прочимъ, тифъ. Есть ссылки. Есть много разныхъ другихъ непріятностей. И на счетъ финансовъ давно ужъ извѣстно, что они у насъ весьма не склонны улучшаться. И въ прошломъ году былъ голодъ, и въ позапрошломъ. И въ прошломъ году у насъ не было флота, и была «разстроенная армія, связанная смутой». И въ позапрошломъ также. И въ прошломъ году мы были безпомощны на случай международныхъ осложненій. Ну, и въ нынѣшнемъ тоже... Все это было и есть. И все, что есть въ русской жизни рокового, страшнаго, невыносимаго, въ прошлую сессію оказалось какъ-то психологически чуждо Думѣ 3 іюня. Она сумѣла въ общемъ довольно спокойно заниматься бюджетомъ и «законодательной вермишелью», по выраженіи того же г. Хомякова. Она стояла именно одна на большой дорогѣ,—самодовлѣющая, словно забронированная отъ безчисленныхъ рѣзкихъ и жгучихъ вопросовъ, которыми кипѣла русская дѣйствительность гдѣ-то вдали, на проселкахъ. Дѣйствительность была ужасна; самъ г. Хомяковъ призналъ, что тамъ, «на мѣстахъ», въ подлинной Россіи «все разваливается». Но это онъ призналъ послѣ сессіи, на каникулахъ, въ качествѣ такъ сказать партикулярнаго человѣка и партикулярнымъ образомъ. Во время же сессіи отъ него русская дѣйствительность просто отскакивала, какъ, впрочемъ, и отъ всего думскаго большинства. Странно вспомнить: г. Хомяковъ чрезвычайно волновался, когда дѣло дошло до штатовъ думской канцеляріи и обнаружи-

валъ поразительное философическое спокойствіе по случаю крайне трагическихъ признаковъ того, что «все разваливается», и страна стоитъ на пути, ведущемъ къ гибели.

Дума 3 іюня дала достаточно доказательствъ, что съ нею можно «жить по примѣру прошлаго года» и «умирать медленно». И съ этой точки зрѣнія, «университетскій кризисъ теперь, дѣйствительно, совсѣмъ не кстати». Ибо надо было или не надо возвратить, ради сохраненія исконныхъ устоевъ,—высшую школу въ первобытное состояніе? Ясное дѣло—надо. А между тѣмъ, когда это, очевидно, необходимое дѣло осуществлено, студентъ опять выскочилъ съ проселка на большую дорогу и сталъ кричать. И, посмотрите, г. Меньшиковъ уже дрожитъ отъ страха:

Авангардъ бунта, — пишетъ онъ, — высшая школа, уже идетъ... Персидскіе энджумены и турецкіе младотурки замѣтно подняли духъ нашихъ... Осень 1908 года обѣщаетъ быть тревожной... Революція отдохнула... Что касается арміи, единственнаго оплота государственнаго... теперешніе нижніе чины поступили въ разгаръ безпорядковъ и среди нихъ очень многіе—скрытые „товарищи“. О вольноопредѣляющихся и говорить нечего... („Нов. Время“, 4 окт.).

И, характерно, тотъ-же г. Меньшиковъ предлагаетъ «мужественно примириться съ тѣмъ, что «Россія больше не великая держава», что она безпомощна, что она — «раззорившійся помѣщикъ» (см. «Нов. Время», 7 октября). Но разъ «идетъ высшая школа», г. Меньшиковъ мириться безусловно не согласенъ. Онъ требуетъ мѣръ немедленныхъ, рѣшительныхъ, безпощадныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, а что если вслѣдъ за студентами выскочатъ на большую дорогу съ проселковъ желѣзнодорожники, почтальоны, рабочіе, мужики, солдаты?.. Что, если опять всѣ вопросы вылѣзутъ наружу, какъ тогда, въ 1905 г., когда г. Хомяковъ тоже жилъ, если не ошибаюсь, въ сычевскомъ уѣздѣ, но, вспоминая прошлое, врядъ-ли сумѣетъ сказать: «и ничего». О, конечно, призраки прошлаго лишь чудятся. Но человѣка, склоннаго смотрѣть на земную жизнь до нѣкоторой степени съ точки зрѣнія личныхъ удобствъ, и призраки, съ коими связаны непріятныя воспоминанія, могутъ нервировать. Г. Хомяковъ тоже можетъ потребовать мѣръ,—такихъ-ли, какъ г. Меньшиковъ, или помягче, мы не знаемъ. Но надежда прожить спокойно, «по примѣру прошлаго года», во всякомъ случаѣ, колеблется. И въ этомъ, повторяю, смыслѣ «авангардъ бунта» выступилъ совсѣмъ не кстати.

II.

«Осень 1908 г. обѣщаетъ быть тревожной», хотя и не въ томъ смыслѣ, какой разумѣетъ «Новое Время» и «верховная палата союза Михаила-архангела», ожидающая всероссійской желѣзнодорожной забастовки. Да, сколько можно понять, и не съ той

стороны видны тучи, откуда ихъ ждетъ г. Меньшиковъ. Не совсѣмъ хороша сейчасъ, между прочимъ, конъюнктура на томъ проселкѣ русской жизни, на которомъ влачитъ свои дни средняя школа. Когда-то она тоже шла большою дорогою, почти въ центрѣ общественнаго вниманія, — но то было давно, въ толстовскія времена насажденія классицизма. Позже споръ о классической и реальной школѣ смѣнился вопросомъ о постановкѣ средняго образованія; выяснилось въ сознаніи широкихъ круговъ, что сколько-нибудь удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса возможно лишь въ условіяхъ правового строя. На большой дорогѣ, въ центрѣ общественнаго вниманія оказались основные вопросы государственнаго бытія. Средняя школа, судьба которой, очевидно, зависитъ отъ того или иного рѣшенія основныхъ вопросовъ, очутилась на второмъ планѣ. На второмъ планѣ она оставалась даже въ медовые мѣсяцы Ванновскаго, хотя и былъ тогда поднятъ большой шумъ о школьной реформѣ: для широкихъ круговъ не составляло секрета, что сколько ни шуми, но, пока общія условія не измѣнены, «реформаторскій» пылъ пойдетъ не дальше мелкихъ и ничего по существу не измѣняющихъ поправокъ. Въ 1905 г. средняя школа кричала со всѣми вмѣстѣ. А потомъ какъ-бы скрылась куда-то отъ вниманія большой публики, получивъ, впрочемъ, отъ смуты кое-какое наслѣдство.

Говоря о наслѣдствѣ, разумѣю не только родительскіе комитеты, не только появленіе на урокахъ такихъ, наприм., словъ, какъ «конституція», не только наступившую было перемѣну отношеній къ личности ученика, сказавшуюся во многихъ сторонахъ школьнаго быта, начиная съ исчезнувшихъ на нѣкоторое время эксцессовъ внѣшкольнаго надзора и кончая такими мелочами, какъ курительныя комнаты въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ (школьныя «курилки», впрочемъ, тоже существовали лишь «нѣкоторое время»). Все это было. И все это важно. Но важнѣе да и опаснѣе для правительства не столько сама «свобода», сколько то, какъ ученики ею пользовались. 45 лѣтъ свобода такъ же, какъ и теперь, фуксомъ, такъ же, какъ и теперь, въ очень робкихъ дозахъ пыталась заглянуть въ школы. Тогда дѣло закончилось большой тревогой власти. «Ученики занимались,—констатируетъ одинъ изъ старинныхъ циркуляровъ (изданъ въ 1864),—исключительно разборомъ стихотвореній Лермонтова... Никитина... Добролюбова... Некрасова»... Переписывали «У параднаго подъѣзда» Некрасова, «Монологи» Огарева... Читали «Что дѣлать» Чернышевскаго, «Подводный камень» Авдѣева и даже «Современникъ»... Попросту говоря, въ школу проникла крамольная литература, и трактующая о «соціальныхъ вопросахъ», и въ тогдашнее время интересъ къ ней сблизилъ учителей съ учениками. Власть всполошилась, приняла мѣры, и «безобразіе» надолго исчезло. Теперь учитель оказался иной. Къ тому же, по случаю смуты, было произведено

фундаментальное изъятіе неблагонадежныхъ учителей изъ обращенія. За рѣдкими исключеніями, нынѣшняя свобода не сблизила учениковъ съ учителями. Но въ повышеніи ученическаго интереса къ крамольнымъ вопросамъ и къ крамольнымъ предметамъ она сыграла нѣкоторую роль. Иждивеніемъ самихъ учениковъ стали возникать внѣшкольныя ученическія библіотеки. Кружки самообразованія. Собранія по квартирамъ. Чтенія. Рефераты... Положимъ, все это было и до смуты, но подъ большимъ секретомъ и въ очень ограниченныхъ количествахъ. Смута помогла старому тяготѣнію въ эту сторону оформиться, окрѣпнуть, принять сравнительно крупные размѣры, создать своеобразную «ученическую литературу», то въ формѣ небывало многочисленныхъ рукописныхъ журналовъ, то въ видѣ печатныхъ, легально изданныхъ «сборниковъ».

Ученическая литература послѣднихъ трехъ лѣтъ, возникшая, повторяю, благодаря смутѣ, пока плохо замѣчена и совершенно не изслѣдована. Да и когда было изслѣдовать? Почти незамѣченными остались школьные кружки самообразованія, самочинныя библіотечки, рефераты и многое другое, чѣмъ характеризуется значительное повышеніе интеллектуальныхъ интересовъ среди школьныхъ подростковъ. Впрочемъ, въ этомъ проселокъ средней школы совпалъ съ большимъ и также проселочнымъ явленіемъ русской жизни: я говорю о повышенной потребности въ образованіи. Это большое явленіе тоже плохо замѣчено. Пока извѣстны лишь коекакія детали его. Подмѣчено, напр., что въ высшихъ школахъ студенты жаждутъ учиться, какъ никогда. Подмѣчено также, что на книжномъ рынкѣ послѣ брошюры, словно сыгравшей роль легкой закуски передъ обѣдомъ, начался необычно большой спросъ на толстую, ученую книгу. Подмѣчено, пожалуй, и еще коечто. Но, повторяю, это лишь детали сложнаго и значительнаго явленія, совпавшаго съ нѣкоторыми переживаніями, тоже сложными и значительными, школьной молодежи.

Путь, по которому шла средняя школа послѣ смуты 1905 г., совпалъ отчасти и съ другимъ также сложнымъ и также проселочнымъ явленіемъ. Не даромъ въ послѣднее время и въ педагогической литературѣ, и среди родителей, принимающихъ близко къ сердцу вопросы воспитанія, замѣтенъ повышенный интересъ къ вопросу о «первоначальныхъ свѣдѣніяхъ изъ области половой жизни». Свободу личности, въ правовомъ смыслѣ этого понятія, власть не признала и не узаконила. Не признана и не узаконена властью свобода личности и въ бытовомъ смыслѣ. Узы церкви и семейнаго права, соотвѣтственнаго полицейской государственности, de jure съ россійскаго обывателя доселѣ не сняты. Но въ сознаніи широкихъ массъ смута декретировала свободу личности; смута, такъ сказать, установила, что жажда свободы не грѣхъ, а благо, не преступленіе, а право и необходимость. И трудная задача, какъ

примирить интересы свободной личности съ тѣми обязанностями, какія налагаетъ на нее половое общеніе, возникла сама собой. Уже одно признаніе, что личность имѣетъ права, должно было повести къ переоцѣнкѣ нормъ традиціонной «половой морали», къ усиленному сосредоточенію вниманія на «половой проблемѣ». Въ это теченіе, въ основѣ своей выходившее изъ здоровыхъ и чистыхъ источниковъ, внесено много мути и грязи. Помимо барышниковъ, для которыхъ непотребство есть промыселъ, сюда устремились и просто безшабашные люди, и просто дураки. Изъ ложно понятаго принципа свободной личности возникло «санинство», съ его основнымъ выводомъ: кто силенъ да удачливъ, тотъ и правъ, и тому все можно. Подъ видомъ естественныхъ правъ личности возникла проповѣдь права сильнаго; въ маскѣ защитниковъ свободы выступили люди, проповѣдующіе реакцію гораздо глубже и дальше, чѣмъ святѣйшій синодъ или союзъ русскаго народа. Я говорю глубже и дальше, ибо православіе все-таки защищаетъ физически слабую личность отъ насилія, а санинство разрѣшаетъ насиловать; для полицейскаго строя дѣвушка все-таки человѣкъ, права котораго должны быть, хотя и въ очень минимальной степени, охраняемы, для Санина она—лишь объектъ наслажденія; полицейскій государственный строй слишкомъ прогрессивенъ для «санинства», которому, чтобъ воплотиться, собственно нужно возродить строй рабовладѣльческій и кулачное право.

Повторяю, грязи, мути и глупости внесено было много. Но вопросъ о соотношеніи между сознанными и признанными правами личности, съ одной стороны, и обязанностями, налагаемыми половою жизнью, съ другой,—остается вопросомъ, такъ или иначе подлежащимъ рѣшенію. Какъ примирить и согласовать права личностей, сошедшихся въ половомъ смыслѣ?—эту задачу рѣшала и рѣшаетъ, собственно, взрослая Россія, но самая постановка ея по многимъ причинамъ не могла ускользнуть отъ Россіи юной, которая еще только растетъ, формируется, осмысливаетъ себя разными способами и, между прочимъ, посредствомъ школьныхъ кружковъ самообразованія. И опять-таки то здоровое и чистое, что было въ сосредоточеніи интереса школьныхъ кружковъ, между прочимъ, и на этой сторонѣ жизни, осталось почти незамѣченнымъ. Плохо учтено даже значеніе массовыхъ ученическихъ протестовъ противъ единичныхъ фактовъ половой распущенности За то подмѣсь грязи и мути была прекрасно замѣчена, и кричали о ней слишкомъ много, кричали даже тогда, когда никакого повода кричать не было. И этотъ крикъ о развратѣ, о кружкахъ свободной любви послужилъ благовиднымъ предлогомъ для проявленія чрезвычайной заботливости о внѣшкольномъ надзорѣ.

Къ началу нынѣшняго учебнаго года почти по всей Россіи были организованы мѣстныя особыя совѣщанія, на обязанность которыхъ циркулярами двухъ министровъ (внутреннихъ дѣлъ и народнаго

просвѣщенія) возлагалось выработать мѣры къ «поднятію нравственнаго уровня» учащихся. Составлялись совѣщанія нѣсколько своеобразно. Въ ростовское (на Дону), напримѣръ, совѣщаніе, кромѣ предсѣдателя-градоначальника, входили: «директора мужскихъ и женскихъ гимназій, учредители частныхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, депутаты духовнаго вѣдомства, представители прокурорской власти и прочія лица» *). Въ саратовскомъ совѣщаніи «присутствовали также «начальники губернскаго и желѣзнодорожнаго жандармскихъ управленій и полицеймейстеръ» («Русс. Сл.», 21 сентября). Въ Вильнѣ среди другихъ былъ и городской голова. Въ Екатеринославѣ на совѣщаніе были приглашены просто представители гражданскаго и учебнаго начальства» **). Въ правилахъ внѣшкольнаго надзора, опубликованныхъ въ Петербургѣ, говорится лишь о «соглашеніи» между градоначальникомъ и попечителемъ округа. Разнообразна оказалась и сила постановленій, сдѣланная совѣщаніями и соглашеніями. Въ Ростовѣ, Екатеринославѣ, Пензѣ, Саратовѣ и т. д. выработанныя правила были тотчасъ же опубликованы, какъ обязательное и подлежащее немедленному исполненію постановленіе. «Предлагаю,—писалъ, напр., въ своемъ циркулярѣ екатеринославскій губернаторъ начальникамъ полиціи, — *безотлагательно* (курсивъ подлинника) ознакомить съ этими правилами всѣхъ чиновъ полиціи и принять мѣры къ точному исполненію этихъ правилъ» ***). Въ Нижнемъ Новгородѣ случилось какъ-то такъ, что, съ одной стороны, правила, выработанныя особымъ совѣщаніемъ, предложены къ руководству и исполненію, а съ другой—«сообщены въ педагогическіе совѣты учебныхъ заведеній». «И вотъ, — разсказываетъ далѣе «Русское Слово»,—на-дняхъ педагоги собрались, чтобъ обсудить рекомендованныя (?) мѣры. Педагогическое совѣщаніе (?) признало, что внѣшкольный надзоръ долженъ быть со стороны родителей и воспитателей», т. е., повидимому, помощь полиціи отвергнута. Кромѣ того, «педагогическое совѣщаніе» внесло существенныя поправки и въ другія постановленія особаго совѣщанія. Такъ, особое совѣщаніе «воспрещаетъ» позднее появленіе на улицахъ и посѣщеніе увеселительныхъ заведеній; педагогическое совѣщаніе находитъ возможнымъ лишь «высказать все это въ формѣ пожеланій» и при томъ родителямъ, а не ученикамъ; особое совѣщаніе «воспрещаетъ посѣщеніе пьесъ», признанныхъ педагогами безнравственными. «Педагогическое совѣщаніе» заявило, что «для просмотра пьесъ должна быть избрана спеціальная коммиссія изъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній»... ****) Я отмѣтилъ вопро-

*) „Южный Телеграфъ", 6 сентября.
**) „Южная Заря", 29 августа.
***) Ibid.
****) „Русское Слово", 24 сентября.

сительными знаками наиболѣе загадочные для меня пункты. Въ самомъ дѣлѣ, почему постановленія особыхъ совѣщаній и соглашеній въ цѣломъ рядѣ городовъ сразу воспріяли силу закона, въ Нижнемъ они только «рекомендованы»? И дѣйствительно ли только рекомендованы, или такъ толкуетъ лишь педагогическое совѣщаніе? И если только оно такъ толкуетъ, то на какомъ основаніи? И что это за педагогическое совѣщаніе, представляющее, повидимому, соединенное засѣданіе педагогическихъ совѣтовъ, но всѣхъ или нѣкоторыхъ, и если нѣкоторыхъ, то почему одни были, а другихъ не было? И кого, наконецъ, слушать,—особое совѣщаніе или педагогическое совѣщаніе?

Говоря коротко, Богъ вѣсть на какомъ основаніи созданы непредусмотрѣннаго типа и неопредѣленнаго состава учрежденія, обладающія, однако, правомъ постановить рѣшенія, имѣющія силу закона; и Богъ вѣсть на какомъ основаніи возникли другія учрежденія тоже непредусмотрѣннаго типа, неопредѣленнаго состава и неизвѣстныхъ полномочій... Петербургское начальство отдало приказъ, не заботясь объ юридической формальной сторонѣ дѣла. Мѣстное начальство тоже объ этомъ не слишкомъ безпокоилось. Сочиненныя правила объявлены закономъ, то въ формѣ обязательнаго постановленія безъ ссылокъ на «соотвѣтствующія» статьи положенія о чрезвычайной или усиленной охранѣ, то въ видѣ губернаторскаго предписанія педагогическимъ совѣтамъ... Изъ всего этого вышла бы изрядная кутерьма, если бы не было спасительнаго полицейскаго полновластія, которое всѣ разногласія примирить и, что считать закономъ, опредѣлитъ. На лицо останутся лишь утвержденныя полицейской властью правила для учениковъ, да развѣ еще нѣкоторыя неожиданныя учрежденія, въ родѣ проектируемаго нижегородцами выборнаго комитета театральной цензуры, подчиненнаго министерству народнаго просвѣщенія.

Нельзя сказать, чтобы совѣщанія о школьной нравственности выдумали порохъ. Выработанныя ими правила, правда, редактированы весьма различно, но по существу удивительно однообразны и, за исключеніемъ одного пункта, о которомъ рѣчь ниже, часто представляютъ собственно перефразъ того, что и раньше излагалось въ такъ называемыхъ школьныхъ дневникахъ и ученическихъ билетахъ. Въ началѣ—какъ учащіеся обязаны вести себя при встрѣчѣ съ государемъ, потомъ какъ кланяться министру, товарищу министра, попечителю округа, помощнику попечителя, губернатору, архіерею и т. д. Потомъ идутъ «запрещается»: ходить въ форменной одеждѣ, носить тросточки, «обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ», курить табакъ, «распивать спиртные напитки», посѣщать суды, бывать въ земскихъ собраніяхъ и т. д. Суть, конечно, не въ этихъ правилахъ. Главное въ томъ, что возстановлено обязательное для учителей «посѣщеніе» ученическихъ квартиръ, и, кромѣ того, учрежденъ особый полицейскій надзоръ за всѣми уче-

никами и ученицами, съ каковою цѣлью введена система обязательныхъ школьныхъ паспортовъ: каждый учащійся обязанъ имѣть всегда при себѣ «билетъ», выданный учебнымъ начальствомъ, и предъявлять по первому требованію полиціи на предметъ установленія личности. Рядъ дополнительныхъ правилъ, коими запрещено, напр., появляться на улицѣ или даже «быть внѣ квартиры» послѣ 8 часовъ вечера, собираться по нѣскольку человѣкъ у товарищей и т. д., еще болѣе выясняетъ, куда именно направленъ ударъ. И направленъ, съ полицейской точки зрѣнія, основательно, ибо всѣ эти кружки самообразованія, тайныя библіотеки, «сборища», рефераты,—дѣло для «существующаго строя» опасное, вредное, а потому и недопустимое. Тенденція, словомъ, ясна. Но, кромѣ этой тенденціи, совѣщанія сочли нарочитымъ долгомъ подчеркнуть особый пунктъ:

«Дома разврата — предписываетъ одно изъ варшавскихъ правилъ—учащимся посѣщать совершенно запрещается, публичныя же лекціи они могутъ посѣщать не иначе, какъ съ разрѣшенія учебнаго начальства» («Рѣчь», 10 сентября).

Воспрещается посѣщать—читаемъ въ пензенскихъ правилахъ—«публичныя дома, трактиры, буфеты на вокзалахъ, винныя лавки... а также судебныя засѣданія» («Саратовскій Вѣстникъ», 26 сентября).

«Воспрещается посѣщеніе учащимися — гласятъ петербургскія правила—съ женщинами бань»...

Тутъ мысль выражена голо и напрямки. Въ другихъ мѣстахъ совѣщанія замѣтно предпочитали высказать ее обиняками, прибѣгали къ терминамъ: увеселительныя мѣста, увеселительныя заведенія и даже къ иносказаніямъ, какъ, напр., въ Ростовѣ на Дону, гдѣ соотвѣтствующій пунктъ, редактированъ такимъ образомъ:

„Учащимся воспрещается посѣщеніе кафешантановъ и садовъ при нихъ, гостиницъ, ресторановъ, винныхъ погребовъ, пивныхъ, трактировъ, шашлычныхъ, билліардныхъ, кофейныхъ, меблированныхъ комнатъ, маскарадовъ и тому подобныхъ заведеній“ *).

Но описательныя формулы, помимо грамматическихъ неловкостей, въ родѣ «маскарадовъ и тому подобныхъ заведеній», страдаютъ и многими другими недостатками. Въ томъ же Ростовѣ описательная формула поставила въ крайне неловкое положеніе школьниковъ, родители которыхъ содержатъ гостиницы, рестораны, меблированныя комнаты, винные погреба и т. д. Ростовская описательная формула возбуждаетъ цѣлый рядъ неловкихъ вопросовъ—какъ, напр., быть «иногороднему» ученику, если пріѣдетъ отецъ, мать, дядя или тетка и остановится въ гостиницѣ или меблированныхъ комнатахъ? Наконецъ, если вспомнить, что правила предназначаются не только для восьмиклассниковъ, но и для «пригото-

*) „Южн. Тел.“, 6 сентября.

вишекъ», даже въ педагогическомъ смыслѣ варшавская прямота пріемлемѣе ростовской иносказательности. Лучше ужъ на казарменный ладъ отрѣзать «приготовишкѣ»: «дома разврата посѣщать воспрещается», чѣмъ дразнить дѣтскую мысль намеками на особыя цѣли, которымъ служатъ «маскарады и тому подобныя заведенія».

Я, сколько могъ, внимательно слѣдилъ по газетамъ за трудами совѣщаній. И, судя по тѣмъ правиламъ, которыя дошли до меня, нѣтъ почти ни одного совѣщанія, которое сочло бы долгомъ пройти молча мимо «домовъ разврата». Наоборотъ, замѣтно, что люди возлѣ этого мѣста останавливались съ особеннымъ проникновеніемъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ члены совѣщанія возлѣ этого мѣста все-таки разсуждали. На московскомъ, напр., совѣщаніи раздались голоса, что нужны факты, которые доказывали бы упадокъ нравственности среди школьниковъ. «Въ концѣ концовъ, какъ выяснилось изъ словъ градоначальника, такихъ фактовъ можно сказать нѣтъ». Никакихъ лигъ свободной любви, огарковъ и тому подобныхъ организацій въ Москвѣ, сколько извѣстно, нѣтъ. Особаго... нарушенія благопристойности со стороны учащихся также не замѣчается... Градоначальникъ призналъ также нежелательнымъ воспретить учащимся посѣщеніе бульваровъ... Если же какіе-либо бульвары пользуются плохой репутаціей, то надо бороться съ условіями, создавшими такую репутацію, а не лишать учащихся возможности пользоваться воздухомъ и растительностью бульваровъ» («Южн. Заря», 28 сентября). Но Москва въ этомъ случаѣ—одно изъ исключеній. Вообще же совѣщанія чрезвычайно старались прямо или обинякам напомнить и указать, повторяю, не только восьмиклассникамъ, но и «приготовишкамъ»:

— Вотъ мѣста, гдѣ получаются запретныя для тебя удовольствія.

Въ этомъ смыслѣ губернаторы, градоначальники и совмѣстно съ ними работавшіе чины учебнаго и другихъ вѣдомствъ сумѣли пойти гораздо дальше самыхъ крайнихъ сторонниковъ педагогической теоріи, предлагающей освѣдомлять дѣтей о половой сторонѣ жизни. Самые крайніе сторонники этой теоріи предлагаютъ вести бесѣды съ дѣтьми на эти темы въ извѣстной постепенности, не слишкомъ часто, лишь при случаѣ, въ обстановкѣ болѣе или менѣе интимнаго разговора, возможно деликатнѣе, не притупляя стыдливости и не раздражая чувственности обвиненіями въ грязныхъ мысляхъ и грязныхъ желаніяхъ. Возможны, разумѣется, случаи, когда при разговорѣ съ ребенкомъ на эту деликатную, требующую огромнаго такта тему придется упомянуть и о домахъ разврата, но кричать на всѣхъ дѣтей сразу: посѣщеніе бань съ женщинами воспрещается,—воля ваша, такой способъ «освѣдомленія учащихся въ половомъ вопросѣ» заходитъ слишкомъ далеко. Есть вещи, о которыхъ говорить языкомъ запрета и обязательныхъ постановленій—равносильно подстрекательству. Едва ли нужно объя-

снять смущеніе нижегородскаго «педагогическаго совѣщанія», высказавшаго, между прочимъ, что о предметахъ такого свойства умѣстнѣе говорить съ родителями, но отнюдь не съ дѣтьми. Чтобы понимать это, вовсе не надо быть педагогомъ; надо просто лишь обладать тѣмъ элементарнымъ тактомъ, въ силу котораго ни одинъ отецъ и ни одна мать не скажетъ своему ребенку:

— Когда пойдешь въ баню, не смѣй приглашать съ собою проститутокъ.

Чтобы оскорблять такимъ способомъ дѣтскую стыдливость, чтобы такимъ способомъ подстрекать дѣтскую мысль, нужны особыя качества, не свойственныя человѣку средняго типа. Бывали эти качества и раньше. Въ прежнихъ «дореволюціонныхъ» школьныхъ правилахъ встрѣчались порою напоминанія и указанія весьма не цѣломудреннаго свойства. Бывало и прежде, что оффиціальные насадители школьной нравственности обнаруживали особенную, ужъ слишкомъ неестественную склонность сочинять законы о тѣхъ «мерзостяхъ», о которыхъ, по слову апостола Павла, благоразумнѣе молчать. Но теперь эта черта проявилась, такъ сказать, во всероссійскомъ блескѣ. Теперь мы имѣемъ дѣло съ небывалымъ по широтѣ единовременнымъ, оффиціальнымъ, предпринятымъ сразу во всей Великой, Малой и Бѣлой Руси походомъ на дѣтскую стыдливость, на естественое состояніе дѣтской мысли. И, какъ всероссійскій походъ на школьные нравы, это ново и заслуживаетъ вниманія.

III.

Эта особенность совѣщаній о школьной нравственности до извѣстной степени объясняется многообразіемъ административнаго вѣдѣнія. Одесскій генералъ Толмачевъ, между прочимъ, очень трогательно заботится о «правильной постановкѣ» «домовъ свиданій». Въ предѣлахъ того же г. Толмачева дѣйствовалъ «персидскій консулъ Зайченко», а когда былъ печатно обвиненъ въ развращеніи учениць, то нашелъ оффиціозную защиту и оффиціальную безнаказанность. Тому же г. Толмачеву поручено нынѣ пещись о нравственномъ состояніи школъ. Согласитесь, трудно и даже невозможно одному и тому же человѣку размежевать мысли о веселыхъ домахъ, о поддержаніи престижа г. Зайченко и о нравственности дѣтей. Нѣкоторая путаница понятій и смѣшеніе методовъ при такихъ обстоятельствахъ тѣмъ болѣе неизбѣжны, что столь разнородныя вещи сталкиваются не только въ административномъ мозгу, такъ сказать, умозрительно. Нынѣ мы вообще переживаемъ время чрезвычайныхъ административныхъ заботъ о веселыхъ домахъ. И не даромъ прошеніе одной предпринимательницы, поданное недавно вятскому подлежащему начальству, начинается сло-

вами: «по примѣру цивилизованныхъ губерній, по прибытіи моемъ въ г. Вятку я возымѣла намѣреніе открыть домъ свиданія, а потому имѣю честь...» («Сѣверъ», 3 октября). Губерніи наши помаленьку «цивилизуются». И, между прочимъ, по словамъ «Сѣвера», въ Новгородѣ «при участіи губернатора, открылось нѣсколько веселыхъ домовъ». И вотъ что по этому поводу сообщаетъ «Голосъ Москвы»:

Въ одинъ нелѣпый день на центральной улицѣ Новгорода публикѣ стали раздавать листки объявленія, извѣщающаго объ открытіи г-жею Герцогъ „веселаго дома". При извѣщеніи была помѣщена и такса для посѣтителей: короткій визитъ 1 руб., за перемѣну бѣлья 50 коп., ночь—по соглашенію. Разумѣется, печатаніе этого объявленія-прейскуранта должно было дѣлаться съ разрѣшенія начальства. Вопросъ разсматривался въ засѣданіяхъ мѣстной администраціи. Были даже пренія. Нѣкоторые находили таксу высокой. Авторитетный голосъ положилъ конецъ этимъ преніямъ разъясненіемъ, что намѣченная такса допускается только для лицъ интеллигентныхъ и состоятельныхъ, для солдатъ же будетъ другая, съ болѣе дешевыми цѣнами. Учрежденіе г-жи Герцогъ пріютилось не на краю города, какъ бываетъ обычно, а на одной изъ центральныхъ улицъ, въ виду церкви и поблизости интерната для молодыхъ дѣвушекъ *).

Повторяю, школьная нравственность не только въ административномъ мозгу переплетается съ прейскурантами веселаго дома. Оба эти «вопроса» сталкиваются даже географически, какъ «интернатъ», по сосѣдству съ которымъ новгородскимъ губернаторомъ «разрѣшено» учрежденіе г-жи Герцогъ. Между прочимъ, обыватели послали жалобу въ министерство внутреннихъ дѣлъ по поводу этого сосѣдства. Министерство «запросило мѣстную администрацію». Мѣстная администрація отвѣтила, что заведеніе г-жи Герцогъ открывается только по ночамъ, «когда дѣвушки въ интернатѣ должны уже спать». Вопросъ географическаго размежеванія рѣшается просто, такъ какъ однимъ и тѣмъ же лицамъ поручено писать правила и для веселыхъ домовъ, и для ученицъ: ученицамъ приказано спать именно съ того времени, съ какого учрежденію г-жи Герцогъ разрѣшено работать. Если обыватели дополнительно пожалуются, что учрежденіе г-жи Герцогъ слишкомъ шумитъ и мѣшаетъ уснуть, мѣстная администрація можетъ отвѣтить:

— Мѣры приняты, интернату приказано спать крѣпко, и съ 10 часовъ вечера до 6 часовъ утра ни въ какомъ случаѣ не просыпаться...

Въ странѣ, гдѣ институтъ помпадуршъ узаконенъ административнымъ обычаемъ, губернаторскими и генералъ-губернаторскими заботами о веселыхъ заведеніяхъ никого, конечно, не удивишь. И прежде не разъ бывало, что его превосходительство энергически облагоустраивало дома свиданій, но трудами на этомъ по-

*) Цит. по «Сѣверу», 20 сентября.

прищѣ, по крайней мѣрѣ, не хвастались, какъ нынѣ хвастается г. Толмачевъ. И раньше на губернскихъ небосклонахъ загорались звѣзды, въ родѣ новгородской г-жи Герцогъ, но до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, мѣстная власть не рекламировала ихъ съ такою откровенностью, какая проявлена въ Новгородѣ. Удивляться, положимъ, нечего, но нѣкоторой «эволюціи нравовъ» данной среды трудно не замѣтить. Дальше прежняго тутъ идутъ люди, ближе подошли къ лозунгу: «будемъ, какъ солнце»...

Мѣсяца два назадъ въ екатеринославскую губернскую земскую больницу была доставлена изъ мѣстной общины Краснаго Креста сестра милосердія Сорокина. У нея врачемъ обнаружены побои, потребовавшіе коечнаго лѣченія. Сорокина заявила, что её избила нѣкая графиня Ольга Капнистъ; заявленіе больной подтверждено свидѣтелями-очевидцами *). И въ связи съ этимъ эпизодомъ изъ человѣколюбивой дѣятельности Краснаго Креста открылись нѣкоторые порядки, установленные въ екатеринославской общинѣ. Между прочимъ, оказалось, что, по распоряженію графини Ольги Капнистъ, въ ея отсутствіе «фактически исполняетъ обязанности старшей сестры черкесъ, отъ котораго сестры милосердія получаютъ все необходимое, въ томъ числѣ чистое бѣлье для себя, при чемъ онъ контролируетъ, дѣйствительно ли сестрѣ нужно чистое бѣлье» **). Далѣе, по распоряженію гр. Ольги Капнистъ, вынуты замки изъ дверей всѣхъ комнатъ, гдѣ сестры милосердія спятъ; черкесу же предоставлены и возможность и право входить въ ихъ спальни во всякое время дня и ночи. Для удобства «контроля» самая комната черкеса помѣщена рядомъ со «спальнями и столовой сестеръ милосердія» ***). Подробности, какъ издѣвается черкесъ надъ подчиненными ему дѣвушками, какъ ругаетъ ихъ «неприличными словами», какъ появляется передъ ними «во всякое время въ самыхъ откровенныхъ костюмахъ», я опускаю. Сестры пытались протестовать и жаловаться. Но тѣхъ, кто протестовалъ и жаловался, прогнали изъ общины. Затѣмъ, когда всѣ эти обстоятельства были раскрыты мѣстной печатью, «предсѣдатель екатеринославскаго управленія Краснаго Креста», кн. Урусовъ напечаталъ въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» (26 августа) заявленіе: «Я для возстановленія истины и дабы положить конецъ толкамъ, обратился къ губернатору съ просьбой назначить совершенно безпристрастное разслѣдованіе инцидента». Дѣйствительно, какъ только кн. Урусовъ «обратился къ г. губернатору», «толки» изъ мѣстной печати сразу исчезли. И нѣкоторыя лица, потрясенныя проскользнувшими разоблаченіями, вынуждены были искать другихъ путей «для защиты сестеръ и правды». Между прочимъ,

*) „Приднѣпр. Край“, 17 августа.
**) „Южная Заря“, 19 августа.
***) ibid.

обратились они и ко мнѣ съ заявленіями, что «безпристрастнымъ разслѣдователемъ инцидента» оказался самъ князь Урусовъ, а послѣ княжескаго слѣдствія «губернаторъ прислалъ помощника полицеймейстера», при чемъ этотъ второй безпристрастный разслѣдователь явился производить допросъ какъ разъ именно въ тотъ день, когда свидѣтели побоевъ, нанесенныхъ сестрѣ Сорокиной, были «поразосланы» графиней Ольгой Капнистъ въ разныя мѣста по служебнымъ надобностямъ и потому остались не допрошенными; впрочемъ, одна сестра все-таки дала показаніе не въ пользу графини, но, на другой же день послѣ этого, была уволена. Подала, между прочимъ, пострадавшая Сорокина жалобу въ судъ, но и тамъ, по мнѣнію лицъ, обратившихся ко мнѣ, «дѣло тормазится подъ давленіемъ свыше». Словомъ, передъ нами обычная картина «безпристрастія». И, признаюсь, не она собственно меня заинтересовала. Я письмомъ спросилъ у моихъ корреспондентовъ: «а что же черкесъ?» Они мнѣ также письмомъ отвѣтили:

«Черкесъ служитъ по прежнему, но на помощь ему теперь назначенъ стражникъ».

Совѣтъ министровъ въ своей прокламаціи по поводу студенческихъ волненій объявилъ «нелѣпыми предположенія объ измѣненіи правительствомъ своихъ воззрѣній и распоряженій подъ воздѣйствіемъ студенческихъ забастовокъ». Въ равной мѣрѣ, не станутъ же, въ самомъ дѣлѣ, и екатеринославскій губернаторъ, и «безпристрастный» кн. Урусовъ, и графиня Ольга Капнистъ измѣнять свое отношеніе къ женской стыдливости подъ воздѣйствіемъ разоблаченій и общественнаго мнѣнія. Тутъ рѣчь идетъ о престижѣ власти. Однако, представьте себѣ ту же хотя бы гр. Ольгу Капнистъ, все-таки женщину, подъ управленіемъ которой другія женщины и дѣвушки безпрекословно обязаны подчиняться «черкесу», когда тотъ желаетъ самолично «проконтролировать», нужно имъ или не нужно чистое бѣлье. Представьте эту, все-таки, повторяю, женщину, которая, когда странная роль черкеса разоблачена печатью, на помощь ему поставила стражника. Представьте и скажите: что это такое?

Я говорю: представьте... Но, въ сущности, обыватель, поскольку рѣчь идетъ не о гр. Капнистъ, а о нравахъ среды, многое знаетъ, представляетъ, а при случаѣ склоненъ даже дѣлать выводы. Вотъ теперь идетъ слѣдствіе по дѣлу 60-лѣтняго статскаго совѣтника Макарова, «примѣрнаго семьянина—какъ выразились «Ярославскія Губернскія Вѣдомости,—и полезнаго общественнаго дѣятеля», уличеннаго въ растленіи малолѣтнихъ сиротъ, призрѣваемыхъ въ рыбинскомъ пріютѣ вѣдомства императрицы Маріи. Мнѣ противно говорить о гнусныхъ подробностяхъ этого дѣла. И я позволю себѣ ихъ не касаться. Напомню лишь вкратцѣ, что «примѣрный семьянинъ и полезный общественный дѣятель» былъ директоромъ рыбинскаго пріюта 13 лѣтъ. «Поговаривали» о немъ давно, и на столько упорно, что самое слово: «*пріютскія*» (дѣвочки) получило

въ Рыбинскѣ особый смыслъ. Объ этомъ знали, но Макаровъ продолжалъ оставаться «примѣрнымъ семьяниномъ и полезнымъ дѣятелемъ», пока не появилась какая-то нянька, которая, по бабьему своему любопытству, подсмотрѣла въ щелку, чѣмъ занимается директоръ съ пріютскими дѣтьми, а увидавши картину, въ высшей степени гнусную, подняла шумъ и учинила скандалъ. Шумъ проникъ въ печать. Петербургская канцелярія вѣдомства учрежденій императрицы Маріи прежде всего потребовала исключить изъ пріюта двухъ дѣвочекъ, относительно которыхъ фактъ растленія директоромъ Макаровымъ удостовѣряется («Голосъ Москвы», 7 сентября). Кромѣ того, дѣвочки пріюта подвергнуты медицинскому освидѣтельствованію. И тогда газеты сообщили, ссылаясь на «освѣдомленные источники», что «слѣдствіе закончится на этихъ дняхъ» (Сѣверъ», 10 августа). Затѣмъ это освидѣтельствованіе признано почему-то спорнымъ. Рѣшили еще разъ освидѣтельствовать, чѣмъ былъ смущенъ даже «Голосъ Москвы», справедливо недоумѣвавшій, неужели распоряжающіеся судьбою пріютскихъ дѣтей не понимаютъ, что и одно освидѣтельствованіе столь спеціальнаго характера оставитъ въ ребенкѣ впечатлѣніе на всю жизнь, и что производить повторныя впечатлѣнія такого рода равносильно легкомысленному отношенію къ дѣтской стыдливости. Далѣе оказалось, по словамъ того же «Голоса Москвы», что рѣшено еще допросить «прислугу, уволенную изъ пріюта въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и неизвѣстно гдѣ находящуюся», вообще же «слѣдствіе затянется на очень продолжительное время» — быть можетъ, вплоть до прекращенія дѣла за смертію обвиняемаго, которому все-таки больше 60 лѣтъ отъ роду. Могутъ быть разныя мнѣнія объ этихъ прозрачныхъ газетныхъ намекахъ на возможность, что затяжка есть цѣль, а между прочимъ, повторныя освидѣтельствованія дѣтей—одно изъ средствъ. Но намеки эти безусловно заслужены средой, доведшей дѣло до того, что единственною дѣйствительною защитницею пріютскихъ дѣтей оказалась случайная нянька, которая не побоялась произвести скандалъ.

Особенная, повторяю, это среда. И не мудрено, если редакторамъ новѣйшихъ ученическихъ правилъ оказалось нѣсколько чуждо то деликатное отношеніе къ дѣтямъ, при которомъ немыслимы ни варшавская нечистоплотная нагота, ни ростовскія, столь же нечистоплотныя, иносказанія. Свое умонаклоненіе эта среда на бумагѣ запечатлѣла. Теперь ей поручено осуществлять дѣйствительное наблюденіе за нравственностью учащихся. И трудно думать, что то же умонаклоненіе не будетъ запечатлѣно и въ жизни. Въ газетахъ уже появились свѣдѣнія, заставляющія догадываться, что изъ этого можетъ выйти. Передаю вкратцѣ одинъ изъ екатеринославскихъ инцидентовъ, какъ онъ разсказанъ въ харьковской газетѣ «Утро». Разсказъ начинается тѣмъ, что вечеромъ по улицѣ скромно шла гимназистка въ форменномъ платьѣ:

Было „уже пять минутъ девятаго", а, по правиламъ внѣшкольнаго надзора, 8 часовъ есть предѣльная норма для появленія на улицахъ. Дѣвушку остановилъ первый попавшійся на пути городовой.

— Гимназистка?

— Гимназистка.

— Предъявите билетъ!

— У меня нѣтъ.

— Почему нѣтъ?

— Намъ еще не выдавали.

— Пожалуйте въ участокъ.

Арестовали гимназистку и отправили подъ конвоемъ городового въ участокъ. Изумленіемъ и понятной растерянностью провожали и встрѣчали это шествіе прохожіе. На ряду съ соболѣзнованіями раздавались грязныя шутки и грязныя предположенія встрѣчныхъ... Въ участкѣ сняли допросъ и услышали все тотъ же отвѣтъ: „намъ еще не выдавали билетовъ". Это и подтвердилось впослѣдствіи. Гимназистку отпустили.

Впечатлѣніе отъ этихъ первыхъ признаковъ дѣйствительной заботливости о поднятіи нравственнаго уровня настолько опредѣленное, что въ томъ же Екатеринославѣ губернаторъ счелъ долгомъ «разъяснить» приказъ о «внѣклассномъ надзорѣ за учащимися». Упомянувъ, что этотъ приказъ изданъ собственно не имъ, а вице-губернаторомъ, губернаторъ пишетъ: «Мною предоставляется право лишь классным чинамъ полиціи, въ случаѣ нарушенія... правилъ учащимися, требовать отъ нихъ предъявленія билетовъ». Однако,—говоритъ губернаторъ,—«въ случаѣ нарушенія обязательныхъ постановленій», могутъ «требовать и городовые». Вина за содѣянное такимъ образомъ сваливается на вице-губернатора. Но обывателя это «разъясненіе», ничего въ сущности не измѣняющее, едва-ли успокоитъ. И г-нъ А. Ст—нъ въ «Новомъ Времени» счелъ долгомъ выдвинуть примиряющую точку зрѣнія. Ссылаясь на газетную вырѣзку объ арестѣ гимназистокъ, подобномъ екатеринославскому, г. А. Ст—нъ пытается отнестись къ дѣлу юмористически: ну, молъ, ученицы немного поплакали по дорогѣ въ участокъ, немножко посидѣли тамъ, пока придетъ приставъ ихъ допросить, но вѣдь недоразумѣніе выяснилось, это во-первыхъ, а, во вторыхъ, вѣдь участокъ есть правительственное учрежденіе, городовой—правительственный агентъ; какой вредъ можетъ произойти, если ученица или ученикъ пробудутъ нѣсколько минутъ или даже нѣсколько часовъ въ правительственномъ учрежденіи въ обществѣ правительственныхъ агентовъ?

И дѣйствительно, вотъ если бы ученица или ученикъ, вопреки правиламъ, посидѣли нѣсколько минутъ или—Боже избави!—нѣсколько часовъ въ земскомъ собраніи, тогда нравственности угрожала бы серьезная опасность. Но посидѣть въ русскомъ участкѣ, поглядѣть на его обычную публику, увидѣть, какъ тамъ съ нею обращаются,—это даже полезно, хотя я и не увѣренъ, что скажетъ г. А. Ст—нъ, если такого рода наглядному обученію подвергнется его дочь, или его сынъ. А это послѣднее очень воз-

можно: не разберешь вѣдь, особенно если вечеромъ, которая дочь мѣщанки Ивановой, и которая внучка предсѣдателя земской управы, падчерица прокурора или племянница министра. «Форма» на всѣхъ гимназическая. Конечно, «агенты правительства» постараются различать «сортъ дѣтей» и, навѣрное, будутъ дѣлать это съ такимъ же остроуміемъ, съ какимъ прибалтійскій генералъ Меллеръ-Закомельскій борется съ революціоннымъ принципомъ равноправія, ради чего даже отмѣняетъ временно собственныя обязательныя постановленія, если они угрожаютъ непріятностью благороднымъ лицамъ *). Но «ошибки» все-таки возможны. И легко понять, что такіе эпизоды, какъ арестъ дѣтей на улицѣ впредь до выясненія личности въ участкѣ,—лишь цвѣтки. Ягодки впереди. Отъ новгородскихъ друзей г-жи Герцогъ, когда они серьезно захотятъ воспользоваться своими новыми правами надъ учащейся молодежью обоего пола, можно ждать большой предпріимчивости. И едва-ли есть хоть какая-нибудь надежда, что дѣло обойдется безъ приключеній, болѣе или менѣе острыхъ. Конечно, если друзья г-жи Герцогъ, эти, такъ сказать, истинно-русскіе герцоговинцы, будутъ насаждать нравственность, а обыватель помалкивать, надеждамъ прожить по примѣру прошлаго года въ спокойной «законодательной работѣ Думы и кабинета» съ этой стороны ничто не угрожаетъ. Но кто поручится, что обыватель будетъ помалкивать?

Одинъ изъ новгородскихъ герцоговинцевъ недавно разъяснилъ обывателямъ:

Я могу послать полицію въ любой частный домъ съ приказаніемъ просидѣть столько-то часовъ. Хозяинъ дома придетъ за объясненіемъ, а я скажу: такъ надо; жалуйтесь,—я дамъ объясненіе („Рѣчь“, 5-го октября).

Обыватель ворчитъ по поводу этой усовершенствованной постановки вопроса о неприкосновенности жилищъ, но не слишкомъ. Ворчитъ обыватель и по поводу открытыхъ герцоговинцами веселыхъ домовъ, но опять-таки не слишкомъ громко. Но если герцоговинцы со свойственною имъ прямотою поступковъ начнутъ, распространяя одною рукою рекламы и прейскуранты веселыхъ

*) По словамъ „Рѣчи“, съ бар. Меллеръ-Закомельскимъ случилось, между прочимъ, слѣдующее. „Въ январѣ 1907 г. онъ издалъ обязательное постановленіе о преданіи виновныхъ въ оскорбленіи должностныхъ лицъ“. Но вслѣдъ затѣмъ къ нѣкоему барону Штакельбергу явилось должностное лицо—судебный приставъ для взысканія по исполнительному листу. Бар. Штакельбергъ разсердился и нанесъ приставу оскорбленіе. Выходило, что барона Штакельберга надо предать военному суду. Въ такой крайности баронъ Меллеръ-Закомельскій отмѣнилъ свое обязательное постановленіе; а черезъ нѣсколько дней, когда дѣло объ оскорбленіи пристава перешло въ гражданскій судъ, обязательное постановленіе снова было объявлено вошедшимъ въ законную силу („Рѣчь“, 20 сентября).

домовъ, другою—осуществлять свои новѣйшія права надъ учащимися обоего пола, не переполнится ли тогда долготерпѣніе обывателя, задѣтаго въ своихъ родительскихъ чувствахъ? А что если, въ самомъ дѣлѣ, средняя школа опять выскочитъ на большую дорогу и притащитъ съ собою вопросы объ административныхъ нравахъ и обычаяхъ, о насажденіи веселыхъ домовъ и о многомъ другомъ, съ чѣмъ она такъ затѣйливо переплелась, особенно благодаря новѣйшимъ мѣропріятіямъ двухъ министерствъ? Хуже вѣдь всего, что средняя школа собственно деталь; эти новѣйшія мѣропріятія собственно лишь примѣръ, до чего далеко зашли авангарды реакціи. До того далеко, что даже ни съ чѣмъ несообразно. Слишкомъ рискованныя позиціи заняты. И защищать-то ихъ трудно, почти невозможно. И свойство этихъ позицій таково, что занявшему ихъ нельзя не ждать контръ-атаки. Можно бы для сравненія напомнить позицію, занятую синодомъ по случаю толстовскаго юбилея, или кіевскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ. Можно бы напомнить и многія другія авангардныя наступленія, по поводу которыхъ морщится и охаетъ даже «Голосъ Москвы». И позиціи-то, повторяю, безнадежны, и контръ-атаки неизбѣжны. И хотя неизвѣстно, гдѣ онѣ начнутся и когда, но не безъ основанія скулятъ гг. Меньшиковы: «Осень 1908 обѣщаетъ быть тревожной». Объективныя «тревоги»—въ руцѣхъ Божіихъ: можетъ, и близка напасть, по грѣхамъ нашимъ, а можетъ быть... «долго терпѣливъ вѣдь и многомилостивъ Господь». Что же касается «тревоги» субъективной,—трудно, невозможно г-дамъ Меньшиковымъ не подражать некрасовской старухѣ: «охаетъ, мечется по печи, мается... ждетъ,—не поютъ пѣтухи? Вся-то ей грѣшная жизнь представляется, все-то грѣхи, да грѣхи. Охти мнѣ, охъ,—угожу въ преисподнюю»...

IV.

Появились заголовки въ газетахъ: «финансовый кризисъ земства». А по отношенію къ нѣкоторымъ земствамъ,—напримѣръ, новгородскому, «Рѣчь» сочла необходимымъ примѣнить терминъ: «крахъ».

„Несмотря на различные циркуляры,—суммируетъ „Сѣверъ“ (25-го сентября)- въ земскія кассы поступаетъ мало денегъ. Земскія кассы въ большинствѣ поволжскихъ, среднихъ и южныхъ губерній опустѣли... истощены до невѣроятной степени. Учителямъ жалованье не выплачивается по нѣсколько мѣсяцевъ. Земскія дороги пришли въ упадокъ. Больницамъ не отпускаютъ въ долгъ лѣкарства“.

Это общая характеристика. А вотъ нѣкоторыя детали:

За послѣдніе 3 года,—говоритъ „Смоленскій Вѣстникъ“ (17-го сентября),—смоленской губернской земской управѣ пришлось для выполненія смѣты прибѣгнуть къ позаимствованію изъ государственнаго банка.

(подъ залогъ процентныхъ бумагъ) въ размѣрѣ 957,2 тысячъ рублей... На текущій 1908 годъ осталось возможнымъ занять подъ то же обезпеченіе лишь 124,2 тыс. руб. Между тѣмъ, вся сумма займа, необходимаго для покрытія расходовъ 1908 г., должна выразиться, по разсчету управы, цифрою не менѣе 500 тыс. руб.

Какіе именно капиталы смоленское губернское земство хранило въ процентныхъ бумагахъ, мѣстная газета не разъясняетъ. Она беретъ общій итогъ: вся залоговая стоимость капиталовъ ушла на текущіе расходы «трехъ послѣднихъ лѣтъ», теперь не хватаетъ около 375 тыс. рублей. И взять эту сумму негдѣ:

Платежи уѣздныхъ земствъ не покрываетъ даже $^1/_8$ ежегоднаго оклада губернскихъ повинностей... Не только нечего мечтать о погашеніи (уѣздными земствами) губернской недоимки, но можно заранѣе предвидѣть дальнѣйшее возрастаніе ея. По крайней мѣрѣ, за послѣднее пятилѣтіе эта недоимка не только росла въ общей суммѣ, но каждый годъ увеличивалась въ большемъ размѣрѣ по сравненію съ предыдущимъ *).

Точно также ярославскому губернскому земству уѣздныя задолжали «свыше 1.300.000 р.» и приступить къ взысканію этой суммы— значитъ раззорить земства» **). Новгородскимъ губернскимъ земствомъ «всѣ просьбы уѣздныхъ земствъ оставляются безъ удовлетворенія, такъ какъ само губернское земство не имѣетъ возможности своевременно производить выдачу жалованья служащимъ, поставщикамъ медикаментовъ, посредникамъ по работамъ и другимъ кредиторамъ...; поставлено въ затруднительное положеніе въ отношеніи... выдачи пожарныхъ убытковъ; кромѣ того, ему предстоятъ расходы на мѣры противъ холеры»...***) Въ самарскомъ губернскомъ земствѣ «положеніе тяжелое»: «наложенъ арестъ на всѣ текущія поступленія, вслѣдствіе неуплаты ссуды въ размѣрѣ 200,000 р.» («Сѣверъ», 28 сентября). О финансовомъ состояніи губернскихъ земствъ мы узнаемъ подробнѣе, когда начнутся очередныя губернскія сессіи. Относительно же уѣздныхъ земствъ надо сказать, что именно очередныя уѣздныя земскія собранія и послужили поводомъ примѣнить слова: кризисъ и крахъ. И, дѣйствительно, за рѣдкими исключеніями похоже на крахъ.

Вольское, напр., земство (Саратовской губ.) до 1899 г. имѣло «сносные финансы». На 1 января 1900 г. появился дефицитъ 5665 р. Въ настоящее время дефицитъ 154.865 р. Въ 1907 г. вольское земство имѣло долгу частнымъ лицамъ свыше 94.000 р. Платитъ оно кредиторамъ теперь «по 8, 9, 10 и даже по 12 процентовъ».«Многіе,—жалуется управа,—кредитовали земство изъ 7 и 8 процентовъ, а теперь ужъ перешли на 10 процентовъ». «Приходится совершать краткосрочные займы, напр., на уплату дол-

*) «Смолен. Вѣст.», 17 сент.
**) „Рѣчь", 2 окт.
***) „Рѣчь", 3 окт.

говъ учебнымъ заведеніямъ». Но возможные источники использованы. Нынѣ необходимо «немедленно занять у правительства 72.637 р.» Въ противномъ случаѣ, заявилъ предсѣдатель управы собранію, «придется закрывать все дѣло» *). Слободское земство проситъ у правительства (въ ссуду) 63 тыс. р., Симферопольское— 100 тыс. **), новгородское (уѣздное) — «хотя бы 2000 р.» (у губернскаго земства) Въ старорусскомъ земствѣ «касса пуста, поступленій никакихъ нѣтъ и въ ближайшемъ будущемъ совершенно не предвидятся, служащіе не получаютъ жалованья за іюнь—іюль (въ сентябрѣ), учителямъ не на что выѣхать къ мѣсту службы; боровичскому земству не на что выкупить медикаменты; бѣлозерское не имѣетъ средствъ вести хозяйство, двѣ больницы бездѣйствуютъ, служащіе не получаютъ жалованья мѣсяцами; череповецкое «находится положительно безъ средствъ»... ***).

Крахъ во многихъ мѣстахъ. А гдѣ онъ еще не наступилъ, тамъ земскую свѣчку лихорадочно торопятся сжечь. Елисаветградское, напр., земство, въ цѣляхъ «охраненія порядка» (этотъ мотивъ былъ высказанъ вполнѣ откровенно) рѣшило «устроить телефонную сѣть». По смѣтѣ расходъ на устройство телефона исчисленъ въ 255 тысячъ руб. Но денегъ нѣтъ. И предсѣдатель собранія, г. Варунъ-Секретъ, предложилъ: во первыхъ, сдѣлать позаимствованіе изъ дорожнаго капитала, а во вторыхъ, отказаться отъ дорожныхъ сооруженій на 5 лѣтъ:

«Отсутствіе хорошихъ дорогъ и мостовъ,—заявилъ онъ, по словамъ «Одесс. Нов.»—не составляетъ особаго лишенія для населенія. Вѣдь обходилось же оно до сихъ поръ безъ мостовъ,—значитъ обойдется и дальше».

Собраніе постановило: просить о разрѣшеніи займа подъ дорожный капиталъ, «поручить управѣ представить чрезвычайному земскому собранію свои соображенія относительно изысканія средствъ на устройство телефона и возбудить ходатайство передъ правительствомъ объ участіи его въ дѣлѣ осуществленія телефонной сѣти въ уѣздѣ»... ****).

Обсуждая «тяжелое матеріальное положеніе земствъ», «Рѣчь» пишетъ:

«Причины его лежатъ не въ отсутствіи у населенія доброй воли къ платежу земскихъ сборовъ и даже не въ упадкѣ экономическаго благосостоянія народныхъ массъ, а въ неправильномъ построеніи системы мѣстнаго обложенія» («Рѣчь», 2 октября).

Мы не знаемъ, почему к.-д. официозъ, признавая одну общую причину—«неправильное построеніе системы мѣстнаго обложенія»,

*) „Сарат. Листокъ", 24 сент.
**) „Рѣчь", 2 октября.
***) „Рѣчь", 3 октября.
****) „Одесс. Нов"., 25 сент.

слишкомъ смѣло и слишкомъ бездоказательно полуотрицаетъ значеніе другой общей причины,—«упадокъ экономическаго благосостоянія экономическихъ массъ»—признаваемой нынѣ, по скольку дѣло касается общегосударственнаго финансоваго кризиса, даже г. Коковцовымъ. Еще меньше можно понять, почему «Рѣчь» останавливается только на причинахъ хроническихъ и не хочетъ замѣтить причинъ острыхъ.

Прошлогоднія сессіи уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній—вспоминаютъ „Кіевскія Вѣсти"—прошли подъ знакомъ „борьбы съ преступностью". Огромное большинство земствъ ассигновало болѣе или менѣе крупныя суммы на усиленіе явной и тайной полиціи, на приглашеніе казаковъ, осетинъ и прочихъ кавказскихъ горцевъ, зарекомендовавшихъ себя въ указанной борьбѣ, на пособіе сельскимъ обществамъ, въ ихъ расходахъ на высылку „порочныхъ членовъ" и т. д. („Кіев. Вѣсти", 19 сент.)

Много тутъ плакали земскія денежки. Въ Екатеринославской и Херсонской, напр., губерніяхъ—напоминаетъ другая провинціальная газета, харьковское «Утро»,—нѣкоторыя изъ уѣздныхъ земствъ чуть не всѣ свои ассигновки... назначали на усиленіе полицейской охраны, почти уничтоживъ или сокративъ до минимума отпускъ средствъ на культурныя учрежденія, какъ школы, библіотеки, больницы, читальни и т. п.» *) Отъ уѣздныхъ земствъ не отставали губернскія...

Но не тутъ только плакали земскія денежки «за три послѣдніе года», съ тѣхъ поръ, какъ русскій земецъ частью превратился въ перепуганнаго помѣщика, частью былъ вытѣсненъ перепуганнымъ помѣщикомъ. Много значитъ истинно-русская система хозяйничанія, водворившаяся въ земствѣ, когда оно откровенно превратилось въ органъ помѣщичьей самообороны. Можно бы напомнить газетныя извѣстія, аналогичныя недавней телеграммѣ изъ Твери: «уѣздное земское собраніе, за отсутствіемъ законнаго числа гласныхъ, закрылось; расходная смѣта осталась не разсмотрѣнной» **). Можно бы не мало разсказать о системѣ оплачивать страховые убытки помѣщиковъ, пострадавшихъ отъ аграрныхъ волненій. Можно бы напомнить и о пособничествѣ роднымъ человѣчкамъ, о перерасходахъ, о прямыхъ хищеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, не меньше значило массовое изгнаніе «неблагонадежнаго третьяго элемента», которымъ собственно и держалось земское дѣло; теперь вѣдь владычествуютъ тѣ самые представители «очаговъ культуры», коимъ недавно въ бахмутскомъ, напр., земскомъ собраніи предсѣдатель управы самымъ серьезнымъ образомъ доказывалъ, что хотя статистика и страшное слово, способное привести въ трепетъ, но и совсѣмъ обойтись безъ статистики невозможно. Наконецъ, нельзя не учитывать и того опустошенія, какое произве-

*) «Утро», 17 сент.
**) „Рѣчь", 3 окт.

дено за три года перепуганнымъ помѣщикомъ, съ такою ревностью обрушившимся на школы, читальни, библіотеки, даже больницы, даже дороги, словно самое существованіе ихъ было для него личнымъ оскорбленіемъ. Экономическое послѣдствіе этой борьбы перепуганнаго помѣщика съ культурными учрежденіями сказалось еще не вполнѣ. Пока, въ смыслѣ деревенскаго раззоренія, быть можетъ, сильнѣе чувствуются нагнанные земствами ингуши и лезгины, сумѣвшіе за полтора-два года наживать по нѣсколько сотъ рублей сбереженій. Еще больше помогла насажденная при ближайшемъ участіи земствъ, а иногда и по ихъ инціативѣ система деревенскаго шпіонства съ ея доносами, арестами, вымогательствомъ, раззореніемъ цѣлыхъ семей, взаимными крестьянскими поджогами на почвѣ мести, съ ея приспособленностью организовывать и прикрывать разныя темныя дѣла, о которыхъ кое-какое понятіе можетъ дать недавно раскрытое преступленіе одного лѣсопромышленника курской губерніи: онъ нанялъ шайку поджигателей и въ теченіе двухъ лѣтъ занимался поджогомъ крестьянскихъ строеній съ единственною цѣлью — повысить спросъ на лѣсные матеріалы. (Аналогичное дѣло въ концѣ сентября возникло въ Борзенскомъ у., Черниговской губ., по обвиненію управляющаго помѣщичьей экономіей въ организаціи поджоговъ. См. «Кіевъ. Вѣсти», 27 сент.). Деревню раззоряли, конечно, причины общегосударственнаго порядка. Но политика земствъ помогала раззорять. И за послѣдніе 3—4 года земства не мало потрудились, чтобъ подрыть корни того дерева, плодами котораго они жили.

Знаю,—не всѣ земства полностью превратились въ органы дворянской самообороны, въ опорные пункты охраннаго отдѣленія. Сохранились и доселѣ земства другого рода, старавшіяся держаться того стараго типа дѣятельности, который создалъ земству популярность въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Да и въ откровенныхъ органахъ дворянской самообороны, какимъ стало, наприм., земство Екатеринославской, Полтавской или Курской губ., не все походитъ на охранное отдѣленіе. Земская дѣятельность нынѣшняго революціоннаго періода, въ сущности, очень пестра и многогранна. Но, въ данномъ случаѣ, я беру лишь господствующій типъ и преобладающую тенденцію. Господствуетъ же съ 1906 года и по сей день именно земство—органъ дворянской самообороны. Именно земство—опорный пунктъ борьбы съ революціей—все это время играло и продолжаетъ играть крупную политическую роль, какъ помощникъ совѣта министровъ. Другого рода земство, земство, которому правительство недавно запретило обсуждать школьный проектъ лиги образованія, съ 1906 г. и по сей день—въ меньшинствѣ, живетъ безъ опредѣленной политической цѣли, подобно актеру съ ангажементомъ, но безъ роли; его задача въ лучшихъ случаяхъ сводится къ тому, чтобы сохранить наслѣдство, уберечь, елико

возможно, остатки, отсидѣться въ окопахъ до благопріятнаго поворота событій.

Господствующій нынѣ земецъ—это, прежде всего, защитникъ исконныхъ правъ первенствующаго сословія, защитникъ дворянскаго землевладѣнія, ради чего онъ и выступилъ, какъ активный борецъ съ крамолой и революціей. И насъ въ данное время интересуетъ не столько нравственный и культурный обликъ воинствующаго земца, сколько то, чего онъ достигъ, какіе у него виды на будущее, какого, наконецъ, онъ самъ на этотъ счетъ мнѣнія.

Недавно «дворянинъ Смоленской губ. Павелъ Гернъ» въ мѣстномъ «Вѣстникѣ» высказалъ по этому поводу свои не лишенныя интереса соображенія. Раны и потери дворянства за послѣдніе годы велики, но г. Павелъ Гернъ озирается назадъ, подсчитываетъ 25-лѣтніе итоги и вотъ что находитъ. Въ 1880 году дворянское землевладѣніе занимало почти 40 процентовъ общей площади губерніи, теперь немногимъ больше 18. Въ отдѣльныхъ уѣздахъ потери еще болѣе тяжки. Въ порѣчскомъ, напримѣръ, уѣздѣ дворянство въ 1880 г. имѣло почти 37 процентовъ, въ 1907 г. осталось 13, въ рославльскомъ было свыше 40 процентовъ, стало 15... Не менѣе значительно вымираніе «цензовыхъ дворянъ». Въ 1883 г. Смоленская губернія имѣла 1339 дворянъ, владѣющихъ земельнымъ цензомъ. Въ 1907 году ихъ осталось всего 522. Это именно вымираніе. Дворянство, напр., бѣльскаго уѣзда за 24 года потеряло свыше 82 процентовъ своего состава, рославльское дворянство потеряло за то же время 76 процентовъ своего состава, въ сычевскомъ уѣздѣ осталось всего 20 дворянъ, владѣющихъ цензомъ, а самый многодворянскій уѣздъ—смоленскій, хотя и насчитываетъ 75 «цензовыхъ дворянъ», но изъ этого числа 17 цензовъ приходится на городскія имущества. Такимъ образомъ, «Смоленскую губернію,—дѣлаетъ выводъ г. Гернъ,—уже нельзя называть дворянскою»... Въ виду этого,—говоритъ онъ,—и естественнаго хода событій, понуждающаго дворянъ къ (дальнѣйшей) ликвидаціи своей земельной собственности, кажется, о принудительномъ отчужденіи дворянской земли въ Смоленской губерніи не должно быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что за годы 1907—1908, т. е. послѣ полученія вышепомѣщенныхъ данныхъ, значительная часть принадлежавшей (въ началѣ 1907 г.) дворянству земли уже перешла въ другія руки» *)...

Не лишне, пожалуй, напомнить вкратцѣ, что цифры, приводимыя г. Герномъ относительно Смоленской губерніи, въ сущности, не представляютъ чего-либо исключительнаго. Вообще въ центральномъ районѣ за время съ 1877 г. по 1905 г. дворянское землевладѣніе потеряло около 44 процентовъ (въ 1877 г. занимало 29,9 процентовъ общей площади, въ 1905 г.—только 16,7). Въ средневолжскомъ оно сократилось почти въ 2 раза, въ южно-степномъ

---

*) „Смоленскій Вѣстникъ“, 4 сентября.

почти въ 3 раза *). Годы же 1905—1907 г. были, какъ извѣстно, исключительными по массовой ликвидаціи «наслѣдственныхъ маетностей»... Подводя балансъ мобилизація дворянскихъ земель: г. Евг. Фортунатова пишетъ въ сборникѣ «Борьба за землю», «Не прошло и полувѣка съ момента освобожденія крестьянъ, какъ больше половины дворянскаго землевладѣнія исчезло съ лица русской земли. При этомъ и остающаяся меньшая доля ликвидируется съ такой лихорадочной быстротой, что если дѣло будетъ идти и впредь тѣмъ же темпомъ (какъ, напр., въ 1906 г.), то черезъ 5—6 лѣтъ въ Россіи исчезнутъ послѣдніе остатки исторически-сложившагося захватнаго землевладѣнія» **). «Темпъ» 1906 г., когда крестьянскій банкъ игралъ съ исключительнымъ азартомъ, трудно брать за образецъ. И срокъ «5—6 лѣтъ», быть можетъ, нѣсколько поспѣшенъ. Но это къ слову. Вообще же, повторяю, я хочу лишь напомнить, что цифры г. Герна имѣютъ не мѣстное только значеніе. «Оскудѣніе» дворянства само по себѣ фактъ общеизвѣстный, и для насъ интересно, какой выводъ дѣлаетъ изъ этого факта смоленскій дворянинъ.

«Дворянство,—говоритъ онъ,—уже не можетъ сохранить въ губерніи свое первенствующее положеніе, опираясь только на свое землевладѣніе, которое должно въ непродолжительномъ времени еще убавиться и сохраниться только за особыми счастливыми единицами и людьми, которые при серьезной подготовкѣ посвятятъ себя исключительно земледѣлію... Никакими искусственными мѣрами своего землевладѣнія не удержитъ» ***).

И потому еще «никакими искусственными мѣрами не удержитъ», что, «помимо задолженности дворянъ Смоленской губерніи въ разныхъ обществахъ и частныхъ банкахъ», существуетъ задолженность дворянскому банку, начавшая усиленно расти съ 1897 г., возросшая за 8 лѣтъ (1897—1905) на 35,6% и продолжающая расти по сей день. При этомъ «число заложенныхъ десятинъ уменьшается ****), но лежащій на нихъ долгъ возрастаетъ, т. е. выясняется все большее и большее обремененіе дворянской земли долгами». Но тутъ опять, пожалуй, не лишне напомнить вкратцѣ нѣкоторыя цифры и обстоятельства общаго значенія. За первыя 30 лѣтъ по отмѣнѣ крѣпостного права средняя подесятинная задолженность дворянской земли возросла всего на 68% (лежало на десятинѣ долгу въ 1861 г.—5 р., въ 1890—8 р. 40 коп.) за слѣдующее десятилѣтіе, 1890—1900 гг., она возрастаетъ на 245%

*) „Смол. Вѣст.“, 4 сентября.

**) Пользуюсь подсчетомъ, произведеннымъ составителями сборника „Борьба за землю“, стр. 332.

***) Ibid., стр. 264.

****) Уменьшается въ абсолютныхъ цифрахъ, сообразно потерямъ дворянскаго землевладѣнія. Процентное же отношеніе заложенной земли къ общей площади наличнаго дворянскаго землевладѣнія растетъ. *А. П.*

(съ 8 р. 40 коп. на десятину до 29 р.), при чемъ уже въ 1900 г. мѣстами платежи по ссудамъ стали поглощать 40 процентовъ дохода съ земли *). Дворянскіе убытки во время первыхъ аграрныхъ вспышекъ 1902 г. велѣно было взыскать съ крестьянъ. И, быть можетъ, не одному мнѣ памятно, въ какое веселое настроеніе сумѣли придти по этому случаю нѣкоторые дворяне. Я лично, по крайней мѣрѣ, встрѣчалъ (въ Екатеринославской губ.) субъектовъ, которые съ хохотомъ говорили:

— Расцѣнка хорошая... Молебенъ за мужиковъ отслужу, если они у меня въ экономіи бунтъ устроятъ...

Однако, этотъ разсчетъ оказался столько же наивенъ, сколько и циниченъ. Аграрное движеніе, въ формѣ открытыхъ нападеній скопомъ на помѣщичьи усадьбы, шло, повышаясь, достигло въ 1905 г. максимума, привело къ физической невозможности не только получить прибыль при взысканіи убытковъ съ крестьянъ, но и возмѣстить потери. Массовое уничтоженіе инвентаря, построекъ, запасовъ кое-какъ было сглажено отсрочками платежей, льготами, пособіями. Оскудѣвшее дворянство было щедро поддержано. Но все-таки событія 1902—1905 г. привели его къ еще большему оскудѣнію и еще большей задолженности. Помѣстное дворянство за земскій счетъ организовало охрану. 1906 г., вмѣсто аграрныхъ нападеній скопомъ, принесъ максимальное напряженіе волны сельскохозяйственныхъ забастовокъ. Былъ экстренно выработанъ чисто драконовскій «законъ» о сельскихъ забастовкахъ. Были предприняты еще болѣе драконовскія мѣры административнаго воздѣйствія. Забастовочная волна, въ ея обычныхъ и предусмотрѣнныхъ закономъ формахъ, стихла. За то началась полоса тайныхъ поджоговъ, неуслѣдимой, никакими законами не предусмотрѣнной порчи инвентаря. Объ этомъ сначала кричали. Но слишкомъ кричать тоже нехорошо. Вверху стоящимъ все-таки въ концѣ концовъ нужно показать, что ихъ трудами благополучіе, хотя бы и относительное, возстановлено. Внизу—дали себя знать разныя тонкости гражданскаго процесса въ случаѣ взысканія убытковъ за сгорѣвшее имущество по страховому полису. Въ протоколахъ о пожарахъ «поджогъ злоумышленниковъ-крестьянъ» смѣнился «неизвѣстными причинами». Мѣстныя газеты, памятуя, что всякое извѣстіе, несогласное съ полицейскимъ протоколомъ и почему-либо невыгодное власть или вліяніе имущимъ, есть распространеніе завѣдомо ложныхъ слуховъ, умолкли. Но и до сихъ поръ сквозь строжайшій карантинъ прорываются такія, напр., замѣтки:

„Въ Кіевской губ., по донесеніямъ начальниковъ уѣздной полиціи, за послѣднее время участились поджоги у помѣщиковъ. Поджигаются, главнымъ образомъ, сѣно, хлѣбъ и т. п. Въ виду этого, сдѣлано распоряженіе о принятіи энергичныхъ мѣръ“ **).

*) Борьба за землю“, стр. 250.

**) Харьковское „Утро“, 19 августа.

„Въ Саратовскомъ уѣздѣ погорѣло много свѣжаго хлѣба. Убытокъ свыше 25000 р.... Предполагаютъ поджогъ крестьянами изъ мести" *).

Неуслѣдимая и неуловимая порча инвентаря идетъ своимъ чередомъ. А, помимо этихъ формъ движенія, родилось нѣчто иное, быть можетъ, болѣе грозное и больнѣе бьющее въ корень. Мнѣ ужъ приходилось отмѣчать, напр., непривычное и не предполагавшееся до сихъ поръ отношеніе крестьянъ къ земельной арендѣ (см. мою замѣтку: «Въ глухомъ переулкѣ», «Русское Богатство», іюль, 1908 г.). Мужикъ сталъ отказываться отъ арендъ на прежнихъ, освященныхъ привычкою, условіяхъ. Отъ помѣщика потребовалось переходить къ самостоятельному хозяйству, т. е. расширять или пріобрѣтать наново инвентарь, для каковой надобности у массоваго помѣщика, оскудѣвшаго, задолженнаго, еле-еле сводящаго концы съ концами, нѣтъ средствъ. Нашелъ мужикъ у барина и другія уязвимыя мѣста. Доселѣ въ огромномъ числѣ случаевъ онъ работалъ на барскихъ поляхъ, получая разсчетъ соломой, сѣномъ, валежникомъ въ лѣсу, вообще натурой, иногда просто въ долгъ, иногда въ счетъ платы за аренду земли. Этотъ порядокъ установился частью, какъ пережитокъ крѣпостныхъ временъ, частью по той причинѣ, что, обыкновенно, баринъ бываетъ при деньгахъ лишь послѣ реализаціи урожая. Тутъ онъ платитъ долги, проценты, закупаетъ, немножко вознаграждаетъ себя за воздержаніе въ періодъ безденежья, и ко времени лѣтнихъ полевыхъ работъ у него остается не столько свободная наличность, сколько надежды на реализацію новаго урожая. Такъ ужъ у насъ искони повелось. Таковъ нашъ обычай. Но въ послѣднее время мужикъ вдругъ сталъ требовать разсчета наличными и при томъ немедленно. «Проработали день—вечеромъ деньги подай». Въ худшихъ случаяхъ это повело къ тому, что скошенный машинами хлѣбъ проросъ и погнилъ въ поляхъ, а то и вовсе остался не скошеннымъ. Въ лучшихъ случаяхъ, удалось лѣтомъ занять для разсчета, но цѣною какихъ процентовъ!..

Поджоги, нарочитую порчу и многія иныя деревенскія «средствія» можно бы, пожалуй, выносить довольно долго, конечно, при помощи льготъ, отсрочекъ и цѣною повышенія задолженности. Но мужицкихъ, такъ сказать, легальныхъ, закономѣрныхъ новшествъ массовое дворянское хозяйство, сумѣвшее раззориться даже въ привычныхъ для него условіяхъ и въ спокойное время, вынести, очевидно, не въ состояніи. И трудно не согласиться со смоленскимъ дворининомъ г. Герномъ, когда онъ пишетъ, что дворянскія земли «и безъ усиленной скупки крестьянскимъ банкомъ» должны перейти «въ руки другихъ сословій». Любопытно, однако, г. Гернъ въ этой неизбѣжной близости конца винитъ... дворянскій банкъ.

— Банкъ, — говоритъ онъ,—допустилъ чрезмѣрное накопленіе

*) „Голосъ Москвы", 19 сентября.

недоимокъ, не требовалъ погашенія капитальныхъ долговъ, довелъ до того, что долгъ сталъ неоплатнымъ, и единственный выходъ— ликвидація.

Но Богъ съ ними, — съ этими обвиненіями по адресу банка. Для насъ важенъ, повторяю, выводъ: простая, ясная, равно для всѣхъ доступная ариѳметика, говоритъ, что положеніе дворянскаго землевладѣнія сейчасъ отчаяннѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Тутъ, именно, ариѳметика, цифра, противъ которой ничего не подѣлаешь.

Но, кромѣ цифры, есть еще психологія. И она тоже заставляетъ задумываться и самихъ дворянъ, и близкіе къ нимъ круги. Впрочемъ, и безъ многихъ думъ ясно, что «плохую шутку сыграло съ крестьянствомъ освободительное движеніе». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ былъ мужикъ до революціи?

Набожный, смиренный,—пишетъ, напримѣръ, „Подолія"—свыкшійся со своимъ безправнымъ положеніемъ крестьянинъ жилъ, хотя и полуголодной, но покойной жизнью, не задаваясь вопросами, что, какъ и почему... „Должно быть, такъ Богу угодно" — съ такимъ сознаніемъ онъ безропотно шелъ своею тернистою дорогою и терпѣливо тянулъ тяжелую лямку до самой могилы, завѣщая и дѣтямъ своимъ покорность, трудъ и терпѣніе" *).

Но началось «освободительное движеніе». «Какъ ураганъ», оно ворвалось «во внутренній міръ крестьянства» «и поломало всѣ устои»:

Религія, подтачиваемая со всѣхъ сторонъ, стала падать и унесла съ собою сознаніе о будущей наградѣ труженикамъ, которое, быть можетъ, было единственной отрадой въ тяжелой жизни неудачниковъ... Еще тяжелѣе, еще безотраднѣе стала жизнь крестьянская: къ прежнему, полуголодному, но хоть покойному, существованію прибавилось еще недовольство, ропотъ и озлобленіе, которыя отравляютъ и такъ незавидную жизнь труженика, и черствая корка еще суше и черствѣе кажется ему отъ сознанія того, что въ его неудачахъ виноватъ не онъ самъ, а кто-то другой **).

Промежъ своихъ и про себя нечего грѣхи таить: скверно жилось мужику и раньше, скверно и теперь жить. Въ сущности, даже невозможно такъ жить. «И дальнѣйшая жизнь крестьянства— признаетъ та же «Подолія»,—можетъ быть направлена на ту сторону, куда ее толкнетъ случайность, такъ какъ крестьянинъ потерялъ точку опоры и стоитъ на зыбкой почвѣ, сдерживаемый въ границахъ только страхомъ». Весь вопросъ въ томъ, куда можетъ толкнуть мужика случайность? Говоря яснѣе, есть ли надежда, что онъ захочетъ размежеваться съ бариномъ честь-честью, по хорошему? И опять-таки промежъ своихъ и про себя нечего таить, что давно уже, еще задолго до революціи, мужикъ укрѣпился въ нѣкоторомъ непочтительномъ и раздраженно-ироническомъ понятіи

*) Цитирую по „Кіевскимъ Вѣстямъ", 28 іюля.

**) Ibid.

о дворянинѣ. Даже странно—о купцѣ и то мужикъ лучшаго понятія. То есть оно, пожалуй, мужикъ и купца при случаѣ обругаетъ толстопузымъ, толстомордымъ и разными другими болѣе или менѣе непріятными словами, а все-таки «купецъ—башка», дѣлами орудуетъ, мозгами ворочаетъ, вообще «самостоятельный человѣкъ», съ которымъ при томъ же не связано воспоминаній крѣпостныхъ временъ. Дворянинъ же—человѣкъ не только съ тяжелымъ, на мужицкую оцѣнку, прошлымъ. Мужику не до статистическихъ подсчетовъ, цифири онъ не обучался, но дворянское оскудѣніе для него есть прежде всего очевидность. И онъ верхнимъ чутьемъ схватываетъ, что ежели дворянина хорошенько посчитать, то выйдетъ амуниціи на грошъ: ни капитала, ни дѣловой сноровки, ни смекалки, ни даже знаній, и при томъ роковое неумѣнье по одежкѣ протягивать ножки—словомъ, несамостоятельный человѣкъ, но съ огромными претензіями, съ правами на первое мѣсто и на хозяйскую роль. И всего больше, быть можетъ, раздражаетъ, что эти исключительныя дворянскія права ничѣмъ, въ сущности, не оправдываются: ни заслугами, которыхъ мужикъ не признаетъ, ни талантами, ни даже мошной.

— Дадены ему права, а за что, про что—неизвѣстно.

Что внесли въ эту исконную непріязнь три послѣдніе года обостренной соціальной борьбы, ясно само собою. Своею боевою тактикою за это время дворяне именно озлобили мужика, обострили до крайности отношенія съ широкими кругами интеллигенціи, сдѣлали все возможное, чтобы слова: «объединенное дворянство» для всей страны звучали синонимомъ злѣйшей реакціи и человѣконенавистничества. Если цифра предсказываетъ близкій конецъ, то психологія даетъ достаточно поводовъ чувствоваать, что послѣдніе дни живота пройдутъ не мирно, и кончина будетъ не безмятежна. Со стороны интеллигенціи, которой понятна связь интересовъ даже между враждующими частями цѣлаго, можно ждать, что она все-таки подумаетъ прежде, чѣмъ опустить занесенную для удара руку. Но отъ мужика, у котораго многое опредѣляется чувствомъ и аффектомъ, трудно ждать деликатности и осторожности. И я вполнѣ понимаю нѣкоторый переломъ въ дворянскомъ настроеніи, нѣкоторый проблескъ сознанія, что надо остепениться, не натягивать струны до послѣдней крайности, найти тотъ или иной выходъ. И, насколько можно уловить, выхода ищутъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, нельзя-ли какъ-нибудь поднять оскудѣвшее дворянство извнутри, а, во-вторыхъ, нельзя-ли какъ-нибудь смягчить мужицкое озлобленіе и мужицкій напоръ извнѣ.

Мы уже видѣли, какъ смотритъ на дѣло смоленскій дворянинъ Гернъ. Онъ предлагаетъ, во-первыхъ, признать, что «о принудительномъ отчужденіи не должно быть и рѣчи», а, во-вторыхъ, смириться передъ неизбѣжнымъ ходомъ событій и поддержать «положеніе дворянства» другими средствами, «помимо землевладѣнія».

«Такимъ средствомъ,—говоритъ г. Гернъ,—должно быть образованіе, ибо въ настоящее время только хорошо вооруженный научными познаніями и ознакомленный съ тонкостями техническихъ производствъ можетъ добиться выдающагося положенія и пріобрѣсти какое-либо значеніе». Но для потомственныхъ дворянъ Митрофана Простакова и Тараса Скотинина такая комбинація принципіально непріемлема. Поручикъ же Милонъ, хотя и не лишенъ надежды «вооружиться научными знаніями», но имѣетъ всѣ основанія думать, что очутится въ рядахъ пролетаріевъ гораздо раньше, чѣмъ дойдетъ до мѣста, гдѣ лежатъ эти доспѣхи. А затѣмъ, неизвѣстно на кого собственно разсчитано это предложеніе: «и рѣчей не вести объ отчужденіи». Ежели, къ примѣру, на мужика, то мужикъ, пожалуй, не послушается. Какъ ни заманчиво, словомъ, предложеніе г. Герна, но предлагаемый имъ выходъ—для массового дворянства не выходъ.

Не лучше дѣло обстоитъ и съ поисками средства ослабить мужицкое озлобленіе и мужицкій натискъ. Тираспольская, напр., уѣздная земская управа находитъ, что «грамотность и матеріальное благополучіе населенія являются сильнѣйшимъ оплотомъ противъ всякаго рода нарушеній правовыхъ нормъ», а потому надо «усилить дѣятельность земства по народному просвѣщенію и поднятію экономическаго благосостоянія населенія» *), съ цѣлью прекратить «насилія», съ которыми не въ состояніи справиться полицейскія мѣры предупрежденія и пресѣченія. Въ сущности, это лишь отголосокъ агрикультурнаго времяпрепровожденія, которымъ съ усиленнымъ стараніемъ занимается, между прочимъ, г. Демчинскій, замѣнившій весьма убыточные для государственнаго казначейства экскурсы въ область метеорологіи шумомъ по поводу «грядковой культуры». О покушеніяхъ г. Демчинскаго на метеорологію представители этой науки были довольно-таки непріятнаго для него мнѣнія. Попытка объѣхать на грядковой культурѣ огромный соціальный вопросъ сопряжена съ такою же непріятностью для г. Демчинскаго со стороны агрономовъ и экономистовъ. Но дѣло, конечно, не въ грядковой культурѣ и не въ тѣхъ опытахъ, коими, судя по отзывамъ «Новаго Времени», занимается въ Средней Азіи военное вѣдомство съ цѣлью превратить рожь во многолѣтній кустарникъ на подобіе вербы, на которой, Богъ дастъ, со временемъ станутъ расти груши. Все это—предпріятія, такъ сказать, спеціальнаго назначенія, и относительно ихъ можно выразить лишь надежду, что они обойдутся казначейству не слишкомъ дорого. Важна общая мысль, усвоенная, судя по газетнымъ рефератамъ о земскихъ собраніяхъ, не только тираспольскою управою: мужикъ бунтуетъ не потому, что у него земли мало, а потому, что она плохо родитъ; слѣдовательно, чтобы

*) „Кіевскія Вѣсти“, 19 сентября.

прекратить бунтъ, нужна интенсификація, а для интенсификаціи нужна грамотность въ размѣрахъ, возможныхъ лишь при всеобщемъ обученіи. То-есть, ежели говорить по настоящему, то, кромѣ грамотности, нужны еще и средства,—другими словами: если, съ одной стороны, нужно ввести интенсификацію для того, чтобъ поднять благосостояніе массъ, то, съ другой стороны, надо поднять благосостояніе массъ для того, чтобъ сдѣлать возможной интенсификацію. Это нѣсколько напоминаетъ того школьника, который утверждалъ, что онъ легко рѣшитъ задачу и получитъ отвѣтъ, но для этого ему необходимо знать отвѣтъ, ибо иначе онъ не сможетъ приступить къ рѣшенію. Далѣе возникаютъ разные сложные вопросы: совмѣстима ли интенсификація при существованіи, напр., обязательной паспортной системы? Мыслимы ли сложные и личные разсчеты культурнаго земледѣльческаго хозяйства, основаннаго на твердой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при существованіи земскихъ начальниковъ, урядниковъ, стражниковъ, облеченныхъ полнотою власти опрокидывать всякіе разсчеты, искоренять всякую увѣренность населенія въ его правахъ?.. Много разныхъ соображеній связано съ интенсификаціей. Но уже одно то, что для нея нужно всеобщее обученіе, а для всеобщаго обученія конституція, въ сущности рѣшаетъ вопросъ. Правда, тираспольская управа, вмѣсто всеобщаго обученія, предлагаетъ лишь «усилить дѣятельность земства по народному просвѣщенію». Но отъ этого данный проектъ теряетъ всякую тѣнь основательности: жди, покуда дѣятельность усилится да благосостояніе поднимется; а до тѣхъ поръ... И отъ неграмотнаго мужика житья нѣтъ, а ежели онъ будетъ грамотный... Не такъ ужъ наивенъ нынѣшній преобладающій земецъ, чтобы ждать отъ народнаго просвѣщенія чего-либо соотвѣтствующаго своимъ исконнымъ интересамъ. Его дѣды предлагали,—«чтобы зло пресѣчь, собрать всѣ книги да и сжечь». Его отцы рукоплескали Леонтьеву, когда тотъ указывалъ, что «особенно необходимо всѣми силами бороться противъ народнаго образованія» и убѣждалъ «подморозить Россію, чтобы она не жила». Онъ самъ рукоплескалъ Побѣдоносцеву, когда тотъ не только далъ понять, но и прямо высказалъ: «безусловно вредно народное образованіе, ибо оно... даетъ лишь знанія и привычку логически мыслить». Тираспольскій земецъ оказался послѣдовательнымъ: предложеніе управы «усилить дѣятельность по народному просвѣщенію и поднятію экономическаго благосостоянія населенія» онъ отклонилъ, ассигновку въ 100 руб. на пособіе лигѣ образованія «провалилъ» и, вопреки предложенію управы, ассигновалъ 1000 р. «въ распоряженіе духовнаго вѣдомства на церковно-приходскія школы» *). Въ цѣломъ рядѣ другихъ земскихъ собраній ассигновки на стражниковъ и противокрамольныя мѣропріятія переме-

*) „Кіевскія Вѣсти“, 19 сентября.

жались съ постановленіями касательно агрономіи, открытія школъ, правительственной субсидіи на всеобщее обученіе. Съ точки зрѣнія господствующаго земскаго типа, въ этомъ серьезно лишь—субсидія, которая хотя и ассигнована на школы, но, въ случаѣ чего, можетъ быть употреблена на болѣе экстренныя надобности. Серьезно еще, пожалуй, что нѣкоторыя газеты, странно не замѣчавшія крайне реакціонныхъ постановленій, сумѣли обратить вниманіе лишь на агрономію и на школы, сумѣли затрубить о полѣвѣніи земства, о перемѣнѣ курса... Это воспомоществуетъ, въ смыслѣ политической репутаціи, но судебъ дворянскаго землевладѣнія, очевидно, не измѣняетъ. А въ этихъ судьбахъ и сосредоточенъ главный, основной интересъ господствующаго земца.

Ариѳметика доказываетъ, что дѣла дворянства плохи, какъ никогда. Но вѣдь это—лишь доводъ, что еще никогда не было такой необходимости отстаивать свои права распоряжаться мѣстными земскими средствами, никогда не было такъ важно отстоять порядокъ, гарантирующій безконечныя пособія, ссуды, отсрочки, льготы, никогда еще не стояла такъ остро надобность искоренять всякій проблескъ крамолы, всякое покушеніе ввести конституціонныя, явно гибельныя новшества. Психологія такова, что мужикъ свыше мѣры озлобленъ и щадить не склоненъ. Но это опять таки значитъ, что мужика надо еще больше «охранять», слѣдить за каждымъ его шагомъ, ни на секунду не выпускать изъ виду. Отдѣльные люди испугались, размякли, сложили или готовы сложить оружіе. Но масса, для которой важно прожить хоть одинъ день, прожить во что бы то ни стало, за ними не пойдетъ, ибо то, что они называютъ выходомъ, въ дѣйствительности равносильно сословной смерти. Для дворянской массы ариѳметика и психологія доказываютъ лишь, что если въ 1905 г. нужна была огромная энергія для активной борьбы, то теперь нужна энергія въ еще большей степени. Только, вотъ, гдѣ средства?

Денегъ на борьбу и въ 1905 г. само дворянство дать не могло. Нынѣ съ дворянскими сословными капиталами дѣло дошло до такихъ крайностей, что мѣстами, какъ, напр., въ Костромской губерніи, совершенно «прекращена уплата денегъ на дворянскія нужды, въ томъ числѣ и на содержаніе канцелярій предводителей дворянства и дворянскихъ опекъ, и, надо полагать, скоро эти учрежденія прекратятъ свое существованіе за недостаткомъ средствъ... На необходимыя текущія надобности губернскаго дворянства расходуется запасный капиталъ, накопившійся много лѣтъ тому назадъ» *). Въ 1905 г. были земскія средства,—теперь, за рѣдкими исключеніями, пустая касса, кризисъ и крахъ. Остается надежда на займы, въ формѣ правительственныхъ ссудъ. Но правительство тоже питается надеждой на займы... Между тѣмъ вѣдь и въ са-

*) „Вят. Вѣст.“, 23 іюля.

момъ дѣлѣ предстоятъ еще «мѣропріятія по холерѣ». Предстоятъ также «мѣропріятія по тифу», ибо зима 1908—1909 будетъ опять голодная. Предстоятъ разныя другія экстренныя надобности... Гдѣ ужъ тутъ думать о международныхъ осложненіяхъ!.. Пусть «богатая родня» дѣлаетъ, что хочетъ. Намъ не до того. Намъ лишь бы выкрутиться, — заплатить жалованье стражникамъ. И въ нынѣшнемъ году, Богъ дастъ, выкрутимся: центральная касса какъ-нибудь подѣлится съ мѣстными. Но ежели что-либо случится этакое... «Охаетъ, мечется по печи» старая, «ждетъ: не поютъ пѣтухи?»... «Охти мнѣ, охъ! угожу въ преисподнюю». Напрасно только думаетъ г. Меньшиковъ, что на счетъ преисподней ему суждено тревожиться лишь «осенью 1908». Ежели осень пронесетъ Господь, думы о преисподней не дадутъ старухѣ спать зимою; зиму пронесетъ Господь,—тоже будетъ весною, тоже будетъ и лѣтомъ, если поможетъ сила небесная продержаться и весну... Такъ и будетъ «маяться» старуха до послѣдняго своего издыханія.

А. Петрищевъ.

Наброски современности.

XVI.

Трагедія высшей школы.

Исторія, повидимому, повторяется, и передъ русскимъ обществомъ опять стоитъ университетскій вопросъ. Временно онъ былъ какъ бы отодвинутъ съ очереди, какъ бы заслоненъ другими дѣлами и вопросами. Событія послѣднихъ недѣль вновь вызвали его на авансцену русской общественной жизни и снова сосредоточили на немъ вниманіе широкихъ круговъ общества. Это произошло, конечно, не случайно, и тѣмъ интереснѣе разобраться въ причинахъ, выдвинувшихъ университетскій вопросъ на такое мѣсто и обусловившихъ собою ту форму, въ какой онъ стоитъ въ настоящее время передъ обществомъ.

Борьба за сохраненіе университетской автономіи—таково наиболѣе распространенное опредѣленіе этой формы, таково, можно сказать, ходячее представленіе о смыслѣ событій, переживаемыхъ въ настоящій моментъ нашей высшей школой. Если не широкая масса общества, которая не располагаетъ сейчасъ способами выражать свое мнѣніе, то, по крайней мѣрѣ, большая часть органовъ нашей періодической прессы именно въ такомъ видѣ восприни-

маетъ эти событія и исключительно съ такой точки зрѣнія оцѣниваетъ ихъ. Политика, принятая за послѣднее время министерствомъ народнаго просвѣщенія, изображается при этомъ, какъ болѣе или менѣе внезапное и во всякомъ случаѣ стоящее совершенно особнякомъ въ ряду другихъ правительственныхъ дѣйствій покушеніе на автономію, существовавшую до того въ стѣнахъ высшей школы. На дѣлѣ, однако, такое изображеніе нуждается въ серьезныхъ поправкахъ и существенныхъ дополненіяхъ. И необходимость этихъ поправокъ и дополненій станетъ для насъ особенно ясной, если мы попробуемъ оглянуться на исторію нашей высшей школы за послѣдніе годы и, въ частности, припомнимъ происхожденіе тѣхъ особенностей въ строѣ этой школы, которыя до нѣкоторой степени приблизили его къ автономіи.

Названныя особенности университетскаго строя, какъ и многія другія явленія современной русской жизни, своимъ происхожденіемъ обязаны 1905 году, тому году, который былъ ознаменованъ высокимъ подъемомъ народнаго движенія, и рядомъ уступокъ этому движенію со стороны правительства. Одною изъ такихъ уступокъ было и измѣненіе порядковъ высшей школы. Именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа 1905 г. профессорскимъ коллегіямъ университетовъ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній предоставлено было право избирать ректоровъ и декановъ, представляя ихъ затѣмъ на утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «на обязанность и отвѣтственность совѣтовъ» тѣмъ же указомъ были возложены «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетахъ» и совѣтамъ предоставлено было право принимать мѣры, ведущія къ этой цѣли. Право профессорскихъ совѣтовъ избирать ректора и декановъ и возложенная на тѣ же совѣты обязанность нести «заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни» сами по себѣ, конечно, далеко еще не создавали автономіи для высшей школы. Но эти права и обязанности были переданы совѣтамъ въ такой моментъ, когда власть не видѣла возможности инымъ путемъ водворить порядокъ въ высшей школѣ, и жизнь, вынудившая эту уступку, не замедлила вслѣдъ за тѣмъ расширить узкія рамки закона. Подъ воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, съ одной стороны, студенческаго движенія—съ другой, профессорскимъ совѣтамъ пришлось приступить къ дальнѣйшимъ преобразованіямъ порядковъ академической жизни. Впрочемъ, дѣло свелось не столько даже къ преобразованіямъ, сколько къ простому признанію уже существующихъ фактовъ. Такимъ образомъ за студентами было признано право собираться на сходки, создавать свою студенческую организацію и имѣть своихъ представителей въ лицѣ выборныхъ старостъ. Нѣкоторыя измѣненія произошли и въ другомъ направленіи. Процентная норма для студентовъ-евреевъ, если и не исчезла совершенно, то все же въ сильной мѣрѣ утеряла свое значеніе. На ряду съ

этимъ открылся доступъ въ университетскія аудиторіи и женщинамъ, правда, лишь въ качествѣ вольнослушательницъ.

Всѣ эти перемѣны и дали поводъ говорить о созданной якобы автономіи высшей школы. Особенно часто это слово слышалось изъ устъ самихъ профессорскихъ коллегій. И все же въ немъ было больше преувеличенія, чѣмъ правды. Автономія была лишь обѣщана высшей школѣ въ будущемъ, при составленіи новаго университетскаго устава, пока же школа оставалась въ нѣсколько двусмысленномъ положеніи. И эта двусмысленность тѣмъ меньше могла исчезнуть отъ частаго повторенія профессорскими коллегіями слова автономія, что это часто повторяемое слово очень мало соотвѣтствовало дѣйствіямъ тѣхъ же коллегій. Въ общемъ послѣднія больше убѣждали студентовъ беречь университетскую автономію, нежели осуществляли ее на дѣлѣ. И даже тѣ преобразованія, какія были произведены вслѣдъ за указомъ 27 августа въ порядкахъ академической жизни, проводились не столько путемъ простыхъ рѣшеній «автономныхъ» профессорскихъ коллегій, сколько путемъ ходатайствъ этихъ коллегій передъ министерствомъ. До поры, до времени правительство съ своей стороны удовлетворяло такія ходатайства, не видя иного способа избавиться отъ лишнихъ затрудненій. Такимъ образомъ широкое общественное движеніе, шедшее вокругъ высшей школы и то и дѣло перекидывавшееся внутрь ея собственныхъ стѣнъ, внесло нѣкоторыя существенныя перемѣны въ ея бытъ, но при всѣхъ этихъ перемѣнахъ высшая школа все же осталась далека отъ автономіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и сами дѣятели школы въ лицѣ профессорскихъ коллегій и ихъ выборныхъ представителей избѣгали черезчуръ послѣдовательно проводить идею той «автономіи», которая, по ихъ словамъ, была уже предоставлена высшимъ учебнымъ заведеніямъ, и порою даже, наоборотъ, обнаруживали большую готовность принимать самое сокращенное толкованіе этой «автономіи».

При такихъ условіяхъ поворотъ къ старому порядку представлялся очень мало затрудненнымъ. И, дѣйствительно, какъ только ослабѣло широкое народное движеніе, высшая школа немедленно же почувствовала на себѣ послѣдствія этого факта. Понемногу, сперва медленно, затѣмъ все болѣе быстро и рѣшительно, въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній стали возвращаться прежніе порядки. Студенческія организаціи, одно время дѣйствовавшія свободно, постепенно начали наталкиваться на стѣсненія и преслѣдованія, съ теченіемъ времени все возроставшія. Поворотъ къ старому совершался и въ другихъ сферахъ университетской жизни. Министерскія распоряженія понемногу возстановили въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ прежнюю процентную норму для евреевъ, и еврейское населеніе опять оказалось отброшеннымъ отъ дверей высшей школы. Вообще министерство народнаго просвѣщенія въ своихъ отношеніяхъ къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ строго

слѣдовало за общей политикой правительства и въ своихъ стараніяхъ сообразоваться съ послѣдней неизбѣжно приходило къ все большимъ стѣсненіямъ университетской жизни. Не такъ давно одна изъ московскихъ газетъ разсказала чрезвычайно любопытную въ этомъ смыслѣ исторію, происходившую въ 1907 году. Въ октябрѣ названнаго года совѣтской профессорской коммиссіей петербургскаго университета былъ выработанъ, по соглашенію со студентами, проектъ положенія о факультетскихъ старостахъ. Ректоръ университета, проф. Боргманъ, счелъ нужнымъ еще до совѣтскаго засѣданія, въ которомъ долженъ былъ обсуждаться этотъ проектъ, показать его тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, г. Кауфману, и заручился согласіемъ послѣдняго. Послѣ того университетскій совѣтъ единогласно утвердилъ проектъ положенія. Съ своей стороны министръ послѣ рѣшенія университетскаго совѣта вновь повторилъ г. Боргману свое согласіе на проектированное положеніе о старостахъ. Однако черезъ нѣсколько дней ректоръ и проректоръ университета были вызваны на совмѣстное совѣщаніе съ г. Кауфманомъ и съ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Макаровымъ, какъ извѣстно, спеціально завѣдующимъ полиціей. На этомъ совѣщаніи г. Макаровъ, не возражая принципіально противъ института факультетскихъ старостъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ свою редакцію положенія объ нихъ, при чемъ главное отличіе этой редакціи отъ выработанныхъ университетомъ правилъ заключалось въ отсутствіи параграфа, предусматривавшаго возможность общихъ собраній всѣхъ факультетскихъ старостъ. Представители университета возражали противъ предложенія г. Макарова, и министръ народнаго просвѣщенія высказывалъ полное свое согласіе съ ихъ возраженіями. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣкоторое время ректоръ университета получилъ отъ г. Кауфмана оффиціальную бумагу, въ которой послѣдній сообщалъ, что онъ не можетъ согласиться съ выработанными университетомъ правилами о старостахъ и предлагаетъ совѣту свой проектъ такихъ правилъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ проектъ г. Кауфмана оказался точной копіей проекта, составленнаго г. Макаровымъ. Совѣтъ университета отправилъ къ министру депутацію изъ семи профессоровъ, которымъ удалось добиться отъ него обѣщанія пересмотрѣть вопросъ. Но прошло нѣсколько времени и въ совѣтѣ вновь было получено категорическое заявленіе министра, что онъ не можетъ согласиться съ утвержденнымъ совѣтомъ проектомъ положенія о факультетскихъ старостахъ и настаиваетъ на разсмотрѣніи совѣтомъ новой редакціи этого проекта, составленной по указаніямъ г. Макарова *).

Въ министерство г. Кауфмана эта исторія такъ и не получила своего окончательнаго разрѣшенія. Какъ ни старательно слѣдо-

*) „Голосъ Москвы", 13 сентября.

валъ г. Кауфманъ указаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ ни чувствителенъ онъ былъ къ вѣяніямъ общей политики правительства, онъ все же не удовлетворилъ всѣхъ предъявлявшихся къ нему требованій, и его мѣсто занялъ г. Шварцъ. Однимъ изъ первыхъ же дѣйствій новаго министра было обращенное къ совѣту петербургскаго университета заявленіе, что существованіе института старостъ противорѣчитъ закону. Совѣтъ университета отвѣтилъ министру мотивированнымъ заявленіемъ, въ которомъ настаивалъ на закономѣрности института факультетскихъ старостъ и на полезности его «для обезпеченія спокойнаго хода университетскихъ занятій» и указывалъ, что упраздненіе названнаго института «не безъ основанія можетъ быть разсматриваемо, какъ отнятіе у университета того, что было предоставлено ему въ законномъ порядкѣ». Аргументы профессорскаго совѣта не подѣйствовали, однако же, на министра и не заставили его измѣнить разъ намѣченной линіи поведенія. Въ теченіе минувшаго лѣта г. Шварцъ издалъ рядъ циркуляровъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ перестраивавшихъ жизнь высшей школы и возвращавшихъ послѣднюю подъ власть старыхъ порядковъ, царившихъ въ ней до 1905 года. Однимъ изъ этихъ циркуляровъ стѣснялась свобода студенческихъ собраній, другимъ упразднялись факультетскіе старосты, третьимъ изгонялись изъ университета вольнослушательницы. Помимо всего этого, министерство народнаго просвѣщенія потребовало отъ профессоровъ подписки о непринадлежности ихъ къ противогосударственнымъ и противоправительственнымъ партіямъ, и къ нѣкоторымъ профессорамъ, завѣдомо принадлежащимъ къ конституціонно-демократической партіи, это требованіе было предъявлено въ особенно острой и вызывающей формѣ.

Всѣ эти распоряженія г. Шварца окончательно устраняли всякую двусмысленность въ отношеніяхъ правительства къ высшей школѣ. Дѣло ставилось теперь въ высшей степени просто и ясно. И опредѣленіе контингента учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и установленіе внутреннихъ порядковъ академической жизни министерство подчиняло всецѣло и исключительно своей волѣ, а профессорскимъ совѣтамъ, такъ много говорившимъ за эти годы о дарованной высшей школѣ «автономіи», какъ нельзя болѣе откровенно предоставлялась роль простыхъ исполнителей министерской воли. Тѣмъ не менѣе совѣты и на этотъ разъ сдѣлали попытку пойти путемъ ходатайствъ и «мотивированныхъ представленій». Совѣтъ московскаго университета выступилъ съ ходатайствомъ объ оставленіи въ университетѣ тѣхъ профессоровъ, которыхъ министерство собралось было уволить за принадлежность къ «противогосударственной» конституціонно-демократической партіи. Сами профессора, отказавшись отъ подписки, какой отъ нихъ потребовали, тѣмъ не менѣе не приняли полностью брошеннаго имъ вызова и дали на него уклончивый отвѣтъ. Въ этомъ

случаѣ министерство уступило и не стало настаивать на исполненіи своего первоначальнаго требованія. Но не столь уступчивымъ оказалось оно въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ рѣчь шла уже не о профессорахъ, а объ учащихся. Всѣ ходатайства профессорскихъ совѣтовъ объ оставленіи въ университетскихъ аудиторіяхъ хотя бы тѣхъ вольнослушательницъ, которыя уже ранѣе были приняты въ университеты, остались безъ успѣха. Въ концѣ концовъ этотъ вопросъ былъ переданъ на рѣшеніе совѣта министровъ и послѣдній, усмотрѣвъ, что «числящіяся нынѣ вольнослушательницы приняты были согласно распоряженію университетскаго начальства», разрѣшилъ имъ окончить курсъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы профессора читали для нихъ особыя лекціи, отдѣльно отъ студентовъ, въ тѣ часы, когда университетскія помѣщенія бываютъ свободны. Иначе говоря, принятіе вольнослушательницъ въ университеты совѣтъ министровъ разсматривалъ не то, какъ грѣхъ, который былъ совершенъ профессорами и который долженъ быть ими же заглаженъ, не то, какъ частный договоръ между вольнослушательницами и профессорами, въ очень малой степени касающійся правительства. Самимъ вольнослушательницамъ рѣшеніе совѣта министровъ во всякомъ случаѣ не дало ничего, такъ какъ осуществленіе признаннаго за ними права въ указанной этимъ рѣшеніемъ формѣ остается совершенно невозможнымъ, какъ это, конечно, было извѣстно и самому совѣту министровъ. Не болѣе удачными оказались и другія ходатайства профессоровъ. Всѣ просьбы совѣтовъ о пріемѣ въ высшія учебныя заведенія евреевъ сверхъ количества, допускаемаго процентной нормой, были отклонены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Столь же рѣшительно г. Шварцъ отклонилъ и всѣ ходатайства профессоровъ о признаніи студенческихъ старостъ, категорически заявивъ, что въ этомъ вопросѣ министерство не сдѣлаетъ никакой уступки.

Такимъ образомъ новый учебный сезонъ для высшей школы, подвѣдомственной министерству народнаго просвѣщенія, начинался съ полнаго почти возстановленія старыхъ порядковъ, существовавшихъ въ ней до 1905 года. Эта перспектива настолько угнетающе подѣйствовала на совѣты высшихъ учебныхъ заведеній, что они, не ограничиваясь одними ходатайствами, рѣшились и на нѣкоторыя демонстративныя заявленія своего протеста противъ дѣйствій министерства. Въ петербургскомъ университетѣ ректоръ проф. Боргманъ и проректоръ проф. Браунъ сложили съ себя свои должности, а совѣтъ университета заявилъ, что онъ вынужденъ сложить съ себя всякую моральную отвѣтственность за тѣ послѣдствія, какія можетъ повлечь за собою исполненіе распоряженій министра. Въ московскомъ университетѣ переизбранный на должность ректора проф. Мануиловъ передъ своимъ избраніемъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ свой взглядъ на положеніе университетовъ въ

виду послѣднихъ распоряженій министра народнаго просвѣщенія, и эта рѣчь звучала, повидимому, весьма опредѣленно.

„Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г.—говорилъ, между прочимъ, проф. Мануиловъ—были дарованы начала университетскаго самоуправленія, являющіяся единственнымъ прочнымъ основаніемъ и надежной гарантіей процвѣтанія русскихъ университетовъ. Неправильное или узкое пониманіе автономіи грозитъ привести университетъ къ полному упадку, и нашъ долгъ оградить его отъ опасности свести автономію къ пустому звуку. Актомъ высочайшей воли отъ 27 августа 1905 г. и послѣдовавшими затѣмъ узаконеніями завѣдываніе дѣлами университета возложено на совѣтъ профессоровъ и избирательный университетскій органъ. Воля законодателя совершенно ясна и въ своихъ выраженіяхъ не допускаетъ никакого сомнѣнія. Совѣтъ университета обязанъ слѣдить за правильной жизнью университета, принимать своевременно соотвѣтствующія мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является отвѣтственнымъ за произведенныя имъ дѣйствія. Такъ категорически закономъ опредѣленъ вопросъ объ отношеніи университета къ министру народнаго просвѣщенія, которому онъ является подчиненнымъ въ порядкѣ надзора. Въ виду этого вполнѣ ясно, что ни министръ народнаго просвѣщенія, ни попечитель учебнаго округа не могутъ предлагать университету для приведенія въ исполненіе распоряженія, которыя самимъ совѣтомъ будутъ признаны за несоотвѣтствующія правильному теченію университетской жизни. При этомъ принудительное приведеніе въ исполненіе такого распоряженія ограничило бы свободу дѣйствій совѣта, ослабило бы авторитетъ профессоровъ и явилось бы явнымъ нарушеніемъ закона объ автономіи университета. Подчиненный министерству въ порядкѣ надзора, университетскій совѣтъ за свои дѣйствія отвѣчаетъ по суду и въ дисциплинарномъ порядкѣ".

Избравъ послѣ этой рѣчи проф. Мануилова вновь на должность ректора, совѣтъ московскаго университета вмѣстѣ съ тѣмъ, по предложенію проф. Комаровскаго, единогласно принялъ такую резолюцію: «Совѣтъ московскаго университета, избравъ проф. Мануилова ректоромъ, этимъ самымъ выражаетъ свою полную солидарность съ его прежней дѣятельностью въ университетѣ; совѣтъ твердо увѣренъ, что и впредь А. А. Мануиловъ будетъ являться точнымъ выразителемъ принциповъ совѣта, стоящаго на стражѣ началъ, провозглашенныхъ высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г. и оберегающаго ихъ отъ всякихъ посягательствъ» *).

Подобныя же заявленія сдѣланы были въ совѣтахъ и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. «Указомъ 27 августа 1905 г.—говорилъ въ засѣданіи совѣта петербургскаго женскаго медицинскаго института директоръ послѣдняго, проф. Салазкинъ,—заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни возложены на обязанность и отвѣтственность совѣтовъ, которымъ съ этой цѣлью и предоставлено право принятія соотвѣтствующихъ мѣръ. Между тѣмъ, циркуляры министра пытаются ограничить это право и свести совѣты на роль простыхъ исполнителей мѣръ, предписываемыхъ представителями высшей власти. Такимъ образомъ создается совер-

*) „Рѣчь", 11 сентября.

шенно ненормальное положеніе—мѣры диктуются свыше, а отвѣтственность за ихъ результаты возлагается на совѣты. При такихъ условіяхъ возможны только два выхода: или твердо и исключительно стоять на почвѣ высочайшаго указа 27 августа 1905 г., или выборной администраціи сложить свои полномочія, а совѣту отказаться и отъ заботъ о сохраненіи порядка, и отъ отвѣтственности. Первое рѣшеніе въ данный моментъ было бы цѣлесообразнѣе, такъ какъ оно даетъ хоть нѣкоторую надежду сохранить правильный ходъ учебной жизни. Послѣднее же рѣшеніе могло бы быть принято лишь въ томъ случаѣ, если бы министръ народнаго просвѣщенія сталъ требовать неукоснительнаго исполненія циркуляровъ, противорѣчащихъ указу 27 августа 1905 г. и требующихъ принятія такихъ мѣръ, какія совѣтамъ представляются нецѣлесообразными. Совѣты должны быть отвѣтственны передъ министромъ народнаго просвѣщенія только за закономѣрность своихъ дѣйствій» *). Совѣтъ института согласился съ мнѣніемъ своего директора и рѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія министра, а въ другомъ засѣданіи постановилъ обратиться съ особымъ воззваніемъ къ слушательницамъ института. «Совѣтъ института,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ воззваніи—подобно совѣтамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, единогласно постановилъ неуклонно держаться началъ, установленныхъ высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г., охраняя при этомъ какъ права совѣта на автономію, такъ и право учащихся на общестуденческое представительство по вопросамъ внутренней жизни» **). Учебный комитетъ технологическаго института въ свою очередь обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ особой запиской, въ которой обстоятельно доказывалъ закономѣрность существованія института студенческихъ старостъ, избраніе которыхъ разрѣшалось еще министрами Ванновскимъ и Глазовымъ и невыполнимость и незаконность послѣднихъ циркуляровъ министерства. «Считая своею первой обязанностью—говорилось въ принятой учебнымъ комитетомъ резолюціи—заботы о поддержаніи правильной учебной жизни института и полагая, что исполненіе циркуляровъ отъ 26 мая и 25 іюня, въ виду ихъ противорѣчія съ высочайшимъ указомъ отъ 27 августа 1905 г. и по основаніямъ, которыя приведены въ заключеніи учебнаго комитета, способны разстроить правильный ходъ учебной жизни въ институтѣ, — учебный комитетъ постановилъ представить о вышеизложенномъ министру народнаго просвѣщенія» ***). Подобнымъ же образомъ совѣтъ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, выслушавъ докладъ своей коммиссіи о послѣднихъ распоряженіяхъ министра народнаго просвѣщенія,

*) „Рѣчь", 18 сентября.
**) „Рѣчь", 20 сентября.
***) „Рѣчь", 20 и 23 сентября.

«единогласно призналъ, что не находитъ никакого несоотвѣтствія между учрежденіемъ факультетскихъ депутатокъ въ той формѣ, какъ оно существуетъ на курсахъ, и существующими законоположеніями, что дѣятельность депутатокъ не давала повода къ нареканіямъ и, напротивъ, оказывала полезное вліяніе на поддержаніе порядка внутренней жизни на курсахъ, что означенныя распоряженія министра народнаго просвѣщенія находятся въ противорѣчіи съ высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г. и являются нарушеніемъ правъ, предоставленныхъ совѣту курсовъ этимъ указомъ». Свое постановленіе совѣтъ курсовъ, подобно совѣтамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, рѣшилъ представить черезъ попечителя учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія *).

Такимъ образомъ совѣты, по крайней мѣрѣ, столичныхъ высшихъ школъ выступили съ довольно единодушнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, довольно рѣшительнымъ протестомъ противъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Но при всей кажущейся рѣшительности этого протеста онъ, за рѣдкими исключеніями, не пошелъ дальше представленій министру. И тѣ же самые совѣты, которые въ своихъ представленіяхъ такъ опредѣленно и рѣшительно заявляли, что министерство не имѣетъ права навязывать совѣтамъ свои распоряженія, что эти распоряженія незаконны и неисполнимы, на дѣлѣ принимали оспариваемыя ими распоряженія къ исполненію, въ лучшемъ случаѣ лишь оговариваясь, что не берутъ на себя моральной отвѣтственности за ихъ послѣдствія. Ни принять въ число студентовъ евреевъ сверхъ указанной нормы, ни удержать въ университетскихъ аудиторіяхъ вольнослушательницъ, ни даже сохранить студенческихъ старостъ собственною властью университетскіе совѣты не рѣшились. По всѣмъ этимъ пунктамъ они ограничились однимъ лишь заявленіемъ своего протеста, рѣшительный тонъ котораго довольно мало гармонировалъ съ ихъ дѣйствіями. Съ своей стороны министерство народнаго просвѣщенія, привыкшее находить въ профессорахъ, если не всегда усердныхъ, то всегда почти покорныхъ исполнителей своихъ предписаній, не обратило большого вниманія на протесты профессорскихъ совѣтовъ и осталось на занятой имъ позиціи. Послѣ состоявшагося 3 сентября засѣданія совѣта петербургскаго университета министръ народнаго просвѣщенія, какъ сообщило «освѣдомительное бюро», «сдѣлалъ названному совѣту разъясненіе о неправильномъ со стороны совѣта толкованіи циркулярныхъ распоряженій министерства отъ 16 мая и 14 іюля с. г., касающихся нѣкоторыхъ студенческихъ организацій и собраній, и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ увѣренность, что какъ совѣтъ, такъ и должностныя лица петербургскаго университета, исполняя свой служебный долгъ, приложатъ всѣ усилія къ поддержанію правильнаго хода учебныхъ за-

*) „Рѣчь“, 24 сентября.

нятій въ наступившемъ году, съ одной стороны, путемъ точнаго примѣненія дѣйствующихъ правилъ, съ другой—путемъ разъясненія учащимся того, главнымъ образомъ, обстоятельства, что рѣшеніе большинства тревожащихъ ихъ вопросовъ зависитъ не отъ министерства народнаго просвѣщенія, но отъ законодательныхъ учрежденій, на уваженіе коихъ въ непродолжительномъ времени и предполагается внести проектъ новаго устава россійскихъ университетовъ». Одновременно съ этимъ, по сообщенію того же «освѣдомительнаго бюро», министръ народнаго просвѣщенія, «въ виду нерѣдкихъ случаевъ разнообразнаго и не согласованнаго съ дѣйствующими уставами пониманія совѣтами высшихъ учебныхъ заведеній закона 27 августа 1905 г.», обратился въ сенатъ съ ходатайствомъ о разъясненіи названнаго закона *).

При всей своей внѣшней гладкости эти оффиціальныя заявленія какъ нельзя болѣе ясно опредѣляли политику министерства. Приступивъ къ коренной ломкѣ порядковъ высшей школы, оно поручало профессорамъ успокоивать задѣтыхъ этой ломкой учащихся тѣмъ соображеніемъ, что тревожащіе ихъ вопросы будутъ въ свое время разсмотрѣны «законодательными учрежденіями». А вмѣстѣ съ тѣмъ, избавляя себя отъ упрековъ въ незаконности дѣйствій, оно просило сенатъ разъяснить законъ 27 августа 1905 г., на который ссылались профессорскіе совѣты въ своихъ протестахъ. На этомъ пути оно, конечно, могло не опасаться никакой неудачи, такъ какъ готовность сената «разъяснять» законы стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Припомнивъ тѣ многообразныя «разъясненія», которыя въ свое время даны были сенатомъ по поводу избирательнаго закона, не трудно представить себѣ, какъ основательно можетъ тотъ же сенатъ «разъяснить» указъ 27 августа 1905 г.

Но успокоить учащихся министерству не удалось. Высшая школа многое вынесла за послѣдніе два года почти безъ попытокъ протеста, но лѣтніе циркуляры г. Шварца оказались той каплей, которая переполнила чашу, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ съ открытіемъ учебнаго сезона началось сильное броженіе. Въ предвидѣніи этого броженія администрація постаралась принять мѣры, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы оно осталось неизвѣстнымъ широкой публикѣ. Въ частности петербургскимъ газетамъ, подъ угрозою большихъ штрафовъ, было запрещено сообщать что-либо о студенческихъ сходкахъ и принимаемыхъ ими рѣшеніяхъ. Эта мѣра могла укрыть и, дѣйствительно, укрыла на время отъ общества подробности студенческаго движенія, но она, конечно, не въ силахъ была ни скрыть совершенно самый фактъ этого движенія, ни, тѣмъ болѣе, предотвратить послѣднее. Съ 20 сентября въ петербургскомъ университетѣ началась студенческая забастовка. Въ ближайшіе же дни къ университету присоединились и всѣ почти

*) „Рѣчь“, 10 сентября.

остальныя петербургскія высшія учебныя заведенія, какъ состоящія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и неподвѣдомственныя ему. Почти одновременно съ Петербургомъ студенческая забастовка была объявлена въ московскомъ университетѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Изъ столицъ забастовочное движеніе быстро перешло въ провинцію, и въ короткое время во всѣхъ провинціальныхъ университетахъ, за исключеніемъ одного лишь варшавскаго, и во многихъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ провинціи прекратились всякія занятія. Отъ Петербурга до Томска, отъ Москвы до Одессы учащаяся молодежь всѣхъ почти учебныхъ заведеній Россіи дружно примкнула къ забастовкѣ, протестуя противъ послѣднихъ распоряженій министра народнаго просвѣщенія и требуя ихъ отмѣны.

Провинціальная администрація не замедлила отвѣтить на студенческое движеніе обычными репрессіями. Кіевскій генералъ-губернаторъ ген. Сухомлиновъ уже 9 сентября обратился съ особыми письмами къ ректору кіевскаго университета и директору политехникума, настаивая, что они вмѣстѣ съ профессорами «должны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы наступившій учебный годъ прошелъ при полномъ порядкѣ, и студенты, желающіе серьезно заниматься, могли получить возможность осуществить свое законное и естественное право». «Никакія своеволія со стороны студентовъ, направленныя исключительно къ вызову и поддержанію безпорядковъ,—продолжалъ генералъ-губернаторъ—не должны быть допускаемы, и я ожидаю отъ васъ и отъ гг. профессоровъ такихъ распоряженій и такой постановки дѣла, при которыхъ не могутъ имѣть мѣста даже попытки къ нарушенію спокойнаго теченія академической жизни. Прошу объявить студентамъ, что я не имѣю права безразлично относиться къ нарушителямъ порядка въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, и потому всѣ студенты, виновные въ устройствѣ и посѣщеніи неразрѣшенныхъ сходокъ, въ проявленіи насилій надъ товарищами, профессорами и другими лицами, служащими въ учебномъ заведеніи, въ нанесеніи оскорбленій, срываніи лекцій и пр., участники забастовокъ—будутъ мною немедленно высланы изъ Кіева. Примѣръ прошлогодней высылки, увѣренъ, указалъ студентамъ, что съ требованіемъ закона и власти необходимо считаться. Надѣюсь на серьезное руководительство гг. профессоровъ и благоразуміе студентовъ» *). На профессоровъ политехникума это письмо, повидимому, не произвело особаго дѣйствія, но профессора и ректоръ кіевскаго университета въ полной мѣрѣ оправдали надежды генералъ-губернатора и проявили то «серьезное руководительство», котораго онъ ждалъ отъ нихъ. Правда, они не сумѣли придумать такія распоряженія, которыя сдѣ-

*) „Рѣчь", 17 сентября.

лали бы невозможными «даже попытки къ нарушенію спокойнаго теченія академической жизни», но готовность усмирять «своеволія» студентовъ они обнаружили полную. Когда 2 октября въ кіевскомъ университетѣ собралась сходка, начавшая обсуждать вопросъ о забастовкѣ, ректоръ университета г. Цытовичъ немедленно вызвалъ полицію, и университетъ былъ занятъ отрядомъ полицейскихъ и полуротою солдатъ. Нѣсколько студентовъ было арестовано и профессора дочитывали свои лекціи подъ охраною полиціи. На другой день повторилось то же самое. Послѣ того ректоръ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ предупреждалъ студентовъ, что «дальнѣйшая необходимость прибѣгать къ содѣйствію полиціи повлечетъ за собою переписку участниковъ безпорядковъ и примѣненіе къ нимъ административныхъ взысканій» *). Тѣмъ не менѣе, университетъ продолжалъ оставаться подъ охраной полиціи, дежурившей въ вестибюлѣ университетскаго зданія, и войскъ, помѣщенныхъ въ сосѣднихъ домахъ. Что касается «административныхъ взысканій», то они не заставили себя ждать, и извѣстія объ нихъ уже появляются въ газетахъ. Такъ, по сообщенію послѣднихъ, кіевскимъ губернаторомъ «за активное участіе въ безпорядкахъ въ университетѣ и попытку устроить забастовку» студенты Гуревичъ и Туржанскій подвергнуты аресту на три мѣсяца **).

Въ Казани въ университетъ также была введена полиція, которая, задержавъ около 500 студентовъ, препятствовавшихъ чтенію лекцій, отобрала у задержанныхъ билеты, а нѣсколькихъ лицъ арестовала. Вслѣдъ затѣмъ распоряженіемъ казанскаго губернатора «за участіе въ неразрѣшенномъ студенческомъ собраніи, состоявшемся 30 сентября въ коридорѣ университета», одинъ студентъ, какъ устроитель и руководитель собранія, былъ подвергнутъ аресту на 3 мѣсяца, 15 студентовъ денежному штрафу въ размѣрѣ 150 руб. каждый или аресту на одинъ мѣсяцъ, 56 студентовъ — штрафу въ 100 руб. каждый или аресту на 20 дней и 345 студентовъ—штрафу въ 20 руб. или аресту на восемь дней ***). Въ одесскомъ университетѣ ректоръ г. Левашовъ, избранный на эту должность при благосклонномъ содѣйствіи генералъ-губернатора Толмачева, изобрѣлъ особую мѣру для предупрежденія «попытокъ нарушенія спокойнаго теченія академической жизни». Онъ именно, по словамъ газетъ, «предложилъ служащимъ университета не допускать студенческихъ сходокъ, если же группы студентовъ заговорятъ о забастовкѣ, то сообщить имъ въ видѣ слуха, что въ случаѣ осуществленія забастовки всѣ евреи немедленно будутъ уволены, а обратно будутъ приниматься лишь съ строгимъ соблюденіемъ десятипроцентной нормы» ****). Когда же эта мѣра не при-

*) „Голосъ Москвы", 5 октября; „Рѣчь", 4 и 5 октября.
**) „Рѣчь", 9 октября.
***) «Рѣчь» 2 и 9 октября.
****) „Рѣчь", 26 сентября.

несла ожидавшихся отъ нея плодовъ, и въ университетѣ состоялось совѣщаніе группы студентовъ о забастовкѣ, то въ слѣдующую же ночь многіе участники этого совѣщанія были арестованы. На вопросъ депутаціи студентовъ о причинѣ этихъ арестовъ ректоръ отвѣтилъ, что сходокъ онъ не допуститъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ университетѣ вывѣшено было за подписью ректора объявленіе, заявлявшее, что «совѣтъ, на основаніи указа 27 августа 1905 г. и другихъ узаконеній и правилъ, приметъ всѣ мѣры, чтобы университетъ могъ безъ перерыва исполнять свое высокое назначеніе, обезпечивъ возможность занятій всѣмъ желающимъ работать». Одновременно съ этимъ правленіе университета объявило, что освобождать отъ взноса платы за слушаніе лекцій оно будетъ только тѣхъ студентовъ, которые исправно посѣщаютъ лекціи. Съ своей стороны генералъ-губернаторъ Толмачевъ счелъ нужнымъ путемъ особаго объявленія «предупредить студентовъ, что никакія насилія надъ желающими слушать лекціи не будутъ допущены» и что на виновныхъ въ такихъ насиліяхъ «будутъ наложены самыя строгія административныя взысканія». Въ университетѣ, по распоряженію ректора, были помѣщены полицейскіе чины, чтобы помѣшать обструкціи *). Но, несмотря на всѣ эти мѣры, забастовка въ одесскомъ университетѣ все-таки состоялась.

Мѣстами совѣты высшихъ учебныхъ заведеній и ихъ выборные представители прибѣгли къ репрессіямъ и самостоятельно, не вступая въ прямой союзъ съ общею администраціей. Такъ, въ харьковскомъ университетѣ, по словамъ газетъ, было вывѣшено, за подписью ректора, объявленіе, что студенты - семинаристы, уволенные изъ университета за забастовку, будутъ приниматься обратно въ университетъ только по выдержаніи экзамена на аттестатъ зрѣлости **). Въ Москвѣ конференція межевого института предложила забастовавшимъ студентамъ немедленно приступить къ правильнымъ занятіямъ, заявивъ, что тѣ изъ студентовъ, которые не пожелаютъ заниматься, должны взять свои бумаги до 2 октября, а студенты, не приступившіе къ занятіямъ и не взявшіе бумагъ, будутъ исключены изъ института ***).

Въ общемъ, однако-же, совѣты столичныхъ учебныхъ заведеній не стали на путь репрессій по отношенію къ забастовавшему студенчеству и весьма рѣшительно высказались противъ самой возможности такого пути. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они съ началомъ студенческой забастовки не удержались всецѣло и на той позиціи, которую они заняли первоначально по отношенію къ министерству и отошли отъ этой позиціи нѣсколько въ сторону. И быть можетъ, съ наибольшею яркостью эта перемѣна позиціи сказалась въ дѣйствіяхъ совѣтовъ петербургскаго и московскаго университетовъ.

---

*) „Рѣчь“, 1, 11 и 9 октября; „Вечеръ“, 7 октября.

**) „Рѣчь“, 2 октября.

***) „Утро“, 6 октября.

Когда въ петербургскомъ университетѣ студенческая сходка 20 сентября объявила и провела забастовку, профессорскій совѣтъ «въ виду обнаружившейся совершенной невозможности обезпечить правильный ходъ занятій въ ближайшіе дни и въ сознаніи необходимости предотвратить возможность дальнѣйшаго развитія начавшейся забастовки» счелъ нужнымъ временно пріостановить занятія въ университетѣ и постановилъ ходатайствовать объ этомъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія. Послѣдній не согласился, однако, съ мнѣніемъ совѣта и распорядился вновь открыть закрытый было властью ректора университетъ, предложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ профессорамъ успокоить студентовъ путемъ разъясненія имъ законности министерскихъ циркуляровъ. Тогда совѣтъ рѣшилъ, не приводя въ исполненіе этого распоряженія, представить министру объ его неудобствахъ. Указывая на то, что временное закрытіе университета позволило бы дать студентамъ время для успокоенія и избѣжать «взаимнаго разжиганія страстей», совѣтъ одновременно въ весьма недвусмысленныхъ выраженіяхъ пояснялъ, въ какое трудное положеніе ставитъ его предложеніе министра.

„Скорѣйшее возстановленіе занятій--говорилось по этому поводу въ представленіи совѣта—составляетъ, конечно, важнѣйшую задачу совѣта, но всѣ мѣры, направленныя къ этой цѣли, если не считать чисто репрессивныхъ, которыя, по убѣжденію совѣта, совершенно недопустимы, требуютъ для своего осуществленія нѣкотораго времени, а независимо отъ этого обращеніе къ студентамъ, отъ котораго никоимъ образомъ нельзя разсчитывать на успѣхъ возобновленія занятій, особенно въ настоящее время, при отсутствіи легализованнаго студенческаго представительства, возможно только въ томъ случаѣ, когда оно является выраженіемъ свободной оцѣнки событій со стороны высшаго органа университетскаго самоуправленія и соотвѣтствуетъ убѣжденію совѣта въ томъ, что эта мѣра дѣйствительно можетъ содѣйствовать успокоенію умовъ.

„При наличныхъ же условіяхъ совѣтъ лишенъ возможности обратиться къ студентамъ съ какимъ-либо призывомъ, ибо всякое слово, сказанное въ такой моментъ, когда совѣтъ самъ глубоко убѣжденъ въ невозможности немедленнаго возобновленія занятій, прозвучало бы фальшью, было бы истолковано исключительно, какъ актъ, продиктованный волею высшаго начальства. Обращеніе при такихъ условіяхъ только усилило бы броженіе, простое же указаніе на слова министра, что волнующіе нынѣ студентовъ вопросы академической жизни должны стать предметомъ обсужденія законодательныхъ учрежденій при разсмотрѣніи проекта новаго устава, можетъ оказаться совершенно недостаточнымъ. Съ другой стороны, неосуществимо рекомендуемое министромъ разъясненіе студентамъ того обстоятельства, что распоряженія его, касавшіяся дѣятельности университета, отнюдь не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо ограниченій правъ, данныхъ указомъ 27 августа 1905 г. и правилами 11 іюня 1907 г. Это рѣшеніе неисполнимо, ибо оно находилось бы въ прямомъ противорѣчіи съ выраженнымъ уже единогласнымъ мнѣніемъ совѣта" *).

---

*) „Нов. Русь", 26 сентября.

Отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ уже не отъ министра народнаго просвѣщенія, а отъ совѣта министромъ. 25 сентября въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было опубликовано пространное правительственное сообщеніе, излагавшее результаты обсужденія университетскаго вопроса въ совѣтѣ министровъ. Въ этомъ сообщеніи профессорамъ, между прочимъ, ставится въ вину то обстоятельство, что они «хотя и убѣждали студентовъ не прекращать занятій, но одновременно тѣмъ или другимъ путемъ доводили до свѣдѣнія студентовъ, что борьбу за автономію они берутъ на себя, каковое заявленіе не могло, конечно, не дѣйствовать на студентовъ возбуждающимъ образомъ». Между тѣмъ для такой борьбы, по мнѣнію совѣта министровъ, не могло быть мѣста, такъ какъ циркуляры министра народнаго просвѣщенія нисколько не нарушаютъ правъ, данныхъ университетамъ указомъ 27 августа 1905 г. Все дѣло въ томъ, что этотъ указъ былъ неправильно понятъ и невѣрно толковался.

„Тогда какъ нѣкоторыя студенческія группы,—утверждало правительственное сообщеніе,—толковали новый порядокъ управленія университетами, какъ политическое завоеваніе революціонныхъ организацій, а совѣты нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній склонны были понимать вновь дарованное устройство, какъ право регулировать академическую жизнь, не стѣсняясь существующимъ законодательствомъ, правительство съ самаго начала полагало, что этотъ новый порядокъ управленія высшихъ учебныхъ заведеній возлагаетъ на профессорскія коллегіи право и обязанность руководить внутреннею университетскою жизнью въ рамкахъ дѣйствующаго закона, а именно избирать ректоровъ и декановъ и принимать мѣры къ обезпеченію правильнаго хода учебныхъ занятій и порядка въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, что, за упраздненіемъ подчиненной попечителямъ учебныхъ округовъ инспектуры, должно было составить непосредственную заботу ректора и совѣта профессоровъ".

Иначе говоря, указъ 27 августа 1905 г., по мнѣнію совѣта министровъ, содержалъ въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ передачу обязанностей университетской инспекціи профессорскимъ совѣтамъ. Свой взглядъ на новую постановку высшихъ учебныхъ заведеній правительство, по словамъ сообщенія, разсчитывало осуществить въ новомъ университетскомъ уставѣ, но обсужденіе послѣдняго въ законодательныхъ учрежденіяхъ «можетъ занять довольно продолжительное время, а между тѣмъ длительнымъ, хотя и незаконнымъ примѣненіемъ произвольно установленныхъ, незаконныхъ правилъ внѣдрялись въ жизнь недопустимые, по мнѣнію правительства, порядки». Этому внѣдренію и должны помѣшать циркуляры г. Шварца, водворяющіе такимъ образомъ въ жизнь высшей школы законный порядокъ. И этотъ порядокъ, по мнѣнію совѣта министровъ, не требуетъ даже большихъ жертвъ. «Правительство не лишило отдѣльныя учебныя группы права обращаться къ своимъ профессорамъ по интересующимъ ихъ академическимъ вопросамъ черезъ избранныхъ посредниковъ-студентовъ, но оно не

признавало допустимымъ объединеніе этихъ посредниковъ въ какую бы то ни было постоянную представительную организацію, такъ какъ опытъ показалъ, что такія организаціи пріобрѣтаютъ неминуемо политическій характеръ. Въ послѣднее время совѣтъ министровъ рѣшилъ дать возможность лицамъ женскаго пола, хотя и незаконно допущеннымъ въ университеты, но добросовѣстно считавшимъ себя студентками, дослушать начатые ими университетскіе курсы, при чемъ, если бы техническія условія проведенія этого постановленія въ жизнь требовали какихъ-либо разъясненій, то за таковыми университеты должны были обращаться къ министру народнаго просвѣщенія. Наконецъ, правительство нашло необходимымъ провести одну общую норму евреевъ, допускаемыхъ въ высшія учебныя заведенія, дабы въ этомъ дѣлѣ не могло быть постоянныхъ колебаній».

Выражая надежду на «благоразуміе большинства студентовъ, очевидно сознающихъ нелѣпость предположеній объ измѣненіи правительствомъ своихъ воззрѣній и распоряженій подъ воздѣйствіемъ студенческихъ забастовокъ», совѣтъ министровъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что онъ «всецѣло разсчитываетъ на содѣйствіе профессоровъ, которые не исполнили бы своего служебнаго долга, если бы, подчиняясь давленію забастовщиковъ, лишили студентовъ, желающихъ заниматься, способовъ продолжать занятія». Соотвѣтственно этому совѣтъ министровъ въ своемъ сообщеніи предложилъ совѣтамъ высшихъ учебныхъ заведеній продолжать лекціи и занятія и принять всѣ внутреннія мѣры къ прекращенію непорядка, а при невозможности оградить порядокъ собственными средствами учебнаго заведенія обращаться къ содѣйствію гражданскихъ властей. Послѣднимъ же совѣтъ министровъ поручалъ, «не принимая полицейскихъ мѣръ противъ забастовавшихъ студентовъ, пока они ограничиваются лишь непосѣщеніемъ лекцій, не допускать никакихъ съ ихъ стороны проявленій своеволія или насилія надъ другими лицами, въ случаѣ же полученія увѣдомленія отъ университетскаго начальства о насиліяхъ внутри стѣнъ учебнаго заведенія немедленно примѣнять къ виновнымъ всѣ законныя мѣры воздѣйствія».

За двѣ недѣли до сообщенія совѣта министровъ, когда конфликтъ г. Шварца съ профессорскими коллегіями былъ въ полномъ разгарѣ и, между прочимъ, шла еще рѣчь объ увольненіи профессоровъ, которые не дадутъ подписки въ непринадлежности къ противогосударственнымъ партіямъ, одинъ изъ вліятельныхъ профессоровъ московскаго университета, кн. Е. Трубецкой, выступилъ въ печати съ весьма рѣшительными заявленіями, горячо одобряя рѣшеніе петербургскаго профессорскаго совѣта сложить съ себя всякую отвѣтственность за мѣры министра народнаго просвѣщенія. «Ясно,—писалъ г. Трубецкой—что при такихъ условіяхъ отвѣтствовать за управленіе университетомъ совѣтъ не можетъ: признать передъ студентами, что раньше онъ нарушилъ законъ,

что онъ пошутилъ, давъ имъ право выбора старостъ, или что онъ не въ силахъ отстаивать своего и ихъ законнаго права—значитъ разъ навсегда поступиться своимъ педагогическимъ авторитетомъ. Чтобы пользоваться авторитетомъ, совѣтъ не долженъ быть безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства. Если послѣднее хотѣло въ своей университетской политикѣ опираться на совѣтъ, оно должно было съ большимъ уваженіемъ относиться къ его автономическимъ постановленіямъ. Ясно, что при этихъ условіяхъ заявленный совѣтомъ отказъ отъ осуществленія автономіи представлялся единственнымъ выходомъ» *). Совѣтъ министровъ въ своемъ сообщеніи какъ разъ подтвердилъ, что, съ точки зрѣнія правительства, профессорскіе совѣты «раньше нарушили законъ», что они лишь «пошутили», признавъ за студентами право выбора старостъ и впустивъ въ университетъ вольнослушательницъ, и что вообще никакихъ новыхъ правъ, кромѣ принадлежавшихъ раньше инспекціи, за университетскими совѣтами не числится. И тѣмъ не менѣе ни товарищи г. Трубецкого по совѣтамъ петербургскаго и московскаго университетовъ, ни самъ г. Трубецкой не удержались на заявленной имъ точкѣ зрѣнія.

Совѣтъ петербургскаго университета сумѣлъ даже отыскать въ правительственномъ сообщеніи нѣкоторыя уступки, создающія «совершенно новый моментъ». Одну изъ такихъ уступокъ совѣтъ нашелъ въ предоставленіи ему возможности ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи условій чтенія лекцій вольнослушательницамъ, возможности, которая, конечно, была у совѣта и раньше. Другую уступку совѣтъ усмотрѣлъ въ высказанномъ правительствомъ взглядѣ на студенческое представительство. «Правительство—говорилъ по этому поводу газетнымъ сотрудникамъ и. об. ректора проф. Шимкевичъ— высказывается противъ представительства отъ лица всего студенчества и постояннаго. Но вѣдь и совѣтъ университета не считалъ старостъ представителями всего студенчества, а лишь той части учащихся, которая участвовала въ выборахъ этихъ старостъ. Очевидно, правительство главнымъ образомъ противъ постояннаго представительнаго студенческаго органа, т. е., вопросъ въ сущности сводится къ тому, можетъ ли этотъ органъ имѣть постоянный уставъ или же ежегодно должна устанавливаться новая организація, имѣющая временный характеръ». Исходя изъ такихъ соображеній, совѣтъ петербургскаго университета рѣшилъ ходатайствовать передъ министромъ народнаго просвѣщенія о возстановленіи института старостъ и о предоставленіи вольнослушательницамъ возможности посѣщать общія со студентами лекціи. Это послѣднее ходатайство было возбуждено и совѣтомъ московскаго университета **).

*) „Голосъ Москвы", 11 сент.
**) „Нов. Русь", 26 сент.; „Рѣчь", 27 сент. и 12 окт.

Разсчеты профессоровъ, выразившіеся въ приведенныхъ соображеніяхъ, являлись, конечно, въ высокой мѣрѣ проблематичными и въ сущности представляли собою ничто иное, какъ попытку нѣкотораго самоутѣшенія. Я не говорю уже о томъ, что, если бы даже такіе разсчеты оправдались, они во всякомъ случаѣ дали бы не тотъ результатъ, какой первоначально имѣли въ виду совѣты. Но, какъ бы то ни было, совѣтъ петербургскаго университета рѣшилъ исполнить обращенное къ нему предложеніе правительства и открылъ университетъ, пригласивъ студентовъ возобновить занятія. Студенчество, однако же, не прекратило своей забастовки и въ теченіе нѣсколькихъ дней профессора приходили на лекціи лишь для того, чтобы узнать отъ студентовъ, что онѣ не могутъ состояться. Отдѣльные профессора за это время горячо убѣждали студентовъ приступить къ занятіямъ, но не имѣли большого успѣха и находили себѣ поддержку главнымъ образомъ среди немногочисленныхъ въ университетѣ членовъ «союза русскаго народа». Черезъ нѣкоторое время, когда на сходкѣ, созванной для обсужденія вопроса о продолженіи или прекращеніи забастовки, разыгралось рѣзкое столкновеніе, вызванное «союзниками», совѣтъ вновь попытался ходатайствовать передъ министромъ о временномъ закрытіи университета въ цѣляхъ успокоенія студенчества. Но совѣтъ министровъ, въ который опять-таки было перенесено это ходатайство, и на этотъ разъ отвѣтилъ на него отказомъ, предупредительно указавъ профессорамъ, что у нихъ имѣется другой путь для воздѣйствія на студенчество —путь репрессій.

„Совѣтъ министровъ—говорилось въ новомъ правительственномъ сообщеніи, опубликованномъ 5 октября,—не могъ не обратить вниманія на то, что совѣтомъ петербургскаго университета не были исчерпаны для возстановленія порядка предоставленныя ему закономъ 27 августа 1905 г. средства. Сознавая вполнѣ всю тяготу принятія противъ учащейся молодежи мѣръ репрессіи, совѣтъ министровъ полагаетъ, однако, что одно лишь пассивное отношеніе къ столь уродливому явленію, какъ учебная забастовка, доказываетъ безсиліе бороться съ нею, съ другой же стороны активныя противъ нея мѣропріятія должны быть приняты прежде всего совѣтами университетовъ, которымъ законъ предоставляетъ прибѣгать къ профессорскимъ дисциплинарнымъ судамъ и къ исключенію виновныхъ изъ числа студентовъ. Казалось бы,—съ неожиданной для оффиціальной бумаги попыткой на юморъ прибавляло правительственное сообщеніе—что послѣдняя мѣра отвѣчала бы и стремленію тѣхъ лицъ, которыя сами заявляютъ о нежеланіи своемъ слушать лекціи и препятствуютъ занятіямъ своихъ товарищей".

Совѣтъ петербургскаго университета не пошелъ за этимъ приглашеніемъ, но, открывая вновь университетъ, обратился къ студентамъ съ особымъ воззваніемъ, настойчиво приглашая ихъ вернуться къ занятіямъ. И, составляя такое воззваніе, которое самъ онъ еще недавно считалъ невозможнымъ, совѣтъ вставилъ въ него недвусмысленную угрозу. «Совѣтъ—такъ заканчивалось

это воззваніе—не хочетъ терять надежды, что студенты поймутъ крайнюю серьезность положенія и отдадутъ себѣ отчетъ въ огромной лежащей теперь на нихъ отвѣтственности. Если, вопреки надеждамъ совѣта, всѣ его старанія наладить университетскую жизнь окажутся тщетными, у совѣта неминуемо возникнетъ сомнѣніе, самое тягостное и роковое въ настоящую минуту, въ возможности осуществить на дѣлѣ начала университетской автономіи».

Та нота, которая прозвучала въ этомъ воззваніи петербургскаго совѣта, еще раньше и еще рѣшительнѣе была взята московскими профессорами. Когда въ московскомъ университетѣ началась забастовка, профессора приложили большія усилія къ тому, чтобы убѣдить студентовъ возобновить занятія. Особенно большую энергію въ этомъ отношеніи обнаружилъ г. Трубецкой. Въ своихъ собесѣдованіяхъ со студентами онъ категорически утверждалъ, что «никакой союзъ русскаго народа не можетъ нанести автономіи столько вреда, сколько настоящая студенческая забастовка», и не менѣе категорически заявлялъ, что «вся профессорская коллегія московскаго университета относится въ высшей степени отрицательно къ прекращенію занятій и усматриваетъ въ дѣйствіяхъ студентовъ самую большую опасность для университетской автономіи» *). И такого рода заявленія дѣлались не однимъ только г. Трубецкимъ. Послѣ того, какъ настоянія профессоровъ на чтеніи лекцій вызвали обструкцію со стороны забастовавшихъ студентовъ, ректоръ университета, г. Мануиловъ, высказалъ ту же самую мысль въ еще болѣе рѣзкой формѣ и встрѣтилъ единодушную поддержку всей профессорской коллегіи.

„Въ рѣчи, произнесенной мною передъ баллотированіемъ на должность ректора,—говорилъ г. Мануиловъ въ совѣтскомъ засѣданіи 30 сентября—я заявилъ, что, по дѣйствующему закону, на совѣтѣ и выборныхъ органахъ университетскаго самоуправленія лежитъ обязанность нести въ полной мѣрѣ возложенную на нихъ законодателемъ отвѣтственность и пользоваться всей широтой сопряженныхъ съ этой отвѣтственностью правъ, рѣшительно отстраняя попытки нарушенія началъ высочайшаго указа 27 августа 1905 г., откуда бы эти попытки ни исходили. Въ настоящее время такія попытки исходятъ отъ студентовъ. Ихъ образъ дѣйствій, приведшій къ пріостановкѣ учебныхъ занятій въ университетѣ, есть рѣзкое нарушеніе началъ университетскаго самоуправленія, сущность котораго заключается въ томъ, что университетомъ управляетъ профессорская коллегія, основывающая свои дѣйствія на законѣ и нравственномъ авторитетѣ учащихъ по отношенію къ учащимся. Въ силу возложенной на совѣтъ отвѣтственности, которая служитъ и основаніемъ предоставленныхъ ему правъ, совѣтъ и выборные его органы обязаны и по закону, и по совѣсти возстановить нарушенное студентами правильное теченіе академической жизни въ университетѣ или сложить съ себя возложенную на нихъ отвѣтственность, откуда вытекала бы и утрата сопряженныхъ съ этой отвѣтственностью правъ самоуправленія. Вопросъ, поставленный на очередь событіями, имѣвшими мѣсто въ университетѣ въ послѣдніе дни, касается

*) „Рѣчь“, 18 сентября.

самаго существованія университетской автономіи. Это—вопросъ о томъ, быть ей или прекратиться.

„Автономія не можетъ существовать, если законъ, на которомъ она покоится, нарушается неудачными и незакономѣрными распоряженіями или ограничительными толкованіями. Но она въ равной мѣрѣ падаетъ и въ томъ случаѣ, если подвергается колебаніямъ авторитетъ профессорской коллегіи и его сила оказывается недостаточной для поддержанія правильнаго теченія академической жизни.

„Дѣянія, совершаемыя въ настоящее время студентами въ университетѣ, если они не прекратятся, покажутъ яснымъ и не допускающимъ никакихъ пререканій способомъ, что профессорская коллегія не пользуется въ университетѣ надлежащимъ авторитетомъ, т. е., что автономія невозможна.

„Такой образъ дѣйствій студентовъ я считаю преступнымъ. Являясь соучастниками враговъ университетской автономіи, они вмѣстѣ съ ними выполняютъ печальную миссію разрушителей русской культуры.

„При условіяхъ, сложившихся въ данное время въ университетѣ, я не вижу для себя возможности оставаться на ректорскомъ посту“...

Совѣтъ, однако же, выразивъ полную свою солидарность съ г. Мануиловымъ, убѣдилъ его сохранить должность ректора и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ обратиться къ студентамъ съ особымъ воззваніемъ. «Совѣтъ московскаго унивирситета,—гласилъ текстъ этого воззванія, единогласно принятый совѣтомъ, — протестуя противъ забастовки, грозящей университету разрушеніемъ, и выражая крайнее негодованіе тѣмъ изъ студентовъ, которые участвовали въ обструкціи и позволили себѣ грубые и оскорбительные поступки противъ профессоровъ и их слушателей, обращаетъ вниманіе студентовъ на создавшееся исключительно серьезное по своей опасности для университета положеніе и на безусловную необходимость возвращенія къ правильнымъ занятіямъ. Неисполненіе студентами этого предложенія послужитъ свидѣтельствомъ полнаго съ ихъ стороны неуваженія къ университетской автономіи» *).

Такимъ образомъ въ то время, какъ въ провинціи на участниковъ студенческой забастовки обрушились административныя репрессіи, столичные университетскіе совѣты выступили противъ забастовавшихъ студентовъ съ обвиненіями въ томъ, что они губятъ университеты и въ большей мѣрѣ, чѣмъ это могли бы сдѣлать самые заядлые реакціонеры, подрываютъ дѣло университетской автономіи. Къ этимъ обвиненіямъ присоединилась и немалая часть столичныхъ газетъ. Особенно далеко пошло въ этомъ направленіи петербургское «Слово». Обсуждая университетскія событія, газета г. Ѳедорова категорически заявила, что нынѣшнее положеніе университетовъ гораздо болѣе тягостно, чѣмъ было оно даже «въ безпросвѣтную эпоху, послѣ 1848 г.», и болѣе тягостно именно благодаря студентамъ. «Съ чѣмъ столкнулись мы теперь?—патетически спрашивала названная газета.—Извнѣ нависли новыя тучи надъ нашею академическою жизнью, тучи мрачной реакціи. Но теперь менѣе, чѣмъ прежде

*) „Рѣчь“, 3 октября.

можно было бы вѣрить въ побѣду ихъ, по крайней мѣрѣ, въ сколько-нибудь продолжительную побѣду. Слишкомъ сильно всколыхнулось общественное сознаніе, слишкомъ яркимъ казался опытъ послѣднихъ двухъ академическихъ годовъ, чтобы органъ общественнаго мнѣнія, даже такой, какъ третья Дума, могъ допустить торжество налетѣвшаго шквала. Чаша испытанія приблизилась къ устамъ нашимъ, но была крѣпкая надежда, что найдется рука, которая отведетъ ее». Случилось, однако, по мнѣнію газеты, нѣчто неожиданное. «Въ тотъ моментъ, когда надо было дружно сплотиться всѣмъ друзьямъ свободной науки, когда нельзя было допускать ни одного ложнаго шага, который былъ бы на руку и безъ того достаточно сильному врагу,—въ этотъ моментъ въ совѣтахъ обоихъ столичныхъ университетовъ «возникаетъ тягостное и роковое въ настоящую минуту сомнѣніе въ возможности осуществить на дѣлѣ начала университетской автономіи». И виновниками этого сомнѣнія являются уже не внѣшнія обстоятельства, а внутреннія осложненія,—неумѣніе студенчества сдержать свои порывы, пренебреженіе съ ихъ стороны, во имя этихъ порывовъ, уваженіемъ къ голосу профессорской коллегіи, единствомъ старшихъ и младшихъ элементовъ академической семьи. На карту ставятся, дѣйствительно, «самые дорогіе интересы университета», самыя завѣтныя надежды, такъ долго поддерживавшія лучшую часть профессоровъ и студенчества, столь близкія уже къ осуществленію. И кто же наноситъ имъ роковой ударъ? Сами студенты». «Нѣтъ будущаго—поясняла далѣе свою мысль газета—у дѣла, въ которое перестаютъ вѣрить его работники. А какъ могутъ сохранить вѣру въ свое дѣло профессорскія коллегіи, столь энергично и единодушно выступившія въ послѣднее время, разъ студенты всѣмъ образомъ дѣйствій своихъ доказываютъ ихъ безсиліе отвѣчать за то, что совершается подъ академической кровлей? Вотъ самый тяжкій вопросъ, выдвинутый на очередь послѣдними событіями. Стоитъ только поставить его во всей его трагической обнаженности, чтобы содрогнуться передъ нимъ» *).

Какъ видитъ читатель, обвиненіе по адресу студентовъ сформулировано ясно и опредѣленно. Другой вопросъ,—правильно ли оно. Въ этомъ вопросѣ стоитъ разобраться, и разобраться серьезно, не отуманивая себя крикливымъ паѳосомъ громкихъ словъ. Попробуемъ же сдѣлать это.

По мнѣнію «Слова», «мрачныя тучи реакціи», нависшія надъ нашей высшей школой, были бы, внѣ всякаго сомнѣнія, разсѣяны «даже такимъ органомъ общественнаго мнѣнія, какъ третья Дума», если бы только не помѣшали этому «порывы» студенчества, увлекшіе послѣднее въ забастовку. Этому утвержденію, конечно, не повѣрятъ даже профессора и еще меньше можетъ повѣрить ему ши-

*) „Слово", 5 октября.

рокое русское общество. Вѣдь еще минувшей весною ораторы «руководящаго большинства» третьей Думы достаточно неодобрительно отзывались о политикѣ г. Шварца, но это нисколько не помѣшало дальнѣйшему развитію той же политики и одобренію ея всѣмъ правительствомъ. А если спросить, что собственно измѣнилось съ той поры въ отношеніяхъ между третьей Думой и правительствомъ, то, думается, даже благодушная газета г. Ѳедорова едва-ли найдетъ какой-либо отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Но, не довольствуясь ссылкою на третью Думу, которая якобы совсѣмъ была готова облагодѣтельствовать нашу высшую школу, «крѣпкой рукой» отведя отъ нея «чашу испытаній», «Слово» говоритъ еще и нѣчто другое. Оно даетъ именно понять, что права высшей школы отстаивались профессорскими коллегіями, но и послѣднимъ помѣшали студенты своею забастовкой, которая компрометировала самую идею университетской автономіи. Какъ мы видѣли, это самое утверждаютъ и сами профессорскіе совѣты. Но въ дѣйствительности, какъ показываютъ приведенныя выше фактическія справки, это утвержденіе не отличается большою точностью. Совѣты петербургскаго и московскаго университетовъ начали, дѣйствительно, съ протестовъ противъ министерскихъ циркуляровъ, нарушившихъ права высшей школы, но затѣмъ постепенно открыли другого «врага» этихъ правъ въ лицѣ забастовавшихъ студентовъ. И, нужно отдать справедливость профессорскимъ совѣтамъ, по отношенію къ этому «врагу» они развили большую энергію. Забастовавшіе студенты были обвинены и въ «рѣзкомъ нарушеніи началъ университетскаго самоуправленія», и въ «полномъ неуваженіи къ университетской автономіи», и въ «преступномъ образѣ дѣйствій», и въ томъ, наконецъ, что они берутъ на себя «печальную миссію разрушителей русской культуры». И самая реакція университетскихъ совѣтовъ и ихъ выборныхъ представителей на всѣ эти «преступленія» оказалась порою даже болѣе сильной, чѣмъ ихъ же реакція на дѣйствительныя нарушенія университетскихъ правъ. Г. Мануиловъ, напримѣръ, собирался «рѣшительно отстранять попытки нарушенія началъ указа 27 августа 1905 г., откуда бы эти попытки ни исходили». «Автономія—утверждалъ тотъ же г. Мануиловъ—не можетъ существовать, если законъ, на которомъ она покоится, нарушается неудачными и незакономѣрными распоряженіями или ограничительными толкованіями». «Незакономѣрныя распоряженія», при томъ незакономѣрныя съ точки зрѣнія самого г. Мануилова, состоялись—г. Мануиловъ протестовалъ противъ нихъ, но не «отстранилъ» и спокойно остался на своей ректорской должности. Когда же забастовали студенты, г. Мануиловъ не потерпѣлъ такого «нарушенія началъ университетскаго самоуправленія» и заявилъ о своемъ отказѣ отъ должности.

Разъ пойдя по направленію наименьшаго сопротивленія, университетскіе совѣты зашли по этому опасному пути гораздо дальше

чѣмъ это позволяла самая обыкновенная логика и самое простое благоразуміе. Сначала они сами вполнѣ резонно заявляли министерству, что спокойствіе студентовъ обезпечивается автономіей высшей школы, а не нарушеніемъ ея правъ. Но затѣмъ, принявшись все-таки, частью добровольно, частью подъ вліяніемъ настояній начальства, успокаивать студенчество, они какимъ-то страннымъ образомъ смѣшали самихъ себя съ идеей университетской автономіи, а то обстоятельство, что студенты не вняли сразу ихъ призывамъ къ успокоенію, отожествили съ неуваженіемъ къ автономіи высшей школы. Отсюда получились самые неожиданные выводы. «Если—писалъ совѣтъ петербургскаго университета въ своемъ обращеніи къ студентамъ—всѣ старанія совѣта наладить университетскую жизнь окажутся тщетными, у совѣта неминуемо возникнетъ сомнѣніе, самое тягостное и роковое въ настоящую минуту, въ возможности осуществить на дѣлѣ начала университетской автономіи». Еще прямѣе и проще выразилъ ту же мысль московскій ректоръ въ рѣчи, «полную солидарность» съ которой заявилъ и весь совѣтъ московскаго университета. «Дѣянія,—сказалъ въ этой рѣчи г. Мануиловъ,—совершаемыя въ настоящее время студентами въ университетѣ, если они не прекратятся, покажутъ яснымъ и не допускающимъ никакихъ пререканій способомъ, что профессорская коллегія не пользуется въ университетѣ надлежащимъ авторитетомъ, т. е., что автономія невозможна». Газета г. Ѳедорова нашла, что эти заявленія профессорскихъ коллегій ставятъ «тяжкій вопросъ», который своею «трагическою обнаженностью» заставляетъ «содрогнуться». И приведенныя заявленія, дѣйствительно, очень характерны, хотя настоящее ихъ значеніе, думается, заключается вовсе не въ томъ, въ чемъ видитъ его «Слово». Мнѣ, по крайней мѣрѣ, долженъ признаться, эти заявленія университетскихъ совѣтовъ своей наивно-величавой горделивостью напоминаютъ заявленія тѣхъ государственныхъ людей, которые глубоко убѣждены въ томъ, что, если страна недостаточно имъ довѣряетъ, значитъ, она не созрѣла для свободы. Г. Мануилову и его московскимъ и петербургскимъ товарищамъ, повидимому, не приходитъ даже въ голову то простое соображеніе, что большое уваженіе къ университетской автономіи можетъ очень легко соединяться съ глубокимъ недовѣріемъ къ образу дѣйствій данной профессорской коллегіи. Кто говоритъ,—было бы, конечно, очень желательно, чтобы учащаяся молодежь питала безусловное довѣріе къ своимъ профессорамъ и, въ частности, вполнѣ довѣряла имъ въ дѣлѣ отстаиванія правъ высшей школы. Но вѣдь довѣріе не дается даромъ, не пріобрѣтается само собой,—его нужно заслужить и заслужить не словами, а дѣлами. Между тѣмъ, если говорить о дѣлахъ профессорскихъ коллегій, то придется вѣдь сказать, что въ памяти русскаго общества осталось не такъ ужь много дѣйствій послѣднихъ, направленныхъ къ отстаиванію правъ высшей школы. За то русское общество едва-ли

могло забыть, что въ средѣ нынѣшнихъ профессорскихъ коллегій находится не мало людей, которые всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ либо сами участвовали въ актахъ отдачи студентовъ за университетскіе безпорядки въ солдаты, либо оставались безмолвными свидѣтелями такихъ актовъ. Едва-ли общество успѣло забыть и то, какъ немного позже, въ 1901 г., московскіе профессора, совмѣстно съ начальствомъ, старались заткнуть, говоря словами тогдашняго ихъ воззванія, «злосчастную отдушину» университета. Это, конечно,— прошлое, но вѣдь именно прошлое и даетъ тѣ или иныя права на довѣріе въ настоящемъ. Что касается нашихъ профессорскихъ коллегій, то имъ оно врядъ-ли дало основанія требовать безусловнаго довѣрія къ себѣ. Въ настоящемъ совѣты столичныхъ университетовъ не пошли, правда, по дорогѣ репрессій противъ студенчества, боровшагося за права высшей школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ не измѣнили радикально своего поведенія и въ другую сторону. Въ судьбахъ нашей высшей школы есть одна по-истинѣ трагическая черта, заключающаяся въ томъ, что вся тяжесть борьбы за права и достоинство школы ложится почти исключительно на плечи учащейся молодежи. Эта черта сохранилась въ сущности неизмѣнной и въ настоящій моментъ. Позиціи учащихъ и учащихся не только оказались различными, онѣ были вдобавокъ противопоставлены одна другой, какъ взаимно враждебныя, и вина за такое противопоставленіе, явившееся во всякомъ случаѣ результатомъ не особенно глубокой политической мудрости и не особенно большой послѣдовательности, никакъ не можетъ быть возложена на студенчество.

Въ тотъ моментъ, когда я пишу эти строки, студенческая забастовка уже закончена, и закончена рѣшеніемъ самихъ студентовъ. Вняли ли студенты уговорамъ и увѣщаніямъ профессоровъ, убѣдились ли они въ недостаточности своихъ силъ для начатой борьбы побоялись ли возможнаго раздора и деморализаціи въ собственной, средѣ,—они во всякомъ случаѣ постановили прекратить забастовку и въ результатѣ рѣшенія студенческихъ сходокъ занятія въ учебныхъ заведеніяхъ возобновляются. Тѣ, кто оцѣнивалъ студенческую забастовку главнымъ образомъ съ точки зрѣнія жертвъ, какихъ она могла потребовать отъ учащейся молодежи, могутъ теперь радоваться, что забастовка окончилась, не повлекши за собою черезчуръ тяжелыхъ жертвъ. Но другой вопросъ, окончились ли съ забастовкой хотя бы для ближайшаго времени тѣ жертвы, какихъ требуетъ отъ молодежи школа. Боюсь, что на этотъ вопросъ возможно отвѣтить лишь рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Трагедія нашей высшей школы заключается не только въ томъ, что борьбу за школу приходится вести по преимуществу учащейся молодежи. Въ этой трагедіи есть еще другой, не менѣе, если не болѣе, трагическій элементъ, сводящійся въ тому, что борьба за свободу школы сама по себѣ является совершенно безнадежной, пока она остается въ сферѣ одной лишь академической жизни,

внѣ всякой связи съ другими, болѣе широкими задачами. Свободная школа, и особенно свободная высшая школа, представляется въ настоящій моментъ въ Россіи своего рода безсмыслицей, такъ какъ школа, даже при всемъ желаніи ея дѣятелей, не можетъ освободиться изъ-подъ воздѣйствія общихъ условій окружающей ее жизни. Не случайно, въ самомъ дѣлѣ, правительство, признавъ въ 1905 г. за высшей школой нѣкоторыя права, съ 1906 года начало отбирать эти права обратно. И не случайно также этотъ процессъ отбора назадъ однажды признанныхъ было правъ сталъ особенно энергично развиваться именно въ тотъ моментъ, когда правительство сочло общее «успокоеніе» страны достаточно продвинутымъ впередъ. Оба эти процесса тѣсно связаны другъ съ другомъ, точнѣе говоря, первый изъ нихъ входитъ во второй, какъ его естественная составная часть. На извѣстной ступени своего развитія общее «успокоеніе» съ логическою неизбѣжностью повлекло за собою и то возстановленіе «законности» или, говоря обычнымъ языкомъ, прежняго порядка въ высшей школѣ, которое является цѣлью циркуляровъ г. Шварца. А за этой цѣлью, достиженіе которой правительство теперь объявляетъ своею обязанностью, намѣчена уже и другая въ видѣ коренной «реформы» всего быта высшей школы.

О необходимости реформы нашей высшей школы говорится уже давно, и въ правительственныхъ сферахъ давно ведутся подготовительныя работы въ этомъ направленіи. Было время, въ 1905 году, когда правительственныя сообщенія извѣщали о признанной необходимости «основать преобразованіе высшихъ учебныхъ заведеній на началахъ внутренняго самоуправленія». Тогда правительство обѣщало осуществить эту задачу путемъ составленія новаго университетскаго устава и привлекало къ участію въ работахъ надъ проектомъ такого устава профессорскія коллегіи. Теперь оказалось, что «начала внутренняго самоуправленія» въ высшей школѣ очень удобно могутъ быть сведены къ передачѣ функцій инспекціи профессорскимъ совѣтамъ. Мысль объ общей реформѣ высшей школы все же не была оставлена, но для развитія этой мысли въ новой ея постановкѣ участія профессоровъ уже не потребовалось. Новый проектъ университетскаго устава при г. Шварцѣ былъ составленъ исключительно силами чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и до поры, до времени держался въ большой тайнѣ. Лишь не такъ давно онъ былъ опубликованъ и содержаніе его оказалось настолько любопытнымъ, настолько ярко вскрывающимъ основныя тенденціи переживаемаго нашей высшей школой момента, что на немъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Проектъ новаго устава, прежде всего, оставляетъ университеты подчиненными министру народнаго просвѣщенія и попечителю учебнаго округа. Попечитель, по проекту, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы

университетъ не отступалъ отъ выполненія возложенныхъ на него задачъ, наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ закона и правилъ всѣми университетскими установленіями и должностными лицами и въ этихъ отношеніяхъ оказываетъ имъ необходимое содѣйствіе. Всѣ дѣла, превышающія власть органовъ университетскаго управленія, попечитель или разрѣшаетъ самъ, или представляетъ на разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія со своимъ заключеніемъ. Когда попечитель признаетъ нужнымъ, онъ предлагаетъ на обсужденіе подлежащихъ органовъ университетскаго управленія вопросы, касающіеся университета и учебнаго округа, для чего получаетъ право созывать собранія совѣта, правленія и факультетовъ, а равно и присутствовать на этихъ собраніяхъ. Дѣятельность университета во всѣхъ ея частяхъ должна быть всегда доступна контролю попечителя, и всѣ лица, служащія въ университетѣ или состоящія при немъ, обязаны давать попечителю объясненія, относящіяся къ ихъ дѣлахъ. Въ случаяхъ нарушенія правильнаго хода дѣятельности университета попечитель принимаетъ всѣ нужныя по его усмотрѣнію мѣры къ возстановленію порядка, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ дѣйствуетъ безотлагательно всѣми зависящими отъ него способами, хотя бы они выходили изъ предѣловъ предоставленной ему власти. Но въ такихъ случаяхъ онъ немедленно сообщаетъ о принятыхъ имъ мѣрахъ и вызвавшихъ ихъ причинахъ министру. Всѣ сношенія министерства народнаго просвѣщенія съ университетомъ и представленія послѣдняго въ министерство должны совершаться черезъ попечителя.

Университетскій совѣтъ, по проекту, имѣетъ право избирать кандидатовъ на должность ректора и проректора. Если избранные кандидаты не будутъ утверждены министромъ, назначаются новые выборы, и совѣтъ можетъ избрать другихъ лицъ. Въ случаѣ же вторичнаго неутвержденія избранныхъ кандидатовъ министръ самъ назначаетъ ректора и проректора изъ числа ординарныхъ профессоровъ даннаго университета. Подобнымъ же образомъ факультеты могутъ избирать кандидатовъ въ деканы, а въ случаѣ двукратнаго неутвержденія избраннаго кандидата должность декана замѣщается по назначенію министра. Ректоръ наблюдаетъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ засѣданіяхъ совѣта и правленія и несетъ отвѣтственность за законность ихъ постановленій. Что касается профессовъ, то они назначаются министромъ народнаго просвѣщенія, при чемъ отъ послѣдняго зависитъ предоставить соотвѣтствующему факультету избрать на вакантную должность одного или нѣсколькихъ кандидатовъ и представить ихъ на утвержденіе. Такимъ образомъ все управленіе университетомъ сосредоточивается въ рукахъ назначенныхъ министромъ лицъ. Но и этимъ лицамъ проектъ предоставляетъ очень ограниченную власть. На утвержденіе министра должны восходить отъ факультетовъ и совѣта не только такія дѣла, какъ проектъ правилъ для студентовъ и постороннихъ слушателей

или предположенія о соединеніи и раздѣленіи каѳедръ, о замѣнѣ одной каѳедры другою, объ открытіи новыхъ каѳедръ, либо о перенесеніи каѳедръ съ одного факультета на другой, но и такія, какъ избраніе почетныхъ членовъ университета, ходатайства факультетовъ о возведеніи того или иного лица въ степень почетнаго доктора, устройство университетомъ торжественныхъ собраній и даже ходатайства факультетовъ объ учрежденіи при университетѣ ученыхъ обществъ. Однимъ словомъ, проектъ не только подчиняетъ университеты министру, не только обращаетъ профессоровъ въ назначенныхъ чиновниковъ, но еще устанавливаетъ надъ каждымъ шагомъ профессуры бдительную опеку со стороны министра.

Трактуя такимъ образомъ профессоровъ въ духѣ устава 1884 г., проектъ и по отношенію къ студентамъ возвращается къ началамъ того же устава. Упраздненная въ послѣднее время университетская инспекція возстанавливается проектомъ подъ именемъ «факультетскихъ приставовъ». На обязанность этихъ приставовъ возлагается ближайшее наблюденіе за исполненіемъ въ университетскихъ зданіяхъ студентами и посторонними слушателями установленныхъ правилъ и надзоръ за соблюденіемъ этими лицами порядка во всѣхъ помѣщеніяхъ университета. Число такихъ приставовъ опредѣляется министромъ, по представленіямъ ректоровъ, для каждаго университета отдѣльно; избираются они ректоромъ, по возможности изъ лицъ, получившихъ высшее образованіе, и утверждаются въ должности попечителемъ. Состоя подъ непосредственнымъ начальствомъ ректора, они должны дѣйствовать по инструкціи, вырабатываемой ректоромъ по соглашенію съ деканами и утверждаемой попечителемъ. Такимъ образомъ и въ дѣлѣ выбора лицъ, долженствующихъ слѣдить за исполненіемъ студентами университетскихъ правилъ, равно какъ и въ составленіи инструкціи для этихъ лицъ, университетская профессура и стоящій во главѣ ея ректоръ остаются подчиненными власти попечителя.

Съ другой стороны, дисциплинарную власть по отношенію къ студентамъ проектъ всецѣло передаетъ въ руки ректора и декановъ и, ставя ей въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень тѣсныя рамки, въ другихъ, напротивъ, оставляетъ передъ ней черезчуръ широкій просторъ. Согласно проекту, въ случаѣ нарушенія студентомъ университетскихъ правилъ соотвѣтствующій деканъ дѣлаетъ ему напоминаніе; въ случаѣ дальнѣйшаго нарушенія студентомъ правилъ деканъ сообщаетъ ректору, который съ своей стороны дѣлаетъ студенту напоминаніе; если же и послѣ этого студентъ продолжаетъ нарушать правила, то онъ увольняется изъ университета. Въ случаѣ важныхъ нарушеній правилъ ректоръ можетъ немедленно уволить студента. Отвѣчая за дисциплинарные проступки передъ деканомъ и ректоромъ, студенты вмѣстѣ съ тѣмъ остаются отвѣтственными передъ общимъ судомъ за преступныя дѣянія, совершенныя ими какъ въ университетѣ, такъ и за его стѣнами. Съ своей стороны

ректоръ о всякомъ преступномъ дѣяніи студента, совершенномъ въ университетѣ, обязанъ, истребовавъ заключеніе университетскаго юрисконсульта, доводить до свѣдѣнія подлежащей власти, сообразно существующимъ законоположеніямъ; при этомѣ отъ усмотрѣнія ректора, по соглашенію его съ соотвѣтствующимъ деканомъ, зависитъ оставить виновнаго въ числѣ студентовъ до рѣшенія суда или немедленно уволить изъ университета. Точно также отъ соглашенія ректора съ деканомъ зависитъ оставить въ университетѣ или уволить студента въ случаѣ полученія свѣдѣній о взысканіи, наложенномъ на него по приговору общаго суда, или о такихъ совершенныхъ имъ проступкамъ, которые, хотя и не повлекли за собою судебнаго преслѣдованія, но имѣютъ «предосудительный характеръ». Иначе говоря, ректору и деканамъ предоставляется полная возможность, которая на практикѣ, конечно, обратилась бы въ обязанность, увольнять студентовъ по доносамъ о совершенныхъ ими поступкахъ, носящихъ «предосудительный характеръ». Наконецъ, «въ случаѣ нарушенія студентами порядка въ университетѣ посредствомъ дѣйствій скопомъ» ректоръ обязанъ немедленно сообщать объ этомъ подлежащей административной власти, которая уже и принимаетъ нужныя для возстановленія порядка мѣры. При этомъ участники безпорядка, независимо отъ преданія ихъ общему суду, немедленно увольняются ректоромъ изъ университета.

Въ общемъ студенты проектомъ новаго устава, стоящимъ и въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ уставомъ 1884 г., разсматриваются, какъ отдѣльные посѣтители университета, между которыми нѣтъ и не должно быть никакой связи и никакого общенія. Правда, по проекту, «студентамъ университета не возбраняется образовывать разнаго рода общества, преслѣдующія цѣли, имѣющія ближайшее отношеніе къ академической жизни студентовъ, а также основывать учрежденія, соотвѣтствующія ихъ духовнымъ и матеріальнымъ потребностямъ», но только «на основаніи общихъ законоположеній и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность студенческихъ обществъ и учрежденій происходила исключительно внѣ университета». Никакіе студенческіе кружки и общества, никакія организаціи и учрежденія студентовъ внутри университетовъ проектомъ не допускаются. Точно также «студентамъ университета могутъ быть разрѣшаемы внѣ университета собранія на основаніи общихъ законоположеній о публичныхъ собраніяхъ». Въ университетѣ же никакія собранія студентовъ, кромѣ обычныхъ собраній для учебныхъ занятій въ аудиторіяхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ, не допускаются. Возможность студенческихъ обществъ и собраній внѣ университета «на основаніи общихъ законоположеній»—это, конечно, не болѣе какъ наивный эвфемизмъ, истинный смыслъ котораго нетрудно разгадать, припомнивъ существующія у насъ условія разрѣшенія обществъ и собраній. Но

этотъ эвфемизмъ едва-ли совершенно случайно попался подъ руку составителямъ проекта и ему присуще, пожалуй, нѣкоторое значеніе и помимо звучащей въ немъ насмѣшки. Студенческая жизнь проектомъ новаго университетскаго устава изъ того не особенно уютнаго, но все же хоть до нѣкоторой степени защищеннаго уголка, въ которомъ она жмется теперь, выбрасывается на широкую улицу, ничѣмъ, никакими преградами не охраняемую отъ урагана «успокоенія». Университетъ—таковъ смыслъ проекта — долженъ быть поставленъ на одинъ уровень со всею окружающею его дѣйствительностью, долженъ перестать быть убѣжищемъ какихъ бы то ни было остатковъ свободы, хотя бы то была лишь свобода чисто корпоративной жизни учащейся молодежи.

На ряду съ этимъ проектъ новаго устава намѣчаетъ и еще одно крупное преобразованіе въ нынѣшней университетской системѣ. Согласно проекту, окончаніе университета, сопровождаемое выдержаніемъ всѣхъ установленныхъ испытаній, само по себѣ не должно давать никакихъ служебныхъ правъ и преимуществъ, лица же, ищущія такихъ правъ и преимуществъ, должны подвергаться особымъ испытаніямъ въ спеціальныхъ вѣдомственныхъ коммиссіяхъ. При этомъ, однако, университетское преподаваніе не дѣлается свободнымъ, а ведется по планамъ, составляемымъ факультетами и утверждаемымъ министромъ.

И въ этомъ случаѣ проектъ новаго устава представляетъ собою не болѣе, какъ попытку возобновленія и дальнѣйшаго развитія той системы, которая впервые была намѣчена уставомъ 1884 г., при томъ попытку, столь же неясную и противорѣчивую и столь же мало согласованную съ дѣйствительными условіями русской жизни, какъ и неудачный опытъ 1884 г., отъ котораго вскорѣ вынуждены были отказаться сами его авторы.

Таково въ главныхъ своихъ чертахъ содержаніе проекта новаго университетскаго устава, того проекта, который, по мысли правительства, долженъ создать реформу нашей высшей школы. Въ сущности изложить этотъ проектъ значитъ уже и оцѣнить его. Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ проектѣ передъ нами является не что-либо новое, что предстояло бы внимательно разсматривать, тщательно взвѣшивать и оцѣнивать. Нѣтъ, проектъ, изготовленный г. Шварцемъ, представляетъ собою ничто иное, какъ послѣдовательное развитіе давно намъ знакомыхъ, давно извѣданныхъ нами на горькомъ опытѣ началъ, лежавшихъ въ основѣ прежняго школьнаго порядка, такъ тѣсно связаннаго съ порядкомъ общимъ. Университетъ, управляемый попечителемъ и министромъ, назначаемые властью министра ректоры и деканы, профессора-чиновники, студенчество, распыленное на отдѣльныя единицы, находящееся подъ наблюденіемъ университетской инспекціи и «при дѣйствіяхъ скопомъ» усмиряемое «подлежащей администраціей»,—все это мы видѣли, все это мы испытали. И, если теперь къ этой давно

знакомой намъ картинѣ прибавились нѣкоторые орнаменты въ новѣйшемъ стилѣ въ видѣ излюбленныхъ «обновленнымъ строемъ» эвфемизмовъ, они все же не помѣшаютъ намъ разсмотрѣть знакомыя очертанія старой картины.

«Сперва успокоеніе, затѣмъ реформы»... Мы часто слышали за послѣдніе годы эту формулу, и были даже наивные люди, которые серьезно ожидали воплощенія ея въ жизнь и въ самомъ дѣлѣ ждали реформъ, хоть какихъ-нибудь, хоть не широкихъ, но настоящихъ реформъ. Были, въ частности, и люди, которые ждали реформы высшей школы и мечтали, уйдя отъ широкихъ задачъ жизни, примирившись съ тѣмъ, что возможно, безъ борьбы создать въ условіяхъ окружающей дѣйствительности автономную школу съ культомъ свободной науки. Отъ многаго отказались, отъ многаго отвернулись они ради этой мечты. Теперь обликъ возможной «реформы» высшей школы вырисовался вполнѣ ясно. И, быть можетъ, вглядѣвшись въ этотъ обликъ, даже нѣкоторые изъ свернувшихъ съ прямой дороги вновь поймутъ, что трагедія русской школы не можетъ быть оторвана отъ трагедіи русской жизни, и припомнятъ тотъ лозунгъ, который они повторяли три года тому назадъ и который гласилъ, что свободная школа можетъ существовать только въ свободной жизни. Переживаемая нами дѣйствительность во всякомъ случаѣ не устаетъ копить новые аргументы для этого лозунга и новыя силы для его проведенія. Реальные плоды усерднаго успокоенія уже имѣются на-лицо и едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что плоды вѣнчающихъ это успокоеніе реформъ будутъ развиваться въ томъ же направленіи.

В. Мякотинъ.

Политика.

Новый фазисъ въ исторической эволюціи восточнаго вопроса.—Добровольное усвоеніе европейской цивилизаціи вмѣсто принудительнаго.—Прежніе примѣры: Россія, Балканскія мелкія страны, Японія.—Новыя событія: Персія, Турція, аналогичныя движенія въ другихъ странахъ Востока.—Современное положеніе дѣлъ на Востокѣ съ этой точки зрѣнія.—Послѣднія событія въ Персіи.—Положеніе Турціи къ осени 1908 года.—Общій кризисъ на Балканахъ.—Папскія выступленія послѣдняго времени и церковный модернизмъ.—Внутреннее положеніе католической церкви.—Текущія событія.

I.

Весь европейскій міръ глубоко взволнованъ послѣдними событіями на Балканскомъ полуостровѣ. На Балканахъ разгораются костры, но успѣютъ ли зажечь Европу, или усилія миролюбивыхъ элементовъ среди европейскихъ народовъ сумѣютъ загасить этотъ пожаръ, зажженный искусною, но безтрепетною рукою вѣнской дипломатіи,—вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ цивилизованныя націи всего міра. Съ грустью можно констатировать, что для нѣкоторыхъ правительствъ европейской культуры *миръ* и его сохраненіе являются лишь лицемѣрною маскою и лишь до тѣхъ поръ, покуда международная историческая конъюнктура не обѣщаетъ успѣха при наступленіи... Длинная и печальная исторія XIX вѣка и коротенькая исторія XX вѣка тому даютъ многочисленные примѣры. Осень 1908 года прибавила еще одинъ. Великая держава, подписавшая въ 1878 году берлинскій трактатъ и, можно сказать, его вмѣстѣ съ Англіей выработавшая, отказалась отъ обязательствъ, наложенныхъ этимъ трактатомъ, и одностороннимъ актомъ безъ согласія другихъ контрагентовъ объявила нѣкоторые пункты договора отмѣненными!

Таково центральное событіе балканской драмы, бросившее палки въ колеса новаго турецкаго режима, возбудившее опасныя страсти среди народовъ Ближняго Востока, заставившее державы Европы вспомнить о своихъ правахъ и обязанностяхъ по международному праву и снова поставившее на очередь такъ называемый «восточный вопросъ». Этотъ больной вопросъ давно тяготѣетъ надъ Европою. Обновленіе Турціи и Персіи обѣщало его снять съ очереди, но *кому-то* это невыгодно... Удастся-ли эта закулисная игра, покажетъ ближайшее будущее, а пока вся Европа съ тревогою и опасеніями ожидаетъ событій, наблюдаетъ эти внезапно выступившіе на ясномъ небѣ темные и туманные призраки больного вопроса, самаго больного (если не считать польскаго) изъ международныхъ вопросовъ, волнующихъ человѣчество.

Что такое, однако, восточный вопросъ?

Тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ заключенія санъ-стефанскаго мира (19 февр. 1878 года), когда ожидалось военное столкновеніе между Россіей, съ одной стороны, и коалиціей съ Англіей во главѣ—съ другой, этотъ вопросъ о сущности восточнаго вопроса такъ же стоялъ передъ цивилизованнымъ человѣчествомъ, какъ снова теперь. Наружную игру событій и внѣшній переплетъ факторовъ, въ нихъ участвующихъ, видно простымъ глазомъ, но смыслъ этихъ, казалось-бы, безсмысленныхъ явленій, вскрывается лишь при болѣе сильномъ освѣщеніи общаго историческаго и философскаго характера. Тогда, тридцать лѣтъ тому назадъ, я попробовалъ это сдѣлать. Послѣдующая исторія подтвердила мои обобщенія (помѣщены они были въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»). Поэтому вкратцѣ и въ общихъ чертахъ я здѣсь ихъ изложу.

Человѣческія общества государственнаго періода имѣютъ два типа культуры (или двѣ формы быта, какъ я предпочелъ выражаться въ позднѣйшихъ работахъ). Этимъ типамъ у меня посвящено много работъ. Объ нихъ-же я заговорилъ (кажется, впервые) и въ указанномъ очеркѣ о восточномъ вопросѣ въ 1878 году. Я предпочитаю, однако, привести объ этой сторонѣ дѣла значительно позже составленное сжатое резюме (изъ тома IV «Большой Энциклопедіи» sub verbo *Бытъ*): «Перечисленныя нами три формы быта (дикій, родовой и общинный) составляютъ группу быта догосударственнаго. Частью непосредственно изъ общиннаго, большею же частью изъ взаимодѣйствія общиннаго и родового возникаетъ бытъ государственный въ его двухъ главныхъ типахъ: *варварства* и *цивилизаціи* (по терминологіи Фурье). Варварство характеризуется въ *экономическомъ* отношеніи рабской организаціей труда и натуральнымъ хозяйствомъ; въ *умственномъ*—отсутствіемъ свѣтской образованности и господствомъ національныхъ религій, большею частью исключающихъ свободное развитіе мысли внутри націи, а внѣ не допускающихъ равноправнаго общенія съ другими народами; въ *политическомъ*—произволомъ въ управленіи, порабощеніемъ женщины, нерѣдко даже въ формѣ полигаміи, и постоянной международной враждой, опирающейся на полную отчужденность народовъ. Такое состояніе фатально ведетъ къ вырожденію господствующихъ классовъ и паденію государства, которое обыкновенно замѣняется новой подобной же организаціей изъ новыхъ свѣжихъ слоевъ (нерѣдко изъ пришлыхъ завоевателей), фатально повторяющихъ ту же эволюцію. *Цикличность* эволюціи является, такимъ образомъ, наиболѣе общимъ признакомъ варварства, находящимся въ связи и зависимости со всѣми главными отличительными чертами этой формы быта. Въ отличіе отъ варварства, бытъ *цивилизованный* характеризуется: освобожденіемъ рабовъ, развитіемъ свѣтской образованности, распространеніемъ всемірныхъ религій, законностью, народнымъ правленіемъ, моногаміей и международ-

нымъ общеніемъ, а какъ резюме всего этого, *прогрессивностью* общественнаго процесса, для котораго цикличность перестаетъ быть закономъ исторіи. Совокупность признаковъ двухъ типовъ государственнаго быта дозволяетъ замѣнить неясные термины «варварства» и «цивилизаціи» болѣе точными терминами *цикличной* и *прогрессивной* формы. Огюстъ Контъ называетъ одну оріентализмомъ, другую оксидентализмомъ. Бокль пріурочиваетъ одну къ жаркому, другую къ умѣренному климату. У Герберта Спенсера одна является военнымъ бытомъ, другая—промышленнымъ. Между этими наименованіями не всѣ удачны, но всѣ указываютъ распаденіе государственнаго быта на два основныхъ типа, характеризуемыхъ совокупностью цѣлаго ряда самыхъ важныхъ и яркихъ отличительныхъ особенностей, связанныхъ между собою логическимъ и генетическимъ соотвѣтствіемъ и сходящихся, какъ въ фокусѣ, къ цикличности одной формы и къ прогрессивности другой. Переходныя формы многочисленны и разнообразны, но, лишенныя логической и генетической связи, неустойчивы и небезопасны. Неустойчивость и опасность происходитъ изъ того обстоятельства, что такіе переходныя формы заключаютъ въ себѣ противорѣчивые элементы, которые продолжительное время не могутъ существовать совмѣстно». Такъ, деспотизмъ и просвѣщеніе не могутъ долгое время существовать вмѣстѣ: или деспотизмъ задавитъ и прекратитъ просвѣщеніе, или просвѣщеніе подниметъ культуру до уровня свободныхъ учрежденій. Въ XVII вѣкѣ деспотизмъ раздавилъ просвѣщеніе въ Испаніи, а въ XIX вѣкѣ въ Германіи просвѣщеніе привело къ упраздненію деспотизма. Другой примѣръ: несовмѣстимость рабства части народа и вольностей для другой части. Участь Польши въ XVIII вѣкѣ явилась печальнымъ послѣдствіемъ противорѣчія этого рода.

Что касается современнаго состоянія человѣчества, то оно, кромѣ извѣстной части, еще пребывающей на стадіяхъ догосударственнаго быта, заключаетъ въ себѣ и типичныя, и переходныя формы. Западная Европа и Сѣверная Америка являются представителями типичной прогрессивной формы (цивилизованной по Фурье, оксидентальной—по Конту, промышленной—по Спенсеру). Весь независимый Востокъ отъ Турціи, черезъ Персію, государства Средней Азіи до Китая, Кореи и Индокитая включительно, тридцать лѣтъ назадъ представлялъ собою типичную цикличную форму (варварскую—по Фурье, оріентальную—по Конту, военную—по Спенсеру). Переходными формами были Россія, мелкія балканскія государства, Испанія, Южная Америка и Японія (только-что начавшая свое преобразованіе изъ цикличной формы въ прогрессивную). Для разрѣшенія проблемы восточнаго вопроса важно именно то обстоятельство, что Турція, Персія, средне-азіатскія и сѣверно-африканскія мусульманскія народности были въ полной власти цикличной формы.

Установивъ эти два ряда данныхъ (классификацію культуръ и тогдашнее распредѣленіе между ними историческихъ элементовъ), я остановился на взаимодѣйствіи этихъ двухъ рядовъ историческихъ данныхъ. Разрѣшеніе этой задачи я постарался тогда же дать въ слѣдующихъ строкахъ: «Европейская цивилизація прогрессивна. Не таковы были древнія и сохранившіяся доселѣ цивилизаціи Востока. Много тысячелѣтій, гораздо дольше, нежели Европа, живетъ Востокъ культурной жизнью, но во все это долгое время всѣ многочисленныя смѣнявшія другъ друга и столь различныя цивилизаціи не отличались способностью постояннаго прогресса, всѣ онѣ были и нынѣ представляются культурами застоя или циклическаго движенія. Фатально и неизбѣжно наступаетъ въ исторіи такой культуры моментъ, когда она начинаетъ склоняться къ упадку, государство разлагается, сама раса до извѣстной степени вырождается (верхніе слои, даже непремѣнно). Дѣло кончалось обыкновенно появленіемъ новой, свѣжей расы (или свѣжихъ слоевъ снизу), покорявшей, порабощавшей и истреблявшей старую расу (или ея верхніе слои) и ея культуру и начинавшей развитіе сызнова. Новая раса, создавшая въ свою очередь болѣе или менѣе цвѣтущую матеріальную, а иногда и духовную культуру, болѣе или менѣе могущественное государство, приходила опять къ упадку, разложенію, вырожденію и даже иногда вымиранію. И т. д. Такъ шла исторія Востока тысячелѣтія, пока на Западѣ не выдѣлился, наконецъ, изъ ряда подобныхъ же культуръ, типъ прогрессивной культуры. Какъ это случилось въ Европѣ и почему въ Азіи этого не случилось,—вопросъ, конечно, интересный, но сегодня намъ не подлежащій. Для нашей цѣли довольно, что именно такъ, а не иначе, произошло и что пока Востокъ вертѣлся въ своемъ заколдованномъ циклизмѣ, Западъ все шелъ и шелъ впередъ и достигъ, наконецъ, такой высоты матеріальной и умственной культуры, что борьба Востока съ Западомъ (проходящая черезъ древнюю, средневѣковую, отчасти и новую исторію) оказалась уже невозможною. Западъ могъ задавить весь Востокъ съ его сотнями милліонами жителей неизмѣримымъ превосходствомъ своей культуры. Тогда-то началась борьба уже не съ Востокомъ, а изъ-за Востока: изъ-за Индіи—борьба Голландіи съ Португаліей, Англіи съ Голландіей и Франціей, изъ-за Турціи—борьба Англіи, Франціи, Россіи, Австріи; соперничество въ Египтѣ, Персіи, Средней Азіи, Китаѣ и т. д. Что же дѣлалъ самъ Востокъ, пока въ теченіе столѣтій Европа раздиралась изъ-за него войнами, которыя спасли его отъ полнаго покоренія Европою? Востокъ продолжалъ свое предопредѣленное, издревле установившееся историческое движеніе: различные его члены довершали циклы своей исторіи и культуры. Этимъ путемъ одна культура за другою приходила къ упадку, одно государство за другимъ теряло свое былое могущество, культурные (верхніе) слои восточныхъ расъ вырождались... Въ одномъ мѣстѣ

раньше, въ другомъ позже, но повсюду въ Азіи наступила пора обновленія; пришла повсюду пора старымъ культурамъ и государствамъ рухнуть и уступить мѣсто новымъ, но на этотъ разъ повсюду это обновленіе прежнимъ способомъ оказалось невозможнымъ. Смѣна культуры и расъ новыми разбилась о неподвижность, наложенную на Востокъ Западомъ... Такимъ-то путемъ весь обширный Востокъ очутился въ совершенно новомъ историческомъ положеніи; его культуры (оригинальныя восточныя культуры) сказали повсюду свое послѣднее слово, но смѣнить ихъ новыми, которыя возродили бы на Востокѣ жизнь и движеніе, не дозволено внѣшнею силою, и вотъ повсюду надъ Востокомъ господствуетъ нѣчто политически, культурно и нравственно мертвое (выродившіеся правящіе классы, вырождающіяся господствующія расы, пережившія себя династіи и пр.)... Атмосфера смерти, умершихъ, безжизненныхъ государствъ, вырождающихся классовъ и расъ,—такова атмосфера восточной жизни (въ семидесятые годы XIX вѣка) отъ береговъ Великаго океана до береговъ Средиземнаго моря. Всюду одна картина... Но жизнь человѣческая не умерла на Востокѣ, а если люди живутъ, то жизнь эта должна возродить историческую и соціальную жизнь. Востокъ, конечно, возродится и долженъ возродиться, а такъ какъ старый путь возрожденія чрезъ смѣну династій, классовъ и расъ, чрезъ нашествія, истребленія и т. д. уже невозможенъ, то Востоку приходится искать другого исхода и, повидимому, ему остается одинъ исходъ, хотя къ нему и много путей. Этотъ исходъ—*переработать свои культуры по типу прогрессивному.* Но глубокая принципіальная грань лежитъ между этими типами, грань, трудно переходимая, и вотъ въ ея-то переходѣ тою или другою частью Востока и заключается историческая сущность восточнаго вопроса. *Восточный вопросъ заключается въ переходѣ странъ Востока отъ типа неподвижныхъ (цикличныхъ) культуръ къ типу прогрессивному,* при чемъ, вдобавокъ, старыя восточныя культуры пришли къ полному упадку, а господствующіе классы, частью и расы—къ вырожденію».

Таковъ прогнозъ восточнаго вопроса, который мнѣ удалось дать тридцать лѣтъ тому назадъ. И, дѣйствительно, всѣ три десятилѣтія именно въ этомъ направленіи развивается исторія Востока, или, вѣрнѣе, исторія варварскихъ и цикличныхъ культуръ, которыя имѣются не только на Востокѣ и эволюціей всюду стали или становятся на тѣ же историческіе пути. А эти пути группируются въ три разряда: или европейцы просто захватываютъ и покоряютъ варварскія государства и являются непосредственными «культуртрегерами», нерѣдко въ высшей степени тягостными для «цивилизуемыхъ» туземцевъ; или изъ-подъ власти варварскаго правительства и косныхъ племенъ освобождаются болѣе культуроспособныя народности (такъ было на Апеннинскомъ полуостровѣ, когда оттуда изгнали австрійцевъ, неаполитанскихъ Бурбоновъ и мелкихъ

деспотовъ сѣверной и средней Италіи, а затѣмъ то же постепенно происходило и на Балканскомъ полуостровѣ); или, наконецъ, народы цикличной культуры находили въ себѣ достаточно силы, чтобы воспринять европейскую цивилизацію самостоятельно. Изъ прежнихъ примѣровъ можно указать на Россію, которая въ XVII в. вступила на путь европеизаціи своей цикличной культуры, глубоко варварской въ XIV—XVI в. Однако, и до сихъ поръ этотъ процессъ далеко не завершился, и XX вѣкъ видитъ возрожденіе варварства, достойное временъ двухъ Іоанновъ, стоглаваго собора и опричниковъ. Въ XVIII в. на тотъ же путь преобразованія основъ культуры вступили Испанія и Португалія, гдѣ представители стараго варварства до сихъ поръ продолжаютъ упорную борьбу съ новыми историческими теченіями, постепенно обновляющими жизнь этихъ даровитыхъ, но вѣками угнетенныхъ народовъ. Уже во второй половинѣ XIX в. вступила на путь европеизаціи и Японія. Отсутствіе фанатическаго духовенства и тѣ вольности, которыми цѣлые вѣка пользовались высшіе классы, облегчили задачу, и Японія сдѣлала дѣло скорѣе и съ меньшими страданіями сравнительно съ другими. Наконецъ, въ началѣ XX в. на ту же дорогу вышли Персія, Турція и Черногорія. Вся эта эволюція далеко не завершилась, но покуда есть основаніе надѣяться на торжество прогрессивнаго типа надъ цикличнымъ, цивилизаціи надъ варварствомъ.

Не только этимъ самостоятельнымъ движеніемъ отъ варварскаго быта къ цивилизованному въ это тридцатилѣтіе совершалась исторія Востока. Была освобождена Болгарія, были расширены территоріи Сербіи, Румыніи и Греціи, была обезпечена автономія Крита, состоялось освобожденіе Кубы. Этотъ путь болѣе изобилуетъ горестями и страданіями, нежели путь самостоятельнаго преобразованія *всей* націи, потому что эта замѣна господства однѣхъ народностей другими вызываетъ національную вражду и нетерпимость, но все же онъ оставляетъ судьбу освобожденныхъ странъ въ рукахъ ихъ населенія. Самый неправедный методъ — это третій, методъ завоеванія европейцами. И этотъ методъ—увы!—въ самомъ широкомъ масштабѣ практиковался въ разсматриваемый періодъ. Австрія захватила Боснію и Герцеговину, Англія—Египетъ, Франція—Тунисъ, но въ Марокко ее не пустили, какъ не дали и Россіи захватить Манчжурію. Кореей завладѣла Японія, а разными гаванями и областями по берегамъ Китая завладѣли нѣмцы, англичане и французы (такой же русскій захватъ отнятъ японцами).

Какъ бы то ни было, но этотъ бѣглый обзоръ восточной исторіи (и Ближняго, и Дальняго Востока) обнаруживаетъ, что анализъ историческаго положенія восточной проблемы, сдѣланный тридцать лѣтъ тому назадъ, оправданъ всею послѣдующею исторіей Востока, а, слѣдовательно, въ свѣтѣ этого анализа можно разсматривать и современныя событія, театромъ которыхъ является все необъятное пространство отъ Адріатическаго моря до Тихаго океана, приба-

вивъ сюда же всю Россійскую имперію, Пиринейскій полуостровъ, сѣверную Африку и Южно-американскія республики. Двѣ трети человѣчества переносятъ муки рожденія новаго свободнаго строя. Если эта тяжба кончится побѣдою цивилизаціи надъ варварствомъ, прогресса надъ циклизмомъ, то человѣчество будетъ имѣть будущность, обезпеченную отъ выступленія изъ нѣдръ прошлаго всякихъ допотопныхъ звѣрей и доисторическихъ троглодитовъ и будетъ, уже не атакованное съ тыла этими выходцами дикаго міра, рѣшать свои сложныя соціальныя проблемы со свободными руками и свободными мыслями.

Если же, къ нашему общему несчастью, въ Россіи ли, Турціи, Персіи или Китаѣ, вопросъ будетъ рѣшенъ отрицательно, и призраки тяжелаго прошлаго окончательно утвердятся хозяевами положенія, распространяя заразу продуктами разложенія на далекую округу, то насильственное культуртрегерство останется единственнымъ выходомъ для прогрессивнаго человѣчества. Да и выходомъ — не труднымъ, потому что такія разлагающіяся государственныя тѣла не могутъ имѣть достаточной силы для отпора. Правда, раздоры цивилизаторовъ могутъ затруднить... Я не ожидаю этого несчастія. Я вѣрю въ живыя силы народа, въ самоотверженіе тѣхъ, которымъ «дѣло просвѣщенія, Господь, Ты ввѣрилъ на Руси». Но мы стоимъ на перепутьи. На перепутьи стоятъ Персія и Турція, кажется, даже Китай.

II.

На перепутьи стоитъ и великая иранская раса, безъ малаго пять тысячелѣтій отстаивающая культурныя начинанія и отъ нашествій иноплеменныхъ варваровъ, и отъ тираніи варваровъ туземныхъ, разныхъ узурпаторовъ и ихъ правительствъ... Много разъ побѣжденная, много разъ почти истребленная (арабы, Чингизъ, Тамерланъ) съ жалкими остатками, порабощенными и угнетенными, эта великая раса находила въ себѣ жизненныя силы снова и снова подыматься и снова становиться на стражѣ культурности. Конечно, эта доблестная, но страдная исторія Ирана, эта исчерпывающая силы борьба не могли не привести къ культурному и политическому циклизму и къ духовному игу неподвижной религіи. Мусульманскія культуры до 1906 года были повсемѣстно косными и цикличными, и казалось, что среди народовъ мусульманской цивилизаціи нельзя было ожидать самостоятельнаго преобразованія туземной цикличной (варварской) культуры и соотвѣтственнаго деспотическаго государства по типу прогрессивному, по типу западно-европейскихъ прогрессивныхъ культуръ и свободныхъ государствъ. И, однако, персы подали тому первый примѣръ, и въ концѣ 1906 года шахъ Мозаффаръ-Эддинъ подписалъ холодѣющей рукою хартію о дарованіи

иранскому народу конституціи и свободныхъ учрежденій. Мозаффаръ-Эддинъ-шахъ умеръ черезъ семь дней послѣ подписанія этой хартіи, и на престолъ Кира и Камбиза вступилъ новый шахъ Али-Магомедъ, старшій сынъ Мозаффара-Эддина, хотя по мусульманскому праву престолъ долженъ былъ принадлежать брату умершаго шаха, принцу Зилле-Салтане, генералъ-губернатору Испагани.

Али-Магомедъ-шахъ, бывшій генералъ-губернаторомъ Тавриза, прибылъ въ Тегеранъ еще при жизни отца, скрѣпилъ своею подписью хартію, дарованную отцу, и, благодаря этому, безпрепятственно вступилъ на престолъ. Зилле-Салтане не протестовалъ. Али-Магомедъ манифестомъ подтвердилъ хартію и въ вѣрности ей принесъ присягу на коранѣ. Меджлисъ послѣ всего этого продолжалъ свои труды по обновленію персидскаго государственнаго и общественнаго быта, по экономическому и политическому освобожденію народа, но съ самаго начала увидѣлъ неожиданныя препятствія со стороны шаха и его приближенныхъ. Либеральное министерство вышло въ отставку, вслѣдъ за нимъ не удержалось и умѣренно-консервативное, реакціонеры восторжествовали въ совѣтахъ Али-Магомеда, разстрѣляли артиллеріей меджлисъ, задавили народное движеніе въ столицѣ, бывшіе министры и болѣе либеральные иранцы скрылись за-границу, въ ихъ числѣ и Зилле-Салтане. Реакція, казалось, одержала побѣду, и персы снова должны будутъ подчиниться тираніи династіи Каджаровъ, узурпировавшей царскую власть въ концѣ XVIII в. (Ага-Магомедъ-Каджаръ въ 1785 г.). Однако у шаха хватило войскъ для разгрома оппозиціонныхъ элементовъ въ Тегеранѣ, но не во всей Персіи. Борьба вспыхнула съ новою силою, и есть всѣ основанія думать, что реакція преждевременно торжествовала побѣду. «Сказка скоро говорится, дѣло мѣшкотно творится», и на всѣ эти событія понадобилось около года (лѣто 1907—лѣто 1908). Кромѣ Тегерана, были репрессіи въ Фештѣ и Энзели и въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ центрахъ. Лѣтомъ 1908 года въ совѣтахъ шаха было рѣшено разгромить Тавризъ, гдѣ оставались кварталы, непокорные реакціонному правительству. Эти свободомыслящіе кварталы были заняты волонтерами-стрѣлками дружины Саттара. Противъ этой дружины реакціонеры организовали «карательную экспедицію» подъ начальствомъ бывшаго визиря (ферзя, по персидскому) Эйнудъ-Доуле. Онъ выступилъ изъ Тегерана, ведя подъ своей командою регулярныя войска (сарбазы), стоявшія около столицы, и часть собственнаго шахскаго конвоя. Охранять шаха осталась другая часть конвоя и бригада казаковъ (персовъ) подъ начальствомъ русскаго полковника Ляхова. 4 (17) сентября Эйнудъ-Доуле и его армія появились передъ Тавризомъ. Извѣстный разбойникъ Рахимъ-ханъ подвелъ на подмогу шахскому полководцу своихъ «всадниковъ». Въ сосѣдней Тавризу области Маки, ея сердарь (правитель) собралъ отрядъ въ 2000 воиновъ (при 6 орудіяхъ) и двинулся на

соединеніе съ главными силами шахской «карательной экспедиціи». Около того же времени, отъ 3 (16) сентября сообщалось, что конституціоналисты въ Тавризѣ усиленно готовятся ко всякимъ случайностямъ и возводятъ новыя укрѣпленія. Въ Энджуменѣ (мѣстномъ политическомъ собраніи) ежедневно происходятъ засѣданія.

Затѣмъ подъ Тавризомъ и въ Тавризѣ событія развиваются слѣдующимъ образомъ: 5 (18) сент. «Эйнудъ-Доулэ обнародовалъ оффиціальный ультиматумъ, которымъ требуетъ сдачи оружія въ теченіе 48 часовъ, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ бомбардировкѣ революціонныхъ кварталовъ. Революціонеры рѣшили сопротивляться... Макинскій отрядъ съ пятью орудіями находится въ Софіянѣ, въ 35 верстахъ отъ Тавриза. Энджуменцы обратились ко всѣмъ посланникамъ въ Тегеранѣ съ просьбою о посредничествѣ и возстановленіи конституціи».

Такъ телеграфировали изъ Тавриза. «Times» имѣлъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, именно, что «5 сентября Сипехдаръ отъ имени Эйнулъ-Доулэ открылъ переговоры съ тавризскимъ энджуменомъ, переславъ ему телеграмму шаха, въ которой говорится, что шахъ готовъ лояльно возстановить конституцію въ Персіи, но Тавризъ долженъ, прежде всего, выдать оружіе и четырехъ вождей конституціоналистскаго движенія. Если городъ этого не сдѣлаетъ, то послѣдуетъ немедленный штурмъ. Энджуменъ отвѣтилъ въ категорической формѣ, что Тавризъ только того и ждетъ, что шахъ сдержитъ свою клятву относительно конституціи, принесенную на коранѣ. Если шахъ возстановитъ меджлисъ въ назначенный имъ для Европы срокъ то Тавризъ разоружится. Сипехдаръ послѣ этого послалъ въ городъ копію другой телеграммы, въ которой онъ убѣждаетъ шаха въ разумности примиренія».

Такимъ образомъ, ультиматумъ Эйнудъ-Доулэ не принятъ конституціоналистами Тавриза, и бой сталъ неизбѣженъ. Эйнудъ, однако, дѣйствовалъ сначала нерѣшительно. Были и другіе неблагопріятные для шаха признаки. Именно въ это время по всей Персіи стало распространяться воззваніе муштаидовъ (улемовъ, по арабски) Неджефа. Это воззваніе указываетъ, «что сохраненіе ислама и могущества государства опирается на конституціонный строй». Именно вслѣдствіе этого и Турція вводитъ у себя конституцію, а затѣмъ улемы продолжаютъ такъ: «Въ Иранѣ же (такъ персы всегда называютъ свое отечество), несмотря на то, что покойный шахъ Музафферъ-эд-Динъ торжественно утвердилъ конституціонныя основы, онѣ не нашли подъ собою благопріятной почвы. Усматривая причину этого явленія въ дѣйствіяхъ людей своекорыстныхъ, измѣнниковъ вѣры и государства и обвиняя нынѣшнее персидское правительство въ томъ, что оно не оказало ожидаемаго содѣйствія законнымъ требованіямъ народа, чѣмъ навлекло смуту и причинило гибель жизни и имущества мусульманъ,

улемы въ заключеніе обращаются къ Мохаммедъ-Али-шаху, убѣждая его приступить къ созванію меджлиса, единственнаго оплота истиннаго порядка и законности».

Неджефъ—это небольшой городокъ въ Азіатской Турціи на озерѣ Неджефъ, представляющемъ собою разливъ водъ Евфрата. Онъ лежитъ нѣсколько южнѣе Вавилона и знаменитъ могилою калифа Али, которая для шіитовъ является такимъ же предметомъ поклоненія, какъ Мекка и Медина. Улемы Неджефа поэтому пользуются огромнымъ авторитетомъ въ шіитско-мусульманскомъ мірѣ (Иранъ, восточная Аравія и нѣкоторыя племена Кавказа, Афганистана и Белуджистана, понемногу и въ другихъ мѣстахъ). Такія рѣчи улемовъ Неджефа не могли нравиться полководцамъ шаха, потому что онѣ поселяли сомнѣнія въ ихъ войскахъ. Не мудрено, если Эйнудъ все колебался и еще 10 и 11 сентября (23 и 24 по нов. ст.), несмотря на истеченіе срока ультиматума, шахскій полководецъ все только угрожалъ. Въ Тегеранѣ въ это время англійскій и русскій послы посовѣтовали шаху умѣренность, примирительный образъ дѣйствій и созывъ меджилиса. Шахское правительство отвѣтило, что оно само этого желаетъ, но необходимо прежде достигнуть «успокоенія». 11 (24) сентября появилось новое воззваніе улемовъ Неджефа, гдѣ они объявляютъ священную войну шахскому правительству. Въ тотъ же день началась перестрѣлка между конституціоналистскими и абсолютистскими кварталами въ самомъ Тавризѣ. Колебаться дольше было невозможно, не потерявъ всѣхъ шансовъ, и Эйнудъ, наконецъ, приступилъ къ атакѣ Тавриза и его конституціоналистскихъ кварталовъ, защищаемыхъ милиціей Саттаръ-хана. 11 (24) сентября произошло сраженіе. О немъ Саттаръ-ханъ увѣдомилъ своихъ тегеранскихъ единомышленниковъ, «что всѣ атаки шахскихъ войскъ отбиты. Правительственныя войска потерпѣли громадный уронъ и дальше двигаться безъ подкрѣпленій не смѣютъ. Многіе изъ воиновъ Эйнудъ-Доулэ перешли на сторону «революціонеровъ», видя, какъ имъ «самъ Богъ помогаетъ». Никакимъ обѣщаніямъ шаха черезъ Эйнудъ-Доулэ и ни въ какіе переговоры съ нимъ Саттаръ-ханъ рѣшилъ не вступать, такъ какъ дружина его дала клятву или умереть въ борьбѣ за свободу, или добиться того, чего ждетъ весь персидскій народъ».

Объ этомъ сраженіи находимъ нѣкоторыя подробности въ депешахъ Times'а, именно отъ 13 (26) изъ Тавриза: «Монархисты начали атаку при восходѣ солнца, открывъ недостаточный артиллерійскій огонь изъ шести орудій. Курды сдѣлали неудачную попытку завладѣть джульфинскими воротами и мостомъ, а также кварталомъ Саттаръ-хана. Карадагская конница также вела атаку по направленію къ кварталу хана. Оба нападающихъ отряда вскорѣ задержались въ обнесенныхъ стѣнами участкахъ, на которые конституціоналисты раздѣлили городъ, и были съ легкостью отброшены. Бомбардировка, прекратившаяся въ сумеркахъ, велась вяло, не причи-

нила вреда и не измѣнила положенія. Серьезно вели наступленіе макинцы, продвинувшіеся на двѣ версты впередъ и подошедшіе къ лагерю Саттаръ-хана. Много пострадавшихъ. Съ двухъ часовъ возобновилась орудійная и ружейная перестрѣлка между войсками и главными укрѣпленіями конституціоналистовъ». Бомбардировка продолжалась три дня, но при большомъ разстояніи, съ которой она велась и плохой стрѣльбѣ шахскихъ артиллеристовъ, она оказалась безрезультатною и не нанесла особеннаго вреда возставшимъ кварталамъ Тавриза и войскамъ Саттаръ-хана.

Кромѣ Неджефа и могилы калифа Али, въ долинѣ Евфрата лежитъ и другая святыня мусульманъ-шіитовъ, городъ Кербелла (немного сѣвернѣе Вавилона), гдѣ палъ Гуссейнъ, сынъ калифа Али и внукъ Магомета. Здѣсь у его могилы обширная шіитская колонія (до 50 тыс. душъ), и улемы Кербеллы пользуются тоже огромнымъ авторитетомъ въ Персіи. Главный улемъ (муштадъ) этого священнаго учрежденія шіитовъ, совершенно въ разрѣзъ съ воззваніемъ улемовъ Неджефа, издалъ прокламацію, въ которой объявилъ вѣроотступниками сторонниковъ конституціи и противниковъ шаха. Въ самомъ Тегеранѣ главный улемъ, тоже приверженецъ реакціи и шахскаго правительства, поступилъ еще рѣшительнѣе. Отъ 11 (24) сентября сообщалось изъ Тегерана, что «удручающее впечатлѣніе на народъ и защитниковъ свободъ произвела смерть мирзы Мехти, сына главы духовенства въ Тегеранѣ шейха Фазлулла. Отецъ мирзы Мехти шейхъ Фазлулла занималъ постъ главнаго муштаида въ Тегеранѣ, извѣстенъ былъ, какъ взяточникъ и какъ самый ярый поклонникъ шаха. Шахъ цѣнилъ это и смотрѣлъ на всѣ продѣлки «отца духовнаго» сквозь пальцы. Благодаря этому шейхъ Фазлулла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ составилъ себѣ колоссальное состояніе. Семья Фазлуллы состоитъ изъ трехъ сыновей и двухъ дочерей. Два сына и, повидимому, дочери были солидарны съ отцомъ. Но старшій сынъ—мирза Мехти, получившій духовное образованіе въ Бейрутѣ, все время шелъ противъ отца. Онъ совѣтовалъ ему примкнуть къ остальнымъ муштаидамъ страны, вмѣстѣ съ ними встать на защиту попранныхъ шахомъ правъ народа и этимъ хотя бы отчасти искупить свою прежнюю дѣятельность. Но отецъ предпочелъ за лучшее донести на сына своему «единомышленнику» эмиру Богадаръ-Дженгу. Тотъ отдалъ немедленно приказъ объ арестѣ Мехти. Шаху же было доложено, что шейхъ Фазлулла до того преданъ его величеству, что даже не пожалѣлъ предать въ руки правительства своего собственнаго сына-революціонера.

По приказу эмира Дженга и съ благословенія Фазлуллы, Мехти въ темницѣ былъ отравленъ, какъ опасный для государства революціонеръ».

Эти факты очень ободрили шахское правительство. Отъ 12 (25) сентября сообщалось о многочисленныхъ арестахъ, въ томъ числѣ и

сановниковъ имперіи. Тогда-же 12 сент. изданъ указъ о созывѣ второго меджлиса, выборы назначены на 14 (1) октября, открытіе меджлиса на 1 ноября (19 окт.). Вслѣдъ затѣмъ былъ изданъ (17/30) сент.) фирманъ, измѣняющій нѣкоторыя статьи основныхъ законовъ и закона избирательнаго съ цѣлью лучше руководить выборами. Адербейджанъ былъ исключенъ изъ выборовъ до его покорности шахскому правительству.

Такъ издѣвалось тегеранское правительство надъ народными стремленіями и надъ дипломатическими представленіями. Но не дремало и тавризское правительство. Саттаръ-ханъ и и его помощникъ Багиръ-ханъ дѣятельно организовали, перевооружали и реформировали войска, въ ряды которыхъ стекались молодые люди со всѣхъ сторонъ Ирана, а также изъ Россіи горцы-шіиты. Пропаганда шла усиленная и повсемѣстная, поощряемая не только улемами Неджефа, но и слабостью шахской арміи, столь ярко обнаружившейся въ бояхъ подъ Тавризомъ и въ Тавризѣ. Неудачи Эйнуда ободрили недовольные элементы, и вотъ отъ 18 сент. (1 окт.) изъ Тавриза было сообщено, что «находящіяся между Тегераномъ и Тавризомъ города: Занджанъ, Абхаръ, Салтанъ-Абадъ, Нусратъ-Абатъ и Али-Абатъ охвачены возстаніемъ. Изъ главнаго города Занджана генералъ-губернаторъ изгнанъ. Возставшіе избрали себѣ предводителя, который раздѣлилъ армію на двѣ части. Одна часть пошла на подмогу Саттаръ-хану, а другая заняла пути отступленія шахскихъ войскъ. Кромѣ этого, изъ возставшихъ шахскихъ конвойцевъ образовался добровольческій отрядъ, который направился въ резиденцію шаха съ цѣлью склонить во что бы то ни стало на свою сторону ту часть конвойцевъ, которая сейчасъ охраняетъ особу шаха».

Эта измѣна части шахскихъ конвойцевъ явилась дурнымъ предсказаніемъ для шаха и его правительства. Что касается возставшаго племени занджанцевъ (правильнѣе: санджанцевъ), то это полузависимые горцы, воинственные и вооруженные. Санджанскій муштаидъ Курбанъ, очень популярный среди горцевъ, поднялъ ихъ своими проповѣдями. Шахское дѣло снова пошло на убыль. Эйнудъ-Доуле это сознавалъ лучше всего. Онъ думалъ было блокировать Тавризъ, но и это не удалось. Отряды Эйнуда задерживали обозы, но ихъ отбивали стекавшіяся повсюду подкрѣпленія отважной арміи Саттара и Багира. Наконецъ, 22 сентября (5 окт.) пришло изъ Тегерана извѣстіе, что «войска Эйнуда перешли на сторону Саттаръ-хана. Эйнудъ-Доуле подъ охраной сотни всадниковъ едва успѣлъ скрыться. Осада съ Тавриза снята. Народъ ликуетъ и празднуетъ свою блестящую побѣду. Перешедшія на сторону Саттаръ-хана шахскія войска приняты дружинниками, какъ братья, съ распростертыми объятіями. Эти «измѣнники», какъ назвалъ ихъ Эйнудъ-Доуле въ своемъ донесеніи шаху, въ одинъ голосъ заявили Саттаръ-хану, что они тогда только поняли, какую огромную услугу

оказалъ странѣ Саттаръ-ханъ, когда узнали отъ своего главнокомандующаго, что повелитель Персіи, благодаря геройскому сопротивленію Саттаръ-хана, лишилъ выборныхъ правъ всю Адербейджанскую провинцію. Войска и дружинники требуютъ немедленно встать на защиту правъ всего населенія этой провинціи. Ежедневно по этому поводу въ главной квартирѣ Саттаръ-хана происходили засѣданія. Начальники отдѣльныхъ частей во главѣ съ Саттаръ-ханомъ рѣшили немедленно приступить къ организаціи народной милиціи среди адербейджанцевъ, къ ея вооруженію и, наконецъ, обученію ея, испытанными въ бояхъ дружинниками — военному искусству. Затѣмъ, когда все будетъ подготовлено, дружинники, народная милиція и бывшія войска шаха, подъ командой народнаго героя (такъ называютъ теперь Саттара), выступятъ по дорогѣ въ Тегеранъ. Съ дороги шаху будетъ посланъ ультиматумъ, съ требованіемъ возвратить адербейджанцамъ незаконно отнятыя отъ нихъ права. Ходъ же дальнѣйшихъ событій будетъ зависѣть отъ отвѣта шаха на народный ультиматумъ».

Къ этому времени, очень некстати для тегеранскаго правительства, появилось воззваніе улемовъ Кербеллы, въ которомъ они въ полномъ согласіи съ улемами Неджефа, но въ разрѣзъ съ заявленіемъ ихъ старшаго улема, обращаются къ главному энджумену въ Тавризѣ, къ кочевникамъ, пограничной стражѣ и всему войску. «Мутшаиды доводятъ до свѣдѣнія поименованныхъ корпорацій, что въ данный моментъ главной ихъ задачей является—сохраненіе религіи и любви къ многострадальной родинѣ. Они выражаютъ удовольствіе по поводу энергичной дѣятельности адербейджанцевъ въ борьбѣ съ шахскимъ правительствомъ и заявляютъ всему персидскому народу о томъ, что всѣ лица, замѣченныя въ противодѣйствіи конституціи, будутъ объявлены ими врагами Магомета. Такое же воззваніе отправлено въ большомъ количествѣ экземпляровъ въ Ширазъ и Испагань на имя офицеровъ».

Между тѣмъ, уже къ этому времени (около 5—7 октября) подъ начальствомъ Саттара сосредочилось 15.000 его добровольцевъ, перешедшія на его сторону войска Эйнуда и разныя полунезависимыя племена, въ томъ числѣ и санджанцы. Въ Тавризѣ организовано правительство, назначены Саттаромъ генералъ-губернаторъ провинціи, полицеймейстеръ города, финансовые чиновники, взимаются налоги, охраняется торговля,—словомъ, возстановленъ порядокъ... Оставались внѣ этого водворяющагося порядка только три реакціонныхъ квартала въ самомъ Тавризѣ. Они были взяты конституціонными войсками 30 сентября (13 октября). Вожди реакціонеровъ бѣжали.

Шахъ сначала покаралъ Эйнуда, отнявъ у него командованіе и назначивъ на его мѣсто принца Фермана-Ферму, но тотъ отказался и, по просьбѣ реакціонныхъ муштаидовъ, Эйнудъ-Доуле былъ

возстановленъ въ своихъ должностяхъ. Шахское правительство, повидимому, растерялось сначала, но скоро оправилось и рѣшилось поставить все на карту...

Оно организовало новый походъ на Тавризъ. На этотъ разъ съ русскимъ полковникомъ Ляховымъ во главѣ.

Извѣстно, что этотъ русскій полковникъ, а шахскій полководецъ организовалъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ, бригаду персидскихъ казаковъ. Нижніе чины-персы обученны казачьему конному и пѣшему строю и снаряженны и вооруженны по образцу донскихъ казаковъ. Эта-то бригада (т. е. два полка, что при полной численности можетъ составить около 1.800 комбатантовъ) съ придачею двухъ пулеметовъ и нѣсколькихъ пушекъ и отправлена подъ командою Ляхова для усмиренія Адербейджана. По пути къ отряду Ляхова присоединятся остатки войска Эйнуда, а потомъ и разбойничьи шайки Рахима. Первыя извѣстія объ этомъ походѣ сообщали о многочисленномъ дезертирствѣ, вслѣдствіе все болѣе распространяющагося подъ вліяніемъ воззваній улемовъ убѣжденія, что благословеніе Аллаха и его пророка даровано войску Саттаръ-хана. Шахскіе «казаки» пошли на битву безъ надежды на побѣду, остатки войскъ Эйнудъ-Доуле деморализованы пораженіями и неудачами, «всадники» Рахима выступали и снова выступили не шаха ради, а для разбоя и грабежа... Все это не улыбается шахскому дѣлу, но Ляховъ въ себѣ увѣренъ и не сомнѣвается въ своей побѣдѣ. Эта ляховская самоувѣренность и есть послѣднее ободреніе для Али-Магомеда.

Персы доблестно отстаиваютъ новый свободный строй. Они формируются въ добровольческія дружины, вооружаются, сосредоточиваются у Тавриза и отважно сражаются съ войсками Али-Магомеда, до сихъ поръ не теряя занятыхъ позицій, но постепенно завоевывая новыя и значительныя. Въ ихъ патріотическомъ дѣлѣ они поддержаны шіитско мусульманскимъ духовенствомъ, наиболѣе вліятельными его элементами. И только это обстоятельство внушаетъ нѣкоторыя сомнѣнія, такъ какъ высшее духовенство (а *улемы* это высшее духовенство) повсемѣстно доселѣ бывало неизмѣнно на стражѣ реакціи. «Спасеніе религіи» улемы всюду ставятъ рядомъ съ вольностями и меджлисомъ, а что они разумѣютъ подъ «спасеніемъ религіи», міръ увидитъ лишь послѣ окончательной побѣды конституціоналистовъ надъ шахскимъ правительствомъ. Нѣтъ основанія многаго опасаться, но за этою еще неясною точкою на ясномъ небѣ великаго Ирана приходится слѣдить со вниманіемъ.

Вслѣдъ за этою главою объ Иранѣ, я имѣлъ въ виду отвести еще главу балканскимъ дѣламъ, но налаживавшіеся болгаро-турецкіе переговоры какъ будто разстроились. Еще хуже дѣло съ австро-турецкими переговорами. Послѣднія извѣстія возбуждаютъ сомнѣнія, состоится ли конференція. И въ этомъ международномъ во-

просѣ мы стоимъ на перепутьи. Однако на немъ Европа не замѣшкается долго, и къ будущей нашей бесѣдѣ все будетъ готово (если не вспыхнетъ война) для обсужденія и оцѣнки. Тогда мы и займемся этимъ важнымъ эпизодомъ всемірной исторіи.

Покуда отмѣтимъ два факта: царство болгарское (Фердинандъ принялъ титулъ царя) превратилось въ простой форпостъ Австріи на Балканахъ, какъ такимъ же австрійскимъ форпостомъ уже давно состоитъ румынское королевство на нижнемъ Дунаѣ. Второй фактъ, тоже совершенно уже выяснившійся, это въ высшей степени лояльное и тактичное положеніе, занятое новымъ турецкимъ правительствомъ. Это поведеніе даровало туркамъ самыя теплыя симпатіи Англіи, Франціи и даже Италіи и даруетъ надежду, что интересы Турціи обезпечены отъ всякихъ «компенсацій».

III.

Среди грома и треска политическихъ событій у насъ, въ Россіи, почти не замѣчены культурныя событія огромной важности, именно новыя выступленія римской куріи въ теченіе 1907—1908 годовъ противъ такъ называемаго *модернизма* въ западныхъ церквахъ. Это теологическое теченіе развивается уже около полувѣка, началось на протестантскихъ теологическихъ факультетахъ, но скоро перешло и на католическіе, гдѣ вскорѣ выставило очень крупныя научныя силы. Церковный модернизмъ заключается въ стремленіи согласовать ученіе церкви съ истинами, добытыми историческими и вообще общественными науками. Въ XV и XVI вѣкахъ развивалось такое же движеніе въ сторону признанія естественно-научныхъ истинъ католическою церковью. Джордано Бруно былъ сожженъ, Галилея осудили и принудили подписать отреченіе отъ системы Коперника, но это не помогло, и католическая церковь признала и систему Коперника, и дальнѣйшее ея развитіе Кеплеромъ, Тихо-де Брага, Ньютономъ и т. д. Пришлось признать (по крайней мѣрѣ, не протестовать и терпѣть въ католическихъ школахъ) и геологическія истины, совершенно разрушившія церковную космогонію; и дарвинизмъ со всѣми его продолженіями и даже возраженіями, которыя всѣ исходили изъ доктрины постепенной эволюціи животнаго міра и человѣка; и новую физику безъ небесъ, безъ божескихъ наказаній въ видѣ грозы, землетрясеній, засухи, эпидемій. Знаменитый Секки, одинъ изъ главныхъ творцовъ новой физики, былъ іезуитъ и состоялъ астрономомъ при римской куріи въ Ватиканѣ: «духъ вѣка вотъ куда зашелъ!» Да, передъ естествознаніемъ римско-католическая церковь покорилась, частью признала его выводы, частью просто молчала и молчаливо допускала. Однако, наступила очередь тоже окрѣпнувшихъ и много добывшихъ наукъ историческихъ, юридическихъ, по культуровѣдѣ-

нію, по соціологіи, по сравнительному вѣровѣдѣнію, вообще по наукамъ гуманнымъ, моральнымъ и общественнымъ.

Естествознаніе атаковало и опровергло многія основныя положенія Ветхаго Завѣта,—это было тяжело для католиковъ и вообще для христіанъ, но этому покорились. Обществовѣдѣніе поставило вопросы еще болѣе острые: объ Откровеніи, о божественности Христа, о происхожденіи и первоначальной исторіи христіанства вообще и католической церкви въ частности, о происхожденіи церковной іерархіи и такъ называемой «благодати», носителемъ которой она является и т. под. Иными словами, теперь оказался атакованнымъ Новый Завѣтъ и всѣ преданія католической церкви, и при томъ католическими учеными, профессорами католическихъ теологическихъ факультетовъ! Напримѣръ, знаменитый католическій теологъ Луази, профессоръ въ парижской Сорбонѣ, отрицалъ съ каѳедры, передъ будущими патерами и законоучителями, божественную сущность Христа, наличность Откровенія, происхождедепіе іерархіи въ апостольскія времена, преемственность папства отъ апостола Петра и т. д. Однако, какъ католикъ, онъ признавалъ, что постепенная эволюція, создавшая католическую церковь, была эволюціей правильной и плодотворной, такъ что настоящее состояніе католицизма, его догматы и организація суть наилучшія среди всякихъ организацій культа.

Курсъ Луази вызывалъ порицанія и недовольство въ средѣ французскаго духовенства, и парижскій архіепископъ обратился къ папѣ Льву XIII, не устранитъ-ли папа профессора Луази съ каѳедры (тогда еще дѣйствовалъ конкордатъ, и папа имѣлъ на то право). «Я не желаю имѣть новаго Галилея», отвѣтилъ будто бы Левъ XIII. Луази во всякомъ случаѣ сохранилъ каѳедру. При новомъ папѣ враги модернизма взяли верхъ въ совѣтахъ римской куріи, и папа Сарто выступилъ на борьбу съ модернизмомъ. На нижеслѣдующихъ страницахъ мы излагаемъ эти выступленія, попутно давая дополнительныя свѣдѣнія о модернизмѣ.

Модернисты не признаютъ ничего сверхъестественнаго и стоятъ на почвѣ постепенной эволюціи религій, въ томъ числѣ христіанства. Это приложеніе научнаго метода не только къ космогоніи и геологіи, но и ко всей совокупности христіанскаго ученія, давно вызываетъ недовольство реакціонныхъ элементовъ католической церкви и сказалось выступленіемъ римской куріи съ рѣшительными репрессіями противъ модернизма и модернистовъ.

3 іюля (20 іюня) 1907 года былъ изданъ декретъ «Lamentabili», составляющій пересмотрѣнное изданіе знаменитаго Syllabus'а 1864 года, т. е. представляетъ собою перечень запрещенныхъ мнѣній и книгъ. Это запрещеніе было подробно развито и получило санкцію въ энцикликѣ «Pascendi dominici gregis» отъ 8 сентября (26 авг.) 1907 года, и, наконецъ, 18 (5) ноября того же года Пій X лично отъ себя издаетъ подтвержденіе всего изложенія

энциклики, придавая этому документу значенiе непогрѣшимости. Если актъ 3 iюля былъ первымъ выступленiемъ противъ модернизма, а документъ 18 ноября подтвержденiемъ, то главнымъ актомъ была энциклика 8 сент., глубоко потрясшая научность католическихъ теологическихъ факультетовъ. Теперь мы ознакомимся въ главныхъ чертахъ въ содержанiемъ этого историческаго документа.

Во введенiи къ энцикликѣ говорится, что въ самомъ домѣ католической церкви завелся врагъ, и при томъ врагъ дѣятельный и коварный, стремящiйся всевозможными способами сломать жизненную силу церкви. Врагъ этотъ—модернисты, и пришло время сорвать съ нихъ маску и обличить передъ всею церковью. Обличенiе это является обязанностью папства, и энциклика призвана выполнить эту задачу. Для этого все изложенiе группируется въ три части: изложенiе модернизма, опроверженiе и указанiе репрессiй противъ него.

Модернистическая философiя анализируется въ пяти параграфахъ (4—8) энциклики: § 4 - агностицизмъ; § 5—жизненная имманентность, вѣра по чувству; § 6—религiозное чувство и откровенiе; § 7—разумъ и вѣра; § 8—происхожденiе и природы догматовъ.

Основою модернизма, *по мнѣнiю энциклики*, является агностицизмъ, который человѣческiй разумъ замыкаетъ въ предѣлы видимаго мiра и открываетъ возможность возвыситься до общенiя съ божествомъ. Энциклика полагаетъ, что результатомъ является атеизмъ. Это отрицательная сторона модернистической философiи, а положительною стороною представляется жизненная имманентность. Религiя возникаетъ изъ внутренней жизни, слѣдуя за чувствомъ. Это чувство модернистъ называетъ вѣрою, и возникновенiе такъ понимаемой вѣры и является началомъ религiи. Такимъ же путемъ, по воззрѣнiямъ модернистовъ, произошла и католическая религiя. Это чувство и эта вѣра и являются для модернистовъ *откровенiемъ*. Это откровенiе Бога, но вмѣстѣ и его открытiе. Отсюда излюбленное ученiе модернистовъ, что каждая религiя одновременно представляется естественною и сверхъестественною, и смѣшенiе познанiя съ откровенiемъ. Но непознаваемое (сверхъестественное) не имѣетъ самостоятельнаго существованiя, но связано съ явленiями. Задачею исторической критики, по воззрѣнiямъ модернистовъ, будетъ снова разрушить эту связь. Напр., историческая личность Христа, которая вѣрою возвышена до сверхъестественнаго (трансфигурацiя), наукою должна быть поставлена на историческую почву (дефигурацiя). Эти возникающiя изъ чувства вѣрованiя систематизируются и связываются разумомъ, а формулы, отсюда получаемыя, называются догматами, которые тоже являются продуктомъ эволюцiи, и которыхъ измѣненiя представляются не только возможными, но даже необходимыми.

Изложивъ модернистическую философiю, энциклика переходитъ къ анализу модернистической вѣры. Изложенiе занимаетъ два па-

рафа: § 9—сущность религіи и традиція; и § 10—вѣра и наука. Модернизмъ, по утвержденію энциклики, обходитъ вопросъ о существованіи божества внѣ чувства вѣрующаго. Модернистскій вѣрующій увѣренъ въ такомъ существованіи на основаніи субъективнаго познанія и этимъ путемъ въ концѣ-концовъ приходитъ къ атеизму. Во всѣхъ религіяхъ существуетъ такое внутреннее познаніе, такъ что за католической религіей уже не признается монополія единственно истиннаго познанія. Оно является не исходящимъ изъ сохраненной традиціи, но только иначе переданнымъ сообщеніемъ того или другого первобытнаго внутренняго познаванія. Но эти сообщенія о познаваніяхъ имѣютъ различную судьбу. Одни пускаютъ корни и растутъ, другія увядаютъ и упадаютъ. Такимъ образомъ, если религія живетъ, то она истинная религія, и всѣ существующія религіи суть истинныя религіи (§ 9).

Далѣе энциклика указываетъ, что модернизмъ совершенно отдѣляетъ вѣру отъ науки. На всемъ пространствѣ, доступномъ познанію, наука властвуетъ неограниченно, а для вѣры остается лишь область, которую наука признаетъ для себя недоступною. Пока каждая остается въ своей сферѣ, столкновеніе между ними невозможно, но при этомъ наука и вѣра остаются другъ другу чужды. Наука отрицаетъ чудеса и сверхъестественность Христа, вѣра признаетъ. Но это не столкновеніе. Отрицаніе исходитъ отъ мыслителя, опирающагося на научныя историческія данныя. Признаніе же—отъ вѣрующаго, который жизнь Іисуса Христа воскрешаетъ въ своихъ вѣрованіяхъ и при помощи своихъ вѣрованій.

Энциклика протестуетъ противъ такого дуализма. Вѣра въ данномъ случаѣ вполнѣ подчиняется наукѣ и должна возстать противъ этой ничѣмъ неограниченной свободы науки. Этотъ дуализмъ, утверждаетъ энциклика, сказывается и практически: «когда они пишутъ исторію, они не признаютъ божественности Христа, но они ему молятся и участвуютъ въ богослуженіяхъ. Какъ историки, они мало цѣнятъ отцовъ церкви и соборы, но, какъ катехеты и преподаватели, они ихъ почитаютъ. Все это показываетъ, что у нихъ одновременно двѣ совершенно различныхъ экзегетики, теологическая и научно-историческая» (§ 10).

Въ § 11 энциклика возвращается къ принципу имманентности и перманентности, т. е. что вѣра вообще присуща человѣческому сознанію и постоянно живетъ въ немъ, такъ что божество внутри человѣка.

Слѣдующіе параграфы продолжаютъ изложеніе модернистской теологіи, начатое въ одиннадцатомъ параграфѣ. именно: § 12—происхожденіе догматовъ и таинствъ; § 13—происхожденіе священнаго писанія; § 14—начало и существо церкви; § 15—отношеніе церкви и міра; § 16—сущность и примѣненіе церковной учительской власти; § 17—ученіе объ эволюціи; § 18—развитіе вѣры и культа и § 19—теорія непроизвольной необходимости. Это

длинное изложеніе энциклики проф. Меуреръ (католическое каноническое право въ Вюрцбургскомъ университетѣ) такъ вкратцѣ резюмируетъ:

«Общая характеристика модернизма энцикликою можетъ быть сведена къ слѣдующему: ничего божественнаго и ничего сверхъестественнаго. Никакого божественнаго вмѣшательства. Догматы, а съ ними и писаніе, библія, церковь и культъ произошли совершеннно естественнымъ путемъ. Догматы и вѣра возникаютъ изъ потребности вѣрующаго и подлежатъ эволюціи на основахъ естественной необходимости. Это развитіе является результатомъ столкновенія двухъ силъ: одной прогрессивной и другой консервативной» («Internationale Wochenschrift für Wissenschaft, Kunst und Technik», 1908, № 1).

Въ § 20, посвященномъ модернистской церковной исторіи, энциклика возвращается къ вышеизложеннымъ уже вопросамъ объ агностицизмѣ, трансфигураціи и дефигураціи, а также о божественности Христа. Въ остальныхъ параграфахъ первой части энциклика касается менѣе важныхъ вопросовъ, жалуется на историческую критику, затѣмъ снова и снова протестуетъ противъ идеи естественнаго происхожденія католической религіи и пр., въ заключеніе, и противъ идеи реформировать католическую церковь. Въ первой части всего 26 параграфовъ.

Вторая часть (§§ 27, 28 и 29) заключаетъ въ себѣ сводъ возраженій противъ модернизма. Важнѣйшія приведены уже выше. Интереснѣе третья часть (§§ 30—37), въ которой энциклика предписываетъ мѣры борьбы съ модернизмомъ. Эти мѣропріятія заключаются въ репрессаліяхъ (Molimina efficaciora). На первомъ планѣ стоятъ два предписанія, касающіяся преподаванія теологическихъ наукъ: 1) Схоластическая философія вообще, а въ частности и въ особенности философія Ѳомы Аквината, должна быть положена въ основу всякаго теологическаго преподаванія. Въ семинаріяхъ обязанность установить такое преподаваніе и слѣдить за строгимъ исполненіемъ этого предписанія возлагается на епископовъ, въ монастыряхъ—на ихъ настоятелей. «И профессора должны знать, что если они въ своихъ лекціяхъ, особенно въ вопросахъ метафизическихъ, будутъ отклоняться отъ св. Ѳомы Аквината, то понесутъ тяжкія послѣдствія»; 2) вводится и регулируется въ семинаріяхъ преподаваніе естественныхъ наукъ. Затѣмъ слѣдуетъ санкція: «Если же кто-либо (говоритъ энциклика) тѣмъ или инымъ способомъ окажется причастнымъ модернизму или хотя бы только благопріятнымъ, тотъ въ католическихъ университетахъ ни въ семинаріяхъ не можетъ быть ни ректоромъ, ни профессоромъ, ни какимъ бы ни было преподавателемъ». Такимъ наказуемымъ «благопріятнымъ» отношеніемъ почитается, если кто-либо «отзовется съ похвалою о модернистахъ, или будетъ имъ извинять ихъ поведеніе все равно, будетъ ли оно заключаться въ порицаніи схоластики,

отцовъ церкви и церковной учительской власти, или въ отказѣ повиноваться церковной власти, кто бы въ данномъ случаѣ ни былъ ея носитель; или въ защитѣ модернизма въ исторіи, археологіи и библейской экзегетики; или, наконецъ, въ выраженіи небреженія къ теологическимъ наукамъ и предпочтенія свѣтскихъ».

Эти предписанія представляются самыми важными. За ними слѣдуютъ постановленія въ совершенно томъ же духѣ и стилѣ относительно студентовъ и вообще учащихся, относительно ищущихъ ученыя степени и каѳедры, относительно посвящаемыхъ въ священники. Отнынѣ, предписываетъ энциклика, въ составъ доктората теологіи и каноническаго права допускаются только лица, вполнѣ овладѣвшія схоластическою философіей. Если этого нѣтъ, дипломъ теряетъ силу. Студентамъ католическихъ университетовъ и священникамъ воспрещается слушать какіе-либо иные курсы. Епископамъ поручается наблюдать за этимъ.

Затѣмъ обстоятельныя предписанія относительно запрета для всѣхъ вѣрующихъ читать модернистскія книги. Католическимъ книгопродавцамъ воспрещается ихъ продавать. Для наблюденія учреждаются при епископахъ цензоры. То же относится къ журналамъ и газетамъ. Сильно ограничиваются собранія и совѣщанія священниковъ. При епископахъ учреждаются контрольные комитеты, которыхъ задача слѣдить и наблюдать за точнымъ исполненіемъ предписаній энциклики. Отчеты по исполненію этихъ предписаній епископы представляютъ папѣ черезъ годъ по ея изданіи, а затѣмъ будутъ представлять каждые три года.

Таковъ этотъ памятникъ обскурантизма XX вѣка! Затѣмъ его исполненіе. Въ Германіи уволены проф. церковной исторіи страсбургскаго университета Альбертъ Эргардъ и проф. церковной исторіи мюнхенскаго университета Шницлеръ, въ Австріи проф. каноническаго права въ инспрукскомъ университетѣ Вармундъ, а во Франціи въ Сорбоннѣ бойкотируется (студентами-теологами по распоряженію архіепископа) Луази.

Считаемъ крупныя жертвы. Болѣе незначительныхъ сколько, Господи, ихъ вѣси. Католическая іерархія, считающая въ своихъ рядахъ не мало широко-образованныхъ представителей, спокойно и покорно склонилась передъ невѣжественнымъ, но непогрѣшимымъ Сарто. Раскола поэтому ожидать нельзя, хотя движеніе противъ энциклики понемногу развивается. Вѣроятнѣе всего повторится исторія 1870—71 годовъ, когда объявленъ былъ догматъ папской непогрѣшимости. Добросовѣстные теологи съ проф. Деллингеромъ во главѣ ушли и основали старо-католическую общину съ небольшимъ числомъ послѣдователей. И теперь выдѣлятся добросовѣстные ученые, а каѳедры займутъ готовые на Ѳому Аквината и не только на Аквината, но и на любого изувѣра. Этого требуютъ интересы церкви, какъ возвышенно выражаются католическіе іерархи. Правильнѣе выразиться, что этого

требуютъ интересы этихъ католическихъ іерарховъ. Католическая іерархія давно уже выродилась въ компанію взаимнаго страхованія доходовъ, получаемыхъ съ невѣжества и взимаемыхъ съ суевѣрій. Стало быть, все образуется ad majorem Dei gloriam! Такъ надобно католическому первосвященнику, католическимъ іерархамъ и ихъ патерамъ, каноникамъ, ихъ аристократическимъ покровителямъ и союзникамъ (эти страхуютъ не доходы, но вліяніе на суевѣрное населеніе) и т. д. Наука и просвѣщеніе имъ не съ руки...

Тѣмъ не менѣе, могутъ произойти интересныя событія, нѣкоторое освѣщеніе которыхъ дадутъ читателямъ и эти предложенныя имъ страницы.

С. Южаковъ.

Новыя книги.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій (Библіотека „Свѣточа" подъ редакціей С. А. Венгерова). Часть I. Штундистъ Павелъ Руденко. Съ написанными для настоящаго изданія воспоминаніями П. А. Кропоткина. Спб. 1907. Стр. XXXI + 224. Ц. 1 р. Часть II. Подпольная Россія. Спб. 1907. Стр. II + 262. Ц. 1 р. Часть III. 1. Домикъ на Волгѣ. 2. Новообращенный. 3. Сказка о копейкѣ. Спб. 1907. Стр. IV + 241. Ц. 1 р. Часть IV. Андрей Кожуховъ. Переводъ съ англійскаго Ф. М. Степнякъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. А. Кропоткина. Со статьей Георга Брандеса. Спб. 1907. Стр. XVI + 306. Ц. 1 р. Часть V. Эскизы и Силуэты. Спб. 1908. Стр. III + 204. Ц. 1 р.

Отходящая въ прошлое эпоха «дней свободы», между прочимъ, обогатила русскую литературу новыми изданіями нѣкоторыхъ произведеній, до этой поры появлявшихся въ Россіи лишь нелегально, въ качествѣ строго запрещеннаго плода, пользованіе которымъ могло повлечь за собою тяжелыя послѣдствія и который поэтому имѣлъ сравнительно ограниченное распространеніе. Однимъ изъ такихъ изданій является и выпускаемое «Библіотекой Свѣточа» подъ редакціей С. А. Венгерова собраніе сочиненій Степняка-Кравчинскаго.

С. М. Кравчинскій, болѣе извѣстный русской публикѣ подъ его литературнымъ псевдонимомъ Степняка,—старый другъ русскаго интеллигентнаго читателя. Его очерки революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, собранные въ одну книгу подъ характернымъ названіемъ: «Подпольная Россія», и его романъ «Андрей Кожуховъ», написанные первоначально для западно-европейской публики, уже очень скоро послѣ своего появленія были переведены на русскій языкъ и заняли видное мѣсто среди излюбленныхъ книгъ русской интеллигентной молодежи. По этимъ произведеніямъ Степняка под-

раставшія поколѣнія русской интеллигенціи знакомились съ героической борьбой, какую вели ихъ предшественники, и учились понимать и цѣнить эту борьбу. И такое значеніе произведенія Кравчинскаго сохранили и по настоящее время, при томъ не одни только что названныя произведенія, но и всѣ почти остальныя. Видный дѣятель революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, Кравчинскій и свою литературную дѣятельность, въ которой онъ проявилъ выдающійся талантъ писателя, посвятилъ главнымъ образомъ изображенію этого движенія и уясненію его смысла. Правда, въ своихъ произведеніяхъ, трактующихъ о революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ, онъ не давалъ и не стремился дать полной его исторіи. Они представляютъ собою нѣчто иное, въ своемъ родѣ не менѣе цѣнное. Публицистъ и художникъ по основнымъ свойствамъ своего писательскаго дарованія, Кравчинскій то въ рядѣ яркихъ очерковъ выводитъ передъ читателемъ отдѣльныя фигуры дѣятелей революціоннаго лагеря, то обращается къ чисто художественной формѣ и въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ рисуетъ жизнь и психологію революціонеровъ. Можно, пожалуй, сказать, что всѣ такого рода произведенія Кравчинскаго представляютъ собою только матеріалъ для исторіи той эпохи, къ которой они относятся, только отдѣльные очерки того движенія, которое стремился изобразить авторъ. Но эти очерки согрѣты живымъ чувствомъ, проникнуты заразительнымъ энтузіазмомъ и даютъ читателю рядъ яркихъ и правдивыхъ картинъ. Написанные въ нѣсколько приподнятомъ, романтическомъ тонѣ, они, однако же, не грѣшатъ противъ исторической и художественной правды и вмѣстѣ съ тѣмъ не ограничиваются однимъ внѣшнимъ описаніемъ лицъ и событій. Самъ тѣсно связанный съ героями своихъ произведеній, Кравчинскій всегда стремился и читателя сблизить съ ними, сроднить съ ихъ психологіей и успѣвалъ въ значительной мѣрѣ достичь этого даже тогда, когда имѣлъ дѣло съ чуждой ему читательской средой. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить отзывъ Георга Брандеса о романѣ «Андрей Кожуховъ», данный въ предисловіи къ датскому переводу этого романа. «Эта книга—писалъ извѣстный критикъ—не только совершенно вѣрный жизни и въ высшей степени увлекательный романъ. Она содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ такой тонкій и проницательный анализъ, какого не встрѣчается во всей европейской литературѣ, внутреннихъ мотивовъ, двигавшихъ интеллигентную русскую молодежь въ тотъ періодъ, при Александрѣ II, когда нигилизмъ достигъ полнаго своего расцвѣта и когда смѣлыя выступленія молодежи, къ несчастью не принесшія непосредственной пользы, совершались съ героизмомъ и подавлялись съ жестокостью». «По всему было видно,—говоритъ въ свою очередь П. А. Кропоткинъ въ воспоминаніяхъ о Кравчинскомъ—что его крупный литературный талантъ быстро достигалъ зрѣлости, когда смерть подкосила его въ расцвѣтѣ силъ. Впрочемъ, уже тѣмъ, что онъ

написалъ, онъ сумѣлъ пробудить широкія симпатіи—не къ дѣланному, обыкновенно прикрашенному, историческому революціонному герою, а къ живымъ, реальнымъ революціонерамъ, женщинамъ и мужчинамъ, дѣйствующимъ въ скромной, сѣренькой обстановкѣ меблированной комнаты и умирающимъ медленною агоніею въ четырехъ стѣнахъ—не замка на озерѣ, а современнаго „дома заключенія", гдѣ идеалъ каменно-желѣзнаго гроба осуществленъ еще лучше, чѣмъ въ средневѣковыхъ рыцарскихъ замкахъ».

Тѣ результаты, которыхъ Кравчинскій успѣвалъ добиться даже въ чуждой ему по происхожденію и по всѣмъ привычкамъ своей жизни читательской средѣ, въ еще большей мѣрѣ достигаются имъ по отношенію къ русскому читателю, который встрѣчаетъ въ его произведеніяхъ родную обстановку и близкіе типы. И эти результаты оказываются тѣмъ болѣе цѣнными и прочными, что они получаются не только путемъ абстрактныхъ разсужденій и теоретическихъ выводовъ. Въ свои историческіе очерки, какъ и въ свои художественныя произведенія, Кравчинскій вносилъ много личнаго, интимнаго элемента. И тамъ, и здѣсь онъ старался не только выяснить условія возникновенія революціоннаго движенія, не только изобразить тѣ формы, въ какихъ оно проявлялось, но и вывести передъ читателемъ ту среду, которую оно охватило, и тѣхъ людей, которые составляли его душу. «Его знаніе русской революціонной среды—разсказываетъ о Кравчинскомъ П. А. Кропоткинъ—не было только знаніемъ участника и дѣятеля. Онъ любилъ *людей*, самихъ по себѣ, какъ живые человѣческіе образы, и въ нашей средѣ его интересовали не только кружковыя дѣла, но также и личныя дѣла друзей, и не только ихъ личныя жизненныя драмы, но даже и самыя мелочи ихъ взаимныхъ отношеній, подчасъ грустныя, подчасъ забавныя». Этотъ интересъ и эта любовь къ людямъ, какъ къ живымъ человѣческимъ образамъ, нашли себѣ яркое отражежение въ произведеніяхъ Кравчинскаго и сообщили имъ особую, трудно передаваемую привлекательность. Его историческіе очерки, воспроизводящіе передъ читателемъ цѣлую галлерею портретовъ революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ, неизмѣнно переплетены съ личными воспоминаніями, придающими этимъ портретамъ необыкновенную жизненность. Въ его попыткахъ художественнаго изображенія революціонной среды не менѣе ясно чувствуется присутствіе того же личнаго элемента, озаряющаго рисуемыя художникомъ картины теплымъ и мягкимъ свѣтомъ. Будущему историку русскаго революціоннаго движенія придется сдѣлать не мало разнообразныхъ дополненій къ тому изображенію этого движенія, какое дается въ произведеніяхъ Кравчинскаго. Но никакая, даже самая полная исторія не дастъ читателю того чувства непосредственной близости къ изображаемымъ лицамъ, какое даютъ ему эти произведенія.

Нѣсколько особнякомъ въ ряду другихъ произведеній Кравчин-

скаго стоитъ его большой романъ «Штундистъ Павелъ Руденко». Въ этомъ романѣ, главной задачей автора, выполненной съ большимъ успѣхомъ, является изображеніе быта штундистовъ и тѣхъ преслѣдованій, какія обрушивались на нихъ со стороны администраціи. Революціонеры выведены въ романѣ лишь на второмъ планѣ и только для того, чтобы оттѣнить взаимныя отношенія революціоннаго и сектантскаго движеній. Въ согласіи съ духомъ эпохи и съ собственными воззрѣніями Кравчинскій, начавъ изображеніе этихъ отношеній съ картины взаимнаго непониманія представителей двухъ движеній - крестьянина-штундиста и студента-революціонера,—затѣмъ заставляетъ своихъ героевъ сблизиться и примириться. Но это сближеніе не является въ романѣ искусственно натянутымъ и отъ всего романа въ цѣломъ вѣетъ не меньшей художественной правдой, какъ и отъ другихъ произведеній Кравчинскаго.

Самое изданіе сочиненій Кравчинскаго ведется «Библіотекой Свѣточа» въ высшей степени заботливо. Тамъ, гдѣ была къ этому возможность, издатели дополнили печатаемыя произведенія по сохранившимся рукописямъ покойнаго автора. «Подпольная Россія» пополнена очеркомъ, посвященнымъ С. И. Бардиной. Значительно дополнены по рукописямъ повѣсть «Домикъ на Волгѣ» и драма «Новообращенный». Подобнымъ же образомъ дополненъ романъ «Штундистъ Павелъ Руденко» и, сверхъ того, въ приложеніяхъ къ нему помѣщено нѣсколько отрывковъ, найденныхъ въ рукописяхъ автора. Помимо того, къ вышедшимъ томамъ приложены воспоминанія П. А. Кропоткина, живо воспроизводящія обаятельный образъ Кравчинскаго, статья Георга Брандеса объ «Андреѣ Кожуховѣ» и много прекрасно исполненныхъ портретовъ, въ томъ числѣ нѣсколько портретовъ самого Кравчинскаго. Поставленное, такимъ образомъ, изданіе сочиненій С. М. Кравчинскаго является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русской литературы.

„Сѣверные сборники“. Издательство **„Шиповникъ“**, кн. V, Спб. 1908 г.

Въ эту (пятую) книгу «Сѣверныхъ сборниковъ» вошли произведенія трехъ скандинавскихъ авторовъ: Карла Іонаса Лове Альмквиста, Августа Стриндберга и Яльмара Сёдерберга, въ переводѣ г. Ю. Балтрушайтиса. Г. Балтрушайтисъ-поэтъ декадентскаго толка. Впрочемъ, очень можетъ статься, что мы и ошибаемся: въ этой терминологіи теперь разбираться очень трудно. Гораздо безопаснѣе сказать, что г. Балтрушайтисъ—модернистъ. Это тоже не вполнѣ опредѣленно, но если прибавить анти-реалистъ, то, кажется, это будетъ самая устойчивая точка на пересѣченіи этихъ «зыблющихся линій», которыя своей трудно уловимой сѣтью составляютъ туманное пятно модернистскихъ «настроеній».

Итакъ, посмотримъ на сборникъ г-на Балтрушайтиса (онъ весь заполненъ его переводами) съ этой точки зрѣнія Разсказу Карла Іонаса Лове Альмквиста переводчикъ предпосылаетъ критическій набросокъ, въ которомъ говорится, между прочимъ, что Альмквиста (родившагося въ 1793 и умершаго въ 1861 году) гетеборгскій профессоръ Сюльванъ, не колеблясь, называетъ геніемъ, а соотечественница его, г-жа Элленъ Кэй—«самымъ современнымъ поэтомъ Швеціи». «Своимъ внутреннимъ складомъ и общимъ духомъ своего міросозерцанія,—прибавляетъ къ этому переводчикъ уже отъ себя,—Альмквистъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ опередилъ свое время...» «Поражаешься современности его изысканныхъ образовъ, буквальному совпаденію отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ страницъ съ тѣмъ, что теперь проповѣдывается, какъ самая послѣдняя мудрость дня».

Итакъ, у насъ есть случай на «старомъ поэтѣ» постараться уловить, что же собственно составляетъ модернистскую мудрость послѣдняго дня, отличающую ее отъ реализма, которая на старомъ фонѣ должна засверкать для насъ тѣмъ яснѣе. Разсказъ Альмквиста называется «Мельница въ Шельпурѣ». Ведется онъ отъ лица какого-то знакомаго автора, «молодого и веселаго человѣка, крѣпкаго и высокаго роста», который совершилъ пѣшкомъ путешествіе по Упланду и Руслагену и оставилъ письменный разсказъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Начинается этотъ разсказъ просто и живо. Разсказчикъ красиво описываетъ природу, впечатлѣнія простора, свободы и молодости. На одной изъ дорогъ онъ встрѣчаетъ молодую крестьянскую дѣвушку, спускающую тяжелый возъ по крутому спуску. Онъ помогаетъ ей, вступаетъ въ разговоръ и провожаетъ ее до мельницы. Отъ разсказа вѣетъ природой и подлинными впечатлѣніями. Фигура крестьянской дѣвушки набросана красиво и бойко, какъ эскизъ талантливаго живописца въ дорожномъ альбомѣ. Если бы дальше послѣдовалъ ночлегъ на мельницѣ съ какой-нибудь характерной «бытовой» картиной, потомъ утро, прощаніе и дальнѣйшій путь, мы имѣли бы нѣчто въ родѣ эпизода изъ «Записокъ охотника», т. е. нѣчто художественно-реальное. Но что же тутъ, однако, было бы «совпадающаго съ послѣдней мудростью» модернизма?

А вотъ погодите. Дѣло въ томъ, что разсказчикъ не заканчиваетъ такъ просто. Онъ не заходитъ на мельницу, а идетъ дальше. Но невѣдомая сила невольно влечетъ его опять къ мельницѣ и, въ концѣ концовъ, повинуясь притяженію, онъ приходитъ туда вечеромъ. Входитъ. На мельницѣ темно. Слышны два голоса. Они звучатъ злодѣйствомъ, и, дѣйствительно, оказывается, что это крестьянинъ Карлсонъ сговаривается съ мельникомъ погубить нѣкоего невиннаго Матсона, а съ нимъ и Бритту (встрѣченную разсказчикомъ дѣвушку). Сама она спитъ теперь на мѣшкахъ Матсона надъ самымъ колесомъ. Разсказчикъ въ темнотѣ проби-

рается туда и снимаетъ спящую дѣвушку съ опаснаго мѣста какъ разъ во-время: Карлсонъ входитъ наверхъ и съ адскимъ хохотомъ толкаетъ мѣшокъ подъ колесо. Бритта продолжаетъ спать страннымъ сномъ: разсказчикъ не можетъ разбудить ее, но за то въ бреду она разсказываетъ ему всѣ тайныя пружины злодѣйства Карлсона, который, оказывается, отравилъ родную сестру, а теперь хочетъ обвинить въ ея смерти Матсона. Тутъ начинается уже нѣчто, какъ говорили въ старину, «несодѣянное»: разсказчикъ надѣваетъ на голову юбку Бритты, которая перешла къ ней отъ отравленной хозяйки, становится на лѣстницу и произноситъ длинный монологъ, разоблачая злодѣяніе Карлсона. Авторъ увѣряетъ насъ, будто, видя (во тьмѣ!) юбку сестры, Карлсонъ принимаетъ «крѣпкаго мужчину, высокаго роста» за тѣнь отравленной, и оба негодяя вѣрятъ подлинности монолога. При этомъ нѣкоторыя разоблаченія привидѣнія ссорятъ злодѣевъ, и они вступаютъ въ драку. На драку собирается народъ. Бритта, значитъ, уже въ безопасности. Разсказчикъ уходитъ.

Оказывается, онъ ошибся. Онъ бредетъ надъ бурнымъ потокомъ въ лѣсу и видитъ, что на другой сторонѣ потока злодѣй Карлсонъ влечетъ связанную Бритту и требуетъ у нея, чтобы она или обѣщала дать нужныя ему показанія въ судѣ, или приготовилась погибнуть мучительною смертью (Онъ собирается распилить ее на лѣсопилкѣ, какъ бревно). Разсказчикъ кидается на помощь, хочетъ перебѣжать черезъ бурный потокъ по настилкѣ лѣсопильной мельницы. Настилка рушится подъ его ногами. Трескъ, хаосъ падающихъ досокъ, и герой... вы думаете, падаетъ въ воду? Нѣтъ. По странной случайности (не любо, читатель, можете не слушать) онъ оказывается стоящимъ на единственномъ столбѣ посреди потока, какъ нѣкая статуя на пьедесталѣ. Въ это время злодѣй уже привязалъ Бритту къ бревну и пустилъ подъ пилу лѣсопилки, а самъ, мечась зачѣмъ-то по мельницѣ, какъ угорѣлый, попадаетъ въ колесо и погибаетъ. Положеніе: герой стоитъ на столбѣ посреди потока, пила уже задѣваетъ тѣло Бритты. Помощи ни откуда. Но... недаромъ, по словамъ г. Балтрушайтиса, «Альмквистъ тяготѣетъ ко всему, въ чемъ неисповѣдимымъ образомъ кроется роковая тайна»... На сей разъ безвыходное положеніе разрѣшается нѣкоей таинственной птицей. Она пролетаетъ мимо, задѣваетъ за что-то крыломъ, роняетъ щепку въ шестерню,—ужасная пила остановлена. А засимъ и столпникъ прыгаетъ благополучно со столба.

Мы нарочно такъ подробно привели запутанное содержаніе разсказа, такъ какъ оно кажется намъ характернымъ: въ недурную, чисто «реальную» рамку вставляется совершенно аляповатый, ни съ чѣмъ несообразный вымыселъ, лишенный воображенія и вкуса, передъ которымъ «приключенія» эмаровскихъ романовъ— верхъ художественности и правдоподобія, и г. Балтрушайтисъ,

самъ модернистъ,—выдаетъ намъ это за «совпаденіе съ самой послѣдней мудростью дня». На здоровье, господа! Старый реализмъ охотно уступаетъ вамъ эту замѣчательную мудрость.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Альмквистъ «геній» въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ, но Августъ Стриндбергъ—писатель, намъ давно извѣстный, не геній, но человѣкъ несомнѣнно талантливый. Въ сборникѣ есть два его разсказа («Высшая цѣль» и «Легенда о С.-Готардѣ»), въ которыхъ побужденія людей доступны оцѣнкѣ здраваго смысла и отъ которыхъ вѣетъ и поэзіей, и самой «реальной» правдой. Но г. Стриндбергъ, по нѣкоему странному капризу, любитъ порой заигрывать съ модернизмомъ, т. е. пишетъ разсказы, къ которымъ приложима обычная для модернизма критическая формула: «Смысла, кинечно, нѣтъ. Но есть, знаете ли, *что-то*». Это «что-то» въ разсказѣ «Соната призраковъ» можетъ нормально настроенному человѣку доставить нѣсколько поистинѣ веселыхъ минутъ. Есть въ этой сонатѣ нѣкій ужасно коварный «Старикъ», великій каналья и злодѣй. Онъ всѣхъ опуталъ своими сѣтями и уже собирается насладиться полнымъ торжествомъ своихъ адскихъ интригъ, для чего собираетъ всѣ свои жертвы и начинаетъ передъ ними хвастать своею ловкостью. Но тутъ одна изъ жертвъ, сумасшедшая старуха, которая воображала себя попугаемъ и кричала курр-ру, внезапно пріобрѣтаетъ даръ слова, произноситъ дрянному старикашкѣ длинную и ядовитую отповѣдь и въ заключеніе приказываетъ ему (увѣряемъ васъ,—мы не выдумываемъ) идти въ гардеробный шкафъ и тамъ повѣситься. Старикашка сконфузился до такой степени, что... покорно лѣзетъ въ шкафъ и вѣшается, къ удовольствію, надо думать, всей почтенной компаніи, при чемъ изъ приличія или для «символа», старушенція-попугай велитъ лакею заставить дверь ширмою, «ширмой смерти». Послѣ этого раздается пѣсня нѣкоего студента, изъ коей читатель узнаетъ, что «Благъ, кто доброе свершаетъ» и «Всѣмъ дается по дѣяніямъ». Какъ видите, «мудрость послѣдняго дня» недалеко ушла отъ мудрости старыхъ прописей.

Любителямъ веселаго чтенія можемъ порекомендовать и послѣднее дѣйствіе сонаты, гдѣ сначала студентъ и дѣвица (фрекенъ) объясняются въ любви и увѣрены въ своемъ счастьи, но потомъ является на сцену ужасающая кухарка,—разумѣй символъ кухарки, которая «вывариваетъ мясо, а намъ даетъ одни волокна и воду, а бульонъ выпиваетъ сама; когда же бываетъ жаркое, то она сперва вывариваетъ сокъ, поѣдаетъ соусъ и даже (о ужасъ!) выпиваетъ подливку!» Ея злодѣйства наводятъ на влюбленныхъ такое уныніе, что они начинаютъ вспоминать другія несовершенства міра и кончается это тѣмъ, что фрекенъ зоветъ Бенгтсона (лакея) и говоритъ: «Ширмы, скорѣе. Я умираю» (мы опять не выдумываемъ: безъ ширмы герои сонаты никакъ не рѣшаются умереть). Послѣ сего студентъ опять преподаетъ «мудрость послѣд-

няго дня» изъ старой прописи: «Въ томъ, что въ жизни ты сдѣлалъ въ гнѣвѣ, кайся безъ гордыни»... И подыгрываетъ на арфѣ...

Такова эта маленькая и, право, довольно веселая шалость талантливаго скандинава. И почему бы нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Если ужъ такой ловкій старикашка позволилъ себѣ «внушить», что ему необходимо повѣситься въ гардеробномъ шкафу, то почему же нельзя внушить и читателю, что это не просто веселая шалость, а «трагическая соната», въ которой, за отсутствіемъ простого смысла, есть таинственное и важное «что-то»...

Эти двѣ вещицы—разсказъ о чудесахъ въ рѣшетѣ Альмквиста и соната Стриндберга—служатъ, повидимому, оправданіемъ для г. Балтрушайтиса въ глазахъ модернистскихъ товарищей. Оправданіемъ въ томъ, что остальные разсказы, имъ переведенные, просто художественны и не расходятся съ здравымъ смысломъ. Особенно хороши небольшіе разсказы Седерберга, дѣйствительно напоминающіе простоту и задушевность нашего Чехова.

Христофъ Зигвартъ. Логика т. I. Ученіе о сужденіи, понятіи и выводѣ. Переводъ съ 3-го посмертнаго нѣмецкаго изданія I. А. Давидова Спб. 1908, XXIII+481 стр., цѣна 2 р. 50 к.

Наша переводная литература въ области логики не блещетъ полнотой. До самаго послѣдняго времени люди, не владѣющіе иностранными языками должны были довольствоваться «Системой Логики» Дж. Ст. Милля и «Основами Науки» Джевонса: у нихъ не было переводовъ ни Зигварта, ни Вундта, ни Бозанкета, ни многихъ другихъ замѣчательныхъ работниковъ въ области логики.

Съ появленіемъ перевода логики Зигварта (черезъ 35 лѣтъ послѣ обнародованія перваго нѣмецкаго изданія) возмѣщается, конечно, самый важный изъ этихъ недочетовъ. Ибо Зигвартъ является самой крупной фигурой въ области современной логики и его вліяніе замѣтно почти на всѣхъ нѣмецкихъ логикахъ и на весьма многихъ работахъ, появившихся на другихъ языкахъ.

Зигвартъ стоитъ во главѣ цѣлой группы логиковъ, которые дали новую постановку вопросамъ, традиціонно входившимъ въ область логическаго мышленія. Одной изъ важнѣйшихъ реформъ этихъ логиковъ является новый взглядъ на природу сужденія, которое теперь разсматривается, какъ самое основное явленіе познавательнаго процесса, а не простой пріемъ соподчиненія субъекта и предиката. Эта реформа повела къ новому построенію логики и, между прочимъ, способствовала прекращенію традиціонной борьбы индукціи съ дедукціей, выяснивши общее основаніе обоихъ этихъ процессовъ.

Логика уясняетъ законы, регулирующіе познавательную дѣятельность человѣка. Но къ чему приводитъ насъ эта познавательная дѣятельность? Къ познанію предметовъ внѣ насъ лежащихъ? «Нѣтъ,—отвѣчаетъ Зигвартъ,—мы навѣки лишены возможности сравнить наше познаніе съ вещами, какъ онѣ существуютъ неза-

висимо отъ нашего познанія. Даже, въ лучшемъ случаѣ, мы рѣшительно должны удовольствоваться лишеннымъ всякихъ противорѣчій согласіемъ между тѣми мыслями, которыя предполагаютъ сущее» (стр. 7). Поэтому логика является лишь «техническимъ ученіемъ о мышленіи», стремлящемся къ тому, чтобы «придти къ такимъ положеніямъ, которыя были бы достовѣрны и общезначимы».

«Итакъ, мы безъ дальнѣйшихъ разсужденій можемъ утверждать слѣдующее: если мы не производимъ ничего, кромѣ необходимаго и общезначимаго мышленія, то сюда включается также и познаніе сущаго; и если мы мыслимъ съ познавательной цѣлью, то непосредственно мы хотимъ осуществить лишь необходимое и общезначимое мышленіе. Именно этимъ понятіемъ исчерпывается также сущность «*истины*». Когда мы говоримъ о математическихъ, фактическихъ, нравственныхъ истинахъ, то общій характеръ того, что мы называемъ истиннымъ, выражается въ томъ, что оно есть необходимо и общезначимо мыслимое» (стр. 7—8).

Если логика учитъ насъ, какъ должны мы регулировать наше мышленіе, чтобы достигнуть «необходимо и общезначимо мыслимаго», то, съ другой стороны, можетъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ мы узнаемъ, что наше исканіе увѣнчалось успѣхомъ. «Возможность установить критерій и правила необходимаго и общезначимаго прогрессированія въ мышленіи покоится на *способности различать объективно необходимое мышленіе отъ не необходимаго*, и способность эта обнаруживается въ *непосредственномъ сознаніи той очевидности*, какая сопутствуетъ необходимому мышленію. Опытъ этого сознанія и вѣра въ его надежность есть *постулатъ*, дальше котораго идти невозможно» (стр. 14).

Такимъ образомъ, чисто логическая дѣятельность ограничивается выработкой положеній, необходимость и общезначимость которыхъ для насъ очевидна. Однако Зигвартъ не ограничивается такимъ чистымъ субъективизмомъ. Онъ готовъ допустить, что явленія суть отобразы нѣкоторой реальности. Только разсмотрѣніе этого вопроса онъ передаетъ метафизикѣ.

Первый томъ логики Зигварта, появившійся теперь на русскомъ языкѣ, занятъ ученіемъ о сужденіи, понятія и выводѣ. Второй томъ посвященъ ученію о научныхъ методахъ. Это очень важная часть логики Зигварта: разработка научныхъ методовъ является одной изъ важнѣйшихъ заслугъ той новой логики, во главѣ которой стоитъ Зигвартъ.

Будемъ надѣяться, что этотъ второй томъ скоро появится.

Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси. Спб. 1907. Стр. 149. Ц. 1 руб.

Въ настоящей своей книгѣ Н. П. Сильванскій собралъ тѣ общіе выводы, къ какимъ онъ пришелъ въ результатѣ ряда спеціальныхъ

изслѣдованій, произведенныхъ имъ въ области древней русской исторіи. Всѣ эти выводы направлены къ одной основной цѣли— установленію полнаго тожества соціальныхъ и политическихъ порядковъ удѣльной Руси, съ одной стороны, и западно-европейскаго феодализма, съ другой. Съ этой точки зрѣнія Сильванскій въ своей книгѣ подвергаетъ критическому пересмотру существовавшія и существующія теоріи русской исторіи, съ этой же точки зрѣнія онъ разсматриваетъ отдѣльные институты удѣльнаго періода, приходя въ итогѣ такого разсмотрѣнія къ категорическому утвержденію, что они «даютъ полное основаніе опредѣлять нашъ удѣльный порядокъ... какъ строй одной природы, одного типа, одного рода съ порядкомъ феодальнымъ» (88). И въ критическихъ замѣчаніяхъ автора, и въ положительныхъ выводахъ, даваемыхъ имъ, читатель встрѣтитъ немало новаго и любопытнаго. Не безъ остроумія отмѣчая недостатки господствующихъ объясненій русской исторіи, Сильванскій вмѣстѣ съ тѣмъ не безъ успѣха пытается установить на многія явленія древней русской жизни новый взглядъ путемъ сближенія ихъ съ порядками западно-европейскаго феодальнаго строя. Въ удѣльной Руси Сильванскій находитъ институты иммунитета, коммендаціи и патроната, боярщину онъ сближаетъ съ сеньеріей, боярскую службу сопоставляетъ съ вассалитетомъ и, приравнивая самихъ бояръ къ вассаламъ, настаиваетъ на существованіи у нихъ, въ довершеніе аналогіи съ западными феодальными порядками, подвассаловъ въ лицѣ «дѣтей боярскихъ» и боярскихъ слугъ.

Во всѣхъ этихъ сближеніяхъ авторъ проявляетъ серьезную эрудицію и большую проницательность, и фактъ существованія большого сходства между западно-европейскимъ феодальнымъ строемъ и порядками удѣльной Руси можно считать послѣ изслѣдованій Сильванскаго твердо установленнымъ. Но такое сходство далеко еще нельзя признать полнымъ тожествомъ, такъ какъ на ряду съ нимъ можно указать и существенныя различія между феодальнымъ строемъ Запада и русскими удѣльными порядками. Одно изъ такихъ различій, въ сущности наиболѣе глубокое и важное, мимоходомъ отмѣтилъ и самъ Сильванскій. «Настаивая на тожествѣ основныхъ началъ удѣльнаго и феодальнаго строя,—говоритъ онъ— я, однако, вполнѣ признаю различія въ процессѣ ихъ образованія». «Но это—немедленно прибавляетъ онъ—два разныхъ вопроса, и различіе происхожденія не можетъ ослабить факта тожества двухъ учрежденій» (87). Придавая такое ничтожное значеніе «различію происхожденія» учрежденій, Сильванскій обосновывалъ свое мнѣніе тѣмъ аргументомъ, что это различіе носитъ чисто внѣшній характеръ. По его словамъ, хотя «историческій процессъ раздробленія верховной власти оказывается... совершенно различнымъ у насъ и на Западѣ», но оказывается онъ такимъ исключительно «по внѣшности». Различенъ лишь историческій процессъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, различны только «событія», а эволюці-

онный процессъ, скрывавшійся за этими событіями, тамъ и здѣсь совершенно одинаковъ. Въ дѣйствительности, однако, различіе между удѣльною Русью и феодальнымъ Западомъ идетъ дальше и глубже и захватываетъ не только внѣшность событій, но и самую эволюцію учрежденій. Отдѣльные институты, аналогичные феодальнымъ, возникали у насъ въ иной послѣдовательности и связи, и, благодаря этому, русскій удѣльный строй, содержа въ себѣ много чертъ и учрежденій, которыя могутъ быть подведены подъ понятіе феодализма въ широкомъ его смыслѣ, все же очень далекъ отъ того феодализма, который развился въ Западной Европѣ. И сообразно этому выясненіе отличій русскаго удѣльнаго и западнаго феодальнаго строя представляетъ не менѣе, если не болѣе, важную задачу для историка, чѣмъ выясненіе ихъ сходства.

Можно было надѣяться, что въ дальнѣйшихъ трудахъ Сильванскаго эта задача будетъ поставлена во всемъ ея объемѣ. Къ сожалѣнію, безвременная смерть даровитаго историка оборвала его работы въ самомъ ихъ разгарѣ, и вопросы, поставленные имъ передъ русской исторіографіей, должны будуть найти свое разрѣшеніе въ трудахъ другихъ изслѣдователей. Но во всякомъ случаѣ нужно пожелать, чтобы близкіе къ покойному историку люди озаботились изданіемъ тѣхъ работъ, хотя бы и не вполнѣ оконченныхъ, которыя остались послѣ него и которыя могутъ содержать въ себѣ дальнѣйшее изслѣдованіе поднятыхъ имъ вопросовъ.

Максимъ Ковалевскій. Очерки по исторіи политическихъ учрежденій Россіи. Переводъ, съ разрѣшенія автора, А. Бауматейна, подъ редакціей Е. Смирнова. Спб. 1908. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Книга г. Ковалевскаго была первоначально написана имъ на французскомъ языкѣ. Согласно задачѣ, какую поставилъ себѣ авторъ, она должна была заполнить пробѣлъ, существующій въ иностранныхъ литературахъ, и дать возможность западно-европейской публикѣ ознакомиться съ исторіей развитія русскихъ государственныхъ учрежденій. Правда, нельзя сказать, что эта задача выполнена авторомъ вполнѣ удачно. М. М. Ковалевскій не спеціалистъ въ области русской исторіи, и на его книгѣ лежитъ яркій отпечатокъ диллетантизма. Въ ней нѣтъ строгаго единства, нѣтъ выдержаннаго и послѣдовательно проведеннаго плана. Она охватываетъ слишкомъ много вопросовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о каждомъ изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности въ ней говорится слишкомъ мало для того, чтобы дать о немъ ясное представленіе. Помимо того, разнообразные вопросы русскаго прошлаго и настоящаго трактуются въ ней чрезвычайно отрывочно и безсистемно и авторъ то и дѣло заставляетъ читателя самымъ неожиданнымъ образомъ переходить отъ одной темы къ другой и отъ одного періода къ другому, часто очень отдаленному отъ перваго. Самое изложеніе фактовъ въ книгѣ г. Ковалевскаго нерѣдко основано на устарѣ-

лыхъ данныхъ и далеко не свободно отъ грубыхъ ошибокъ, которыя можно объяснить исключительно крайнею небрежностью автора. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ. По словамъ г. Ковалевскаго, финны, живущіе въ Петербургской губерніи, носятъ различныя обозначенія, изъ которыхъ «наиболѣе распространенныя тжоры-тингри и чухна» (25). Іосифа Волоцкаго, умершаго въ 1515 г., г. Ковалевскій переименовалъ въ Іосифа Волоколамскаго и заставляетъ предсѣдательствовать на духовномъ соборѣ, созванномъ Иваномъ Грознымъ въ 1551 г. (37). Царь Василій Шуйскій, если вѣрить автору, происходилъ «изъ рода князей Шорія, Рюриковой династіи» (50). Петровскія губерніи г. Ковалевскій смѣшиваетъ съ провинціями, а провинціи этой эпохи называетъ губерніями (124). Василію Мировичу, извѣстному своей попыткой освободить изъ Шлиссельбурга императора Ивана Антоновича, г. Ковалевскій даетъ имя Ѳедора Мировича и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ его въ коменданта Шлиссельбургской крѣпости, убившаго Ивана Антоновича (104). Возстаніе Пугачева г. Ковалевскій почему-то ставитъ въ непосредственную связь съ закрѣпощеніемъ крестьянъ въ Малороссіи и Новороссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что оно было подавлено Екатериной II только «съ помощью призыва на борьбу всѣхъ дворянъ возставшихъ областей, изъ которыхъ была составлена какъ бы мѣстная милиція» (106, 119). Говоря объ областныхъ учрежденіяхъ Екатерины II, авторъ утверждаетъ, что «въ наиболѣе характерныхъ чертахъ губернское и уѣздное самоуправленіе времени Екатерины II являлось аристократическимъ, чѣмъ оно и отличается отъ самоуправленія царствованія Александра I и Николая I». Правда, это нисколько не мѣшаетъ автору тутъ же прибавить, что въ названной области «только въ кратковременное правленіе Павла I можно найти попятное движеніе» по сравненію съ екатерининскимъ законодательствомъ и что уже при Александрѣ I послѣднее было вновь возстановлено въ полной силѣ (116). Говоря о правительственной реакціи и революціонномъ террорѣ времени Александра II, авторъ ставитъ ихъ въ связь, прямо обратную той, какая была между ними въ дѣйствительности (176). Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще не мало, но, пожалуй, и приведенныхъ достаточно, чтобы показать, какъ свободно подчасъ обращается г. Ковалевскій въ своей книгѣ съ фактами русской исторіи.

Черезчуръ свободная передача фактовъ нерѣдко сопровождается въ книгѣ г. Ковалевскаго не менѣе свободнымъ истолкованіемъ ихъ. Нѣкоторыя объясненія автора способны вызвать въ читателѣ, сколько-нибудь знакомомъ съ русской жизнью, глубокое изумленіе. Таково хотя бы даваемое авторомъ объясненіе значенія для Россіи всеобщей воинской повинности. По словамъ г. Ковалевскаго, эта реформа «внушила различнѣйшимъ слоямъ русскаго общества чувство дисциплины, способное оказать величайшія услуги не только въ военныхъ предпріятіяхъ, но и въ борьбѣ за гражданскую не-

зависимость», и «способствовала распространенію въ не вѣдавшихъ того ранѣе массахъ европейскихъ идеаловъ свободы, равенства передъ закономъ и общественной солидарности» (197). Въ другомъ мѣстѣ, говоря объ уничтоженіи университетской автономіи, авторъ утверждаетъ, что оно, въ числѣ прочихъ послѣдствій, повлекло за собою «фатальное возникновеніе, вмѣсто руководящаго вліянія профессоровъ, другого—анонимнаго авторитета, являющагося ничѣмъ инымъ, какъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, ограниченнымъ и пристрастнымъ» (206). И подобныхъ рискованныхъ, а порой и просто мало понятныхъ утвержденій въ «Очеркахъ» г. Ковалевскаго въ свою очередь встрѣчается не такъ ужъ мало.

Всѣ указанныя особенности книги г. Ковалевскаго дѣлаютъ ее не особенно подходящимъ руководствомъ въ дѣлѣ ознакомленія съ русской исторіей даже для мало избалованной въ этой области западно-европейской публики. Но названную книгу сочли нужнымъ еще перевести на русскій языкъ, и этотъ переводъ въ свою очередь только увеличилъ ея отрицательныя качества. Судя по оглавленію книги, надъ ея переводомъ работалъ не только переводчикъ г. Баумштейнъ, но и особый редакторъ въ лицѣ г. Е. Смирнова. Къ сожалѣнію, и тотъ, и другой имѣютъ, повидимому, одинаково слабое понятіе и о русской исторіи, и о французскомъ языкѣ, и это самымъ печальнымъ образомъ отразилось на книгѣ г. Ковалевскаго. Ни переводчикъ, ни «редакторъ» ея, очевидно, не подозрѣвали, что текстъ встрѣчающихся въ ней цитатъ изъ русскихъ источниковъ слѣдовало бы возстановить по подлинникамъ, и старательно переводили его съ французскаго, создавая такимъ путемъ самые курьезные тексты русскихъ грамотъ XVII столѣтія. На ряду съ этимъ переводъ богатъ и другого рода курьезами. Переводчикъ, напримѣръ, говоритъ о «литовскомъ царѣ Гедеминѣ» (50). Извѣстный памфлетъ XVI вѣка «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» подъ перомъ переводчика обращается въ «Переписку между святыми чудотворцами въ Валаамѣ» (51), Татищевъ получаетъ наименованіе «русскаго историка послѣдняго столѣтія» (53), Петропавловская крѣпость называется «государственной тюрьмой святыхъ апостоловъ Петра и Павла» (154). Когда-то одна изъ русскихъ газетъ вызвала большой смѣхъ, оповѣстивъ своихъ читателей, что засѣданіе французской палаты было открыто депутатомъ Дуаэнъ д'Аге (doyen d'âge). Нѣчто подобное ухитрились продѣлать переводчикъ и редакторъ книги г. Ковалевскаго, переименовавъ путешествовавшаго въ XVII вѣкѣ по Россіи съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ архидіакона Павла Алеппскаго въ Поля д'Але (82). Но и помимо подобныхъ курьезовъ, свидѣтельствующихъ о полномъ незнакомствѣ переводчика и редактора съ тѣми вопросами, которымъ посвящена переведенная ими книга, ихъ переводъ не блещетъ большими достоинствами. Языкъ перевода во всей книгѣ до-нельзя тяжелый и запутанный, а порою въ ней встрѣчаются такія мѣста, которыя при всемъ желаніи совершенно невозможно понять. И если вообще

книга г. Ковалевскаго не является особенно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для русскаго книжнаго рынка, то тотъ переводъ, въ какомъ она появилась, окончательно уничтожаетъ всякую ея цѣнность.

Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ. Литературное наслѣдіе. Томъ I. Пер. Гройсмана, подъ ред. Аксельрода, Кольцова и Рязанова, съ предисловіемъ къ русскому изданію Фр. Меринга. Книгоиздательство „Освобожденіе труда". 1908 г. 650 стр. Цѣна 2 р. 25 коп.

Первый томъ литературнаго наслѣдія Маркса и Энгельса заключаетъ въ себѣ ихъ произведенія съ марта 1841 г. по мартъ 1844 г., а именно: докторскую диссертацію Маркса «Отличіе натурфилософіи Демокрита отъ натурфилософіи Эпикура», впервые напечатанную въ этомъ изданіи; статью Маркса о цензурѣ въ сборникѣ «Изъ анекдотовъ новѣйшей нѣмецкой философіи и публицистики»; статьи Маркса въ «Рейнской газетѣ» о Рейнскомъ ландтагѣ, объ исторической школѣ юриспруденціи и др.; переписку Маркса 1843 г.; статьи его въ «Нѣмецко-французскихъ ежегодникахъ». Всѣ эти статьи сопровождаются обстоятельными введеніями и примѣчаніями Фр. Меринга, сообщающаго біографическія данныя о Марксѣ и Энгельсѣ за соотвѣтствующее время, обстоятельства, вызвавшія статью, разборъ вопроса по существу и оцѣнку разсужденій Маркса и Энгельса.

Во введеніи къ диссертаціи Маркса Мерингъ даетъ сжатую, но очень яркую картину счастливой юности Маркса, его отношеній къ невѣстѣ, его университетской жизни въ Боннѣ и Берлинѣ, его попытокъ поэтическаго творчества и той дружеской среды, въ которой онъ вращался. Оказывается, что Марксъ написалъ цѣлыхъ три тетрадки стиховъ, посвященныхъ его невѣстѣ. Мерингъ приводитъ нѣсколько болѣе удачныхъ стихотвореній, но въ общемъ признаетъ ихъ фантастическими и въ то же время тривіальными. «Это все романтическія мелодіи для арфы: пѣсня эльфовъ, пѣсня гномовъ, пѣніе сиренъ, пѣсни къ звѣздамъ, пѣсня звонаря башни, послѣдняя пѣсня пѣвца, блѣднолицая дѣвица» и т. п. (стр. 58). «Съ конца четвертаго семестра,—говоритъ Мерингъ,—Марксъ становится приверженцемъ гегелевской философіи» (стр. 60), и на этой идеалистической точкѣ зрѣнія онъ стоитъ въ своей диссертаціи. «Въ общемъ, по словамъ Меринга, въ параллели, проводимой Марксомъ между Демокритомъ и Эпикуромъ, обнаруживается, какъ сильно продолжаетъ владѣть имъ философія чистыхъ понятій, несмотря на всю его начинающуюся оппозицію къ Гегелю, и какъ онъ еще далекъ отъ естественныхъ наукъ» (стр. 99). Дѣйствительно, вотъ характерный образчикъ. «Относительнымъ существованіемъ, которое выступаетъ какъ противоположное атому бытіе, и которое атомъ долженъ отрицать, является прямая линія (?!). Непосредственное отрицаніе этого движенія (?) есть другое движеніе, т. е. только представляемое въ пространствѣ отклоненіе отъ прямой линіи» (стр. 136). Такъ укладываетъ Марксъ въ гегелевскую схему извѣстное ученіе Эпи-

кура о томъ, что атомы въ своемъ движенiи нѣсколько отклоняются отъ прямой линiи. Столь-же схоластичны другiя толкованiя Маркса, такъ что врядъ ли можно согласиться съ Мерингомъ, что диссертацiя Маркса имѣетъ научное значенiе и теперь.

Гораздо интереснѣе публицистическiя статьи Маркса, въ особенности его критика цензуры и защита свободы печати, произведшая въ то время громадное впечатлѣнiе. Мерингъ вполнѣ правъ, говоря, что «статья Маркса будетъ всегда занимать одно изъ первыхъ мѣстъ среди классическихъ апологiй свободы печати» (стр. 255). Сохраняютъ все свое значенiе и въ наше время такiе, напр., разсужденiя: «Цензура это—критика, являющаяся монополiей правительства, критика не явная, а тайная, не теоретическая, а практическая, не стоящая надъ партiями, а являющаяся сама партiей, предпочитающая острому ножу разсудка тупыя ножницы произвола; это критика, желающая лишь критиковать другихъ, но не переносящая критики себя; критика, которая отрицаетъ себя во всѣхъ своихъ проявленiяхъ, которая, наконецъ, настолько некритична, что считаетъ индивидуумъ универсальной мудростью, приказы начальства приказами разума, чернильныя пятна—солнечными пятнами, кривые росчерки цензора математическими чертежами, а побои убѣдительными аргументами. Но не теряетъ ли такая критика всякiй смыслъ?» Или: «цензура, какъ и рабство, никогда не можетъ стать закономъ, даже если она тысячу разъ существуетъ въ формѣ закона». Очень интересно также то, что тогдашнiя стремленiя Маркса не выходятъ еще за предѣлы буржуазнаго радикализма, и что въ частности къ коммунизму онъ относится совершенно отрицательно. Полемизируя съ «Аугсбургской газетой», Марксъ въ редакцiонной статьѣ «Рейнской газеты» писалъ: «Рейнская газета» не признаетъ за коммунистическими идеями въ ихъ современной формѣ даже теоретической дѣйствительности, тѣмъ меньше можетъ она считать практическое осуществленiе ихъ желательными или возможными». Марксъ даже считаетъ нужнымъ указать на то, что «не въ практическихъ попыткахъ, а въ теоретическомъ развитiи коммунистическихъ идей кроется настоящая опасность». Мерингъ замѣчаетъ, что эта статья «не принадлежитъ къ числу самыхъ побѣдоносныхъ полемическихъ статей Маркса, но она показываетъ намъ его въ яркомъ освѣщенiи на великомъ распутьи его жизни». Дѣйствительно, уже въ ближайшей статьѣ: «Пренiя по поводу закона о кражѣ лѣса», Марксъ очень близко подходитъ къ соцiалистической точкѣ зрѣнiя, спрашивая à la Прудонъ, не является ли при извѣстныхъ предпосылкахъ всякая собственность кражей. Чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе звучитъ соцiалистическая нота, хотя еще въ сентябрѣ 1843 г. въ письмѣ къ Руге Марксъ называетъ коммунизмъ «догматической абстракцiей» и говоритъ объ узости соцiализма. «Весь соцiалистическiй принципъ, по его словамъ, тоже лишь одна сторона, реальная сторона истинной человѣческой сущности», между тѣмъ какъ, по мнѣнiю Маркса, требуетъ вниманiя

«и другая сторона, теоретическое существованіе человѣка, т. е. религія, наука и т. д.» Но уже во «Введеніи къ критикѣ гегелевской философіи права» Марксъ говоритъ о миссіи пролетаріата освободить какъ себя, такъ и другія сферы общества; соотвѣтственно этому освободительная теорія пролетаріата «объявляетъ человѣка высшимъ существомъ для человѣка». Вообще Марксъ въ своихъ соціалистическихъ построеніяхъ очень близокъ здѣсь къ этической точкѣ зрѣнія. Общеизвѣстно его положеніе: «лишь во имя общихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ претендовать на всеобщее господство». Въ статьѣ «Къ еврейскому вопросу» Марксъ уже намѣчаетъ характерныя для него воззрѣнія экономическаго соціализма, совершенно пренебрегая національными элементами еврейства. «Мірское основаніе еврейства» заключается по Марксу «въ практической потребности, въ своекорыстіи», а потому «организація общества, которая уничтожила бы предпосылки купли-продажи, слѣдовательно, самую возможность купли-продажи, такая организація дѣлала бы невозможнымъ еврея».

Характерной чертой этихъ юношескихъ статей Маркса является то громадное общественное значеніе, которое онъ, въ противоположность позднѣйшимъ произведеніямъ, придавалъ сознанію и критикѣ. Вѣруя въ близость «предстоящей намъ революціи», онъ говоритъ (въ письмѣ къ Руге): «мы съ съ своей стороны должны пролить полный свѣтъ на старый міръ и указать положительныя очертанія новаго»; онъ хотѣлъ дать «неуклонную критику всего существующаго». «Оружіе критики,—говоритъ онъ,—не можетъ, конечно, замѣнить критики оружія, матеріальная сила должна быть сломлена матеріальной силой, но и теорія становится матеріальной силой, когда она овладѣваетъ массами».

Статья Энгельса «Наброски для критики національной экономіи» сама по себѣ не имѣетъ большого значенія, но интересна, какъ генезисъ позднѣйшихъ его экономическихъ и соціалистическихъ взглядовъ. Она говоритъ о безчеловѣчномъ вліяніи конкуренціи, о торговыхъ кризисахъ, о вліяніи изобрѣтеній и т. п. Энгельсъ излагаетъ здѣсь, между прочимъ, теорію концентраціи производства и владѣнія не только для промышленности, но и для земледѣлія. Онъ говоритъ также о томъ усиленіи производства, которое возможно «при разумномъ строѣ общины» и которое указано «въ сочиненіяхъ англійскихъ соціалистовъ и отчасти у Фурье». О незрѣлости тогдашнихъ экономическихъ взглядовъ Энгельса можно судить хотя бы по его туманному опредѣленію цѣнности. «Цѣнность,—говоритъ онъ, это отношеніе издержекъ производства къ полезности», при чемъ, «духовный элементъ, по его мнѣнію, безусловно необходимый элементъ производства, который займетъ свое мѣсто между издержками производства». Вторая статья Энгельса, «Положеніе Англіи», излагаетъ книгу Карлейля. Она также не имѣетъ большого значенія. Любопытно, что Энгельсъ, какъ и Марксъ, считалъ въ то время соціализмъ одностороннимъ ученіемъ.

Въ общемъ, первый томъ «Литературнаго наслѣдія» Маркса и Энгельса, «представляющій, по выраженію Меринга, ихъ развитіе до порога соціализма», очень поучителенъ въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, какимъ долгимъ и труднымъ путемъ вырабатывались ихъ взгляды. Очевидные при этомъ блужданія и недостатки Маркса должны отучить отъ догматическаго преклоненія передъ каждой буквой его твореній.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. Т-ва „Прогрессъ нашей жизни". Спб. ***Т. Ганжулевичъ.*** Записки охотника И. С. Тургенева. Съ двумя портр. И. С. Тургенева и 8 иллюстр. Ц. 75 к.

Изд Т-ва „Міръ". Москва. 1908. Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 2.—Исторія русской литературы. Подъ ред. Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. II. Вып VI и VII.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. Москва. ***Вас. Немировичъ - Данченко.*** Развѣнчанная царица. Оч. Венеціи. Изд. 4-е. 1908. Ц. 1 р, 25 к.—***Клавдія Лукашевичъ.*** Школьный праздникъ въ честь Л. Н. Толстого съ рис. и нотами. 1909. Ц. 60 к.

Изд. „Посредникъ". Москва. ***Л. Н. Толстой.*** Неужели такъ надо? Ц. 2 к.—***Его же.*** Корней Васильевъ. Разсказъ. Ц. 5 к.—***Его же.*** Молитва. Ц. 3 к. ***Его же.*** Ягоды. Разсказъ. Ц. 5 к. 1906.—***Его же.*** Замѣчательные мыслители всѣхъ временъ и народовъ. Ламенэ. Единеніе. Ц. 5 к.—***Кантъ.*** Разумъ. Ц. 5 к.—***Мадзини.*** Свобода. Ц. 5 к —***В. Чаннингъ.*** Божественная природа души. Ц. 6 к.—***Паскаль.*** Богъ. Ц. 5 к.—***Его же.*** Исповѣдь. Ц. 20 к.—***Его же.*** Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. 1909. Ц. 20 к. и 18 к.—***П. Бюриковъ.*** Л. Н. Толстой (къ 80-тилѣтн. юбилею). Краткій біогр. очеркъ. 1908. Ц. 15 к.

Книгоизд. „Современныя проблемы". Москва. 1908. ***Элленъ Кей.*** Мать и дитя. Ц. 30 к.—***А. Стриндбергъ.*** Т. III. На шхерахъ. Ц. 1 р.

Книгоизд „Новыя Силы". ***С. Бенкеръ.*** Къ вопросу о производительныхъ силахъ. Москва. Ц. 35 к.

Моск.-ое книгоизд. 1908. Б-ка иностр. писателей подъ ред. Ив. А. Бунина. ***Р. Киплингъ*** Избранные разсказы, Кн. 1. Ц. 1 р. 50 к.—***Его же.*** Кн. 2. Ц. 1 р. 50 к. Пер. и предисловіе Н. П. А.

Книгоизд. „Новая Эра". Одесса. 1908. ***В. В. Явевъ.*** Роза Ливеръ. Повѣсть. Ц. 60 к.

Изд. „Основа". Москва. 1909. ***И. Б. Бѣлоконскій.*** Разсказы. Т. III, 2 ое изд. Ц. 1 р.—***Вл. Анучинъ.*** Казнь Якова Стеблянскаго. Ц. 35 к.

Изд. „Просвѣтъ". Москва. 1908. Огни на вершинахъ. Ц. 60 к.

Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1908. ***Марсель Брауншвигъ.*** Искусство и дитя. Оч. эстетическаго воспитанія. Пер. съ фр. Е. М. Чарнолуской. Ц. 1 р. — ***В. И. Чарнолускій.*** Справочникъ по устройству собраній, лекцій, чтеній, обществъ, союзовъ, курсовъ и классовъ для взрослыхъ, библіотекъ, музеевъ и кн. складовъ. Ц 25 к.—***Его же*** Спутникъ народнаго учителя и дѣятеля народнаго образованія. Ц. 85 к.

Библіотека „Свободнаго воспитанія. и образованія и защиты дѣтей". Подъ ред. И. Горбунова Посадова. Вып. 21. Докторъ ***М. Океръ-Бломъ.*** Что разсказывалъ дядя докторъ мальчику-племяннику Пер. съ фр. Е. И. Попова. Ц. 15 к.—***Ж. Эльсландеръ.*** Новая

школа. Пер. съ фр. Э. Юргенсъ. Ц. 30 к. Москва. 1908.

Яковъ Розеноеръ. На каторгѣ... Якутскъ. Ц. 15 к.

В. Д. Ахшарумова. Стихотворенія· Полтава. 1908. Ц. 75 к.

Л. Островеръ. Жертвы любви. Плоцкъ. 1909. Ц. 25 к.

М. Сасинъ. Оренбургъ. 1908. Дѣвушка въ бѣломъ. Ц. 7 к.—***Его же.*** I. На зарѣ. Драма. II. Стихи. Ц. 15 к.

Габріэле д'Аннунціо. Франческа да Рамини. Трагедія въ 5 д. Пер. В. Брюсова и Вячеслава Иванова. Спб. Кн-во „Пантеонъ". 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Разсказъ крестьянина Г. П. Трохина. Среди баши-бузуковъ. Москва. 1909. Ц. 12 к.

Юрій Володовъ. Побѣда. Изъ записокъ пом. прис. повѣреннаго. Повѣсть. Либава. 1908. Ц. 75 к.

В. В. По пути впередъ. Очеркъ. Ставропольск. губ. 1908.

А. Шемигуринъ. Стихи В. Брюсова и русскій языкъ. М. 1908.

Ив. Смирновъ. Заступники народные. И. С. Тургеневъ. Н. А. Некрасовъ. Москва. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Эрнестъ Кросби. Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель. Пер. съ англ. Изд. второе. М. Ц. 40 к.

И. Тенеромо. Живыя рѣчи. Л. Н. Толстого. 1885—1908 г. Одесса. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Пекаторосъ. Современныя идеи и настроенія. Діалоги искреннихъ людей. Одесса. 1908. Ц. 50 к.

А. И. Елистратовъ. Проблемы общественнаго обезпеченія дѣтства. Казань. 1908. Ц. 15 к.

А. С. Гольденвейзеръ. Преступленіе—какъ наказаніе, а наказаніе — какъ преступленіе. Этюды, лекціи и рѣчи на уголовныя темы. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

П. И. Астровъ. А. М. Жемчужниковъ. Сергіевъ посадъ. 1908.

Ал. Пиленко, прив.-доц. Спб. ун-та. Русскіе парламентскіе прецеденты. Вып. второй, Спб. 1908. Ц. 70 к.

М. Л—ръ. Ультраиндивидуализмъ и романъ. „Санинъ". Екатеринославъ. 1908.

С. Г. Сомовъ. Физіологическія основы общественной психологіи. Саратовъ. 1907. Ц. 20 к.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ сибирячки— 2 р. 50 к.; отъ Н. М. Г. 14-й взносъ 10 р.

Итого . . . . 12 р. 50 к.

Въ пользу безработныхъ: отъ сибирячки— 2 р. 50 к.; черезъ М. П. % отчисленіе—56 р.

Итого . . . . 58 р. 50 к.

Въ пользу семей членовъ 1-й Госуд. Думы: отъ Е. Р.—5 р.

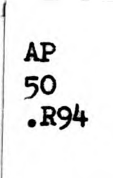
Въ фондъ имени Л. Н. Толстого: отъ в-ча Чудакова, изъ Златоуста—6 р.

На музей имени Л. Н. Толстого: отъ А. Черемшанской—5 р.

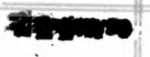
А всего съ прежде поступившими . . . . . 8 р.

Редакторъ-издатель ***Вл. Короленко.***

[10-]

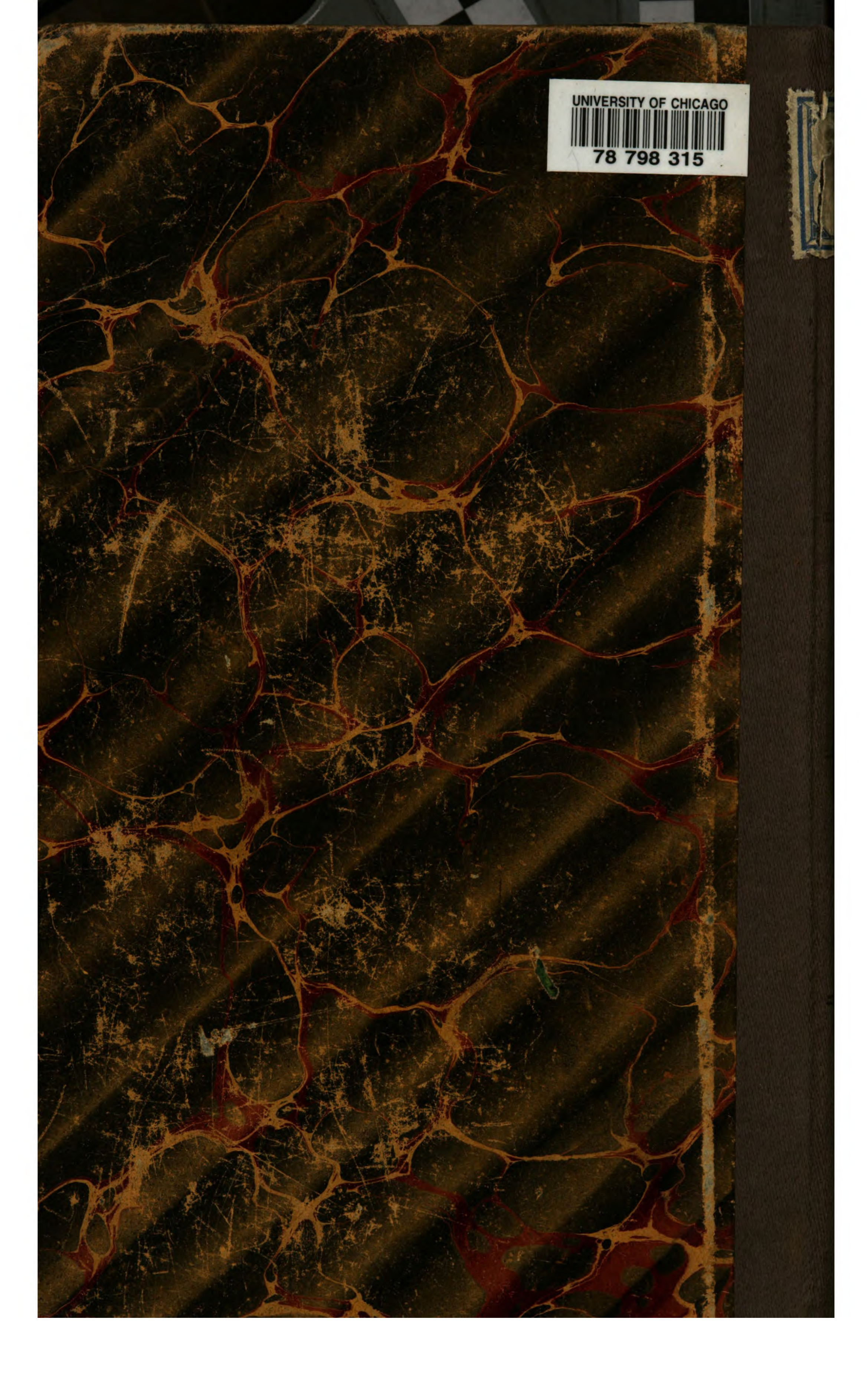


RUSSKOE BOGATSTVO
Oct., 1908



[redacted]

Russkoe bogatstvo.
Oct., 1908


UNIVERSITY OF CHICAGO
78 798 315